

Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах 2014 том 1

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ ДОКЛАД 2014
СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА
том 1

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов
Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем

Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году

Ежегодный доклад

Том 1

Издание второе, исправленное и дополненное

Под редакцией
Валерия Тишкова и Валерия Степанова

Москва 2016

УДК 394.014 316.48
ББК 74.005.2
Э913

Доклад подготовлен и публикуется при финансовом участии Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем в рамках госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации и на средства Российского научного фонда (грант 15-18-00099 «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт»)

Э913 Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В 2-х томах. Издание второе, исправленное и дополненное / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – 765 с. (т.1 - 370 с.)

ISBN 978-5-4211-0172-7

В докладе Сети этнологического мониторинга представлены результаты изучения этнополитической ситуации в российских регионах и государствах ближнего зарубежья. Аналитический обзор основных тенденций дается по системе индикаторов общественно-политического развития и состояния межэтнических отношений. Рассмотрены важнейшие проблемы этнической политики в условиях новых международных и внутригосударственных вызовов: этногрупповые и религиозные конфликты и их преодоление, общественный потенциал миротворчества, модели интеграционной политики, проблемы миграции, меньшинств, этнодемография, научные и правовые дефиниции управления этнокультурным разнообразием.

Для специалистов в области межнациональных отношений.

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016

© Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), 2016

ISBN 978-5-4211-0172-7

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 1.

От директора Сети. Главные итоги мониторинга и не только <i>(В.А. Тишков)</i>	8
Часть первая. МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
Мировой опыт полиэтничности и Россия <i>(Тишков В.А.)</i>	14
О проблеме мониторинга угроз конфликтов в сфере межнациональных отношений в Российской Федерации <i>(Степанов В.В.)</i>	20
Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений <i>(Ярлыкапов А.А.)</i>	27
Роль христианско-мусульманского диалога в развитии этнической, религиозной и гражданской идентичности народов Северного Кавказа <i>(Бабич И.Л.)</i>	33
Ислам и мусульмане – опыт межкультурной коммуникации в Самарском регионе <i>(Мухаметшина Н.С.)</i>	44
О дискурсе “исламского терроризма” в Татарстане <i>(Сагитова Л. В.)</i>	49
Исламское государство – новая угроза в центрально-азиатском регионе <i>(Хопёрская Л.Л.)</i>	56
Выборы ректора вуза и межнациональные отношения <i>(Кальмина Л.В.)</i>	60
Межэтнические отношения в Приморском крае <i>(Ермак Г.Г.)</i>	64
Таёжная Ратта: проблемы межэтнических отношений <i>(Квашин Ю.Н.)</i>	71
Часть вторая. УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ	
Идентификация и идентичность в социальных науках <i>(Соколовский С.В.)</i>	75
Национально-культурная автономия: два десятилетия российского эксперимента <i>(Филиппова Е.И.)</i>	83
Единство или конфликт? Трения между татарскими активистами Москвы <i>(Франсуаза Досэ)</i>	86
Мониторинг этнических отношений в сфере образования <i>(Подлесных О.Н.)</i>	91
Этнокультурное образование в России <i>(Смирнова Т.Б.)</i>	95
Этнокультурная политика в Ямало-Ненецком автономном округе: аргументы «за» и «против» традиционализма <i>(Пивнева Е.А.)</i>	100
Нерешенные проблемы государственной национальной политики в региональном ракурсе <i>(Шабает Ю.П.)</i>	112
Межэтнические отношения в Карачаево-Черкесии как объект управления <i>(Щербина Е.А.)</i>	130
Публичность идентичности этнических меньшинств в Латвии: мнения экспертов <i>(Волков В.В.)</i>	135
Сложные этнические и языковые идентичности: проблемы измерения <i>(Бойко И.И., Харитонова В.Г.)</i>	140
Этнокультурные стратегии белорусской молодежи как фактор формирования этнической и национальной идентичности <i>(Гурко А.В.)</i>	146
Охрана здоровья в Эстонии: этнический аспект <i>(Полецук В.В.)</i>	151

Часть третья. КРЫМСКИЙ ВЕКТОР ЭТНОПОЛИТИКИ	
Анализ социально-политических процессов в Крыму (<i>Сенюшкина Т.А.</i>)	157
О деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым (<i>Смирнов З.Р.</i>)	167
О деятельности отдела по делам национальностей, связям с общественными и религиозными объединениями Департамента внутренней политики Правительства Севастополя (<i>Рябых В.Н.</i>)	171
Роль общественных организаций в системе межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму в условиях переходного периода (<i>Гросфельд Е.В.</i>)	175
Крымскотатарская тема и манипулирование общественным мнением (<i>Киселева Н.В.</i>)	179
Антикрымская деятельность организации «курултай-меджлис» в условиях переходного периода (<i>Харабуга В.В.</i>)	187
Этнокультурные ориентиры и политические установки в Российском Крыму (<i>Филатов А.С.</i>)	194
Первые итоги переписи населения в Крымском федеральном округе (<i>Зорин В.Ю., Степанов В.В.</i>)	199
Национальная политика в Крыму: крымскотатарский дискурс (<i>Старченко Р.А.</i>)	214
Греки в Крыму: проблемы культурного и социального развития (<i>Мартынова М.Ю.</i>)	209
Учет этнических групп в Крыму и преодоление синдрома «коренных и некоренных» (<i>Зорин В.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А.</i>)	218
Языковые и этнополитические ориентации крымчан в 2013 и 2014 годы (<i>Старченко Р.А.</i>)	222
Часть четвертая. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТОВ	
Муниципальная власть и предупреждение этнических конфликтов – опыт Самарской области (<i>Мухаметшина Н.С.</i>)	229
Местное самоуправление в Ингушетии (<i>Силаев Н.Ю.</i>)	231
Местное управление в государствах Центральной Азии (<i>Хопёрская Л.Л.</i>)	242
НКО в практике интеграции разнородных сообществ и предупреждения конфликтов (<i>Каменищikov А.А., Савин И.С.</i>)	253
Молодежная политика как средство профилактики конфликтов на Северном Кавказе (<i>Иванова С.Ю.</i>)	266
О деятельности властей по снижению межэтнической напряженности в Ставропольском крае (<i>Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Иванова С.Ю.</i>)	270
Часть пятая. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИСТОРИИ И СМИ	
Альтернативная история на службе ксенофобской пропаганды: приемы и цели (<i>Шнирельман А.В.</i>)	277
Этнополитическая повестка дня в современной российской прессе (<i>Малькова В.К.</i>)	289
Образ врага в «русском сознании» (<i>Буганов А.В.</i>)	296
Немцы в России - русские в Германии (<i>Альфред Айсфельд</i>)	300
Башкортостан: новые страсти вокруг учебника истории (<i>Габдрафиков И.М., Кучумов И.В.</i>)	305

Часть шестая. МОНИТОРИНГ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	
Китайские арендаторы и Россия (<i>Степанов В.В.</i>)	311
Взгляд из Бурятии на проблему китайской сельхоз аренды (<i>Кальмина Л.В.</i>)	327
Еврейская АО: китайский фактор трудовой занятости (<i>Титова Е.В.</i>)	327
Китайская аренда земель в Приморье: «за» и «против» (<i>Винокурова А.В.</i>)	330
Общественное мнение об интеграции мигрантов в Костроме (<i>Белова Н.А.</i>)	332
Миграция в российских регионах: культурный риск или вымысел? (<i>Кульбачевская О.В.</i>)	337
Модель этнокультурной и миграционной политики Саратовской области (<i>Барышина Н.А.</i>)	342
Мигранты и «этнопреступность» в общественном сознании жителей Саратова (<i>Лиценбергер О.А.</i>)	347
Чечня: миграционные тенденции в постконфликтный период (<i>Юсупов М.М.</i>)	352
Украинские беженцы в Пермском крае (<i>Черных А.В., Каменских М.С.</i>)	355
Миграции и межнациональные отношения в Хабаровском крае (<i>Мотрич Е.Л.</i>)	359
Белорусские СМИ о переселенцах из Средней Азии: отражение опыта социальной адаптации и формирование стереотипов (<i>Шейбак В.В.</i>)	365

ТОМ 2.

МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Рейтинг конфликтности государств и регионов по данным Сети этнологического мониторинга за 2014 год (<i>Степанов В.В.</i>)	371
---	-----

Российская Федерация

Северо-Западный федеральный округ

Республика Коми (<i>Ю.П. Шабает</i>)	375
--	-----

Приволжский федеральный округ

Республика Башкортостан (<i>Габдрафиков И.М.</i>)	384
Республика Марий Эл (<i>Орлова О.В.</i>)	392
Республика Мордовия (<i>Мартыненко А.В.</i>)	403
Нижегородская область (<i>Симонов И.В.</i>)	418
Оренбургская область (<i>Амелин В.В.</i>)	419
Пермский край (<i>Черных А.В.</i>)	431
Самарская область (<i>Мухаметшина Н.С.</i>)	437
Саратовская область (<i>Мокин К.С.</i>)	451
Республика Татарстан (<i>Беляков Р.Ю.</i>)	460
Удмуртская Республика (<i>Воронцов В.С., Семенов Ю.В.</i>)	465
Ульяновская область (<i>Баранникова А.Б., Завгороднева М.Ю., Кобзев А.В., Лукичева Л.Ю., Прокопенко С.А.</i>)	477
Чувашская Республика (<i>Бойко И.И., Харитонова В.Г.</i>)	503

Южный и Северо-Кавказский федеральные округа

Республика Адыгея (<i>Цветков О.М.</i>)	515
Волгоградская область (<i>Голунов С.В.</i>)	520
Республика Дагестан (<i>Адиев А.З.</i>)	534
Республика Ингушетия (<i>Чабиева Т.С.</i>)	548
Республика Калмыкия (<i>Волгин В.Л.</i>)	557

Кабардино-Балкарская Республика (Азикова Ю.М., Аккиева С.И., Боров А.Х., Муратова Е.Г.)	564
Карачаево-Черкесская Республика (Щербина Е.А.)	582
Краснодарский край (Кочергин А.А.)	602
Ростовская область (Денисова Г.С.)	616
Ставропольский край (Аствацатурова М.А.)	626
Чеченская Республика (Юсуфов М.М.)	635
<u>Уральский федеральный округ</u>	
Тюменская область (Клюева В.П.)	643
<u>Сибирский федеральный округ</u>	
Республика Алтай (Тюхтенева С.П.)	651
Республика Бурятия (Кальмина Л.В.)	656
Омская область (Смирнова Т.Б.)	664
Томская область (Нам И.В.)	671
Республика Тыва (Кан В.С.)	679
<u>Дальневосточный федеральный округ</u>	
Приморский край (Ермак Г.Г.)	683
Хабаровский край (Мотрич Е.Л.)	692
Армения (Петросян Д.А.)	704
Казахстан (Савин И.С.)	716
Латвия. Этнические меньшинства в латвийском политическом дискурсе (Волков В.В.)	725
Узбекистан (Назаров Р.Р., Алиева В.Р.)	733
Эстония (Полещук В.В.)	744
Южная Осетия. Парламентские выборы во имя воссоединения (Дзугаев К.Г.)	754

О СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов существует с 1993 г.

Статус: Региональная общественная организация "Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов". Общественная научная организация выполняет прикладные исследования и обобщает экспертную информацию, которая может

быть полезна органам государственной власти РФ для целей совершенствования этнической политики, регулирования этнических и религиозных отношений, предупреждения конфликтов. Эксперты Сети являются сотрудниками академических учреждений и вузов, работают в регионах Российской Федерации, а также в других постсоветских государствах.

Российская Федерация

Алтайский край
Адыгея
Башкирия
Бурятия
Волгоградская область
Дагестан
Ингушетия
Кабардино-Балкария
Карачаево-Черкесия
Калмыкия
Карелия
Коми
Краснодарский край
Марий Эл
Мордовия
Омская область
Оренбургская область
Пермский край
Приморский край
Республика Алтай
Ростовская область
Ставропольский край
Татарстан
Томская область
Тюменская область
Тыва
Удмуртия
Хабаровский край
Чечня
Чувашия
Якутия

Другие государства

Армения
Белоруссия
Казахстан
Киргизстан
Латвия
Таджикистан
Узбекистан
Украина
Эстония
Южная Осетия

Организацией "Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов" руководит академик РАН В.А. Тишков, научный руководитель Института этнологии и антропологии Российской академии наук

Доклад формируется на основе аналитических материалов экспертов и приглашенных авторов. Задача доклада – анализ событий и тенденций в сфере этнических отношений и урегулирования конфликтов. Доклад распространяется по адресной рассылке.

Материалы доклада отражают личные оценки авторов.

Главные итоги мониторинга и не только

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕА-WARN) представляет очередной доклад о состоянии межэтнических отношений в Российской Федерации и сопредельных государствах. Как всегда, мы мониторим ситуацию примерно в половине регионов России и опираемся на собственных экспертов в этих регионах. В 2014 г. были выполнены также специальные прикладные исследования совместно с Распределенным научным центром межнациональных и межконфессиональных проблем (РНЦ)¹, а также завершается большое исследование о восприятии населением России мигрантов. Фактически Сеть и РНЦ стали единым целым в части охвата трех федеральных округов – СКФО, ЮФО и ПФО, а с 2015 г. к ним присоединился Крымский федеральный округ (КФО). К слову, наш мониторинг в Крыму проводился на протяжении всей истории нашей Сети с 1993 г.

Содержательные итоги были подведены на XX ежегодном семинаре Сети весной 2015 г. в Ялте, а вот подготовка ежегодного доклада в его книжной форме большого формата заняла гораздо больше времени. Доклад был представлен на внеочередном XXI семинаре, который состоялся 1-4 октября в г. Лимасол (Кипр). Именно на том средиземноморском острове в далеком 1995 году Сеть начала разработку собственного исследовательского инструментария, обсудила и одобрила подготовленную мною модель этно-

логического мониторинга, по которой мы и работали все эти 20 лет, беря за основу 7 категорий и 46 индикаторов в качестве ориентира для научного анализа и описания наблюдаемых ситуаций в регионах России и сопредельных государствах.

Со временем модель претерпела серьезные изменения, над ее аналитическим аппаратом основательно поработал В.В. Степанов (ИЭА РАН), и многие эксперты Сети вносили свои коррективы, особенно по части профессиональной и миграционной проблематики – эти темы меняли свою актуальность на протяжении 1990-х и 2000-х годов.

Сегодня, когда о модели широко известно, и она имеет немало подражателей в т.ч. и на государственном уровне, наш подход уже не выглядит столь интригующим. Но в формулировке Указа Президента РФ о присуждении мне Государственной премии в 2015 г. среди заслуг значится: за разработку модели этнологического мониторинга и предупреждения этнополитических конфликтов – и это большая победа всего коллектива Сети этнологического мониторинга, а также многих коллег, которые поддерживали мониторинг и пользовались его результатами.

Постоянными получателями результатов наших исследований все эти годы были Государственная Дума и Совет Федерации РФ, Аппарат Президента РФ, Совет Безопасности РФ, различные министерства и ведомства и конечно – органы государственной власти тех субъектов Российской Федерации, в которых мы проводим мониторинг.

Этнологический мониторинг в такой независимой форме нередко сопряжен с трудностями. Деятельность нашей общественной организации с опорой на Институт этнологии и антропологии РАН в свое время вызывала недовольство определенных лиц и структур. Некоторые участники нашего важного проекта даже подвергались, на наш взгляд, необоснованным правовым преследованиям. Наш эксперт И.М. Габдрафиков из Уфы получил в

¹ В соответствии с поручением Президента Российской Федерации (№ 3230 от 4 апреля 2012 г.) на базе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН совместно с Министерством образования и науки России при сотрудничестве с Сетью Этнологического мониторинга создан Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ), целью которого является проведение этнологического мониторинга и исследований прикладного значения, которые могут содействовать более эффективной работе органов государственной власти и управления, предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов.

2012 г. два года лишения свободы условно «за разжигание межнациональной вражды» (ч. 2 статьи 282 УК РФ), а по сути – за последовательно критичную оценку состояния межнациональных отношений в Республике Башкортостан при прежнем президенте М. Рахимове. Касалась эта критика главным образом дискриминационной политики в отношении русского языка и некоторых других очевидных проблем. Сейчас ситуация в республике во многом исправлена, хотя приговор Ленинского районного суда г. Уфы не отменен. С этим трудно смириться и мне лично, ибо в самом тексте приговора были повторены измышления националистически настроенных экспертов из Института гуманитарных исследований Академии наук РБ о том, что В.А. Тишков лично является идейным вдохновителем осужденных уфимских экстремистов, среди которых были и два научных сотрудника Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН: И.М. Гадбрафиков (член Сети этнологического мониторинга с момента ее создания), а также И.В. Кучумов, талантливый молодой ученый, подготовивший уже два уникальных переводных издания по истории Российской империи и населяющих ее народов.

Почему я привел этот пример из перечня противников общероссийского независимого мониторинга межнациональных отношений? Потому что он смыкается с крайней позицией некоторых шовинистически настроенных экспертов и политиков, которые вообще готовы упразднить республику, и никакого позитива, а тем более взаимного диалога и полезного исторического союза представителей разных российских народов они не видят. Объективный и уважительный анализ без натравливания федеральных спецслужб или правоохранителей на местные власти и организации ими зачастую отвергается, а тем более отвергается прямое сотрудничество с местными экспертами. К сожалению, что-то похожее прозвучало и от профильной комиссии по межнациональным отношениям Общественной палаты РФ.

С этих же примерно исходных позиций в 2014 г. начиналась подготовка новой системы государственного мониторинга межнациональных отношений уже

от имени профильного ведомства – тогда это был Минрегион России, а сейчас ФАДН. Если эта линия откровенно консервативной направленности возьмет верх, тогда ни о какой эффективной системе мониторинга речи быть не может. Это будет раздражающая региональные и местные сообщества система доносительства, накопления недоверия и карательного воздействия, что сфере межэтнических и конфессиональных проблем категорически противопоказано. Здесь нужны большая степень открытости, компетентного обсуждения и совместного поиска в принятии и реализации решений. Обсуждение проблемы государственного мониторинга в полузакрытом режиме на Форуме в г. Перми (осень 2015 г.) ситуацию не прояснило. Результаты по новым пилотным регионам и время покажут обоснованность этой инициативы со стороны новой государственной организации.

Вопросы этнокультурного развития и межэтнических отношений в 2014 и первой половине 2015 гг. не были на самой передовой линии общественной ситуации и государственной политики в России. Кризис на Украине, международные санкции против нашей страны, антироссийская кампания в мировых СМИ, включая прямую информационную атаку на президента В.В. Путина, сложная экономическая ситуация вполне естественно отодвинули на второй план эту сферу нашей повседневной жизни и политики. В России произошла явная консолидация населения вокруг как личности и политики самого президента, так и по поводу ущемленного коллективного достоинства российского народа. Прямым оскорблением национальной гордости россиян были попытки подвергнуть сомнению Великую Победу 1945 года, а тем более – приравнять в ряде моментов советскую политику и Красную Армию к политике гитлеровской Германии и к действиям Вермахта. 9 мая 1945 года стало одним из опорных моментов российской национальной идентичности, несмотря на все сложности военных событий и не всегда однозначное поведение отдельных людей и даже групп. Это было время экзистенциального выбора между жизнью и смертью населения большой страны, пережившей тяжелые испытания гражданской войны, во многом

насильственной модернизации, репрессий, существенного изменения границ накануне войны, массовых перемещений населения и прочего. При всем при этом многонациональный советский народ проявил солидарность с властью, патриотизм по отношению к своей стране – СССР и массовый героизм в ходе самой жестокой войны².

Одним из факторов победы было ощущение советскими людьми страха за сам факт существования государства, включая федеративную многонациональность, и за собственную жизнь – угроза, которая исходила от гитлеровских планов. Этот исторический урок имеет значение. Сегодня в России люди самых разных национальностей и выходцы из разных регионов воспринимают попытки наказать нашу страну и ее народ за отстаивание собственных национальных интересов, за защиту и поддержку русского (русскоязычного) населения в соседних странах как проявление несправедливости и двойных стандартов. Венгры, эстонцы, финны защищают своих этнических соплеменников за пределами собственных государств и не только их, но и представителей мифического «финно-угорского мира». Болгария защищает от дискриминации болгар в Турции, Польша – поляков в Литве и Украине, Венгрия – этнических венгров в Румынии, Словакии, Украине, Индия – тамилы в Шри-Ланке и т.д. по всему миру, а России в этом праве решительно отказывают под явно надуманным предлогом реставрации «советской империи». Это неправильно, и здесь позиция России является справедливой и в русле международных норм.

В текущем докладе мы не стали обсуждать военно-политический / геополитический переворот на Украине. Для соответствующего анализа необходимо больше информации. Но следует сказать, что в связи с украинским кризисом проявился ряд опасных и неприемлемых моментов, которые негативно сказываются на отношениях между людьми разных национальностей в самой России. При нынеш-

них средствах медийного воздействия и всеобщей коммуникации людей не только через телевидение и газеты, произошло чрезвычайно быстрое конструирование образа врага сначала в лице украинских бандеровцев, ультра-националистов, а затем – уже «фашистов», «уков» и т.п. Эта ненависть имеет ответный характер на украинскую русофобию, но россиянам, включая два миллиона российских украинцев и не меньше лиц смешанного происхождения или кровно связанных с Украиной, от этого совсем не легче. Исторический опыт Великой Отечественной говорит о том, что чувство ненависти к фашистам и гитлеровцам довольно быстро перешло на такие объекты, как «фрицы» и просто «немцы», которых И. Эренбург назвал «единой колоссальной шайкой» (газета «Правда», 15 апреля 1945 г.). Напоминая тогдашнее высказывание И.В. Сталина «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», полезно также помнить и сегодня, что Порошенки приходят и уходят, а украинский народ остается.

По всем параметрам конфликтологии, мы имеем, по крайней мере, внутри самой Украины украинско-русский этнический конфликт, причем «на основе» довольно малых культурных различий. Как показывает опыт других регионов мира, такой конфликт может проявляться в самых жестоких формах, особенно если у него имеются внешние спонсоры.

На Украине проявилась еще одна растущая во всем мире опасность – это радикальный и воинствующий этнический национализм, но исполняемый от имени целого государства и во имя государственного суверенитета. В современной Украине (еще с момента принятия ее Конституции) именно этнические украинцы составляют нацию, которая «владеет государственностью и никто более». В реальности это не так, о чем говорит хотя бы состав украинского правительства. Но идеологически и политически это именно так. Украинский этнонационализм мобилизует необходимое большинство своих ярых сторонников из рядов этнического большинства населения и не позволяет решать вопросы федерализации и официального двуязычия, не говоря уже о решении вопросов малых этнокультурных

---

² См.: В.А. Тишков. Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 242. – М., 2015.

групп на западе Украины. Этот же самый вариант национализма от имени русского большинства исповедуют ультра-националисты и в России, из которых наиболее безбашенные оказываются среди вояк «правого сектора» или его симпатизантов.

Украинский кризис оказал двойственное влияние на ситуацию с национализмом в России. Национализм российских этнических меньшинств во многом перешел на общероссийские патриотические позиции, хотя далеко не сдал своих позиций в некоторых регионах. Национализм шовинистического толка проделал примерно такую же эволюцию в сторону поддержки русского населения Украины, но крайности остались и здесь – вплоть до контактов с самыми одиозными украинскими неонацистами и бандеровцами. В любом случае, мы далеки от мысли и намерения реабилитировать национализм, а тем более предложить его в качестве основы государственного курса, как это сделал недавно Г.Х. Попов (в газете «МК», сентябрь 2015 г.).

Говорят, один из вариантов национализма, а именно, государственный (или общегражданский) национализм может приносить позитивные результаты. Но и он не носит конструктивный, а, как минимум, изоляционистский характер (как в Китае или Японии в течение долгого времени), он может обретать мессианский (как в США) и даже агрессивно-экспансионистский (как в нацистской Германии) характер. Про пролитые кровь и слезы вокруг попыток реализовать идеи этнического национализма даже не хочется упоминать³. Таким образом, мы видим два фундаментальных урока украинского кризиса – это недопущение конструирования образа врага из культурно близкого и соседнего народа и это строгое напоминание об ограниченности и угрозах, которые несет в себе национализм любого толка.

Еще одной главной темой 2014 и 2015 гг. была тема воссоединения Крыма с Россией. Все наши многолетние замеры

ситуации в этом регионе свидетельствовали о том, что Украина задавила политическую активность крымчан, выступавших за автономию в начале 1990-х гг., ликвидировав саму автономию не без помощи верхушки крымскотатарского национального движения. К этому добавилась политика украинизации населения в культурно-языковом отношении, что было малоэффективно из-за фактически высокого статуса русского языка на полуострове. Как выяснил наш мониторинг 2014 г. и итоги переписи населения в Крыму, русский язык является основным языком знания и общения (т.е. родным языком) не только для русского, но и для большинства украинского и части крымскотатарского населения Крыма⁴. Наш мониторинг выявлял также глубокое недовольство крымских татар противодействием киевских властей решить вопрос о наделении жителей участками земли, а также дать разрешение на строительство соборной мечети в Симферополе. Ныне, в российском Крыму эти вопросы решаются.

Киевский Майдан, госпереворот и насилие со стороны украинских ультрас обещали русскому населению Крыма большие проблемы. Это был вопрос будущего: останется ли Крым русским по языку и культуре или новая власть на Украине завершит до сих пор неудачную украинизацию. Автономии и двуязычия в повестке этой власти решительно не было. По законам конфликтологии, здесь должен был сработать принцип “voice or exit”: если нет представительства в системе, тогда из нее нужно выходить! Что и было сделано в ходе референдума при полной свободе волеизъявления и при неоспоримом преимуществе варианта выхода из состава Украины. Выполненный Сетью и РНЦ анализ референдума на основе полевых наблюдений и последующее обсуждение вопроса на семинаре в Ялте показали полную адекватность результата настроениям населения Кры-

---

³ См.: Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007; Этничность и религия в современных конфликтах /Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. - М.: Наука, 2012.

---

⁴ Зорин В.Ю., Степанов В.В. Первые итоги переписи населения в Крымском федеральном округе //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – Москва-Симферополь: «Антиква», 2015.

ма. В любом референдуме этот вопрос является главным, а уже потом – сроки, нормы, формулировка и т.д.

Институт этнологии и антропологии РАН выполнил фундаментальные разработки для Росстата, оказал содействие проведению переписи населения Крыма осенью 2014 г. и анализу ее итогов⁵. Отметим в этой связи только два важных обстоятельства для этнодемографической ситуации и всей системы межэтнических отношений в России. С приходом крымчан в состав России, прирост русского населения почти на 2 млн человек восстановил долю русского населения в общем составе населения России (82,6%), забив тем самым клин в рассуждения насчет «замещения» в России русских другими национальностями. Во-вторых, перепись показала, что в постсоветских государствах после 1991 г., в частности, на Украине и в Крыму, имел место не только отток русского населения в результате его переселения в Россию, но и занижение численности наличного русского населения в результате давления и переписных манипуляций. Нужно учесть и намеренную со стороны населения смену национальности в пользу «титальной», в частности, украинской, если это позволял сложный этнокультурный «бэкграунд» человека.

Что касается российских дел, то здесь отметим несколько важных тенденций и выскажем ряд предложений. Первое, это оценка деятельности Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации и вопрос о реализации Стратегии государственной национальной политики, принятой в декабре 2012 года. Именно Совет был основным инструментом выработки столь важного документа, и этот документ был позитивно воспринят страной как наиболее адекватная для современных условий формула национального развития и сохранения этнокультурного разнообразия. Мы шли к этой формуле более 20 лет, накапливая практический опыт и концептуальное понимание того, что представляет из себя современная многоэтническая Россия и как она должна развиваться. Маргинальные варианты критики прежней Концепции государственной националь-

ной политики (1996 г.), попытки сочинить что-то альтернативное – ничем не кончились. Идея многоэтнической гражданской нации в лице российского народа одержала верх и разные ментальные уловки в виде «отдельной цивилизации» вместо нации-государства уже сошли в прошлое. Впрочем, сумбур в головах некоторых экспертов и политиков еще остается, и нужна большая разъяснительная работа и конкретные мероприятия по реализации принятой Стратегии. ФАДН в сотрудничестве с другими ведомствами разработал обширный план по реализации Стратегии. Его исполнение при должном финансировании даст положительный результат. Ибо в целом мы оцениваем динамику в области межнациональных отношений в Российской Федерации за 2014 г. как позитивную.

Второй вопрос связан с реакцией на кризис с мигрантами в Европе. Реально он России пока не коснулся, кроме 400-500 сирийских черкесов (адыгов), переселившихся из Сирии еще в самом начале военных действий. Судя по всему, этот кризис не затронет Россию, ибо мигранты из северной Африки и Ближнего Востока желают перебраться не куда-либо вообще, а именно в богатые страны Европейского сообщества. Но Россия почти одновременно переживала масштабный приток беженцев и переселенцев из восточных районов Украины. Оценки здесь колебались от полумиллиона до миллиона человек. Это не меньше, чем нынешний наплыв в Европе. Российские регионы справились с приемом беженцев, но здесь есть несколько уроков на будущее.

Первое. Прибытие в Россию русско-украинского населения, городского, образованного, культурно адаптированного, вызвало не меньше проблем, чем мигранты из Средней Азии. Это были реальные конкуренты на рынке труда, а также более требовательные по своим социальным запросам жители. В случае получения гражданства и обустройства на постоянное жительство эта категория переселенцев могла бы принести очень большую пользу России, особенно регионам с развивающейся экономикой и с нехваткой рабочих рук. Но получение гражданства и тем более – жилья оказалось непреодолимой задачей для жителей Донбасса.

---

⁵ Зорин В.Ю., Степанов В.В. Первые итоги...

Многие оставили там жилье и другую собственность, родственные связи и работу. Фактически мало кто из них решил остаться в России на постоянное жительство. В этом большое отличие от европейской ситуации. Однако нами был зафиксирован подъем антииммигрантских настроений именно в отношении жителей Донбасса и соответственно снижение аналогичных настроений в отношении среднеазиатов (которые «ни на что не претендуют, обработают свое и уедут»). Впрочем, масштабы неприятия не были значительными.

Второе. Остается большая геополитическая дилемма, о которой мы писали еще в 1990-е годы. Что лучше для России: стимулирование переселения в Россию этнических русских из восточных районов Украины и значит украинизация этой территории с ее неизбежным зарядом антироссийскости, или сохранение русскоязычного Донбасса как своего рода связующего два государства пространства, где реально существует сочетание двух больших культурных традиций и проживает в значительной своей части смешанное население? Первый вариант нам представлялся и представляется до сих пор более предпочтительным и даже более гуманным, ибо не связан с массовыми и всегда болезненными перемещениями населения. Не все энтузиасты собирания русского народа в одном государстве это понимают.

Европейский кризис с мигрантами стал поводом для двух идеологических кампаний в самой России. Одна линия – это отторжение любой трансгосударственной и даже внутригосударственной миграции населения как, якобы, неизбежно вызывающей конфликт культур, ценностей и в конечном итоге разрушение образа жизни принимающей стороны. Пропаганда страха перед мигрантами в России была не менее сильной, чем в самой Европе, куда прибывают африканские и азиатские мигранты. Однако наш мониторинг не показал роста ксенофобии и проявлений насилия в отношении мигрантов в России. «Спрос» на эту категорию жите-

лей страны остается очень высоким, причем, не только в экономике, но и в социальной сфере, включая медицину, уход за детьми и престарелыми, домашние работы. Отечественные антииммигрантисты-ксенофобы ныне немного притихли, но продолжают, противореча собственной логике, твердить о «неизбежном вымирании России».

Вторая линия – это «вынесение приговора» Европе, причем, в самых оскорбительных и унижающих европейцев тонах (как это, например, слышится у известного российского писателя-историка). Преждевременные похороны Европы с ее ценностями и политикой мультикультурализма имеют своей целью возвысить идею Евразии, поворот России на евразийский путь, в сторону Востока. Эта идея греет душу не только российских антизападников, но и представителей из числа некоторых российских народов, которые отторгают европейскую основу российской культуры и говорят о восточном или «тюрко-мусульманском» мирах. Еще в начале 1990-х гг. эти мысли высказывались среди татарской, башкирской, бурятской, якутской интеллигенции. Но поворот магистральных нефтепроводов в восточном и южном направлении совсем не должен означать изменение магистральных культур россиян, среди которых европейский, христианский вектор был и остается определяющим.

Едва ли в России следует выстраивать новые философию, эстетику, культурные нормы под новое евразийство, как к тому призывают нас энтузиасты, безусловно, полезного для России сотрудничества со странами Азии и Китая. Следует помнить, что само сложное понятие евразийства не дает повода отрицать Европу, неразрывной частью которой является и сама Россия.

Академик Тишков В.А.
Директор Сети этномониторинга
Научный руководитель Института этнологии и антропологии
Российской академии наук

Мировой опыт полиэтничности и Россия¹

В последнее время ряд обстоятельств побудил российских ученых и политиков обратиться к зарубежному опыту регулирования межэтнических отношений и предотвращения конфликтов. Это – вполне поощрительное побуждение, хотя и вызвано оно противоречивыми и не всегда позитивными обстоятельствами. Оно вызвано, прежде всего, острым миграционным кризисом в Европе. Наплыв мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока на Европейский континент воспринимался в России преимущественно как предупреждение не допускать массовую иммиграцию в собственную страну, чтобы не вызвать недовольство российских граждан и не повысить риски, связанные с влиянием и деятельностью террористических организаций и отдельных лиц. В этой озабоченности есть свои безусловные резоны, и под их воздействием миграционный контроль в России стал более жестким, а визовой и безвизовой въезды в страну регулируются более строго. Это обстоятельство вместе с экономическим спадом привели к существенному сокращению трудовой иммиграции в Россию. Что касается вынужденных переселенцев и беженцев, то их число в 2014 г. и после, наоборот, выросло из-за событий на Украине.

В связи с войной в Сирии возникли споры вокруг переселения в Россию граждан этой страны, имеющих давние этнические корни северокавказского (черкесского) происхождения. Одни считают, что на этих переселенцев (в Россию уже прибыло более тысячи сирийских черкесов) и потенциальных иммигрантов (численность т.н. черкесской диаспоры за рубежом может составлять несколько сот тысяч человек) должен распространяться федеральный закон о соотечественниках. Другие выступают решительно против предос-

тавления этой категории иностранцев каких-либо преференций, а тем более – возможности постоянного проживания, т.е. «возвращения», с перспективой получения российского гражданства. Распределенный научный центр межнациональных и конфессиональных проблем совместно с Сетью этнологического мониторинга в 2014 г. подготовил доклад по черкесской проблеме, в котором были изложены история, современное содержание и перспективы т.н. черкесского вопроса². На наш взгляд, хотя по ряду критериев зарубежные черкесы попадают под категорию соотечественников, в одном важном аспекте они таковыми считаться не могут. А именно, за давностью проживания в ряде восточных стран (Турция, Иордания, Сирия и другие), где возможности этнокультурного самоопределения были ограниченными, а ассимиляция очень сильной, нынешние потомки бывших «мухаджиров» утратили свою этнокультурную отличительность, не говоря уже о связи с Россией. Они не знают ни родного языка, ни русского, а родственные связи с соплеменниками из мест их исторического исхода во второй половине XIX в. фактически отсутствуют.

По этой причине прибытие и нахождение в России иностранцев черкесского происхождения может быть оправдано в качестве беженцев, а также в случае переезда семьи с одним из супругов российского гражданства (многие российские женщины вышли замуж за сирийцев и других иностранцев из стран, где сегодня вооруженные конфликты). При этом мы совсем не исключаем, что некоторое число зарубежных черкесов, прибывших на Северный Кавказ или в другой регион России, могут заново выучить русский язык и восстановить знание языка своей национальности. В таком случае возможно рассмотрение вопроса о предоставле-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03090), Институт этнологии и антропологии РАН.

² «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. – М., 2014.

нии российского гражданства. Для этого требуются время и отслеживание индивидуальных судеб переселенцев.

Полезно также изучить опыт переселения косовских адыгов в Адыгею во время конфликта в Косово, ибо уже прошло почти десятилетие, и сейчас можно вынести заключение о возможности «возврата» или «воссоединения» некогда разделенных исторической судьбой народов. По крайней мере, зарубежный и наш отечественный опыт свидетельствуют об обратном: поколения, рожденные в эмиграции, уже воспринимают как свою Родину страну проживания, культуру и гражданство которых они обретают. Если эта страна более успешна и в ней лучше условия жизни, чем в стране исхода предков, то обратного переселения вообще не происходит. Хотя этнические лидеры и некоторые диаспоральные организации всячески агитируют за «возвращение» и «собрание», но без особого успеха по причине несовпадения личных интересов людей и политизированных или романтических установок этнических лидеров и кабинетных ученых.

Но жизненные решения мигрировать и сменить страну проживания вызывают не только сравнительно худшие условия в странах отъезда, но и состояние войны, которое сопровождается разрушениями и угрозой жизни. Напомним, что миграционный кризис в Европе почти совпал по времени с масштабным переселением в Россию нескольких сот тысяч граждан Украины из ее восточных областей, охваченных гражданской войной. Условия жизни в России лучше, чем на Донбассе, и, тем не менее, большинство переселенцев предпочитают иметь статус временных беженцев. Они настроены на возвращение в свои родные места по мере политического урегулирования конфликта и восстановления систем жизнеобеспечения. Вполне вероятно, что такая же перспектива и у временных переселенцев из Сирии и других стран Ближнего Востока. Сирийские черкесы в большинстве своем это городские жители с образованием и на своей нынешней Родине они не относились к обездоленным слоям населения. Препятствием к возврату могут быть только варианты продолжения военных действий

или победы радикальных исламистов в Сирии.

Большой интерес для мониторинга и отправления миграционной политики представляет проблема восприятия вынужденных переселенцев и временных беженцев населением страны и регионов, принимающих мигрантов. Из Европы идут картинки и заявления с выражением протестов местного населения стран, куда прибывают мигранты. Эта сторона миграционного кризиса воспринимается в России с одобрением, хотя и без подражания: собираться россиянам на подобные марши и митинги как-то непривычно. Тем более что нет и столь массового нашествия через границу и размещения беженцев в городских лагерях. Но Сетью этнологического мониторинга было зафиксировано недовольство части населения российских регионов и местных руководителей размещением беженцев с Украины. Последние, якобы, ведут себя иждивенчески, не желают работать и слишком много требуют. Эта реакция похожа на ту, которая есть и в Европе, хотя в России дальше скрытого брюзжания дело не шло. Никто не выводил народ на улицы с лозунгами изгонять мигрантов, никто не сжигал места пребывания беженцев, не было случаев насилия по отношению к ним. *Россияне в целом приняли близких по культуре русских и украинцев с Донбасса благожелательно и оказали им большую поддержку не только формального плана, но и через индивидуальную и самодеятельную благотворительность.* Кстати, аналогичная реакция, хотя и плохо освещаемая в отечественных СМИ, наблюдалась и в Европе. Более того, там имели место и публичные демонстрации против ксенофобии и антииммигрантской политики. Этим российские граждане также не отметились.

Для нас остается невыясненным вопрос, почему российские миграционные власти и общественность ничего не сделали, чтобы воспользоваться шансом пополнения собственного населения за счет мигрантов с Украины, большинство из которых были русские люди? Попытки загнать беженцев не просто в Приморский край, но в его самые отдаленные и незаселенные районы, закончились разочарованием обеих сторон. Людей, получивших

вид на жительство, а тем более – гражданство по облегченной форме, оказалось мало. Что касается переселенцев из Сирии, то здесь вообще о гражданстве речи не ведется. Установка миграционных властей (они имеют федеральное подчинение) в отношении сирийцев ограничивается временным пребыванием, хотя республиканские власти Адыгеи и Кабардино-Балкарии явно хотели бы пополнить долю титульного населения за счет зарубежных черкесов. В целом *миграционная ситуация и политика в России в аспекте иммиграции из-за рубежа сохраняется на позиции недопущения или жесткого ограничения прибытия в страну новожи-телей.*

В этой ситуации, даже не смотря на некоторый экономический спад и другие внутренние проблемы, продолжает действовать неослабевающая тенденция усиления миграции внутри России по направлению крупных городов, особенно столичного мегаполиса, а также переезд россиян на постоянное местожительство в южные районы с более благоприятным климатом. После верхушечного решения о расширении границ города махина строительного бизнеса перекочевала в т.н. новую Москву. В московский мегаполис еще интенсивнее стало стягивается население из разных регионов России, создавая напряженность и потенциальный конфликт между новыми горожанами независимо от их этнической принадлежности и населением русских деревень и стародачных поселков Подмосковья. Нечто подобное формируется и вокруг других крупных городов России (Екатеринбург, Ростов, Краснодар, Новосибирск и другие). Эти дальние пригороды с жильцами, работающими в центре города на не престижных работах, в свое время стали порождением крупных городских волнений в Париже, Лондоне и в других городах. Подобное может произойти и в России. Опыт предотвращения и ликвидации последствий «городских бунтов», т.е. спонтанного и массового выхода из правового пространства с проявлениями насилия и вандализма, в России пока очень скромный.

Одна из причин нынешнего интереса к мировой ситуации связана еще с одним кризисом – кризисом либеральных норм и ценностей и с общим поворотом к консер-

ватизму. Определенное разочарование демократией почти одновременно проявилось как в западном мире, так и в России. Хотя в мировой науке и политике пока сохраняется общая позиция, что демократия и рыночная экономика – это наиболее оптимальные формы организации человеческих сообществ в форме национальных государств. В России «накат» на либерализм, а вместе с этим и на прожитые страной 1990-е гг. обрели формы грубых ругательств и неоспоримых аксиом. Отвергается все, даже конституционные основы и действующие законы, касающиеся этнического компонента в федеративном устройстве страны, институт национально-культурных автономий, действовавшая в период 1996-2012 гг. концепция государственной национальной политики. Самоестораживающее, что ниспровергателями переднего порядка выступают молодежные группы, фактически не жившие в эпоху распада СССР и в первое постсоветское десятилетие, но зато прошедшие идеологическую обработку по части обругивания «лихого времени» и его радикальной неправильности. Опасность молодежного хунвэйбинства в России налицо, ибо радикалы и околорелигиозные неадекваты уже начинают громить выставочные экспозиции, третируют тех, кто, по их мнению, живет не по «традиции». При этом кругозор нынешнего поколения активистов узок, образование – ущербно, а степень нетерпимости – зашкаливает.

В отличие от миграционной ситуации здесь есть свои разительные различия между Западом и Россией. Даже более чем различия. В России расцвел, а может быть и заканчивается, период глубокого отторжения основных либеральных ценностей, особенно в сфере семейных норм, межгрупповой и религиозной толерантности, поощрения мультикультурности. Запад действительно находится в состоянии разлада и обсуждения границ терпимости и поощрения культурного разнообразия, но при этом сохраняет саму мультикультурную реальность. Российское общество, также, будучи полиэтничным по своей исторической и современной природе, почти всецело сосредоточилось на концептах традиционности, государственности и китайского варианта изоляционизма

(с «опорой на собственные силы»). На сей раз под лозунгами нового евразийства предлагается некая каша из противоречивых и не реализуемых постулатов. Как считает профессор МГУ В.Коровин, один из активных представителей профильной комиссии Общественной палаты РФ, упорный противник гражданского национализма и сторонник наделения каждой российской национальности отдельным юридическим статусом, «в России нормативно и юридически не существует народов и этносов как коллективных субъектов. Нет карачаевцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев - их сегодня нет ни в одном нормативном юридическом документе, также как нет и русских. Есть некий общестатистический, редуцированный, усреднённый россиянин, но нет народов с их традициями, культурой, языками, обычаями, то есть со своей традиционной идентичностью. Данное положение дел есть пережиток либеральной эпохи, чуть не разрушившей российскую государственность»³.

Следует признать, что новый российский консерватизм, в том числе и в политически привлекательной форме неоевразийства, поддерживается населением больше, чем оболганные теми же идеологами западно-европейские ценности. При этом забыто, что историческая заслуга российского государства заключается в том, что оно донесло до берегов Тихого океана именно европейскую правовую норму и россияне – начиная с оценки Екатерины Великой, есть европейская нация⁴.

Следует отметить, что антиевропейский настрой и жесткий антиамериканизм вместе с ростом общероссийского патриотизма оставляют меньше места для этнического национализма как от имени меньшинств, так и от имени большинства, а тем более – для сепаратизма. Национализм переключивается с этногруппового уровня на общегосударственный, с этнического содержания на гражданскую солидарность и миссионерское служение Родине-Отчизне. Этот вариант национализма широко распространен в мире как легкодоступный механизм нациестро-

ительства. Он кажется приемлем и для России, если только не ведет к внешней экспансии (как в случае с США) или, наоборот, к изоляции от остального мира (как было с Китаем до 2000-х гг.).

Самое большое искушение в этой ситуации – это искушение этнического русского большинства забрать государство и власть под свое исключительное доминирование, объявив саму страну собственностью одной этнической общности, пусть даже самой большой и самой значимой. Именно здесь таится опасность взрывной реакции со стороны нерусских народов, которые не примут господство и исключительный статус русских. *Нынешняя лояльность среди представителей российских национальностей не должна истолковываться как смирение и покорность перед угрозой шовинизма большинства. В этом есть один из мировых уроков как должно вести себя большинство по отношению к меньшинствам. Конец Китая наступит как только ханьское большинство объявит страну и государство своей собственностью, исключив из государствообразования 55 неханьских народов общей численностью почти 150 миллионов человек. Подобное можно сказать и о кастильском большинстве в Испании и сингальском в Шри-Ланке.*

Несмотря на риск свалиться с общероссийского патриотизма в тупик шовинизма, в России сохраняют и временами даже усиливают свои позиции сторонники «русского вопроса», хотя в чем суть этого вопроса им остается неизвестно. Эта суть становится еще более запутанной в последнее время, когда выдвинутая 7-8 лет тому назад концепция Русского мира как мира руссофонии, т.е. связанных с Россией и русским языком зарубежных соотечественников и не только соотечественников⁵, стала переосмысливаться как концепция одного народа, проживающего во многих странах и нуждающегося в объединении под единой государственностью. Известные политэксперты предлагают заменить один из слоганов национальной

---

³ <https://www.oprf.ru/blog/?id=1908>

⁴ В.К. Кантор. «...Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации. М., 1997.

---

⁵ Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии (http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov3.html) .

политики «Народов много, страна одна» на слоган «стран много – народ один»⁶. Русский мир в такой интерпретации стал камуфляжем для идеологии и практики «собираения» тех, кто оказался за пределами России и не очень доволен этим статусом. Иногда мнение русских за рубежом и не спрашивается, ибо по факту считается, что им лучше и должно жить в России как в русском государстве. Этот значимый поворот в осмыслении Русского мира произошел под воздействием и событий на Украине, перехода Крыма в состав Российской Федерации.

Есть еще одна сторона в соотнесении мирового опыта с проблемами российской полиэтничности (многонациональности). В современной науке остается без должного ответа один из фундаментальных вопросов: в какой мере степень этнокультурного, расового, языкового и религиозного разнообразия государства способствует или мешает его стабильному существованию и развитию? В какой мере само государство должно выступать спонсором или противником данного разнообразия? Наконец, что обещается миру: всеобщее культурное перемешивание и конфликт устоев и ценностей или же мир останется поделенным на национальные государства, когда сами нации сохраняют свою фундаментальную значимость, но переосмысливаются в пользу собственной культурной сложности?

Несколько лет тому назад по этой теме был выполнен масштабный проект ученых Гарвардского университета (о нем см. материал в газете «Вашингтон пост» от 16 мая 2013 г. под названием «Карта самых многоэтнических и самых моноэтнических стран мира»). Авторы «обсчитали» всего 650 этнических групп в 190 странах. Степень «этнической фрагментации» замерялась степенью разницы в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены многочисленные таблицы корреляций. На их основе американские коллеги сделали, на наш взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы. Несложно было установить, что наиболее гомогенные в этническом

плане – это страны Европы и северо-восточной Азии, среди которых самые моноэтнические – Япония и Корея. Здесь этничность и национальность почти совпадают. Посередине располагаются страны Америки. Они достаточно полиэтничны, кроме Чили и Аргентины. Самые полиэтничные – это африканские страны. Уганда имеет самый высокий рейтинг «этнической фрагментации, за ней – Либерия. Все 20 самых многоэтнических стран – это Африка. Ближний Восток – разный, но в целом полиэтничный. Российская Федерация с ее полутора сотней автохтонных этнических групп находится в третьей десятке. Это только российскому обывателю и плохо осведомленным комментаторам кажется, что Россия, в отличие от других национальных государств, является самым многонациональным государством мира и по этой причине представляет собой отдельную цивилизацию.

А вот некоторые выводы исследования. Конфликты имеют место чаще в многоэтнических странах, но это может быть и от бедности (этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития). Богатые страны более моноэтничны, как и сильная демократия больше коррелирует с моноэтничностью, ибо в фрагментированных обществах наличие этнических сообществ накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими группами. Существование культурно отличительных групп требует своих лидеров, манипулирования, лоббирования, а политики в свою очередь используют фрагментацию в целях мобилизации «своих» или для исключения «других». В более моноэтнических обществах управлять демократическим путем легче также и по причине меньшего числа конфликтов. Поскольку проект выполнялся главным образом экономистами, то самый важный для них вывод состоял в том, что этническая и языковая (но не религиозная) фрагментация коррелирует (чем выше индекс фрагментации, тем хуже показатели) с экономическим развитием, социальными условиями и качеством институтов управления⁷.

---

⁶ Ремизов М. Пять причин быть русским // «Эксперт». 12 сентября 2011.

---

⁷ Fractionalization. By Flberto F. Alesina, William Easterly, et al. Harvard Institute Research Working

В чем-то наши наблюдения могут совпадать с данными выводами, но в основном мы расходимся: разнообразие – это в большей степени ресурс, а не источник риска, а стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой «фрагментации» населения. Точно также обстоит дело и с уровнем демократии. Достаточно сказать, что моноэтничность некоторых стран есть результат дискриминации и даже насилия по обеспечению этой самой этнической «чистоты» некоторых наций. Наконец, судьбы 15 государств бывшего СССР при выстраивании их по степени сложности этнического состава – от моноэтничных Армении и Туркменистана до самой полиэтничной Российской Федерации никак не совпадают ни с показателями экономического развития (душевого дохода ВВП) и демократичностью устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. На наш взгляд, есть другие факторы и обстоятельства, которые определяют стабильность и согласие разных обществ без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в это общество культурно отличительных групп. А вот само этническое и языковое разнообразие во многих случаях есть историческая данность для многих государств. Эта данность зачастую имеет собственную динамику, в чем-то подвижную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями и даже столетиями.

Этот наш вывод целиком относится к Российской Федерации, имеющей также и собственный богатый, сложный и противоречивый опыт этнонациональной политики. Постсоветский период был наполнен интенсивными поисками и дискуссиями среди политиков и экспертов по данному вопросу. В конечном итоге каждый раз удавалось выходить на адекватные и приемлемые для основных действующих сил варианты доктрины и правовой нормы. Это касается Конституции, блока федеральных законов и двух утвержденных

президентами концептуальных документов 1996 и 2012 года. Большой корпус законов и установлений существует на уровне российских регионов. А за всем этим стоит большая работа ученых, общественных активистов и политиков. Что касается двух концепций, то это еще и согласование с субъектами федерации, учет их замечаний и предложений. При такой большой стране, как Россия, и при ее сложном этноконфессиональном облике и регионально-исторических различиях всякие серьезные коррективы в государственной политике требуют большой разъяснительной работы, освоение новых подходов и категориального аппарата как специалистами, так и практическим работниками. Все это говорит о необходимости выверенной и последовательной политики государства в сфере этничности и межэтнических (национальных) отношений. Импровизации и шархания из одной крайности в другую здесь недопустимы, как и недопустима узурпация этой сферы управления и экспертного обеспечения непрофессионалами и любителями сшибать деньги на федеральных и региональных тендерах.

Это замечание пишется потому, что почти сразу после утверждения Президентом Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации до 2025 г. началась возня и брюзжание со стороны тех, кому хотелось бы видеть в документе запись о «государство-образующей» роли русского народа или кому не хочется видеть в документе положение о гражданской российской нации. Новые «теоретики национального вопроса» как из когорты закоренелых националистов, так и из числа неопитов пробиваются на престижные трибуны типа Правительства г. Москвы или Общественной палаты РФ и делают пугающие заявления об «упразднении российской системы федерализма» или существовании «нации москвичей» со своей отдельной стратегией национальной политики. *Некомпетентность и нечувствительность в национальном вопросе может представлять собой фактор риска, сравнимый с угрозой радикального национализма и терроризма.* И эта сторона нашей действительности, а именно каче-

---

Paper No. 1959. 2002. P. 17-18. По этой проблеме см. также: Alesina A., R. Baqir and W. Easterly (1999), "Public Goods and Ethnic Divisions" Quarterly Journal of Economics, vol. 114, no. 4, November, pp. 1243-1284; Alesina A. and E. La Ferrara (2000), "Participation in Heterogeneous Communities", Quarterly Journal of Economics, vol. 115, no. 3, August, pp. 847-904.

ство управленческого персонала и адекватность экспертного обеспечения при принятии государственных решений в области национальной политики, долж-

ны стать важным объектом этнологического мониторинга.

Тишков В.А.

О проблеме мониторинга угроз конфликтов в сфере межнациональных отношений в Российской Федерации¹

Вопрос о том, что следует мониторить для заблаговременного предупреждения этнических конфликтов, остается дискуссионным. Одни полагают, что в первую очередь необходим «контроль» интернета и средств массовой коммуникации. Другие настаивают на чуть ли не тотальных социологических опросах. Но не учитывают, что подобные мероприятия весьма затратные и не гарантируют желаемого эффекта. От представителей государственных ведомств на заседаниях разных комиссий можно слышать, что мониторинг в любом случае должен стоить дорого, ведь сами по себе межнациональные отношения – это неуловимая субстанция, которая «может присутствовать повсеместно». Но так ли неуловим этот самый флогистон межнациональных отношений? Или, может, мы впадаем в некую средневековую реминисценцию, забывая (или не очень-то зная) о том, что существует огромный отечественный и зарубежный опыт мониторинга, который отнюдь не опирается на многомиллионные траты. Этот опыт показывает, что потенциальные угрозы межнациональных отношений распределены «не повсеместно», а сосредоточены в совершенно определенных сферах. Этот опыт свидетельствует и о том, что само регулирование межнациональных отношений может и должно представлять собой целостное направление, единую отрасль, и не быть распыленным по многим ведомствам и уровням. Понимание национальной (этнической) политики как отрасли, собственно, и делает ее госу-

дарственной. Это важнейшее условие мониторинга.

Этническая политика в России уже в начале 2000-х гг. нуждалась в серьезном переосмыслении и реформировании. Деятельность ведомств, ответственных за эту сферу в регионах и федеральном центре, была явно недостаточной, слабыми оказались усилия по профилактике и предотвращению межэтнических конфликтов, недоставало системных мероприятий по воспитанию толерантности, патриотизма, гражданской солидарности. Концепция государственной национальной политики, принятая в 1996 г.² и к тому времени изрядно устаревшая, не обращала должного внимания на проблему укрепления гражданского единства россиян. Советская доктрина «дружбы народов» и «интернационализма» применялась по большей части формально, регулирование межнациональных отношений носило «фестивальный» характер. Все это мало способствовало снижению напряженности между различными группами населения. Как бы само собой разумелось, что причиной напряженности является распад Советского Союза. Предполагалось, что со временем, особенно после преодоления экономических трудностей, национальные распри исчезнут. Однако с прекращением военных действий в Чечне в 2001 – 2002 гг., ознаменовавшем завершение череды постсоветских конфликтов, проблема сохранения гражданского согласия автоматически не решилась, и появились новые вызовы. Постсоветские государства стали проводить независимую внешнюю и внут-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00099) "Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт".

² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. №909

ренную политику, их экономика перестала быть единой, границы оказались менее проницаемыми. Разделились и общие ценности, а прежде единое языковое и культурное пространство раздробилось. Взаимопонимание ослабело, противоречия интересов усилились. В самой России общественное, политическое и экономическое развитие ушло далеко от наследия советской эпохи, и теперь уже «собственные», не связанные с советским прошлым достижения и просчеты стали решающими в межэтнических отношениях.

В 2000-е гг. серьезным вызовом для государства стал радикализм в различных проявлениях, прежде всего, его наиболее опасные формы – неонацизм и новый религиозный экстремизм. Даже те, кто относил себя к «умеренным» радикалам, стремились провоцировать конфронтацию среди жителей российских регионов. Когда по той или иной причине возникали очаги напряжения, они стремились разными способами обострить и расширить «поля конфликта». Происходившие в тот период столкновения на этнической и религиозной почве все явственнее показывали, что соответствующее направление политики не может добиться успеха, если оно является «ничейным». Было очевидно, что требуется единый подход и координация усилий государственных структур и необходимо целенаправленное сотрудничество власти и гражданского общества.

В те годы предпринимались попытки усовершенствовать прежнюю Концепцию государственной национальной политики. По итогам своей встречи с представителями III Всемирного конгресса татар президент России В.В. Путин направил поручение правительству страны рассмотреть вопрос о внесении изменений в Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации.³ Была проведена разнообразная работа во многих министерствах и регионах. Затем прошло Всероссийское совещание «О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (18 апреля 2003 г., Дом Прави-

тельства Российской Федерации) и были сформулированы рекомендации. Но удивительно – в рекомендациях очевидная необходимость мониторинга даже не упоминалась, а в качестве важнейших указывались задачи «углубления федеративных отношений», возобновления деятельности Фонда развития народов России, открытие домов национальных культур. Предложенные поправки так и остались на бумаге. Наш Институт этнологии и антропологии РАН и Сеть этнологического мониторинга также принимали участие в обсуждениях, но предложенные меры, в частности, по организации мониторинга, не были учтены.

Далее процесс корректировки государственной национальной политики застопорился и был стимулирован в конце 2004 г. специальным правительственным поручением⁴. В Минрегионе России с 2005 г. заработала Межведомственная комиссия по внесению корректив в Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации, и уже сентябре 2005 г. поправки были разработаны, но раскритикованы Государственным правовым управлением Президента Российской Федерации и Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

В том же 2005 г. в Государственной Думе разрабатывалась альтернативная линия – проект федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». В этот документ удалось поместить хотя бы упоминание о необходимости мониторинга: «В целях предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов органы государственной власти <...> обеспечивают государственную систему мониторинга состояния межнациональных отношений». При этом почему-то подчеркивалось, что мониторинг проводится «в местах межэтнической напряженности», как если бы заранее было известно, где такие «места» могут появиться. В том же документе были даны совершенно ненужные для федерального закона «этнографические» определения, озадачившие, однако,

---

³ Пункт 1 Перечня поручений Президента Российской Федерации №Пр-1795 от 8 октября 2002 г. Правительству Российской Федерации.

---

⁴ Поручение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 года.

профессиональных этнографов. Планируемый закон, например, должен был предписать органам власти, кого именно следует относить к русским. Среди внесенных в проект «понятий» были «особые этнографические группы русского народа». Определение понятия «национально-го самосознания» начиналось забавно: «это взгляды, оценки, мнения». Здесь же имелось странное определение национализма – «идейно-психологическое и социально-политическое течение, выражающее требования национального характера». Но самым удивительным было понимание двух ключевых объектов государственной политики: национальные (межнациональные, межэтнические) отношения – это якобы «синтез политических, социально-экономических, культурных, языковых и иных отношений внутри многонациональных обществ». Такое определение могло бы ввести в управленческий ступор любую государственную структуру. Кроме того, межнациональный (межэтнический) конфликт был определен в проекте закона, как «одна из форм отношений между национальными общностями». Вот так, ни больше, ни меньше. Слово и не было предыдущих лет постсоветской истории и вопиющих примеров политических провокаций и манипулирования национальными и религиозными чувствами для достижения корыстных целей по захвату власти, собственности и прочего. Что касается заглавной цели государственной национальной политики в том проекте, она определялась как «согласование государственных интересов и интересов всех народов Российской Федерации», как будто у России и у ее народов изначально разные интересы. Надо ли удивляться, что этот законопроект какого-либо эффекта не возымел. Однако сформулированные в нем подходы и «понятия» были весьма симптоматичны, они отразили серьезную проблему дефицита управленческих знаний.

В конце 2006 г. специально созданная Межведомственная рабочая группа при Минрегионе РФ еще раз попыталась внести коррективы в Концепцию. Этот документ также не был принят, однако, выдвинутые в нем положения, фактически легли в основу деятельности Минрегиона на все последующие годы. Новый проект

базировался на устаревшем подходе, согласно которому, российское общество представляло не как гражданское, а как разделенное на «народы и этнические общности», и «факт» такого разделения как бы делал необходимой государственную политику недопущения между «народами» разногласий – для этого и требовалось «регулирование межнациональных отношений». Этот подход дал о себе знать в 2012 г. при разработке Стратегии государственной национальной политики, в рабочей версии которой говорилось о российской нации не как о гражданской общности, а как о «сообществе граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности». В той же рабочей версии фигурировало понятие «коренные народы РФ», и это могло быть воспринято, как то, что другие российские граждане – некоренные и, вроде как, второсортные...

Критика со стороны экспертов, в т.ч. и специалистов Института этнологии и антропологии РАН, в какой-то мере была учтена, и в конце 2007 г. появился еще один вариант «Концепции» Минрегиона. Документ также не получил признания. В нем, в качестве цели государственной национальной политики, наряду с укреплением единства российской нации, предполагалось обеспечить условия полноценного социально-экономического развития народов Российской Федерации. Получалось, что в России различные народы ведут собственную экономическую деятельность. Все же документ был более продвинутым в сравнении с предшествующими. В нем говорилось о важности мониторинга, как обязательном средстве реализации национальной политики. В какой-то мере был учтен пример деятельности нашей Сети этномониторинга. Предусматривалось, что «на первом этапе будет создана государственная система мониторинга межнациональных отношений и раннего предупреждения межнациональных конфликтов, охватывающая большинство (не менее 60) субъектов Российской Федерации», а на последующем этапе «система» охватит все российские регионы.

Впрочем, этот документ и другие попытки улучшить Концепцию государственной

ной национальной политики ни к чему не привели. Концепция оставалась неизменной и устаревшей. Стало понятно, что нужны не поправки, а новая доктрина. И в 2012 г. был выработан совершенно новый документ – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года (в ее разработке и корректировке ИЭА РАН и Сеть этномониторинга приняли деятельное участие). После появления Стратегии о мониторинге и межведомственной координации заговорили, как о насущной проблеме. Многие федеральные и региональные органы власти стали участниками комплексного плана реализации государственной национальной политики.

Тем не менее, проблема эффективного мониторинга и координации не решена. И дело не только в технических или организационных трудностях. Стратегия определила принципы, цели и общие подходы, но остается значительный простор для интерпретации того, что именно и в какой форме следует предпринимать реализую государственную национальную политику. Вновь появляются доморощенные идеи, возвращаются старые проекты, которым не было суждено получить правовую поддержку, но теперь они обрели шанс на воплощение через неадекватные и дорогостоящие формы мониторинга, сомнительные соцопросы. По мнению части управленцев, межнациональные отношения возможны только там, где проживают разные национальности... Поэтому реализация национальной политики якобы нужна прежде всего (или только) в отдельных регионах и местностях России, в частности, на Северном Кавказе, где большое разнообразие этнических групп. В Поволжье национальная политика тоже нужна, но, дескать, «чуть меньше». А вот в центральной России такая политика почти не требуется. И этот подход находит поддержку, как наиболее «экономный» для госбюджета.

Следуя этой «логике», настаивают на утопической идее надзора за национальностями и создания некой «системы учета», благодаря которой «будет точно известно», какие и где национальности проживают и куда переселяются. Для этого в отчетности Минрегиона даже придумали специальную процедуру «паспортизации

территории», которая предусматривает неоднократное в течение года обследование местными властями вверенной им местности на предмет выявления «новых национальностей». И не смущает, что такая (наивная) деятельность, является прямым нарушением конституционных норм и федерального законодательства о персональных данных. Выполнима ли подобная задача технически? Конечно, нет. Ее реализация во много крат превысит те миллионы бюджетных рублей, которые государство затрачивает только раз в десять лет на перепись населения. При этом качество полученных сведений будет очень низким. Но главное, такой «мониторинг» не имеет смысла в принципе, ведь сама по себе этническая мозаика не является причиной конфликтов (науке это давно известно). Сотрудники муниципалитетов будут вынуждены, согласно должностным обязанностям, выискивать на вверенной территории людей разных национальностей, и будут убеждены, что разные национальности представляют собой «опасность». В России 23 тыс. муниципалитетов, и нетрудно представить, каким может стать масштаб подобных заблуждений.

Постоянно муссируется СМИ и политиками тема изменение этнического состава населения России. Но ситуация здесь мало изменилась. После Всероссийской переписи 2002 года к следующей переписи 2010 года русские сохранили свою долю в общем населении 80,9% (а с учетом Крыма и г. Севастополя эта доля стала такой же как в 1989 г. – 81,6%). Когда говорят о численном сокращении русских по переписям, мол в 2002 г. было 116 млн, а в 2010 г. стало 111 млн., нужно напомнить, что часть населения России, а именно 4,5 млн чел., была учтена без указания национальности и, следовательно, из них порядка 80% следует отнести к русским. Таким образом, в 2002 г. в России было 116 млн. русских, в 2010 г. – 114,6 млн. В целом стабильной осталась в России и доля нерусских национальностей.

Однако переписи населения показывают лишь обобщенную картину. Они не учитывают, что массы людей обладают более сложной идентичностью. Например, при нашем общероссийском опросе

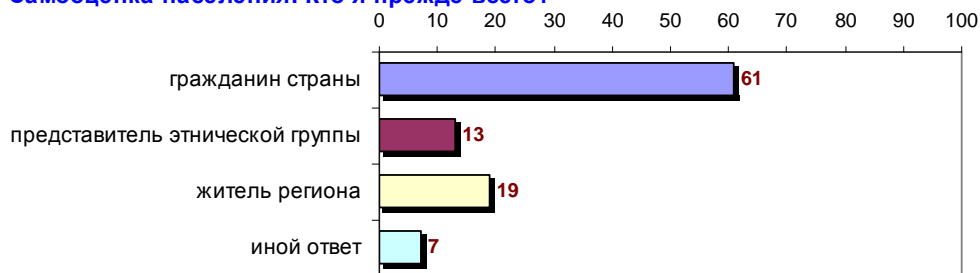

2014 г. выяснилось, что не менее 15% респондентов относят себя сразу к двум или нескольким национальностям. А исследования в 2015 г. в разных регионах России, проведенные Сетью этномониторинга и Институтом этнологии и антропологии РАН при сотрудничестве с многими региональными научными центрами, убедительно показали что значительная часть россиян имеет не один, а два родных языка. Так, в Ростове-на-Дону два родных языка назвали 11% опрошенных⁵, в Саранске – 14%⁶, в Чебоксарах – 19%⁷. Еще более сложную идентичность показывают ответы молодежи. Если приводить примеры указанных выше городов, то в Ростове-на-Дону два родных языка среди молодежи указали 18% опрошенных, а в Чебоксарах – даже 35%.

С советских времен распространен миф о разделении России на «народы». Такое разделение в значительной степени условно. В повседневной жизни большинство жителей страны причисляет себя в первую очередь к гражданам России, а не к каким-либо этническим группам. По нашим исследованиям, в 2013 г. показатель гражданского единства составил 61%, а в мае 2014 г. (с учетом влияния событий на Украине) показатель возрстал до 78%.

Важнейшая проблема реализации государственной национальной политики связана с задачей формирования гражданской российской идентичности россиян. Самосознание «я – россиянин» стоит сегодня на первом месте среди других форм коллективной идентичности – региональной, этнической, профессиональ-

Самооценка населения: Кто я прежде всего?

В то же время не следует переоценивать фактор этнического разнообразия. Сам по себе он не является причиной межгрупповой напряженности. В противном случае этнические конфликты возникали бы там, где этническое разнообразие самое большое, а этого на самом деле нет. В России этническое разнообразие велико не только в горных районах Дагестана, но и в Тюменской области и во многих регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока, во всех российских мегаполисах, прежде всего, в Москве. И на этих территориях нет межэтнических конфликтов.

Исследования и мониторинг показывают, что чувство гражданской принадлежности в близких пропорциях распространено среди населения разных регионов, включая и российские республики.

Означает ли это, что в России уменьшается культурное многообразие и люди отказываются от своей этнической и языковой принадлежности? Конечно, нет. В нашем общероссийском опросе 2014 г. 90% россиян заявили, что в следующей государственной переписи населения они обязательно укажут свою национальность. Это целиком подтвердилось в ходе наблюдений процедуры микропереписи населения 2015 года, очевидно подтвердят и ее официальные результаты.

Таким образом, этнокультурное многообразие в стране устойчиво сохраняется, и, более того, само по себе разнообразие представляется россиянам как ценность. Вместе с тем, для

⁵ Опрос проведен в 2015 г. Денисовой Г.С., Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

⁶ Опрос проведен в 2015 г. Мартыненко А.В., Мордовский государственный педагогический институт.

⁷ Опрос проведен в 2015 г. Бойко И.И., Чувашский государственный институт гуманитарных наук.

большинства является приоритетом чувство именно гражданской принадлежности. За последние годы пришло общественное понимание того, что общероссийское самосознание не исключает принадлежность к какой-либо этнической группе и малой родине.

Наряду с доминирующим чувством гражданского единства, многие в России уверены в том, что нужна специальная политика властей в регулировании межнациональных отношений – об этом, в частности, заявили две трети жителей 21 региона, опрошенных Сетью этномониторинга в 2013 г. Такая позиция согласуется с важнейшими целями государственной национальной политики – предупреждение межэтнической напряженности, сдерживание и урегулирование конфликтов. Хотя открытых вооруженных столкновений и массовых конфликтов погромного типа за последние годы в России не было, не сошла со сцены посеянная войной в Чечне террористическая деятельность радикальных исламистов и террористов. Сохраняется опасность террористических актов со стороны ультра-националистических элементов. Следует ожидать усиления террористической активности в связи с событиями происходящими на Украине, Сирии и других регионах мира. Предпринимаются попытки легализации националистической идеологии и соответствующей политической деятельности. Эти усилия могут иметь своим результатом создание политических партий националистического толка. Провокаторы из националистической среды стремятся использовать любые общественные противостояния, обратив их в «борьбу между национальностями», борьбу с культурным разнообразием. Идея такой «борьбы» сравнительно легко овладевает умами в российской глубинке, где у людей и управленцев мало опыта межкультурного взаимодействия.

Для целей гражданской интеграции Стратегия государственной национальной политики предусматривает разработку комплекса мер по укреплению единства российской нации. Важная роль отводится таким институтам социализации, как школа, вуз, учреждения культуры, армия. Предусматривается, что деятельность по укреплению государственного и народного

единства должна быть общей заботой различных структур власти и гражданского общества. Важное замечание касается того, что национальная политика должна быть единой для всей страны.

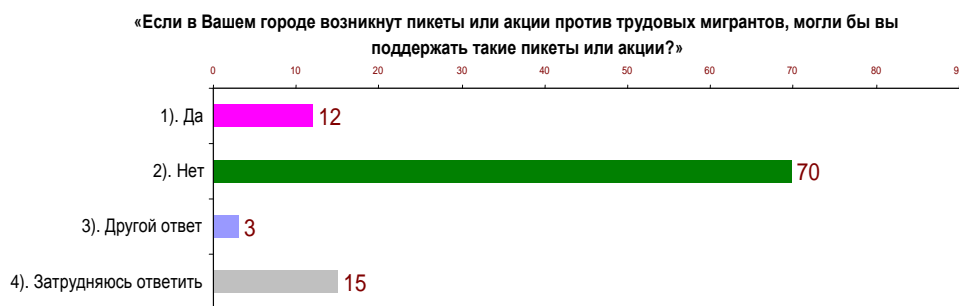
То, что в российском обществе имеется стойкая потребность в государственном регулировании межнациональных отношений наряду с доминирующим гражданской идентичности подтверждает известный факт: межэтническая напряженность возникает не из-за этнического разнообразия, а из-за недостатков управления культурным разнообразием. В упомянутом опросе 2013 г., о том, что власти «вообще не занимаются регулированием межнациональных отношений» сказали 41% опрошенных и 25% затруднились дать оценку. Только одна треть населения полагает, что некие меры по регулированию межнациональных отношений властями осуществляются. Но из этого небольшого количества лишь половина полагает, что подобное регулирование осуществляется властями успешно.

Помимо пресловутых «этнических различий», обычно говорят о трудностях в экономике, как второй причине «межнациональных противоречий». Принято исходить из того, что малообеспеченные слои населения, либо даже целые депрессивные регионы более подвержены межнациональным конфликтам. Но география напряженности в России не соответствует географии экономически слабых регионов. В противном случае межнациональные проблемы возникали бы в первую очередь в таких регионах, как Республика Алтай, Бурятия, Курганская область. В современной России социально-экономические факторы действительно оказывают влияние на межнациональные отношения, но не так, как скажем, в беднейших странах Африки, а именно так, как в экономически развитых странах, где нет массовой бедности. В России на современном этапе социальным источником этнической нетерпимости являются: общественные страхи утратить достигнутый уровень социального достатка и социальная конкуренция – межгрупповая и индивидуальная.

Одной из мощных причин массовых фобий является угроза потерять работу. Зачастую человек чувствует подавленность даже не из-за потерянной работы, а именно из-за мысли о том, что такая потеря возможна. Как показали исследования Сети этномониторинга, в современной России теряют работу в течение двух-трех лет не более десяти процентов занятых, но почти две трети работающего населения опасается, что потенциально может лишиться заработка или устойчивого источника дохода. Имеются также признаки обостряющейся социальной конкуренции, при которой люди все чаще высказывают

половины. Таким образом, уровень социального самочувствия (либо показатели социальной депривации) нужно рассматривать в качестве обязательного объекта мониторинга.

Среди специалистов, особенно среди представителей правозащитной среды, распространено мнение о том, что важным объектом мониторинга должны быть проявления дискриминации. Это верно, но требуются методологические уточнения. При реализации мониторинга необходимо учитывать не только факты дискриминации, но и показатели этнокультурного развития. В России не наблюдается массово-

обеспокоенность по поводу собственных жизненных перспектив и своего умения зарабатывать. Даже при нормальном уровне социального обеспечения и нормальном уровне потребления, две трети работающих низко оценивают свои потенциальные возможности работать и хорошо зарабатывать. Неуверенность в завтрашнем дне создает нервную обстановку и является прямой предпосылкой ухудшения межнациональных отношений. В 2012 – 2014 гг. Сеть этномониторинга при сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН провела тестирование взрослого населения на уровень этнической терпимости в 18 регионах России, включая Дальний Восток, Сибирь, Урал, Северный Кавказ, Европейский Центр. Как и ожидалось, уровень этнической терпимости оказался наименьшим у безработных, но таких людей в стране немного, лишь несколько процентов. Более важный вывод состоял в том, что низкий уровень этнической терпимости характерен для людей, которые имеют работу, но опасаются ее потерять. Таких в стране среди занятого населения более

го распространения явлений открытой дискриминации по признаку этнической принадлежности, языка или религии. По данным Сети этномониторинга за 2012 - 2014 гг., не более 12-15% населения считают, что испытывают подобную дискриминацию, при этом примерно 5% говорят о дискриминации в свой адрес по религиозному, а 7-8% - о дискриминации по этническому признаку. В основном речь идет о косвенных или слабых формах дискриминации, но не об открытых притеснениях. Ориентируясь только на такие показатели, можно упустить из виду важные общественные явления. Имеется устойчивое общественное напряжение, связанное с недостаточными возможностями или ограничениями этнокультурного развития и сохранения культурной самобытности. Один из признаков – низкая практическая возможность использовать в обиходе тот или иной язык. О языковой дискриминации, как правило, заявляют лишь несколько процентов населения. Вместе с тем, почти треть населения считает, что лишена возможности использовать родной язык в желаемом объеме.

Это, безусловно, создает предпосылки пониженного доверия к политике государства, работает против идеи гражданского единства.

Одним из мощных и в ряде случаев решающих факторов межгрупповой напряженности являются массовые негативные стереотипы, негативные представления о лицах другой национальности, языка, религии. Подобные предубеждения получают распространение через СМИ, интернет, бытовое общение. Особенно обостряются негативные стереотипы накануне политических выборов. Исследования показывают, что этнические предубеждения быстрее и проще овладевают умами там, где нет повседневного межкультурного взаимодействия. Более 40% взрослого населения России полагает, что определенные национальности «склонны» к совершению преступлений и «совершают» их чаще, чем другие национальности. Распространены подобные предубеждения и о мигрантах. Если учесть, что еще десять процентов россиян колеблются в своих оценках, можно сделать вывод о том, что предрассудками охвачена чуть ли не половина взрослого населения страны. Более половины населения полагает, что приезжие из других регионов и других государств отнимают рабочие места у местных жителей. При этом из наших исследований известно, что среди тех, кто подвергается увольнению, только 6% действительно замещаются приезжими. А среди тех, кто опасается потерять работу, только 3% полагают, что в случае их увольнения на их место возьмут приезжего. Таким образом, предубеждения распространены гораздо раз шире, чем на то имеются реальные причины. Половина россиян считает, что приезд людей в их регион из других российских регионов

«должен быть ограничен», а в отношении ограничения приезда людей из других государств настаивают почти две трети.

Однако не следует впадать в заблуждение, дескать, в российском обществе широко распространены национализм и ксенофобия. О том, что в России «только некоторые национальности должны обладать преимуществами в управлении государством и регионами» высказываются пятая часть россиян и менее. Еще меньше доля тех, кто согласен поддержать акции и пикеты против какой-либо национальности – их доля составляет порядка десяти процентов взрослого населения. Еще меньше тех, кто хотел бы «лично принять участие в межэтническом конфликте».

Двадцатилетний исследовательский опыт Сети этномониторинга и ИЗА РАН показывает, что задача информационной поддержки национальной (этнической) политики должна решаться посредством многообразных данных, представляющих ситуацию во всех регионах и местностях, а не только там, «где есть разные национальности». Какое-либо одно подразделение государственных служб, действуя изолированно, не могло бы эффективно и без больших материальных затрат решить задачу организации мониторинга межнациональных отношений. Следует определить статус участников такого мониторинга, чтобы имелась возможность сотрудничества различных государственных подразделений с научными, общественными, коммерческими организациями в целях получения всеобъемлющей, независимой и объективной экспертизы.

Степанов В.В.

Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений¹

Ислам на Северном Кавказе всегда был представлен разными направлениями,

толками и течениями. С исчезновением атеистической идеологии после распада Советского Союза различия в понимании ислама усилились. В настоящее время религиозная ситуация в регионе развивается очень динамично, причем не только под влиянием (ре)исламизации бывших

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-11109 (руководитель В.А. Тишков), проект №14-03-00511 (руководитель А.А. Ярлыкапов).

советских граждан, но также и в результате быстро меняющегося исламского мира, переживающего резкие трансформации и внутриконфессиональные конфликты. В эпицентре этих коллизий находится молодежь – социально активная и информационно наиболее чувствительная часть общества. Огромное влияние на умы оказывает распространяемая через интернет информация.

В этнокультурном и религиозном отношении территория Северного Кавказа делится на восточную и западную части. На востоке – российские республики Дагестан, Ингушетия, Чечня, на западе – республики Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, а Северная Осетия занимает срединное положение. До распада СССР на Северном Кавказе среди верующего населения преобладали мусульмане-сунниты ханафитского толка (*мазхаба*), которые в основном проживали в его западной части, а также в северных районах Дагестана и северо-востоке Чечни. На большей части Дагестана, Чечни, Ингушетии проживали сунниты шафиитского толка. Среди шафиитов выделялось особое мистико-аскетическое течение суфиев, которое существовало в этих республиках в рамках учений суфийских орденов накшбандия, кадирия и шазилия². Также имелось шиитское направление ислама, оно было представлено только на юге Дагестана, в основном это были местные азербайджанцы и жители лезгинского села Мискинджа Докузпаринского района.

После распада Советского Союза интерес к исламу в республиках Северного Кавказа развивался с учетом региональных различий. Западная часть региона была более секуляризированной, ислам имел там слабое влияние на общество и рассматривался населением как часть собственной (бытовой, этнической) культуры. Было мало квалифицированных и образованных религиозных кадров (мулл, эфенди, алимов), среди населения получил широкое распространение «народный ислам», как упрощенное понимание веры

и наличие самобытных форм бытования ислама. Когда стали возможны религиозные свободы, в западной части Северного Кавказа позиции ислама были более чем скромными. Поэтому в начале 1990-х гг. здесь происходила скорее повторная исламизация, нежели возрождение ислама – людям пришлось фактически заново вспоминать религию предков. Поначалу реисламизация осуществлялась силами местных служителей культа, действовавших еще в советские годы. Они были малочисленны и обладали слабой теологической подготовкой. Некоторые из служителей не умели читать и писать по-арабски, а молитвы исполняли на «арабском» языке, зачитывая по буквам, написанным на кириллице. Поэтому решающую роль в процессах реисламизации сыграли в первую очередь миссионеры из Чечни и Дагестана, а также из Турции (в последнем случае в основном это были не этнические турки, а потомки адыгов, переселившихся в Османскую империю в середине XIX в.). Появились и новые местные проповедники – те, кто прошел обучение в исламских учебных заведениях Саудовской Аравии, Сирии, Ливии.

В восточной части Северного Кавказа ислам и в советские времена сохранял сильные позиции – полуподпольно действовали влиятельные суфийские группы, авторитетные богословы (алимы), имелась система религиозного образования, пусть и на уровне конца XIX – начала XX века и не повсеместно. Наличие достаточно грамотных религиозных кадров способствовало сохранению исламских институтов. Надо также отметить, что восточная часть Северного Кавказа известна богатыми собраниями религиозной арабоязычной литературы, в том числе и учебной, и это помогало усилению позиций ислама в постсоветские годы. Еще до исчезновения СССР, в середине и конце 1980-х гг. в Чечено-Ингушетии и Дагестане сложились благоприятные условия для исламского возрождения. Оно затем осуществлялось местными алимами, шейхами и муллами в многочисленных учебных заведениях – мектебах, медресе и исламских институтах, университетах. Эти институты и университеты, конечно, не могли обеспечить исламское образо-

---

² Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М.: Наука, 2007, с. 112.

вание высокого уровня, но они давали образование не ниже хорошего медресе.

Свою роль в возрождении ислама стала играть молодежь, вернувшаяся после обучения из стран Ближнего Востока. Эти люди, стремясь распространить на Северном Кавказе свое толкование ислама, довольно быстро вступили в конфликт с местной религиозной традицией, и этот конфликт в различных формах продолжается до настоящего времени.

Ислам, без преувеличения являющийся на сегодня одной из самых политизированных религий, скоро стал проникать на Северном Кавказе во власть. Впрочем, первые попытки вхождения в местную политическую структуру с помощью партийных организаций оказались тупиковыми – возникшая в преддверии распада СССР Исламская партия возрождения объявила о самороспуске уже в 1994 г. Хотя в руководящих структурах этой партии было много представителей Северного Кавказа, в первую очередь дагестанцев (Ахмадаки Ахтаев, Магомед Кебедов), среди кавказских мусульман данная политическая платформа так и не получила сколько-нибудь значительной поддержки.

Более эффективным способом распространения влияния ислама на правительственные структуры стало налаживание неформальных контактов с местной управленческой элитой, а также непосредственное проникновение в региональные органы власти всех уровней. Наиболее заметно это проявилось в Дагестане, особенно на муниципальном уровне, причем более других преуспели суфийские общины, которые обрели опыт политической деятельности и не занимали крайних позиций относительно сотрудничества с властями.

В 1990-е гг. сильное воздействие на националистические и сепаратистские настроения в северокавказском регионе оказали салафитские версии ислама, которые в значительной мере были привнесены извне. Так называемая «Чеченская республика Ичкерия», несмотря на изначально декларируемую светскость, с течением времени трансформировалась в радикальный исламистский проект. Война на российском Кавказе, в которую были вовлечены люди, объявляющие себя му-

сульманами, стала привлекать религиозных экстремистов со всего мира. Местные «полевые командиры» Хаттаб и Басаев сочли Чечню идеальной территорией для ведения вооруженного джихада. В 2007 г. их последователь Докку Умаров окончательно отказался от идей светского чеченского национализма, провозгласив создание исламистского «Имарата Кавказ».

Сейчас «Имарат Кавказ» представляет собой подпольную террористическую сеть, которая наибольшую активность проявляет в интернете. С 2013 г. этот проект стал испытывать серьезную конкуренцию со стороны более глобального проекта – «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ или ИГ), адепты которого призывают совершить *хиджру* – переселение мусульман на Ближний Восток для осуществления вооруженного джихада. В этом своем призыве ИГ помимо обычной радикальной пропаганды широко использует распространенные среди мусульман эсхатологические ожидания: согласно одному из хадисов, последняя битва между силами добра и зла должна случиться на территории Леванта (арабск. аш-Шам), в местности, расположенной у сирийского города Дабик³. По разным оценкам, только из Дагестана на этот призыв откликнулось более двух тысяч человек, а в целом из Северного Кавказа и других регионов России выехало до семи тысяч человек, что сильно «обескровило» местное террористическое подполье.

ИГ становится привлекательным для молодых мусульман с Северного Кавказа не только под действием пропагандистских материалов. Людей завлекают обещаниями социальной справедливости, которую те отчаялись добиться у себя на родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкает молодежь к восприятию радикальной исламистской идеологии, к утопическим проектам глобального введения шариата для решения всех проблем современного общества. Как уже отмечалось, если до этого экстремисты находили себя в рядах

---

³ Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda //BBC, 17 November 2014 (<http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303>).

боевиков «Имарата Кавказ», то успехи ИГ в 2013-2014 гг. изменили их предпочтения. На территории Сирии и Ирака радикально настроенные молодые мусульмане увидели реально контролируемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами.

Масштабы и методы вербовочной работы со стороны ИГ на территории России свидетельствует о том, что это не хаотичная, а системная деятельность. Вербовщики ИГ очевидно имеют указания кого и как нужно вербовать. Например, большое внимание при вербовке уделяется врачам – в первую очередь хирургам, не обходят вниманием и нефтяников, а среди вербуемых женщин есть очевидный «спрос» на преподавателей. Сеть вербовщиков на территории России становится все более разветвленной. Вопреки распространенному представлению об исключительной роли интернета в вербовке сторонников ИГ, именно реальные вербовщики часто доводят агитацию до нужного им результата. Они снабжают «созревших» молодых людей инструкциями – как проехать на территорию ИГ, с кем связаться, как проникать через границу и проч. Эта вербовочная сеть, нарушающая безопасность страны, может рассматриваться как зародыш будущей террористической сети в России.

Присоединившаяся к ИГ кавказская молодежь набирается опыта, вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. Для России одной из серьезных проблем станет их возвращение. Уже сегодня на Северном Кавказе среди экстремистов развернулась борьба между не признающими друг друга сторонниками «Имарата Кавказ» и ИГ. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя «Имарата Кавказ» Кебекова позиции противников ИГ серьезно пошатнулись, вследствие чего идущее противостояние, скорее всего, приведет к тому, что со стороны ИГ возьмут верх. Уже идет присяжание командиров «Имарата Кавказ» аль-Багдади, в результате чего постепенно меняется суть этого террористического объединения: из самостоятельной оно все более превращается в филиал ИГ. Одним из наиболее опасных итогов может стать смена террористиче-

ской парадигмы на Северном Кавказе – террористы из «Имарата Кавказ» предпочитали не совершать террористических актов против мирного населения, нацеливаясь в первую очередь на силовиков и представителей власти, а сторонники ИГ, несомненно, попытаются привнести террористические методы Ближнего Востока, включая самые дикие и варварские.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России, за постсоветские годы определяющей риторикой во взаимоотношениях исламских общин и государства было различие «традиционного» и «нетрадиционного» ислама. Ныне постепенно приходит понимание непродуктивности политики противопоставления форм ислама – это начинают осознавать и представители власти, и исламские активисты.

Единой формы «традиционного» ислама на Северном Кавказе нет. Регион издавна отличается большим разнообразием течений и групп – суннитов-ханафитов, шафиитов, разных суфийских братств, шиитов-имамитов, все имеют право считаться традиционными, и никто в отдельности не может претендовать на абсолютный приоритет в регионе.

Любопытный пример исламской мозаики Кавказа представляют «крачковцы». Это дагестанская община коранитов, последователи которой считают, что читать Коран следует на родном языке (т.е. на русском языке), и используют для этого лишь один перевод Корана – академика Игнатия Крачковского. В 2010 г. их лидер Магомед Казанбиев, провозгласивший себя «Махди» (мессией, который явится вместе с Исой, т.е. Иисусом перед Концом Света), был убит у входа в мечеть в дагестанском селении Новые Тарки.

Появление на Северном Кавказе салафитских групп еще более усложнило картину местного ислама. Власти, как было сказано выше, долгое время пытались делать ставку исключительно на «традиционный» ислам. Сейчас официальная риторика отчасти меняется. Еще в 2010 г. в Дагестане по инициативе действовавшего на тот момент республиканского президента М. Магомедова были прекращены преследования мирных салафитов (сторонников «чистого ислама»), «вина» которых состояла в том, что они «не так молятся» и носят длинные бороды.

Эти салафитские *джамааты* как особое явление на Северном Кавказе впервые появились в 1970-е гг. в Дагестане⁴. Вышли они из *суфийских* общин, и учителями их лидеров были суфийские проповедники Дагестана, действовавшие в горных районах республики. Советские спецслужбы увидели в этом явлении серьезную идеологическую угрозу, и к началу 1980-х гг. явление было нейтрализовано, их деятельность на время прекратилась. Именно из этих первых джамаатов появились ставшие позднее известными идеологи салафитского движения на Северном Кавказе, такие как Багауддин Магомедов и Аббас Кебедов⁵. Следующее поколение салафитских лидеров сформировалось в начале 1990-х, когда на Северный Кавказ вернулись те, кто получил религиозное образование в странах Ближнего Востока⁶. Вокруг них стали собираться молодежные общины, постепенно образовав сетевые объединения. Самое известное и самое организованное исламское объединение тех лет — Кабардино-Балкарский джамаат.

После недавнего снижения давления со стороны властей, между местными салафитами и местными суфийскими общинами начался диалог, это явно оздоровило накаленную религиозную ситуацию в Дагестане. Тем не менее, новый глава Дагестана Р. Абдулатипов не стал продолжать линию, ориентированную на контакты с «нетрадиционными» группами мусульман. Некоторые салафитские мечети время от времени подвергаются рейдам со стороны силовиков, то же самое происходит и с бизнесменами, которые имеют связи с салафитами. Так, в Махачкале была свернута успешно действовавшая коммерческая сеть халяльного питания «Азбар», которая считалась салафитской или связанной с салафитами.

Но даже несмотря на эксцессы ситуация в Дагестане остается благоприятной для мирных салафитских общин. В республике продолжают открыто функционировать салафитские мечети, салафиты занимаются легальным бизнесом, функционирует их официальная организация Ассоциация ученых «Ахль ас-Сунна валь-Джамаа».

Строго говоря, большинство кавказских «ваххабитов» на самом деле таковыми не являются. Ваххабиты должны исповедовать ислам ханбалитского толка, который распространен в арабских государствах Персидского залива. Таких мусульман в северокавказских республиках очень мало. Однако здесь существуют множество иных салафитских течений — молодежные джамааты (общины) «новых мусульман», «безмазхабники» (не следуют ни одному из четырех основных толков), дагестанские салафиты ассоциации «Ахль ас-сунна валь-джамаа», мадхалиты (умеренные салафиты, сторонники сотрудничества с властью) и так называемые «ихванизированные» салафиты (салафиты, которые находятся под влиянием идей известного исламского богослова из Катара Юсуфа аль-Кардави). Последние группы салафитов — результат дальнейшего дробления ближневосточного салафитского движения.

Как известно, на Ближнем Востоке большую группу составляют «классические ваххабиты» — те, кто придерживается взглядов основателя движения Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, поддерживает королевскую власть и государственный строй Королевства Саудовская Аравия (КСА). Лидеры этой группы — в первую очередь муфтий КСА, шейх Абд аль-Азиз Ал аш-Шайх, шейхи Албани, Усеймин, Салих аль-Фаузан. Их взгляды отличаются относительной умеренностью как в вопросах вооруженного джихада, так и в вопросах политической лояльности. Другая группа, которая откололась от «классической» и критикует ее и современный строй КСА — это ваххабиты-«джихадисты». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе методов, они считают, что всем мусульманам без исключения необходимо вести «оборонительный джихад», поскольку мусульмане якобы везде подвергаются агрессии.

---

⁴ Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Ваххабиты Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи : Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. — М. : Восточная литература, 2006, с. 84.

⁵ Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Указ. соч., с. 87.

⁶ Ярлыкапов А.А. Новое исламское движение на Северном Кавказе: взгляд этнографа // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 31. Отв. ред. С.А. Арутюнов, З.Б. Цаллагова. — М.: Наука, 2006, с. 210.

Именно на их подходе основана идеология аль-Каиды.

Саудовский режим вначале успешно вытеснял радикалов за пределы королевства, и вытесняемые джихадисты тем самым помогали саудитам и США – например, во времена военного присутствия СССР в Афганистане они поощряли активное сопротивление советским войскам. Однако к 2000-м гг. джихадисты стали покушаться на само КСА и его устои, и это вызвало ответные меры и репрессии в отношении их лидеров со стороны саудовского режима. Королевские власти посадили в тюрьму шейха Мухаммада аль-Кахтани, известного мухаддиса шейха Сулеймана аль-Ульвана, шейха Абу Мухаммада аль-Макдиси. Последний – духовный наставник аз-Заркави, фактически тот, кто стоял у истоков ИГИЛ/ИГ. Всех этих лидеров и их последователей обычно называют «хариджитами», подчеркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство».

Следует сказать еще об одной ближневосточной группе, которая показывает, насколько динамично и причудливо может меняться салафитское «поле». Речь идет о тех ваххабитах, которые подпали под влияние известного проповедника из Катара, симпатизирующего «братьям-мусульманам» Юсуфа аль-Кардави. Яркими представителями этой группы являются шейхи Мухаммад аль-Ариффи, Сальман аль-Ауда. Можно сказать, в этой группе сочетается несочетаемое – оставаясь ваххабитами, они эволюционировали в сторону «братьев-мусульман», что в принципе казалось невозможным.

Нынешний салафизм представляет собой «кипящий котел» идей, взглядов, подходов и методов, которые охватили суннитский мир, и потому современная религиозная карта резко меняет цвета. Сегодня на Ближнем Востоке в течение полугода ситуация в конкретном районе или населенном пункте может меняться кардинально. Надо учитывать, что существует и феномен «электронных» муфтиев и имамов, которые целенаправленно проповедуют в сети интернет.

Все это влияет на российских мусульман и также создает на Северном Кавказе ситуацию «кипения». Происходя-

щие процессы привели к тому, что здесь нет какой-либо одной салафитской группы с единым мышлением и идеологией. Многочисленные религиозные течения конфликтуют друг с другом, либо пытаются наладить взаимные контакты.

Помимо салафитов, на Кавказе активно действуют и другие исламские течения. С начала 1990-х гг. здесь появились приверженцы турецкого религиозного сообщества «Нурджулар», проповедующие идеи исламизма. Еще в 2007 г. Коптевский районный суд Москвы признал экстремистскими некоторые переводы трудов основателя движения турецкого богослова Саида Нурси. В 2011 г. лидер дагестанских нурсистов Зиявдин Дапаев был осужден на два года условно по уголовной статье 282.2 (организация деятельности экстремистской организации).

В середине 2000-х гг. в Россию проникли эмиссары международной исламистской группировки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения). В России эта организация запрещена, но на Северном Кавказе она продолжает конкурировать с многочисленными салафитскими сообществами. Некоторое время салафиты активно противодействовали, причем успешно, проникновению ячеек Хизб ут-Тахрир на территорию Северного Кавказа. В Кабардино-Балкарском джамаате это стало даже отдельным направлением активности – местные авторитеты сочли нужным написать брошюру для развенчивания идеологии и методов работы «хизбовцев». Стечением времени влияние салафитских групп среди мусульманской молодежи перестало быть монопольным, уступив место другим течениям. Первые значимые группы Хизб ут-Тахрир появились в Дагестане уже во второй половине десятилетия. Их деятельность была настолько активной, что даже салафиты стали воспринимать их как реальных конкурентов.

Государственная политика на Северном Кавказе становится более гибкой. Предпринимаются усилия по форсированию процесса исламского образования. Была введена система партнерства светских вузов с религиозными, причем среди участников этих программ числятся известные российские вузы – Казанский федеральный университет, Московский госу-

дарственный лингвистический университет, Пятигорский государственный лингвистический университет. Последний является партнером исламских вузов на Северном Кавказе, оказывая им научно-методическую помощь в модернизации учебных программ, особенно в части светских и языковых предметов, подготовке учебной и методической литературы.

В рамках программы по поддержке системы исламского образования на Северном Кавказе поддерживаются не только действующие учебные заведения. Реализуется проект создания двух крупных исламских образовательных центров – одного для преимущественно шафийтского северо-восточного Кавказа в Махачкале, и второго для преимущественно ханафитского северо-западного Кавказа в Нальчике. Северо-Кавказский исламский университет в Махачкале на сегодня является наиболее развитым центром исламского образования, а нальчикский центр все еще находится в процессе становления. Кроме того, активно работает Фонд поддержки исламского образования и культуры.

Было бы упрощением считать, что на российском Кавказе в религиозной и этнополитической сфере не происходит иного, кроме исламизации. Для региона характерен рост национального (этнического) самосознания и распространение националистических идей. Но для националистических течений ислам, как глобальная религия, не подходит. Поэтому на Северном Кавказе за последние годы стали появляться альтернативные религиозные проекты. Среди черкесской национальной интеллигенции получил распространение «хабизм» – местное «родноверие», уходящее корнями в языческое прошлое. А в Дагестане неожиданно успешной оказалась деятельность христиан-пятидесятников⁷, община которых сейчас составляет около трех тысяч человек, причем большинство ее членов – этнические дагестанцы. Этот феномен, как и образцы этноцентричной религиозности, требуют своего изучения.

Однако общественное и политическое доминирование ислама на Северном Кавказе сегодня очевидно, а умножающееся количество конкурирующих его направлений создает весьма сложную картину. Уже трудно говорить о традиционном исламе и исконных территориях его распространения. В отличие от христианства, у ислама отсутствует церковная иерархия, а глобальный ислам сейчас находится в активном идейном поиске. Ислам – это религия интерпретаторов, религия ученых, за которыми рядовые мусульмане вольны следовать по своему усмотрению. Исламские идеи и направления активно заполнили постсоветский идеологический вакуум и тем самым вышли на ведущие позиции в общественно-политической жизни Северного Кавказа.

Прежние советские подходы делили ислам на «официальный» и «неофициальный» и не учитывали складывающуюся на Северном Кавказе сложную картину, тем самым они провоцировали уклонение многих мусульман от сотрудничества с властями. Сегодня в такой сложной ситуации государству важно найти правильные формы взаимодействия с исламскими общинами. На Северном Кавказе сотрудничество должно быть взаимовыгодным и не только не конфронтационным, но непосредственно направленным на укрепление мира. Сейчас очень важно проанализировать прежние упущения и выработать адекватную государственную политику в сфере религиозных отношений.

*Ярлыкапов А.А.
Институт этнологии и антропологии РАН*

---

⁷ Роцин М., Лункин Р., Филатов С. Республика Дагестан // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т.1. М.: Летний сад, 2014, сс. 527-529.

Роль христианско-мусульманского диалога в развитии этнической, религиозной и гражданской идентичности народов Северного Кавказа¹

В течение 1990-2010-х гг. на Северном Кавказе происходило активное «религиозное строительство» - своеобразный процесс религиозного возрождения, когда с утверждением в новой России демократии и свободы совести и печати, возник импульс становления новой религиозной ситуации. Широко распространились «традиционные» религии, которые были распространены еще на территории Российской империи, - православие и ислам. Появились и многочисленные христианские и иные секты и группы. Началось формирование современной морали и духовных ценностей на религиозной основе².

Между тем, процессы религиозного возрождения и формирование «религиозной морали» во многом проходили и продолжают осуществляться стихийно, без соответствующего как со стороны духовных структур, так и со стороны государственных структур взаимодействия, помощи и контроля. По сути, и исламское, и православное становление на территории РФ при всей «видимой» государственной помощи идет крайне трудно. Возникают различные «перекося» и «непонимания»: известны случаи перехода русских из православия в ислам, в различные протестантские группы или же формирование общин «фундаменталистского» характера.

В результате рост этноконфессионального фактора в жизни россиян, по нашему мнению, отчасти не способствует объединению граждан страны, а наоборот, - приводит к появлению некоей «обособленности» - представители различных этнических групп, исповедующих разную религию, стали отдаляться друг от друга,

разжигая в своей среде ненависть к людям, исповедующим другую религию. Во многом этому способствует появившиеся фундаменталистские движения в современных религиозных движениях, и в первую очередь, исламские (или точнее ваххабитские). Для ваххабитов все те, кто не мусульмане – *кяфиры*, т.е. неверные, которых надо убивать или уж во всяком случае - ненавидеть. Но есть радикальные течения и в православии, которые также разжигают ненависть между людьми.

Тем не менее, главная задача в области формирования современного общекультурного фундамента состоит в обустройстве на основе национального и религиозного разнообразия народов Российской Федерации российского общества как многокультурного, в укреплении единства государства, в создании межкультурного диалога и на пространстве СНГ, где осталось много россиян.

В республиках Северного Кавказа мы имеем сложные в силу геополитических, социально-экономических и национально-религиозных факторов ситуацию, характеризующуюся специфическим сочетанием различных религий, и в первую очередь, христианства вообще (и православия, в частности) и ислама.

Во всех республиках сложилось определенное сочетание русского и местного (коренного) населения, наличествуют новые миграционные группы среди местного населения: чеченцев, косовских адыгов и т.д., определенное соотношение мусульман и православных как представителей так называемых «традиционных религий».

Доля «активно» верующих, т.е. тех, кто постоянно посещал религиозную организацию (мечеть, церковь или молельный дом) в целом невысока. Статистических данных нет. Тем не менее, можно утверждать, современное религиозное пробуждение граждан республик Северного Кавказа во многом меняло нравственный климат. Многие из них признавались, что до принятия православия, ислама или вступления в общину баптистов и

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-11109 "Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества" (рук. В.А. Тишков).

² *Бабич И.Л.* Межрелигиозный диалог на современном Северном Кавказе: миф или реальность //1150-летие российской государственности. - Великий Новгород, 2012.

т.д. вели аморальный, а иногда и криминальный образ жизни.

Важно подчеркнуть, что характер религиозной жизни в республиках Северного Кавказа во многом зависит от конфессиональной принадлежности.

Ислам. Мощный процесс исламского возрождения, имевший место в 1990-е, в настоящее время пошел на спад. Народы Северного Кавказа, исповедующие ислам³, делятся на две неравные группы – «активно» верующих – мусульман, посещающих мечеть хотя бы один раз в неделю – по пятницам - незначительное число, и «этнических мусульман» - основной группы горцев, посещающих мечеть крайне редко, один или два раза в год по большим праздникам. Внутри исламского сообщества на Северном Кавказе постепенно оформились «идейные» и «канонические» разногласия между верующими.

Молодые исламские лидеры стремились к формированию у населения религиозной (исламской) идентичности, в противовес национальной (этнокультурной) идентичности. Этническое возрождение народов Северного Кавказа, по мнению исламских идеологов, должно опираться не на поддержку и развитие кавказских традиций, а на формирование новой исламской культуры⁴.

Подчеркнем, что формирование исламской идеологии и особенно ее успешное распространение возможно было благодаря безусловному кризису современной светской идеологии, характерному для всей России. Но если в других российских регионах научная и творческая интеллигенция в течение 1990-х годов мучительно вела поиск новой идеи, необходимой для сплочения народа, то на Северном Кавказе незаметно произошла

подмена общечеловеческих ценностей исключительно исламскими.

Православие. Православное возрождение в республиках происходит очень медленно и постепенно, церковь посещает 20-40 чел. в станицах по выходным⁵, большинство населения посещает церковь два раза в год – па Пасху и Рождество.

Православные храмы во главе с местным духовенством в настоящее время являются едва ли не единственным «оплотом» - моральным, психологическим и иным, для русского и казачьего населения республик Северного Кавказа в условиях, когда данное население практически «выживается» из республик со стороны «коренных народов» - горцев.

Основная проблема, которая имеет место быть и которая мешает установлению тесных контактов с верующими и формированию сильного авторитета церкви в русских селах и казачьих станицах, - это не проживание священников в тех населенных пунктах, где они служат. Многие из них предпочитают жить в республиканских столицах, появляются в «своих» храмах лишь в выходные дни. Это обстоятельство чрезвычайно ослабляет авторитет православного духовенства в сельской местности.

Христианские движения. Основными религиозными объединениями, деноминациями являются следующие: Старобрядцы, Евангельские христиане – баптисты, Евангельские христиане, Евангельские христиане в духе апостолов, Христиане веры евангельской – пятидесятники, Адвентисты седьмого дня, Свидетели Иеговы. Кроме этих организаций есть еще несколько некрупных организаций: Евангельская организация «Исход», евангельские христиане «Слово и дело», евангельские христиане «Надежда», евангельские пятидесятники «Живое слово», церковь «Креста» и т.д.

Большое разнообразие между христианскими организациями обусловлены осознанным подходом представлять одни и те же религиозные ценности под разным

---

³ Исключением являются осетины, большинство из которых исповедуют православие при сохранении древнего языческого пласта (с элементами неоязычества).

⁴ *Бабич И.Л.* Соотношение религиозной (исламской) и этнической идентичности на современном Северном Кавказе // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. – Казань, 2012; *Бабич И.Л.* Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. – М., 2003.

---

⁵ Значительное количество прихожан в православных храмах можно наблюдать лишь в городах Северного Кавказа, главным образом, в столицах республик – Нальчике, Черкесске, Майкопе и др.

«соусом». Периодически руководители большинства христианских организаций собираются вместе на совет, на котором обсуждают совместные действия, которые они ведут по многим направлениям.

Большинство из них имеют слабое влияние и незначительное число последователей, за исключением трех – баптистов, пятидесятников и иеговистов.

В настоящее время христианские движения набирают силу и влияние в обществе, проводя мощную пропаганду как среди русского населения, так и среди адыгейцев. Популярность христианских движений среди коренных северокавказских народов региона – особенно интересное явление и связано оно, безусловно, с мощной антиваххабитской пропагандой, из-за которой у народов Северного Кавказа возник страх перед исламом. Причем, по нашим материалам видно, что горцы в своих духовных исканиях обращаются не только в христианские организации, но и приходят и в православные храмы, стремятся пройти обряд крещения, правда «в тайне» - можно говорить о появлении такой группы верующих как «тайных православных горцев».

Идентичность и межрелигиозный диалог. По результатам наших опросов можно сделать вывод о том, что в республиках Северного Кавказа процесс формирования религиозной идентичности проходит медленно – лишь незначительная часть населения республик определяет себя как принадлежащие к какой-либо религии.

Поэтому большинство населения пытается формировать свою идентичность на основе культурной или, как нам кажется, гражданской (светской) идентичности.

Использование религиозных ценностей в качестве инструмента формирования современной морали и духовных ценностей может вызывать не столько объединение населения республик Северного Кавказа, сколько разделение, что не может способствовать формирования мультикультурного общества в регионе.

Проводя беседы с религиозными лидерами и представителями творческой интеллигенции, которые и занимаются формированием современной морали и духовных ценностей, мы пришли к следующему выводу: с одной стороны, ре-

лигиозные лидеры стремятся формировать внутри своих общин мораль на основе религиозных ценностей, а с другой, творческая интеллигенция абсолютно не поддерживает данное стремление религиозных лидеров, пытаясь формировать духовные ценности только на основе национальных культур.

Русская интеллигенция опирается на общечеловеческие (светские), никак не идентифицируя их с православием. Например, популярная общественная организация, защищающая интересы русского народа в РА – Союз славян республики Адыгея – не имеет контактов с местной русской православной организацией – Майкопской епархией, и не отражает на страницах своей газеты процесс формирования религиозных духовных ценностей.

В результате в республиках Северного Кавказа формируется отдельно: исламская идеология, православная идеология, «христианская» мораль баптистов, пятидесятников и т.д.

В ходе бесед с руководителями религиозных объединений мы пришли к выводу, что они отказываются формировать новую идеологию на основе общих ценностей, характерных для большинства религиозных движений, а акцентируют внимание своих членов исключительно на том, что истина и моральные ценности находятся только внутри их религиозного учения.

Представители творческой интеллигенции, призванной формировать светскую идеологию и мораль, основанную на общечеловеческих ценностях, в свою очередь, отказываются учитывать положительный потенциал, заложенный в религиозных моральных ценностях, считая, что мораль должна обязательно гражданской (светской). Творческая интеллигенция в республиках Северного Кавказа практически не поддерживает ни одну из религий, стараясь опираться исключительно на культуру, и в первую очередь, национальную культуру, противопоставляя ее религиозной морали, культуре и идеологии.

Характер взаимоотношений верующих граждан разного вероисповедания. Главной формой отношения православных, мусульман и членов христианских

движений друг к другу стала форма в виде «попыток» пропаганды именно своего вероучения среди представителей другой религиозной организации или конфессии. Данные попытки носят исключительно мирный характер и в их основе лежит желание другого человека сделать «счастливым» - каждый верующий считает свою религию единственно верной, свою истину – единственной правильной, свой смысл жизни – единственной правильной, свой образ жизни – единственной счастливый и именно, опираясь на желание сделать счастливым другого человека, наблюдаются попытки проведения диспутов с представителями другой конфессии и религиозной организации на теологическом уровне; пропаганды своих религиозных истин в «мирной», но настойчивой манере; распространения своего религиозного учения как единственно верного.

В целом, на бытовом уровне между представителями различных конфессий и религиозных организаций на Северном Кавказе складываются хорошие и добрососедские отношения, тем не менее на характер отношений между членами различных конфессий и религиозных организаций оказывают влияние некоторые политические факторы, в частности, характер взаимоотношений руководителей конфессии и религиозных организаций в республиках Северного Кавказа.

Так, между руководителями традиционных конфессий – мусульманской и православной в республиках Северного Кавказа существует политическое соглашение, согласно которому они, используя местный властный и силовой ресурс (республиканские органы власти, ФСБ, МВД), негласно ведут «борьбу» с так называемыми «нетрадиционными» христианскими объединениями в республиках Северного Кавказа. Данная борьба обуславливается объективной слабостью и исламской, и православной конфессий, невозможностью с их стороны получить более сильное влияние и авторитет среди граждан республик Северного Кавказа, с помощью которых можно было более успешно «противостоять» нашествию христианских нетрадиционных учений⁶.

Наблюдая процесс распространения нетрадиционных христианских организаций, можно сказать, что исламские и православные организации в силу целого ряда факторов не способны «победить» их на идеологическом уровне предпочли сосредоточиться не на «усовершенствовании» своей деятельности, чтобы стать «лучше, привлекательнее» нетрадиционных христианских движений для населения, а на подавлении «своих противников» с помощью силы, а именно республиканских властных и силовых структур.

Миссионерство является важной частью деятельности христианских («нетрадиционных») организаций. Христианские движения ведут грамотную и всестороннюю пропаганду не только среди русского, но и среди адыгейского народов. Они используют разные методы для этого, среди которых наиболее успешным является – проведение мощной социальной благотворительной помощи: если православная церковь через «оплату треб» собирает деньги, то христианские организации, наоборот, сами предоставляют самую разнообразную помощь членам своих общин. Этот метод называется «бомбардирование любовью». В республиках Северного Кавказа это имеет место быть.

Пропаганда христианских движений проводится как в городах, где главным образом и сосредоточены все организации «нетрадиционных религий», и в сельских населенных пунктах, в горских аулах, русских селениях и казачих станицах. Многие «нетрадиционные» христианские организации имеют реабилитационные центры, например евангельское движение «Исход» в республике Адыгея. Евангельские христиане – баптисты в Майкопе тоже имеют свой реабилитационный центр – в поселке Тульская: в нем 10 «проблемных» мужчин (алкоголики, наркоманы) живут с «братьями» - членами общины. Христианские движения стремятся оказывать социальную помощь и одновременно проводить пропаганду своих идей в социальных учреждениях, в частности баптисты работают с интернатом в ауле Шовгеновский.

---

⁶ *Бабич И.Л.* Взаимоотношения между православными и мусульманами на современном Северном

Кавказе //Религия и гражданское общество в России. – М., 2012.

По мнению старшего пресвитера баптистов Д.Д. Кадацкого (Республика Адыгея), у христианских «нетрадиционных» религиозных организаций разные «идеологические платформы» с другими религиями. Пресвитер говорит следующее: «Вся жизнь наша сопряжена с Богом, поэтому мы не можем выделить сферу жизни, где мы могли бы общаться с представителями других религий в бытовой жизни». В силу этого межконфессиональный диалог между людьми, исповедующими разные религии, вообще невозможен. Представители религиозных христианских организаций, стремящихся к формированию религиозной идеологии, опираются исключительно на моральные ценности своего религиозного направления.

Факторы, объясняющие слабость традиционных конфессий на Северном Кавказе – незначительный период так называемого «возрождения» как православного, так и мусульманского, наличие внутри данных конфессий целого ряда собственных, внутренних проблем развития религий как таковых (слабость духовенства и иное).

По результатам наших опросов, можно выделить несколько уровней, где происходит межрелигиозный диалог: диалог между руководителями религиозных организаций, диалог между рядовыми членами религиозных организаций, диалог между представителями религиозных организаций, верующими людьми, светским населением, и «полурелигиозным» населением (так называемыми «этническими мусульманами», «этническими православными»).

Итак, главными формами деятельности по усилению положительного, «здорового» межконфессионального диалога следует признать следующие. Это, прежде всего, формирование среди членов различных религиозных общин представлений об относительности «религиозных истин», о возможных разных путях ее поиска, и о признании права за другим человеком жить иной жизнью, чем его собратья по религиозной общине, исповедовать иную «истину». Далее – формирование единого общечеловеческого пласта

системы ценностей, основанной на «вне религиозной основе», силами всей российской интеллигенцией, и способной «работать» на всем российском пространстве вне религии. Эта система ценностей может дополняться религиозными ценностями из различных религий, но фундамент данной системы ценностей должен быть «светский», «гражданский». Введение в России политики мультикультурализма для ослабления остроты проблемы отсутствия межрелигиозного. Надо подчеркнуть, что и в СССР, и послесоветский период в целом стране всегда проводилась политика мультикультурализма и культурного плюрализма, поскольку сосуществование народов в рамках такого крупного государства не может быть организовано на иных принципах. Советские лозунги «дружбы народов» во многом актуальны и сейчас. Однако для применения их в настоящее время требуется серьезная и фундаментальная работа по грамотному внедрению основ мультикультурализма в современных религиозных и культурно-идеологических обстоятельствах РФ. Формирование общего поля светской духовности. Думается, что в этом направлении большие надежды можно возложить на местную интеллигенцию - писателей, художников, руководителей местных теле- и радио-каналов, театральных деятелей, - которая должна сформировать современное мультикультурное пространство, в котором и история народов Северного Кавказа, и горские традиции, и традиции казаков и русских, и исламские ценности, и православные ценности, могут найти свою нишу наряду с теми процессами, которые связаны с особенностями современной социально-экономической и политической жизнью народов Северного Кавказа. Усиление внимания республиканских властных и исполнительных органов к формированию общекультурного единого поля и гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа. Процессы религиозного возрождения сопровождаются рядом обстоятельств, которые постоянно требуют формирования определенных основ взаимоотношений государства и гражданского общества в области развития религиозных движений в РФ, поскольку распространение многочисленных религиоз-

ных направлений вызвало к жизни и разного рода внутри- и меж- религиозные конфликты как между служителями культа, так и между рядовыми членами общин.

Основные тенденции в развитии основ взаимоотношений государства и гражданского общества: формулирование понятий «традиционные религии», принятие нормативных документов, регулирующих преподавание основ религиозной жизни в общеобразовательных школах. Основные виды конфликтов, возникающие при формировании внутри- и межрелигиозном диалоге, следующие: неприятие руководителями и членам общин других конфессий, отсутствие в общественной идеологии идей мультикультурализма и знаний о данной концепции.

В последние годы в сфере межрелигиозного диалога возникли политические тенденции, когда руководство традиционных религий на Северном Кавказе – православия и ислама, «объединились» в борьбе с христианскими движениями, так называемыми нетрадиционными религиями.

В ходе этой борьбы православное и исламское руководство Северного Кавказа активно использует «властный ресурс» - республиканские властные и силовые структуры, тем самым нарушают основы Конституции о невмешательстве государства во внутренние дела религиозных обществ. Такое вмешательство неизбежно приводит к ухудшению взаимоотношений граждан РФ, исповедующих разные религии.

Казачество Северного Кавказа. Современное казачество Северного Кавказа стало культивировать, с одной стороны, казачью культуру в форме возрождения казачьей песни и танца, а с другой, православие как символ и часть казачьей культуры. Например, интересен казачий музей в ст. Келермесская [РА], созданный местным 60-летним жителем – станичным атаманом Василием Павловичем Затолокиным на общественных началах. Музей состоит из нескольких комнат, в котором собраны вещи казаков прошлых веков – много фотографий, рассказывающих о жизни казаков. В.П. Затолокин собрал уникальные материалы. На базе музея станичный атаман создал казачий детский

клуб, в котором обучают детей азам военной подготовки (стрельбе и т.д.)⁷. Вот как описывает участие казаков в празднике Пасха атаман ст. Келермесская [РА] В.П. Затолокин: «Я сам хожу на Пасху и заставляю придти двух – трех членов нашего казачьего общества». Любопытно, что в этой станице православный храм, штаб казачьего общества, станичный музей и спортзал располагаются в одном дореволюционном здании, сохранившемся в станице⁸. Сходные процессы мы наблюдали и в КЧР. Например, в ст. Кардоникская [КЧР] активно работает Дом культуры, в котором есть и детский вокальный казачий ансамбль «Зорянка», и подростковый ансамбль «Спутник», состоящий из подростков 10-14 лет, и народный фольклорный (казачий) ансамбль «Маречка», участниками которого являются 70-80-е летние старухи. Мы провели беседы с руководителем одного из этих коллективов - ансамбля «Зорянка» - Людмилой Ивановной Беспаловой и детьми – участниками этого коллектива (12 чел.)⁹. С одной стороны, дети либо с бабушками, либо с родителями иногда посещают станичный храм, многие из них уже имеют опыт исповеди и причащения. Две девочки из коллектива «Зорянки» посещают и воскресную школу, которая работает при храме. Причем, любопытно, что одну девочку в школу привела мама, а вторая - самостоятельно пошла в школу – спросила лишь у родителей разрешение. С другой стороны, ансамбль часто выступает на казачьих праздниках, исполняя казачьи песни. Коллектив имеет казачьи костюмы. Некоторые дети посещают другие мероприятия станичного Казачьего центра. Между тем, когда священник станичного храма Г.Б. пригласил участников казачьих ансамблей участвовать в церковном хоре во время

---

⁷ Интервью с директором казачьего музея ст. Келермесской, станичным атаманом Василием Павловичем Затолокиным, РА.

⁸ Затолокин В.П., Крылов М.И., Путинов А.Г., Фатеев С.А. История станицы Келермесской. К 145-й годовщине возникновения станицы. Спб., 2009, с.47

⁹ Интервью с руководителем вокального ансамбля Дома культуры Людмилой Ивановной Беспаловой, ст. Кардоникская, КЧР.

служб, то желающие не нашлись. И в результате при наличии огромного количества голосистых сельчан в церковном хоре петь некому. В другой станице - Преградской [КЧР], такая ситуация. Причем, местный подростковый вокальный ансамбль выступает во дворе храма и поет казачьи песни, а в церковный хор ходить не хотят. Так, подростковый ансамбль «Казачата» [РА] исполняет известную и популярную среди казачьих общин на Северном Кавказе песню современного барда Владимира Волкова «Ой не время нынче спать, православные», в которой есть такой припев:

«По церквам запустенье и тлен,
Без царя голова, без креста душа.
Ну-ка, матушка, встань с колен,
Надо сделать последний шаг»¹⁰.

Процесс так называемого православного возрождения, которое захватило все российские регионы, где исторически существовало христианство, на Северном Кавказе приобрело свои особенности, которые, с одной стороны, способствуют формированию идентичности казаков, а с другой, не позволяют сделать эту тенденцию более ощутимой и выраженной.

Подчеркнем, что с одной стороны, религиозные организации отделены от государства и в силу этого тесных контактов между ними не должно быть, а с другой, мы видим, что в реальной жизни существуют как положительные, так и отрицательные стороны тесного сотрудничества между ними на Северном Кавказе. Поскольку православные организации существуют в рамках национальных республик, где у власти находятся национальные правительства, местное духовенство не имеет такой поддержки, какая есть в других регионах РФ, например, в соседнем Краснодарском крае, где губернатор выделяет средства для строительства православных церквей, тем не менее и здесь мы видим, что государственная поддержка на более низком административном уровне имеется, например, русский мэр г. Майкопа [РА] предоставляет финансовую помощь для выплаты зар-

плат учителям православной гимназии¹¹. В РА и КЧР республиканские власти отказываются помогать строить церкви, мотивируя тем, что «церковь отделена от государства, мы не можем Вам помочь». И, как говорят сами священники РА, даже местные станичные и районные власти (русские и казаки) оказывают им в этом слабую поддержку¹². К «православному ресурсу» республиканские власти обращаются для решения политических целей, например, А.А. Джаримов, занимавший пост Президента в РА в 1992-2002 гг., для привлечения русских и казаков на свою сторону, приходил во время службы в Свято-Троицкий собор г. Майкопа, священники прерывали службу и предоставляли А.А. Джаримову провести в храме митинг в свою поддержку¹³. Этот факт говорит о многом.

Местное православное духовенство КЧР и РА на протяжении 1990-2000-х гг. раздирали внутренние конфликты, которые в значительной степени ослабляют и без того не высокий авторитет станичных священников. Так, до сих пор у всех в памяти и на слуху конфликт, происходящий на протяжении ряда лет в конце 1990-х годов между руководством епархии, настоятелем Никольского храма о. В. и молодым священником В. [КЧР].

Есть в республиках русские общественные движения, чья идеология не опирается напрямую на православие, в частности, в КЧР - общественное движение «Русь» (руководитель - Н.Н. Хохлачев), но оно слабое, руководство движения не стремится сотрудничать с республиканским казачьим движением, считая его «продажным». Важно подчеркнуть, что все руководители - и движения «Русь», и казачьи атаманы, говорят о том, что в КЧР любая попытка защищать русских рассматривается местными властями, силовыми и юридическими властями как «разжигание межнациональной отношений»¹⁴. Проблемы с русско - казачьи на-

---

¹⁰ Интервью с членом союза писателей РА Олегом Валерьевичем Селедцовым, г. Майкоп, РА.

¹¹ Интервью с протоиереем о. Г., г. Майкоп, РА.

¹² Интервью со священником церкви ст. Гиагинской о. А., РА.

¹³ Интервью с главным редактором газеты «Закубанье» Владимиром Каратаевым, Майкоп, РА.

¹⁴ Интервью с главным редактором газеты «Черкесск» Людмилой Ивановной Мамхяговой, г. Черкесск, КЧР.

селением в 1990-2000-е годы действительно стали настолько острыми, что вызывает необходимость обсуждения и отстаивания интересов славянского населения¹⁵. То же самое мы имеем и в РА, где есть крупная общественная организация «Славяне Адыгеи» (руководители – Н.Коновалова, В. Каратаев) и газета «Закубань», защищающие интересы русских и казаков Адыгеи. Был период, когда русские лидеры тесно сотрудничали с местной православной епархией, в частности, они много сделали для получения разрешения о передаче Свято-Афонского монастыря верующим, однако со временем разочаровались в ее деятельности. Православная деятельность, по их мнению, в Адыгее рассматривается духовенством как форма бизнеса. В. Каратаев заключает: «наша церковь не является в настоящее время опорой для русского населения»¹⁶.

Взаимоотношения между православными и мусульманами в республиках Северного Кавказа непростые. Как сообщали прихожане православного храма в одной из станиц [КЧР], карачаевцы, проживающие на другой стороне станицы, открыто оскорбляют местных русских и казаков, а последние, в свою очередь, называют горцев «черномазые»¹⁷. Русские считают, что карачаевцы за свою депортацию получили материальную компенсацию, которая позволила им в 1990-е годы наладить бизнес, а казаки, несмотря на то, что тоже пострадали, ничего не получили. В результате среди славянского населения КЧР наблюдается рост антикавказских настроений¹⁸. Бывают открытые столкновения между казаками и горцами, активно заселяющимися в станицах северокавказских республик. Есть редкие случаи, когда горцы хорошо относятся к православию и некоторые мусульмане могут посетить православный храм и по-

просить священника осветить квартиру или машину, могут взять освещенную воду для своих нужд¹⁹. В быту много случаев, когда православные и мусульмане дружат, имеют дружеские и приятельские отношения²⁰. Прихожанка Л. Свято-Троицкого храма в г. Майкопе [РА] говорит, что у неё лучшая подруга – адыгейка, мусульманка. И не только она сама празднует все, по выражению Л., мусульманские «байрамы», но ее подруга красит яйца и печёт куличи на Пасху. Прихожанка Л. подчеркивает, что «важна не национальность, а человечность»²¹. Другая прихожанка этого храма Е. отмечала, что в Майкопе [РА] «чувствуется гонения на православных. Мусульмане творят беспорядки - срезают кресты с церквей, с могил.

Настоятель церкви в ст. Гиагинской о. А. [РА] описывает ситуацию, когда они вместе со станичной властью решили поставить православный крест при въезде в станицу. Через некоторое время в церковь к священнику пришел молодой адыгеец и задал вопрос: «Зачем вы поставили крест?» и затем начал угрожать священнику. В ст. Дондуковскую [РА] однажды приезжали адыгейцы, пришли в храм и стали спрашивать настоятеля Ильинской церкви о.А.: «вы живете на нашей земле, зачем Вы строите храм на нашей земле?»²². Из всего вышесказанного мы совершенно согласны с мнением Н.А. Митрохина, который еще в 1998 г. отмечал, что «установление... этнорелигиозных границ, углубление различий между гражданами одного государства приводит к взаимному обособлению, что способствует появлению и распространению ксенофобских тенденций»²³.

Тем не менее, следует отметить, что в республике Адыгея наблюдаются случаи

¹⁵ Интервью со священником Покровской церкви о. В., г. Черкесск, КЧР.

¹⁶ Интервью с Олегом Валерьевичем Селедцовым, Майкоп, РА; интервью с главным редактором газеты «Закубань» Владимиром Каратаевым, Майкоп, РА.

¹⁷ Интервью с прихожанкой храма Т., ст. Кардоникская, КЧР.

¹⁸ Интервью с поэтессой Ольгой Михайловой, г. Черкесск, КЧР.

¹⁹ Интервью со священником Никольского храма о. А., ст. Сторожевая, КЧР.

²⁰ Интервью с православной прихожанкой Свято-Троицкого храма Е., г. Майкоп, РА.

²¹ Интервью с прихожанкой православной Свято-Троицкой церкви Л., г. Майкоп, РА.

²² Интервью со священником ст. Дондуковская о. А., РА.

²³ Митрохин Н.А. Православие на Северном Кавказе // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. Отв. Ред. Б. Олкотт, А. Малащенко. М., 1998, с.58.

крещения адыгейцев, например, одна пара приезжала в ст. Дондуковская [РА], где прошла в Ильинской церкви обряд крещения. У супругов не было детей и они решили креститься в надежде, что Господь им дарует детей (больше в этом храме они не появлялись). Обычно адыгейцы совершают обряд крещения в тайне от своих многочисленных родственников - мусульман. Адыгейцы иногда обращаются к православным священникам для совершения треб – освещения домов, машин, приходят за освещенной водой, освещения куличей на Пасху, просят священников помолиться за путешествующих или совершения чего-то²⁴. В Майкопе есть адыгейцы, принявшие обряд крещения. Нам рассказывали прихожанки Свято-Троицкого храма в Майкопе [РА] случай, как один 70-летний адыгеец решил стать казаком, а тем ему сказали, что для этого надо креститься и он согласился²⁵. Брат Президента РА вместе со своей семьей совершил обряд крещения²⁶. Известный адыгеец Нальби Куек перевел на адыгейский язык Библию²⁷.

Исследование, с одной стороны, конфессионального фактора в жизни казаков Северного Кавказа, с другой, этнического (казачьего) фактора в жизни православных этого региона, показало особую значимость религии для казачьих общин. Как нам представляется, православное присутствие на Северном Кавказе во многом для населения ассоциируется с российским присутствием, с присутствием российской власти, и ярким символом этого стало установление при въезде во все населенные пункты, в которых проживают русские и казаки, поклонные кресты²⁸. Ценностные ориентации казаков и русских Северного Кавказа, безусловно, связаны с православной этикой, однако пока данная корреляция незначительна. С одной стороны, как метко заметил настоятель Свято-афонского мужского монастыря [РА], «духовные потребности

мирян больше того, что может дать православное духовенство в настоящее время», а с другой, в силу ряда причин в казачьем и русском обществах Северного Кавказа православная этика «не работает», остается лишь позитивной идеей, претендуя на национальную (казачью) идею. Формирование этнокультурной и конфессиональной идентичности русских и казаков на Северном Кавказе в будущем будет связано с повышением влияния и авторитета православной церкви. Н.А. Митрохин отмечает, что у православного духовенства есть претензия к казакам Северного Кавказа: «они лезут в наш монастырь со своим уставом». «Казаки имеют собственное мнение по многим церковным вопросам, пытаются навязывать епархиальным управлениям свое понимание кадровой политики». Поэтому отношения между казаками и православным духовенством можно назвать «прохладными». Между тем, как нам представляется, роль духовенства в этом союзе главная. Н.А. Митрохин подчеркивает, что «резервы православной инфраструктуры в епархиях северокавказского региона исчерпаны еще не полностью»²⁹.

Интересно сравнить отношение православных верующих к мусульманам и протестантам. Есть случаи гармоничного общения с инославными, например, православная прихожанка рассказывала нам, что имеет подругу – адыгейку – мусульманку. Она сама празднует все, по её выражению, «мусульманские байрамы», и ее подруга, в свою очередь, красит яйца и печёт куличи на Пасху. Девушка заключает: «Важна не национальность, а человечность»³⁰. А другая прихожанка считает, что мусульмане «беспредельничают», в республике происходят постоянные стычки на межконфессиональной основе, мусульмане считают: «если ты русский - значит, ты не что». Кроме того, г. Майкоп «заполнен всевозможными сектами, например, Свидетели Иеговы...они распространяют свои учения путем всевозможной литературы, рекламными буклетами...они зазывают людей слабым духом и «потерянных» людей. Их главный козырь -

---

²⁴ Интервью со священником ст. Дондуковская о. А., РА.

²⁵ Интервью с прихожанкой Свято-Троицкого храма Л., г. Майкоп, РА.

²⁶ Интервью с протоиереем о.Г., г. Майкоп, РА.

²⁷ Интервью с Олегом Валерьевичем Селедцовым, г. Майкоп, РА.

²⁸ Интервью с протоиереем о.Г., г. Майкоп, РА.

²⁹ Митрохин Н.А. Православие... С.53 - 54.

³⁰ Интервью с прихожанкой православной Свято-Троицкой церкви, Майкоп.

деньги, так как за все обряды прихожане получают денежные бонусы». Подруга прихожанки попала в такую церковь³¹. Многие православные отмечают, что в республике Адыгея «на православие были сильные гонения». У одной прихожанки православной церкви сын женат на мусульманке – адыгейке³². Мусульмане, по мнению православных, – воспитанные люди, уважают старших, женщин, но, к сожалению, «они – заблудшие»³³. Любопытно, что православные верующие часто терпимо относятся к мусульманам, но нетерпимо к протестантским церквям, считая их членов – «сумасшедшими»³⁴. Прихожанка рассказывала, что, по его мнению, «город заполнен всевозможными сектами ...они распространяют свои учения путем всевозможной литературы, рекламными буклетами...они зазывают людей слабым духом и «потерянных» людей, их главный козырь – деньги, так как за все обряды прихожане получают денежные бонусы»³⁵.

Обратимся теперь к отношению мусульман к христианам: православным и протестантам. Надо отметить, что молодые мусульмане в Соборной мечети г. Майкопа бывают более нетерпимы по отношению к инославным, и часто совершенно не настроены к диалогу, нежели православные молодые верующие. Связано это, безусловно, с политическим фактором, когда мусульман российские власти часто «приравнивают» к ваххабитам, мусульманам это не нравится и это сказывается на отношении к православию. Важно понимать, что часто отношение мусульман к христианству определяется отношением к русским, к российской власти и т.д., т.е. геополитическими тенденциями.

Более грамотные и адекватные мусульмане имеют друзей как среди христиан, так среди язычников, общаясь с ино-

славными по принципу: «я не мешаю вам, вы не мешаете мне». А вот назойливость баптистов с их информационным напором мусульманам не нравится. Между тем, молодой человек уверен, что «можно быть счастливым только в исламе, потому что это действительно чистая религия и ни капли не искаженная»³⁶. Другая прихожанка Соборной мечети в г. Майкоп различает свое отношение к православным и протестантским церквям и их последователям. С православными верующими она дружит, считая их «самыми светлыми и надежными людьми, лучшими друзьями», тогда как к «представителям сект относится настороженно»³⁷. Интересна судьба одной молодой мусульманки из Соборной мечети г. Майкопа. Д. – по происхождению армянка, и все члены ее семьи являются прихожанами баптистской церкви в Майкопе, а она в 2008 г. решила принять ислам. Вначале в ее семье возникали большие проблемы, трудности в общении с родными, ее сильно осуждали, но постепенно приняли ее такой, какая она есть.

Другая молодая мусульманка Соборной церкви г. Майкопа пришла в ислам из кришнаизма. Девушка занималась йогой и поклонялась Радхе - Кришне. Вышла замуж, родила двоих детей. И постепенно разочаровалась в кришнаизме: во-первых, руководители ее организации требовали, чтобы все члены семьи стали посещать их молельный дом, во-вторых, один раз в год проводился странный ритуал, когда все члены организации должны были вступать в половые отношения друг с другом внутри группы. И лишь в исламе она нашла полную гармонию и упокоение. Причем она позитивно относится к христианским вообще, и протестантским церквям, в частности. У нее близкая подруга посещает баптистскую церковь, но между тем она замечает в своей подруге некоторую «зомбированность», она постоянно говорит некие заученные фразы и выражения.

---

³¹ Интервью с прихожанкой Свято-Троицкого собора, г. Майкоп, 28 октября 2009 г.

³² Интервью с прихожанкой Свято-Троицкой церкви, г. Майкоп, 28 октября 2009 г.

³³ Интервью с прихожанкой православной Свято-Троицкой церкви, г. Майкоп.

³⁴ Интервью с прихожанкой Свято-Троицкой церкви..

³⁵ Интервью с прихожанкой Свято-Троицкого собора, г. Майкоп, 28 октября 2009 г.

---

³⁶ Интервью с прихожанином Соборной мечети Р. , г. Майкоп, 2009 г.

³⁷ Интервью с прихожанкой Соборной мечети, г. Майкоп, 2009 г.

Молодой мусульманин Э., родом из Сочи, адыгеец, проживающий уже не один год в Майкопе, часто беседовал с приверженцами Свидетелей Иеговы или армяно-григорианской церкви, причем он подчеркивал, что среди них был и один адыгеец, которому было за 30 лет, а также армяне. Нетерпимости в нашем информаторе нет, он готов пригласить своего друга – баптистам на свою свадьбу, но все же в ходе разговоров ему хотелось бы переубедить их и привести в мечеть, однако все заканчивается спорами, вплоть до крика, в частности по поводу распятия Христа. Информатор считает, что истина только в исламе и по его мнению, быть христианином – «значит противоречить Корану»³⁸. Бывают случаи, что религия различает друзей, мусульмане иногда отказываются от дружбы, если их друзья становятся членами христианских общин³⁹.

Сильной стороной протестантских церквей, по мнению А., является активная пропаганда своего учения. Члены общины действительно часто ходят по дворам, квартирам и раздают различные информационные материалы⁴⁰.

Многие «нетрадиционные» христианские организации имеют реабилитационные центры, например евангельское движение «Исход» в республике Адыгея. Евангельские христиане – баптисты в Майкопе (столице Адыгеи) тоже имеют свой реабилитационный центр – в поселке Тульская: в нем 10 «проблемных» мужчин (алкоголиков, наркоманов) живут и трудятся бок о бок с «братьями» - членами общины. Христианские движения стремятся оказывать социальную помощь и одновременно проводить пропаганду своих идей в социальных учреждениях, в частности баптисты работают с интернатом в ауле Шовгеновский в республике Адыгея.

Руководители и православных церквей, и мечетей в республике Адыгея негативно относятся к протестантским объединениям. Они отказываются вести с

ними диалог. Муфтий ДУМ РА Н. Емиж убежден, что протестанты, приехавшие на Кавказ в начале 1990-х гг., имеют финансирование, чем и объясняется приток к ним населения: члены общины получают деньги за свое участие в религиозном объединении. Он говорит так: «Секты – специальная приманка для россиян» (интервью с муфтием Республики Адыгея и Краснодарского края Нурби Моссовичем Емижем, 21 октября 2009 г., Майкоп). По его мнению, в России осуществляется контроль над православной и мусульманской литературой, а над протестантской – нет. Далее Н. Емиж утверждает: «Сектам нужны российские недра (золото, уголь). Почему представители сект раздают сахар, рис в России, а не в Африке? Чтобы Россию расшатать, растащить, развалить. С Запада приезжают не для людей, а для получения собственной выгоды». Они «привлекают к религии несовершеннолетних. Раздают в детском саду брошюры, в которые вложены шоколадки, книги с шоколадками. Ходят по домам, когда дома нет родителей». В результате он заключает, что «традиционные религии должны быть «выше» других религий». Должны быть государственные привилегии для «традиционных» религий, а иначе многие постепенно перейдут в протестантские объединения, поскольку в них, как выразился Н. Емиж, «облегченные» методы духовной жизни, во всяком случае по сравнению с исламом, где нужно совершать намаз пять раз в день. «Сегодня молодые адыгейцы идут в секты из-за денег...».

По мнению настоятеля Свято-Троицкого кафедрального собора Майкопа протоиерея о. Геннадия (Макаренко), православные священники тоже отказываются иметь контакты с руководителями протестантских объединений и также считают, что следует применить «государственные методы» ограничения распространения протестантских церквей.

Таким образом, возможность межрелигиозного диалога на современном Северном Кавказе нередко затруднена. Государственным и иным институтам следует всемерно способствовать налажива-

---

³⁸ Интервью с прихожанином соборной мечети г. Майкопа Э.

³⁹ Интервью с прихожанкой Соборной мечети, 25 октября 2009 г.

⁴⁰ Интервью с прихожанином православной Свято-Троицкой церкви, г. Майкоп, 24 октября 2009 г.

нию этого диалога, дабы ослабить общественные противоречия и усилить тенденции гражданского единства.

Бабич И.Л.
д.и.н., гл. научный сотрудник ИЭА РАН

Ислам и мусульмане – опыт межкультурной коммуникации в Самарском регионе

В современной общественной жизни Самарской области и публичном дискурсе наиболее актуализированы православие и ислам. Взаимодействие между последователями этих вероучений оказывает непосредственное влияние на характер социальных контактов, определяет социальное самочувствие. В настоящее время в Самарской области зарегистрировано свыше 580 религиозных организаций, представляющих 23 вероисповедания. Наибольшее число религиозных организаций относятся к Русской православной церкви (374, в том числе 6 монастырей). Мусульманская община насчитывает свыше 90 приходов.

Социологические опросы свидетельствуют о том, что до 80% россиян считают себя верующими. Например, по данным татарстанских социологов свыше 84% русских и столько же татар, проживающих в республике, обладают религиозным сознанием (утвердительный ответ на вопрос «Верующий ли Вы человек?»). При этом идентифицируют себя православными 92,1% верующих русских и 93,5% верующих татар¹. По результатам опроса, проводившегося в октябре 2013 г., свыше 87% самарских студентов назвали себя верующими. Большинство (66%) идентифицируют себя с православием, 8% - с исламом, столько же (8%) заявили, что они «верят, что Бог есть», но не являются последователем какой либо кон-

фессии². Как видим, считать себя верующим и быть последователем той или иной религии – это далеко не тождественные понятия даже с точки зрения обыденного сознания. Эту ситуацию зафиксировали и ответы на прямой вопрос «ощущаете ли Вы связь с какой-нибудь религией, ее взглядами, культурой», заданный самарцам осенью 2014 г. Утвердительно ответили две трети (71%) респондентов. Вместе с тем такие религиозные праздники как Пасха и Рождество отмечают 89% респондентов, среди них и те, кто позиционируют себя мусульманами. Сказывается личный опыт общения: более трети респондентов - немусульман общаются с представителями мусульманской культуры на работе, в семье, в дружеских кругах.

Однако две трети респондентов отметили, что знают об исламе и мусульманской культуре понаслышке³. В этой связи принципиальное значение для межкультурных коммуникаций (в первую очередь – межэтнических и межконфессиональных) имеют знания, представления о религиозной культуре, образе жизни

¹ Мусина Р.Н. Динамика идентичностей и проблемы этноконфессиональной толерантности в постсоветском Татарстане// Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сборник статей международной конференции. – Самара, СГСГА, 2013, с.209.

² Мухаметшина, Н.С. Формы идентичности // Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013., с. 62.

³ Опрос проводился по программе Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (ИЭА РАН) в субъектах ПФО. Выборка квотная пропорциональная по полу, возрасту, образованию. В Самаре опрошено 100 респондентов. Этническая принадлежность респондентов: русские – 82%, татары – 6%, украинцы – 3%, чувашаи – 2%, армяне, башкиры, казахи, мордва, удмурты. В целом этнический состав респондентов отражает этнический состав населения Самарской области, зафиксированный Всероссийской переписью 2010 г.

людей, исповедующих ислам. Больше всего на представления об исламе и мусульманах влияют телевидение (46%) и повседневное общение с окружающими (39%). Некоторые респонденты отметили равнозначность обоих источников, обратили внимание на роль интернета. Помимо перечисленного каналами межкультурной коммуникации являются образовательные (уроки, лекции, лектории, круглые столы, школы толерантности и др.) и аудиовизуальные технологии (музеи, выставки, концерты, фестивали, традиционные праздники и др.). В условиях Самарской области аудиовизуальные технологии используются достаточно активно, да и образовательные учреждения обращаются к исламской тематике. Проблема заключается в том, что целевой аудиторией в таких случаях, как правило, являются «этнические мусульмане», то есть представители народов, традиционно исповедующих ислам, а основная часть населения по разным причинам «вынесена за скобки».

Личный опыт общения способствует в целом позитивному восприятию носителей мусульманской культуры. По мнению половины респондентов (51%), принявших участие в пилотном опросе в октябре 2014 г., отношения между людьми разных религиозных направлений в Самарской области хорошие. Около трети высказали тревогу, отметив, что «внешне все спокойно, но напряженность ощущается» (30%). Мнение «отношения напряженные, случаются конфликты» поддержали 5 респондентов (0,5%).

О позитивном настрое межкультурных, межконфессиональных контактов в ходе интервью говорил один из самых уважаемых представителей региональной уммы: *«Отношения мусульман и представителей православия, протестантизма и других конфессий в Самаре и области толерантные. Никаких трений, а тем более конфронтации нет» (старший имам Соборной мечети Иршат хазрат Сафин)*⁴.

⁴ Здесь и далее экспертные интервью цит. по: Мухаметшина, Н.С. // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность // Воронцов В.С., Галлямов Р.Р., Идиатуллин А.К., Касимов Р.Г., Мусина Р.Н., Мухаметшин Р.М., Мухаметшина Н.С., Нуруллина Р.В.,

Однако общественным мнением ислам все чаще воспринимается в контексте угрозы распространения экстремизма, с исламом (исламистами, ваххабитами) связывают терроризм⁵. Пилотный опрос, на результаты которого мы ссылались выше, показал, что жители Самары осторожны в подобных обвинениях: часть из них считает, что среди местных мусульман радикальные идеи не распространены (14%) либо распространены мало (31%). Только каждый десятый респондент отметил, что радикальные идеи среди самарских мусульман имеют место быть. Особое внимание необходимо обратить на тех респондентов, для которых вопрос о распространении идей радикального ислама в регионе оказался сложным и они не смогли на него ответить (42%). Такая неопределенность позиции политического сознания может рассматриваться либо как политкорректность, либо как равнодушие по принципу «не знаю и ничего знать не хочу», «меня это не касается».

С другой стороны, религия в общественном мнении воспринимается как ресурс противодействия и предупреждения экстремизма. В частности, об этом свидетельствуют ответы на прямой вопрос «может ли религия противостоять экстремизму»: в той или иной степени каждый второй респондент (54%) видит в религии такие возможности. Около трети полагают, что религия не способна противостоять экстремизму (32%), из них уверенно заявили свою позицию 10%.

Духовные руководители и подавляющее большинство мусульман региона не приемлют использование религиозного фактора в политических целях, осторожны и внимательны к попыткам пропагандиро-

Старостин А.Р., Хайруллина Н.Г. / рук. проекта и отв. ред. Р.Н.Мусина.- Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014, сс.157-200.

⁵ См., например: Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на Кавказе: направления, течения, религиозно-политические взгляды // Этничность и религия в современных конфликтах // Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо – Маклая РАН. – М.: Наука, 2012, сс.607, 620; Нурутдинова, А.Н. // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане // под ред Р.Г. Минзаринова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. – Казань: Казан. ун-т, 2013, сс. 138-165.

вать радикальный ислам. Показательна в этом плане ситуация с появлением в Самарской области в 2004-2005 гг. adeptов «Хизб ут-Тахрир» (Партия исламского возрождения). Духовенство и прихожане пресекли их деятельность, в частности, во время намаза в Соборной мечети было зачитано Заявление, резко осуждающее провокационную деятельность сторонников «Хизб ут-Тахрир». Заявление единодушно поддержали прихожане. Осенью 2005г. состоялся судебный процесс по делу членов «Хизб ут-Тахрир»⁶. В дальнейшем публичная деятельность adeptов «Хизб ут-Тахрир» на территории области не фиксировалась. Деятельность сторонников радикального ислама в 2013-2014 гг. была пресечена жителями села Алькино Похвистневского района. Приверженцы ваххабизма, поселившиеся в селе, пропагандировали свои взгляды среди молодежи, распространяли литературу. Почувствовав безнаказанность и сочувствие некоторых сельчан, переселенцы повели себя более активно, стали возникать конфликты. По словам ректора медресе «Гали», расположенного в Алькино, «наши аксакалы не хотят, чтобы в мечети, где молились их деды, чуждые нам по духу люди обращали подрастающее поколение в свою веру. Коренные жители уже с вилами и топорами готовы выгнать ваххабитов из села, но мы понимаем, что это противозаконно, и хотим объяснить это сельчанам». Местные жители, выгнав ваххабитов из мечети, обратились с заявлениями в полицию⁷.

⁶ См. подробнее: Мухаметшина Н. Деятельность «Хизб ут-Тахрир» продолжается // Этноконфессиональная ситуация в ПФО. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов – М., 2005. Бюллетень №99. – сс.26-27; Мухаметшина Н.С., «Хизб ут-Тахрир»: официальная и общественная реакция на деятельность в регионе // Этноконфессиональная ситуация в ПФО. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М., 2005. Бюллетень №107, сс.25-26.

⁷ Мухаметшина Н. Самарская область // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад 2013 Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов /Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. - М.: ИЭА РАН, 2014, с. 397.

Среди некоторой части мусульман позиции радикального ислама находят если не поддержку, то симпатии. По мнению экспертов из мусульманского сообщества радикальные взгляды привлекательны в первую очередь для тех, кто принял ислам самостоятельно, стал новообращенцем: «...*Не было рядом его деда или отца, которые водили бы его с малых лет в татарскую мечеть... Такие мусульмане без корней, без семейного воспитания чаще всего оказываются в рядах всякого рода экстремистских организаций. В эти ряды приходят больше всего молодые люди, которые не могут реализовать себя. Конечно, есть там представители из благополучных семей, и родители богатые, но больше всего - такие неуспешные люди. Где-то они самореализоваться не смогли, ни устроиться, ни выучиться, ни сделать карьеру. Потом они на фоне своих неудач с огромными удовлетворительностью оказываются в экстремистских организациях*» (исполнительный директор областной татарской НКА Ш. Галимов).

«Нет фундамента религиозного, стержня, на который можно опереться. И получается, они уходят в эти секты, иногда сами не понимая этого, уходят в заблуждения, и не могут найти обратные пути» (секретарь РДУМСО Наиль хазрат Сулейманов).

«Простые люди, молодежь, зачастую с сочувствием воспринимают и даже поддерживают религиозный экстремизм, по многим причинам. Это и дискредитация самими мусульманскими авторитетами, ДУМами, большинством мусульман идеалов ислама, оторванность официального мусульманского духовенства от народа, нередко невежество имамов, включая высших лиц в регионах и больших духовных центрах, соборных мечетях... Отсутствие настоящей национальной идеологии. Это и проблемы общества - коррупция, взяточничество, лицемерие партийных лидеров, депутатов, отсутствие справедливости в судебной и других системах, в которых ислам декларирует необходимость строгой ответственности, справедливости» (советник региональной творче-

ской общественной организации «Дуслык» И.М. Галяутдинов).

Не оспаривая справедливость приведенных выше жестких оценок, отметим, что они не характеризуют в целом мусульманское духовенство и российских мусульман, а лишь артикулируют наличие проблем. Пилотный опрос самарских жителей, 82% из которых – русские, зафиксировал их лояльность к последователям ислама. Миротворческую и благотворительную деятельность мусульман и мусульманских духовных лидеров России почти две трети респондентов оценили положительно (33%) либо нейтрально (29%). Более трети (37%) затруднились с ответом. Однако на вопрос, «какие миротворческие или благотворительные мероприятия мусульман в Вашем регионе Вам известны» 93% респондентов не смогли ответить. Среди содержательных ответов «Сабантуй», «Курбан Байрам», «Ураза Байрам», «Хадж», «проповеди», «угощение верующих на праздниках», «сбор помощи беженцам», «угощение ветеранов ВОВ». Очевидно, что отсутствие негативных оценок объясняется позитивным отношением россиян к миротворческой деятельности и благотворительности. Таим образом, если большинство самарцев знают об исламе и мусульманской культуре весьма поверхностно («понаслышке»), то о такой позитивной деятельности как миротворчество, благотворительность осведомлены немногие. Судя по результатам ответов, не знают об этой деятельности мусульманского духовенства и мусульман и те горожане, которые, по их признанию, общаются с мусульманами регулярно (более трети опрошенных). Можно предположить, что информация о деятельности мусульманских организаций для большинства либо недоступна, либо неинтересна. Представляется, что главная причина – это просчеты в организации информационно-рекламного сопровождения мероприятий.

Следует учитывать рост религиозности традиционных для региона «этнических мусульман». За два последних десятилетия ситуация изменилась настолько существенно, что рост числа верующих в мечетях Самары и других городах не вызывает сомнений:

- «...Если 25 лет назад я лично бывал на Курбан-байрам, Ураза-байрам в Старой мечети, то там собирались человек 200-300. И народ радовался, что так много народа пришло, столько разговоров потом, что народ просыпается. На 40 тысяч татар 200 пришли на Курбан-байрам! Сейчас 5 тысяч не умещаются в Соборной мечети, во дворе примерно столько же на ковриках читают, и ещё в пяти местах, в других местах читают...» (журналист Ш. Багаутдинов).

Однако наблюдающийся с конца 1980-х гг. рост численности прихожан в мечетях, в 2000-е гг. дополнился миграционной составляющей и приобрел следующую особенность: среди местных «этнических мусульман» интерес к религии ослабел, мечети заполняются мигрантами-мусульманами, численность которых продолжает увеличиваться⁸: «Думаю, что о религиозном возрождении как по всей стране, так и у нас в области говорить приходится прагматически. Да, было поголовное сначала увлечение, затем оно, бытовавшее у некоторых в виде моды, прошло. Основной костяк остался в вере. Но ревностных, исповедующих на самом деле, то есть практикующих, выполняющих обряды, не очень много. В контексте того, что так много мечетей, медресе и возможностей, ... отставших от общей волны не много. Да веруют, да соблюдают, но содержания в вере людей не так много. Внешне мы видим увеличение, но в общем потоке это не так много» (старший имам Соборной мечети Иршат хазрат Сафин).

Основными проблемами функционирования современного российского ислама, прежде всего в условиях Урало-Поволжья, являются малочисленность квалифицированных кадров священнослужителей, слабая

⁸ Урюпин К.В. Включенность временных трудовых мигрантов в религиозную жизнь регионального сообщества //Аспирантский вестник Поволжья. – Самара, 2012. - № 3-4, сс. 177-179; Мухаметшина Н.С. Мусульманское сообщество России под влиянием миграционных процессов (на примере Самарской области). - Россия и мусульманский мир. – 2012., №6, сс.22-27.

просветительская деятельность мусульманских организаций, разрыв в традиционных мусульманских практиках. В Самарской области эти проблемы еще более очевидны:

«...Остается только пожалеть о том, что христианство сильно не только из-за сильной поддержки государства, оно очень сильное, так как у него очень сильная просветительская система. Я вот был в Духовной семинарии. Простой семинарист вел экскурсию. У нас шакирда возьми, нет такого, потому что нет хорошей базы, они не обучаются светским вещам...По моему опыту, вот в Казани это сильно развито. У нас подготовка не такая сильная. Я с упоением слушаю Кирилла (патриарха - Н.М.), очень грамотно говорит. Да и любого священника, у них речь поставлена...Чтобы достойно вести диалог, если взять Самарский регион, то нет такого, такой диалог не сможем поддержать. Если только Иршат хазрат (Сафин - Н.М.). Но вот в этом плане православных уважаю. Но то, что у них такая дикая ненависть к исламу - это пугает. Наши власти совсем не понимают, что извне идет такая угроза. Насколько были мудры Петр I и Екатерина II. Петр первый в России приказал перевести Коран на русский язык. Екатерина II сделала в Уфе

первое духовное мусульманское управление ...» (редактор газеты «Саям» Ф. Ширязданов).

В последние годы Региональное Духовное управление мусульман Самарской области прилагает усилия для активизации образовательной и просветительской деятельности. Совершенствуется методика преподавания в медресе, систематически организуются курсы повышения квалификации имамов и муэдзинов, курсы по изучению основ ислама, проводятся научно-практические конференции и форумы. Эта деятельность актуальна как с точки зрения функционирования ислама в условиях поликонфессиональной страны и профилактики радикализации мусульманского сообщества, так с точки зрения геополитических рисков. Следовательно, заслуживает внимания и поддержки государства и общественности. Однако не менее актуальна просветительская деятельность среди немусульманского населения, составляющего доминирующее большинство. Пока этому направлению ни ДУМСО, ни органы власти, ни общественные институты не уделяют должного внимания.

Мухаметшина Н.С.

О дискурсе “исламского терроризма” в Татарстане

Говоря о политизации этничности и религии в информационном пространстве Татарстана, следует отметить точку отсчета – трагические события 2012 года с покушением на муфтия Татарстана и убийством бывшего заместителя муфтия Валиуллы Якупова. Редкие до этой поры публикации, появившиеся преимущественно на интернет-сайте «Регнум», стали множиться и формировать дискурс «исламского терроризма» в Татарстане.

Анализ информационного поля республиканских СМИ показал, что местные журналисты подходят с большой осторожностью к репрезентации событий, связанных с исламом, ограничиваясь в большей мере информированием, конста-

тацией фактов. Комментарии и объяснения, как правило, прерогатива экспертов от науки и религии.

Виртуальное интернет-пространство обладает рядом преимуществ, в сравнении с печатными и электронными СМИ: свобода выражения, оперативность, интерактивность и колоссальный охват аудитории. Эти качества глобальной сети повышают ее конкурентность в формировании разного рода дискурсов, связанных с исламом, мусульманами и исламским терроризмом, формируя в массовом сознании татарстанцев и россиян образ «опасного» российского мусульманина и Татарстана, как «ваххабитского» мусульманского региона.

Сложившаяся ситуация характеризуется определенными рисками в молодежной среде. Учитывая фактор динамики численности молодых мусульман в республике, автономность молодежных религиозных общин и не всегда эффективную коммуникацию с официальными исламскими институтами РТ, интернет-пространство выступает как аккумулятор самых разных исламских течений, экстремистских в том числе; а также резонатором событий, происходящих в мусульманском сообществе Татарстана. С другой стороны, происходящие, или фабрикуемые «события», так, или иначе связанные с исламом, вызывают реакцию со стороны представителей русской и православной части населения республики. Анализ интернет-ресурсов свидетельствует о значительном потенциале этого информационного источника в формировании интолерантных установок и конфликтности в молодежной среде.

В качестве показательной иллюстрации в данной статье представлен пример одного из резонансных информационных поводов о «шариатском патруле» в Татарстане. Он интересен не только актуальной темой, но и технологиями конструирования события, спецификой его диссеминации в интернет-пространстве, а также спектром дискурсов, порождаемых включенными в обсуждение сторонами.

Первоисточником информации стала группа «Информпортал Общества русской культуры Республики Татарстан» в социальной интернет-сети «ВКонтакте», которая 4 января 2014 г. опубликовала информацию об одном из сел Татарстана Базарные Матаки: «*в канун Рождественских каникул в райцентре появились так называемые «шариатские патрули», представители которых, не скрывая ножей, притороченных к поясам, нападали на подвыпивших прохожих, и под предлогом, что те живут не по «Шариату» отнимали у них деньги и ценности, а также, уговаривали не праздновать Новый год – «кяферский праздник», цинично называя свои бандитские вылазки «даватом» («исламским призывом»). Однако 3 января 2014 года эти люди получили решительный отпор от местных молодых людей из трезвеннического движения «Русские пробежки за здоровый образ*

жизни», членами которого символично являются чуваша, русские и татары. Что интересно впоследствии за помощью побитые участники «шариатского патруля» обратились не в районную больницу, а в медучреждения, находящиеся за пределами райцентра, например, в Казани и Набережных Челнах, где у них налажены крепкие связи с действующими ваххабитскими джамаатами».¹

Далее этот информационный вброс был подхвачен рядом интернет-изданий. Тему подхватили СМИ, как татарстанские («Интертат»), так и федеральные («Регнум», «Комсомолка», «Интерфакс», «Независимая газета»), а также российские региональные интернет-издания и блоги. Судя по интересу к теме и количеству откликов и комментариев, информационный повод вызвал отклики не только в российских регионах, но и на Украине, в Казахстане, в кавказских республиках. Содержание откликов может послужить неким индикатором определенной части общественного мнения, которая пока проявляет себя преимущественно в виртуальном пространстве, но при определенном стечении обстоятельств может стимулировать вполне реальные социальные движения.

Всего в интернете было обнаружено 154 публикации на событие с информацией и комментариями, 33 наиболее характерных и показательных из них мы подвергли детальному анализу. Тематический анализ собранных материалов позволил выделить несколько ключевых тем, получивших развитие в ходе интернет-дискуссий: тема «православия на территории Татарстана»; «поджога церковей в Татарстане»; «ислама на территории республики»; «бездействия / пособничества власти Татарстана в «прогрессирующей ваххабизации» республики»; «опасности, исходящей от мигрантов-мусульман»; «глобальной исламизации»; «русского» националистического алармизма».

Наибольшее развитие и количество откликов в интернете получила тема православия в республике, воплощением которой стал образ настоятеля храма Пресвятой Троицы в селе Базарные Матаки протоиерея Андрея Зинькова,

---

¹ <http://vk.com/club1680725>

фрагменты интервью которого цитировались и варьировались в различных источниках. Катализатором развития темы стал фрагмент «физической расправы» со стороны бойцов шариатского патруля в случае неприятия протоиреем Андреем Зиньковым ислама: «В последний раз «братья-мусульмане» ко мне подошли в 2010 году. Настойчиво склоняли к принятию ислама. Когда отказался, бросили в окно моего дома бутылку с зажигательной смесью. К счастью, успел потушить. Потом подожгли мой «УАЗик». После этого вроде бы угомонились, но велели изучать ислам...»²

Частный случай «преследования» православного служителя получил развитие в обсуждении темы «поджога церквей» в РТ (события ноября 2013 г.) и, в целом, положения православия в республике, суть которых сводилась к тезису о том, что в Татарстане идет латентное ущемление прав православных со стороны региональной власти: «Можно сказать, что в Татарстане ваххабиты объявили войну Православию, идет тотальное наступление на культовые сооружения. Духовное управление мусульман и власти Республики Татарстан никак не отреагировали на данные акты вандализма. Митрополия, которая тоже никак не выразила свое отношение к этим фактам, и православная общественность должны занять более жесткую позицию и потребовать от властей наказания виновных, а прихожанам нужно организовать патрулирование территорий вокруг церквей в ночное время совместно с полицией».³

Тема получила закономерное продолжение: казанское интернет-издание «Честное слово» опубликовало обращение к Президенту РТ: «В связи со случившимся прихожане прихода Пресвятой Троицы направили 13 октября Президенту РТ Рустаму Минниханову следующее обращение: «Уважаемый Рустам Нургалеевич! О подобных преступных действиях мы раньше читали или видели

по телевизору, в нашем мирном селе этого не было, не было никаких сект и других группировок. Как можно расценивать такие действия - бросить ночью в окно бутылку с зажигательной смесью в дом священника? Это было сделано в ночь с 29 на 30 сентября в 22 часа 45 минут. От большого пожара и гибели людей спасло то обстоятельство, что люди в это время еще не спали и наш батюшка смог потушить пожар. Прихожане возмущены таким поступком. Кому помешал наш батюшка? Кому помешала его многодетная, скромно живущая семья? Это не просто хулиганство, а целенаправленное действие, направленное, если не на убийство семьи, то на причинение вреда здоровью семьи и уничтожение имущества. Может, кому-то помешала строящаяся более десяти лет церковь? У нас в селе три мечети, но они же никому не мешают. Наш батюшка всеми силами старается достроить церковь, которую он и начал возводить. Но не хватает средств, нет среди православного населения богатых людей, тех, кто бы мог стать спонсором... Прихожане прихода, всего 170 подписей».⁴

Анализ обсуждений в сетях закрепляет представление у интернет-пользователей об «ассоциации» региональной власти с ваххабитским трендом: «Редакция «ЧС» держит под контролем расследование происшествия в Базарных Матаках – по этому поводу главным редактором направлен соответствующий запрос на имя прокурора РТ К. Амирова». Да, имеется в виду тот самый Кафиль Амиров (недавно отправленный в отставку федеральным центром) - симпатий к которому не скрывали татарские неонацисты (из числа "Правых татар") и ваххабиты. Разумеется, при Кафиле Амирове следствие никак и не вышло бы на ваххабитов».⁵

Одной из характерных технологий конструирования массовости и широты проблемы явилась апелляция к широким слоям населения, жителям республики: в публикациях интернет-изданий появляются как отдельные персоны, так и «жители»

---

² http://chskaz.narod.ru/chs97_5.html

³ Русская народная линия:
http://ruskline.ru/news_rl/2013/12/05/v_tatarstane_vahhabity_obyavili_vojnu_pravoslaviviyu

⁴ Там же.

⁵ http://chskaz.narod.ru/chs97_5.html

населенных пунктов РТ, активно участвующие в формировании и обогащении новым содержанием транслируемого дискурса: «Как и во многих населённых пунктах Татарстана, в Базарных Матаках орудует ваххабитский джамаат. от 1 ноября 2010 года. Газета не даёт ответа на этот вопрос. Но местные жители знают: ваххабиты требовали от о.Андрея Зинькова принять ваххабизм (радикальный ислам), и начать тренировать членов джамаата (отец Андрей известен не только как священник, но и как тренер по каратэ). Жители Базарных Матак попросили нас опубликовать эту статью из архива газеты».⁶

Представленная «Честным словом» архивная публикация призвана развить еще одно направление, связанное с темой исламской глобализации, которая представлена в алармистском ключе и формирует у читателей картину тотальности экстремистского движения в Татарстане, формируя тем самым образ «горячей точки» на карте РФ: «Члены местного ваххабитского джамаата придерживаются идеологии "Ат-Такфир-валь-Хиджра". Среди членов джамаата есть и те, кто не скрывал, что прошёл обучение в Афганистане в лагерях "Талибан", однако сейчас эти "джихадисты" находятся в Сирии. Тем не менее, большинство членов джамаата сейчас остаётся в Базарных Матаках (периодически они организуют "шариатские патрули" - отрабатывая приёмы бокса и каратэ на пьяных запоздалых прохожих; избив человека, они говорят ему о том что шариат запрещает употреблять алкоголь). Кстати, когда в Нурлате не так давно случилась знаменитая массовая "этническая" драка - на подмогу кавказской группировке в Нурлат выехали и ваххабиты из Б. Матак.»⁷

Здесь следует отметить, что сюжет о Шариатском патруле помещается в более широкий, мировой контекст: «Отметим, что если для России «шариатские патрули» - пока редкость, в западных странах к ним уже стали привыкать. К примеру, в Лондоне, где проживает множество мигрантов из мусульманских

стран, молодые исламисты выходят по ночам на улицы - отбирают у прохожих алкогольные напитки, закрашивают рекламу с красотками в откровенной одежде и пр. Таким образом они «защищают мусульманскую территорию от неподобающего поведения прочих лондонцев»⁸.

Весомость и правдоподобность ситуации в конструируемом событии «призваны» придать эксперты из числа ученых: «Исламовед Сулейманов считает, что ваххабиты начинают себя вести все наглее, а чиновники на местах при этом бездействуют, да и руководство республики предпочитает не замечать существующей проблемы. Между тем, на днях российские и казахстанские СМИ сообщили, что в один из праздничных дней после Нового года в райцентре Базарные Матаки (Алькеевский район Республики Татарстан) произошли стычки между представителями местного «шариатского патруля», среди которых немало гастарбайтеров, и активистами движения «Русские пробежки за здоровый образ жизни».⁹

С другой стороны, был представлен комментарий официального мусульманского представителя - имама казанской Закабанной мечети им. 1000-летия принятия ислама Сейджагфар-хазрата Лутфуллина: «Шариатские патрули» - самодеятельность, не имеющая никакого отношения к исламу. Имам напомнил, что на Сабантуе в Казани также были замечены группы исламистов, убеждавших людей, что это «немусульманский праздник», и собиравших деньги на поддержку сирийских моджахедов. Россия - светское государство. И здесь не действуют законы шариата. Если на улице встретим пьяного человека, предадим его суду шариата? Нет, конечно! Вызовем «скорую» или полицию. Причем тут религия?»¹⁰.

«Реальность» события призваны придать его участники: «гастарбайтеры» (выходцы из Средней Азии и Кавказа) и «активисты движения «Русские пробежки

⁶ http://chskaz.narod.ru/chs97_5.html

⁷ Там же.

⁸ <http://www.intertat.ru/ru/obschestvo/item/22693-ktomnogo-pet-togo-shariatskiy-patrul-zaberet.html>

⁹ <http://rovego.livejournal.com/3386002.html> "Шариатский патруль" vs "Русские пробежки"

¹⁰ <http://www.intertat.ru/ru/obschestvo/item/22693-ktomnogo-pet-togo-shariatskiy-patrul-zaberet.html>

за здоровый образ жизни». Само название главного героя-участника события идеологически заряжено: здесь «Шариатскому патрулю» противопоставляется социальная группа, маркированная: а) по этническому; б) по конфессиональному; в) социально-направленному («здоровый образ жизни») признакам. Примечательно, что в сформированном дискурсе оба противостоящих героя «конфликта» представлены в этноконфессиональной оппозиции «русские – кавказцы, татары»; «православные – мусульмане». Однако, социальная задача обеих организаций, казалось бы, общая: они выступают за здоровый образ жизни, но решают ее по-разному. В текстах многократно обсуждается, что Шариатский патруль терроризирует местных жителей православного вероисповедания: требование не пить спиртное сопровождается грабежом получаемых: «Участники «патрулей» цеплялись к подвыпившим прохожим, упрекая их за то, что те живут не по «шариату», и отнимали деньги и ценности. Попутно «патрульные» уговаривали людей не праздновать Новый год, являющийся «кяфирским» праздником. Свои действия исламисты называли «дагватом» («исламским призывом»).

«Русские пробежки» - акцентируют важность занятий спортом и выставляют себя в качестве боевой группы, способной дать отпор «чужакам». Цветовая маркировка атрибутов группы на фотографиях соответствует российскому триколору. Цветовая гамма, ассоциируемая с Шариатским патрулем – черно-желтая. Реальных фотографий бойцов Шариатского патруля в интернет-публикациях не встретишь, однако их образ сопровождается картинкой Шариатского патруля, географически приписываемого Лондону, что также усиливает впечатление тотальной оккупации исламистами всего мира и России в том числе.

Следует отметить быструю реакцию властей и журналистов на информационный повод. Вскоре за публикацией события последовали журналистские расследования и опровержения. В данном контексте важно отметить, что информация о фиктивности «интернет-события» была

представлена несколькими республиканскими изданиями: среди них солидное интернет-издание Бизнес-онлайн: «На деле все оказалось проще. Глава исполкома района Александр Никошин сообщил, что 23 марта 2011 года Алькеевский районный суд рассмотрел уголовное дело в отношении жителя села Базарные Матаки, который совершил поджог дома и автомобиля протоиерея. На процессе выяснилось, что поджигатель придерживается православного вероисповедания, по национальности чуваш, а на преступление пошел из-за того, что Зиньков не рассчитался с ним по долгам. В итоге мотивов расовой, национальной или религиозной вражды в деле обнаружено не было, а подсудимого приговорили к двум годам лишения свободы условно».¹²

Тем не менее, анализ сетевой активности вокруг «события» показал, что факт опровержения получил слабое развитие. Анализ реакции различных блоггеров и интернет-ресурсов на событие свидетельствует о преобладании алармистских и деструктивных отзывов националистического и экстремистского характера: «Россия расколота. Социо-культурные различия ведут к постоянным конфликтам на почве национальности и веры. Сигналы приходят отовсюду, со всей территории РФ. В татарском селе Базарные Матаки между представителями двух общественных движений произошла серия конфликтов, закончившаяся массовой дракой».¹³

«Средневековье какое то, ох натерпятся россияне...

<...> Надеюсь, тут-то никто не напишет, как в случае с Северным Кавказом, "да отделить их, да и всё"?¹⁴

«В Татарстане появились шариатские гоп-патрули

«русским пробежкам» конечно уважаю, только куда полиция смотрит?»¹⁵

¹¹ «Русская народная линия».

¹² <http://www.business-gazeta.ru/article/95127/> Буря над Базарными Матаками: кто ответит за базар? 11.01.2014.

¹³ <http://rovego.livejournal.com/3386002.html> "Шариатский патруль" vs "Русские пробежки"

¹⁴ <http://rovego.livejournal.com/3386002.html> "Шариатский патруль" vs "Русские пробежки" 2014-01-06

¹⁵ <http://www.city-n.ru/view/334776.html>

«Становится понятно, что Татарстан заразился какой-то ему ранее не ведомой болезнью и если срочно не принять меры, то совсем скоро станет поздно».¹⁶

Реакцию пользователей интернета можно охарактеризовать как агрессивную и конфликтную. Альтернативных мнений и высказываний насчиталось немного: «самое главное статья написана в стиле разжигания межи и межк розни. О том, что приведенные факты противоречат друг другу я уже молчу. То они борются с пьянством то нападают с целью грабежа. Как то не вяжется с Исл ценностями и названием организации. Да и Русские пробежки против пьянства»¹⁷.

«Продолжаются информационные провокации против татарских мусульман. В начале января вся шовинистическая часть рунета билась в пароксизме радости и гнева. Радости, что русские националисты "Русских пробежек" избили "татарских вахабитов" из "шариатского патруля" в селе Базарные Матаки Татарстана. Гнева, что такие шариатские патрули есть, и это, дескать, еще одно подтверждение исламизации Татарстана. Появлялись даже обширные репортажи с места события - с именами и ссылками на местных лиц - которые должны были убедить в правдоподобности события. Эта информация сразу показалась неправдоподобной. Во-первых, наличие шариатских патрулей в Татарстане выглядело явной несуразицей, поскольку ситуацию в республике я в общем знаю. Во-вторых, что эту информацию начали распространять активисты ОРКа (общество русской культуры Казани), невзыскательные к подбору антитатарской и антиисламской информации. А позже ее охотно растиражировали в своих изданиях различные антиисламисты и татарофобы. В-третьих, у меня были сомнения, что если бы даже эта стычка состоялась, то националисты из "русских спортивных группировок" смогли бы так легко взять вверх над бойцами из виртуальных

татарских шариатских патрулей. На моей памяти никогда между татарами и русскими не было прямых столкновений, хотя об этом очень мечтают многие татарофобы и антиисламисты, желающие разжечь межнациональную вражду в Татарстане и России. В-четвертых, если бы некие мусульмане решили там сорганизоваться ради Ислама, то вряд ли они стали бы избивать и грабить местную алкашню, как об этом живописали в блогах и СМИ.

Сообщение о "Матакском побоище" привлекло внимание властей, общественности, и они провели тщательное расследование этих сообщений, с выездом на место. Так вот никаких столкновений там не было, равно как и шариатских патрулей, которые, якобы, избивали местных забулдыг. Более того, не нашлось в реале и воинственных активистов из "Русских пробежек", на чьи фамилии ссылались авторы провокации. Да и дом местному протоиерею подожили не вахабиты, требовавшие, якобы, чтобы он принял Ислам, как об этом везде писали, а местный житель, чуваш по национальности, православный по вере. Из-за личной неприязни и денежного долга, который ему задолжал священник. В общем, не было ничего, и ложь о межнациональных столкновениях в Базарных Матаках была полностью высосана провокаторами из пальца... Хватит ли смелости и порядочности напечатать опровержение тем, кто так охотно тиражировал эту ложь о столкновениях в Базарных Матаках? Написал об этом одному блоггеру в его журнале, посмотрим и проверим реакцию».¹⁸

Среди республиканских интернет-изданий лишь в двух («Interstat» и «Бизнес-Онлайн») прозвучали опровержения. При этом последнее издание, на основании журналистского расследования, отметило факт конструирования события и обозначило «неких игроков», которым выгодно формировать негативный информационный фон о республике:

«Если у нас перед поездкой и был внутренний вопрос: «А был ли мальчик?» — то, судя по тому, что мы увидели

¹⁶ Зачем жгут церкви в Татарстане? Расследование (Полная версия) <http://yablor.ru/blogs/zachem-jgut-cerkvi-v-tatarstane-ras/4048339>

¹⁷ <http://iltgorod.ru/news/theme-5/news-36769/>
05.01.2014 15:47

¹⁸ <http://rovego.livejournal.com/3386002.html?thread=50026130#t50026130>

и услышали в Базарных Матаках, ответ очевиден. Однако вопрос не в Матаках. Порция дезы, появившаяся в сети, выглядит далеко не безобидной. Это не похоже на ошибку журналистов (признаем, что и такое иногда встречается — самопроизвольная раскрутка кем-то случайно брошенной некорректной информации).

На фоне последних событий (ноябрьско-декабрьских) в республике она выглядит, скорее, как попытка усилить негативный фон. И похоже, увы, что попытка не последняя... Остается только догадываться, куда теперь будет нанесен информационный удар и каким будет следующее звено в этой цепи, которую, по всей видимости, последовательно выстраивают некие игроки, природу и цели которых пока никто в республике до конца еще, к сожалению, не осмыслил.¹⁹

Как видно из процитированной информации, центральными участниками события являются «Шариатский патруль» и «Русские пробежки за здоровый образ жизни».²⁰ Дискурсивный анализ отобранных для исследования публикаций показал, что само соотнесение названий субъектов взаимодействия несет в себе спектр идеологических смыслов: «Шариатский патруль» - название группы содержит смысловые отсылки: к исламскому праву, нелегитимному в светском государстве; к негативно оцениваемому общественным сознанием маркеру «шариат», которое связывается с «чеченцами» и наиболее радикальными течениями ислама; к радикальным формам социального контроля за населением, насилием и жестокими мерами наказания; «Патруль» - военизированная группа, осуществляющая тотальный контроль на территории, наделенная правом применения санкций. Маркер «шариатский» объединяет всех мусульман, проживающих на территории Татарстана (татар и мусульман-гастарбайтеров из Средней Азии и Кавка-

за). Объединение двух маркеров «шариатский патруль» усиливает негативный посыл каждого из них и выстраивает смысловой континуум, подразумевающий организацию радикальных мусульман на культурно чужой им территории для навязывания своих правил жизни и норм общественного и личного поведения.

«Русские пробежки за здоровый образ жизни» - название группы содержит общественно поощряемые и положительные смыслы: 1). Дистанцированность от какой бы то ни было идеологии 2). Роль русских как локомотива в оздоровлении общества 3). Активность жизненной позиции 3). Агитация собственным примером, добровольность участия в движении, отсутствие принуждения.

Развернувшиеся дискурсы актуализировали ряд оппозиций - по религиозному признаку («православие – ислам», где православие находится в подчиненном и дискриминируемом властями Татарстана положении. Ислам – характеризуется как поддерживаемая властью республики религия, постепенно приобретающая ваххабитское направление); по этническому признаку, т.к. персонажами «события» стали несколько групп – русские, татары, чуваша, гастарбайтеры.

Их репрезентация в обсуждении нагружена идеологически и эмоционально. Так, русские представлены в положительном ключе, но наряду с этим и как дискриминируемая этническая группа в Татарстане. Татары представлены гетерогенно: с одной стороны, как «свои», в тех случаях, когда представителей данной группы не включали в число бойцов Шариатского патруля, и, с другой стороны, как латентно опасную группу поволжских мусульман вошедших в Шариатский патруль. Чуваша – как «своя», близкая к русским этническая группа. «Гастарбайтеры» - под ними подразумеваются мусульмане – выходцы из Средней Азии и Кавказа – персонаж с однозначно негативной коннотацией.

«Татарстанская власть - российская власть» - данная оппозиция выстраивается на противопоставлении «регионального сепаратизма» республиканской власти и «попустительства» российской власти, которая «не видит или не хочет замечать угрозы».

¹⁹ <http://www.business-gazeta.ru/article/95127/> Буря над Базарными Матаками: кто ответит за базар? 11.01.2014.

²⁰ <http://itgorod.ru/news/theme-5/news-36769/> 05.01.2014 Война разгорелась между «шариатским патрулем» и «русскими пробежками» в Татарстане.

Солидарности по основаниям – анализируемый дискурс формирует солидарности, которые противопоставляют народы, проживающие в Татарстане. Так, понятие «Мы», несущее исключительно позитивные коннотации, включает русских и православных. Центральный персонаж – мусульмане – ассоциируются с тюркскими народами и в контексте представленного события сопровождаются негативными характеристиками.

Анализ текстов, освещавших сюжет с Шариатским патрулем в интернет-изданиях и социальных сетях, позволил выявить механизмы дезинформации: анонимность, яркость и интенсивность обсуждения «события» становятся залогом его «реальности» (даже если факт события опровержим), оперативность распространения информации, широкий охват аудитории, личностная включенность субъек-

тов коммуникации, оперативное реагирование коммуницирующих субъектов, быстрый рекрутинг сторонников, короткий промежуток между «словом и делом» – т.е. интернет-сообщества могут быстро становиться платформой для социальных движений.

Информационный успех (внимание широкой аудитории) обсуждаемого примера, запущенного через интернет, объясняется отсутствием качественно организованных дискуссионных площадок по вопросам внутри- и межконфессиональных проблем, равно как и слабой компетентностью журналистов.

Сагитова Л. В.

Исламское государство – новая угроза в центрально-азиатском регионе

На протяжении всего 2014 г. в Таджикистане с нарастающим вниманием следили за усилением влияния в центральноазиатском регионе радикальной группировки «Исламское государство». Это внимание было обусловлено, в первую очередь, проблемами, так или иначе связанными с соседним Афганистаном, который исторически близок к народу Таджикистана в религиозном, языковом и культурном отношении. Неоднократно высказывались опасения ухудшения обстановки в регионе после вывода американских войск из Афганистана в конце 2014 г. и усиления позиций радикальных исламистов, а соответственно, усиления их влияния и в таджикском обществе.

Обеспокоенность ростом экстремистских настроений в обществе и вступлением молодежи в ряды радикальных группировок высказывалась на самом высоком уровне, в частности, в выступлениях президента РТ и официальной прессе. 4

февраля 2015 г. президент Академии наук РТ Ф. Рахими собрал срочное совещание, посвященное проблеме угрозы Исламского государства Таджикистану и разработке концепции предотвращения вербовки молодежи в ряды этой организации. На совещание были приглашены сотрудники академических институтов, занимающиеся экономической и политологической тематикой. Необходимость срочной разработки документа вызвана резкой активизацией представителей ИГ на всей территории Таджикистана, кроме Горно-Бадахшанской области. Только по официальным данным, в текущем году ими завербовано и отправлено через Турцию и Афганистан более 500 наемников, из которых небольших сельских населенных пунктов – до 15 человек.

В апреле 2015 г. стало известно о продвижении «Исламского государства» к северным границам Таджикистана, по поводу чего МИД России 30 апреля 2015

г. опубликовал Комментарий в связи с обострением ситуации с безопасностью в северо-восточных провинциях Афганистана, где сказано: «Поступают весьма тревожные сообщения о серьезном ухудшении обстановки в северо-восточных провинциях Афганистана вблизи границ с государствами Центральной Азии. Особую обеспокоенность вызывает масштабное наступление боевиков террористических организаций в граничащей с Таджикистаном провинции Кундуз, в ходе которого атакованы объекты административного управления в целом ряде уездов. ... Рассчитываем на адекватные меры афганского правительства по стабилизации ситуации в северо-восточных провинциях страны, что будет способствовать укреплению безопасности в приграничных с государствами Центральной Азии районах»¹.

Оценка радикальной группировки «Исламское государство» как реальной угрозы требует более внимательного знакомства с ее действиями и лозунгами. Дата «основания» ИГ (ранее ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта) – 15 октября 2006 г., ИГ является первой в истории террористической организацией-миллиардером. Численность - около 80 тысяч человек. По оценке главы администрации, лидера Иракского Курдистана Фуада Хусейна, данной в ноябре 2014 г., число боевиков ИГ превышало 200 тыс. человек. На контролируемой ИГ территории, по оценке на сентябрь 2014 г., проживало, по крайней мере, 8 миллионов человек. Каждый месяц, по данным американских спецслужб, к организации присоединяется не менее 1000 иностранных добровольцев, помимо мобилизации населения в Ираке и Сирии, а общее число иностранцев – не менее 16 тысяч. На стороне организации в Сирии и Ираке действуют добровольцы из 80 стран мира, в том числе Франции, США, Канады, Марокко, Германии, Российской Федерации.

По оценке журнала Forbes, общий бюджет организации сравним с бюджетом крупной корпорации и составляет около \$2 млрд. Основным источником поступле-

ний в бюджет террористической организации стали доходы от продажи нефти (в руках организации находятся несколько крупных нефтяных месторождений и НПЗ в Ираке и Сирии), также террористы захватили сотни миллионов долларов в банках занятых ими городов. «Исламское государство» убивает людей, чтобы продавать их внутренние органы.

Целью организации являются ликвидация границ, установленных в результате раздела Османского халифата, и создание ортодоксального суннитского исламского государства как минимум на территории Ирака и Шама (Леванта) – Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта (минимум Синайский полуостров), как максимум – во всем исламском мире и во всем мире. Также ИГ получает доход от транзита наркотиков. По данным главы ФСКН РФ В. Иванова, ежегодный доход ИГ от транзита афганского героина в Европу составляет до миллиарда долларов.

В марте 2015 г. был опубликован доклад ООН, основанный на исследованиях, проводившихся экспертами ООН в Ираке в период между июнем 2014 г. и февралём 2015 г.². По мнению авторов доклада, действия ИГ могут быть классифицированы как геноцид, военные преступления и преступления против человечества. В ИГ официально возрождено рабство, открыто действуют невольничьи рынки.

Лидер Абу-Бакр аль-Багдади был ликвидирован. С 2009 г. возглавлявшая им группировка регулярно устраивала крупные теракты в странах Ближнего Востока, а также казни (в том числе массовые) военных и гражданских лиц. Боевики ИГИЛ, действуя в союзе с арабскими суфитами, безжалостно истребляют курдских суфитов, а также верующих других религий, что ислам запрещает, и что обычно словесно осуждают даже радикальные салафиты. Создавая из своих женщин ударные боевые части, ИГ официально восстановило рабство для женщин иноверцев и своих противников, и торговлю рабынями. Привлекают высокообразованных людей разного происхож-

---

¹ Комментарий МИД России в связи с обострением ситуации с безопасностью в северо-восточных провинциях Афганистана (mid.ru).

² Эксперты ООН представили доклад о зверствах ИГ в Ираке (ru.euronews.com/2015/03/19).

дения со всего мира, министр финансов – гражданин Австралии. На подконтрольных территориях боевики ИГ проводят «идеологическую подготовку» детей, устраивая тренировки на пленных, где дети учатся убивать.

Летом 2014 г. боевики группировки «Исламское государство» объявили о создании халифата на подконтрольных им территориях Ирака и Сирии.

Влияние ИГ в Центральной Азии. К реализации проекта «глобального джихада» ИГ подключаются радикалы из государств Центральной Азии. В Афганистане, Пакистане, Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане действует «Хорасанская группировка» ИГ, целью которой является распространение халифата на всей исторической территории Хорасана.

20 января 2015 г. «Международная кризисная группа» (брюссельская некоммерческая организация, занимающаяся мониторингом проблемных регионов) выпустила доклад «Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии»³, в котором приводятся данные, что за последние три года в Сирию из Таджикистана и Узбекистана уехали от двух до четырех тысяч человек.

Авторы доклада считают, что ситуация в Центральной Азии стремительно ухудшается, поскольку к «Исламскому государству» присоединилось Исламское движение Узбекистана (ИДУ), основанное в 1996 г. Его цель – создание исламского государства на территории Ферганской долины, поделенной между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией. ИДУ брало ответственность за взрывы, захваты заложников, нападения на силы безопасности Афганистана. Организация связана с афганским «Талибаном», ее вербовщики и соратники постоянно находятся в разных частях Таджикистана и в других районах Ферганской долины.

О присоединении ИДУ к ИГ заявил в сентябре 2014 г. лидер группировки У. Гоzi: «От имени всех и каждого члена нашего исламского движения я объявляю всему миру, что мы присоединяемся к исламскому халифату, что это обязанность всех нас в исламе – в этой продол-

жающейся войне между исламом и неверием. Исламское движение Узбекистана воспринимает поддержку этого молодого исламского государства как свои обязательства и ответственность в вере»⁴. Его слова подтвердили 6 октября 2014 г. спецслужбы Узбекистана. По их информации, боевые группировки и лагеря ИДУ активизировали вербовку и тренировку боевиков в приграничных районах Пакистана и Афганистана⁵.

О поддержке «Исламского государства» заявили и в афганском «Талибане». В октябре 2014 г. представитель движения Ш. Шахид отправил на электронную почту агентства Reuters сообщение, в котором говорится: «Братья наши, мы гордимся вашими победами. Мы с вами в ваших радостях и печалях, в эти смутные дни мы взываем к вашему терпению и твердости, особенно сейчас, когда наши враги объединились против нас. Пожалуйста, оставьте позади ваши междоусобицы. Все мусульмане в мире возлагают большие надежды на вас. Мы с вами, мы предоставим вам моджахедов [боевиков] и всю возможную поддержку»⁶. Следует отметить, что пока руководство «Талибана» официально не заявляло о присоединении к ИГ.

Источники журнала *Iranian Diplomacy* сообщали, что афганские боевики, присягнувшие «ИГ», заменили свои прежние флаги на черный. «Сейчас на таджикской границе располагаются до пяти тысяч, а на туркменской – порядка двух тысяч боевиков ИГ. Афганские провинции Кундуз, Баглан, Сари-Пуль, Фарьяб, Джузджан стали местом скопления террористов родом из Таджикистана, Узбекистана, Северного Кавказа, Саудовской Аравии и Пакистана»⁷.

Главный редактор журнала «Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии» И. Сафранчук подчеркивает: «До последнего

³ Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии (www.crisisgroup.org).

⁴ Цит. по Мырзаев А. Чем странам Центральной Азии грозит присоединение ИДУ к "Исламскому государству"? (www.centrasia.ru).

⁵ Волосевич А. В Узбекистане идет процесс по делу о вербовке боевиков для ИГ (www.asiaterra.info).

⁶ Цит. по: Правов А. Почему "бурлит" афганский базар (ria.ru/analytics).

⁷ Центральная Азия как очаг активности экстремистов (inosmi.ru/irdiplomacy).

времени считалось, что две стороны противостояния в Афганистане – это центральная власть в Кабуле и талибы. Несмотря на то, что “третья сила” в лице ИГ пришла в Афганистан не сегодня, предыдущий президент Х. Карзай упорно отрицал ее существование». Отношение Кабула к проникновению в страну боевиков и идеологии ИГ радикально изменилось после того, как преемником Карзая в сентябре 2014 г. стал А. Г. Ахмадзай. «В ходе своего визита в Вашингтон в конце марта Ахмадзай не стал замалчивать присутствие ИГ в Афганистане и даже сделал на нем особый акцент. В этой ситуации для Б. Обамы фактор ИГ стал одним из веских аргументов в пользу решения сохранить в Афганистане большой контингент, чем изначально планировалось»⁸.

Эксперты считают, что проникновение в Афганистан боевиков ИГ, действующих в Ираке и Сирии, создает единую дугу нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

С ними согласны и политики. Президент Таджикистана Э.Рахмон в декабре 2014 г. называл ИГ «чумой века и серьезной опасностью для Таджикистана». Министр иностранных дел России С. Лавров в начале апреля 2015 г. заявил в Душанбе о возможном вторжении ИГ в Таджикистан, что может угрожать и России. Россия обещала Таджикистану поддержку: 70 миллиардов рублей на вооружение и укрепление таджикско-афганской границы.

Начальник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил РФ И. Сергун заявил: «Международный терроризм становится силой, которая претендует на приход к власти в ряде стран»⁹. «Провозглашена борьба за формирование единого фронта “Глобального джихада” в интересах вооруженного противодействия “главным врагам ислама”, в качестве которых определены США, страны Западной Европы, Россия и мусульманские государства со светской формой правления».

Деятельность ИГ в Таджикистане.

Лидером таджикской группировки в ИГ является Нусрат Назаров, выходец из Куляба. В Сирии он взял себе имя Абу Холиди Кулоби. Главному редактору кулябской газеты «Пайк» А. Иброхиму по телефону Кулоби рассказал, что сейчас руководит группировками из Сирии, но намерен отправиться в Афганистан и оттуда выступить на Таджикистан. Главный редактор «Пайка» считает, что сторонники ИГ «за два дня могут захватить Таджикистан»¹⁰.

В видеообращении 19 марта 2015 г. Н. Назаров заявил: «Тут сейчас около двух тысяч таджиков. Здесь видишь их и чувствуешь, что ты в Таджикистане. Если так будет продолжаться, никого в Таджикистане не останется, все придут воевать в Сирию». В конце ролика он говорит, что следующее обращение будет записано из Таджикистана или Кремля. «Мы переместим джихад в Таджикистан, чтобы установить законы Аллаха». Обращение удалено из социальных сетей.

Социальной базой ИГ в Таджикистане выступает безработная молодежь. Один из вернувшихся из России мигрантов объясняет ситуацию следующим образом: «Те, кто уезжают туда, в ИГ, ненавидят Россию за условия и труд, в которых им приходилось жить. Они находятся в безвыходном положении. Тут работать невозможно, тут нужно обязательно нарушать закон, чтобы хоть что-то заработать, в России невозможные условия, но хоть какие-то деньги, в “Исламском государстве” им обещают и деньги, и свободу.

---

⁸ Сафранчук И. "Исламское государство" пришло в Центральную Азию (Коммерсантъ.20.04.2015).

⁹ ГРУ: международные террористы претендуют на власть в ряде стран (news.mail.ru/politics).

¹⁰ <https://news.mail.ru/incident/21784225/?story=ig>

Почему не поехать тогда? Пять тысяч таджиков уже там». В ИГ призывают ехать с семьями, потому что там «настоящее государство», там предоставляют жилье. А если семьи останутся дома, ими «можно будет манипулировать».

По мнению автора гимна Таджикистана Г. Келди, «бедность является одной из главных причин того, что наша молодежь присоединяется к экстремистским группам и участвует в войнах в мусульманских государствах. Часть нашей молодежи занята тяжелой работой, жизнь их тяжкая на чужбине. Именно в эти моменты появляются лица, которые обещая хорошие деньги и рай на том свете, привлекают их к джихаду. Наша молодежь, которая большую часть времени занята поиском денег на жизнь, образование и создание семьи, услышав эти обещания, поддается соблазну»¹¹.

Авторы доклада «Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии» считают, что новый халифат воспринимается жителями Центральной Азии как «замена постсоветской жизни». Они подчеркивают, что «призыв “Исламского государства”, в котором говорится, что там ждут и учителей, и медсестер, и инженеров, [то есть] не только бойцов, может выглядеть привлекательной альтернативой».

Представители ИГ критикуют страны, чьи законы основаны на шариате (в первую очередь, Саудовскую Аравию), за односторонность его трактовки и применения. В Саудовской Аравии нормы шариата служат (частичной или полной) заменой Уголовного кодекса, там казнят убийц и отрезают руки ворам, но «не предоставляют социально-экономической справедливости шариата».

«Исламское государство», заявляет о намерении предоставить шариатский соцпакет, который, в частности, включает бесплатное жилье, еду, одежду, медицинское обслуживание. Иными словами, ИГ обещает едва ли ни первыми в мире полностью реализовать принципы вэлфера, направленные на оказание помощи категориям граждан, которые по той или иной причине не зарабатывают достаточно

средств для поддержания определенного уровня жизни.

«Исламское государство» привлекает не только тех, кто хочет заработать, но и тех, кто ищет «более набожной и религиозной жизни». «В России мигранты маргинализированы, часто находятся нелегально, плохо зарабатывают, а в ИГ находят отчизну и общение в религии»¹². Принципиальное отличие «Исламского государства» заключается в том, что его влияние на захваченных территориях базируется не только на показном насилии, но и на особом кодексе, регулирующем жизнь рядовых мусульман. Стремление заставить максимальное число мусульман жить по «правильным» законам является одной из официальных целей ИГ.

Международная оценка. На «ИГ» распространяются международные санкции в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН, принятыми против «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций. Группировка признана террористической в России, США, Австралии, Канаде, Саудовской Аравии, Великобритании, Израиле и Индонезии. 8 сентября 2014 г. Лига арабских государств признала экстремистскую группировку «Исламское государство» террористической организацией.

Некоторые мусульманские богословы заявили о непризнании государства, которое провозгласили члены группировки «Исламское государство», и посчитали, что мусульмане не обязаны выражать верность «халифу Абу Бакру аль-Багдади». К примеру, О. Хаддуши, известный марокканский богослов, назвал лидера организации вероотступником. В свою очередь, египетский проповедник Хани ас-Сибай опубликовал в Твиттере реплику, адресованную бойцам-членам ИГ: «Бог только с правоверными мусульманами».

Главный муфтий Саудовской Аравии, Глава Комитета старейших ученых и Комитета по научным исследованиям и фетвам шейх Абдулазиз бин Абдаллах бин Мухаммад Ааль аш-Шейх указал, что «идеи экстремизма, жестокости и терро-

---

¹¹ Цит. по: Саводян Б. Таджикистан в пучине исламизации: в чём сила радикальной проповеди? (ria.ru).

---

¹² Был гастарбайтером - стал боевиком (kavpolit.ru/articles).

ризма не имеют ничего общего с исламом, более того, они – враги Ислама номер один, а первыми их жертвами являются сами мусульмане». В качестве примера муфтий привёл ИГ и «Аль-Каиду» и ответившие от них группировки. По его утверждению, «все эти группы – хариджиты, не относящиеся к исламу, и не даровано им (прямое) руководство» (цит по: Исламское государство, aalto.ru/news).

В результате опроса, проводимого среди арабов-суннитов из нескольких стран (Тунис, Египет, Палестина, Иорда-

ния, Саудовская Аравия, Ливан и Ирак) было выявлено, что 85% опрошенных отрицательно относятся к действиям ИГ и только 11% их поддерживали.

*Хопёрская Л.Л.,
д.полит.н., профессор,
Институт философии, политологии и
права АН РТ,
г. Душанбе (Таджикистан)*

Выборы ректора вуза и межнациональные отношения

По многочисленным социологическим опросам, систематически проводящимся в Бурятии, межэтническая ситуация в республике остается стабильной. Рейтинг межэтнической напряженности, который регулярно составляет Сеть этнологического мониторинга, постоянно изучают региональные информационные агентства и не без удовольствия констатируют, что Бурятия на общем федеральном фоне выглядит регионом весьма толерантным и вместе с соседями – Забайкальским краем и Иркутской областью – всегда числится в группе с низкой этнической напряженностью, отличительной особенностью которой являются «единичные конфликты, разрешающиеся ненасильственным путем». Недавно проведенный социологами опрос вновь продемонстрировал благоприятный «климат» в межчеловеческих связях: 80,3% опрошенных указали, что межконфессиональные отношения стабильно хорошие и терпимые, а на вопрос, существует ли между конфессиями напряженность или конфликтность, 98% ответили отрицательно. Правда, глава республики В. Наговицын не без тревоги отметил враждебное отношение к представителям других национальностей у молодежи в возрасте до 29 лет: согласно социологическим исследованиям прошлого года, показатель межнациональной нетерпимости среди молодежи составляет 10,6%.

Однако (хотя мы не склонны преуменьшать опасность), по нашим наблюдениям, главным фактором риска остается не столько отношение местного населения к мигрантам, сколько периодически возникающие трения между двумя самы-

ми крупными группами республики – русскими и бурятами, раздуваемые отдельными политиками для достижения собственных сиюминутных целей. Коррупционные скандалы, растущая безработица, обнищание населения, углубляющийся кризис республиканской экономики вызывает недовольство населения. Для его пресечения внимание общественности сознательно (или по недомыслию) переключается на искусственно создаваемый «этнический вопрос», хотя за такое «переключение внимания» Бурятия может заплатить слишком высокую цену¹.

В числе искусственных тем, которые всегда «под рукой» для выпуска пара, – судьба бурятского языка и памятника основателям Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), которые всплывают с большей или меньшей степенью регулярности.

Судьба бурятского языка остается тревожной на протяжении многих лет. Бурятия стала первым регионом, законодательно утвердившим необязательность изучения языка, который 20 лет назад получил статус государственного². (На фоне одновременного фактического запрета Верховной Радой Украины русского языка это выглядело особенно ярко). Впоследствии в закон были внесены изменения, которые гарантируют создание условий для изучения бурятского языка во всех школах вне зависимости от числа желающих и защищают интересы учителей, чья зарплата зависит от числа изучающих язык учеников. Учителя бурятского языка восприняли новый закон как

¹ МК в Бурятии. 2014. № 23.

² Новая Бурятия. 2014. № 7.

смертельный удар по языку, т.к. многие школы попросту перестанут включать в программу его изучение³. Депутаты Народного Хурала нашли довольно неуклюжее оправдание в том факте, что обсуждаемый законопроект не совпадал с конечным вариантом, и они проголосовали «по ошибке». При всей несерьезности подобного объяснения допущенную ошибку (если это действительно было ошибкой) легко исправить: достаточно доброй воли. Однако подобное намерение депутатами никак не обнаруживается. Периодическое выражение возмущения (довольно вялое) Министерство образования и науки РБ дежурно парирует тезисом, что обязательность изучения никак не добавит языку любви и лучше приложить усилия к созданию обстановки, в которой знание языка станет моральной обязанностью. Не будем в данном контексте подтверждать или оспаривать истинность данного тезиса. Дело в другом: недовольные (учителя бурятского языка и представители бурятской творческой интеллигенции) – не та группа, которая опасна для действующей власти. А языковая проблема очень удобна для «переведения стрелок» без угрожающих последствий.

Второй вопрос, вокруг которого искусственно выстраиваются дискуссии, – памятник основателям столицы республики. Вялотекущие споры об уместности того или иного варианта памятника длятся уже несколько лет, ярко разгораясь при всякой удобной ситуации. Первоначально в представленных на конкурс заявках чаще всего встречался проект памятника казакам, построившим на берегу Уды зимовье, а впоследствии острог. Однако бурятская общественность выступила непримиримым противником памятника русским казакам как «плевок в историческое прошлое» и напоминанию «об оскорблениях и унижениях бурятского народа за период колонизации русскими бурят»⁴. В свое время интернет-пространство просто взорвалось от рекордного количества комментариев, весьма далеких от принципов толерантности⁵.

Встревоженная «обменом идей» мэрия Улан-Удэ объявила конкурс на лучший вариант памятника, но желаемого результата достигнуть так и не удалось. Каждый предложенный проект подвергался тщательному антропологическому анализу со стороны группы «энтузиастов», и всякий раз как обнаруживалось, что русских (или бурятских) лиц больше, вариант отбраковывался. Мысль о том, чтобы сделать их равное количество и на этом успокоиться, видимо, никого не посетила, и памятник не воздвигнут до сих пор. И, хотя тогда же на общественных слушаниях прозвучало мнение о несвоевременности обсуждения вопроса, поскольку он вносит раскол в общество, идея оказалась удобной для выплескивания народного недовольства без всяких нежелательных последствий. Однако все не так безобидно. В будущем году ожидаются торжества по случаю 350-летия столицы республики, и вопрос о памятнике наверняка вновь будет реанимирован. В каком контексте он будет поставлен и не подпортит ли праздник, остается только гадать.

Конфликтогенным фактором теоретически мог стать вопрос об уместности предпочтений для титульного народа, поднятый одной из республиканских газет. Опубликованная на ее страницах статья декларировала недопустимость каких-либо привилегий титульному этносу, входящему в десятку наиболее многочисленных народов России, продвижению кадров которого «большой русский брат» в свое время поспособствовал квотами и разнарядками⁶. Поскольку времена поголовной неграмотности и массовой заболеваемости бурятского населения прошли, говорилось в статье, буряты более не нуждаются в особой заботе государства, и при назначении на пост, поступлении в вуз и т.д. должны быть поставлены в равные со всеми условия. Единичные представители титульного этноса признали справедливость данного суждения и недопустимость стенания по себе как гонимым и преследуемым⁷, в то время как буряты в политике, бизнесе, науке и искусстве успешно конкурируют с русскими. Вопрос, сам по

---

³ Информ-Полис. 2014. № 10.

⁴ Информ-Полис. 2012. № 6.

⁵ <http://baikal-media.ru>

---

⁶ МК в Бурятии. 2013. № 47.

⁷ <http://ulan.mk.ru/interview/2014/02/05/980041-batobagdaev-moya-pravda.html>

себе достаточно провокационный, не нарушил мирного течения жизни республики и продемонстрировал нравственное здоровье общества. Однако в верхних эшелонах власти преференции титульному этносу считаются чем-то само собой разумеющимся, и при кадровых назначениях этнический вопрос всплывает с пугающей неизбежностью. Это продемонстрировали и недавние события.

С начала 2015 г. республика «потрясена» последствиями, казалось бы, рядового события – назначения нового ректора Бурятского государственного университета взамен прежнего, оставившего пост по возрасту. Три претендента из числа преподавателей БГУ, прошедшие «сито» ученого совета и ожидавшие вызова в Москву для собеседования и окончательного вердикта Министерства образования и науки РФ, вместе со всеми узнают о назначении временно исполняющим обязанности ректора заместителя министра образования и науки РБ, который ни дня в БГУ не работал и в числе кандидатов не значился. Акции протеста БГУ против волевого скоропалительного назначения без учета мнения профессорско-преподавательского состава собирали сотни человек, а коллектив стал постоянным героем телеэфира и газетных полос. Нарушение технологии выборов ректора переросло в митинги и демонстрации, приправленные откровенно политическими лозунгами, никакого отношения к учебному заведению не имеющими. Транспаранты «Руки прочь от БГУ» и «Университету – легитимного ректора» сменились требованиями отставки главы республики. Плакат «Наговицын, уходи – забери свои носки» (намек на П. Носкова, руководителя администрации главы Бурятии, которого считают «серым кардиналом» республиканской политики) стал хитом политического сезона.

Но утверждение, что руководящее университетское кресло должен занять представитель титульной национальности, исходило от власти. Именно она недальновидно и неумело попыталась перевести конфликт в национальную плоскость, сделав попытку объяснить протест научной интеллигенции стремлением получить в качестве руководителя крупнейшего вуза представителя «титульного эт-

носа»⁸, хотя «профессорский бунт» изначально национальной подоплеку не имел. В этой ситуации уже трудно трезво мыслить и отдавать себе отчет в том, что в трудных для науки условиях реформирования будущий ректор БГУ должен быть крупным ученым или эффективным управленцем (лучше – то и другое). Страсти начали накаляться вокруг его этнической принадлежности.

Инициированный властью вопрос о национальности ректора повлек за собой и другие. Ситуация, перейдя в «национальную» плоскость, стала обостряться. Обвинения в назначении ректора «не той» национальности подкрепились обвинениями в «уничтожении национального образования в школах» (вот когда «ко двору» пришелся закон «Об образовании», утвердивший необязательность изучения бурятского языка) и уничтожении «национального самосознания». Собранная в экстренном порядке внеочередная сессия Народного Хурала, воспользовавшись критическим моментом, потребовала отставки спикера, после чего аналитики пришли к единогласному мнению, что удаление от дел верной главе Бурятии политической фигуры – лишь первый шаг к удалению самого главы, к которому накопилось множество вопросов. «Зацепившись» за этническую принадлежность будущего ректора, группа депутатов обвинила главу Бурятии в нарушении межэтнического баланса в кадровой политике, который свято соблюдался еще со времен советской власти. В. Наговицыну пришлось оправдываться, что во властных структурах республики строго соблюдается паритет – 50% русских и 50% бурят, и соотношение это в среднем будет сохраняться и в будущем с некоторым перевесом тех или других в разных министерствах в зависимости от того, где они «хорошо себя проявили»⁹.

На наш взгляд, оправдательная интонация главы республики при ответе на вопросы о кадровых назначениях, подсчет процента сотрудников разной этнической принадлежности в отдельных министер-

---

⁸ Здесь необходимо пояснить, что все три кандидата от университета являются представителями титульного этноса, в то время как назначенец Министерства образования и науки РФ – русский.

⁹ <http://www.baikal-daily.ru/news/19/119270>

ствах – свидетельство (и фактическое признание) неэффективности действий правительства республики в сложный для общества период. Грамотная политика, четкий план действий в кризисной ситуации был бы лучшим ответом обвинителям. Цвет кошки для успешной ловли мышей, как известно, не имеет значения. Глава Бурятии «повелся» на фактическую провокацию и потому стал уязвим – и как политик, и как гарант интересов граждан республики, которые никогда не одобряли разборки на «национальной» почве. В свою очередь, депутаты Народного Хурала вместо того, чтобы пресечь опасные дискуссии об этническом принципе в кадровой политике и степени полезности того или иного народа во власти не задумываясь подлили керосина в тлеющий костерок и проявили готовность ради своих узколобых (кстати говоря, совершенно интернациональных) амбиций пожертвовать межнациональным согласием, превратив обычную политическую борьбу в «межнациональную» (МК в Бурятии. 2015. № 15). С их подачи выборы ректора фактически спровоцировали политический кризис в республике.

Повторимся, сам по себе вопрос о выборах ректора БГУ не находился в «национальной» плоскости и был переведен туда искусственно недобросовестными политиками, готовыми пожертвовать главным достижением Бурятии – межэтническим спокойствием – ради сугубо своих карьерных целей. По мнению некоторых аналитиков, постоянные провокации подобных скандалов через несколько лет могут привести к столкновениям на межнациональной почве (об этом см. в: МК в Бурятии. 2014. № 23). Позволим себе придерживаться более оптимистической точки зрения. «Национальная» карта всегда прячется в рукаве, извлекается в период стрессовых для политики событий (выборов) и прячется обратно каждый раз, как в этом отпадает необходимость. А народом республики накоплен достаточный иммунитет, чтобы противостоять попыткам разжигания межнациональной розни для достижения каких бы то ни было сиюминутных целей.

Кальмина Л.В.

Межэтнические отношения в Приморском крае

В этнической структуре населения края, с момента вхождения данной территории в середине XIX в. в состав Российской империи, можно выделить три сегмента: «восточнославянское» большинство, прочие этнические группы, коренные малочисленные народы. Сегодня в каждом из этих сегментов происходят определенные изменения. К числу наиболее заметных относятся с одной стороны - постоянное сокращение численности славянских групп (русских, украинцев белорусов) за счет выезда; с другой стороны - рост численности новых для Приморского края этнических сообществ, которые формируют мигранты из разных стран. Таких мигрантов можно разделить на три «потока»: китайский, кавказский и центрально-азиатский.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, из 1956497 (представители 158 национальностей) жителей края 1675992 - это русские, что составля-

ет 85,66% от численности всего населения и 92,52% от числа указавших национальность. Основное население края – это русские. Респонденты, идентифицирующие себя с русскими, подчеркивали, что они русские, но если проследить этническую принадлежность предков, то среди них могут быть украинцы, белорусы, поляки, финны, мордва, чуваша, немцы и др. Действительно, в освоении региона участвовали выходцы из разных территорий Российской империи. Но, как показали региональные исследования, заселение и освоение Дальнего Востока происходило при осознании переселенцами своей государственной принадлежности и воспринималось ими как заселение окраин империи русскими людьми. Это способствовало в частности тому, что в Приморье произошла вторичная консолидация восточных славян (русских, украинцев, белорусов) под общим самоназва-

нием «русские»¹. Смена этнического самосознания в пользу русских произошла у потомков первопоселенцев таких народов как поляки, финны, мордва, чуваша, немцы, частично татары и башкиры и др.

Материалом для анализа состояния межэтнических отношений в Приморском крае в 2014 г. стали данные осуществляемого нами этномониторинга и социологического опроса² представителей органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, территориальных федеральных органов исполнительной власти, институтов гражданского общества, СМИ в четырех городских округах Приморского края – Владивостокском, Уссурийском, Находкинском, Артемовском. Это наиболее населенные территории южного Приморья с развитой социально-экономической инфраструктурой. В последние годы стабильно растет население Владивостокского городского округа, так как в краевой центр в поисках работы стремятся и местные жители из разных районов края, и многочисленные мигранты из стран СНГ и соседних зарубежных стран. Уссурийский городской округ для мигрантов вторая по привлекательности территория Приморского края. На протяжении трех последних лет тенденция роста численности населения Уссурийского городского округа сохраняется. В то же время общая численность населения Приморского края на протяжении последних 29 лет постоянно сокращается³.

Состояние межэтнических отношений в городских округах и в целом в крае респонденты оценили как «доброжелательные-нейтральные». Основой гармоничных межнациональных отношений в Приморье, по мнению респондентов, является длительный опыт (в течение более 150 лет) совместного проживания полиэтнического и поликонфессионального населения Приморского края.

Исследование показало, что у местных русских Приморья в сознании присутствует некая противоречивость с одной стороны, «я русский, но не все мои предки были русскими». В обыденном сознании приморцев преобладает убеждение о «передачи» национальности/этнической принадлежности от родителей. Ситуация неопределенности «корней» иногда вносит смятение в «этнические чувства», даже порождает настроения пессимизма. Респонденты отмечали: «русские не так сплочены», «у русских нет такой солидарности и взаимопомощи как у других». Респонденты из числа представителей органов исполнительной власти и местного самоуправления считают, что необходимо «выработать систему» формирования чувства собственного достоинства и гордости у представителей русского народа.

Казачьи объединения городских округов Приморского края представлены двумя категориями общественных организаций – организации реестровых казаков и организации казаков общественников. В 2014 г. в органах юстиции Приморского края были зарегистрированы 29 казачьих обществ. Представители реестрового казачества имеют определенные предпочтения перед казаками общественниками в организации своей деятельности. Но в силу отсутствия региональной нормативно-правовой базы не могут в полной мере воспользоваться данными предпочтениями.

Респондентам задавали вопрос: «Влияла ли на обстановку в межэтнической сфере в Вашем городе ситуация на Украине? Если да, то как?» Ответы опрошенных можно распределить по следующим позициям. Это – рост патриотизма среди населения, особенно мужского, чему способствовали сюжеты в СМИ о присоединении Крыма, о помощи ополченцам в их борьбе с фашистами-бандеровцами, твердая позиция президента страны В.В. Путина в вопросах международных отношений. Респонденты выражали сострадание беженцам с юго-востока Украины. Представители общественности Приморского края, в том числе национальные общественные организации и общины, активно включились в деятельность по сбору гуманитарной помощи для беженцев, в волонтерское движение по оказа-

---

¹ Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. - Владивосток: Дальнаука, 2004, сс. 8,9.

² Опрос проводился в августе и октябре 2014 г. методом полуструктурированного интервью.

³ Приморье по росту цен обогнало Россию. 18 февраля 2015 (www.zrpress.ru/business/primorje_18.02.2015).

нию иной помощи (юридической, организационной). Были также высказаны опасения, что наряду с настоящими беженцами в крае уже появляются предприимчивые выходцы из регионов Украины. Такие «беженцы» хотят воспользоваться преференциями участников Программы по переселению соотечественников, так как для беженцев с Украины разработан специальный ускоренный механизм получения документов, позволяющих работать и жить в крае.

По мнению большинства участников опроса в общественном сознании приморцев сформировалось устойчивое представление о том, что первопоселенцами края были украинцы, что практически все нынешние русские края – это бывшие обрусевшие украинцы. Действительно, потомки первых переселенцев украинцев ассимилировались и стали русскими, но были ли они украинцами?

Из истории известно, что выходцы с территории Украины преобладали в потоке переселенцев крестьян (а были переселенческие потоки, состоящие из представителей других сословий, которые создавали городские поселения, многочисленные военные - здесь украинцы были представлены незначительно), активно осваивавших Приморские земли со второй половины XIX в. Крестьяне-переселенцы обладали скорее региональным, конфессиональным, сословным, нежели устойчивым этнонациональным самосознанием. Они не называли себя украинцами и не могли воспроизводить самоназвание «украинцы»⁴. По сведениям Всероссийской переписи населения 1897 г., украинский язык считали родным в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах Приморской области лишь 33,7% жителей⁵. Статистика зафиксировала незначительное преобладание украинцев (39%) над русскими (31%) только в переписи 1923 г. С 1930-х гг. в общем составе мигрантов украинцы уже не были преоблада-

ющим сегментом и существенно не влияли на изменение этнического состава населения Приморья⁶.

Сегодня в Приморском крае украинцы являются второй по численности этнической общностью и составляют 2,55% от всего населения, (2,76% - от указавших национальность), что составляет 49953 чел. Тенденция к сохранению этнокультурной самобытности прослеживается лишь среди небольшого слоя жителей, в основном, интеллигенции. Так, в числе более 60 общественных организаций Приморья, созданных по национальному признаку, только 3 являются украинскими (Общественная организация «Центр украинской культуры Анатолия Криля «Горлица» г. Владивостока – рук. Ткаченко Татьяна Владимировна; Автономная некоммерческая организация «Центр украинской культуры «Назавжди» - дир. Стрельников Владислав Иванович, Находка; Автономная некоммерческая организация «Дальневосточный украинский духовный культурно-просветительский центр «Просвещение» (АНО «Просвещение») – дир. Бубнюк Вячеслав Владимирович, Артем).

Коренные малочисленные народы.

Особую категорию этнических сообществ представляют коренные малочисленные народы. Их численность в Приморском крае, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года составляет 1876 человек (2002 год – 2045 чел.). Самые «многочисленные» – удэгейцы, тазы, нанайцы. Численность КМН в Приморском крае уменьшилась в период с 2002 по 2010 гг. Официальные данные переписи показывают: 6,4% нанайцев, 5,0% удэгейцев и 2,4% тазов владеют этническим языком. С другой стороны, эксперты отмечали, что лидеры и активисты из числа коренных народов все время подчеркивают то, как «крайне важно» изучать язык и распространять его среди детей и молодых людей. Разрыв между декларируемой ценностью «знать родной язык» и между реальной ситуацией не владение языком современные исследователи характеризуют как проявление «символической эт-

---

⁴ Ермак Г.Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края/ Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана» № 35 (233). Украинский вопрос в региональном измерении, сс. 11-14.

⁵ Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Крушанова Л. А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. - Владивосток, 2002, с. 12.

---

⁶ Чернолуцкая Е.Н. История формирования украинского населения в Приморском крае/ Информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана» № 35 (233). Украинский вопрос в региональном измерении, сс. 6-10.

ничности». Символическая этничность может иметь экономическую и политическую ценность. Например, пособия, квоты, другие льготы (преференции) которые выделяются в законодательном порядке для населения из числа коренных малочисленных народов.

В Приморском крае пять муниципальных образований – Пожарский, Тернейский, Ольгинский, Красноармейский, Лазовский определены как места традиционного проживания и традиционного хозяйствования КМН. Вопросами жизнедеятельности КМН занимаются департаменты природных ресурсов и охраны окружающей среды, рыбного хозяйства и водных биологических ресурсов, по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, физической культуры и спорта, лесного хозяйства, дорожного хозяйства, труда и социального развития, культуры. Координатором взаимодействия с общественными объединениями коренных малочисленных народов является департамент внутренней политики Приморского края. В крае представителями КМН созданы родовые и семейные общины и другие общественные объединения (всего 22). Они направляют свою работу на развитие традиционных видов деятельности: охоты, рыболовства, сбора дикоросов, экологического и охотничьего туризма, защиты прав и интересов коренных малочисленных народов.

В этнической сфере у представителей КМН разные стратегии и возможности самоопределения. Границы между этническими группами постоянно меняются: либо стираются, либо поддерживаются (Например, нанец по происхождению Иван Дункай в СМИ - известный удэгейский художник, а его брат Василий Дункай – известный удэгейский шаман)⁷. Этничность представителей КМН становится более индивидуализированной, динамичной и изменчивой.

Этнические «меньшинства». Важнейшим фактором, формирующим ситуацию межнациональных отношений в крае является высокая полиэтничность насе-

ления края - представители 157 национальностей проживают в Приморском крае. Кроме русских, еще 16 этнических сообществ на территории края представлены численностью более тысячи человек каждая. У малых этнических групп высок уровень сплоченности, особенно у новых для региона этногрупп, представленных народами Кавказа и выходцами из государств Средней Азии. Их консолидирующий механизм - это устойчивые неформальные социальные сети, созданные по родственному и территориально-земляческому принципам. С середины XIX века в системе межэтнических отношений на российском Дальнем Востоке присутствуют китайцы и корейцы.

Китайцы. Респонденты Уссурийского городского округа, на территории которого расположен торговый центр "Уссури-центр" (или самый большой в крае, круглосуточный "Китайский рынок", как его называют в народе), сформулировали проблему мирной китайской экспансии, как следствие браков (либо сожительства) российских женщин с китайцами и появление от этих браков детей, которые, как правило, рождаются с доминированием монголоидных антропологических характеристик.

Вопросы, связанные с экологическим ущербом, который наносится в Приморье китайскими сельхозпроизводителями, были актуальны в информационном поле в 2010 – 2011 гг. Последние годы тема китайского присутствия в регионе не представлена в региональных СМИ. Но для жителей края она актуальна. Респонденты из числа казачества подняли проблемы в природоохранной сфере, связанные с выращиванием сельхозпродукции китайскими предпринимателями в Уссурийском районе. По словам казаков, в таких хозяйствах в высоких дозах используются ядохимикаты, запрещенные в России. Их в большом количестве из Китая везут в Приморье китайские фермеры, нанося непоправимый ущерб экологии окружающей среды (например, в близлежащих водоемах, где традиционно занимались рыбной ловлей местные жители, исчезает рыба) и экологии человека.

Корейцы. Тема приграничья напрямую связана с корейцами Приморского края. В 2014 г. исполнилось 150 лет со

---

⁷ Наследник великих колдунов
(<http://nazaccent.ru/radio/broadcast/18>).

дня добровольного переселения корейцев в Россию. Эта дата широко праздновалась российскими корейцами. В Приморском крае многочисленные корейские общественные организации (по данным Управления Министерства юстиции РФ по Приморскому краю, корейцы объединены в 14 национальных общественных объединений) в июне 2013 г. создали единый оргкомитет, попечительский совет, разработали план для проведения праздничных мероприятий. В 2014 г. в городских округах и муниципальных районах края при поддержке органов исполнительной власти, органов местного самоуправления прошли юбилейные мероприятия. Это фестивали корейской культуры с участием творческих коллективов края, известных артистов КНДР, Республики Корея, Китая, России, выставки декоративно-прикладного искусства, симпозиумы, конференции, «круглые столы», торжественные вечера. Знаковыми событиями на территории края стали международный автопробег «Россия-Корея 2014» - Владивосток, завершающая точка автопробега по территории России, премьера на Приморском телевидении трехсерийного фильма московских документалистов «Земля Вольной Надежды», фестиваль корейской культуры в г. Уссурийске.

Среди организаторов мероприятий - национально-культурная автономия корейцев Приморского края, Ассоциация корейских организаций Приморского края и другие местные национально-культурные объединения российских корейцев.

Российские корейцы являются одним из репрессированных народов, подвергшихся депортации. В сознании и памяти тех, кто непосредственно пережил все лишения, и кто, сохранил это в семейных преданиях, горечь от исторической несправедливости, обида остались. Хотя эти чувства не демонстрируются. Наоборот, лидеры общественных корейских организаций говорят, что они русские корейцы, россияне, и в Корею они чужие. Наличие Генерального консульства Корейской Народно-Демократической Республики в г. Находке, Генерального консульства Республики Корея в г. Владивостоке; миротворческая миссия в отношении двух корейских государств со стороны лидеров

общественных организаций приморских корейцев, тесное сотрудничество приморских корейцев (туризм, образование, бизнес, культурно-гуманитарное сотрудничество) с корейскими государствами – не полный перечень инструментов общественной дипломатии приморских корейцев в решение задач международного культурного и гуманитарного сотрудничества как средства налаживания межцивилизационного диалога России со странами АТР.

Мониторинг текущей ситуации показывает, что на современное развитие межэтнических отношений в Приморском крае оказывает влияние совокупность взаимосвязанных факторов, в том числе: история развития межгрупповых взаимоотношений, процесс их самоидентификации в общем контексте российского культурного и социально-политического пространства; приграничное положение края в составе России; миграционные процессы. Выявлено три основных фактора, формирующих напряженность межэтнических отношений в Приморском крае – общественное восприятие трудовых мигрантов из государств Средней Азии, численность которых увеличивается; информационная деятельность СМИ; как социальный фон и предпосылка – социально-экономическое положение / неблагополучие местных жителей.

По данным УФМС России по Приморскому краю численность иностранных граждан и лиц без гражданства состоящих на миграционном учете (с любым сроком регистрации) в Приморском крае на конец 2014 года составила 68 тыс. человек, из них наибольший процент составляют граждане Узбекистана (42.3%), Китая (17.1%), Украины (9.9%) и КНДР (8.1%)⁸. Так, уже данные Всероссийской переписи 2010 г. показали рост численности постоянно проживающих в Приморском крае узбеков (с 1634 человек до 8993 человек, или в 5,5 раза). Они вошли в пятерку многочисленных национальностей, оттеснив белорусов на 6-е место (численность украинцев и белорусов сократилась в 2 раза в межпереписной период).

---

⁸ О демографических изменениях в Приморском крае в 2014 году (<http://nakhodka-online.ru>)

Приезжие – это чаще мужчины трудоспособного возраста (их более чем в два раза больше, чем женщин-мигрантов); семейные мигранты чаще многодетны, многие имеют низкий уровень образования и плохое знание русского языка (или полное незнание), находятся в активном репродуктивном возрасте.

Между принимающим «славянским» большинством и прибывающими «азиатскими» мигрантами существует значительная культурная дистанция. Это является причиной предрассудков, этнофобии и мигрантофобии. На просьбу социологов назвать характеристики мигрантов, могущие вызывать у респондентов антипатию, приморцы часто указывали, что приезжие из Узбекистана проявляют «неуважение к русским», «неуважение к жителям региона», «говорят на непонятном языке», «проявляют бескультурье, наглость», «не соблюдают нормы поведения, принятые в обществе», «проявляют агрессивность».

Ответы респондентов на вопрос «Как Вам кажется, приезжие из других регионов России или из других государств отнимают рабочие места у местных жителей в Вашем городе?» показали, что реальная обстановка на рынке труда достаточно сложная и противоречивая. Все опрошенные были единодушны во мнении о том, что иностранные трудовые мигранты заполняют не востребованные местным населением производственные «ниши». В то же время респонденты отмечали, что есть отрасли, в которых местное население готово трудиться, но работодатели предпочитают нанимать мигрантов, готовых за более низкую заработную плату и без социальных выплат трудиться «по 24 часа в сутки». От этого страдает местное население рабочих специальностей, лица со средним специальным образованием, особенно водители и строители. Зарплата у них уменьшилась вдвое, когда на рынке в избытке появились трудовые мигранты из Средней Азии, Северной Кореи и др. Такая концентрация этнических мигрантов в определенных производственных сферах порождает у местных жителей отношение к ним, как к конкурентам.

Рассуждая о негативных проявлениях присутствия мигрантов в регионе, респонденты солидарны с мнением о том, что мигранты из Средней Азии ухудшают са-

нитарно-эпидемиологическую ситуацию в городах края. Это и антисанитария в «резиновых» квартирах; и распространение инфекционных заболеваний (рост смертности населения от кори, рост числа больных туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями). Фиксируются случаи подделки медицинских справок для того, чтобы скрыть заболевания, наличие которых запрещает пребывание на территории России (например, СПИД у выходцев из Киргизии).

Вопросы регулирования пребывания мигрантов на территории вселения находятся сегодня в ведении территориальных отделений УФМС по Приморскому краю. Эксперты из числа сотрудников территориальных отделений УФМС акцентировали внимание на определенных явлениях, которые еще не получили массового характера, но тенденции их развития уже наметились. В первую очередь речь идет о браках и сожительстве между представительницами принимающего населения с мигрантами из Средней Азии. Часть этих браков носит фиктивный характер и иницируется мигрантами для получения права ускоренного оформления документов для работы в России. В ряде территориальных органов УФМС разрабатываются критерии для предотвращения и регулирования таких ситуаций. В целом, рассматривая последствия сожительства местных женщин с мигрантами, которые, как правило, отработав несколько лет в крае, уезжают на родину, можно предположить, увеличение численности матерей-одиночек, рост детей - отказников, детей сирот и т.д.

Одним из основных направлений реализации Стратегии государственной национальной политики является проблема социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Сегодня эти функции возложены государством на органы УФМС и делегированы общественности в лице НКО. Сотрудники УФМС регулярно встречаются с руководителями приморских национальных НКО, на краевом уровне проходят информационные семинары и курсы по изучению русского языка, но количество слушателей этих курсов не превышает, как правило, двух десятков человек.

Проблемы адаптации мигрантов из Средней Азии сегодня в крае призваны решать 4 зарегистрированные общественные организации, объединяющие выходцев из этих государств: из Киргизии – 2 организации (Владивосток), из Узбекистана - 1 (Владивосток), из Таджикистана - 1 (Артем), из Казахстана - 1 (Находка). Эти НКО выполняют посреднические функции и помогают мигрантам решать проблемы, связанные с регистрацией, оформлением гражданства, трудоустройством, социальным обеспечением, медицинским обслуживанием, этноконфессиональными потребностями. Очевидно, что в процессах социокультурной адаптации мигрантов национально-культурным объединениям отводится активная роль. Сегодня в региональном общественно-политическом дискурсе присутствует тезис об ответственности лидеров новых этнических групп за все, что происходит с их земляками. К ним обращаются и представители государственной власти, и представители общественных структур, но на практике, когда им (лидерам) необходимо, опираясь на делегированные им полномочия, решить какие-то проблемы, отношение к ним не всегда уважительное. Состояние противоречия декларируемых прав и ограниченного правового поля способствует актуализации опыта мигрантов по взаимодействию в рамках традиционных этнических общинных институтов и подталкивает лидеров новых этнических групп (узбеки, таджики, киргизы) к созданию их в Приморском крае, например, такого как «махалля» (узбекский квартал).

СМИ и межнациональные отношения. Основные сюжеты по проблемам межнациональных отношений в СМИ посвящены сегодня миграционному вопросу. В момент проведения интервью в электронных СМИ прошел сюжет о том, что в среде беженцев и вынужденных переселенцев из Украины, проживающих в пункте временного размещения на о. Русском, был выявлен и разоблачен провокатор. Респонденты считают, что такие сюжеты способствуют формированию инtolерантности у принимающего населения. Сегодня, когда СМИ рассказывают об условиях приема беженцев из Украины, сообщая о зарплатах в 40 тыс. рублей, о

предоставлении им жилья, градус инtolерантности местного населения может повыситься.

Но в тоже время респонденты из числа лидеров организаций народов Кавказа (азербайджанцы, чеченцы) отметили положительные тенденции в деятельности СМИ. Они считают, что за последние два года некорректных и некомпетентных материалов о межнациональной жизни стало меньше. 4-5 лет назад такие материалы были, и руководители, и лидеры национальных НКО были вынуждены заниматься разбирательством и регулированием конфликтных ситуаций, спровоцированных некомпетентностью представителей СМИ. Сегодня, считают эксперты, ситуация изменилась. В таких городах, как Находка, Уссурийск, Артем муниципальные СМИ охотно размещают на своих страницах сюжеты, посвященные будням и праздникам из жизни этнических общин.

Потенциальные угрозы (некорректные высказывания, экстремистские материалы) из сферы печатных СМИ перемещаются в сферу электронных и интернетных социальных сетей. На территории Приморского края проявления экстремизма чаще всего фиксируются в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», в электронных СМИ, имеющих разделы «форум» или «комментарии», – это «Живой журнал», «vostokmedia.com», «lenta.ru», а так же в газете «Арсеньевские вести»⁹.

Таким образом, в сфере межэтнических отношений в Приморском крае особую роль играют факторы адаптации мигрантов, приезжающих на заработки из государств Средней Азии. Исследования выявляют высокую значимость и такого явления, как социальное самочувствие местного населения – русского большинства. Имеет значение и деятельность более 60 национальных общественных объединений. Эти факторы оказывают противоречивое воздействие на межгрупповые отношения. В целом

⁹ Олешкевич Н.А. Проявления экстремизма в ГИС Интернет, СМИ и социальных отношениях на территории Приморского края (2009 - 2014 г.) / Правовая политика Российского государства в XXI веке: состояние, проблемы и направления развития – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014, сс. 57-59.

ситуация выглядит как спокойная. Но в контексте миграционной темы, в том числе на основе сюжетов о мигрантах в СМИ и дебатах в интернете, прослеживается тенденция нарастания в общественном сознании мигрантофобии, этнофобии и потенциальной

конфликтности, а не процессов межкультурной интеграции жителей региона.

Ермак Г.Г.

Таёжная Ратта: проблемы межэтнических отношений¹

Территория¹ Красноселькупского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (далее ЯНАО) охватывает почти весь бассейн р. Таза, и делится на два основных хозяйственных ареала. Первый расположен в зоне северной тайги от верховьев Таза, до р. Толька. Второй – занимает полосу лесотундры от устья р. Худосея вплоть до низовий Таза. В каждом ареале исторически сформировались свои хозяйственные комплексы и образовались этногамные группы населения. Верхнетазовская группа включает в себя жителей с. Ратта, д. Киккиакки, с. Толька и прилегающей к ним таёжной территории. Среднетазовская объединяет людей, проживающих в с. Красноселькуп и на стойбищах по рекам Часелька и Худосея. Низовья Таза входят в состав Тазовского р-на ЯНАО и там проживают тундровые ненцы. Коренное население Красноселькупского района, большинство которого составляют селькупы, занимается рыболовством, охотой на пушного зверя и мелкостадным оленеводством. Изменение численности коренного населения района со второй половины XX в. имело положительную динамику. В 1959 г. здесь насчитывалось 1121 представитель народов Севера, а к 1999 г. их число выросло до 1466. К началу 2004 г. численность автохтонов снизилась до 1356, а к 2013 возросла до 1578 человек².

Село Ратта – самый южный населённый пункт Красноселькупского р-на. Оно расположено на правом берегу Таза в 240 км по прямой линии от районного центра села Красноселькуп. По описанию Е.А. Алексеенко и Р.Ф. Итса 1961 г., от Ратты до райцентра 700 км водой, 400 км зимней оленьей дорогой; до ближайшего пос. Киккиакки – 180 км водой, 73 км зимней оленьей дорогой; до нового совхозного центра пос. Толька – 280 км водой, 16 км зимней оленьей дорогой³.

Самые ранние упоминания о Ратте встречаются в документах 1837 г. В то время на месте нынешнего села находился государственный хлебозапасный магазин, обеспечивавший здешних «инородцев» хлебом и другими припасами. В окрестной тайге располагались родовые угодья селькупов Калиных. До революции 1917 г. здесь скупал пушнину купец, фамилия которого не сохранилась. В 1933 г. постановлением Президиума Восточно-Сибирского крайисполкома был организован Кето-Селькупский национальный округ, куда вошёл и, образованный в конце 1920-х гг. Верхне-Тазовский туземный совет с центром в д. Ратта. В предвоенные годы Ратта была относительно крупным населённым пунктом. Здесь располагались три колхоза, имелись рыбкооп, радио- и метеостанция. В 1944 г. правобережье Таза было включено в состав образованного Красноселькупского района ЯНАО. Колхозы были слиты в одно хозяйство «Третья Сталинская пятилетка», переименованное в конце 1950-х гг. в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00097, «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».

² Лебедев В.В. Некоторые аспекты развития административно-хозяйственной структуры Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа и Фарковского сельского совета Красноярского края. 1981 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981-1984 годы / Под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2006. С. 150-151.

³ Паспорт населенных пунктов муниципальных образований муниципального образования Красноселькупский район за 2013 год; Алексеенко Е.А., Итс Р.Ф. О положении коренного населения Верхнего Таза (посёлок Ратта) Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. 1961 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959-1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. С. 246.

«Победу». В 1961 г. колхоз преобразовали в отделение Толькинского звероловнического совхоза. В 1967 г. Ратта получила статус села⁴.

Первые сведения о переселении селькупов на Верхний и Средний Таз относятся к середине XVII в. В это время часть селькупских семей под давлением хантов ушла со Средней Оби, потеснив к северу лесных энцев. Восточными соседями селькупов были кеты и эвенки. Межэтнические контакты в бассейне р. Таз привели к сложению этнического ядра северной (тазовско-туруханской) этнографической группы селькупов, завершившемуся к концу XIX в.⁵

Ратта и окружающая её тайга исторически стали средоточием трёх народов – селькупов, кетов и эвенков, объединённых общностью культурно-хозяйственного типа таёжных охотников и рыбаков. Как пишет Е.А. Алексеенко, в исторических преданиях селькупы и кеты всегда выступают как союзники в борьбе с энцами, ненцами и эвенками. Неприязненное отношение к эвенкам у селькупов и кетов, как к бывшим врагам и специфика эвенкийского оленеводческого хозяйства тормозило развитие соседских и взаимобрачных отношений между этими народами. Однако в результате долговременного взаимодействия и взаимовлияния произошли сближение народов и нивелировка культурных особенностей⁶.

Отмечая особенности развития межэтнических отношений в Красноселькупском р-не Ю.Б. Симченко в 1994 г. писал, «межэтнические контакты здесь имеют давний характер и какого-либо противо-

действия с любой стороны отмечено не было... в зонах межэтнического смешения происходит интенсивный процесс консолидации... обнаруживается большое число смешанных в национальном отношении браков, нивелировка традиционной культуры и этнические процессы, не всегда имеющие простое объяснение... потому что переселенцев с севера и востока уже во втором поколении осознают себя селькупами и давно перешли на селькупский язык⁷.

По официальным данным на 2013 г. в с. Ратта и прилегающей к нему тайге проживало 188 селькупов, 1 хант и 16 эвенков, что составляло более 80% от общей численности населения, приписанного к сельскому поселению. По сравнению с другими населёнными пунктами это число небольшое и составляет всего 13% от всего коренного населения района. Исключением является полузаброшенная д. Киккиакки, куда местные селькупы приезжают только на время сезонного лова рыбы.

Фамильный состав коренного населения Ратты выявленный нами в 2014 г., был следующим: верхнетазовские селькупы – Ириковы, Калины, Каргачёвы, Карсавины, Куболевы; переселенцы из Тольки – Агичевы, Кагилевы, Киприны; переселенцы из Красноселькупа – Андреевы, Каткилевы, Кунины, Кыткины; эвенки с р. Подкаменная Тунгуска – Мороковы, с р. Елогуй – Баякины; кеты из с. Келлог Туруханского р-на Красноярского края – Дибиковы, Хозовы.

По сведениям, выявленным В.В. Лебедевым и З.П. Соколовой, фамилия Андреевы энецкого происхождения; Кагилевы (Кагалев), Калины (Кайлины) и Карсавины (Карсамин) – хантыйского; Каргачёвы, Киприны – фамилии нарымских селькупов⁸.

⁴ Администрация МО село Ратта. История села <http://ratta.ru/istoriya-poseleniya.html>; Степанова О.Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2005. С. 34-35; [Авторский блог Валентины Гапенко](http://gareenko.net/day/3212-sentyabr.html) (<http://gareenko.net/day/3212-sentyabr.html>).

⁵ Алексеенко Е.А. Этнические процессы на Туруханском Севере // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. 63-64; Лебедев В.В., Соколова З.П. Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 121-127.

⁶ Алексеенко Е.А. Указ. раб. С. 66.

⁷ Симченко Ю.Б. Некоторые вопросы межнациональных отношений у народов Крайнего Севера // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985-1994 годы / Под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2007. С. 300.

⁸ Лебедев В.В., Соколова З.П. Указ. раб., с. 128.

Брачные связи коренного населения Ратты и окрестностей издавна развивались с соблюдением эндогамных норм. Брачных партнёров выбирали в основном из среды своих верхнетазовских селькупов. С развитием водных и воздушных коммуникаций в советское время увеличилось число браков со среднетазовскими селькупками. Устойчивые брачные связи сложились между местными селькупками и кетами Туруханского р-на Красноярского края. Девушки-селькупки из Ратты выходили замуж за кетов Пешкиных из Сургути и Дорожкиных из Келлога. Несколько обособленно стоят здесь звенки Баякины и Мороковы. Однако и они не избежали смешения с селькупками. В похозяйствен-

Большое влияние на демографические процессы в Ратте всегда оказывало развитие социально-экономических процессов в регионе. Хотя из-за труднодоступности и малолюдности эти процессы проходили не так напряжённо, как в Красноселькупе и Тольке. И, всё-таки, коренное население пережило период коллективизации и раскулачивания. Тяжело перенесло военные годы, когда трудоспособные мужчины ушли на фронт и вся работа в колхозах легла на женщин. Ломкой традиционного уклада оказалась кампания советского правительства по переводу кочевых народов на оседлый образ жизни в 1950-е гг. Введение всеобщего образования, с обучением детей кочевни-

Таблица 1. Численность коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе, 2013 г.

	Всего по району	с. Красноселькуп	с. Толька	с. Ратта	д. Киккиакки
Всего	1578	785	545	205	43
в т.ч.:					
селькупы	1398	648	522	188	40
ненцы	79	69	10	-	-
ханты	59	45	13	1	-
звенки	31	15	-	16	-
манси	7	7	-	-	-
кеты	3	-	-	-	3

ных книгах сельской администрации Ратты встречаются селькупы с звенкийскими фамилиями и звенки с селькупскими.

Сравнительно небольшая численность приезжих, проживавших в Ратте со времени её основания до сегодняшнего дня, обусловило небольшой процент браков автохтонов с представителями некоренных народов. По приблизительным подсчётам, проведённым по материалам похозяйственных книг 2014 г. и распросным данным, такие браки составляют около 10% от общего числа. Среди брачных партнёров преобладают русские, в отдельных случаях отмечены армяне, немцы, украинцы, молдаване, чуваша, башкиры, коми-ижемцы. Около половины женщин в этих браках уехали с мужьями в другие населённые пункты – в основном в Тольку и Красноселькуп; один мужчина увёз жену в Мурманск.

ков в школах-интернатах, привело к постепенному оседанию кочевой молодёжи в Ратте и других посёлках. Нехватка жилья и рабочих мест в посёлках приводила к люмпенизации части коренного населения. Больших бед удалось избежать жителям Ратты, потому, что она не была затронута геологоразведочным бумом 1970-80-х гг.

В настоящее время таёжная Ратта довольно успешно развивается. В последние годы здесь были построены дом культуры, спортивная площадка, отремонтированы официальные здания и частное жильё, строится новое здание школы-интерната. Решены вопросы круглосуточной подачи электроэнергии и телефонной связи, подведено центральное отопление, в каждом доме имеется телевизор, у некоторых жителей - компьютер. Коренные жители, желающие заниматься традици-

онными видами хозяйственной деятельности – охотой и рыболовством, обеспечивают работой «Верхне-Тазовская рыбодобывающая компания» и охотучасток.

Развитие инфраструктуры села и возможность жить оседло, до недавнего времени, так привлекавшее кочевое население, порождает сегодня более взвешенный подход. Таёжные жители научились сочетать жизнь на стойбище с кратковременным, по необходимости пребыванием в селе. В Ратте у каждого охотника или рыбака имеется собственное жильё или жильё близкого родственника, где он может остановиться. Отсутствие жёсткого выбора – жить в селе или в тайге – вносит, на наш взгляд, душевное равновесие в жизнь людей.

Межнациональные отношения в Ратте на протяжении долгого времени остаются нормальными. Сформировавшаяся в тайге за три столетия общность хозяйственного уклада, отсутствие социального

расслоения между представителями разных национальностей обеспечивают спокойствие в быденной жизни и адекватное восприятие действительности. Немалую роль в формирование комфортной обстановки для жизни в селе вносит руководитель администрации с. Ратта В.Г. Заводовский, потомок одного из первых поселенцев на Среднем Тазу на рубеже XIX-XX вв. Он обладает хорошими деловыми качествами и пользуется авторитетом у местных жителей. В его многочисленном семействе некоторые дети и внуки породнились селькупам. Все эти простые атрибуты совместной жизни являются, как показывают наблюдения, важными составляющими общественного согласия.

Квашнин Ю.Н.

к.и.н., с.н.с.

ИПОС СО РАН, г. Тобольск

Идентификация и идентичность в социальных науках¹

Трактовки проблем идентичности в социологии, психологии или антропологии нередко противопоставляются ее концептуализациям в философии, где они выступают в качестве сущностно иной (всеобщей, универсальной, неспецифической) проблематики, касающейся, прежде всего, отношения вещи с самой собой во времени, ее изменений при сохранении тождественности или замене ее частей. Можно, однако, возразить, что вся эта проблематика так или иначе проявляется и в исследованиях идентичности в социальных науках, поскольку имеет непосредственное отношение к человеку и его разнообразным самоидентичностям. Надстраиваемая над тождественностью рефлексивность личностного самосознания определяется во многих его аспектах условиями идентичности на этом первичном и фундаментальном уровне, который антропологи и социологи или психологи вряд могут игнорировать или считать не относящимся к делу. Отказ от продумывания оснований собственных исследований ослабляет методологический фундамент и теоретический уровень любой дисциплины, и обрекает исследователя на наивную в философском и рациональном отношении позицию здравого смысла. Основывая исследование на здоровом смысле, ученый ограничивает себя описанием: его эпистемологическая позиция практически полностью совпадает с позицией тех, кого он изучает. Стали ли причиной избегания метафизических проблем со стороны антропологов мало осознаваемые, но распространенные неопозитивистские установки, или этому послужили иные обстоятельства, но так произошло, что вопреки пристальному интересу к проблематике идентичности в целом большинство проблем, связанных с

процессами индивидуации и идентификации, оказались вне их поля зрения. Ближе всего к этой проблематике они подходили в период расцвета движения "Культура и личность", у истоков которого стоял Э. Сэпир², но последующее развитие когнитивной антропологии пошло иными путями, и многие из поставленных в тот период вопросов так и остались без ответов. В частности, вопреки популярности исследований классификации в так называемых примитивных обществах, культурная вариативность абстракции отождествления остается изученной довольно поверхностно, из-за чего и особенности трактовок тождественности и формирующихся на их основе идентичности классов вещей и людей в ряде случаев прояснены недостаточно.

В задачи статьи не входит систематическое рассмотрение метафизических оснований современных исследований идентичности. Эти задачи значительно скромнее и будут считаться решенными, если удастся достичь расширения того круга вопросов, который стандартно используется в исследованиях идентичности этнологами и антропологами и их коллегами из смежных социальных наук. Такое расширение становится возможным за счет привлечения внимания к тем аспектам идентичности, которые и являются по своей сути метафизическими и которые вполне способны стать основой для обновления исследовательских программ в изучении идентичности. Таким образом, приводимые ниже по необходимости краткие описания отдельных философских проблем, возникающих в рамках исследований идентичности и тождественности, должны рассматриваться лишь в качестве *стимулов* для формулирования новых

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00099) "Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт".

² *Ср.: Darnell, Regna. Personality and Culture: The Fate of the Sapirian Alternative//George W. Stocking (ed.) Malinowski, Rivers, Benedict and Others: Essays on Culture and Personality. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 156-183 (History of Anthropology, Vol.4).*

вопросов и исследовательских задач в конкретных полевых исследованиях процессов идентификации, реализуемых антропологами, социологами и социальными психологами. Такой прагматический подход к фундаментальным проблемам метафизики идентичности обусловлен сложившимся разделением труда в современных исследованиях этой проблематики, породившем разрыв между ее собственно философскими и прикладными социальными исследованиями. Этот разрыв, по моему убеждению, может быть преодолен только встречными усилиями как со стороны философов, так и со стороны исследователей процессов индивидуации и идентификации в специализированных социальных дисциплинах.

Помимо такого движения навстречу (отправным пунктом в данном случае служит ситуация в области изучения политики идентичности, сложившаяся в российской антропологии), я также сделаю попытку обратить внимание на существующие лакуны в полевых этнографических исследованиях, проблематика которых с позиций универсума представлений и высказываний об идентичности самих исследуемых остается лоскутной и обычно не представляется в качестве единой исследовательской области, разные сектора которой однако не могут не влиять друг на друга³. Наконец, еще одной важной стороной в исследованиях индивидуации и идентификации у антропологов становятся проблемы аутентичности культуры и культурных артефактов, вне всякого сомнения связанные с метафизическими проблемами идентичности.

Рассмотрение проблематики идентичности в более широком, чем это принято в конкретных профессиональных специализациях контексте, предоставляет основу

для нового синтеза всей проблематики, связанной с исследованиями идентичности, и открывает новые проблемные области для продуктивного исследования. Такой контекст задается утверждением, что в отличие от рефлексивной самоидентичности, предполагающей наличие сознания и самосознания, идентичность как тождественность присуща всем вещам, включая неживые, иначе мы бы подозревали, что пока мы не смотрим на вещи они становятся иными, теряя тождественность с собой. В соответствии с широко обсуждавшимся в философии законом идентичности ($A=A$, или в другой формулировке: A есть A), «всякому существу как таковому присуще тождество, единство с самим собой»⁴. Вещи, как и люди, способны меняться, сохраняя идентичность «тех же самых», но за исключением философов, изучающих метафизику идентичности/тождественности, мало кто обращает внимание на то обстоятельство, что разные виды или классы вещей отличаются способами и формами сохранения и изменения идентичности или, как начиная со времен Гоббса и Лейбница и до сегодняшнего дня говорят представители аналитической философии, – условиями идентичности (ср.: *identity conditions* у Лоу⁵). В этой перспективе и люди могут рассматриваться в качестве особого «разряда вещей», который подчиняется специфическим условиям идентичности с характерным лишь для них набором ее критериев. Идентичность присуща также событиям, мифологическим или историческим, попытки переосмысления которых зачастую порождают бурю эмоций, поскольку исторические события вполне очевидным образом связаны с индивидуальными идентичностями их участников или людей, о них осведомленных и приверженных к вполне конкретным интер-

³ Например, тео- и космогония исследуется отдельно и обычно не связываются с проблематикой личностных процессов идентификации, разворачивающихся в исследуемых сообществах, хотя и вне всякого сомнения влияют на них. Другой пример: психологи уже давно обратили внимание на влияние мифологии на психологию личности и ее идентичность/и; масштабные попытки синтеза мифологических представлений с личностными идентификационными процессами были предприняты, например, уже З. Фрейдом и К. Юнгом, однако эта часть их наследия редко привлекает внимание антропологов.

⁴ В оригинале: «Zu jedem Seienden als solchem gehört die Identität, die Einheit mit ihm selbst» (Heidegger, *Martin*. Der Satz der Identität//Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichliche Schriften 1910-1976. Bd.11. Identität und Differenz. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, [1957] 2006. S. 35).

⁵ Lowe, E. *Jonathan*. How Real Are Artefacts and Artefact Kinds?//Franssen M., Kroes P., Reydon T.A.C., Vermaas P.E. (eds). *Artefact Kinds: Ontology and the Human-Made World*. N.Y. e.a.: Springer, 2014. P. 17.

претациям этих событий, разделяемым тем сообществом памяти, в которое эти люди входят.

Одной из фундаментальных проблем, связанных с концептом идентичности как тождественности, является установление ее характера. Упомянутый выше закон тождества, впервые сформулированный еще Аристотелем (его современная формулировка была предложена Лейбницем), требует уточнения как только мы обращаемся к фактам языка, мышления или даже повседневной жизни: нам часто бывает сложно делать заключение о тождественности вещи, поскольку эта тождественность никогда не бывает абсолютной. Неабсолютная, то есть релятивная тождественность, образуемая на основе абстракции отождествления, позволяет лучше справляться с практическими задачами типа счета (мы можем сосчитать книги на полке только при условии определения того, что будет считаться “книгой” – отдельное произведение, пусть и занимающее несколько томов, или же объединенные под одной обложкой несколько произведений), то есть задав критерии идентичности для понятия “книга”). Насколько сложными эти процедуры могут оказаться в реальности знает каждый, кто на практике сталкивался, например, с подсчетом численности членов различных этнических сообществ или носителей различных языков и диалектов во время переписей населения. Счет, таким образом, предполагает отождествление (идентификацию) и различение (дифференциацию), а также четкие критерии идентификации. В этом отношении тождественность характеризуется как относительная или релятивная. Является ли, например, шаман в его деятельности на земле и во время путешествия в иные миры той же самой личностью? Иными словами, является ли его идентичность как шамана *трансмирной*, то есть охватывающей несколько миров, или же он должен менять идентичности, попадая в верхний или нижний мир, и возвращаться к идентичности срединного мира, оставляя иные свои идентичности или, быть может различные ипостаси единой, в других доступных ему мирах? Со сколькими личностями мы имеем дело в этом случае? Каковы критерии идентичности для этой личности или этих лично-

стей? Разумеется, сама по себе философия вряд ли даст нам ответы на эти вопросы, поскольку ключ к ним лежит в мировоззрении шамана, однако она позволяет эти вопросы сформулировать и узнать нечто новое о шаманской идентичности и ее трансформациях.

Трансформации идентичности. В современных исследованиях идентичности разных типов подчеркивается ее изменчивость и динамизм; некоторые теоретики предпочитают в этой связи говорить не столько об идентичности, сколько о процессах идентификации с не всегда предсказуемыми исходами. Вопреки тому, что проблемы динамики идентичности активно исследуются, фрагментарность этого поля исследований в целом и наличие узких специализаций в изучении различных типов идентичностей и областях их проявления препятствуют их рассмотрению в рамках общей теории (например, изменения возрастных и статусных идентичностей изучаются в отрыве от идентичностей, связанных с языковыми и культурными процессами). В результате, например, трансформации идентичностей фольклорных персонажей, шаманов и целителей, или охотников в традиционных культурах хорошо известны, но парадоксальным образом остаются недостаточно изученными с точки зрения динамики идентичности и ее закономерностей. Нарушения тождественности с обыденным или повседневным Я постоянно происходит и в ситуациях измененного состояния сознания под влиянием стресса, болезни, галлюциногенов или сильных эмоций, и в процессе рутинной повседневности (грезы, потери внимания, распределенное Я во время работы с экранными носителями и т.д.) у большинства представителей современных индустриальных обществ, однако такие изменения редко рассматриваются с позиций изменений идентичности.

Некоторые из наших идентичностей, однако не все, могут передаваться следующим поколениям. Закономерности их передачи варьируют не только в зависимости от их конкретного типа. В отношении каждой из них существуют особые нормы, процедуры, правила и закономерности трансляции. Вопреки тому, что обряды перехода давно входят в классиче-

скую тематику антропологических исследований, правила и процедуры передачи идентичностей (как и случаи сбоев в межпоколенческой трансляции идентичностей) все еще редко становятся фокусом исследования у антропологов.

Возьмем случай социальных идентичностей, связанных с такими атрибутами как честность, порядочность, правдивость, или справедливость. Эти идентичности можно с некоторыми оговорками отнести к типу градуированных, поскольку им могут приписываться степени, выражаемые различными специфицирующими определителями (всегда, обычно, часто, иногда, никогда, как правило и проч.), как, например, в предложениях: «Обычно он ведет себя порядочно», или «Он – мужик справедливый» (подразумевается, что он действует так всегда). Здесь интересны не столько возможности дифференциальной оценки одного качества или идентичности, т.е. противопоставление *градуированности – фазовым переходам* или *качественным скачкам* при изменении статуса (как в случаях таких атрибутов или идентичностей как «женатый», «беременная», «мертвый», когда появление спецификатора-ограничителя сигнализирует нарушение языковой нормы и вызывает смех: «немножко беременная», «чуть-чуть женатый», «отчасти дееспособный»). Значительный интерес представляет профессиональная вариативность этих идентичностей (и связанных с ними представлений о норме в отношении справедливости, правдивости и т.д.) в рамках той целостности, которая мыслится как единая культура. Правдивый банкир будет отличаться от правдивого врача настолько, насколько отличаются их дискурсивные практики, в которых скрывается или выражается правда. Утрата позитивной идентичности (в данном случае, смена образа правдолюбца на имидж лжеца), как и характеристики этих идентичностей или статусов в данных профессиональных субкультурах очевидным образом отличаются: врач может, а иногда и должен скрывать правду от пациента, и утешая его, сообщать полуправду или неправду, в то время как банкир должен, руководствуясь банковской тайной, молчать, но не может искажать интересующих его клиента сведений. Иными словами, связанные с этими про-

фессиональными идентичностями кодексы поведения наполняют идентичность «правдивого человека» разным содержанием.

Этот дискурсивно-деятельностный аспект повседневных (в данном случае – профессиональных) идентичностей давно привлекает внимание социальных психологов и социологов (здесь сразу приходит на память знаменитая книга Э. Гофмана⁶ с ее яркими описаниями повседневных стратегий и тактик самопрезентации), но нечасто пользуется вниманием антропологов.

Между тем, изучение особенностей динамики идентичностей этого типа способно пролить новый свет и на более привычные для полевого этнографа сюжеты, связанные со сменой идентичностей, их интенсивностью и взаимодействием их регистров у носителей «традиционной культуры». При детальном рассмотрении этой динамики внимание привлекает не только характер (постепенный или скачкообразный) смены идентичности или переключения из одного регистра в другой (смена ролей), но и *личностные стили*, проявляющиеся в управлении самоидентичностью – той самой «презентации себя», о которой писал Гофман. Кстати, используемая во многих из его описаний метафорика театра и театрального действия позволяет не только ввести в анализ динамики идентичности категории *личности* и *личины* (или индивида и освоенного им ролевого репертуара), но и отметить наличие и влияние «публики» на избираемые в конкретных ситуациях тактики самопрезентации, поскольку от характеристик этой «зрительской аудитории», реальных или мнимых (ведь речь идет все-таки о субъективном ее восприятии со стороны «актера»), зависит не столько успех «спектакля», сколько сам ход разыгрываемой им «пьесы» с меняющимся под влиянием этой публики сценарием.

Разговор о стилях смены идентичности касается, разумеется, в большей степени градуированных переходов, однако и фазовым скачкообразным переменам статуса (как, например, при появлении в семье

⁶ Гофман, Ирвинг. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.

первого ребенка, когда статус его родителей и родителей его родителей резко и скачкообразно меняется: они становятся мамами и папами, дедушками и бабушками, и вся родственная сеть, благодаря появлению нового члена, получает новые идентичности) не чужда стилевая и личностная окраска: превращение в бабушку или деда будет по-разному переживаться молодящимися “стариками”, в ценности которых входит культ молодости, и старшим поколением из геронтофильного общества, где культ молодости отсутствует, но есть культ старейшин, родителей или предков.

Из рассмотренных примеров, в которых на особенности передачи или трансформации идентичности влияет ее тип, становится очевидным, что на ее динамику оказывает влияние также система ценностей или аксиологическое измерение этой динамики, поскольку практически любая конкретная идентичность обладает приписываемой ей ценностью. Рассматривается ли в данной культуре или обществе та или иная идентичность как позитивная или негативная, ощущается ли она ее носителем как дар или стигма – эти и подобные обстоятельства несомненно влияют на стиль и особенности передачи или трансформации идентичности. На основе такого рода специфики формируются специфические практики наследования, наследия и наследства, а также сообщества памяти.

Типология идентичностей. Динамика идентичностей имеет свои особенности, характерные для конкретного типа или класса идентичностей: помимо рассмотренных выше примеров из классов профессиональных и возрастных идентичностей, всем известны языковые, локальные (региональные), гендерные, досуговые, игровые и проч. Каждый из этих типов характеризуется особыми взаимоотношениями между различными регистрами этих идентичностей, нюансами управления ими и представлениями о способах их передачи и перемены. В соответствии с этими представлениями идентичности могут наследоваться, человек может обрести их от родителей, Бога (богов, духов) или природы, они могут также навязываться, достигаться, приобретаться, присваиваться, отчуждаться, меняться

спонтанно или по желанию, достигаться с помощью магии или за счет собственных усилий. Грамматика (парадигматика и синтаксис) трансформаций идентичности такого рода пока исследована недостаточно, и включение этих сюжетов в специальные программы полевых этнографических исследований способно существенно обогатить наши представления об их динамике.

Используемая нами повседневно абстракция отождествления, необходимая для операций обобщения и формирования понятий, опирается на наши операции с индивидами и их группами (видами, разновидностями, классами, или родами). Роды сущего или естественные разряды (не путать с естественными или биологическими видами), обычно именуемые в работах по аналитической философии ‘natural kinds’⁷, а иногда – подлинными или правильными категориями (*genuine categories*⁸), представлены во всех естественных языках, хотя именуются в них, разумеется, по-разному. “Естественность” в данном случае означает независимость существования обозначаемой этим словосочетанием группы (множества) объектов от сознания человека. Примерами могут служить экстенсионалы таких слов обыденного языка как слон, золото, планета. Обобщение и индукция, лежащие в основе многих классификаций в разных

⁷ Хотя некоторые историки аналитической философии полагают, что важные элементы этого понятия встречаются уже у Аристотеля и Гоббса, термин был впервые использован британским логиком и философом Дж. Венном в работе “Логика случая”. Он, в частности, писал: “There are classes of objects, each class containing a multitude of individuals more or less resembling one another... The uniformity that we may trace in the [statistical] results is owing, much more than is often suspected, to this arrangement of things into natural kinds” (Venn, John. *The Logic of Chance*, London: Macmillan, 1866. 245ff). Дж. Стюарт Милль в своем известном труде «Система логики» философски обосновал понятие ‘kind’. Чарльз Сандерс Пирс, а впоследствии Дж. Рассел, возродивший использование выражения ‘natural kinds’, продолжили его разработку и критику. Однако современная его трактовка и дискуссии развернулись только в 1960-е гг. в связи с работами Сола Крипке и Хилари Патнэма (при участии Уилларда Куайна и Нельсона Гудмена).

⁸ См., например: *Magnus P.D. No Grist for Mill on Natural Kinds // Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2013. Vol. 2, No. 4. P.1-15.

культурах, порождают классификации, в различной степени отражающие натуральные разряды. Разумеется, научные и философские классификации лучше отражают натуральные разряды, нежели народные (называемые иногда также фольк-классификациями). Знаменитый пример объединения в один класс всех летающих предметов (птиц, подброшенных камней и палок и вертолетов) в один класс в одном из языков бразильских индейцев в этом отношении достаточно выразителен. Аналогичным образом стала классификация вещей в австралийском языке дьирбал, один из классов которой дал название известной книге Джорджа Лакоффа⁹.

Для рассматриваемой здесь темы существенно, что эти разряды обладают идентичностями, построенными на тождестве или сходстве между членами одного класса или сорта (выражающие их концепты в современной аналитической философии вслед за Дж. Локком называют *сорталами*¹⁰). Признаки, лежащие в основе сходства у элементов одного класса в случае натуральных разрядов должны быть существенными (здесь уместно вспомнить дискуссии о существовании рас в качестве историко-биологических сообществ в противовес типологическим концепциям расы, где она не рассматривается как натуральный разряд, а выступает в качестве артефакта типологической практики). Разные классы сортов характеризуются собственной динамикой и закономерностями смены идентичностей. Поскольку люди также представляют собой один из естественных разрядов, сам концепт «люди» может рассматриваться как сортал. Относятся ли к сорталам такие термины с семантическим значением собирательности как «народ», «нация», или «общество» остается открытым вопросом.

Идентичности индивидуальных вещей часто рассматриваются в отрыве от тех классов, видов или разрядов, к которым эти вещи относятся. Между тем, мы реши-

тельно ничего не можем сказать о единичной и отдельной вещи вне ее сопряженности с такими классами или разрядами: не существует «чистых отдельностей» – всякое отдельное в своей фундаментальной идентичности (совокупности существенных свойств) связано с тем классом вещей, к которому оно принадлежит. Определяя идентичность как совокупность существенных свойств (существенными они считаются потому, что отсутствие любого из них сигнализирует о наличии уже иной вещи и иной идентичности), мы сталкиваемся с проблемой определения онтологического статуса «признаков», «свойств» или атрибутов индивидов (то есть любых единичностей, будь они химическими элементами, растениями, животными, людьми или планетами), то есть проблемой разделения этих свойств или атрибутов на случайные (акцидентальные) и сущностные (эссенциальные). Критерий радикальной трансформации идентичности индивида при исчезновении одного из существенных свойств остается при этом самым надежным критерием различения случайного и существенного. Нам важно, что сортовые концепты управляются критериями индивидуации и идентичности, то есть метафизически обоснованными семантическими принципами, которые определяют, что считать индивидами или, применительно к атрибутам – индивидуальными воплощениями универсалий, и каковы необходимые условия для сохранения ими тождественности.

Проблема существования совокупностей, природных или социальных, или сущности множеств, бытующих независимо от наблюдателя, как и сгруппированных в результате классификации, связана с фундаментальной проблемой соотношения части и целого, относящейся к классическим метафизическим проблемам. Ее сложность можно представить, пытаясь, к примеру, ответить на по видимости простой вопрос о числе вещей в комнате. Мы никогда не сможем дать на этот вопрос удовлетворительного ответа, пока не проясним принципы соотношения части и целого. Даже если в комнате стоит единственный стул, мы не сможем утверждать, что в комнате находится только одна вещь, поскольку у стула есть ножки,

⁹ Лакофф, Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

¹⁰ Локк, Джон. Опыт о человеческом разумении. Кн. III//Локк, Дж. Сочинения в 3 тт. Т.1. – М.: Мысль, 1985 (Гл. III. Об общих терминах, С.466-477, §15).

спинка, сиденье, которые, в свою очередь, состоят из разных материалов, гвоздей, скоб и клея, которые состоят из молекул и атомов и т.д., до бесконечности. Остается также неясным, должны ли мы прибавлять к нашему перечню сам стул, если уже посчитаны его части и т.п. Каждая из перечисленных здесь единичностей характеризуется тождественностью, хотя часть из них относится к природным рядам (химические элементы, молекулы, атомы), а другая – к рядам артефактов (ножки, спинка, сиденье и сам стул).

Можем ли мы утверждать, что знаем, что такое нация, если не имеем определенности в отношении природы составляющих элементов? Из кого или чего состоит нация – индивидов, личностей, граждан, этнофоров? Из входящих в нее народов, культур, языковых сообществ? Или, быть может, из сословий и классов, из совокупности организаций, институтов и практик? Или, быть может, вопрос о ее составе вообще не правомочен, поскольку это лишь воображаемое сообщество, представляющее собой не столько множество составляющих его элементов, сколько поток изменчивых образов или сам процесс воображения, не имеющий референтов в реальности? Связанным с вопросом о составляющих или частях этого целого являются и вопросы вполне практического характера: кто выступает в качестве субъекта национального самоопределения – народ, население, согражданство, парламент, правительство, верховная власть? Может ли национальный суверенитет быть парциальным, то есть делиться между разными из названных выше составляющих нацию субъектов или акторов? От решения лишь по видимости далеких от практики вопросов метафизического характера зависят вполне конкретные политические решения и, в конечном итоге, не только форма правления, но и качество нашей жизни. Какого рода связи и отношения «держат» социальные сети, неформальные сообщества типа уличных группировок, корпораций, клубов фанатов или коллекционеров? Чем отличаются взаимоотношения между составляющими их элементами от отношений между органами в теле человека или животного, от связей частей в сде-

ланных человеком вещах – мебели, компьютерах, металлургических сплавах?

Британский философ, Э. Джонатан Лоу по характеру взаимосвязи частей предлагал различать агрегаты, коллективности и то, что он назвал интегративными целостностями или интегратами (*integrates*). Согласно Лоу существование *агрегатов* (к типичным можно отнести кучу песка или камней) помимо наличия составляющих их элементов (камней, песчинок) зависит еще и от сил сцепления между этими элементами – рассеивание песчинок или разбрасывание камней приведет к исчезновению кучи. Именно поэтому следует различать сумму элементов и кучу как имеющие разные условия тождества. *Коллективности* (в отличие от абстрактных множеств) состоят из конкретных объектов, индивидуализированные составляющие которых могут быть рассеяны и вновь собраны, то есть способны пережить рассеяние (как, например отара овец или оленья стадо). *Интеграты* – это индивидуальные субстанции или единичности, составленные из частей, сумма которых не может рассматриваться как равная самой этой целостности; какие-то части такой интегрированной целостности могут заменяться другими или утрачиваться, однако у интегратов существуют и незаменимые части, утрата которых ведет к уничтожению или гибели всей интегративной системы. Артефакты из числа такого рода интегративных целостностей (часы, самолеты, корабли) можно разобрать на части и в этом смысле – «рассеять», а затем собрать снова, или отделить некоторые части, в то время как целое будет сохранять свою идентичность¹¹ (Lowe 2009: 96-98). Разумеется, нужно помнить, что не все интеграты относятся к артефактам. Условия сохранения тождества у названных типов сообществ связаны с различными критериями идентичности и особой трактовкой того, что является в данном случае «суммой частей». В соответствии с этой типологией общая схема проблематики части и целого в аспекте сохранения или утраты идентичности оказывается еще более сложной:

---

¹¹ Lowe, E. Jonathan. *More Kinds of Being: a Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P.96-98.

идентичность отдельного человека будет подчиняться иным закономерностям, нежели идентичность любого человеческого сообщества, так как характер взаимодействия “частей” или “составляющих” и взаимосвязей между ними у человека (в данном отношении рассматриваемого как интеграл) будет существенно отличаться от связи элементов нации, относящийся к типу коллективностей.

Представленный здесь краткий очерк отдельных философских проблем, возникающих в связи с рассмотрением процессов идентификации и требующих изменения существующих в этой области подходов позволяет, как представляется, расширить проблематику этих исследований в социальных науках. Современные индустрии идентичности (косметология, мода на еду, одежду и обувь, архитектуру и дизайн частных жилищ; демонстративное потребление, касающееся стилей жизни и отдыха, включая, например, выбор отелей, ресторанов, курортов, автомобилей) захватывают все новые области, открывая новые перспективы как для “представления себя другим в повседневной жизни”, так и для разработки новых исследовательских программ в антропологии, социологии и психологии для изучения такого рода “представлений”. Особые вызовы для таких исследований ставит появление и широкое использование новых технологий, затрагивающих управление идентичностью. Распространение цифровых медиа и их внедрение в системы безопасности, финансов и авторского права поставили проблемы охраны идентичности (цифровой, паспортной и авторской) от подделки, присвоения и недобросовестной манипуляции. Системы защиты от кражи идентичности хотя и не являются новой, но остаются весьма востребованной областью, обеспечивающей безопасность личности и организаций, однако их социологическое и антропологическое изучение явно отстает от потребностей (до сих пор этими проблемами занимались, по преимуществу, юристы, криминологи и психологи¹²). Аутентичность арте-

фактов и проблемы их подделки или недобросовестного использования (актуальные проблемы для современного музейного дела, искусствоведения, охраны традиционного нематериального наследия, лицензирования и патентного дела и т.п.) столь же тесно связаны с проблематикой идентичности, как и только что перечисленные области, касающиеся идентичности человека. Ориентация в существующих сегодня философских подходах к концепциям общего, особенного и единичного, части и целого, вещи и признака, артефактов и натуральных разрядов, то есть, по своей сути – проблематике метафизической, оказывается необходимой для обновления конкретно-научных исследовательских программ, в фокусе которых оказывается идентичность.

Соколовский С.В.

---

¹² Ср., например: *LoPucki, Lynn M.* Human Identification Theory and the Identity Theft Problem//*Texas Law Review*. 2001. Vol. 80. P. 89-134; *Pontell, Henry N.* Identity theft: Bounded rationality, research, and policy//*Criminology & Public Policy*.

2009. Vol. 8, No. 2. P. 263–270; *Shreve-Neiger e.a.* Exploring the Psychological and Somatic Impact of Identity Theft//*Shreve-Neiger A., Kane J., Hutton S., Sharp T., Fremouw W.* //*Journal of Forensic Sciences*. 2004. Vol. 49, No 1. P. 131-136.

Национально-культурная автономия: два десятилетия российского эксперимента¹

В 1996 г. в России был законодательно введен в политическую практику институт национально-культурной автономии (НКА). За истекшие почти 20 лет в закон об НКА неоднократно вносились изменения, создавались и ликвидировались организации, называющие себя автономиями. Эксперты Сети этнологического мониторинга следят за историей НКА в России с самого ее начала, в частности, на примере Москвы – города, где на сегодняшний день зарегистрированы 14 из 16 федеральных и более 70 местных и региональных НКА². С 2006 г. мониторинг ситуации с НКА в Москве ведется в сотрудничестве с исследователем из Франции Ф. Досэ, чья статья, посвященная московским татарам – одному из наиболее многочисленных и наиболее активных, в том числе в создании НКА, российских меньшинств, включена в настоящий доклад. Предваряя эту публикацию, позволю себе высказать несколько общих соображений относительно национально-культурной автономии в современной России.

Кратко напомним предысторию вопроса: принцип национально-культурной (иногда именуемой "персональной" или "нетерриториальной") автономии, предложенный на рубеже XIX-XX вв. т.н. австромарксистами К. Реннером и О. Бауэром

для организации культурных различий в мультикультурных (прежде всего имперских) государствах, так и остался принципом, не будучи реализован ни в одной стране. На заре новой российской государственности, на фоне бурного и стихийного "национального возрождения", об НКА вспомнили как о возможной альтернативе территориальной автономии. Однако из четырех фундаментальных основ "классической" национально-культурной автономии – "культурного национализма, персонального членства, внетерриториальной юрисдикции и симметричных отношений между национальностями"³ – была взята на вооружение только первая. Очень быстро в среде экспертов и политиков возобладал консервативный подход "не вместо, а вместе", означающий сохранение этнического федерализма и создание в дополнение к нему структуры культурных автономий⁴. Последняя, по замыслу законодателей, должна была упорядочить и ввести в единое правовое поле все многообразие возникших "этнокультурных" организаций.

Принцип вертикальной иерархии, реализованный в законе об НКА, делает сомнительной их экстерриториальность: региональные и местные НКА "приписаны" к конкретным территориальным образованиям, в пределах каждого из которых может быть зарегистрирована только одна "автономия" соответствующего уровня, созданная от лица той или иной "национальности". А положение о том, что НКА может образовываться только в случае, когда граждане некой национальности находятся в "ситуации национального меньшинства на соответствующей территории", противоречит принципу "симмет-

¹ Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00099) "Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт".

² См.: Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Закон и этничность. Аналитический отчет о результатах экспертного исследования концептуальных подходов к законодательному регулированию этнических процессов в столичном мегаполисе (июнь 1998 г.) / Москва, 1998; Филиппова Е.И. (отв. ред.). Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. Москва, 1998; Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 46–59; Filippova E.I., Filippov V.R. National-Cultural Autonomies in Post-Soviet Russia: A Dead-End Political Project. Paper presented at the Association for Study of Nationalities' convention, Sciences Po, Paris, 4 July 2008.

³ Bauböck R. Political autonomy or cultural minority rights? A conceptual critique of Renner's model. In: Ephraim Nimni (ed.), National Cultural Autonomy and its Contemporary Critics, London, New York: Routledge, 2005. Pp. 97-111.

⁴ См.: Codagnone C., Filippov V. (2000). "Equity, exit and national identity in a multinational federation: the 'multicultural constitutional patriotism' project in Russia". Journal of Ethnic and Migration Studies. April V 26, N. 2, pp. 263-288

ричных отношений между национальностями": в концепции Реннера и Бауэра предполагалось, что НКА станут механизмом для реализации культурных прав как меньшинств, так и большинства. К тому же, в результате следования консервативному принципу "не вместо, а вместе", о котором уже шла речь выше, одни российские "национальности" по-прежнему имеют территориальную автономию (что не мешает им создавать и НКА), другие – нет. Наконец, отсутствие персонального членства, как уже неоднократно отмечалось исследователями, превращает НКА в "сугубо индивидуалистский концепт", в "общественную организацию", а также ставит под сомнение представительность этих структур и их правомочность выступать от лица той или иной "национальности"⁵.

Итак, НКА в современном российском исполнении не является ни персональной, ни экстерриториальной, ни автономией. Тем не менее, число организаций с таким названием неуклонно растет: по данным Министерства юстиции РФ на март 2015 г. было зарегистрировано 16 федеральных, 266 региональных и около 830 местных НКА. Чем объяснить этот факт и как оценить роль и место данного института в общественной жизни?

Д. Смит предлагает оценивать эффективность НКА через двойную призму: демократизации и стабилизации⁶. В либерально-демократической перспективе, напоминает В. Кимлика, о деятельности той или иной институции судят по ее влиянию на жизнь конкретных людей, основываясь на таких критериях, как обеспечение личных прав и свобод, безопас-

ности и экономического благополучия⁷. От НКА, в частности, ожидают положительного влияния на внутри- и межгрупповые отношения, а также на отношения между группами граждан и государством; эффективной защиты прав меньшинств, в том числе – меньшинств внутри автономных сообществ (в российском случае – "нетитульного" населения республик). Все это, в конечном счете, должно способствовать полноценному участию всех в гражданской жизни всего сообщества. Насколько оправдываются эти ожидания?

Многие исследователи⁸ указывают на то, что НКА служат своего рода ширмой, отвлекающей внимание от проблем неравенства и дискриминации, смещающей акцент с социальных проблем на культурные, позволяющей государству и его структурам объяснять общественную напряженность и конфликты культурными различиями. Различные группы используют институт НКА в демонстративных целях, для создания символической "многоэтничности". Сами же НКА вынуждены конкурировать между собой и с другими этнокультурными организациями за хронически недостаточную государственную поддержку. Так называемая "национальная", или "этнокультурная" политика сводится к патронажу небольшого количества крайне малочисленных организаций, не имеющих существенного влияния на "этнические общины", само существование которых еще требуется доказать, а бюджетные средства тратятся на нужды горстки активистов, выступающих под этнокультурными лозунгами.

Внутренние конфликты, борьба за лидерство и ресурсы ослабляли НКА, нанося ущерб их авторитету. "С течением времени значительная часть НКА превратилась в организации одного человека, [существующие] в интересах какого-то руководителя, однажды взявшего в свои

⁵ См.: Осипов А.Г. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация. Бишкек, 2004 г. Bowring B. "Austro-Marxism's Last Laugh? The Struggle for Recognition of National-Cultural Autonomy for Russians and Russians". *Europe-Asia studies*, 2002, Vol. 54, №2, pp. 229-250; Kemp W. "Applying the Nationality Principle: Handle with Care". *Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2002. Issue 4, <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2002/nr4/Focus4-2002KempKymlicka.pdf>.

⁶ Smith D. J. "Non-Territorial Autonomy and Political Community in Contemporary Central and Eastern Europe". *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2013. Vol 12, No 1, pp. 27-55.

⁷ Kymlicka W. "Multiculturalism and Minority Rights: West and East". *Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2002, Issue 4. <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2002/nr4/Focus4-2002Kymlicka.pdf>

⁸ См. Осипов А. "National Cultural Autonomy in Russia: A Case of Symbolic Law". *Review of Central and East European Law*, 2010, № 35, pp. 27-57; Илларионова Т.С. Указ. соч.; Bowring B. *Op.cit.*

руки бразды правления. [...] Они стали [...] объектом своего рода "капитализации" для тех лидеров, которые видели в национально-культурной автономии общественное приложение к собственному бизнесу", - пишет Т. Илларионова⁹. О конфликтах такого рода идет речь и в статье Ф. Досэ.

Таким образом, в контексте демократизации НКА в их нынешнем виде могут в какой-то степени рассматриваться как знак публичного признания культурного многообразия населения страны, но нельзя утверждать, что они способствуют росту толерантности или защищают права этнических меньшинств. И тем более НКА не являются тем "механизмом, который позволил бы меньшинствам контролировать жизненно важные для их развития сферы, включая образование", поскольку они "не наделены необходимыми для этого законодательными или налоговыми полномочиями"¹⁰ и, в соответствии с законом, лишены права участвовать в политической деятельности.

Рассмотрим теперь, как выглядит НКА через призму стабилизации ситуации в обществе. Если исходить из представления о том, что "культурный национализм" чаще выражается в форме требования автономии в рамках существующих государств, тогда как "государственный национализм" несет в себе больший потенциал для пересмотра государственных границ, то следует признать национально-культурную автономию меньшей опасностью для сохранения государственной целостности по сравнению с требованиями национального самоопределения. Известны примеры (например, Франция рубежа 1970-х-1980-х гг.), когда даже частичное удовлетворение культурных требований позволяло существенно ослабить регионалистские движения, выступавшие до того с достаточно радикальных позиций. Напомню, что российский закон разъясняет: "Право на национально-культурную автономию не является пра-

вом на национально-территориальное самоопределение" (Ст. 4).

Учреждая НКА в форме централизованной иерархичной структуры, а также ставя их в зависимость от государственного финансирования, власти надеялись установить эффективный контроль над разрозненными этнокультурными организациями и движениями. Этого, однако, не произошло: создаваемые "сверху" и выстроенные в иерархию с единым центром НКА не сумели привлечь под свои знамена или вытеснить с политической сцены организации, возникшие "снизу" и имеющие собственную, отличную от одобряемой властями, политическую повестку. В итоге сегодня национально-культурные автономии являются разновидностью общественной организации с соответствующим набором прав и возможностей и существуют наряду с прочими формами общественных организаций этнокультурной направленности. Они не стали ни полностью автономными структурами, чья деятельность оплачивается за счет добровольных взносов их членов, ни "привилегированными партнерами" государства, получая подчас скудную финансовую и институциональную поддержку наравне с прочими "некоммерческими объединениями".

В пользу того факта, что НКА рассматриваются властными структурами скорее как инструмент стабилизации, нежели демократизации, свидетельствует принятая в ноябре 2014 г. поправка к закону, дополнившая статью 1 такими целями, как "осуществление деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов".

Выглядит нелогичным, чтобы организация, созданная для сохранения и развития языка и культуры меньшинства, способствовала включению в доминирующую культуру. Известен пример Нидерландов¹¹, где задача интеграции мигрантов была возложена на этнические общины. Это привело к созданию "этнических кварталов" со своими школами, больницами, магазинами и т.п. и в конечном счете "способствовало социальному исключе-

---

⁹ Илларионова Т.С. Государство и национально-культурные автономии народов России: актуальные проблемы и перспективы // Этносциум и межнациональная культура. 2010. № 3. С. 44 – 65

¹⁰ Léger R. Non-territorial Autonomy in Canada: Reply to Chouinard, *Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 2014, 13:4, pp. 418-427

¹¹ Geddes A. *The Politics of Migration and Integration in Europe*. London, Sage. 2003.

нию и не обеспечило условий для лучшего приема мигрантов нидерландским обществом и его институтами". Этот подход был признан ошибочным, и с 1998 г. от него отказались в пользу более интегративной модели, основанной на индивидуальных правах мигрантов и их включении в принимающее общество. Стоит ли нашей стране идти по этому тупиковому пути два десятилетия спустя?

Сомнительно, чтобы НКА с их слабыми финансовыми и организационными возможностями были под силу столь масштабные задачи. Очевидно, например, что для социальной интеграции мигрантов необходимо обеспечить им доступ к жилью, рабочим местам, медицинскому обслуживанию и образованию – что могут сделать или государство, или бизнес, или

мощные благотворительные организации, но никак не общественная организация, сама нуждающаяся в помощи.

Подводя итог, следует признать, что институт НКА в его нынешнем виде не является эффективным механизмом для демократизации и стабилизации российского общества, не удовлетворяет ожиданий ни государства, ни "этнических" лидеров и элит, выполняет в основном декоративную роль, создавая показную, парадную "многоэтничность". Эта ситуация отражает общую слабость российского гражданского общества, его неготовность к самостоятельным действиям и высокую степень зависимости от государства.

Филиппова Е.И.

Единство или конфликт? Трения между татарскими активистами Москвы¹

С конца 1980-х гг. вопрос о лояльности этнических меньшинств федеральному правительству не снимается с повестки дня. Среди множества проживающих в России этнических групп особое внимание властей традиционно привлекают татары (вторая по численности переписная категория после русских). В самом Татарстане националистические требования в ранние 1990-е гг. ставили под сомнение лояльность республики федеральному центру². Но "татарский вопрос" не ограничивается национальной территорией. Проблема коллективной принадлежности и коллективного поведения татар, проживающих во многих регионах Российской Федерации, актуальна далеко за пределами Республики Татарстан. Эта статья основана

на исследовании татарских организаций Москвы. На заре возрождения суверенитетов в конце 1980-х гг. московские татары разделились на множество общественных организаций, созданных для продвижения различных культурных и политических требований. Это многообразие, образовавшееся в московской татарской среде, отчетливо контрастировало с советским периодом, когда этнические группы рассматривались как единые сообщества³. Однако городские власти и сами татарские активисты воспринимали растущее соперничество и конфликты между группами, выдвигающими разные этнокультурные требования, как проблему. Следствием этого во второй половине 1990-х гг. стало объединение татарских групп при поддержке и содействии муниципальных органов власти. Это объединение приняло форму Региональной татарской национально-культурной автономии (РТНКА), в которую вошли прежде независимые группы и организации.

В 2000-х гг. РТНКА считалась основным партнером московского правительства и

¹ Авторизованный перевод с английского Филипповой Е.И., выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00099) "Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт". Данный текст представляет собой сокращенную версию статьи: Françoise Daucé. Patriotic Unity and Ethnic Diversity at Odds: The Example of Tatar Organisations in Moscow. *Europe-Asia Studies*, Volume 67, Issue 1, January 2015.

² Sharafutdinova, G. *Paradiplomacy in the Russian Regions: Tatarstan's Search for Statehood*. *Europe-Asia Studies*, 2003, 55, 4.

³ Martin, T. *Modernization of Neo-Traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism*. In: Sheila Fitzpatrick (ed). *Stalinism: New Directions*. London, Routledge, 2000.

механизмом, обеспечивающим включение татар в систему муниципального управления. Генерал Р. Акчурин, бывший советский офицер, был избран президентом автономии. Ответственный за патриотическое воспитание в Правительстве Москвы, он организовал патриотическую деятельность и в рамках РТНКА, включив ее в государственные патриотические программы, поддерживаемые федеральными и местными органами власти. Эти программы рассматривались как инструмент укрепления единства татар и их лояльности государству в ущерб плюралистской концепции политических и социальных отношений⁴. Патриотическая деятельность стала сложным синтезом этнокультурных и официальных государственных ориентиров. Однако унификация и патриотическая концепция национального движения спровоцировали напряженность в отношениях между татарскими активистами Москвы, которая привела к конфликту внутри татарской общины в начале 2010-х гг.

В основу данного исследования положены около двадцати углубленных интервью с видными татарскими лидерами и активистами Москвы, реализованных в период с 2009 по 2012 гг. (в их числе – лидеры и рядовые члены РТНКА, партии Ватан, общества Туган Тел, движения Ак Барс и Клуба татаро-башкирской интеллигенции)⁵, а также представителями правительства Москвы (в особенности из Департамента национальной политики) и Московского дома национальностей. Оно включает также данные непосредственного наблюдения культурно-патриотических мероприятий в Доме Асадуллаева (Татарский культурный центр РТНКА) и во время праздника Сабантуй в 2011 г. Были также изучены книги, статьи и блоги, публикуемые татарскими организациями на русском языке.

От национального плюрализма к патриотическому единству. В конце 1980-х гг., на фоне новых свобод, даро-

ванных *перестройкой*, этнокультурные активисты начали создавать общественные организации с различными политическими и культурными проектами на территории "национальных" субъектов (автономных республик и округов) в составе РФ, так же, как и на остальной территории Советского Союза. Такое разнообразие противоречило советской практике, признававшей культурные идентичности, но лишь в определенных границах и под контролем коммунистической партии⁶. Развитие этнокультурных организаций стало результатом усиления националистических настроений в последние годы существования СССР. Возникшие националистические движения и организации публично выражали свои требования⁷. В их деятельности иногда видят одну из причин распада СССР, а также угрозу территориальной целостности постсоветских государств⁸. В 1990-е гг. этнонационализм был одной из основных проблем для российских лидеров, тогда как патриотизм занимал маргинальные позиции в политическом дискурсе.

В Москве, представители этнических групп создавали организации, требовавшие от городских властей признания их культурных прав за пределами унаследованных от СССР "национальных" территорий. Эти организации постепенно обрели достаточный вес для на официальном признании. В 1989 – 1990 гг. в городе было создано от 80 до 90 этнокультурных организаций⁹. Татарские активисты вне-

⁴ Sperling, V. The last refuge of a scoundrel: patriotism, militarism and the Russian national idea. *Nations and Nationalism*. 2003, 9, 2.

⁵ Я выражаю глубокую благодарность Елене Филипповой и Ольге Подлесных из Института этнологии и антропологии РАН за помощь в организации этих встреч и интервью.

⁶ См.: Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923 – 1939*. Princeton University Press, Princeton, 2001; Cadiot, J. *Le laboratoire impérial. Russie-URSS 1860 – 1940*. Paris, CNRS Editions, 2007

⁷ См.: Tishkov, V. *Glasnost and the nationalities within the Soviet Union*. *Third World Quarterly*, 1989, 11, 4; Suny, R. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford University Press, 1993; Stepanov, V. *Ethnic Tensions and Separatism in Russia*. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2000, 26, 2; Beissinger, M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002

⁸ См.: Gorenburg, D. *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Beissinger, M. *Op. cit.*

⁹ Интервью с бывшим государственным служащим, ответственным на национальную политику. Москва, 30 мая 2006 г.

сли свой вклад в эту динамику: в начале 1990-х в Москве действовало несколько татарских организаций, включая Ак Барс, Ватан, Туган-Тел, Татарский культурный центр, Клуб татарско-башкирской интеллигенции и Фонд развития мусульманских народов.

В 1996 г. был принят Федеральный закон о национально-культурной автономии (НКА), определивший статус этого нового вида общественного объединения (прежде этнокультурные организации пользовались возможностями, предоставленными принятым в 1990 г. законом об общественных организациях)¹⁰. В 1997 г. в Москве при поддержке муниципальных властей была создана Региональная татарская национально-культурная автономия (РТНКА), в состав которой прежде независимые татарские организации вошли на правах местных культурных автономий (МНКА). Эта реорганизация была призвана объединить татарские организации Москвы под эгидой городских властей. Однако создание РТНКА возбудило соперничество и борьбу за власть среди татарских активистов, сразу несколько из которых претендовали на пост президента создаваемой автономии, желая сосредоточить в своих руках максимум полномочий и оттеснить конкурентов. В результате поиск компромиссной фигуры, способной возглавить РТНКА, взяли на себя городские власти. Так случилось, что из среды татарских активистов Москвы был выбран Расим Акчурин, генерал Советской Армии в отставке, татарин по происхождению, обладавший необходимой умеренностью и лояльностью – качествами, обеспечившими ему поддержку властей. Его назначение рассматривалось как путь к разрешению постоянных разногласий между различными татарскими организациями и к их объединению. С 1997 по 2013 г. Р. Акчурин возглавлял РТНКА. Благодаря доверительным отношениям, установив-

шимся у него с Правительством Москвы, в 2002 г. татарской общине возвратили находящийся в центре города особняк - Дом Асадуллаева, где должны были разместиться все местные татарские организации.

В годы председательства Расима Акчурина деятельность РТНКА была интегрирована в официальные патриотические программы, которые тесно переплетались с этнокультурными мероприятиями. В отличие от национализма, патриотизм, как считалось, должен был сплотить этнические сообщества вокруг государства¹¹, разрешить проблемы управления татарскими общественными организациями, а также снизить социальную и политическую напряженность в стране в целом¹². В Москве РТНКА участвовала в федеральных патриотических празднованиях (9 мая, 23 февраля и т.д.). Она также возродила культ бывшей советской патриотической элиты и героев. Но ей, тем не менее, приходилось принимать во внимание изменения, произошедшие в татарском сообществе с конца 1980-х гг. Поэтому автономия сочетала патриотические и национально-культурные практики (использование татарского языка, ссылки на ислам, семейные ценности, фольклор). Патриотическое направление деятельности РТНКА ее лидер открыто считал способом укрепления социальной сплоченности многонационального российского государства. По словам Р. Акчурина, «патриотизм не должен иметь какой-либо националистической окраски. У нас должен быть патриотизм москвича, патриотизм россиянина, но не патриотизм русского или татарина. В этом я глубоко убежден. Если я готов отдать свою жизнь, то я отдаю ее за русского, за еврея, за армянина, за всех людей, кто живет здесь, потому что я истинный патриот своего города, своего района, своей школы и, в конечном счете, своей нации»¹³. Эта отсылка к пат-

---

¹⁰ См.: Bowring, B. *Austro-Marxism's Last Laugh? The Struggle for Recognition of National-Cultural Autonomy for Russians and Russians.* *Europe-Asia-Studies*, 2002, 54, 2; Харбиева Т. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., Юстицинформ, 2003; Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. – С-Пб, Центр независимых политических исследований, 2004.

---

¹¹ Иванова С. Патриотизм в культуре современной России. Автореф. дисс. д-ра философских наук. Ставрополь, 2004.

¹² Laruelle, M. *Le nouveau nationalisme russe.* Paris, Editions de l'œuvre. 2010

¹³ Акчурин Р. Работать и жить ради будущего //Татарский мир, 30 января 2007.

риотизму является средством ослабления националистических требований, возникших в 1990-е гг.

Хотя патриотизм был задуман, чтобы укрепить лояльность государству, он также стал инструментом усиления внутреннего единства татарской общины. РТНКА, подобно организациям ранних 1990-х гг., предлагает детям и взрослым занятия татарским языком, народными танцами, рисованием; есть и татарская библиотека с читальным залом. Автономия организует концерты и разные зрелищные мероприятия, принимает участие в ежегодном празднике Сабантуй. В Доме Асадуллаева фольклорные и патриотические мероприятия связаны между собой. Исполнение народных танцев и вечера татарской культуры часто приурочиваются к патриотическим праздникам. Эта патриотическая составляющая позволяет автономии объединять людей и проекты, конкурировавшие друг с другом в 1990-е гг. Различные требования (языковые, религиозные, политические), которые выдвигали разные организации в начале 1990-х гг., слились воедино в патриотической деятельности РТНКА.

Подъем критицизма и разделение. Вопреки стремлению к лояльности и единству, критика и несогласие между татарскими организациями Москвы сохраняются и в 2010-е гг., демонстрируя пределы объединительного потенциала патриотизма.

С одной стороны, этно-патриотические мероприятия РТНКА содействуют усилению чувства национальной принадлежности внутри татарской общины. Внимание к культурным традициям и уважение к старшему поколению способствуют примордиалистскому пониманию татарской идентичности, что может возбуждать критику в отношении российского государства. Генерал Акчурун тоже придерживается примордиалистских взглядов на свою общину. Он критикует сам термин "автономия", заявляя: "Честно говоря, мне не очень нравится термин "национально-культурная автономия". О какой автономии мы говорим? Автономия от чего? Слово *община* было бы более уместным: "этнокультурная община", это ближе к реальности". Деятельность, организуемая под знаменем патриотизма, - один из спо-

собов сплотить общину и ее элиту. Но этнопатриотизм иногда питает антироссийские настроения. Одним из примеров могут служить текст и иллюстрации, размещенные накануне 9 мая 2010 г. на сайте *tatarlar.ru*, главным редактором которого был пресс-секретарь РТНКА Тимур Сулейманов. Классический советский плакат "Дошли до Берлина" предстал в слегка измененном виде: вместо традиционной армейской фуражки – тюбетейка, под плакатом – надпись: "Слава татарам-защитникам". Налицо присвоение советских символов Победы. Плакат сопровождался коротким комментарием, который гласил: "На полях сражений Великой Отечественной войны и в сталинском ГУЛАГе весь цвет татарской интеллигенции и большинство татарских мужчин были уничтожены преступным русским коммунистическим режимом и германским фашизмом"¹⁴. Празднование Победы стало поводом вспомнить о преступлениях фашизма и коммунизма против татарской общины. При этом фашизм и коммунизм поставлены в один ряд, чего никогда не делается в официальной российской историографии и что может даже рассматриваться как кощунство. Этот комментарий, явно националистической направленности, превращает всех татар в народ-жертву. За фасадом татарского патриотизма обнаруживаются те же обвинения в адрес советского государства, которые занимали центральное место в националистических требованиях ранних 1990-х гг. Таким образом, на почве патриотически ориентированной этнокультурной деятельности может вызревать коммунистическая критика российского государства.

С другой стороны, господство этнопатриотизма в деятельности РТНКА под эгидой бывшего советского генерала вызвало недовольство со стороны независимых татарских активистов, разоблачавших недемократический характер управления в автономии. С самого ее создания сохранялась напряженность между независимыми татарскими организациями, созданными в конце 1980-х, и новой официальной структурой. В то время как большинство активистов влилось в ряды

¹⁴ <http://tatarlar.ru/> (дата обращения: 5 июля 2010. В настоящее время сайт недоступен).

РТНКА в 1997 г., некоторые из них продолжали критиковать ее руководство и деятельность. Представители партии Ватан, ассоциации Туган Тел и Фонда развития мусульманских народов были основными оппонентами генерала Акчурина и РТНКА. 6 декабря 2009 г. они организовали у Дома Асадуллаева "митинг против узурпации власти в московской РТНКА". Его участники протестовали против "незаконных действий" руководства автономии, игнорирующего мнения московских татар. В требованиях протестующих причудливым образом соединялись демократические и религиозные мотивы. Эти трения могли привести к общему неприятию российской национальной политики. Вплоть до своей смерти в 2011 г. лидер Туган Тел Рефкат Галимов был яростным критиком РТНКА и национальной политики как московского правительства, так и Российской Федерации в целом. В начале 2010-х гг. противники РТНКА из числа татар, такие, как председатель Фонда развития мусульманских народов Гайяр Искандияров, увязывали свою борьбу за демократизацию внутри РТНКА с более общей борьбой за демократизацию в стране, принимая участие в демонстрациях против электоральных фальсификаций, проходивших в Москве зимой 2011 – 2012 гг.¹⁵

Эти противоречия между различными группами татар привели к серьезным трениям внутри организации в начале 2010-х гг., что поставило под сомнение унифицирующее, эссенциалистское представление о татарской общине, которое РТНКА развивала под флагом патриотизма, и выявило многообразие людей и идей, составляющих татарское сообщество Москвы. Независимые татарские группы, близкие к оппозиции, разоблачали антидемократические практики РТНКА. В мае 2012 г. татарские инициативные группы, оппозиционные Автономии, сместили с поста председателя Р. Акчурина и поставили на его место представителя общества Туган Тел Д. Сиражетдинова. В ходе этих событий всплыли на поверхность споры и соперничество вокруг Дома Асадуллаева, в захвате которого оба лидера взаимно обвиняли друг друга. В ноябре 2013 г. Р. Акчурин был в конце кон-

цов восстановлен на своем посту, но уже в декабре добровольно оставил его в пользу своего официального преемника. Два кандидата претендовали на этот статус: Н. Мириханов, бывший официальным представителем Республики Татарстан в Москве с 1990 по 2010 гг., и Р. Мухамадиев, бывший российский депутат, оппозиционный бывшему президенту Татарстана М. Шаймиеву. Общее собрание РТНКА в январе 2014 г. было шумным. "У нас здесь своя Украина", - прокомментировал происходящее присутствовавший на собрании журналист издания "Современный ислам" (имея в виду события в Киеве, имевшие место в то же самое время)¹⁶. Собрание избрало председателем РТНКА Р. Мухамадиева – журналиста и писателя, бывшего депутатом не только Государственной Думы, но и Верховного Совета РСФСР и защищавшего в 1993 г. Белый Дом от сторонников президента Б. Ельцина. Позднее он сделал себе имя, разоблачая коррупцию и nepoTи3M в Татарстане в годы президентства М. Шаймиева. Оппозиционные группы (Ватан, Туган Тел и Фонд развития мусульманских народов) не были допущены к выборам и протестовали против голосования. Не вдаваясь в подробности этих постоянных противоречий, можно сказать, что разногласия по поводу выборов свидетельствуют об углублении конфликта в РТНКА и о бесплодности попыток любого официального, централизованного управления национальными меньшинствами под присмотром властных институтов. Объединение всех татарских инициативных групп под эгидой РТНКА, пропаганда патриотизма и лояльности органам власти привели, в конечном счете, к соперничеству между разными группами московских татар.

*Франсуаза Досэ,
ведущий научный сотрудник Высшей школы
социальных наук
(Центр исследований России, Кавказа, Центральной
и Восточной Европы,
Париж, Франция)*

---

¹⁵ <https://www.facebook.com/gayar.iskander>

---

¹⁶ Как Ринат Мухамадиев победил креатуру казанского Кремля. //Бизнес Online, 27 января 2014. <http://www.business-gazeta.ru/article/96071>

Мониторинг этнических отношений в сфере образования¹

Реформы систем школьного и вузовского образования, проводимые в стране, нацелены на обеспечение единства образовательного пространства. Усилия по созданию такого пространства действительно необходимы, поскольку в последние годы в этой сфере преобладали центробежные тенденции, что привело к снижению уровня образования в подавляющем большинстве российских регионов. Вместе с тем, проводимые реформы сами порождают конфликтные ситуации. Примером может служить норма о подушном финансировании школ, приводящая в ряде случаев к упразднению малокомплектных школ вне зависимости от того, являются ли они школами, в которых преподаются языки меньшинств. Новые требования к организации образовательного процесса, в связи с введением единого государственного экзамена, также способствуют сокращению в школах «непрофильных» предметов, прежде всего, предметов этнокультурной направленности. Нынешняя ситуация с этнокультурным образованием в общеобразовательных школах России начала формироваться лишь в 2010-2011 гг. и определяет перспективы этнокультурного образования на ближайшие десятилетия. Вместе с тем, данные проведенных нами опросов показывают, что в числе потребностей населения части из обследованных регионов существенную роль играют этнокультурные запросы и желание изучать родные языки.

Российская общеобразовательная школа оказалась на перепутье – с одной стороны, она, благодаря новому закону, получила полномочия самостоятельно выбирать профиль обучения. Такая свобода и самостоятельность, казалось бы, способствует сохранению этнокультурного содержания образования: конкретные школы получили возможность преподавать языки меньшинств вне зависимости от мнений областного или республиканского начальства. С другой стороны, действуют и новые государственные стандар-

ты единых государственных экзаменов, что объективно сокращает потребность учащихся в школьных предметах этнокультурной направленности. Администрации школ трудно возражать тем родителям, которые полагают, что большее внимание в школе должно быть уделено точным наукам, необходимым для поступления в вузы. Нужно помнить также, что единый госэкзамен сдается на русском языке. Все это не способствует сохранению в школьных расписаниях предметов, ориентированных на этнокультурное образование. Дети из семей с иным, нежели русский, языком, оказываются, таким образом, в ситуации языковой и культурной ассимиляции, что особенно характерно для регионов с доминированием русского языка.

Чем могут здесь оказаться полезными этнологи? Известно, что изучение механизмов распространения знаний об этнической культуре и воспитания этнокультурной идентичности средствами школьного образования в отечественной этнологии пока что не получило широкого развития. В языкознании и педагогике исследования в данном направлении уже довольно многочисленны, но они имеют иные задачи. Исследования по языкознанию фокусируются, прежде всего, на проблемах сохранения и развития языков меньшинств². Исследования в области педагогики, как правило, ставят своей целью изучение механизмов образования и воспитания, уделяют преимущественное внимание содержанию образования – в данном случае этнокультурному содержанию образования. Задача этнологических исследований в области образования должна заключаться, по всей видимости, в анализе социальных, культурных и политических перспектив этнокультурного образования. Именно этнологические исследования способны дать ответ, в какой мере школьное образование может смягчать или предупреждать межгрупповую напряженность, какое влияние школа ока-

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ грант №14-18-03090 «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации».

² См., напр., Письменные языки мира: языки Российской Федерации. М.: РАН, 2000; Государственные и титульные языки России (ред. В.П. Нерознак). – М.: РАН, 2002.

зывает на этнические отношения, формирует общественный дискурс и воздействует на этническую идентичность.

Такие этнологические и исторические исследования в условиях России пока редки: в этой связи можно упомянуть работы М.Н. Кузьмина, Т.Ю. Красовицкой и некоторых др. Начиная с 2010 г. научный коллектив Сети этнологического мониторинга и Института этнологии исследует проблемы этнокультурного образования³. В данной статье приводятся некоторые результаты, полученные в 2012 – 2013 гг.⁴ На начальном этапе осуществлялся анализ правовой и управленческой ситуации в сфере реализации прав граждан на этнокультурные формы образования в условиях образовательных реформ и экономического кризиса. Для этой цели изучались нормативные правовые документы, регулирующие права граждан на этнокультурные формы образования в целом по России и в регионах проекта. После пилотной апробации опросного инструментария в Москве (анкеты из 39 вопросов) выявилась проблема терминологических разногласий в понимании предмета обсуждения с экспертами в сфере образования. Для использования единой анкеты в разных российских регионах, где проблема этнокультурного образования воспринимается по-разному, был разработан краткий тезаурус. Анкета включала блок вопросов, выясняющих наличие, структуру и интенсивность школьных предметов этнокультурной направленности

(в частности, наличие на различных ступенях образования преподавания нерусских языков, этнокультурного содержания образования в программе учебных курсов – например, в курсах истории, краеведения, географии, экологии и т.п.). Отдельный блок был посвящен трудностям, возникающим в связи с преподаванием нерусских языков, а также пониманию школьной администрацией запросов населения относительно знания этнической культуры и традиционных языков. Особый раздел анкеты отводился проблеме взаимоотношения этнокультурных форм образования (как сугубо региональных и специфических форм) с всеобщими формами – Госстандартом и, в частности, с требованием подготовки школьников к стандартизированной системе экзаменационного тестирования – прохождению ГИА и ЕГЭ. В анкете был представлен также специальный конфликтологический блок, нацеленный на исследования постулируемой некоторыми экспертами связи между требованиями изучения родных языков и этнических культур в школах и опасностью обострения межнациональных отношений, распространения социального недовольства. Отдельные вопросы были посвящены проблеме соотношения школьного образования и этнической идентичности, образования и ассимиляции.

В рамках проекта были изучены типичные ситуации со школами этнокультурной направленности в регионах Приволжского федерального округа. Исследование проведено по единой методике в Чувашской Республике, в Самарской, Саратовской и Оренбургской обл. Во всех исследуемых случаях школы действовали в условиях доминирующего русскоязычия, хотя население в целом в обиходе пользовалось родными языками – чувашским, татарским, башкирским и др. В ходе исследования выяснялось в частности, влияние культурной среды доминирующего общества на стремление местного (в данном случае – не русскоязычного) населения отказываться от элементов этнокультурной самобытности. Выяснялось также, снижается или нет намерение школьных администраций включать в расписание предметы с этнокультурным содержанием. Выявлялся конфликтный и

---

³ Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы, вып. 1 /ред. В.В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2010; Степанов В.В. Модернизация российской школы и проблема сохранности этнокультурного образования //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов /Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2012, сс. 233 – 236; Степанов В.В. О методах оценки языковых и этнокультурных потребностей населения в системе школьного образования //Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы /под ред. акад. В.А. Тишкова. - М.: ИП А.Г. Яковлева, 2011, сс. 245 - 269

⁴ Полевые данные представлены экспертами Сети этномониторинга В.В. Амелиным, И.И. Бойко, К.С. Мокиным, Н.С. Мухаметшиной, В.В. Степановым, В.А. Тишковым и автором этой статьи.

миротворческий потенциал такого образования.

В Оренбургской области в сфере этнокультурного образования активно функционируют свыше сотни школ, в которых родные (татарский, мордовский, башкирский и др.) языки изучают более пяти тысяч детей. Вопросы реализации содержания образования, апробации новых учебно-методических комплектов осуществляются в рамках деятельности экспериментальных площадок. Анализ динамики численности школ с этнокультурным компонентом свидетельствует о стремительном сокращении их числа в последние годы. Причина уменьшения числа таких школ заключается, прежде всего, в сокращении социального заказа на данный вид образовательных услуг. С введением ЕГЭ родители чаще всего не обращаются с заявлением об изучении их детьми родного языка, предпочитая уделять больше внимания подготовке к ЕГЭ. Свою роль сыграла и ликвидация малокомплектных школ в селах, многие из которых располагались в местах компактного проживания этнических меньшинств. По результатам опроса 29,7% респондентов понимали, что необходимость подготовки к ЕГЭ сокращает потребность учащихся в изучении родных языков, а 39,0% считали что ЕГЭ снижает мотивацию школьных администраций к поддержке предметов по родным языкам. На вопрос «Как Вам кажется, может ли сокращение (или полное отсутствие) родных языков и этнокультурного содержания образования в школах стать поводом недовольства общественности в Вашем регионе» 50% ответили – не может, 26% утверждают, что может, 18,5% затрудняются ответить. Большое беспокойство у активистов и руководителей национальных центров вызвало решение о введении преподавания в школах курса основ религий. Высказывались мнения о недопустимости разобщения учеников по религиозному признаку.

В Самарской обл. половина участвующих в опросе экспертов заявили, что школьные администрации в большинстве случаев плохо осведомлены об этнокультурных потребностях населения в сфере образования, в том числе о языковых потребностях. Общепринятым можно считать мнение, что одной из существенных

причин, вытесняющих предметы с этнокультурным содержанием из школьного образования, является введение государственной итоговой аттестации (ГИА) в 9 классе и единого государственного экзамена (ЕГЭ) в 11 классе. Большинство экспертов полагают, что необходимость подготовки к ГИА и ЕГЭ сокращает потребность учащихся, их родителей (46,7% среди опрошенных), школьных администраций (53,3%) в школьных предметах по родным языкам (кроме русского) и потребность в других предметах этнокультурной направленности. С другой стороны подавляющее большинство экспертов уверены, что изучение родных языков и этнических культур в школах не способствует снижению общего уровня образовательной подготовки учащихся и не ограничивает их возможности на общероссийском рынке труда. Другими словами, если бы каким-то образом разрешилась напряженная ситуация с ГИА и, особенно, с ЕГЭ, то, как полагает большинство экспертов, этнокультурное образование стало бы более востребованным. Эту позицию отчасти подтверждают результаты ответов на вопрос о влиянии этнокультурного образования на межэтнические отношения в регионах. По этой позиции эксперты занимают более оптимистичную позицию. На вопрос может ли изучение родных языков и этнических культур в школах обострять межнациональные (межэтнические) отношения в регионе подавляющее большинство экспертов ответили отрицательно (81,7%). Половина опрошенных экспертов в Самарской области полагает, что сокращение (или полное отсутствие) родных языков и этнокультурного содержания образования в школах может стать поводом недовольства общественности. Речь идет, прежде всего, о «национально ангажированной» общественности.

В Чувашии согласно республиканскому закону, во всех общеобразовательных учебных заведениях изучается чувашский язык. При этом следует отметить, что чуваша составляют более двух третей населения республики, в силу чего часть национальной интеллигенции озабочена распоряжением об упразднении национально-регионального компонента. Сегодня во всех сельских районах, кроме

Алатырского и Порецкого, преподавание в начальных классах ведется на чувашском языке, в средних классах он изучается как предмет, а с 10 класса вводится чувашская литература, которая также преподается на родном для детей языке. В районах с преобладанием русского, татарского, мордовского населения, а также в городах чувашский язык изучается как предмет с 1-го класса (2 часа в неделю в 1 классе и 3 часа – в 2-4 классах, затем опять по 2 часа). В старших классах городских школ и школ из указанных районов также преподается чувашская литература на русском языке. Кроме того, в школах, находящихся в населенных пунктах с преобладанием татарского населения, обучение ведется на татарском языке, а в "мордовских" школах родной язык изучается как предмет. Помимо этого, основы региональной истории и культуры преподаются в ходе изучения предмета "Культура родного края", который изучается в 5-9 классах во всех школах республики. В Чебоксарах в этих же классах преподается предмет "Мой город" – история столицы. В других городах и районах эти часы используются для других предметов. На вопрос «Как Вам кажется, будут ли в ближайшие годы в Вашем регионе достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в школьном обучении своих детей родным языком, помимо русского языка?» около трети экспертов ответили отрицательно, а 42% положительно. Менее оптимистично настроены опрошенные по вопросу о родных языках в качестве обучения других предметов: более половины (56,5%) опрошенных полагают, что в ближайшие годы достаточного количества родителей, заинтересованных в школьном обучении своих детей предметам на родном языке, помимо русского, не будет.

Результаты экспертных опросов позволяют прийти к заключению, что для сохранения и развития общероссийского образовательного пространства, регио-

нальные системы образования должны интегрироваться с федеральными образовательными реформами, однако федеральная политика в сфере образования рискует стать неэффективной, если она окажется закрытой для поправок со стороны регионов. Ситуация с самоупадением этнокультурных компонентов образования отражает как необходимость корректировки федеральных программ, так и потребность в их мониторинге, в том числе со стороны этнологов.

Проведенное исследование позволяет также сделать некоторые заключения о возможностях и ограничениях методов (в частности – экспертного опроса) для оценки конфликтного потенциала в контексте текущих реформ образования. Этот метод, оставаясь весьма экономным в отношении времени и качества получаемых результатов, имеет собственные ограничения и недостатки. В частности, эксперты в области межэтнических отношений почти по определению (из-за их постоянного внимания и занятий этой темой) склонны несколько преувеличивать ее значение. К тому же часть из них самих можно рассматривать как этнических активистов, имеющих собственную повестку, и в этом смысле не нейтральных в своих оценках. Становится очевидным, что для сбалансированной оценки ситуации мнения экспертов должны быть дополнены мнениями других заинтересованных сторон – родителей, учеников, учителей, тем более, что они, в отличие от экспертов, вовлечены в рассматриваемые ситуации непосредственно. Массштабные опросы этих категорий населения требуют немалых затрат, но без проведения таких исследований риск ошибочных оценок и некачественного управления возрастает.

Подлесных О.Н.

Этнокультурное образование в России

Понятие «этнокультурное образование» стало широко распространяться в 1990-е гг., когда национальные школы, типичные для советского времени, стали меняться из-за изменившихся условий (глобальных и российских) и из-за смены российского законодательства в сфере образования и языка.

До принятия поправок Закона об образовании № 273-ФЗ в декабре 2012 г. (действует с 1 сентября 2013 г.) этнокультурное образование в России развивалось на достаточно хорошем уровне, используя в основном опыт советского строительства системы национальных школ.

В какой-то мере руководители органов образования пытаются реализовать этот опыт до настоящего времени, хотя условия сейчас совершенно другие. Советская национальная школа зарождалась в непростое время. Сложный этнический состав населения страны привел к необходимости создания специальной системы образования для национальных меньшинств. Декларация прав народов России, принятая в ноябре 1917 г., провозглашала равенство всех народов России и их права, в том числе право на родной язык. В октябре 1918 г. было принято постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств», в котором говорилось о том, что «все национальности, населяющие РФССР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке», и что «школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы»¹.

Опыт советской национальной школы, особенно в первые десятилетия ее существования, является уникальным. Впервые национальным меньшинствам были предоставлены очень большие возможности образования на родном языке, в кратчайшие сроки были проведены мероприятия по ликвидации неграмотности,

создана сеть государственных национальных школ, система подготовки кадров для этих школ. Была поставлена задача создать системы письма для всех народов СССР, причем не только для народов, не имевших письменности до революции (около 50 народов), но и для народов, которые имели системы письма, построенные на основе латинской, арабской или еврейской письменности. Была проделана огромная работа по изучению языков и диалектов народов Кавказа, Дальнего Востока, Сибири, определена база для создания нормированных языков².

Первоначально большинство новых алфавитов было построено на латинской основе. Это обстоятельство послужило одним из оснований для требований перевода татарской письменности на латиницу, которые неоднократно выдвигались уже в новейшее время. При этом в качестве аргументов на первом месте стоят фонетические особенности тюркских языков, хотя Институтом Востоковедения РАН в 2004 г. была подготовлена справка о том, что внедрение латиницы имело политическую подоплеку³. Основная причина принятия большевиками латинской графики была не столько в ее адекватности создаваемым письменным системам, сколько в ожидании мировой революции, после которой все языки, в том числе и русский, должны были быть переведены на латиницу, которая стала бы универсальной системой письма. Латинская графика создавала массу проблем, основной из которых была трудность изучения национальными меньшинствами сразу двух систем письменности – родного языка на латинице и русского языка на кириллице. Во второй половине 1930-х гг. все алфавиты (кроме армянского, грузинского и народов Прибалтики) были переведены на русскую основу.

Поддержка национального образования имела, безусловно, политические

¹ О школах национальных меньшинств // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm).

² Волошина О.А. Создание алфавитов для бесписьменных народов // Образовательный портал «Слово». Филология (<http://www.portalslovo.ru/philology/43589.php>).

³ Атаев Т.О. Политический подтекст латинизации письменности. (<http://www.idmedina.ru/books>).

причины. Созданные повсеместно средние и высшие учебные заведения для национальных меньшинств способствовали распространению среди них коммунистической идеологии, формированию мышления советского человека. Эти задачи были успешно выполнены в короткие сроки и с конца 1930-х гг. развитая система национального образования начинает сворачиваться. К тому же недостатком этой системы было недостаточное знание представителями многих народов русского языка: на стройках индустриализации, а самое главное – в армии, было выявлено большое количество людей, не понимающих по-русски. В РККА были проведены проверки, которые выявили массу призывников, в основном из национальных республик, которые не могли выполнять команды, поскольку не знали русского языка или знали его очень плохо.

Эта проблема была решена в быстро и привычными сталинскими методами: 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) принимает постановление «О реорганизации национальных школ»⁴. В нем говорилось: «Произведенной ЦК ВКП (б) проверкой установлено, что враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и автономных республик, насаждали особые национальные (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, вепские, китайские и так далее) школы, превращая их в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, мешала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях»⁵.

Национальные школы продолжали работать только на национальных территориях, но даже в республиках школы подверглись реорганизации. 13 марта 1938 г. СНК СССР принимает постанов-

ление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁶. При проведении этой реорганизации многие учителя были уволены, многие были репрессированы, во дворах школ горели костры из «неправильных» учебников на родных языках – все это было сделано абсолютно в духе того времени. Сократилось не только количество школ, но и количество языков, на которых велось преподавание. Если в 1934 г. преподавание в СССР велось на 104 национальных языках, то к 1989 г. – только на 44⁷. Обучение на национальных языках сохранилось в республиках, на некоторых территориях были начальные национальные школы или в некоторых школах велось преподавание родного языка в качестве предмета.

При Хрущеве родители сами могли выбирать, на каком языке будут учиться их дети, а при Брежневем русский язык был назван «языком межнационального общения». В СССР быстро стало развиваться массовое двуязычие нерусских народов России, все большее число их представителей стали считать родным русский язык. Знание русского языка стало всеобщим и повсеместным, поэтому неуклонно снижалось количество учебников, газет и журналов на национальных языках. Тем не менее, национальные школы имели государственную поддержку и развивались, особенно у титульных народов, на национальных территориях.

Сохранение национальных меньшинств и их языков входило в число приоритетных задач советского государства, потому что являлось одним из многих сформулированных в то время доказательств преимуществ социалистического строя. За годы советской власти не исчез ни один народ и ни один язык (фактически это близко к истине), и это должно было продемонстрировать меньшинствам в других странах положительный пример

⁴ Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. – СПб, 2004, с. 255.

⁵ Цит. по: Немецкая школа им. Карла Либкнехта. Die Geschichte der "KarlLiebknecht-Schule" in Moskau. 1924-1938 (<http://school1768.narod.ru/history>).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 1994 г. № 286 «О признании утратившими силу решений по вопросам средней общеобразовательной школы» // Собрание актов президента и правительства Российской Федерации. 1994. № 15. Ст. 1183.

⁷ Леонтьев А.А. История образования в России от древней Руси до конца XX века // Атеизму – нет! (<http://www.ateismy.net>).

социализма. Можно сказать, что провозглашенные тогда «интернационализация образа жизни» и формирование «советского народа», в основе которых лежали русский язык и русская культура, не были прямолинейными и односторонними процессами. Национальные меньшинства (во всяком случае, значительная их часть) имели все возможности для этнокультурного развития, в том числе, и через систему образования. После распада Советского Союза распалась и советская система образования, в том числе и национального. В бывших советских республиках образование стало вестись на государственных языках, и там главным вопросом стал вопрос о статусе русского языка и его преподавании.

В Российской Федерации был принят ряд законов, отражающих многонациональный характер общества, и призванных поддержать его этнокультурное и языковое разнообразие. Так, еще в 1991 г. был принят Закон «О языках народов РСФСР», в котором языки народов России признавались историко-культурным наследием, важнейшей формой проявления идентичности, которые находятся под охраной государства. Этот закон ввел понятие «языкового суверенитета», то есть свободу выбора и использования языка общения. Законом гарантировались равные права всех языков, а русский язык получал статус государственного на всей территории России. Национальные республики в составе Российской Федерации получили право устанавливать статус национального языка на своей территории. Гражданам были гарантированы их права вне зависимости от знания языка. В законе также говорилось о том, что создание условий для сохранения и развития малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований, или проживающих за их пределами, находится в компетенции высших органов государственной власти России, которые должны разрабатывать программы по их сохранению и развитию⁸.

В 1992 г. был принят закон РФ «Об образовании», в котором регионам была

предоставлена возможность строить систему образования в зависимости от местных условий. В статье 2 этого закона говорилось о развитии системы образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. В статье 6 говорилось о праве граждан на получение основного общего образования на родном языке.

Наконец, принятая в 1993 г. Конституция России закрепила многонациональный характер нашего государства и связанные с этим права. Закон «Об образовании» 1996 г. № 125-ФЗ фактически повторил статьи Закона «Об образовании» 1992 г., которые касались языковых прав и образования национальных меньшинств. Законом предусматривались защита и развитие системой образования национальных культур и региональных культурных традиций, а также введение государственных образовательных стандартов, включающих федеральный и национально-региональный компоненты (статья 7). Национально-региональный компонент в стандартах позволял разрабатывать программы разной направленности, в том числе, носящие этническую специфику, с элементами национальных языков и этнических культур. С этого времени понятия «этнокультурный компонент» и «этнокультурное образование» получают широкое распространение.

В основном этнокультурное образование развивалось в областях России, поскольку в республиках сохранились, хотя и претерпев значительные изменения, национальные школы. В национальных школах в республиках преподавание предметов по-прежнему проводилось на национальных языках. В областях таких школ и раньше было немного, а затем их число стало стремительно сокращаться, начальные школы быстро перешли к преподаванию родных для местного населения языков в качестве предмета, потом – факультатива, потом – в качестве одного из элементов этнокультурного или регионального компонента.

Таким образом, в 1990-х гг. была создана правовая основа, которая позволила сохранить (хотя и в значительно измененном виде) систему образования для национальных меньшинств, проживающих

---

⁸ Закон «О языках народов РСФСР»

за пределами своих национально-территориальных образований, которая получила название «этнокультурного образования».

Эта система в настоящее время включает в себя разные типы учебных заведений. Поскольку этнокультурное образование развивалось в рамках национально-регионального компонента образовательных стандартов, эти типы образовательных учреждений очень сильно различаются между собой в зависимости от регионов.⁹ В большинстве своем – это государственные школы, в которых преподаются национальные языки в качестве предмета или школы, где все или большая часть предметов преподаются на национальных языках. Называются эти школы по-разному: школы с этнокультурным компонентом, национальные школы, этнонациональные школы, школы с изучением русского как неродного языка и т.д. Чаще всего для таких школ употребляется название «этнокультурная школа», поскольку в них предусматривается преподавание предметов, связанных с национальными культурами, представители которых живут в регионе. Всего подобных школ насчитывается около 9 тысяч. Условно можно выделить несколько групп таких школ:

- школы народов России в регионах компактного проживания в национально-административных территориях: бурятские, татарские, башкирские, калмыцкие, тувинские, якутские и др.;

- школы тех многочисленных народов, которые имеют государственность за пределами России: украинские, казахские, немецкие и др.

- школы с этнокультурным компонентом в условиях иноэтничного окружения, например, в мегаполисах;

- школы коренных малочисленных народов Севера, сохраняющих традици-

онный образ жизни, хозяйствование и промыслы¹⁰.

Кроме государственных школ, этнокультурное образование развивают некоторые частные школы. В основном, средства для финансирования таких школ имеют представители традиционных диаспор, давно живущих в России (еврейские, немецкие, армянские и др.). Этнокультурный компонент в таких школах включает, как правило, язык и культуру стран выхода представителей этих диаспор. Есть также школы, которые финансируются религиозными организациями, это либо полностью конфессиональные школы, либо воскресные школы некоторых конфессий. Например, при лютеранской кирхе может действовать воскресная школа с преподаванием финского языка, при католическом костеле – польского языка и т.д.

В системе этнокультурного образования есть также центры, кружки и клубы, которые действуют в рамках общественных организаций, например, национально-культурных автономий различного уровня. Часто эти негосударственные учреждения пересекаются и взаимодействуют между собой. Какой-либо четкой системы или иерархии этнокультурных образовательных учреждений представить невозможно, потому что их организация и работа полностью зависят от местных условий и особенностей.

Сложившаяся уже в новой России система этнокультурного образования в последние годы сталкивается с очередными проблемами. Например, эта система не предусматривает никакой формы обучения для массы появившихся в России в последнее время мигрантов и для их детей. Существующая система была направлена на обучение национальным языкам для сохранения этих языков в условиях тотального распространения русского языка. Подавляющее большинство детей мигрантов, напротив, плохо владеет или совсем не владеет русским языком и не может быть включено в учебный процесс массовой школы.

⁹ Степанов В.В. Модернизация российской школы и проблема сохранности этнокультурного образования // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2012, сс. 233 – 236.

¹⁰ Борисова У.С. Этнокультурное образование: историко-социологический анализ (на материалах Республики Саха (Якутия)). Дисс. ... д-ра социол. наук. – СПб., 2006.

Для них требуется предварительная подготовка по русскому языку, причем, часто уже для детей старшего возраста. Уровень базового образования по разным предметам у этих детей также часто гораздо ниже, чем у их ровесников в российских школах. Поведение этих детей зачастую сопровождается конфликтами и с учениками, и с учителями. По российским законам эти дети имеют полное право получить общее образование, но механизма их интеграции в наши школы не существует. Эту проблему пытаются как-то решить учителя и директора школ, которые с ней сталкиваются, особенно в мегаполисах (или просто в городах), где много мигрантов: создают нулевые классы, оформляют старших школьников в младшие классы, занимаются с ними индивидуально и т.д. Но никакой системы поддержки для детей, которые не знают русского языка, переехавших из республик бывшего СССР, у нас не существует.

Более того, русских язык плохо знают и российские граждане – мигранты из республик Северного Кавказа, или из Тывы, и этот факт уже ставит вопрос об уровне преподавания русского языка в национальных республиках Российской Федерации. Для новых мигрантов не подходят школы с этнокультурным компонентом, которые помогают сохранить язык и идентичность тех стран, откуда миграция существовали издавна, представители которых уже много поколений живут в России, и которые призваны задержать языковую и культурную ассимиляцию. Для новых мигрантов нужен новый тип школ – интеграционной направленности. Тем более, что многие мигранты настроены против того, чтобы их дети обучались в этнокультурных школах. Они расценивают эти школы как образовательную сегрегацию и препятствие к интеграции. Обучение детей мигрантов в национальных школах может привести и к дополнительной изоляции, и к росту ксенофобии окружающего населения. Дополнительные проблемы создает тот факт, что мигранты, количество которых постоянно растет, очень разные: одни приезжают на постоянное жительство, другие – на временные заработки, третьи – рассматривают Россию как перевалочную базу для дальнейших миграций. И подходы к обучению детей раз-

ных групп мигрантов должен быть разным. Но то, что такие подходы должны быть разработаны – это очевидно, и это проблема не только социально-гуманитарного развития нашего общества, но и проблема общественной безопасности.¹¹

Эта работа еще даже не начата, но уже возникла новая проблема: появились претензии представителей некоторых народов, входящих в состав коренного населения России, к властям. Суть этих претензий заключается в том, что чрезмерное внимание властей к новым мигрантам уменьшает ресурсы для развития образования коренных российских народов. О том, что государственных ресурсов недостаточно, свидетельствует, например, факт наличия школ с русским этнокультурным компонентом во многих городах, в первую очередь – в Москве.

Наличие проблем в сфере этнокультурного образования очевидно. Проблем, требующих незамедлительного обсуждения и решения. Между тем, в новом законе об образовании нет не только понятия этнокультурного образования, но из него был исключен и национально-региональный компонент.¹²

В новом законе об образовании лишь отмечается, что одним из принципов государственной политики в сфере образования является «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства», что «разработка и реализация региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей» относятся к полномочиям органов государст-

---

¹¹ Степанов В.В. О методах оценки языковых и этнокультурных потребностей населения в системе школьного образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. акад. В.А. Тишкова. - М.: ИП А.Г. Яковлева, 2011, сс. 245 – 269.

¹² Степанов В.В. Социальная ориентация российской школы // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы, вып. 1 / ред. В.В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2010, сс. 5 – 13.

венной власти субъектов Российской Федерации, что эти же органы власти (то есть региональные министерства образования) проводят экспертизу примерных основных общеобразовательных программ в части учета их особенностей (включая этнокультурные особенности).

Поскольку это все, что говорится в действующем законе об этнической составляющей в образовании, можно сделать вывод о том, что проблемы этнокультурного образования – это проблемы местного, регионального уровня. Но согласиться с этим, тем более в условиях современной миграционной ситуации, конечно нельзя. Вряд ли в такой многонациональной и разнообразной в культурном и языковом плане стране, как Россия,

можно оставлять без внимания вопросы этнической составляющей образования на федеральном уровне. Чиновники, как правило, ссылаются на то, что образовательные учреждения могут сами в рамках вариативных частей образовательных программ развивать те направления, которые считают нужным, которые востребованы в регионах. В том числе и этнокультурные и языковые направления. На практике ресурсов у образовательных учреждений хватает лишь на один язык, и тот – английский.

Смирнова Т.Б.

Этнокультурная политика в Ямало-Ненецком автономном округе: аргументы «за» и «против» традиционализма¹

Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО) – крупнейший в России центр газодобывающей промышленности, которому принадлежит лидирующая роль в развитии арктической экономики². Высокие темпы промышленного освоения неизбежно влекут за собой сокращение ресурсной базы традиционных отраслей хозяйства проживающих в округе коренных малочисленных народов Севера (ненцы, ханты, селькупы). По данным Ямалстата, на 1 января 2011 г.³ численность коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в ЯНАО составила 37

125 человек или 6,8% от общей численности населения автономного округа. Кочевой образ жизни ведут 14 667 человек (3 139 семей), или 40,2% КМНС. В тундре вместе с родителями проживают более 4 тыс. детей, из них в возрасте до года – более 500 чел.⁴

По некоторым данным, общая площадь негативного влияния на исконную среду обитания и традиционный образ жизни со стороны промышленных и инфраструктурных объектов в Ямало-Ненецком АО составляет порядка 2,6 млн. га. Около 5 млн. га оленьих пастбищ погибло в результате освоения газовых месторождений, при этом более половины площади этих земель приходится на зоны около магистральных и промысловых трубопроводов. Также страдают основные водные объекты ихтиофауны рек Обь, Таз, Пур и озер в связи с прокладкой по дну нефтегазовых трубопроводов и дноуглубительных работ в бассейне Обской губы. В связи с сокращением оленьих пастбищ, а также климатическими фактора-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-11109 "Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества" (рук. В.А. Тишков).

² Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А. И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014, с. 804.

³ Расчетная величина относительно данных Всероссийской переписи 2010 г. Здесь приводятся сведения, наиболее близкие к дате переписи, и, следовательно, они наиболее точны.

---

⁴ Портал народов Севера. Департамент по делам КМНС (<http://www.dkmsn.ru>).

ми (ранний весенний паводок), изменяются методы выпаса оленей, передвигаются сроки и нарушаются маршруты кочевий⁵.

Сложившаяся обстановка накладывает на региональные власти особые обязательства в отношении малочисленных народов Севера и диктует необходимость выработки специальной социальной и этнокультурной политики. Прежде всего, необходимо обеспечение экологической безопасности региона и эффективных гарантий социально-экономического и культурного развития коренного населения. Особое значение приобретает забота о сохранении самобытной культуры северных народов, которая находится в тесной связи с развитием традиционных отраслей хозяйства (оленьеводства, рыболовства, охоты).

Губернатор ЯНАО Д.Н. Кобылкин в своих выступлениях отмечает, что для властей региона вопросы сохранения традиционного образа жизни коренных ямальцев являются одними из самых важных: «Это именно та часть нашего населения, которая аккумулировала в себе все знания об этой Земле. Мы учимся у них отношению к природе, к жизни. Мы очень многое сделали для того, чтобы при разработке месторождений не наносить вреда северной природе, но очень многое еще предстоит сделать. Коренные народы – настоящие хранители Арктики. И наша задача – обеспечить им, всем жителям Ямала – достойные условия жизни, сохранение стабильной социально-экономической ситуации на территории. Это крайне важно для нас, для будущих поколений»⁶. Рассмотрим, что же делает-

ся в округе в поддержку этнической культуры коренных малочисленных народов Севера.

Нормативно-правовая база этнокультурной политики. В Ямало-Ненецком автономном округе создана нормативно-правовая база, обеспечивающая права и интересы КМНС. Важнейший нормативный документ – «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа»⁷. Комплексный план мероприятий по реализации Концепции на 2010 – 2015 гг. в разделе «Сохранение и пропаганда культурного наследия и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера» предусматривает, среди прочего, паспортизацию и постановку на государственную охрану объектов культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. Отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регулирует Закон ЯНАО «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа».

В законе «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» введено понятие «каталог объектов нематериального культурного наследия автономного округа». Принято Постановление Правительства ЯНАО «О правовом режиме объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа», которое регулирует отношения, возникающие в связи с определением статуса, использованием, охраной, хранением объектов нематериального культурного наследия этих народов.

Закон автономного округа «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого

го округа

(http://правительство.янао.рф/news/lenta/international_cooperation/detail/77002/print/02.03.2015).

⁷ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа (утверждена постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 декабря 2009 года № 1996).

---

⁵ Зуев С.М. Традиционное природопользование в условиях промышленного освоения Ямало-Ненецкого автономного округа // Культура Арктики / под общ. ред. У. А. Винокуровой. Якутск: ИД СВФУ, 2014, сс. 152-153. См. также результаты проведенных этноэкспертиз: Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. – М., 2012; Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этно-экспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. – Екатеринбург, 2014.

⁶ Ямал и ямальцы восхитили экспертов ООН. В Салехарде завершилось выездное межсессионное заседание Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов // Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономно-

автономного округа» регулирует сотрудничество автономного округа в сфере развития и защиты родных языков, порядок их использования в средствах массовой информации, предусматривает программы по сохранению, изучению, развитию и использованию родных языков. Этот закон гарантирует возможность получения информации из официальных источников государственной и муниципальной власти автономного округа на родных языках, включая обеспечение перевода законов и иных нормативных правовых актов автономного округа в области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера на родные языки, а также ведение официального делопроизводства на родных языках в местах традиционного проживания КМНС. Однако пока трудно делать выводы о результатах.

В 2003–2011 гг. в округе реализована долгосрочная окружная целевая программа «Культура, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа», ориентированная на устойчивое развитие КМНС на основе «комплексного решения проблем духовного и национально-культурного развития, укрепления традиционного жизнеобеспечения, содействия занятости». В рамках этой программы региональными властями ЯНАО осуществлялось финансирование проведения различных праздников, выставок, конкурсов, фестивалей, съездов; участия в этнокультурных мероприятиях; издательской деятельности (выпуск буклетов, рекламной продукции); приобретения сценических костюмов для фольклорных коллективов, произведений декоративно-прикладного искусства, экспонатов для этнографических музеев автономного округа. В числе важных мероприятий – обеспечение спутниковой связью разъездных фельдшерских и кочующего населения округа, снабжение малоимущих кочевых семей необходимыми предметами быта (брезент, печки, сукно, ламповое стекло), предоставление оленеводам-частникам и общинам транспорта при охране стад от лесных и тундровых хищников.

С 2012 г. в ЯНАО действует долгосрочная окружная целевая программа «Сохранение традиционного образа жизни,

культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012–2015 годы». Ее принципиальное отличие от ранее действующих программ в том, что предусмотрены мероприятия, направленные на внедрение новых информационных технологий в целях сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера – создание интернет-портала о КМНС с информацией на их языках; размещение научных, учебных материалов и художественно-публицистических произведений на электронных носителях; проведение научных исследований в области этнических традиций, культуры, языка коренных малочисленных народов Севера.

С 2002 г. в Ямало-Ненецком автономном округе реализуется окружная целевая программа «Культура Ямала» (текущий этап 2011–2015 гг.), которая включает мероприятия и проекты популяризации традиций декоративно-прикладного искусства и ремесел народов Севера. Спектр мероприятий разнообразен – от проведения крупных выставочных проектов для разновозрастной аудитории до повышения профессионального уровня мастерства в данных видах деятельности.

Наряду с окружными, целевые программы приняты в отдельных муниципальных образованиях ЯНАО. Например, в программе «Сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера на территории муниципального образования Овгортское на 2012–2014 годы»⁸ предусмотрено выявление памятников этнической культуры, их регистрация как памятников культуры на государственном уровне, сохранение фольклора коренных народов Ямала, пропаганда культурных ценностей, в том числе путем проведения фольклорных и этнических фестивалей, праздников, соревнований на муниципальном, районном уровне, а также оказание адресной поддержки самодеятельным и профессиональным фольклорным коллективам с целью соз-

---

⁸ Сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера на территории муниципального образования Овгортское на 2012–2014 годы (утверждена решением собрания депутатов муниципального образования Овгортское от 20 марта 2012 года № 13).

дания условий для участия в мероприятиях всероссийского и международного уровня. В качестве одной из наиболее эффективных мер защиты традиционного уклада жизни коренного населения муниципального образования в условиях промышленного освоения региона рассматривается «проведение работ по возрождению культовых мест, законодательному закреплению охранного юридического статуса обрядовых мест и территорий, связанных с проявлениями традиционной культуры и обычаев коренных малочисленных народов Севера». В рамках программы запланировано возмещение населению расходов «на проведение ритуальных обрядов, проведение национальных праздничных мероприятий коренных малочисленных народов Севера муниципального образования Овгортское».

По мнению заместителя председателя Законодательного собрания ЯНАО Е.Т. Пушкаревой, именно программно-целевой метод «является одним из главных инструментов, обеспечивающих объединение усилий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления автономного округа в улучшении качества жизни, удовлетворении этнокультурных запросов коренного населения»⁹.

Институциональное обеспечение этнокультурной политики. Комплексное решение вопросов, носящих межведомственный, межотраслевой характер, выполняет Координационный совет по устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. В системе органов исполнительной власти ЯНАО действует Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера. В числе его функций есть такие направления:

– обеспечение сохранения и развития родных языков коренных малочисленных народов Севера, поддержка изучения в образовательных учреждениях нацио-

нальных языков и иных предметов этнокультурной направленности;

– создание условий для выявления, учета, изучения, сохранения и популяризации фольклора КМНС;

– организация и координация научных исследований в области этнических традиций, культуры, языка КМНС, сохранение их культурного наследия;

– создание информационных систем в установленной сфере деятельности;

– обеспечение разработки и реализации научных, научно-технических и инновационных программ и проектов, финансируемых за счет средств окружного бюджета, в установленной сфере деятельности;

– оказание государственной поддержки субъектам фольклора КМНС при осуществлении ими творческой деятельности, направленной на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности;

– организация и осуществление целевой подготовки профессиональных кадров лиц из числа КМНС;

– содействие КМНС в сохранении традиций, обеспечение содержания и охраны священных, культовых мест и мест захоронения¹⁰.

При Департаменте по делам коренных малочисленных народов Севера действует Общественный совет по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа, в задачи которого входит налаживание партнерских отношений с общественными организациями, объединение усилий власти и общества в реализации задач социального и экономического развития автономного округа. Консультативное, научное и экспертное обеспечение деятельности Департамента призван выполнять Научно-экспертный Совет, созданный при этом же департаменте.

Деятельность, направленная на сохранение, развитие и пропаганду культурного наследия КМНС, находится также в ведении Департамента культуры ЯНАО, государственных и муниципальных учреж-

⁹ Пушкарева Е.Т. Опыт Ямало-Ненецкого автономного округа по сохранению и развитию духовной и материальной культуры коренных малочисленных народов Севера // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Издание Совета Федерации второе, переработанное и дополненное. – М., 2013, сс. 207-208.

¹⁰ Положение о Департаменте по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа (утверждено постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2010 г. N 90-II).

дений культуры автономного округа. По состоянию на 1 января 2015 г. в округе 223 учреждения культуры с учетом филиалов, из которых 6 государственных учреждений культуры, подведомственных департаменту культуры автономного округа, 217 муниципальных учреждений культуры, среди них: 80 муниципальных библиотек; 79 учреждений культурно-досугового типа (центры национальных культур, дома культуры, молодежные и культурно-досуговые центры, дома ремесел и др.), 38 образовательных учреждений культуры и искусства, 18 музеев; один парк культуры и отдыха¹¹.

Особая роль в структуре культурно-досуговых учреждений принадлежит сложившейся в 1990-е гг. системе центров национальных культур (ЦНК)¹². Ведущим в деятельности ЦНК округа является ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур». До недавнего времени в его составе был Центр культуры народов Севера, который до 2004 г. возглавляла нынешний директор Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО И.В. Сотруева. При ней стали проводить окружной фестиваль фольклора народов Севера, окружной фестиваль детского художественного творчества народов Севера «Солнце на ладони», финно-угорские встречи и другие мероприятия.

На базе культурно-досуговых учреждений работают коллективы самодеятельного народного творчества различной жанровой направленности. Так, при ОЦНК с 2005 г. действует ханты-вокальная группа «Сорни тутые» (Золотой огонек), в которой участвуют этническая интеллигенция и студенты средних учебных заведений города. В репертуаре – хантыйские народные и авторские песни, песни на слова Прокопия Салтыкова, Романа Ругина, Микуля Шульгина и музыку Сергея Кондыгина и Леонида Лонгортова. Коллектив группы – неоднократный участник фестивалей фольклора народов Севера, других мероприятий. В рамках реализации окружной программы «Культурное обслужи-

вание кочующего населения» группа регулярно выезжает с концертными программами в оленеводческие бригады. В 2010 г. в Салехарде создан ханты-фольклорный коллектив «Опаль тутые» (Северное сияние). В этом коллективе участвуют студенты Ямальского многопрофильного колледжа, Ямальского Полярного агроэкономического техникума, представители хантыйской интеллигенции.

Визитными карточками Ямало-Ненецкого автономного округа стали профессиональные коллективы – ансамбль танца «Сыра-Сэв» и ансамбль национальной песни «Сеетэй Ямал». Коллективы этих ансамблей принимают участие в мероприятиях округа, других регионов России и зарубежья, знакомят зрителей с народным творчеством коренных малочисленных народов Севера. О значении таких фольклорных коллективов для местного населения можно судить по интервью, полученном нами в Управлении культуры и молодежной политики Шурышкарского района ЯНАО (село Мужы): «У нас район специфический <хантыйский>, поэтому практически в каждом населенном пункте есть свои фольклорные коллективы. Если на 2001 г. ханты-фольклорных коллективов у нас было 4, то к 2005 г. их было уже 12. Осознание приходит к национальной интеллигенции, что не только надо за денежки хвататься. Есть вещи вечные, которые со временем принесут, конечно, и свои дивиденды. Но сегодня надо потрудиться. Есть авторы, которые сами пишут и поют свои песни, есть авторы, которые берут советскую эстраду, переводят на хантыйский язык и поют. Но в принципе все это приветствуется, потому что это популяризирует культуру. На сегодня у нас «беготня за песнями», потому что песен хантыйских очень мало».

Большую работу по сохранению и развитию народных промыслов и декоративно-прикладного искусства народов Ямала осуществляет государственное бюджетное учреждение культуры Ямало-Ненецкого автономного округа «Окружной Дом ремесел», а также муниципальные учреждения – «Городской Центр ремесел» (г. Ноябрьск), «Районный Дом ремесел» (с. Красноселькуп), «Дом

¹¹ <http://культураямала.рф/statistika-i-analiz/kultura-v-tsifrakh>

¹² ЦНК действуют в поселках Аксарка, Белоярск, Тазовский, Гыда, Красноселькуп, Яр-Сале; в селе Мужы, в городе Надыме.

ремесел» (с. Толька, Красноселькупский район). Окружной Дом ремесел является организационно-методическим, выставочным и учебно-производственным центром. Он реализует следующие направления культурной политики округа: возрождение, развитие и сохранение традиционных художественных промыслов и ремесел и всех видов прикладного творчества – как части культурного наследия народов, проживающих на территории автономного округа; региональная поддержка народных мастеров и умельцев; реализация права граждан на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями, выражения личной культурной самобытности¹³. Специалисты Окружного Дома ремесел разрабатывают и составляют методические пособия и рекомендации по различным видам народных художественных ремесел, занимаются формированием банка данных о творчестве художников и мастеров, изобразительном и прикладном искусстве округа, формируют фотоматериалы и видеозаписи проводимых мероприятий (отдел методики прикладных искусств); занимаются созданием типовых образцов сувенирной продукции, отражающей культурные и исторические ценности народов округа, организуют работу мастер-классов, творческих лабораторий и семинаров; оказывают творческую методическую помощь мастерам округа, ориентируя их на соблюдение традиций в области изготовления изделий народных художественных промыслов и ремесел (отдел художественного и прикладного творчества совместно с сектором по разработке сувенирной продукции); организуют и проводят выставки различного уровня. Данное учреждение пользуется поддержкой департаментов культуры, международных и межрегиональных связей, департамента по труду и социальной защите населения Ямало-Ненецкого автономного округа. Многие мероприятия проводятся на базе и с участием Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского. В статье к 10-летию Окружного

Дома ремесел З.В. Худи пишет о том, что это учреждение создало вокруг себя особое культурное пространство: «Именно здесь сосредоточена работа по созданию условий для развития творчества ямальских художников; по обмену опытом и пропаганде изобразительного и декоративно-прикладного искусства округа на межрегиональном, всероссийском и международном уровнях; по сохранению преемственности художественных ремесел. Для этого проводятся выставки и фестивали, конкурсы и семинары, издаются методические пособия и организуются мастер-классы»¹⁴.

Поддержка этнокультурного развития КМНС. Экспертами выделяются следующие наиболее значимые виды государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе: поддержка традиционных видов хозяйственной деятельности и организаций, занятых традиционной хозяйственной деятельностью (в том числе общин), обеспечение жильем, поддержка и повышение уровня образования, культуры. С 2009 г. система оказания государственной поддержки экономического и социального развития малочисленных народов за счет средств федерального бюджета была изменена: вместо реализации мероприятий федеральной целевой программы перешли к целевым субсидиям из федерального бюджета субъектам Российской Федерации, на территории которых проживают представители КМНС. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 217, утвердившим «Правила распределения и предоставления из федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», размер субсидии бюджету субъекта Российской Федерации зависит не только от численности коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, но

---

¹³ В сфере народных художественных промыслов в округе работают около 900 мастеров и художников, из которых 11 человек имеют звание члена Союза художников РФ (данные за 2010 г.).

---

¹⁴ Худи З.В. Окружному Дому ремесел – десять лет // Культура Ямала: сб. информационно-аналитических материалов, 2009, №4.

и от уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации. По данным Департамента информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа, в 2014 г. на социально-экономическое развитие КМНС ЯНАО выделено 7 млрд рублей, что составляет 5% регионального бюджета¹⁵.

В округе действует система грантовой поддержки этнокультурного развития КМНС. За последние пять лет гранты в сумме 600 тыс. руб. были направлены на реализацию проектов «Фольклорный праздник народа ханты «Ворна хатл» (Городской дом культуры «30 лет Победы», Лабытнанги), создание ОГТРК «Ямал-Регион» аудиодиска для детей на ханты языке «Ис хантэт номас» (Мудрость древних ханты), Фольклорный фестиваль культуры народа ханты «Ван рутат» («Центр народного творчества», с. Мужы, Шурышкарский район), издание книги «Сказки северной земли» (Приуральский районный краеведческий музей). В 2014 г. реализован проект «Издание книги фольклора «Чапта. Сказки северных селкупов»» (Окружной Центр национальных культур, Салехард).

Работники культуры и искусства Ямало-Ненецкого автономного округа поощряются Знаками «Серебряная гагара», «Мастер декоративно-прикладного искусства и ремесел ЯНАО», специальной премией губернатора автономного округа «За успехи в создании, сохранении и пропаганде культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера». Ежегодно присуждается девять специальных премий по 25 тыс. руб. в области фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера по номинациям: «Душа народов Ямала», «Семья народов Ямала» и «Народный сказитель». С 2012 г. в округе присуждаются три литературные премии – имени П.Е. Салтыкова, Л.В. Лапцуня, С.И. Ирикова за лучшее освещение на родных языках в печатных

изданиях тематики сохранения и развития культурного наследия коренных малочисленных народов Севера (размер каждой премии 50 тыс. руб.). «Проведение подобных мероприятий позволяет не только сохранить этнические традиции и культуру коренных малочисленных народов Ямала, но и приобщить к традиционной культуре жителей и гостей автономного округа», – считает директор Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа И.В. Сотруева¹⁶.

Инновационные технологии. В деле сохранения историко-культурного наследия Ямало-Ненецкого АО ставка делается на современные технологии. В соответствии с Концепцией сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы¹⁷, с целью сохранения, изучения, использования и популяризации фольклора, с 2011 г. в округе реализуется проект «Золотой фонд народной культуры Ямала», в рамках которого предусмотрено создание электронного каталога (реестра) Фольклорного фонда. В дальнейшем электронный каталог нематериального культурного наследия народов Ямала даст возможность перехода к созданию электронной мультимедийной коллекции объектов нематериального культурного наследия, и станет составной частью Каталога объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации¹⁸. Ведется работа по размещению банка фольклорных материалов на интернетном информационно-библиотечном портале libraries-yanao.ru.

Для оценки экологических и социальных последствий в условиях интенсивного промышленного освоения осуществляется работа по формированию электронной

¹⁵ Ямальцев пригласили поделиться опытом устойчивого развития коренных народов Севера в штаб-квартире ООН // Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа (http://правительство.янао.рф/news/lenta/international_cooperation/detail/77611/print).

¹⁶ Культурное наследие коренных северян на Ямале и сохраняют, и пополняют. Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа (http://правительство.янао.рф/news/lenta/radical_people/detail/72901/print/26.11.2014).

¹⁷ Утверждена приказом Министерства культуры Российской Федерации за № 267 от 17 декабря 2008 года.

¹⁸ Доклад о реализации ОДЦП «Культура Ямала» в 2011 году. Департамент культуры ЯНАО (<http://cultura-yamala.ru>).

базы данных священных культовых мест КМНС¹⁹.

В фондах Окружного Центра национальных культур имеются записи былин, сказаний, старинных песен, описание обрядов. Действенным способом распространения этой информации стало издание информационно-методических материалов. Среди таких изданий: календарь «Народное творчество Ямала», сборник фольклорных материалов народов Севера «Мудрое слово», сборник фольклорных ненецких песен Т. Лар «Давайте любить свою землю», а также каталоги материалов по фольклору ненцев и селькупов. В последние годы также вышли в свет: сборник «Старинные и современные песни народа ханты», сборник песен ямальского композитора С. Няруя «Солнце над тундрой», сборник песен автора и исполнителя ненецких песен Т. Лар «Нети се» (Песни Нети). Окружной Дом ремесел работает над созданием электронных каталогов, содержащих информацию о мастерах и художниках округа. Для восстановления и сохранения утраченных ремесленных навыков составляются поэтапные описания технологических процессов изготовления декоративно-прикладных изделий, которые издаются в серии методических пособий «Уроки мастерства» (авторами мастер-классов являются знатоки и носители традиционной культуры коренных народов Ямала)²⁰.

В 2014 г. губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа подписал постановление о введении в эксплуатацию Единой информационной системы по моделированию и прогнозированию социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО (ЕИС Ямал). Система призвана «повысить эффективность государственного управления и местного самоуправления за счет использования передовых информационных технологий, оперативного формирования на их основе комплексной аналитической информации, необходимой для выработки и принятия управленческих

решений». Данные для ЕИС будут предоставлять окружные департаменты образования, культуры, здравоохранения и другие, чья работа непосредственно связана с жизнедеятельностью коренных народов, а также администрация Салехарда и всех районов Ямала. Оператором Системы определен Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО²¹.

Этнокультурные мероприятия. В округе проводится множество мероприятий, направленных на сохранение, развитие и популяризацию этнокультурного наследия коренных народов Ямала. В числе крупных – реализуемая Окружным Домом ремесел межрегиональная выставка косторезного искусства «Душа Севера», ставшая за последние годы признанной в среде косторезных центров России (шесть мастеров-косторезов являются членами Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России»). Развитию искусства художественной резьбы по дереву посвящена выставка «Мир дерева», представляющая изделия традиционной культуры народов округа, а также произведения современных мастеров. Еще один крупный проект – Окружная выставка современного изобразительного искусства «Арт-Ямал», объединившая живописцев, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства округа и направленная на популяризацию и развитие современного изобразительного искусства региона.

В ЯНАО действует окружная творческая лаборатория «Ямальский сувенир» – комплекс мероприятий, направленных на представление опыта работы, творческих достижений в области производства сувенирных изделий. В деятельности лаборатории принимают участие мастера, народные умельцы, творческие коллективы, Дома ремесел, частные предприятия округа, работающие в области художественных ремесел и декоративно-

¹⁹ См.: Харючи Г.П. Священные места в традиционной и современной культуре ненцев /Отв. ред. Н.В. Лукина. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2013.

²⁰ С 2003 по 2012 год увидели свет 8 методических пособий данной серии, все они размещены на сайте Окружного Дома ремесел (<http://www.remeslo89.ru>).

²¹ На Ямале создана Единая информационная система, которая будет концентрировать все сведения о коренных народах региона. Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа (http://правительство.янао.рф/news/lenta/radical_people/detail/66778/print/02.07.2014).

прикладного искусства. В числе перспективных направлений названы: организация курсов повышения квалификации для художников, мастеров Ямало-Ненецкого автономного округа из числа коренных малочисленных народов Севера по вопросам производства сувенирной продукции, а также по основам работы в качестве индивидуальных предпринимателей по реализации сувенирных, художественных изделий; привлечение безработных граждан из числа коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа к участию в мероприятиях по организации самозанятости в сфере производства сувенирных, художественных изделий.

Особое значение имеет деятельность, направленная на профессиональное художественное обучение, духовно-нравственное и эстетическое воспитание подрастающего поколения²². Окружной Дом ремесел с 2008 г. реализует социокультурный проект «Искусство Ямала — детям», центральными мероприятиями которого являются мастер-классы для детей по бисероплетению, работе с сукном и мехом, резьбе по кости и дереву, художественной росписи ткани, линогравюре, шитью из сукна и ситца, включающие изготовление изделий традиционных видов ремесел и декоративно-прикладного искусства. Подобная работа ведется и в районах. Крупным проектом, нацеленным на развитие детского творчества, формирование преемственности традиций народных художественных ремесел, а также создание условий для реализации творческих способностей детей и подростков, является окружная выставка-конкурс детского декоративно-прикладного творчества «Ямальчик».

Примерами мероприятий в поддержку языков коренных малочисленных народов Севера служат Лапцевские чтения и праздничные программы, посвященные календарным праздникам КМНС. В Сале-

харде ежегодно проводится региональная олимпиада по краеведению и родным языкам (в 2011 г. она получила статус межрегиональной). Победители олимпиады становятся кандидатами на получение премии президента Российской Федерации и губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, что является примером поддержки талантливой молодежи в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование».

В дело сохранения и популяризации культуры коренных малочисленных народов Севера свой вклад вносят музеи и библиотеки автономного округа. Реализован ряд крупных инновационных музейных и выставочных проектов. Среди них, по сообщению Е.Т. Пушкаревой, — передвижные обменные выставки «Сквозь века» (Музей изобразительных искусств, г. Новый Уренгой) и «Ожерелье Ямала» (Музей истории и археологии, г. Надым), а также антропологические проекты «Технология самодокументирования малого этноса» и «Соседи. Межкультурный диалог» (Музей освоения Севера, г. Губкинский), эколого-краеведческие проекты «Древности Сугмута», «Экологическая тропа» (Эколого-краеведческий музей, г. Муравленко), интерактивный образовательный проект «Детский игровой календарь» (Музейный ресурсный центр, г. Ноябрьск)²³. В дер. Ханты-Мужи Шурышкарского района с 2008 г. проводится музейный фестиваль традиционных ремесел «Земля мастеровая». К участию в нем приглашаются дипломированные и неизвестные мастера-ремесленники из Шурышкарского района и других территорий округа по конкурсным номинациям: строительные традиции, забытое ремесло, традиционная скульптура, традиционный сувенир.

Особое место занимают праздники — День оленевода, День рыбака, а в некоторых муниципальных образованиях регулярным стало проведение хантыйских

²² Деятельность в области художественного образования на территории автономного округа осуществляют 38 учреждений дополнительного образования детей различной художественной направленности. Из них: детских музыкальных школ — 12, художественных школ — 4, школы искусств — 22 (данные на 2010 г.).

²³ Пушкарева Е.Т. Опыт Ямало-Ненецкого автономного округа по сохранению и развитию духовной и материальной культуры коренных малочисленных народов Севера // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Издание Совета Федерации второе, переработанное и дополненное. — М., 2013, с. 209.

народных праздников Медвежья игрища, Вороний день, Праздник середины лета. В программы официальных праздников, различных фестивалей и других этнокультурных мероприятий включают выставки-продажи сувениров, концерты фольклорных коллективов, семинары мастеров декоративно-прикладного искусства, показ моделей одежды в «этническом стиле» и т.п. Подобные мероприятия зачастую демонстрируют существенный отход от «классических» норм ненецкой культуры. Например, исполняются некоторые обряды, жертвоприношения, которые в традиционных условиях, по словам Г.П. Харючи, «являются интимными, семейными или родовыми». Исследование традиций и инноваций в культуре ненцев привело ее к выводу о том, что сегодня «традиционная сфера жизни северного народа приобретает характер зрелищного действия, которое наблюдают десятки и сотни присутствующих либо телезрителей; благодаря массовой коммуникации она становится открытой для внешней среды. В этнической истории ненцев это совершенно новое явление»²⁴.

Развитие этнографического туризма. Аборигены Севера и их этническая культура являются сегодня своеобразным символом, благодаря которому формируется и укрепляется региональная идентичность. В региональной символике ЯНАО широко распространены сюжеты, связанные с элементами традиционной культуры коренных народов: оформление орнаментом «оленьи рога» помещений для проведения официальных мероприятий, использование оленеводческой тематики в печатной продукции округа, вручение подарков официальным лицам и почетным гостям в виде традиционной одежды оленеводов и пр.²⁵ Этнокультурный потенциал аборигенных народов Севера все активнее используется в туристическом бизнесе. Отечественным и зарубежным туристам предлагаются этнографи-

ческие туры по Ямалу, знакомство с традиционным укладом жизни и самобытной культурой коренных жителей.

В 2006 г. с целью развития туризма на Ямале создано АУ ЯНАО «Ямалтур». Это учреждение вносит вклад в формирование позитивного имиджа региона: «Наш Ямал – это волшебная страна снежного безмолвия и лихого азарта оленьих гонок, завораживающих обрядов и уникальной кочевой культуры северных народов, это седые вершины Полярного Урала и неисчислимы реки и озера, это Полярный круг и северное сияние»²⁶. Вовлечением коренных малочисленных народов, прежде всего через их общины, в сферу туристского бизнеса занимается ГУ «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Сотрудники Объединения оказывают представителям КМНС помощь в области развития туристских услуг, в частности, в разработке и осуществлении бизнес-проектов. Общины ежегодно принимают туристов из Франции, Словакии, США, Канады, Финляндии, а также городов России (Екатеринбург, Тюмень, Омск, Санкт-Петербург) и предоставляют им услуги в сфере экологического и этнографического туризма.

С представителями общин коренных малочисленных народов Севера сотрудничает Департамент молодежной политики и туризма ЯНАО (по вопросам проведения маршрутов на территориях их традиционного природопользования, выработке и реализации совместных проектов по развитию эко-этнотуризма на Ямале). В сфере туризма официально задействовано 5 общин, на родовых угодьях которых организован круглогодичный прием туристов, 13 общин имеют опыт приема на базе этностойбищ. Наибольшее количество туристов за последние годы приняли общины Ямальского, Шурышкарского и Приуральского районов автономного округа – ООО «Минуруй» (Ямальский район), «Нохраць» (Шурышкарский район), родовое стойбище Анатолия Вэнянго (46 км от Салехарда вблизи п. Харсаим, Приуральский район), национальная община «Канаш ех» (Приуральский район), ненецкая семья оленеводов Алексея и Светланы

²⁴ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. – Томск, 2001, сс. 200-202.

²⁵ Пушкарева Е.Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности

//Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. – М., 2010, сс. 249-250.

²⁶ АУ ЯНАО «Ямалтур» (<http://www.yamaltour.ru>).

Сэротэтто (фактория Порсыяха, Ямальский район), национальная община «Нес-сэмдавы – ил» (Приуральский район), стойбище оленеводов Тайшиных (в районе реки Б. Пайпудына, Приуральский район) и др.²⁷ По оптимистическим прогнозам Департамента, «с каждым годом растет число созданных общин КМНС, готовых заниматься туристическим бизнесом <...> это является основой для создания организационных механизмов и моделей эффективного развития экотуризма силами КМНС, в тесном сотрудничестве с турфирмами и государственными структурами в регионе»²⁸.

Вопросы развития туризма активно обсуждаются в СМИ. Приведем здесь выдержку из одной статьи на эту тему: «На первый взгляд мысль о развитии туризма в России за Полярным кругом выглядит откровенно футуристичной – даже в средней полосе страны, при всех ее красотах, ни один регион не может похвастаться стабильными туристическими потоками. Но в основе туристического бизнеса как отдельного направления развития экономики ЯНАО лежит идея естественной северной экзотики с ее огромными, не тронутыми цивилизацией просторами (территория Ямала в полтора раза больше Франции), рыбой в кристально чистых реках, тающим во рту малосолом под водичку, свежим снегом в июне и даже температурой минус 50 зимой. Этого давно нет и никогда уже не будет в Европе, где каждую выловленную рыбу ты должен измерять линейкой, чтобы уложиться в тот размер, который прописан в разрешении на любительскую ловлю, а у оленей давно потухли глаза, потому что их кормят комбикормом. Поэтому и для наших экстремалов, и для избалованных комфортом европейцев найдется место на Ямале. Тем более что, готовясь к приему туристов, власти региона запаслись авторитетной бумагой – заключением международного аудиторского австрийского агентства Kohl & Partner о том, что организация полярного туризма в ЯНАО соответствует самым строгим европейским нормам

комфорта, безопасности», – говорит первый заместитель руководителя департамента по туризму ЯНАО С. Демиденко»²⁹.

Ямальские власти разработали более 60 туристических маршрутов. Это этно- и экотуризм, туризм исторический, охота-рыбалка, горнолыжный отдых, сплавы по горным рекам. Сейчас на Ямале вместе с финским консорциумом Sofi создается Центр полярного туризма, рассчитанный на 50–60 тыс. туристов в год. В него будут входить комфортабельные гостиницы и коттеджи на тысячу мест, рестораны, развлекательный комплекс, бассейны под открытым небом, вертолетная площадка, резиденция младшего брата российского Деда Мороза – Ямал Ири и другие объекты стоимостью около шести миллиардов рублей. Финны взяли на себя обязательства привлечь инвестиционные ресурсы, проектировать и построить Центр, а ямальцы – обеспечить земельные участки необходимой инфраструктурой и предоставить налоговые преференции»³⁰.

Содержащиеся в ряде официальных документов надежды на туризм, как способ решения финансовых вопросы и проблем занятости коренного населения, разделяют не все опрошенные нами местные эксперты. Вот одно из суждений: «Отношение к туризму хорошее, но к сфере занятости не имеет никакого отношения, т.к. непосредственно организацией занимается минимум [представителей коренного малочисленного] народа. Проживание, обслуживание и пр. – это не сфера занятости, а вспомогательная возможность получения каких-то средств, ресурсов (как рыбалка для оленеводов). Локализуется как: в качестве организатора какой-то человек и несколько более или менее приближенных к нему семей друзей-родственников, которые людей привозят на каких-то условиях. Массово, пожалуй, невозможно развить, т.к. или должны появиться те, кто этим занят постоянно, тогда можно говорить о туризме как сфере занятости, или сохранится статус-кво, т.е. разовые, договоренности о

²⁷ Департамент молодежной политики и туризма ЯНАО (<http://www.yamolod.ru>).

²⁸ Вопросы этнотуризма обсуждают в Салехарде //Департамент молодежной политики и туризма ЯНАО (<http://www.yamolod.ru>).

²⁹ Пономарев В. Полярная экзотика //Фонд возрождения народных традиций «Национальный Фонд Святого Трифона» (<http://www.stfond.ru/articles>).

³⁰ Там же.

каких-то приездах. Здесь город поближе, поэтому здесь больше этим занимаются. Опять же Ямал-тур тут концентрируется <...> В перспективе как сфера занятости – вряд ли. Люди едут рыбачить, люди едут охотиться, приезжают иностранцы, которые желают окунуться в этот образ жизни кочевой. Но это не массово, это единицы. И транспортная схема здесь иная, чем в тех же Хантах. Опять же зона ограниченного доступа <...> Для развития этнотуризма необходимо создание соответствующей инфраструктуры, предусмотренной индустрией турбизнеса в целом. Пока же в общинах по большей части нет ни необходимого снаряжения, ни специалистов, ни рекламы».

Дебаты об эффективности этнокультурной политики. В научном сообществе нет единой точки зрения на значимость проводимых в настоящее время этнокультурных мероприятий, о чем свидетельствуют, например, такие высказывания: «за глянец фестивалей, праздников и парадных мероприятий скрываются серьезные проблемы»; «триада "праздники - конференции - фестивали" – эта "манифестная этничность", конечно, связана с культурным обликом этнических сообществ, но далека от реальных проблем этих сообществ»³¹.

Остается устойчивым мнение, что традиционная этнокультурная самобытность находится в тесной связи с развитием традиционных отраслей хозяйства (оленоводства, рыболовства, охоты), а функционирование традиционной культуры аборигенов Ямала связывают, прежде всего, с оленеводством. Однако жизнь вносит свои коррективы. В современной жизни кочевников тундры в выпасе оленей ... участвует поезд, а в части чума, «где положено хранить священные предметы, теперь светится жидкокристаллический экран»³².

³¹ Шабает Ю. Финно-угорское движение: глянец и изнанка // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №74, 2007.

³² Головнев А.В. Этноэкологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник, 2014, № 2(43), сс. 150-151; Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белорусова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Яма-

Однако большинство исследователей видит позитивный потенциал такого рода деятельности, направленной на то, чтобы малые народы чувствовали себя комфортно. Эти мероприятия имеют большое значение как для представителей коренных малочисленных народов Севера, так и для всех жителей округа, являясь важным фактором формирования региональной идентичности и межэтнической солидарности.

Оценку таких мероприятий мы получили в Шурышкарском районе ЯНАО: «Мы отмечаем два хантыйских праздника – Вороний день (7 апреля) и Праздник середины лета (2 августа). В деревнях маленьких Ворна хатл <Вороний день> ханты тоже празднуют, но там уже при минимальной поддержке администрации. Мы делаем это массово. По большому счету, это театрализация праздника. Эти праздники привязаны к датам. Есть не привязанный к дате – Медвежий праздник. Он у нас празднуется серьезно. Есть, конечно, что не совсем правильно, театрализованные мероприятия (но на реально добытом медведе все это делается)... Иногда – с включением посторонних, чтобы присутствовала молодежь, представители не только хантыйского народа. Чтобы это видеть, запоминать и где-то сохранять. Чтобы придать не новое звучание, а чтобы можно было познакомить с ним остальной народ, потому что праздник этот очень оригинальный, очень интересный <... > Мы пытаемся сохранить хотя бы внешнюю атрибутику этой культуры, я не говорю о духовном направлении этого праздника, он гораздо глубже чем то, что мы показываем. Хотя бы внешнюю сохранить, чтобы у людей понимание было. Сегодня ведь что важно? Толерантность. Да, мы говорим, мы не скрываем, что мы разные. Но в один день и мы, и вы отмечаем один праздник. Значит, у нас больше общего, чем того, что нас различает и разделяет»³³.

Делясь опытом проведения Медвежьего праздника в Шурышкарском районе, начальник Управления культуры и

ле: ненецкие кочевья и газовые месторождения. – Екатеринбург, 2014, с. 91.

³³ Говорит А.А. Худoley. Полевые материалы автора. Шурышкарский р-н ЯНАО, 2013 г.

молодежной политики Администрации района А.А. Худолей заметил: «Очень мало такой молодежи, конечно, кто в это верит. В деревнях крупных – они уже оторвались от корней-то, если здесь живут. Потому что интернатская жизнь она-то капитально отрывает людей от корней. Причем в стадах они говорят на родном языке, в малых деревнях говорят, а в больших у наших у всех почти что нету <...> Язык-то в том числе и этим сохраняется <...> И язык со сцены-то звучит. Хотя, коль присутствует много людей, он <праздник> у нас двуязыкий, чтобы было понятно, о чем речь. Но я всегда и со сцены говорю, что я завидую коренным. Они два языка знают, они в два раза богаче». Также опрошенные нами эксперты высказывают такое мнение: «Формы культуры, которые воспроизводятся в клубах, центрах национальных культур – песни, пляски всякие – это сценическое искусство. Это параллельно идет, изобретенная культура. Но она тоже нужна. Чем больше ее видят, слушают, тем сильнее возника-

ет понимание “Они такие же люди, они не чужие, они нам знакомы”».

В целом же, в Ямало-Ненецком автономном округе ведется активная работа, направленная на поддержку традиционных культурных ценностей северных аборигенов, при этом все отчетливее осознается задача сохранения, восстановления историко-культурного наследия и его дополнения современными технологиями, элементами целенаправленного обучения, в том числе с использованием неаутентичных средств (которые воспринимаются скорее как способ популяризации аборигенной культуры, а не как ее профанация).

Этноориентированные инновационные проекты Ямало-Ненецкого автономного округа находятся в русле государственных задач сохранения культуры, образа жизни коренных малочисленных народов Севера и их адаптации к современным условиям.

*Пивнева Е.А.
ИЭА РАН*

Нерешенные проблемы государственной национальной политики в региональном ракурсе

Государственная национальная политика (этническая политика) в России, как на общенациональном, так и на региональном уровнях, нуждается в совершенствовании, следствием чего стало принятие «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В названном документе прямо указывалось, что «Стратегия должна способствовать выработке единых подходов к решению проблем государственной национальной политики Российской Федерации государственными и муниципальными органами, различными общественными и политическими силами».

Но очевидно, что «единые подходы» возможны, если созданы единые институты, единая система финансирования и единые механизмы и способы реализации госполитики. Нужна и единая система подготовки кадров, скоординированные методы воздействия на общественное мнение с целью формирования культуры

повседневной толерантности, этнокультурного просвещения и укрепления гражданской солидарности россиян.

В постсоветские годы институты этнополитики складывались во многом стихийно, что отчасти диктовалось сложной экономической и социальной ситуацией в стране в целом и в ее регионах в частности, необходимостью оперативно отвечать на возникающие политические вызовы. При этом, безусловно, сказались и отсутствие должного понимания целей и задач этих институтов, а также давление со стороны этнически ориентированных политиков и этнонациональных организаций, которые пытались навязать властям свое видение государственной национальной политики. Сегодня мы не можем говорить о наличии в России необходимого институционального «дизайна».

Постсоветская этнополитика. За постсоветский период, на наш взгляд, в федеральной и региональной государственной национальной политике (этнополитике) сложились три основных подхода,

на основе которых формируется законодательная база и политические практики, призванные регулировать отношения между государством и этническими сообществами: *алармистский, лоялистский, интеграционистский*. В политической практике каждый из этих подходов имеет право на существование, но между ними необходимо было найти некий разумный баланс, который пока не найден. Анализ деятельности управленческих структур в субъектах РФ убеждает, что этнополитика в основе своей опирается только на два первых подхода.

Алармистский подход — это констатация угрозы сохранению культурной отличительности групп и разработка комплекса мер, призванных обеспечить сохранение культурных границ между группами с помощью различного рода мер, включая меры защиты образа жизни, территорий традиционного природопользования, а также преференции, предоставляемые представителям этнических меньшинств, культивирование культурных отличий и культурных иерархий, способствующих с одной стороны сохранению культурной самобытности местных сообществ, но одновременно «работающих» и на усиление культурных дистанций между этническими группами.

Лоялистский подход — это демонстрация лояльности власти и общества к культурному многообразию России и публичные формы пропаганды этого многообразия.

Интеграционистский подход опирается не на идею отличий, а идею общности, а потому в его основе должны лежать механизмы, способствующие укреплению общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян.

Поскольку баланса между названными подходами в реальной политической практике нет, постольку с одной стороны этнополитика на местах нередко выглядит не как долгосрочная и продуманная стратегия, а как своеобразная форма реагирования региональных властей на текущую ситуацию, на решение частных проблем, удовлетворение претензий, возникающих со стороны этнических антрепренеров и организаций. Подобное положение дел не позволяет реализовывать долгосрочные стратегии, но и

не дает основания радикально настроенным активистам этнонациональных движений утверждать, что в России нет реальной государственной национальной политики.

При этом следует признать, что региональная этнополитика находится под значительным влиянием именно «этнических» антрепренеров, чьи интересы и намерения далеко не всегда совпадают с интересами общества и государства. Этнические антрепренеры в массе своей являются проповедниками алармистских идей, постольку они рассматривают этнокультурные процессы, происходящие на территории проживания своих народов, не как естественное межкультурное взаимодействие, следствием которого становится формирование все более унифицированных форм поведения и культурного потребления, а нередко как культурный апокалипсис, итогом которого станет/становится «вымирание» народов.¹ В другом алармистском сценарии этнические сообщества, которым объективно не грозит ассимиляция, пытаются маркировать как народы-жертвы, в отношении которых допущена историческая несправедливость и которые должны получить за них экономические, политические и культурные «компенсации».²

Региональные политические институты и лидеры, конечно, не могут взять на себя ответственность за «вымирание народов», а поэтому они вынуждены поддаваться давлению этнических антрепренеров и плодить все более многочисленные фольклорные фестивали, создавать различные этнокультурные центры, национальные деревни и парки, спонсировать проведение многочисленных этнических съездов и конференций, демонстрируя лояльность титульным этническим группам (но реально лишь этническим антрепренерам), и изымая тем самым из бюджетов регионов ресурсы, которые с успехом можно было бы потратить на строительство новых школ в районах с компактным проживанием этнических мень-

---

¹ Шабаетв Ю.П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? //Социологические исследования. - 2013, №3.

² Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. - Самара, 2003.

шинств, на создание в этих же районах эффективных производств, на строительство жилья, т.е. на решение актуальных задач, которые затрагивают реальные жизненные интересы представителей этнических сообществ, проживающих в стране.

Анализируя современную российскую этнополитику как таковую, важно учитывать и логику работы органов регионального управления. Во многих регионах созданы специальные ведомства, которые по своим функциональным обязанностям должны нести ответственность за реализацию государственной национальной политики. Для того, чтобы отчитываться перед региональными властями и федеральными кураторами, им необходимо иллюстрировать свою деятельность перечнем конкретных мероприятий, осуществленных за отчетный период, - мероприятий зримых и очевидных.³

При этом важно заметить, что самая важная сфера этнополитики, связанная с организацией кропотливой, последовательной, но малозаметной работы по формированию российской идентичности, повседневной толерантности зримым достижением быть не может, а поэтому носит сугубо формальный характер или полностью игнорируется управленческими структурами. Между тем, исследователи этнического измерения политической культуры современной России верно отмечают, что «общенациональное единство и общая национальная идентичность — это изначальная и обязательная предпосылка успешного демократического транзита...».⁴ Но различные фольклорно-фестивальные мероприятия, часто демонстрирующие не столько многообразие культур, сколько культурную отличительность, культурные дистанции и культурные границы внутри российского социума, есть очень удобная форма отчета, которая удовлетворяет чиновников в регионах, и в Центре, поэтому они множатся.

³ Степанов В.В. Идеи этнической политики в проектном управлении столицей //Московская модель этнической политики / Ред. Кульбачевская О.В., Степанов В.В. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2015, сс. 63-81.

⁴Ачкасов В. А., Бабаев С. А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. – СПб., 2000, С.5.

Бюрократическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что никак не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики. В данном случае российские власти попадают в ту же ловушку, что и их западные партнеры, которые взяли на вооружение политику мультикультурализма, суть которой заключается в формуле «единство с многообразием». Культурное разнообразие поддерживать получается а единство этнических и конфессиональных групп населения мультикультурных стран сохранить не удается. И не случайно западные политики заговорили о конце мультикультурализма, а многие исследователи стали указывать на серьезные опасности, которые таит в себе названная модель этнополитики. К примеру, британский ученый Брайан Бэрри критикует политику мягкого мультикультурализма за его толерантность по отношению к противникам либерализма. Государство, как отмечает Бэрри, должно отвечать за культурное и религиозное воспитание, образование подрастающего поколения, чтобы никто не смог привить им ценности, противоречащие либеральному духу. Он недоверчиво относится к мультикультурализму как к политической программе. При этом ученый не является противником культурного разнообразия в современных либеральных обществах и соглашается с тем, что либеральная концепция гражданства способствует мирному и дружескому сосуществованию разных культурных групп, как граждан одной страны. Но предупреждает, что мультикультурализм политизирует культурную идентичность и становится политикой разделения (politics of difference): граждане фокусируются на том, что их различает, а не на том, что объединяет.⁵

Какие проблемы должны находиться в сфере первостепенной заботы институтов этнополитики? Их перечень не очень велик: 1). профессиональный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне и при-

⁵ Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001.

нятие на основе этого анализа *комплекса управленческих решений*, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп и исключающих совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия; 2). мониторинг и профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности; 3). интеграция российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формирование российской *гражданской нации* как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной политики в центре и на местах. 4. Укрепление культуры толерантности, воспитание гражданской солидарности и российского патриотизма, формирование общероссийской идентичности; 5). защита культурных прав граждан и удовлетворение их культурных интересов.

В региональных моделях этнополитики, а особенно в региональных политических практиках, как правило, нет четкой ориентации на решение названных проблем, хотя концептуальные документы в области государственной национальной политики во многих регионах официально утверждены.

В связи с этим возникает очень противоречивая ситуация: на общем доктринальном уровне есть понимание проблем этнокультурного развития страны и ее регионов, сформулированы стратегические цели в области этнополитики, тогда как общественная практика демонстрирует *устойчивое воспроизводство ксенофобских и интолерантных настроений* в местных сообществах, а нередко и усиление межэтнической конфликтности (чаще всего латентной).

Группы в условиях конфликта и риска деэтнизации. Региональная этнополитика – это, прежде всего, умение политических акторов решать сложные местные проблемы, оказывающие воздействие, как на социальное благополучие отдельных этнических групп, так и на межобщинные отношения в регионе. Перечень таких проблем довольно широк.

К примеру, достаточно часто отношения между добывающими компаниями и ведущими традиционное хозяйство группами представителей малых народов Севера приобретают в России конфликт-

ный характер. Несмотря на наличие определенной законодательной базы, защищающей права представителей «коренных народов», территории их традиционного природопользования, наличие довольно основательного экологического законодательства, крупные компании неизменно оказываются в более выигрышном положении, чем местное население, на территории проживания которого названные компании осуществляют промышленную деятельность. Очередным свидетельством тому стали протесты населения Ижемского района Республики Коми, которое в течение всего 2014 г. выступало против действий одного из российских нефтяных гигантов «ЛУКОЙЛа».

Недовольство возникло не сегодня. Еще в 1990-е гг. в Припечорье возникла экологическая организация Комитет спасения Печоры, целью которой была защита природной среды и противодействие нарушениям экологического законодательства со стороны добывающих компаний. Не менее активно за сохранение северной природы выступает и межрегиональное общественное движение «Изьватас», созданное в 1989 г. для защиты интересов самой северной группы коми – ижемцев (изьватас). В новом конфликте эти организации стали одной из его сторон, поскольку активно поддержали протесты населения.

Юридическая сторона конфликта связана с землеотводами и землепользованием. В Республике Коми в настоящее время самым крупным оленеводческим хозяйством является МУП «Совхоз Северный» (Ижемский район РК), в котором работает 11 оленеводческих бригад, выпасающих 26 тыс. оленей. В 2002 г. совхозу были переданы три оленеводческие бригады, которые прежде входили в состав совхоза «Усть-Усинский» (Усинский район РК — основной район нефтедобычи), что помимо решения проблемы рентабельности поставило в повестку дня решение проблемы землепользования.

В Республике Коми, везде, кроме Воркутинского района, собственниками земли за пределами собственно населенных пунктов и территории производственных предприятий являются Леспромхозы. Это происходит потому, что все эти земли по кадастру являются лесными угодьями,

и поэтому, в соответствии с лесным кодексом РФ, именно леспромхозы имеют там право распоряжения. С 1990-х годов существовала практика, в соответствии с которой оленеводческие предприятия пользовались лесной территорией для выпаса оленей на основании договора с соответствующими леспромхозами об «аренде территории с нулевой ставкой». Территории в пределах совхозного земельного надела предоставлялись совхозам в бесплатную аренду на 50 лет, причем прерывание такого договора было возможно только со сбором согласительной комиссии и с выплатой совхозу компенсации. Такая практика до сих пор существует в Ижемском и в Интинском районах. В Усинском же районе, леспромхоз неожиданно отказался заключать с совхозом договор на новоприобретенные земли «Усть-Усинского», требуя вместо этого заключения договора с арендной ставкой, причем достаточно высокой. Причину такого поведения понять, несложно – земельный надел Усть-Усинского находился на территориях Усинского и Возейского нефтяных месторождений, которые как раз в это время вновь стали активно разрабатываться, а нефтяники готовы были платить за аренду земли требуемые суммы. Оленеводы, не имевшие необходимых финансовых ресурсов, платить не стали, но продолжали пользоваться своими зимними пастбищами, по крайней мере той их частью, на которой еще можно было выпасать оленей. Однако никаких прав на эти земли у совхоза формально не было, что лишало его возможности предъявлять любые претензии нефтяникам. Дальнейшие события приобрели еще более показательный характер. Когда на тендер было выставлено Баяндинское нефтяное месторождение, существенная часть которого находилось на «традиционных» землях «Северного» (т.е. тех, которые всегда принадлежали этому совхозу), проблемы с арендой земли у леспромхоза неожиданно возникли и в этой части землеотвода. Пока негласно сохраняется статус-кво: нефтяники на сельскохозяйственных угодьях добывают нефть, а оленеводы продолжают пасти стада там, где это еще возможно. Каких-либо конструктивных усилий со стороны местных или республиканских властей, на-

правленных на урегулирование сложной правовой ситуации в сфере землепользования, не предпринимается, поэтому громкие заявления, направленные против нефтяных компаний, были сделаны общественными движениями. Поводом к ним стал очередной разлив нефти, который произошел на территории Ижемского района.

В селе Краснотор Ижемского района уже прошли встречи представителей ОАО «ЛУКОЙЛ» с жителями 15 сел Ижемского района. Уже после первых дебатов в СМИ появилась информация об этой встрече, которую ижемские активисты посчитали недостоверной, ибо в ней говорилось о сотрудничестве между местными жителями и нефтяной компании, в то время как компании по существу был предъявлен ультиматум.⁶ Жители района потребовали прекратить деятельность компании на территории Ижемского района из-за экологической безответственности компании. Основанием для подобных требований как раз и стал очередной разлив нефти. Заключение, принятое на сходе, по своему содержанию в корне отличалось от того, что говорилось о характере дискуссий в республиканской прессе. В частности, в нем говорилось: «Мы, коми-ижемцы, являемся коренным народом, и это наши земли. Мы больше не хотим мириться с хищнической эксплуатацией наших недр и экологической безответственностью компании ЛУКОЙЛ». Далее следовал ряд конкретных требований, среди которых было создание специальной комиссии по проверке деятельности компании на территории района.⁷

Как оленеводы, так и население района в целом объективно заинтересованы в конструктивном сотрудничестве между местными властями и ЛУКОЙЛом, поэтому, видимо, не случайно Комитет спасения Печоры обратился к властям Усинска (нефтяной «столицы» Коми) перечислить денежные компенсации от добывающих компаний за нефтеразливы на решение проблем сельского населения. При этом

---

⁶ Усов Евгений Гринпис об итогах Красноборского собрания//Веськыд Сёрни, 4 апреля 2014 г. №3 (59).

⁷ Из блогов: «Мы должны быть равноправными партнерами при реализации любых промышленных проектов на наших землях» (<http://www.bnkomi.ru/data/news/27679>).

очевидно, что требования к деятельности компаний на территории РК необходимо ужесточить, а их финансовое участие в решении социально-экономических проблем сельского населения, проживающего в селах на севере республики должно стать более весомым, но для этого необходимо, чтобы республиканские власти и республиканские институты, ответственные за региональную этнополитику, приняли действенное участие в решении конфликтных ситуаций и в создании прочного фундамента для взаимовыгодного сотрудничества между сельским населением Усинского и Ижемского районов РК и добывающими компаниями. Но стоит заметить, что о событиях в Ижемском районе на официальном сайте Миннаца РК (www.minnats.komi.ru) в ленте новостей, где помещается оперативная информация, не было ни одного сообщения. Лишь после серии акций местных жителей власти вынуждены были вмешаться и способствовали началу конструктивного диалога между представителями компании «ЛУКОЙЛ» и жителями ижемских деревень, но полностью снять недовольство так и не удалось.

Поскольку мы уже упомянули ситуацию в Ненецком автономном округе, постольку целесообразно остановиться на ней несколько подробнее. Здесь исторически сформировалось поликультурное сообщество, состоящее из трех основных этнических компонентов — ненцев, русских и коми. Все эти группы довольно поздно освоили территорию округа, но, по предположениям ученых, ненцы пришли сюда на рубеже первого и второго тысячелетия новой эры, т. е. несколько ранее двух других этнических сообществ. Оленеводство составляло основу хозяйства и культурных отличий европейских ненцев от их соседей, хотя коми-ижемцы уже в 17 в. переняли у них весь оленеводческий комплекс и существенно модернизировали его. Более того ижемцы пасли стада своих оленей на тех же территориях, что и ненцы, что потребовало еще в 1835 г. принять Устав об управлении инородцев Мезенского уезда, который регламентировал порядок пользования оленьими пастбищами. Русское проникновение в Большеземельскую тундру началось раньше, чем сюда пришли коми, свидетельством

чему является основание в 1499 г. города Пустозерска. Свидетельством тесного культурного взаимодействия трех групп явилось то, что уже в конце 19 в. европейские ненцы преимущественно перешли на русский язык, а оленеводы знали еще и коми. Процессы аккультурации и ассимиляции активно развивались и в советские годы, когда существенно изменился социально-профессиональный состав ненецкого населения, а в оленеводстве оказалась занята относительно небольшая часть ненцев. Тем не менее, когда на рубеже 1980-1990-х гг., когда начались процессы так называемого «этнического возрождения» и в НАО сформировалась Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй», именно развитие оленеводства было признано приоритетным направлением, с помощью которого можно сохранять культурную отличительность европейских ненцев, их этническую специфику. На 6 съезде Ассоциации в 2001 г. была предложена к реализации программа «Олень — наша жизнь и будущее».

Именно по инициативе «Ясавэй» в округе был принят закон об оленеводстве, существенно увеличены государственные дотации оленеводческим хозяйствам за произведенную продукцию, создан центр ненецкой культуры. Более того, организации активно участвовала в формировании бюджета округа.⁸

Между тем, региональная этнополитика в НАО была и остается несбалансированной. Об этом свидетельствуют как наши собственные наблюдения, так и опрос экспертов, который был проведен нами в округе совместно с архангельским исследовательским центром МедиаФорис в ноябре 2013 года.

Данные опроса подтвердили более ранние наблюдения, суть которых заключается в том, что и для ненцев, и для других групп местного населения одним из главных социальных раздражителей становится характер функционирования рынка труда в округе. Местное население, и особенно ненцы, проигрывают социальную конкуренцию приезжим, на наиболее

⁸ Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй». Деятельность 2001-2004. Сводный отчет о деятельности общественного движения «Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй» Ненецкого автономного округа. Нарьян-Мар, 2004, с.11.

высокооплачиваемых рабочих местах в сфере нефтедобычи трудятся в основном приезжие из других регионов страны или трудовые мигранты. С одной стороны компаниям выгодно привозить в НАО уже подготовленные кадры специалистов, а с другой, для оптимизации кадрового обеспечения строительных площадок и нефтепромыслов целесообразно и даже необходимо использовать местные трудовые ресурсы. Решить проблему, которая возникла уже давно, можно путем создания в Нарьян-Маре Центра профессиональной подготовки, в котором бы нефтяники и строители готовили для своих производственных площадок необходимых специалистов. Но этого не сделано, что порождает рост антимигрантских настроений среди населения округа.

Если отношения между представителями разных этнических групп населения НАО оцениваются экспертами (как и другими респондентами) в целом положительно, то на вопрос, касающийся отношения в округе к трудовым мигрантам, характер ответов был принципиально иным. Только один эксперт оценил отношение к трудовым мигрантам в НАО как положительное, 40% заявили, что оно «нейтральное», а 50% назвали его «скорее отрицательным». Эти данные вполне соотносятся с итогами опроса методом полуструктурированного интервью. Более того, культурное разделение по критерию «местный-мигрант» и «свой-чужой» пока является главным фактором производства и воспроизводства внутренних культурных границ внутри регионального социума. Если сегодня не предпринять мер по исправлению диспропорций на рынке труда, по укреплению культуры толерантности у населения округа, пропаганде идей гражданской солидарности, то существует реальная опасность не только роста межэтнической напряженности и антимигрантских настроений, возникновения межэтнических конфликтов. Более того, местная молодежь уже однажды пыталась устроить «Марш на Версачей», т.е. разгромить одну из строительных компаний (Версо-М), в которой работают преимущественно трудовые мигранты. Эта попытка была предотвращена правоохранительными органами, но причины, порождающие недовольство местного населения до

сих пор не устранены. Это связано как с однобокой ориентацией региональной политики на удовлетворение интересов «коренного народа», так и системными ошибками в формировании стратегии этнополитики, в институциональном ее оформлении, о чем будет сказано ниже.

Не менее показательна, чем в НАО и Коми, ситуация в бывшем Коми-Пермяцком округе. На нее особенно важно обратить внимание, ибо округ был первым субъектом РФ, который прекратил свое существование, поскольку его население на референдуме 7 декабря 2003 г. поддержало идею объединения с Пермской областью. До объединения с Пермью округ был глубоко дотационным регионом, бюджет которого на 80% формировался за счет федеральных дотаций.⁹

Главной проблемой округа является низкий уровень его социально-экономического развития и как следствие — невысокий уровень доходов населения, плохое состояние социального сервиса, высокая степень неудовлетворенности жителей социально-экономическим развитием региона, способствующая миграции населения за его пределы. За период с 1959 по 2010 г. численность населения сократилась с 236 тыс. чел. до 113 тыс. и продолжает сокращаться. Округ покидают в основном молодежь и квалифицированные специалисты. Высокий уровень «миграционной готовности» наиболее активной части населения ведет к тому, что значительная часть коми-пермяков ориентируется не на локальные культурные ценности, а общенациональные: общероссийскую идентичность и российский патриотизм, русский язык как основное средство общения во всех сферах жизни и т.д. Наши предыдущие исследования и материалы опроса, проведенного в округе в 2012 г. совместно с Пермским педагогическим университетом показали, что названные ориентации только усиливаются.¹⁰

⁹ Полуянов Н.А., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: Проблемы социально-экономического и национального развития (Очерки. Статьи. Материалы). М., 2000.

¹⁰ Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996; Полуянов Н.А., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: Проблемы социально-

Экономика округа, где сельское население составляет 70%, опирается на аграрный сектор, лесозаготовки и мелкий бизнес. Поддержание и развитие этих секторов местной экономики, а особенно создание условий для их эффективного функционирования и для возникновения локальных центров роста есть важнейшая задача для политического руководства Пермского края и местных управленцев, ибо именно таким путем можно поддерживать и сохранять этническую специфику коми-пермяков. Но в Пермском крае доминирует иной подход к реализации этнополитики.

Здесь проводится огромное количество мероприятий фольклорно-фестивальной направленности, призванных продемонстрировать культурную отличительность коми-пермяков и заботу властей о поддержании их этнической специфики. Значительная часть этих мероприятий проходит в столице округа городе Кудымкаре, где ни в одной из школ не ведется преподавание коми-пермяцкого языка, где ориентации населения смещены в стороны общероссийских культурных ценностей и российской гражданской идентичности, как указано выше. Так среди коми-пермяков, проживающих в Кудымкаре, согласно данным нашего опроса 2012 г., только 10% высказались за то, чтобы все дети изучали в школах коми-пермяцкий язык, среди сельских коми-пермяков – 18,5% (в Республике Коми у коми населения эти показатели в два с лишним раза выше), гражданами своего округа себя назвали 3% городских коми-пермяков и 6,7% - сельских, а гражданами России соответственно 52% и 50%. Апофеозом этнокультурной политики в округе стало возведение нового здания драматического театра в Кудымкаре, на возведение которого было потрачено более одного миллиарда рублей, из которых часть разворовали.¹¹ При этом для не-

большого Кудымкара (35 тыс. жителей), где уже выстроен огромный Центр культуры и досуга, более актуальным было бы создание новых предприятий, приведение в порядок уличной сети, а для округа – строительство асфальтированных дорог, налаживание сотовой связи на селе, улучшение медицинского обслуживания, создание эффективных аграрных и лесных предприятий и перерабатывающих производств, что было обещано еще тогда, когда дискутировалась проблема объединения округа и Пермской области в единый субъект федерации.

Декоративный характер этнополитики в Коми округе не только не способствует решению местных проблем, но лишь усиливает процессы этнической эрозии среди коми-пермяков, усилению миграции за пределы округа и ведет к росту недовольства среди этнически ориентированной части населения, заявляющей, что интересы коми-пермяцкого населения игнорируются властями края.¹²

Наконец последний пример, касающийся положения русского поморского населения, проживающего по берегам Белого моря. В дореволюционный период власти оказывали серьезную поддержку поморским жителям, обеспечивая их льготными кредитами, спонсируя транспортное сообщение между поморскими поселениями, оказывая поддержку новым методам хозяйствования, которые обеспечивали экономическое благополучие поморов, занимавшихся рыболовным и зверобойным промыслом, торговлей, мореходством. В постсоветскую эпоху многие рыболовецкие артели и колхозы (как и архангельский траловый флот в целом) разорились, а жители поморских деревень перешли к натуральному хозяйству. Это спровоцировало прогрессирующую деградацию поселений по берегам арктических морей. При этом вместо системной и эффективной поддержки поморов, власти последовательно лишали их ресурсов для выживания. Один из самых болезненных ударов по благосостоянию поморов был нанесен в 2008 году. Тогда при участии нескольких известных деятелей россий-

экономического и национального развития (Очерки. Статьи. Материалы). М., 2000; Тишков В.А., Шабанов Ю.П. (ред.) Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», Вып. 183. М., 2005 и др.

¹¹ В Прикамье судили чиновников, строивших театр в Кудымкаре (<http://www.rg.ru/2014/01/16/reg-pfo/perm-posadili-anons.html>).

¹² Восемь лет на краю. Кто излечит коми-пермяцкую депрессию? (<http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/103928>).

ского шоу-бизнеса в Архангельске была организована шумная акция в защиту белька, которая активно освещалась федеральными телеканалами. Белек – это детеныш гренландского тюленя, промысел которого является традиционным для поморов. Продукты промысла поставлялись в последние годы в основном в Норвегию и давали относительно неплохой доход семьям жителей поморских деревень по берегам Белого моря. Если в местных сельхозартелях они зарабатывали в лучшем случае 3-4 тыс. руб. в месяц, то за полтора месяца «зверобойки» получали много больше своего годового заработка в аграрных предприятиях. Экологи ополчились именно на российских поморов, хотя объемы добычи серки (промышленяли не белька, а более взрослую особь – серку) в России значительно уступали тем объемам, что есть в Норвегии и Канаде, а ежегодные подвиги льда, ледокольные проводки убивали больше тюленей, чем добывали промысловики. Тем не менее, шумная экологическая кампания с требованием запретить промысел белька представляла поморов как нарушителей хрупкого экологического баланса на севере, как людей, стремящихся к личной наживе и готовых ради этого наносить серьезный ущерб природе. Очень быстро на данную кампанию отреагировало правительство РФ, и промысел белька официально запретили. Правда, в правительственном решении было заявлено, что поморы получают компенсации за утраченные доходы. Действительно, какие-то деньги правительством выделялись, но до адресатов они не дошли.

Помимо не обоснованного запрета на зверобойный промысел, экономическое положение отдаленных сельских поселений, где исторически проживали поморы, усугубляется еще и тем, что поморы фактически не могут заниматься рыболовным промыслом, поскольку федеральное законодательство ограничивает традиционные способы частного лова рыбы, а организованные рыбопромысловые артели получают очень ограниченные квоты на ее вылов, и в отличие от этнических групп, получивших статус «коренных народов», вынуждены платить за эти квоты весьма значительные деньги, что усугубляет экономическое положение очень

слабых рыболовецких кооперативов. Жители поморских деревень, традиционно занимающихся рыбным промыслом и привыкшие использовать рыбу в своем рационе, не отказываются от нее, а потому вынуждены заниматься браконьерством, что автоматически делает их правонарушителями и ставит в позицию конфликта с государством.

В поморских деревнях, помимо рыболовства, прежде также занимались оленеводством, и еще в советские годы в коллективных хозяйствах Мезенского района Архангельской области было довольно большое стадо оленей. Но ныне их не осталось совсем, поскольку оленеводство стало экономически невыгодным. За пользование оленями пастбищами коллективные хозяйства в постсоветское время должны платить земельный налог, который оказался неподъемным для них, а потому стада оленей были ликвидированы. Однако оленеводческие хозяйства из Ненецкого автономного округа, который граничит с Мезенским районом, стали активно пользоваться этими пастбищами, поскольку ненцы, как этническая группа, которая имеет официальный статус «коренного малочисленного народа», освобождены от платежей за землю. Более того, пастбищные угодья в Мезенском районе местными властями без согласования с населением были отданы в аренду ненецким оленеводам сроком на 45 лет, что вызвало возмущение местных жителей. *Возмущение это связано как разницей в культурных статусах поморов и ненцев, так и тем, что поморские жители убеждены, что ненцы со своими стадами наносят урон хозяйственным интересам местных жителей: олени вытаптывают места сбора ягод и грибов, сокращают кормовую базу лосей и других животных, на которых ведется охота. Возникает конфликт хозяйственных интересов, который вдобавок является еще и межнациональным конфликтом, который, правда, пока не приобрел открытую форму.*

Кроме претензий к ненецким оленеводам у жителей поморских деревень существуют и многочисленные претензии к деятельности добывающих компаний, ведущих разработку лесных угодий, добычу алмазов, разведку месторождений

бокситов, нефти. Нанесение ущерба районам традиционного природопользования и ограничение промысловой деятельности в результате прессинга со стороны государства, промышленных компаний, инородных соседей не только создает конфликтные ситуации, но и приводит к тому, что местное население все отчетливее осознает свой общий интерес, отличие своих интересов от интересов соседних культурных групп и интересов, действующих в регионе крупных компаний. Такая ситуация стимулирует процессы самоорганизации людей и активизирует поиск символических ресурсов, которые можно мобилизовать для борьбы за интересы локальных сообществ. Самой эффективной формой борьбы стало поморское движение, возникшее в начале 2000-х гг., а самым значимым символическим ресурсом является культурная отличительность поморов, их традиции и образ жизни.

Особую опасность в развитии этого движения увидели нефтяные и газовые компании, которые начинают активную экспансию в акваторию арктических морей. Дело в том, что практически всю эту акваторию можно рассматривать как территорию традиционного природопользования поморов, а значит самоорганизация поморов объективно невыгодна нефтяным гигантам (хотя очень выгодна для отстаивания позиций России в Арктике). Очевидно, что влиятельное поморское движение могло бы принудить добывающие компании делиться доходами с поморами, но главное согласовывать свою деятельность не только с федеральными чиновниками, но и с поморскими организациями, которые могут быть неуступчивыми. Поэтому на деятелей поморского движения ополчились консервативно настроенные политики и эксперты, оно фактически перестало существовать.

Оказавшись без общественной и политической поддержки поморское население, проживающее по берегам Белого и Баренцева морей уже в ближайшие годы может исчезнуть. *Произойдет «опустынивание» обширных территорий, которые являются северными рубежами России и объявлены пограничной зоной.* Если же государство не может поддержать население, проживающее на его территории, если оно не в силах окультурить и

обустроить какие-то территории, то возникают вполне обоснованные сомнения относительно суверенных прав данного государства на владение указанными территориями. Между тем, в свете нынешнего обострения борьбы за ресурсы Арктики такая ситуация категорически неприемлема.

Очевидно, что нужно не усилить давление на поморов, а оказывать им всестороннюю поддержку, о чем неоднократно говорили и журналисты и исследователи,¹³ тем более, что речь идет (в том числе) о сохранении культурного наследия Русского Севера. Особо следует подчеркнуть для символическое значение, которое имеет для общественного сознания россиян Русский Север: этот регион еще со второй половины XIX в. интеллектуальная элита страны стала рассматривать как «культурную кладовую» русского народа, как историческое ядро Российского государства.¹⁴

Все вышеперечисленные проблемы и конкретные ситуации требуют серьезного внимания институтов этнополитики, а также разработки специальных мер реагирования, за которые они несут ответственность. Но реальная практика показывает очевидную нечувствительность названных институтов к проблемам, которые находятся в сфере их прямой компетенции, что в немалой мере связано с недостаточным институциональным оформлением этнополитики, с не очень ясно обозначенными функциями этнополитических институтов, неудовлетворительным характером их кадрового обеспечения и не очень четко выстроенной системой финансирования.

Институты этнополитики. Проблема формирования моделей этнополитики,

¹³ Герасименко Олеся Мы на своей земле не хозяева//Коммерсант Власть, №23 (977),11.06.2012; Трофимов Виталий Модная борьба с поморским движением/Радио ЭХО Москвы, 6 февраля 2012. <http://echo.msk.ru/blog/ttrofimov/856254-echo>; Шабаев Ю.П. Поморская «проблема» в публичных дискуссиях: о правах и интересах «коренных» и «некоренных» групп (народов)//Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах в 2012 году. Ежегодный доклад. М., 2013.

¹⁴ Шабаев Ю.П. Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы //«Мир России». №4, 2012.

создания механизмов их реализации и институтов, которые будут формировать и совершенствовать эти механизмы стала очевидной еще в конце 1980 - начале 1990-х гг., когда на политическую арену вышли многочисленные этнополитические организации, объявившие о стремлении к «возрождению» народов, интересы которых они намеревались отстаивать. Как на федеральном, так и на региональном уровне началось формирование неких управленческих структур, сферой ответственности которых должна была быть региональная этнополитика.

В 1989 г. в структуре российского правительства был образован Государственный комитет по национальным вопросам, переименованный в 1990 г. в Государственный комитет по делам национальностей, а в 1991 г. - в Государственный комитет по национальной политике (с марта 1993 г. - Государственный комитет по делам Федерации и национальностей). В январе 1994 г. комитет был преобразован в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ). В 2001 г. Миннац был упразднен. С декабря 2001 г. по март 2004 г. Министром («без портфеля») по вопросам межнациональных отношений был В.Ю.Зорин. В 2004 г. вопросы межнациональных отношений были переданы в Министерство регионального развития Российской Федерации, в котором образован специальный департамент.¹⁵ Наконец в сентябре 2014 г. Минрегионразвития был упразднен, а функции регулирования межнациональных отношений переданы в Минкультуры, в марте 2015 г. учреждено Агентство по делам национальностей.

Аналогичные федеральным управленческим структурам этнополитики еще ранее стали появляться в российских республиках, что имеет свою логику, ибо реальная политика регулирования отношений между государством и этническими группами осуществляется именно в регионах. Так в 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете Министров Республики Карелия, в 1993 г. был

создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми, в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии и в структуре правительства Мордовии. В Республике Марий Эл, как и во многих других регионах, департамент по делам национальностей был создан в составе Министерств культуры, а само это министерство стало именоваться Министерствами культуры и по делам национальностей. В Башкирии нет специального министерства, а государственную национальную политику курирует управление общественно-политического развития администрации Главы РБ. В Адыгее этнополитической проблематикой занимается Комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ, в Кабардино-Балкарии, как и в Адыгее этнополитическое регулирование осуществляется *путем с решением других управленческих задач*, поскольку один из 4 советников Главы республики вместе с рядом других вопросов готовит и аналитические материалы, характеризующие межнациональные отношения, а в правительстве создано Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской республики, хотя такое объединение функций не является естественным, поскольку этнические организации ориентированы на узкоэтнические интересы, на демонстрацию культурной отличительности (национальной самобытности) и нередко в своих идеологических манифестах прямо противопоставляют этничность гражданству и общегосударственным интересам.

Инициатива создания государственных институтов, ответственных за этнополитику, нередко исходила от этнонациональных движений, сформировавшихся в республиках и национальных округах. В областях институты этнополитики начали возникать позднее и, как правило, не являлись самостоятельными структурами.

На пике активности этнонациональных движений в 1990-е гг. статус и значение институтов этнополитики постепенно повышался. Так в Коми Комитет по делам национальностей был преобразован в Министерство национальной политики.

---

¹⁵ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. М., 2013. С.368.

Иницирующие создание региональных институтов этнополитики этнонациональные движения и организации выступали в качестве основных контрагентов данных институтов и не случайно при Министерствах в национальных республиках и при областных администрациях стали создаваться Советы национально-культурных автономий и объединений. В Коми при Министерстве национальной политики такой совет был создан в 1997 году.

В Архангельской области, к примеру, Совет национальностей Архангельской области, объединяющий представителей 13 национально-культурных автономий был сформирован в 1999 году. Главной его целью являлась организация межкультурного диалога. Совет выступает организатором и координатором таких мероприятий и акций, как визиты официальных представителей бывших республик СССР в Архангельск, фестивали музыки композиторов зарубежных стран, национальные праздники (например, еврейский Суккот, татарский Сабантуй и др.). При его содействии в 2008 году открылся еврейский общинный центр, в 2010 году заложен первый камень под строительство синагоги, а мусульмане Архангельска добились возвращения в собственность исторического здания мечети. С 2009 года при поддержке Правительства Архангельской области проводятся Межнациональные форумы.

Но как правило, названные форумы носят сугубо декоративный, формальный характер и не оказывают влияния на общий характер межэтнических отношений, а особенно на формирование культуры повседневной толерантности. Примером может служить хотя бы факт выселения из Архангельска группы цыган, прибывших туда из Волгограда и построивших на окраине города полтора десятка домов. При поддержке тогдашнего мэра города в 2006 г. начался сбор средств на организацию выселения и была организована целая кампания, которая пользовалась поддержкой местных депутатов и населения.¹⁶

При этом институты этнополитики активно участвующие в официально одобренных акциях, самоустраиваются от участия в разрешении действительно сложных межэтнических коллизий или местных проблем, связанных с решением действительно насущных вопросов, влияющих на жизнь локальных культурных групп. Подобная ситуация во многом связана с неформальным характером компетенций и сферой ответственности институтов этнополитики.

Ссылаясь на Концепцию государственной национальной политики 1996 г. и «Стратегию», принятую в 2012 г., можно утверждать, что сфера компетенций институтов этнополитики должна быть довольно широкой. Однако практика показывает, что в зоне ответственности региональных институтов этнополитики оказалось именно взаимодействие с национальными объединениями, организация различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций, т.е. довольно узкая сфера деятельности, связанная, прежде всего, с культурным развитием и отчасти образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т.е. возникло дублирование функций управленческих структур.

Поэтому не случайно, что сами институты этнополитики часто не выделены в самостоятельные структуры, не имеют достаточных финансовых ресурсов, а в системе регионального управления четко и ясно не определена сфера компетенций и функций управленческих структур, призванных реализовывать государственную национальную политику.

Так в Архангельской области проблемами национальной политики занимается министерство по развитию местного самоуправления, курируемое заместителем губернатора по региональной политике. Хотя оно создает различные целевые программы, но не обладает ни квалифицированными кадрами в сфере этнополитики, ни достаточными финансовыми ресурсами, а его деятельность не опирается на ясную и глубоко обоснованную страте-

---

¹⁶ Шабает Ю. Архангелогородский регионализм //Бюллетень сети этнологического мониторинга и

раннего предупреждения конфликтов №65, январь-февраль 2006 г., сс. 15-16.

гию региональной национальной политики. В Ненецком автономном округе этнополитика «разорвана» между двумя ведомствами – Управлением коренных малочисленных народов севера и Управлением внутренней политики. В Пермском крае создано специальное Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, которое решает все вопросы, связанные с его развитием. Но собственно этнополитикой ведает Отдел этнокультурной политики, само название которого вполне определенно свидетельствует о довольно узкой направленности его деятельности.

В Мурманской области обеспечением защиты прав коренных малочисленных народов, проблемами их социально-экономического развития занимается с 2010 г. Комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи Мурманской области, в 2011 г. в дополнение к нему создана рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений при правительстве области., а с 2009 г. действует Совет по Коренным малочисленным народам Севера.

В Вологодской области с 2012 г. делами общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий ведает Департамент внутренней политики правительства области.

В Кировской области «развитием национальных культур» и «поддержкой национально-культурных автономий» занимается Департамент культуры.

В других российских областях, краях с институтами этнополитики (которые однозначно маркировать подобным образом не всегда корректно) ситуация сходная.

Помимо организационного многообразия институтов региональной этнополитики следует отметить еще и неустойчивость форм названных институций, о чем можно судить как по федеральным учреждениям, так и по региональным. Так, к примеру, в Коми институт этнополитики прошел сложный путь эволюции от Комитета до самостоятельного Министерства, которое в 2005 г. было упразднено, а функции руководства этнополитикой были преданы Министерству культуры, в составе которого был организован специальный отдел. Но в 2007 г. Министерство национальной политики было образовано

вновь и существует до сих пор. Республика Коми в этом отношении не одинока, поскольку институты этнополитики не отличаются устойчивой организационной структурой и в других регионах, к примеру, в Мордовии.

Организационное многообразие, неконсолидированность и неустойчивость самих институтов этнополитики часто сопровождается не только ограниченностью финансовых ресурсов, находящихся в их ведении, но еще и ограниченностью и неопределенностью их функций именно как институтов этнополитики.

К примеру, когда в 2007 г. в Коми воссоздавалось Министерство национальной политики, было утверждено новое положение о министерстве, которое определяло его функции и сферу компетенций. Стоит заметить, что к этому времени был накоплен уже довольно большой опыт региональной этнополитики, который позволял адекватно определить круг функций и задач, для решения коих региональные решили воссоздать министерство. В названном положении перечислено большое количество функций, включая технику безопасности, гражданскую оборону, награждение граждан, взаимодействие с международными организациями в сфере «национальных отношений», содействие культурно-языковой адаптации мигрантов, содействие мероприятиям, направленным на поддержку традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и т.д.¹⁷ Но как сами названные функции выглядели крайне неопределенно, так и их перечень явно не соответствовал актуальным проблемам этнополитики (международными делами, к примеру, должен заниматься российский МИД).

В то же время в числе функций отсутствовали такие важные направления деятельности как межведомственная координация в реализации государственной национальной политики, ибо очевидно, что этнополитика не может реализовываться силами и средствами одного министерства и по сути своей она является

---

¹⁷ Шабасев Ю. Чем будет заниматься новоявленный Миннац? //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов №76, ноябрь-декабрь 2007, с.65-67.

сложной комплексной задачей. Нет в числе функций и такого важного направления, как политика интеграции, связанная с осуществлением целенаправленных мер, обеспечивающих формирование общероссийской идентичности и укрепление российской *гражданской нации*, которая должна стать важнейшей составляющей в деятельности институтов этнополитики. При этом очевидно, что укрепление гражданской солидарности и гражданских ценностей объективно ведет к снижению рисков межэтнического и межконфессионального противостояния, а потому данная функция должна быть одной из ключевых в системе функциональных обязанностей институтов этнополитики. В данном конкретном случае нет и еще одной ключевой функции, связанной с анализом этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне и осуществление на основе этого анализа комплекса управленческих решений, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп. Стоит заметить, что не только в Коми, но и в других субъектах РФ функции институтов этнополитики не вполне адекватны тем задачам, которые эти институты должны решать.

Политические практики. Описанные выше конфликтные ситуации и сложные коллизии, связанные с реальными проблемами, которые напрямую затрагивают жизнедеятельность различных этнических групп, характерны еще тем, что какого-либо участия в их разрешении региональные институты этнополитики не принимали. Более того, многие названные проблемы оказались вообще вне зоны внимания данных институтов.

Тот факт, что зачастую реальные проблемы, касающиеся благополучия местных культурных сообществ, выпадают из сферы внимания региональных институтов этнополитики, отчасти связан с недостаточным уровнем профессиональной подготовки их сотрудников. Очевидно, что компенсировать этот недостаток можно за счет привлечения к деятельности данных институтов компетентных экспертов. И во многих регионах практика привлечения экспертов существует. Но проблема в том, что экспертные советы при институтах этнополитики и привлекаемые

в них эксперты не всегда способны выполнять роль независимой экспертизы, поскольку нередко формируются из активистов НКА и других этнических организаций или из ангажированных специалистов, т.е. из людей, главная забота которых - поддержание культурных отличий, а не последовательная работа на благо гражданской интеграции.

И это тоже не случайно, поскольку чиновники порой понимают этнополитику весьма узко: как официальное содействие постоянной демонстрации культурной отличительности групп (в этой связи интеграционная политика просто выпадает из их поля зрения), культурного многообразия региона. Очевидными партнерами в подобных акциях выступают этнические антрепренеры, которых не только включают в состав экспертных советов, но и инкорпорируют в институты этнополитики, в региональные властные структуры. Такая ситуация связана с устойчивым стереотипом восприятия государственной национальной политики, как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд миноритарных культурных групп или титульных этносов, именем которых названа та или иная республика. Так в программе движения «Марий ушем», принятой еще в апреле 2002 г. говорилось не только о необходимости сформировать одну из палат республиканского парламента исключительно из марийцев, но и предлагалось создать «Государственный комитет марийского народа на правах министерства со своими структурными подразделениями в городах и районах республики».¹⁸ Но не только этнические антрепренеры настаивают на том, чтобы сферой первоочередного внимания региональных властей должны становиться интересы не всех этнических групп населения того или иного региона, а только лишь избранных или «главных» народов, но и сами чиновники на местах находятся в плену этого опасного заблуждения. Так в начале 2011 г. только что вступивший в должность Главы Республики Коми В. Гайзер на представительной

¹⁸ Программа общественного объединения «Марий ушем»//Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т.1. Национальные движения Марий Эл./Автор-составитель С.М.Червоная. М., 1996, с. 227.

партконференции сделал следующее заявление: «Развитие культуры коренного народа — наш приоритет».¹⁹

Названный подход к формированию этнополитики искажает саму ее суть и не только делает ее этноцентричной, но и позволяет говорить о ее расиализации.

Кадровое и экспертное обеспечение этнополитики. Как формируются кадры институтов этнополитики? Очевидно, что кадровое обеспечение есть серьезная проблема, которая на сегодняшний день не разрешена. Начнем с того, что в такой полиэтничной и поликультурной стране, как Россия, до сих пор нет обратной системы этнокультурного и этнополитического просвещения населения. Культурное многообразие страны не находит отражение в школьных программах (хотя там есть некий региональный компонент), а казалось бы очевидная необходимость укреплять общероссийскую идентичность, гражданское сознание и гражданское согласие не привело к повсеместному внедрению в практику школьного обучения уроков граждановедения, как это имеет место во Франции.²⁰ Нет в школах и столь необходимых уроков толерантности, которые бы помогали понимать и правильно воспринимать отличия между этническими, религиозными и расовыми группами населения страны, воспринимать представителей всех культурно отличных групп именно как сограждан, а не как носителей «чуждых» культурных традиций.

Показательно, что в университетах страны, даже на факультетах гуманитарных и социальных наук, в учебной программе нет не только этнологии, но и этнополитологии, хотя в такой стране, как Россия, остро необходимо распространение этнологических и этнополитологических знаний. Даже на кафедрах политологии, этнополитические курсы значатся не как профильные дисциплины, а как курсы по выбору, хотя в последние годы подготовлено довольно много учебников этно-

политологии для высшей школы.²¹ Но очевидно, что определенным минимумом этнологических и этнополитических знаний должны обладать не только гуманитарии, но и студенты инженерных вузов и институтов, где ведется подготовка специалистов для служб социального сервиса, ибо им придется работать в сложных коллективах и взаимодействовать с представителями разных культурных традиций. В региональных академиях государственной службы ситуация аналогичная, а если там и ведут некие этнополитические курсы, то их качество вызывает сомнения.

Вышеназванные проблемы приводят к тому, что в региональных институтах этнополитики очевиден дефицит специалистов с хорошей этнологической и этнополитической подготовкой. А необеспеченность институтов этнополитики квалифицированными кадрами неизбежно ведет к тому, что этнополитика воспринимается в ее самом упрощенном вульгарном варианте, т.е. как демонстрация культурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций, главной заботой лидеров которых является сохранение культурной отличительности группы. Более того, при таком понимании этнополитики именно этнические антрепренеры и этнически ориентированные исследователи, чиновники становятся главными экспертами в области государственной национальной политики, хотя их интересы связаны не с решением задач культурной и политической интеграции российского общества и укреплением общероссийской идентичности, а с сохранением локальных и в частности этнических идентичностей, с демонстрацией культурных дистанций между этническими группами населения РФ и с использованием этничности в собственных карьерных или экономических интересах.

Во многих экспертных советах, призванных решать проблемы оптимизации межнациональных отношений, совершенствования национальной политики при-

---

¹⁹ БНКами представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России» (<http://www.bnkomi.ru/data/news/6903>).

²⁰ Филиппова Е. Территории идентичности в современной Франции. — М., 2010.

²¹ Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: наука без «периферии»//Политическая наука в России: проблемы, направления и школы (1990-2007). — М., 2008; Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины//Политическая наука. 2011, №1.

существуют этнические активисты, руководители НКА, лидеры религиозных организаций, но отсутствуют реальные, неангажированные эксперты. Более того, лидеры этнических организаций инкорпорируются во властные структуры, что еще более усиливает одностороннюю ориентацию региональных моделей этнополитики.

К чему в итоге приводит практика превращения этнических активистов в кураторов региональной этнополитики, которая довольно широко распространена?

Фактически она ведет к тому, что региональные власти оказываются в ловушке имитационной этнополитики. С одной стороны, в результате союза с этническими антрепренерами обеспечивается зависимость этнических лидеров и возглавляемых ими организаций от региональных властей и их лояльность, но с другой - административная и финансовая поддержка властей делают этнические организации органической частью политического дизайна российских регионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства (и, как следствие, на укрепление общероссийской идентичности) в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов отдельных этнических групп и их лидеров (т.е. по существу, на усиленное воспроизводство культурной отличительности и ослабление интеграционных тенденций в российском обществе). Следствием избранной тактики становится не столько политическое обуздание радикального этнонационализма, сколько этнизация региональной политики и все возрастающая нечувствительность региональных политических лидеров к этнонационализму и культурному расизму, к практике конструирования культурных границ внутри российского социума.

То же самое можно сказать и о мониторинге межэтнической напряженности, о необходимости организации которого немало написано в трудах Сети EAWARN⁴ и

особо подчеркнута в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. В ряде регионов, мониторинг проводится регулярно и с привлечением действительно квалифицированных специалистов, в других он отсутствует вовсе или осуществляется эпизодически, в некоторых он имитируется. Порой, как, к примеру, в Коми, его проведение поручается тем же самым этническим активистам или специалистам ангажированным этническими движениями, что превращает этнонациональные организации из объектов в субъекты государственной национальной политики. Этнические антрепренеры сами начинают определять интересы государства и стратегию региональной национальной политики, из которой в таких случаях как правило задачи нациестроительства и укрепления гражданской солидарности россиян просто выпадают. Неоправданные заигрывания с этническими активистами, в том числе с теми из них, кто придерживается радикальных взглядов, по свидетельствам целого ряда региональных исследователей, весьма характерно для институтов этнополитики на местах.

Финансирование этнополитики.

Деятельность институтов этнополитики с одной стороны, как мы уже подчеркнули, нередко покоится на упрощенном понимании самой сущности региональной этнополитики, а с другой - она не подкреплена защищенными финансовыми ресурсами. Если проанализировать региональные бюджеты, то статья расходов «национальная политика» просто отсутствует в них. К примеру, в Республике Мордовия Министерство национальной политики существует с 2010 г., но даже в бюджете на 2014 г. названная статья не прописана, хотя расходы на национальную политику в бюджете предусмотрены, но разнесены по другим статьям. При этом финансирование государственной национальной политики обеспечивается как местными бюджетами, так и целевым федеральным финансированием. К примеру, в Коми федеральные средства поступают на поддержку коренных малочисленных народов, хотя ижемцы, которые долгое время добиваются этого статуса, к данной группе народов формально не относятся, по приоритетным федеральным проектам - на

⁴ См. обзор: Тишков В.А., Степанов В.В. Об этнологическом мониторинге в России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2014, сс. 11 - 17.

расширение финно-угорского этнопарка, по целевой программе «Укрепление единства российской нации...».

Чаще всего, особенно в областных бюджетах, финансирование различных мероприятий, которые в принципе относятся к практике реализации этнополитики разнесено по разным статьям и не консолидированы как единая и важная статья расходов региона. Такое распыление средств свидетельствует о том, что национальная политика, во-первых, не воспринимается как одно из приоритетных направлений региональной социальной политики, а, во-вторых, о том, что довольно сложно бывает определить, какие расходы относятся к собственно к национальной политике, а какие можно и нужно отнести к статье расходов на образование, культуру и т.д. И хотя национальная политика охватывает многие сферы жизни местных сообществ, а потому подход к решению проблем этой политики должен быть комплексным, видимо, стоит выделить эту политику в отдельную статью расходов и определить конкретный перечень финансируемых из бюджета отдельных направлений и мероприятий, что позволит усилить единство этой политики и внести ясность в принципы ее финансового обеспечения. Более того, расходы на национальную политику не только должны быть консолидированы но в них необходимо выделить защищенные статьи, к которым очевидно должны относиться, расходы, связанные с мероприятиями интеграционного характера (призванными усиливать гражданскую солидарность, укреплять общероссийскую идентичность) и на укрепление культуры толерантности, но отнюдь не имитации фольклорных праздников (чаще всего фольклорные фестивали являются лишь более или менее удачной имитацией некогда имевших место традиционных праздников, песен, плясок)...

Что касается структуры расходов в рамках реализации государственной национальной политики, то и здесь есть серьезные вопросы, на которые следует обратить внимание. К примеру, если рассмотреть характер расходования средств по статье национальная политика в Республике Коми на 2014 год, то общая сумма расходов окажется довольно внуши-

тельной (даже без учета весьма значимых федеральных средств) – 100,96 млн. рублей. Но при этом «расходы на выплату персоналу в целях обеспечения выполнения функций...», т.е. финансирование деятельности самого Миннаца составляют 15 888,9 млн. рублей, а оказание государственных услуг прочими учреждениями культуры – 64 865,5 млн. рублей, что подразумевает обеспечение деятельности таких объектов как Финно-угорский этнопарк, Дом дружбы народов (включая оплату персонала), т.е. учреждений созданных и функционирующих для демонстрации культурных отличий и многообразия культур народов РФ, часто выполняющих эти функции очень условно (к примеру, этнопарк можно считать неким развлекательным центром, где проводятся различные мероприятия, в том числе и с неким «финно-угорским оттенком»).

Довольно значительная сумма (7,577 млн.) выделяется на поддержку оленеводства, но значительная часть этих средств тратится на перевозку детей оленеводов (вертолетами) из интернатов на стойбища после окончания учебного года и обратно, когда вновь начинается учебный год. Государственная поддержка национально-культурных автономий составляет 1,6 млн. рублей, а на профилактику терроризма и этнического экстремизма должно быть потрачено 428,8 тысяч. На загадочную «организацию обучения и подготовку специалистов в области межэтнических и межконфессиональных отношений» (при том, что наиболее авторитетные специалисты к этому направлению деятельности не привлекаются) должно быть направлено всего 105 тыс. рублей. При этом расходы на подготовку учебных пособий для школ, в которых бы говорилось о культурном многообразии республики и страны, предлагались методические рекомендации по организации уроков толерантности и уроков граждановедения не предусмотрены, как не предусмотрены расходы и на многие другие крайне важные для реализации государственной национальной политики РФ мероприятия, касающиеся, прежде всего, укрепления общероссийского единства и укрепления общероссийской идентичности.

Иными словами, в республике основная часть средств идет на поддержание жизнедеятельности неких организаций, а не на формирование условий для оптимизации отношений между культурными и религиозными группами, на укрепление гражданского единства, на воспитание гражданственности и культуры толерантности, т. е. на реальные приоритеты государственной национальной политики.

По идее основные направления деятельности по реализации государственной национальной политики довольно четко сформулированы в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Эти направления должны стать руководством к действию для региональных институтов этнополитики и эти же направления должны фигурировать в региональных бюджетах в рамках расходов на статью «национальная политика», т.е. каждое направление деятельности должно быть финансово обеспечено. Однако, подобной ясности и подобной логики в региональных бюджетах не наблюдается, что связано с самим пониманием этнополитики и с теми политическими практиками, о которых говорилось выше.

Анализ управленческих практик показывает, что действующие ныне региональные институты этнополитики оказываются нечувствительными к реальным проблемам, с которыми сталкиваются местные сообщества. Они не только не могут организовать эффективный мониторинг существующих конфликтных ситуаций, но и не в силах разрешить возникающие конфликты, поскольку их кадровый, административный и финансовый ресурс ограничены. Не имея реальных возможностей решать существующие проблемы, институты этнополитики пытаются продемонстрировать свою эффективность путем ориентации на наименее сложную сферу деятельности – организацию различных фольклорно-фестивальных мероприятий. Тем самым смысл национальной политики искажается. Институты, предназначенные для реализации национальной политики, становятся инструментами, которые способствуют «политизации и укреплению этниче-

ских различий».²² Они поддерживают меры, направленные не на укрепление интеграции российского общества и гражданской солидарности россиян, а вкладывают деньги в акции и мероприятия, способствующие углублению культурных границ между различными сегментами российского общества. Отсюда появляются этнические конкурсы красоты, этнические спортивные турниры, этническое искусство, этническая мода, этническая религия.

Между тем, эффективный этнополитический анализ и развитие систем этнополитического мониторинга, раннего предупреждения экстремизма и конфликтов, создание действенных механизмов гражданской интеграции и формирования общероссийской идентичности вместе с усилением прагматичного интереса властей к данным элементам политического менеджмента способны сделать этнонациональную политику действительно эффективной.⁵ В связи с созданием Агентства по делам национальностей возникает необходимость интегрировать все имеющиеся институты этнополитики в единую структуру и унифицировать их. При этом институты этнополитики в регионах должны быть самостоятельными структурами, для чего было бы полезно передавать из отделов образования и культуры небольшое количество ставок и организовать за счет этого отделы государственной национальной политики в областных администрациях. Агентство и институты региональной этнополитики должны объединяться не по принципу «бюрократической пирамиды», а как сетевая структура, где все элементы взаимодополняют друг друга и работают на основе общих принципов, преследуя общие цели и задачи. Институты этнополитики в регионах должны формироваться не как управленческие структуры (они не могут управлять этническими группами), а быть информационными центрами, цен-

²² Национализм как функция территориальной целостности (редакционная статья) // Эксперт. 30 января — 5 февраля 2012. №4 (787), с. 13.

⁵ Степанов В.В. О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014, сс. 164 – 169.

трами организации аналитической работы в сфере этнополитики и координации между ведомствами, методическими центрами, которые обеспечивают образовательные, культурные учреждения и СМИ методической поддержкой в деле формирования культуры толерантности, пропаганды идей гражданского единства россиян, идеи государственного народа — российской нации.

Для проведения аналитических исследований, осуществления мониторинга межэтнической конфликтности должны создаваться или привлекаться независимые исследовательские организации и специалисты, имеющие реальный опыт работы в качестве эксперта, не связанные с этническими организациями партнерскими узами.

Национальная политика должна быть акцентирована в региональных бюджетах, для чего следует выделить ее в самостоятельное направление бюджетных расходов и консолидировать все расходы на нее в рамках этого направления. В бюджетных расходах на нацполитику необходимо выделить защищенные статьи, к которым в первую очередь следует отнести расходы на акции, связанные с гражданской интеграцией.

Следует начать масштабную подготовку кадров государственных служащих для институтов этнополитики и широкое

этнологическое и этнополитическое просвещение населения через систему образования, СМИ и социальную рекламу. Стоит заметить, что на подготовку кадров государственных служащих уже обращено внимание властей. Правительство РФ предложило создать кафедры этнополитологии для подготовки и переподготовки кадров в органах власти на базе МГУ и СПбГУ и это предложение уже реализуется. Названные меры, безусловно, полезны, но недостаточны, ибо необходимо широкое внедрение курса этнополитологии в учебные программы вузов, требуется срочно вносить изменения в школьные программы, чтобы включить в них уроки толерантности и граждановедения, нужно выстраивать формы и методы воздействия на общественные настроения через эффективную социальную рекламу, через государственные и общественные институты.

Нужны более масштабные и энергичные усилия для реформирования как этнополитики, так и улучшения соответствующего профессионального образования и подготовки кадров.

Шабает Ю.П.

Межэтнические отношения в Карачаево-Черкесии как объект управления

В Карачаево-Черкесской Республике проживает более 80 национальностей. По Конституции Карачаево-Черкесской Республики государственными являются языки пяти народов — абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский. Этнический состав населения КЧР выглядит следующим образом: абазинцы - 7,8%; карачаевцы - 41%; ногайцы - 3,3%; русские - 31,6%; черкесы - 11,9%.¹

---

¹«Население Карачаево-Черкесской Республики» //Статистический сборник по материалам Всероссийской переписи населения 2002года. Книга 1 -

Межэтнические отношения с момента возникновения единой КЧР (до её создания шли споры о необходимости существования единой республики или этнически разделенных государственно — административных образований) являются основной сферой внимания как государственных, так и общественных институтов. До конца первого десятилетия двухтысячных

Черкесск, 2005, с.325. Сайт министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР. Раздел «Этнический состав населения Карачаево-Черкесской республики» (<http://wiki.zarinsk.ru/wiki>).

приоритетными в субъектно-управленческой сфере межэтнических отношений были общественные организации этнической направленности. Именно они определяли социальные настроения представителей своих этносов, уровень протестной активности народов, ситуационную политическую активность. В качестве примера могут выступать следующие события: политические протесты черкесского и абазинского народов в этностабильном конфликте 1999-2000 годов; выдвижение единого кандидата от всех общественных организаций на пост Президента КЧР в 2003 году; активность части карачаевского населения республики в защиту В.Семенова, проигравшего выборы М.Батдыеву и многие другие. Многочисленные социологические опросы, проводимые в КЧР с середины 1990-х годов до конца 2010 г., показывали высокий уровень узнаваемости населением республиканских общественных организаций и их лидеров. Степень узнаваемости и рейтинга важности для народов деятельности лидеров национальных общественных движений превалировали над аналогичными показателями оценки деятельности представителей государственных исполнительных и законодательных органов власти.

Ситуация кардинально изменилась с созданием Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г., которое связывалось с обеспечением межэтнической и общественно-политической стабильности в регионе. В качестве одного из параметров оценки эффективности работы руководителей субъектов РФ СКФО стала стабильность в сфере межэтнических отношений. Такая персонифицированная ответственность действительно отчасти способствовала улучшению межэтнических отношений в регионе, что позволило полпреду РФ в СКФО С. Меликову в 2014 году заявить о том, что в СКФО нет межэтнических и конфессиональных конфликтов.²

Принятие в декабре 2012 года «Стратегии государственной национальной по-

литики Российской Федерации на период до 2025 года» определило основные направления деятельности органов власти субъектов РФ в сфере межэтнических отношений. Среди целевых установок Стратегии - гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений, предусматривающая мониторинг их состояния в каждом субъекте РФ, совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации, совершенствование взаимодействия государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества.

Вектор деятельности, приоритетный для полпреда Президента РФ в СКФО – сохранение общественно – политической стабильности, межэтнического мира, обеспечение личной и общественной безопасности в республиках Северного Кавказа, остается определяющим для органов власти в КЧР. Представители федеральной власти отмечают, что КЧР – это одна из наиболее стабильных и спокойных субъектов СКФО, в которой эффективно решаются межэтнические и конфессиональные проблемы.³

В конце 2013 г. в КЧР была принята государственная программа «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике в 2014-2016 годах»,⁴ разработанная в соответствии с задачами и принципами «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В программу вошло пять подпрограмм, среди них «Профилактика терроризма и экстремизма в Карачаево-Черкесской Республике на 2014-2015 гг.» и «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Карачаево-Черкесской Республики на 2014-2016 гг.», которая выиграла кон-

² Из выступления Полномочного представителя Президента РФ в СКФО С. Меликова, сказанные на III Ставропольском форуме Всемирного русского народного собора «Глобальные вызовы – русский ответ» 26-27 ноября 2014 г.

³ Состоялась двусторонняя встреча Валентины Матвиенко с Главой Карачаево-Черкесии (<http://kchr.ru/news/detailed/17420>).

⁴ Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 31 октября 2013 г. N 363 "Об утверждении государственной программы "Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014 - 2016 годы"

курсный отбор среди субъектов РФ на предоставление субсидий в рамках реализации ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)».

В основу деятельности исполнительного органа власти, занимающегося регулированием межэтнических отношений, Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР, положены вышеназванные программы, а также Майские указы Президента РФ (в частности №602). На встрече с общественностью, проведенной 29 июля 2014 г. Черкесске, полпред в СКФО С. Меликов отметил: «Работа по укреплению межнациональных отношений в Карачаево-Черкесии ведется очень эффективно, и этот вывод напрашивается из того факта, что в регионе нет противоправных действий в этой сфере, нет проявлений пропаганды национализма, экстремизма, сепаратизма. Нет зафиксированных преступлений террористической направленности, нет преступлений в сфере межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений»⁵

Поддержание межэтнического и межконфессионального мира, наряду с решением социально – экономических проблем, является одним из основных направлений деятельности органов республиканской власти. Так как субъектами межэтнических столкновений в республике чаще всего выступает молодежь, то большая часть мероприятий направленного действия. Так, по инициативе Главы КЧР, Всероссийский день молодежи проводится в разных городах и районах республики, в 2014 году он проводился в г. Усть – Джегута; на Всекавказский форум «Машук-2014» от республики были отправлены 250 молодых людей разной национальности. В республиканских СМИ периодически выходят материалы на тему гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.⁶

---

⁵ Сергей Меликов: В Карачаево-Черкесии очень эффективно ведется работа по укреплению межнациональных отношений. 29 Июля 2014 (<http://kchr.ru/news/detailed/17722>).

⁶ Министерство КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати подвело итоги работы за минувшие полгода. 2 июля 2014 (<http://kchr.ru/news/detailed/1730>).

В 2014 г. в Карачаево-Черкесии стартовал проект «Взаимодействие некоммерческих организаций, средств массовой информации и власти в укреплении межнационального мира и согласия» республиканской молодежной общественной организации «Клуб гражданского и правового просвещения». В рамках реализации данного проекта были организованы четыре тематических семинара-тренинга для налаживания эффективного диалога между органами власти, общественными организациями и СМИ. Заключительным мероприятием станет создание общими усилиями участников социальных проектов для укрепления межнациональных отношений в республике, которые в перспективе будут участвовать в получении грантов в органах государственной власти Карачаево-Черкесии, ежегодном конкурсе государственной поддержки некоммерческих организаций Общественной палаты России.⁷

На заседании коллегии Министерства КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати в ноябре 2014 года был заслушан доклад министра Е. Кратова «О ходе реализации государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014-2016 годы». В её рамках были проведены две международные конференции, семинар-совещание по вопросу реализации государственной национальной политики в Карачаево-Черкесской Республике для должностных лиц МСУ и городских округов республики, межрегиональная конференция «Ислам и христианство в судьбах народов Карачаево-Черкесской Республики». В октябре 2014 года республику посетил Председатель ГД РФ С. Нарышкин, отметивший применимость в международной политике позитивного опыта совместного для народов КЧР преодоления проблем в сфере межэтнических отношений в условиях современных геополитических проблем.⁸

---

⁷ Для мира и согласия. – День Республики, 2014, 19 июля.

⁸ Сергей Нарышкин обсудил актуальные вопросы с законодателями Карачаево-Черкесии. 21 октября 2014. (<http://kchr.ru/news/detailed/18890>).

Активными субъектами управления межэтническими отношениями остаются общественные организации этнической направленности. Особенностью последних лет их деятельности является, во – первых, стремление к консолидации всех республиканских организаций в решении социально – политических проблем, во – вторых, их активное сотрудничество с органами власти республики, в третьих, активизация деятельности молодежных общественных организаций этнической направленности.

В КЧР создан Координационный Совет национальных общественных организаций Карачаево-Черкесии, который возглавляет лидер общественной организации «Русь» Н. Хохлачев. Он является общественным советом и создан по инициативе общественных организаций республики.

Основным вектором деятельности национальных общественных организаций в 2013-2014 годах стал этнокультурный: развитие культуры, языков, традиций народов КЧР. Так, в марте 2014 года общественные организации КЧР подписали Договор о дружбе и сотрудничестве в целях решения проблем в сфере сохранения культуры народов республики. В мае 2014г. Международное абазинско-абхазское культурно-просветительское объединение «Алашара» и Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид» в рамках соглашения о сотрудничестве нескольких национальных общественных организаций организовали совместный концерт молодых абазинских и карачаевских исполнителей для взаимообогащения культур этих народов.⁹ Развитие этнокультурного вектора в деятельности общественных организаций этнической направленности поддерживается Главой республики Р. Темрезовым, который на встрече с руководителями общественных организаций КЧР в феврале 2015 года отметил их вклад в процесс духовно-нравственного воспитания молодежи, сохранения культуры и родного

языка. Им было предложено создать в Карачаево-Черкесии народный культурный центр, где бы представители разных национальностей могли общаться, обмениваться новостями в сфере национальной культуры, презентовать выставки, устраивать творческие вечера для школьников и молодежи с представителями творческой интеллигенции народов Карачаево-Черкесии.¹⁰

Второй особенностью субъектно-управленческой деятельности в сфере межэтнических отношений в последние годы является тесная связь общественных организаций с органами власти республики. Оценивая общий уровень взаимодействия с органами власти в решении социально – политических и межэтнических проблем в КЧР, лидеры общественных организаций этнической направленности поставили самую высокую оценку таким формам взаимодействия как уровень контактов с органами власти и активному взаимодействию между собой, с авторитетными республиканскими лицами, общественными деятелями.¹¹

Активными акторами общественно – политических процессов в республике являются молодежные общественные организации. Активизация их деятельности началась в 2009-2010 годах и была связана с политической составляющей: молодежная организация «Адыгэ Хасэ» КЧР выступила с инициативой создания единой Черкесии в рамках решения т.н. «черкесского вопроса». В период подготовки и проведения Олимпиады – 2014 в Сочи молодежные общественные организации КЧР занимали активную позицию по её поддержке. В 2013 – 2014 годах основным трендом стала деполитизация их деятельности, при этом этнокультурная составляющая стала приоритетной. Так, в 2014 году общественная организация «Союз абазинской молодежи «Шарпны» разработала лингафонные курсы по изучению абазинского языка для тех, кто плохо знает или вообще не знает язык.

⁹ День республики. 29 мая 2014. (№79)

¹⁰ Р. Темрезов встретился с руководителями национальных общественных организаций (<http://www.kchr.ru/news/detailed/20033>).

¹¹ По результатам социологических опросов, проведенных в КЧР в 2013 г. Центром этнополитических исследований ИЭА РАН и Сетью этнологического мониторинга.

Общественное движение «Молодежное Адыгэ Хасэ» КЧР занималось реализацией проекта по поддержке связей молодежи КЧР с представителями черкесской диаспоры за рубежом путем интерактивного пространства; Карачаево-Черкесская региональная общественная организация «Союз карачаевской молодежи» сделала акцент на воспитание подрастающего поколения и создание Единой республиканской организации, куда будут входить представители всех национальностей республики.¹²

Еще одним значимым субъектом в сфере управления межэтническими отношениями в Карачаево-Черкесии является национальная интеллигенция: учителя, преподаватели ВУЗов, ученые, представители бизнес – сообщества, активно участвующие в общественной жизни республики. В 2014- н. 2015 годах активизировалась их деятельность в области языковой политики. В 2014 году в выступлениях на конференциях, «круглых столах», в научных статьях ими ставились проблемы сохранения и развития родных языков как приоритетных для народов КЧР. Обсуждение проблем национальных языков в настоящее время имеет вектор расширения от профессионального к общественному. Вместе с тем, языковая политика становится центральной темой в деятельности органов власти КЧР: 2015 год был объявлен Главой КЧР Р. Темрезовым Годом русского и родных языков.

Духовенство Карачаево-Черкесской Республики также является активным субъектом в сфере регулирования межэтнических отношений. Духовные лица – активные участники республиканских и региональных мероприятий, направленных на стабилизацию межэтнической и конфессиональной сферы. Так, в апреле 2014 года при поддержке Администрации Главы и Правительства КЧР, министерства КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати и Духовного управления мусульман КЧР прошла международная конференция «*Духовность как фактор межнационального согласия и укрепления единства Российской нации*». В ней приняли участие ду-

ховные лидеры из субъектов СКФО, Азербайджана, республик Адыгея и Калмыкия, представители органов государственной власти, научного и педагогического сообщества, лидеры общественных организаций. В выступлениях духовных лидеров отмечалось, что главная задача представителей всех конфессий – это сохранение межнационального согласия, а главная проблема - это экстремизм и радикализм, навязываемые извне, "импорт" в духовную сферу чуждых идей. В республиканских СМИ и интернет – сетях Глава КЧР высоко оценил значение этой конференции, рассматривая её результаты в контексте реализации ФЦП «*Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)*». 19 июня 2014 года в Малом зале Дома Правительства КЧР состоялся «круглый стол», посвященный морально-нравственному воспитанию молодежи Карачаево-Черкесии. Представители духовенства, министерств и ведомств, правоохранительных органов, члены общественных молодежных организаций отметили необходимость духовно – нравственного воспитания молодежи республики, сделал акцент на морали и религии. Благочинный православных церквей Северного Карачаево-Черкесского округа, протоиерей М.Самохин отметил, что «по импульсу, данному руководством страны и республики, на смену потребительской эре приходит эра патриотизма и равнодушия к социальным проблемам людей, живущих рядом».

Можно констатировать, что в Карачаево-Черкесской Республике расширяется субъектно-управленческая сфера межэтнических отношений, в основе эффективности которой лежит приоритет власти и реализуемых ею управленческих решений, высокий уровень взаимодействия органов власти с общественными организациями этнической направленности, деятельность духовенства и национальной интеллигенции.

Щербина Е.А.

---

¹² КЧР заботится о своей молодежи
<http://karachays.com/news/2013-11-29-1448>

Публичность идентичности этнических меньшинств в Латвии: мнения экспертов

Несмотря на то, что этнические меньшинства составляют весомую часть населения Латвии, информацию о проблемах этих групп крайне редко можно встретить в средствах массовой информации. И это касается не только изданий на латышском языке, но и на русском, который является родным, как для латвийских русских, так и подавляющего или значительного числа латвийских белорусов, украинцев, евреев, поляков и др.¹ Состоявшиеся осенью 2014 г. выборы в Сейм (парламент Латвии) также не привели к актуализации этой тематики в той части публичного пространства Латвии, которое функционирует на русском языке. Некоторые дискуссии разворачиваются на отдельных сайтах интернета,² но без привлечения видных латвийских ученых, как это раньше было в газете «Час», выходившей в Риге с 1997 по 2012 гг.

Проблемы этнических меньшинств Латвии очень часто затрагиваются в информационном пространстве Российской Федерации, и авторами статей выступают чаще всего представители русской общности из Латвии, прежде всего, состоящие в партиях «Русский союз Латвии», «За родной язык!» или близкие к этим политическим силам публицисты. Особенно таких публикаций много на интернет-порталах Regnum и «Свободная пресса».³

---

¹ Latvijas iedzīvotāju etniskais sastāvs. (2015) <http://www.csb.gov.lv/dati/latvijas-iedzivotaji-teritorialais-izvietojums-28319.html> (22. 7.2015)

² <http://imhoclub.lv/ru> (2.8.2015)

³ Например: Линдерман В. (2015) Сможет ли телевизионная пропаганда ЕС уничтожить русских в Европе?

<http://regnum.ru/news/polit/1883635.html> (13.01.2015); Линдерман В. (2015) Предчувствие гибридной войны.

<http://svpressa.ru/war21/article/116278/>

(21.3.2015); Гапоненко: Монополизировать День Победы недопустимо (Латвия). (2012)

<http://regnum.ru/news/1529212.html> (10.05.2012); Виктор Гуцин:

Партия «Согласие» в большей степени придерживается либерального подхода к правам этнических меньшинств на сохранение своей идентичности как проявлению индивидуальных прав человека. «Русский союз Латвии» недвусмысленно ориентируется на коммунитаристские ценности, стремится защищать права этнических меньшинств в основном как права «русской общины». Политическое влияние этих партий на этнические меньшинства, прежде всего, на граждан Латвии, отражено в особенностях электорального поведения с начала 1990-х гг., когда активно действовали предшественницы этих партий. Примерно до начала 2000-х гг. влияние этих партий на электоральное поведение этнических меньшинств было примерно одинаково. Это было связано с тем, что лидеры этих партий активно поднимали одни и те же вопросы, актуальные для большинства русского населения и других этнических меньшинств – факт массового безгражданства, перспективы образования на родном, прежде всего, русском языке. С середины первого десятилетия 2000-х гг. ситуация стала меняться. Либеральная идеология «Партии народного согласия», а затем и Социал-демократической партии «Согласие» стала заметно популярнее коммунитаристского подхода, предлагавшегося «Равноправием», а затем «Русским союзом Латвии». В трех последних парламентских выборах с 2010 г. «Согласие» вместе с некоторой поддержкой Социалистической партии Латвии становится монополистом в Сейме в выражении интересов этнических меньшинств (а «Русский союз» в этих выборах выступил крайне неудачно и не смог войти в парламент), причем в двух последних составов

Русская Атмода: движение за отмену "школьной реформы" в Латвии. (2010)

<http://m.regnum.ru/news/polit/1250457.html> (5.2.2010)

Сейма стала самой большой фракцией латвийского парламента.

Можно назвать следующие причины изменения в электоральном поведении этнических меньшинств Латвии. Прежде всего, это результаты начатого в 1995 г. процесса натурализации, который привел к увеличению числа граждан Латвии на 142 тыс. человек в основном из представителей этнических меньшинств. В 2014 г. число неграждан Латвии составляла 277 тыс. человек, или 12.7% всего населения страны. В то время, как в середине 1990-х таковых было 730 тыс. (29% населения Латвии).⁴ На сокращение общего числа неграждан сильно влияет и депопуляция, из-за которой численность этнических меньшинств к 2015 г. по сравнению с 1989 г. упала более, чем на полмиллиона человек (на 40%, с 1 279 тыс. до 772 тыс.).⁵

Острейшая проблема наличия большой доли неграждан среди этнических меньшинств существенно утратила свою актуальность. Тем самым привычная политическая цель «Русского союза Латвии» и его предшественницы партии «Равноправие» как преодоление массового безгражданства, теряет ценность в общественном сознании. В значительной степени авторитет этой партии в середине первого десятилетия 2000-х годов был связан с ее поддержкой с массовых акций протеста русского населения в отношении планов правительства перевести школьное образование этнических меньшинств в основном на латышский язык обучения.⁶ Спад протестного движения вследствие найденного компромисса с правительством в школьном образовании этнических меньшинств (60% предметов преподаются латышски, а 40% - на языках этнических меньшинств) снизил запрос и на политическую партию, образ которой устойчиво связывается с неконвенциональным политическим поведением.

⁴ Pilsonešas un valodas politika Latvijā. (2015) <http://www.mfa.gov.lv/arpolitika/sabiedribas-integracija-latvija/pilsoniba-latvija/pilsonibas-likums> (22.07.2015)

⁵ Подсчитано по: Latvijas demogrāfija. (2015) https://lv.wikipedia.org/wiki/Latvijas_demogrāfija (27.07.2015)

⁶ Исход массовых акций 2004. (2015) http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru &mode=party&submode=history&page_id=512 (27.07.2015)

Руководство партии «Согласие» всегда считало крайне важным участие в правительственной коалиции. Причем за это «Согласие» подвергалось критике со стороны «Русского союза», считавшего, что эта партия пренебрежительно относится к решению «русских вопросов». ⁷ Хотя «Согласие» так и не смогло никогда получить приглашение в правительственную коалицию, но в 2009-м и 2013-м году смогло выиграть муниципальные выборы в Риге. Этот факт двукратного избрания Н. Ушакова мэром латвийской столицы позитивно влияет на образ «Согласия» как партии, способной к крупным политическим и управленческим успехам.

Но, несмотря на то, что партия «Русский союз Латвии» в последнее время потеряла поддержку избирателей на парламентских выборах, интерес русского населения к защите его коллективной этнокультурной идентичности никуда не пропал. Материалы социологических исследований также говорят о том, что этнические меньшинства Латвии не склонны противопоставлять либеральные и коммуитаристские ценности для защиты своей идентичности: им важна и солидарность с представителями «своих» этнических групп, и стремление к успешной индивидуальной самореализации в различных сферах латвийского общества. ⁸ То, что у русского населения Латвии ориентация на партию «Согласие» с ее установками на социал-демократические и либеральные ценности сочетается со стремлением защитить свою коллективную этнокультурную идентичность, показывают знаковые события в современной общественно-политической жизни Латвии. Наиболее ярким из них было проведение в 2012 году референдума о присвоении русскому языку статуса второго государственного в ответ на сбор подписей националистической партией Национальное объединение «Все Латвии!» – «Отечеству и Свободе/ДННЛ» за изменение Конституции, предусматривавших преподавание

⁷ Первый раскол ЗаПЧЕЛ – предательство Партии Народного Согласия. (2015) http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru&mode=party&submode=history&page_id=111 (22.07.2015)

⁸ Волков В. В. Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств. *Социологические исследования*. №4 (336), 2012, сс. 54-63.

во всех государственных и муниципальных школах только на латышском языке. За предоставление такого статуса проголосовало 24.9% принявших участие в голосовании (273.4 тыс.), что примерно соответствует доле этнических меньшинств среди латвийских граждан.⁹

В марте-мае 2015 г. автор статьи провел опрос известных представителей общественно-политической жизни латвийских этнических меньшинств. В опросе приняло участие 16 экспертов – лидеров общественных организаций этнических меньшинств (3), депутата 12-го Сейма (1), депутатов предшествующих Сеймов, не избранных в 12 Сейм (3), представителей руководства других политических партий (2), ученых, активно выступающих в печати по проблемам этнических меньшинств (2), представителей редакционных коллегий латвийских газет, издающихся на русском языке (2), обозначивших свою активность исключительно как журналист и публицист (3). При этом публицистическая деятельность, связанная с освещением жизни латвийских этнических меньшинств, характерна для всех респондентов. Одинадцать респондентов связаны с проблематикой этнических меньшинств свыше 20 лет, трое – более 10 лет и двое – более 5 лет.¹⁰ Цель исследования состояла в выяснении позиции экспертов о желательности акцентирования проблематики этнических меньшинств, прежде всего, латвийских русских, в публичном пространстве стране, в ее общественно-политическом дискурсе. Актуальность цели опроса исходила из необходимости проинтерпретировать факт практически полного отсутствия дискуссий по пробле-

мам этнических меньшинств в современном публичном сознании представителей этнических меньшинств, которые многие годы, были заметным событием в Латвии.

Взгляды опрошенных экспертов разделились примерно поровну по вопросу о необходимости обсуждения в публичном пространстве проблематики этнических меньшинств. Причем такое разделение соответствует различиям в длительной общественной и политической позиции этих экспертов об этнических меньшинствах в латвийском обществе. Можно выделить следующие объективные факторы, которые, по мнению экспертов оказывают самое существенное влияние на присутствие и глубину тематики, связанной с этническими меньшинствами в той части публичного пространства Латвии, которая функционирует на русском языке. Во-первых, – это объективная эволюция латвийской этнополитики с 1991 года, которая все больше интегрируется в европейские модели идентичности этнических меньшинств как проявления общенациональной идентичности и стремления минимизировать конфликтный потенциал идентичностей этнонационального большинства и этнических меньшинств применением принципов либеральной представительной демократии. Приверженцы этого принципа увязывают необходимость публичного обсуждения проблематики этнических меньшинств исключительно с наличием реальных возможностей для повышения статуса этой идентичности этих групп населения. Ценность же дискуссий сама по себе этими экспертами отвергается. Представители партий «Русский союз Латвии» и «За родной язык!» в целом не считают, что дискуссии следует прекратить даже с учетом факта интеграции Латвии в ЕС. В некоторой степени это связано с тем, что «Согласие» значительно более глубоко, чем другие партии, ориентированные на русское население, интегрировано в политическую систему Латвии.

Один из экспертов отметил позитивную эволюцию латвийской этнополитики по сравнению с периодом 1990-х годов: *«Сейчас наше время нельзя сравнить с 90-ми годами. Те годы был просто кошмар. Тогда просто ломались судьбы людей. Мы занимались этой проблемати-*

⁹ Valodas referendums: CVK apstiprina referendumu zīmes jautājuma jauno formulējumu. (2015) <http://www.Delfi> (22.07.2015); Parakstu vākšana par grozījumiem Satversmē notiks no 11.maija līdz 9.jūnijam. (2015) <http://www.cvk.lv> (22.07.2015); 2012. gada referendums par grozījumiem Satversmē. (2015) https://lv.wikipedia.org/wiki/2012._gada_referendums_par_grozījumiem_Satversmē (22.07.2015).

¹⁰ Принятые обозначения: ОО – лидер общественной организации; ЛП – лидеры партии или член руководства партии, ДС – депутат 12-го Сейма; ДПС – депутаты прежних составов Сейма; Ж – журналисты; РК – члены редколлегии газеты «Вести Сегодня».

кой очень плотно. Сегодня такие открытые нарушения по этническому принципу, наверное, есть, но их очень мало. Сейчас, чаще всего это нарушения прав, которые связаны с выживанием человека. Об этом мы пишем.» (РК)

Депутат Сейма от «Согласия» открыто признался, что его интересует включение в какие-либо дискуссии только в том случае, если в парламенте появляются законодательные инициативы, касающиеся этнополитики: «Ситуация стабилизировалась. Всплеск интереса к этим вопросам происходит, когда возникают новые законодательные инициативы.» (ДС)

Один из экспертов считает, что русские люди в Латвии стали более замыкаться в вопросах своей частной жизни, полагая, что он не может влиять на политику. На это влияет и геополитический контекст, а также психологическое стремление изолироваться от ксенофобии: «У меня такое ощущение, что в основе лежит некая апатия русскоязычного меньшинства, которое разуверилось в каких-то правовых возможностях изменить свой статус, повлиять на процессы, связанные с дискриминацией. Люди ушли в свой собственный мирок. Они понимают, что рассчитывать можно только на себя, а не на партии, ни на газеты, ни на политиков. Надо что-то такое предпринять, чтобы семья выжила.» (РК)

Один из лидеров русской общественной организации считает, что существует запрос власти на замалчивание проблем этнических меньшинств в Латвии: «Тенденция устрашающая. Тут нас переиграла в плане того, что в Министерствах культуры и юстиции люди, которые жестко обозначили позиции места этнических меньшинств в государстве. Нет людей, которые артикулируют идеи защиты этнических меньшинств достойно, интеллигентно.» (ОО)

Важно указать на политическую и идейную эволюцию в среде этнических меньшинств Латвии и, прежде всего, русского населения. К нынешнему времени явно обозначились такие характерные признаки, как ориентация большей части русскоязычных граждан на ценности либеральной мультикультурной демократии,

которая предполагает фиксацию идентичностей этнических меньшинств как одного из проявлений целостной идентичности личности и которые защищаются современным европейским законодательством как проявление одного из универсальных прав человека. Потребность обсуждения проблематики этнических меньшинств проявилась в высказываниях тех экспертов, которые считают важным подчеркнуть именно коллективный характер идентичности этих групп. В основном это характерно для представителей «Русского союза Латвии» и «За родной язык!». Эти эксперты полагают, что коллективная этническая идентичность русского населения Латвии имеет большее значение, по сравнению с общей национально-гражданской идентичностью, которая могла бы объединить как латышей, так и этнические меньшинства. Более того, эксперты считают важным признать факт латвийской «двуобщинности»: «Мне не нравится термин «национальные меньшинства», потому что есть проблемы у русскоязычного населения Латвии. Латвия – это двуобщинное государство, и есть проблемы второй общины.» (Ж)

Те эксперты, кто организует и активно участвует в различных общественных и политических акциях, акцентирующих идентичность русского этнического меньшинства, считают проблематику коллективной этнической идентичности русских в Латвии актуальной: «Проблематика латвийских русских, на мой взгляд, никуда не ушла. Наоборот, тема с каждым годом становится все острее. Был референдум, в конце концов, который продемонстрировал, что эта проблематика никуда не ушла. Почти 300 тысяч человек проголосовали за русский язык как второй государственный.» (ЛП)

Эксперт, не состоящий в «Согласии», все же считает прагматически верной позицию этой партии, которая способна предложить русским молодым латвийцам путь инкорпорации в латвийское общество, не акцентируя свою русскую коллективную идентичность: «Фигура Ушакова – она очень значима. Она пользуется поддержкой и даже любовью у поколения его ровесников. Ушаков ассоциируется с прагматизмом. Люди понимают, что войдя в какое-то ядро «Согласия», мож-

но получить то, ради чего идут в политику. Эта политика дает свои плоды... отдельным личностям. Они поставили на индивидуализм, а не на коллективную идентичность. И они правы.» (Ж)

Следует сказать и о наиболее ярком факторе политической институционализации идентичности этнических меньшинств, прежде всего, русских граждан Латвии, представленном в партии «Согласие», которая использует проблематику этнических меньшинств, исходя из ситуации. Эта партия фактически монополизировала возможности выражать интересы русских граждан на национальном уровне, влияющая на часть СМИ в Латвии, функционирующие на русском языке. При существовании партийного размежевания в среде русского населения Латвии, среди экспертов проявилась различная оценка способности «Согласия», используя собственный «властный ресурс» на своих избирателей, на некоторые СМИ, общественные организации, ориентирующиеся в основном на этнические меньшинства, а также механизмы представительной демократии, выражать и защищать идентичность русского меньшинства Латвии: *«Должен подтвердить, что «Согласие» полностью исключило все этнические вопросы из своих программных установок. Если раньше спорили, чтобы найти истину, получить очки в политической борьбе, то после окончания периода борьбы «Равноправия» и «Согласия» все, что касается этнического вопроса, стало рычагом воздействия партий на избирателя.»* (ДПС)

В этом смысле присутствие «Согласия» в общественно-политической жизни этнических меньшинств настолько ощутимо, что для экспертов даже вызывает затруднение ответ на вопрос, кто реально является инициатором существующего характера дискурса по проблематике этнических меньшинств – само общество, позиции популярных в среде этнических меньшинств СМИ, прежде всего, газеты «Вести Сегодня» или же политическая позиция этой партии: *«Интересно ... то ли позиция «Согласия» влияет на позицию электората, на позицию газеты, или позиция электората влияет на позицию газеты и «Согласия.»* (РК)

Эксперты видят изменение позиции «Согласия», которое приближает эту партию к «латышским». Но эта партия в сознании латвийцев ассоциируется, все же, с политической силой, которая выражает интересы этнических меньшинств и за которую в основном на парламентских и муниципальных выборах голосует именно эта часть латвийского общества. Сами представители «Согласия», включая депутата Сейма, считают для партии важным перестать позиционироваться в глазах общества в качестве «партии одного вопроса» и обратиться к более широким экономическим и социальным проблемам. При этом партия сохраняет приверженность решению проблем этнических меньшинств: *«Но, это ни в коей мере не означает, что мы отказались от первоначальных установок по отношению к проблемам этнических меньшинств.»* (ДС)

Один из экспертов понимает тактический ход «Согласия», считая, что по принципиальным вопросам эта партия выражает интересы русского меньшинства: *«Я понимаю, что концепция «Согласия» сводится к тому, чтобы максимально создавать единое гражданское пространство, не деля его на группы. Но нравится ли это самой этой партии, в общественном сознании она зафиксирована как русская партия.»* (ОО)

Напомни и о сокращении материальных и кадровых ресурсов самих латвийских СМИ, которые функционируют на русском языке, вырабатывать самостоятельную от влияния политических и коммерческих интересов позицию по этим вопросам: *«У нас остается все меньше журналистских сил, чтобы отслеживать такую информацию. С журналистикой в целом происходит следующее: у нас рынок отнюдь не растет. Соответственно приток новых сил происходит в очень ограниченном количестве. У нас кризис кадров.»* (РК) *«В течение 2000-х годов влияние русской прессы постепенно уменьшалось. По экономическим причинам, причинам маргинализации. Одновременно происходит резкий рост влияния российских СМИ, то чего раньше не было. Они качественные, своей мощью, современностью забили местные СМИ.»* (ДПС)

Один из респондентов, согласившись в целом со снижением внимания СМИ к проблематике этнических меньшинств, считает, что общая причина – это слабая социально-профессиональная дифференциация интеллектуальных ресурсов «русской общины». Эти изменения привели к тому, что многие активно писавшие по «русским вопросам» в 1990-е годы журналисты стали депутатами Сейма, что предполагает изменение их публичного поведения: «Я согласна, что те люди, которые активно писали в 1990-е годы, а сейчас ушли в политику. Они понимают, что сказанное слово может им дорого стоить. Может, они понимают, что иногда стоит помолчать.» (Ж)

Важно учитывать факторы новейшей политической истории Латвии и, прежде всего, проведение референдума о присвоении русскому языку статуса второго государственного. Один из видных депутатов Сейма от партии «Согласие», длительное время писавший по вопросам этнополитики, признался в слабости позиции этой партии на референдуме: «Качать лодку – это плохо. Например, этот языковой референдум. Ситуация с референдумом развивалась по законам чисто пиаровским. Там наша позиция была достаточно слабой, но последовательной. Понятно, что продвигать идею языков национальных меньшинств невозможно было так же успешно, как идею двух государственных языков.» (ДС)

Схожее мнение выразил общественный деятель, входящий в Консультатив-

ный совет по делам национальных меньшинств при Президенте Латвии: «Это была грубая ошибка, которая испортила многое. Он открыл назад нашу позицию, обострил национальный вопрос. Референдум – это был последний момент, когда русские люди высказались о своей боли. И чиновники из этого не сделали никаких выводов.» (ОО)

Как видно, важность присутствия проблематики этнических меньшинств в публичном пространстве Латвии непосредственно зависит от мнения экспертов о важности сохранения коллективной этнокультурной идентичности этих групп населения. Во многом различия подходов к этому зафиксированы в практиках политических партий. Сторонники Социал-демократической партии «Согласия» уверены, что реализация либеральных ценностей по отношению к этническим меньшинствам сможет сохранить идентичность этих групп населения в латвийском государстве. При этом остается открытым вопрос, который практически не дискутируется в Латвии, можно ли полагаться на либеральный принцип сохранения идентичности этнических меньшинств и при этом игнорировать коллективную этнокультурную идентичность этих групп населения.

Волков В.В.,
доктор социологии, ведущий исследователь
Института философии и социологии
Латвийского Университета, Латвия

Сложные этнические и языковые идентичности: проблемы измерения

Исследования последних лет показали, что сложные этнические самоидентификации, выбор не одного, а двух и даже более родных языков выходят за рамки исключительности, все более становясь

отражением реально существующих явлений.¹ Нельзя утверждать, что эти про-

¹ Степанов В.В. Механизм переписи: баланс бюрократического и научного мышления // Антропология социальных перемен. - М.: РОССПЭН, 2011, сс. 632 – 654; Степанов В.В. Российская перепись 2002

цессы оцениваются только положительно, дискуссии еще не закончены². Но все-таки трудно не согласиться с мнением Э. Хобсбаума, отмечавшего, что «представление об одной единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Ментальные идентичности человека – это не ботинки, которые мы можем носить одновременно только одну пару. Мы многомерные личности»³. Потенциальные возможности для подобных многомерных самоидентификаций замерялась статистически и в советский период при проведении переписей населения. Мы имеем в виду выбор родного языка гражданами страны, отличного от «своей» национальной (этнической) принадлежности. Сложная этническая идентичность, которая в большинстве случаев может включать «горизонтальные» сочетания (русский и чуваш, мордвин и русский, татарин и чуваш и т.п.), переписями не фиксируется и такие ответы в переписных листах не предусматри-

вались, хотя неоднократные попытки со стороны специалистов Института этнологии и антропологии РАН предпринимались (Тишков В.А., Степанов В.В., Зорин В.Ю.).⁴ Если вести речь о языках, то вначале отметим, что В.А. Тишков приводит таблицу формулировок вопросов, которые применялись в переписях населения с 1897 по 1989 г., для выявления родного языка, а также разъяснений о том, что следует понимать под ним. Начиная с переписи 1939 г., в разъяснениях отмечалось, что «родной язык может не совпадать с национальностью»⁵. Приведем конкретные примеры «разрывов» между этнической принадлежностью граждан и их родными языками, опираясь на данные советских переписей населения 1970, 1979 и 1989 г. Речь пойдет о ряде народов Поволжья и Приуралья: башкирах, марийцах, мордве, татарах и чувашах, проживавших в Российской Федерации. Предварительно отметим, что при определении родного языка переписчик не фиксировал уровень владения им, хотя в инструкциях с 1959 г. отмечалось, что если опрашиваемый затрудняется определить свой родной язык, то следует записывать тот язык, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье⁶. Подобная формулировка не исключала заметного влияния на фиксацию в качестве родного того языка, который совпадал с национальной принадлежностью, хотя уровень владения им мог быть не самым высоким из всех языков, которыми переписываемый человек мог в различной степени владеть.

В целом, по данным трех переписей населения названия этнической принадлежности и родного языка в абсолютном

года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, N 145 / Тишков В.А. (ответ. ред.), Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. - М.: ИЭА РАН, 2001.

² Например, о различных точках зрения на роль и место языка в качестве маркера культурных границ см., например: Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос, 2005. № 4. С. 116–124; Шлее Г. Управление конфликтами. М., 2004. С. 107–113; Хабенская Е.О. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1

(<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/7>), сс. 91–92; Габдрахманова Г.Ф. Этничность, язык, образование. Политический и практический опыт постсоветского Татарстана // Казанский федералист. 2006. №

⁴ (<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/5>), с. 52; Снитко Е.С., Маймакова А. Д. Понятие родного языка и его интерпретация в современной лингвистике (<http://zheltydom.narod.ru/linguistics/txt/0001.htm>) и др. О проблемах искусственных конструкций, в которых родной язык является индикатором национальностей см.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003, сс. 208–222.

³ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, 2005. № 4, с. 50.

⁴ Степанов В.В. Российская микроперепись 2015 года: технические проблемы и политический акцент // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014, сс. 303 – 307.

⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу... сс. 215–216; Тишков В., Степанов В. Вопросы о национальности и языке при Всероссийской переписи населения 2010 года // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N85 / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. - М.: ИЭА РАН, 2009, сс. 11 – 15.

⁶ Там же.

большинстве случаев совпадали у разных народов.

Одновременно, за 20 межпереписных лет доли марийцев, мордвы и чувашей, проживавших на всей территории Российской Федерации и для которых родным языком был язык «своей» национальности, сократились практически на 10 процентных пунктов в пользу русского языка, у башкир и татар подобные изменения оказались не такими заметными, но значимыми. В трех автономных республиках доли народов, избравших в 1979 и 1989 гг. родные языки, совпадающие с названием национальностей, оказались на 7–11 процентных пунктов выше, чем в целом по России и настолько же снизилась в данном значении доля русского языка (Марийская, Татарская и Чувашская автономии). У башкир, проживающих в Башкирии и в целом в РСФСР, показатели отличались не так заметно. Самой значимой разницей оказалась у мордвы из Мордовской АССР и проживающей в целом в России.

Для нас важным является сам факт, когда в качестве родного выбирается язык, не совпадающий со «своей» национальностью, и чаще всего альтернативой был русский, за исключением случая с Башкирией и башкирами во всей России. Но это тема отдельного обсуждения, тем более, что на причины подобного своеобразия внимание уже обращалось⁷.

В ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. опрашиваемым гражданам задавался не только вопрос о родном языке, но и о владении языками. Рассмотрим полученные данные применительно к названным народам России, как в целом по стране, так и по отдельным республикам.

За 21 год, прошедший со времени переписи 1989 г., и в России в целом, и в отмеченных республиках возросла доля лиц, которые в качестве родного назвали русский язык с соответствующим уменьшением удельного веса тех граждан, которые считали, что название их родного

языка совпадает с названием «титульного» народа. Более заметными эти процессы были в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках, и не такими интенсивными – в Башкирской и Татарской республиках. Сопоставление сведений о родном языке с данными о владении языками выявляет практически общую тенденцию – доли граждан, представляющих «титульные» национальности с соответствующим родным языком практически всегда больше, чем доли тех, кто этими языками владеет. Исключением является ЧР, в которой среди чувашей, отвечавших на эти два вопроса, доля владевших языком оказалась чуть выше избравших его в качестве родного.

Отметим еще одну особенность взаимодействия этнической и языковой идентичностей. В Республике Марий Эл часть населения идентифицировала себя как «горные марийцы», в Мордовии имеются группы мордвы–эрзя и мордвы–мокша. Судя по данным переписи, для горных марийцев владение горномарийским языком является важнейшим атрибутом этнической идентичности: среди них заявили о владении им 93,4%. В составе мордвы–эрзя соответствующим языком владели чуть менее двух третей (64,5%) данной этнической группы, а среди мордвы–мокши владеющих мокшанским языком оказалось только 10,2%. В то же время в качестве родных языков были названы следующие: у горных марийцев это были горномарийский (92,9%), русский (4,2%), марийский (2,9%). У мордвы–эрзя: эрзянский (62,3%), мордовский (30,6%), русский (7,0%). Представители мордвы–мокши ответили на вопрос о родном языке следующим образом: мокшанский – 32,9%, мордовский – 46,6% и русский – 20,3%. В то же время следует обратить внимание и на обратные зависимости. Речь идет о том, что среди тех жителей Республики Марий Эл, кто в ходе переписи причислил себя к марийцам, 7,7% родным языком назвали горномарийским, а среди мордвы – 10,1% указали на эрзянский язык как на родной⁸.

Подобные примеры опять же свидетельствуют о том, что в реальных ситуациях родной язык, и тем более уровень

⁷ См., Габдрафиков И., Баймухаметова Г. Республика Башкортостан // На пути к переписи. М., 2003. С. 65–100; Габдрафиков И. Между молотом и наковальней. Легко ли быть западным башкиром в Башкортостане // Халык ихтыяры – Воля народа. 2005. 5–11 декабря 2005, с. 3.

⁸ Рассчитано по тем же данным.

владения им, и этническая идентичность не являются жестко связанными. При этом мы отдаем себе отчет, что еще в значительной мере стремление отдать предпочтение только одной этнической идентичности и одному родному языку определяется сложившимися стереотипами, традициями, представлениями о том, что у человека может быть только одна национальность и один родной язык, совпадающий с этой национальностью, деятельностью в таком направлении этнических активистов.⁹ В то же время приведенные материалы свидетельствуют о том, что остается достаточно обширное поле для сложных идентичностей, которые выявляются в ходе различных опросов населения, социолингвистических и этнографических наблюдений. Постепенно меняются в этом отношении и позиции самих граждан. Например, по материалам всероссийского опроса, проведенного в конце первого десятилетия XXI столетия ИЭА РАН, 42% респондентов отметили, что человек может безусловно или в некоторых случаях иметь две и более национальности. Чуть менее половины (48%) ответили на этот вопрос отрицательно и еще 10% затруднились высказать определенное мнение¹⁰. При этом следует подчеркнуть, что относительная новизна проблемы, отсутствие выверенных методик измерения приводят к результатам, отличающихся друг от друга в значительной мере. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к материалам ряда опросов населения в Чувашии, в ходе которых у респондентов в той или иной форме выяснялось их отношение к определению собственной национальности и родного языка.

В 2011 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук (далее ЧГИГН) по заданию Минобразования Чувашии был проведен опрос 400 старшеклассников республики. Молодым людям задавались вопросы и об их родном языке и национальности. Формулировки содержали подсказки о возможности вы-

бора и были следующими: «Какой язык Вы считаете своим родным языком? (возможны несколько ответов)». Далее перечислялось несколько языков, наиболее употребительных в Чувашии. Выявление этнической принадлежности осуществлялось с помощью вопроса «Национальность? (возможны несколько ответов)» с дальнейшим перечислением таких национальностей, как чуваш, русский, татарин, мордвин. Для иных национальностей был вариант «другие». Результаты опроса показали, что для молодежи проблема сложных идентичностей не является серьезной, хотя большинство придерживались «традиционного» выбора. Тем не менее, 17,9% опрошиваемых посчитали, что с точки зрения этнической идентичности они являются как чувашами, так и русскими. В 2 раза большей (36,3%) оказалась доля тех, кто заявил о двух родных языках – русском и чувашском. Сразу же отметим, что и в дальнейших примерах наблюдается подобный выбор: сложные этнические идентичности составляет сочетание принадлежностей к русским и чувашам, что вполне объяснимо, поскольку вместе они составляют более 94% населения республики. Также следует отметить, что доля опрошиваемых, избравших два родных языка заметно превосходит долю респондентов со сложной этнической идентичностью. Стремление сохранить «свою» национальность оказывается значимее, чем выбор не одного и двух (в очень редких случаях трех) родных языков. Реальная языковая ситуация, коммуникативные проблемы действуют в этом случае эффективнее.

В 2012 г. сотрудники ЧГИН участвовали в рамках реализации Всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России» провели опрос 1000 человек старше 18 лет. В его ходе задавались следующие вопросы: «Ваша национальность (можно назвать не одну, а несколько национальностей)» и «Какой язык для Вас является родным (можно назвать не один язык, а несколько)». Перечня возможных ответов ни в первом, ни во втором случае не было. Опрос всего населения старше 18 лет показал, что оно с точки зрения выбора сложных этнических идентичностей и нескольких родных языков более консервативно, чем школьники. Среди респондентов оказалось 5,6%, посчитавших, что они должны заявить о себе как о представителях двух национальностей. Понятно, что в абсолютном большинстве они выбирали сочетание чуваш

⁹ См. подробнее фундаментальный коллективный труд: Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. - М.: ИЭА РАН, 2011.

¹⁰ Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. – М.: Наука, 2011, с. 52.

и русский (71,4% от всех приверженцев сложной идентичности), но были и другие варианты: чуваш и эрзя, татарин и русский, украинец и русский, чуваш и сувар, мордвин и русский. Доля лиц, выбравших сложную этническую идентичность, чаще встречается в городах, в 2012 г. она составляла около 85% от всей совокупности таких респондентов (доля горожан во всем массиве составила 58,5%). Материалы 2012 г. дают возможность получить распределение по возрастам тех респондентов, кто выбрал сложную этническую идентичность, а именно «чувашско-русскую». При этом следует иметь в виду, что их абсолютная численность невелика (40 чел.), поэтому детальные выводы преждевременны. Из материалов следует, что выбор сложной этнической идентичности в незначительной мере определяется возрастом респондентов. Среди тех, кому исполнилось 18–44 лет, доля лиц, выбравших сложную идентичность, на 2–5% опережает удельный вес этих возрастных когорт в общем объеме выборки, а среди тех, кому исполнилось 45 лет и более, она примерно на 10% меньше. Иначе говоря, молодежь настроена в большей степени к выбору сложной (чаще всего двойной) этнической принадлежности

Если говорить о выборе родных языков, то у 19,7% таковыми оказались чувашский и русский языки и у 0,6% – татарский и русский.

В 2013 г. ЧГИН провел мониторинговое исследование по проблеме этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Опрашивалось 600 взрослых жителей республики в возрасте от 18 лет. Вопросы о национальности и родном языке респондентов были сформулированы следующим образом: «Ваша национальность (можно назвать не одну, а несколько национальностей, например чуваш и русский, русский и мордвин, татарин и чуваш и т.д.)»; Ваш родной язык (можно назвать не один, а несколько языков, например чувашский и русский; русский и мордовский и др.). Были получены следующие результаты: сложную этническую идентичность предпочли 13,3% респондентов, и все они ответили, что они являются одновременно и русскими, и чувашами. В выборе родных языков опрашиваемые оказались разнообразнее, хотя абсолют-

но преобладало сочетание русского и чувашского языков (21,3%). Кроме того встречались варианты «русский и татарский» (1%), «русский и удмуртский», «русский, чувашский, мордовский», «русский и армянский», «русский и мордовский» (по 0,2% каждый из отмеченных вариантов).

В этом же году в Чебоксарах по проекту Сети этнологического мониторинга проводился опрос 200 жителей, в ходе которого задавались вопросы о родном языке и национальности респондентов. Формулировки были следующими: Назовите Ваш родной язык, а если имеете несколько родных языков, назовите несколько. И далее предлагались варианты ответов: 1. Только русский язык; 2. Русский язык и другой язык (указать, какой именно другой); 3. Другой язык (указать, какой именно). Во втором варианте ответа абсолютное большинство составляла комбинация из русского и чувашского языков – 40% от всех ответов. Кроме того, 1 человек ответил, что родными для него являются русский и татарский языки. Вопрос о национальности задавался в таком виде: Укажите (по желанию) Вашу национальность. Можно указать несколько ответов. В результате сложную идентичность (русский и чуваш) выбрали 6% опрошенных.

Осенью 2013 г. по общероссийской программе ИЗА РАН проводил опрос студенческой молодежи. Объем выборки по Чебоксарам составил 300 человек. Вопроса о родном языке в анкете не было, а этническая принадлежность выявлялась с помощью вопроса, не содержащего никаких разъяснений: Укажите, пожалуйста, Вашу национальность. Варианты национальностей не были предложены как и не было разъяснения о том, что можно выбрать не одну, а несколько. По итогам этого опроса сложную идентичность (русские + чуваша) предпочли 2,8% опрошенных студентов вузов г. Чебоксары.

Наконец, обратимся к обследованиям 2014 г. По проекту Сети этномониторинга был проведен опрос 200 жителей Чебоксар, в ходе которого вопрос о родном языке и предлагаемые варианты ответов были сформулированы следующим образом: «Назовите ваш родной язык, а если имеете несколько родных языков, назовите несколько (возможно несколько отве-

тов)»¹¹ 1. Русский язык 2. Другой язык или языки (укажите); 3. Затрудняюсь ответить.

Вопрос о национальности был разделен на два: Первым шло выяснение «классической» одномерной этнической принадлежности: «Скажите по желанию, к какой национальности Вы себя относите?» Варианты ответов были следующими: 1) Русский; 2) Иной ответ (записать); 3) Отказ отвечать; 4) Ни к какой. Далее следовал дополнительный вопрос: «Укажите также другую национальность, если имеет»¹². Были получены следующие результаты. О русском и чувашском языках, как родных для себя заявили 16,5% опрошенных, а сложная национальность была указан в 6,5% случаев.

Весной 2014 г. сотрудниками ЧГИГН было опрошено 713 представителей учащейся (учреждения начального и среднего профессионального образования) и студенческой молодежи республики. Опрос проводился по той же программе, что и обследования осени 2013 г., но были некоторые изменения, в том числе задавался вопрос о родном языке, который был таким: Назовите Ваш родной язык или языки, если имеет несколько родных языков. Предлагались следующие варианты ответов: 1. Только русский язык; 2. Русский язык и другой язык (*указать, какой именно другой*); 3. Другой язык (*указать, какой именно*). Большинство молодых людей предпочли указать два родных языка, в абсолютном большинстве это были чувашский и русский. Всего таких респондентов оказалось 54,5%.

В вопросе о национальности также были внесены изменения сравнительно с обследованием студентов осенью 2013 г. Опрашиваемым разъяснялось, что возможна множественность выбора и был предложен список из четырех наиболее распространенных в Чувашии этнических групп, а также вариант «другая». Назовите, пожалуйста, Вашу национальность (по желанию). Можно указать не один ответ. Всего 16,6% посчитали, что у них сложная национальность (русские и чувашки).

¹¹ Этот вопрос был предложен В.В. Степановым (ИЭА РАН, Москва) Росстату для проведения Всероссийской микропереписи 2015 г. и предварительно апробирован в разных регионах страны.

¹² См. предыдущую сноску.

В заключение приведем данные мониторингового обследования 2014 г., в ходе которого было опрошено 603 жителя Чувашии в возрасте 18 лет и старше. С учетом достаточно заметной разницы в полученных ранее материалах о национальности и родном языке, было решено задавать вопросы по этим характеристикам без всяких разъяснений. Не было предложено и вариантов ответов. Вопросы задавались таким образом: Ваша национальность? Ваш родной язык? Всего 1,9% выбрали составную идентичность, и среди них 1,5% посчитали себя русскими и чувашами, а по 0,2% – чувашом и украинцем и чувашом и татаринком. Если вест речь о родном языке, то перечень языков насчитывал 4 варианта: русский и чувашский (6,6%), русский и татарский, русский и мордовский и чувашский и татарский (все по 0,2%).

Таким образом, полученные материалы позволяют сделать некоторые выводы. Наличие не одного, а двух родных языков у одной персоны является более привычной ситуацией, чем «две национальности». Более склонна к восприятию сложных этнических идентичностей и восприятию не одного, а нескольких родных языков молодежь. Но если сравнивать распределение ответов на вопросы о национальности и родном языке без учета возраста респондентов, то заметна разница, которая определяется еще одним фактором. Речь идет о формулировках вопросов, имеющих подсказки, их влиянии на респондентов. Приведенные материалы показывают, что чем меньше таких подсказок и разъяснений, тем ниже доля тех, кто выбирает сложную идентичность. Безусловно, если мы хотим знать личную позицию человека, отвечающего на вопросы анкеты, то должны понимать, что любые подсказки искажают его первоначальные установки, оказывают влияние на характер ответов, и они в целом нарушают «чистоту эксперимента». Но при ответах на вопросы о национальности и родном языке нельзя забывать особенности восприятия. Мы уже отмечали, что в силу не только сложившейся традиции, но и официального документального оформления (в паспортах и различных анкетах) единичной национальности, люди в ходе опроса зачастую не до-

пускают мысли, что нет никаких запретов на возможность, например, двух этнических самоидентификаций, что это также может быть нормой, не противоречащей действующему законодательству.

В ходе проведения конкретных опросов интервьюеры неоднократно отмечали, что граждане при ответе на вопрос о национальности, который не содержал разъяснений о возможности сложного выбора, колебались, иногда спрашивали, когда сомневались в точности своего ответа. Однако сомнения отпадали, когда респондент узнавал, что может дать свободный ответ, например, считать себя одновременно и русским, и чувашем.

Ситуация с родным языком проще, поскольку русским языком владеют практически все жители Чувашии, независимо от их этнической принадлежности, а для молодых людей разной национальности он в значительной мере является первым языком социализации. Но и в данном случае при опросе возможны трудности, связанные с привычным для людей самоограничением при выражении своей идентичности.

Бойко И.И., Харитонов В.Г.

Этнокультурные стратегии белорусской молодежи как фактор формирования этнической и национальной идентичности

В данном разделе представлены результаты этнологического опроса, проведенного для изучения этнокультурных стратегий белорусской молодежи¹ на территории Гродненской области в октябре 2013 г.² В качестве основных параметров, определяющих этнокультурные ориентации молодежи Гродненщины при проведении данного опроса были определены следующие. Во-первых, этническая самоидентификация. Во-вторых, лингвистическая идентификация. В-третьих, идентификация на основе образов родной земли. В-четвертых, отношение к праздникам, являющимся одной из важнейших форм трансляции социально-значимого, в том числе и этнического опыта.

Этническая идентичность является важнейшей составной частью социальной идентичности и сопряжена с переживанием личностью своей принадлежности к определенному этносу, осознание наличия типичных для его представителей качеств, оценкой этнически обусловлен-

ных предпочтений в сфере общественной и деятельности. Наличие этнической идентичности помогает человеку в обретении смысла жизни, обеспечивает чувство сопричастности, предоставляет психологическую поддержку, содействует повышению самооценки. Психологический смысл этнической идентичности проявляется при ее сопоставлении с такими родственными категориями, как национальная идентичность (отождествление не с этносом, а нацией), этническое самосознание и этническая идентификация. Наиболее значимыми признаками этнической идентичности являются язык, происхождение, образ жизни, традиционная культура, ценности и нормы, историческая память и мифология, религия, чувство родины, гражданство, характер, внешность. Хотя личность осуществляет самостоятельный выбор своей этнической идентичности, определяющим оказывается влияние среды, образа жизни и культуры этнической группы. Психологи выделяют такие основные этапы формирования этнической идентичности: в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте формируются фрагментарные представления об этнической принадлежности, идентификация с окружающими постепенно приобретает этническую окраску. В подростковом возрасте, сопряженном с общим поиском идентичности, пробуждается интерес к этническим цен-

---

¹ Данная публикация является результатом научно-исследовательской работы по проекту БРФФИ-РГНФ Г13Р-009 «На границе со странами ЕС: этнокультурные стратегии молодежи в Гродненской и Калининградской областях».

² По случайной выборке опрошено 128 респондентов в возрасте 16-28 лет в городах Гродно, Лида, Мосты, Волковыск, Свислочь, а также в Гродненском, Мостовском, Волковыском, Щучинском районах.

ностям, усиливается идентификация с референтными группами и деление на «своих» и «чужих». В ранней юности происходит полное осознание своей этнической принадлежности, развивается этническое мировоззрение.

Как показало наше исследование, большинство опрошенных считает себя белорусами – 91%; 5,5% отнесли себя к полякам, 3% - к русским. В то же время установлено, что в 70 % семей опрошенных оба родителя относят себя к белорусскому этносу, около 7% к польскому, около 1,6% к русскому. Остальные смешанные: семьи, в которых мать белоруска, отец поляк – 2,3%, мать полька, отец белорус 1,6%; мать белоруска, отец русский – 3,1%, мать русская, отец белорус 3,1%; мать белоруска, отец поляк – 1,6%, мать полька, отец белорус – 1,6%. Сопоставление количества респондентов, отметивших свою принадлежность к белорусам (здесь национальное и этническое в заметной степени совпадают) очевидно превосходит количество тех, кто считает себя белорусами «генетически». Это свидетельствует о том, что гражданская идентичность в настоящее время доминирует над генетической. Вместе с этим, сохраняется скрытая двойная и тройная идентичность, основанная на знании и осознании этнического происхождения родителей. Множественная скрытая идентичность связана со сложной этнополитической историей и пограничным положением региона, она определяет своеобразие этнической культуры и служит залогом устойчивости современных этнических процессов.

Следует отметить, что в регионе, где достаточно большое количество населения имеет польское происхождение, доминирующее соотношение себя с белорусской идентичностью указывает на очевидные этнокультурные приоритеты опрошенной молодежи Гродненщины. Приоритетна ориентация на восточнославянские языки и в лингвистической самоидентификации: 48 % опрошенных респондентов назвали родным русский язык; 30% – белорусский язык; 22 % – белорусский и русский. Многие из опрошенных молодых людей понимают польский и литовский языки, украинский, английский и немецкий языки. Можно предположить, что знание

польского и литовского языка связано с необходимостью коммуникации внутри региона; украинского, английского и немецкого языков — с ориентацией на этнокультурные контакты за пределами региона.

Одной из задач проведенного этнологического опроса было выявление современных этнических символов и образов. Этнический символ всегда сопряжен с эмоциональным восприятием, сложный объект внешнего мира представляется в нем сжато и образно, вызывая мгновенную эмоциональную реакцию. Объединяя различные планы реальности в единое целое, он создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу. Из символов, образов, связанных с этнической, национальной идентичностью, опрошенной молодежью были названы Герб, Флаг, Гимн, [родительский] дом, зубр, олень, аист, леса, озера, колосья, картошка. Примечательно то, что национальные символы сливаются у опрошенных с этническими символами, закрепленными в гимне, изображении герба и флага республики.

Следует отметить, что наряду с образами зубра и аиста, сопоставимыми с белорусской землей на основе лирических произведений, здесь присутствует образ оленя, который можно назвать региональным. Это — исторический символ из герба Гродно, утвержденного в 1988 году решением Гродненского городского Совета народных депутатов в качестве современного герба Гродно.

Образы родной природы, флоры и фауны, сложившиеся исторически, соседствуют с образом картошки, давшей основу для экзотонима «бульбаш».

Родительский дом – один из наиболее устойчивых образов, но у каждого из участников опроса он имеет свои черты. Поэтому при разработке этнических, национальных образов, характеризующих коллективную идентичность, сегодня необходимо обнаружить или сконструировать какие-то общие черты, характеризующие современное жилое пространство белоруса.

В целом, следует отметить, что этническое сознание порождает этнический образ — представление о типичном для этноса индивиде Этнический образ, ис-

ходно воплощающий в себе единство универсального и уникального, строится на основе такого понимания типичности, которое учитывает чувственную конкретность. Этнический образ, будучи формой отражения действительности, одновременно и программирует эту действительность, определяя поведение людей. Для формирования конструктивных этнокультурных стратегий молодежи на материале разных эпох и этнических традиций необходимо найти наиболее общие правила построения этнического образа, включая и образцы поведения.

Примечательно то, что около половины опрошенных оставило вопрос об этнических и национальных образах и символах без ответа. Отсутствие в ответах на поставленный вопрос об образах и символах родной земли человеческих образов и характерных персонажей указывает на то, что в настоящее время существует насущная необходимость разработки таких образов, прежде всего, средствами визуального искусства и литературы. Сказанное справедливо и по отношению к элементам материальной культуры – одежде, архитектуре, пище.

По мнению 47,7% опрошенных, формирование чувства патриотизма, связи с родной землей сопряжено с участием в праздниках.

Наиболее отмечают в семьях опрошенных молодых людей Гродненщины следующие праздники (в порядке убывания): Пасха -71 ответ, Новый год -63, Рождество - 60, День рождения –40, 8 марта –33, 23 февраля – 25, 9 мая – 21, Радуница –16, День матери –15, Спасы – 15, День независимости – 13, Купалле – 9, Вербница – 8, Масленица – 6. Также отмечают профессиональные праздники, Дни города. Как видно, ведущие позиции занимают религиозные праздники и праздники, имеющие личную, гендерную, семейную окраску. Трансляция этнического опыта происходит, главным образом, через религиозные праздники, что необходимо учитывать в формировании стратегических установок молодого поколения.

В ходе анализа результатов анкетирования было выявлено, что в зависимости от целевых установок можно выделить три основные этнокультурные стра-

тегии молодежи. Первая из них (основная группа, 71% опрошенных) связана с установкой на дальнейшее проживание в Беларуси. Вторая (8,6% опрошенных) связана с намерением миграции в Россию. Третья (20,3% опрошенных) определяется намерением миграции, главным образом, в страны Европы, Америки, Азии.

Для определения связи установленных стратегий с проблемой формирования этнической и национальной идентичности респондентам рассматривалось, какое количество опрашиваемых, соотносимых с каждой из трех вышеприведенных стратегий, ответило на вопросы: «Какие обычаи и традиции ассоциируются для Вас с домом, родной землей?»; «Назовите 5 наиболее значимых для Вас позитивных образов, символов родной земли»; «Какие элементы обычаев и традиций представителей других народов привлекают лично Вас?».

Из респондентов, связывающих свою дальнейшую жизнь с родной землей, на первый из заданных вопросов ответило 44% опрошенных, на второй вопрос – 51% , на третий вопрос ответило 13%.

Ответы респондентов, избравших вторую стратегию, распределились следующим образом: на первый из заданных вопросов ответило 64% опрошенных, на второй вопрос – 9% , на третий вопрос ответило 9%.

Ответы респондентов, избравших третью стратегию, распределились следующим образом: на первый из заданных вопросов ответило 46% опрошенных, на второй вопрос – 42% , на третий вопрос ответило 62%.

Сопоставление ответов представителей различных стратегий позволяет сделать следующие выводы. Среди респондентов, связывающих свою дальнейшую жизнь с родной землей, очевидно больше тех, кто воспринял позитивные образы, символы родной земли, по сравнению со второй группой – на 42% и по сравнению с третьей группой – на 9%. Это с очевидностью указывает как на заметную роль идеологических конструкций в формировании патриотического сознания молодежи, так и на недостаточную работу по развитию и внедрению этих конструкций.

На вопрос об обычаях и традициях,

ассоциируемых с домом, родной землей среди респондентов второй и третьей группы оказалось больше ответивших по сравнению с первой группой – соответственно на 20% и 2%. На наш взгляд, это связано с тем, что люди, планирующие миграцию, культивируют более сильную психологическую связь с родной землей, основанную на памяти. При этом значительная разница — на 22% между ответами на данный вопрос респондентами второй и третьей группы может быть связана с более реальной возможностью миграции представителей второй группы (в Россию), по сравнению с достаточно неопределенными перспективами для представителей третьей группы (страны Европы, Америки, Азии).

На вопрос об элементах обычаев и традиций представителей других народов очевидное большинство ответов дали респонденты третьей группы, связывающие свою дальнейшую жизнь со странами Европы, Америки, Азии – 62%. Это на 49% больше по сравнению с первой группой и на 53% больше по сравнению со второй группой. Очевидна связь с определенной подготовкой респондентов третьей группы к миграции и жизни в иноэтническом окружении.

С формированием стратегий сохранения этнической, национальной идентичности молодежи связан вопрос анкеты «Как бы Вы отнеслись к браку своих детей с представителями других национальностей?».

Ответы распределились следующим образом:

- 1 считая брак нежелательным - 18%
- 2 предпочел бы человека своей национальности, но возражать против выбора не стал - 34%
- 3 национальность не имеет значения - 30%
- 4 нет ответа - 18%

Рассмотрение ответа на данный вопрос через призму трех основных установленных нами стратегий показал следующее. Из респондентов, связывающих свою дальнейшую жизнь с Беларусью, на первый из заданных вопросов ответило 13% опрошенных, на второй вопрос – 33% , на третий вопрос ответило 29%.

Из респондентов второй группы, нацеленной на миграцию в Россию, на пер-

вый из заданных вопросов ответило 9% опрошенных, на второй вопрос – 9%, на третий вопрос ответило 36%.

Из респондентов, связывающих свою дальнейшую жизнь со странами Европы, Америки, Азии на первый из заданных вопросов ответило 38% опрошенных, на второй вопрос – 27%, на третий вопрос ответило 31%.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее лояльной в вопросах сохранения этнической, национальной идентичности является группа, избравшая вторую стратегию – миграцию в Россию. Такую лояльность можно легко пояснить с двух позиций – национальной и этнической. Во-первых, жители Беларуси в России фактически чувствуют себя «как дома» – это обусловлено как культурно-исторически, так и политически (общий период истории в составе Российской Империи, затем в СССР, затем в составе союзного государства Беларуси и России). Во-вторых, в основе культуры как Беларуси, так и России лежат восточнославянские культурные традиции.

Как видно из приведенных сведений, наибольший консерватизм в вопросах принятия иноэтнической культуры проявили респонденты третьей группы, чья стратегия ориентирована на миграцию в страны Европы, Америки, Азии. Исходя из того, что основной мотив миграции, отмеченный в анкетах, экономический, можно предположить, что установка мигрировать в указанные регионы и страны является временной, связанной с выполнением тех, или иных экономических задач. Реально к принятию иной этнокультурной реальности готовы лишь треть респондентов третьей группы. Фактически это означает то, что с определенным ощущением улучшения экономической ситуации, респонденты этой группы останутся в привычной этнической среде. Решению этой проблемы может способствовать выработка и реализация соответствующей программы по идеологической работе СМИ.

Самая крупная группа респондентов, соотносящаяся со стратегией отказа от миграций в пользу проживания в Беларуси, в значительной степени консервативна – до 46% опрошенных предпочли бы сохранить этническую и национальную принадлежность, остальные же проявили

безразличие к данной проблеме. Из этого можно сделать вывод о том, что значительная часть молодежи, связывающей свое будущее с жизнью в Беларуси, открыта для изменений в стране и обществе. В этом есть позитивный момент, связанный с потенциальной готовностью общества к принятию иноэтничных мигрантов, что в условиях демографического спада и нехватки трудовых ресурсов весьма существенно. Но в то же время, на наш взгляд, наличие всего 13% «ультраконсерваторов», выступающих против межэтнических браков, в условиях практически полного отсутствия на информационном поле активной группы, пропагандирующей важность сохранения традиций, и своеобразия белорусов, восточнославянские культурные ценности в целом, может привести в условиях усиливающихся миграционных потоков к потере этнического и национального своеобразия страны.

Уже сегодня анкетный опрос показал, что только 16,4% респондентов хотели бы видеть своих детей «людьми, знающими язык и культуру моей национальности». Только 14,8 % опрошенных хотели бы видеть своих детей «людьми, моей национальности». При возможности выбрать 3-4 ответа, «людьми с высшим образованием» видят своих детей 66,4% опрошенных. «Людьми, имеющими интересную работу» видят своих детей 51,5% опрошенных. «Богатыми, состоятельными людьми» хотели бы видеть своих детей 38,2% опрошенных. Людьюми с "чистой совестью" хотели бы видеть своих детей 36,7% опрошенных. 23,4% опрошенных хотели бы, чтобы их дети занимали высокие (ответственные) посты. «Людьюми, пользующимися авторитетом» хотели бы видеть своих детей 21,8% опрошенных. Только 7% опрошенных хотели бы видеть своих детей людьюми, исповедующими их религию. Как видно из приведенного выше, в стратегических устремлениях молодежи виден определенный перекос в сторону образованности, работы, материальной состоятельности и заметен уход как от ряда важных моральных стимулов и характеристик, так и этнических, культурных. Обнадеживающим фактором при всем этом является то, что большинство, 75% опрошенных хотели бы видеть своих

детей «людьюми, имеющими хорошую семью», что указывает на все еще высокий потенциал такой традиционной ценности, как институт семьи.

Опрос показал высокий уровень образованности, профессиональной подготовки молодежи, готовность к адаптации к меняющимся условиям. Это демонстрирует ответ на вопрос анкеты «Что вы сделали для улучшения своего материального положения?» При возможности давать 2-3 ответа, 41,3% опрошенных ответило «начал учиться», 30,4% опрошенных ответило «приобрел новую специальность», стало подрабатывать 28% опрошенных; 9,4% сменили место работы; открыли свое дело – 6,2%. Из всех опрошенных только 6,2% не предприняли ничего, и только у 10% опрошенных не было необходимости что-то предпринимать. Приведенные ответы указывают как на высокий уровень мобильности опрошенных, так и на то, что большинство опрошенных связывает стратегию личных изменений и достижений с существующей государственной системой образования. Таким образом, для формирования национальной и этнической идентичности, необходимо целенаправленно ориентировать, наряду с СМИ, учреждения образования.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в зависимости от целевых установок можно выделить три основные этнокультурные стратегии молодежи. Первая из них связана с установкой на дальнейшее проживание в Беларуси. Вторая связана с намерением миграции в Россию. Третья определяется намерением миграции, главным образом, в страны Европы, Америки, Азии.

Наиболее лояльной в вопросах сохранения этнической, национальной идентичности является группа, избравшая стратегию миграции в Россию. Жители Беларуси в России, фактически, чувствуют себя «как дома» – это обусловлено как культурно-исторически, так и политически (общий период истории в составе Российской империи, затем в СССР, затем в составе союзного государства Беларуси и России). Кроме того, в основе культуры Беларуси и России лежат восточнославянские культурные традиции.

Значительная часть молодежи, связывающей свое будущее с жизнью в Бе-

ларуси, открыта для изменений в стране и обществе. В этом есть позитивный момент, связанный с потенциальной готовностью общества к принятию иноэтничных мигрантов, что в условиях демографического спада и нехватки трудовых ресурсов весьма существенно. Но в то же время, незначительное число консервативно настроенной молодежи, в условиях практически полного отсутствия на информационном поле страны активной группы, пропагандирующей важность сохранения традиций, и своеобразия белорусов, восточно-славянские культурные ценности в целом, может привести в условиях усиливающихся миграционных потоков к потере этнического и национального своеобразия страны.

Позитивными факторами является то, что большинство опрошенных хотели бы видеть своих детей «людьми, имею-

щими хорошую семью», что указывает на все еще высокий потенциал такой традиционной ценности, как институт семьи. Также большинство опрошенных связывает стратегию личных изменений и достижений с существующей государственной системой образования. Таким образом, для формирования национальной и этнической идентичности, необходимо целенаправленно ориентировать, наряду с СМИ, учреждения образования на активную работу по развитию и внедрению идеологических конструкций в формирование патриотического сознания молодежи, укрепление института семьи связывать с другими национальными ценностями.

Гурко А.В.

Охрана здоровья в Эстонии: этнический аспект

В данной статье мы проанализируем данные социологических исследований, чтобы ответить на вопрос, имеются ли в Эстонии значимые различия между эстонским и неэстонским населением при доступе к здравоохранению и в отношении состояния здоровья. В самом начале будут также представлены данные, касающиеся финансирования сферы здравоохранения Эстонии, и некоторые сведения по проблеме бедности и рискам социальной маргинализации.

По данным переписи 2011 года неэстонцы составляли 29% всего населения. Русский язык являлся родным для 30%, и более половины русскоязычного населения не говорило на эстонском – единственном государственном языке страны. Основная часть русскоязычных проживала в Таллине и его окрестностях, либо на северо-востоке страны (уезд Ида-Вирумаа, где неэстонцы составляют подавляющее большинство местных жителей). Неэстонское население было хорошо образовано. Уровень высшего образо-

вания (вместе и академического, и профессионального) у представителей меньшинств по всей Эстонии достигал 37% (у эстонцев 31%).¹

Проблема бедности и риск социальной маргинализации. В экономическом плане Эстония может быть охарактеризована как либеральный режим с весьма скромной долей публичных фондов, выделяемых на нужды малообеспеченных слоев населения. В 2011 году расходы на социальное обеспечение составляли всего 16,1% от ВВП (средний для Евросоюза уровень был 29,1% от ВВП; ниже были расходы только в соседней Латвии).² Более того, общие расходы на сферу здравоохранения в Эстонии в 2010

---

¹ Если не утверждается обратного, то приводимые в данной статье данные Департамента статистики (включая все данные переписи 2011 года) получены в общественной базе данных этого учреждения, на pub.stat.ee.

² Eurostat news release no. 174/2013 “Social protection. EU28 spent 29.1% of GDP on social protection in 2011”, 21 November 2013.

году составляли всего 6,4% от ВВП при среднем для Евросоюза уровне в 9,8%.³

Средний располагаемый годовой доход жителей Эстонии вновь начал расти в 2011 году (в 2009 и 2010 годах его показатели несколько снижались по сравнению с предыдущим годом). В 2007 году соответствующие показатели у эстонцев составляли 6639 евро, а у неэстонцев - 5611 евро; в 2012 году соответственно 8323 и 6705 евро. Таким образом, в 2007 году, до начала кризиса, средний доход неэстонца составлял 85% от дохода эстонца, а в 2011 году - 81%. При этом различия в годовом располагаемом доходе между эстонцами и неэстонцами наблюдались во всех регионах страны. Например, в столичном уезде они достигали 28%, но в уезде Ида-Вирумаа, где доминируют неэстонцы, - 12%.⁴

Данные Департамента статистики за 2012 год позволяют также проанализировать разницу в годовом располагаемом доходе в зависимости от образования и этнического происхождения. Выясняется, что при уровне образования ниже среднего разница в доходах не столь существенна и доход неэстонца составляет здесь чуть более 88% дохода эстонца (5517 евро и 6227 евро соответственно). Однако эти различия заметны больше у лиц с терциарным образованием - 25% (10527 евро у эстонцев и 7886 евро у неэстонцев).

За чертой бедности (до выплаты пособий, исключая пенсии) в 2012 году проживало 25% всего населения (23% эстонцев и 30% неэстонцев). В этом же году эстонцы и неэстонцы неравномерно были распределены в разных квинтилях доходов. К первому квинтилю (1/5 населения с наименьшими доходами) относилось 24% неэстонцев и 18% эстонцев. Средний располагаемый годовой доход в этом квинтиле составлял 2859 евро. К пятому квинтилю (наивысшие доходы, в среднем 15830 евро) относились 11% неэстонцев и уже 24% эстонцев.⁵

³ Health in the Baltic Countries 2011, 20th edition. National Institute for Health Development of Estonia; Department of Health Statistics, The Centre for Disease Prevention and Control of Latvia; Health Information Centre, Institute of Hygiene, Lithuania, 2013, p. 35.

⁴ Источник - Департамент статистики.

⁵ Там же.

Судя по всему, неэстонцы чрезмерно представлены среди бездомных. Исследования этой категории лиц в Таллине в сентябре-декабре 2011 года охватило 926 чел., 66,4% из которых были русскоязычными (т.е. русскими и другими неэстонцами); при этом в том же году этнические эстонцы составляли 52% населения столицы.⁶

Представители меньшинств составляют большинство среди всех заключенных в Эстонии. «Типичный» заключенный - это русский мужчина средних лет. Согласно отчету Министерства юстиции (2013), в течение последнего десятилетия русскоязычные составляли немногим меньше 60% от всех заключенных. Более того, они явно доминировали в возрастной группе 24-44. Среди более молодых заключенных преобладали эстонцы, а в группе 45+ эстоноязычные и русскоязычные были представлены поровну.⁷ Как отмечалось выше, в 2011 году русский язык являлся родным для примерно 30% всего населения.

Русскоязычные выглядят более уязвимыми в контексте торговли людьми. Согласно экспертной оценке Л. Иванченко, в Эстонии наблюдается торговля людьми на внутриреспубликанском уровне - маршрут пролегает с северо-востока в направлении столицы. Более того, предполагается, что большинство эстонских жертв международной торговли людьми также происходят из этого региона. Исследование Эстонского института открытого общества 2006 года показывает, что русские женщины страдают в два раза больше, чем эстонки, от давления, которое оказывается на них «рекрутерами».⁸

В Эстонии нет и не может быть точной статистики, которая касается численности и состава группы женщин, которые

⁶ Kodutud Tallinnas, Uuringu aruanne (Бездомные в Таллине. Отчет исследования). Tallinn: Tallinna Sotsiaaltöö Keskuse, 2012, с. 17.

⁷ Justiitsministeerium. Kuritegevus Eestis 2013 (Преступность в Эстонии 2013). Kriminaalpoliitika uuringud 18. Tallinn, 2014, с. 59.

⁸ Ivanchenko, L. "Trafficking in Persons in Estonia", in Downes, P., Zule-Lapimaa, A., Ivanchenko, L., Blumberg, S.. Not One Victim More: Human Trafficking in the Baltic States. Tallinn: Living for Tomorrow, Tallinn, 2008, p. 183.

занимаются проституцией. Однако по разным экспертным оценкам, 70-85% эстонских проституток – это женщины русского или иного меньшинственного происхождения.⁹

Доступ к системе здравоохранения. Осенью 2011 года социологическая фирма Saar Poll по заказу Больничной кассы и Министерства социальных дел провела исследование «Оценки жителями здоровья и врачебной помощи». Всего по методу случайно выборки были опрошены 1510 чел. В ходе исследования были выявлены некоторые различия между эстонцами и неэстонцами. Вопросы касались преимущественно событий последних двенадцати месяцев.

Хорошую оценку организации здравоохранения в целом чаще давали эстонцы (65%), нежели представители меньшинств (55%).¹⁰ Заметно больше эстонцев были также довольны системой семейных врачей (82% против 67% у неэстонцев).¹¹ Они же выше оценивали качество врачебной помощи (78% против 61%).¹²

Каждый третий опрошенный столкнулся со сложностями при последнем обращении к врачу-специалисту. В региональном разрезе больше проблем наблюдалось в местах концентрации неэстонцев – в столичном Таллине и в уезде Ида-Вирумаа. При этом у неэстонцев в целом эти проблемы возникали почти в два раза чаще (46%), чем у эстонцев (24%).¹³ Также примерно треть жителей не выкупала выписанные лекарства. Каждый седьмой респондент указал в качестве единственной причины этого свои материальные затруднения. По этой же причине чаще не выкупали лекарства опрошенные неэстонцы, живущие на северо-востоке стра-

ны, равно как и малообеспеченные и неработающие респонденты.¹⁴

В 2013 году в рамках заказанного таллинскими городскими властями исследования организацию системы здравоохранения в Эстонии положительно оценили 51% таллинцев-неэстонцев и 62% эстонцев; качеством услуг были довольны соответственно 65 и 85%.¹⁵

Чтобы лучше определить особые проблемы меньшинств в сфере здравоохранения, по инициативе автора статьи весной 2014 года была организована фокус-группа с русскоязычными женщинами.¹⁶ Когда участницам предложили спонтанно назвать основные проблемы в системе здравоохранения, они сослались на длинные очереди, необходимость платить за услуги, на недостаточное качество услуг, недолжное обращение со стороны персонала. Система семейных врачей получила в целом негативную оценку как неэффективная и не отвечающая ожиданиям пациентов. Довольно часто в качестве фактора, который негативно влиял на здоровый образ жизни и на (скорую) доступность медицинских услуг, указывалась бедность.

В рамках социологических опросов пока не исследовалось подробным образом, испытывают ли меньшинства чрезмерные сложности при доступе к системе здравоохранения из-за языкового барьера либо из-за сознательного отказа медперсонала говорить по-русски. Об отдельных подобных случаях сообщают СМИ. На личный опыт языковых сложностей в сфере здравоохранения ссылалось и большинство участниц фокус-группы с русскоязычными женщинами. Ниже в качестве примера приводится рассказ одной из молодых участниц группы:

Я столкнулась с языковой проблемой только раз, когда пришла с большим ребенком в поликлинику и не смогла объяснить доктору на нужном уровне по-эстонски, что не так с ребенком, а она

⁹ Inimkaubandus ja prostitutsioon – kutse- ja keskkooliõpilaste perspektiiv. Uurimisaruanne (Торговля людьми и проституция с точки зрения учащихся профессиональных и средних школ. Отчет об исследовании). Tallinn: Socio-Uuringukeskus, Sotsiaalministeerium, 2007, с. 9.

¹⁰ Elanike hinnangud tervisele ja arstiabile 2011 (Оценки жителями здоровья и врачебной помощи 2011), Tallinn: Saar Poll, November 2011, С. 24.

¹¹ Ibid, с. 25.

¹² Ibid, с. 31.

¹³ Ibid, с. 41-42.

¹⁴ Ibid, с. 72.

¹⁵ Tallinlaste hinnangud tervisele ja arstiabile 2013 (Оценка таллинцами здоровья и врачебной помощи 2013), Tallinn: Saar Poll, 2014, с. 21.

¹⁶ Встреча группы состоялась 16 апреля 2014 года в Таллине. В ней приняли участие семь женщин в возрасте 27-61. Фокус-группа была проведена В. Якобсон (Ph.D), Тартуский университет.

совсем не понимала по-русски. Я разволновалась и не смогла объяснить с ней. Она не слишком помогла, сделала какие-то анализы. Она была не слишком компетентной не только в вопросах языка. Например, она не смогла рассчитать дозу лекарства, когда дочь отказалась принимать его через анус. Врач не смогла рассчитать дозу, чтобы лекарство можно было принимать другим образом...

Состояние здоровья. По официальным данным средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении у эстонца в 2013 году составляла 77,79, неэстонца – 76,24 (у мужчин соответственно 73,34 и 71,38; у женщин – 81,77 и 80,52). Ожидаемая продолжительность жизни без инвалидности у эстонцев составляла 56,54, у неэстонца – 52,55. По этому показателю большие различия наблюдались среди женщин (соответственно 58,52 и 53,32).¹⁷

Среди причин неактивности на рынке труда в 2012 году 21% неэстонцев и только 14% эстонцев указали болезнь или инвалидность (в 2007 году соответственно 15 и 14%). Такие расхождения между группами лишь частично могут объясняться различиями в возрастной структуре обеих общин. Следует также учитывать, что участие на рынке труда для эстонцев и неэстонцев было примерно на одном уровне в 2012 году.¹⁸

В 2012 году были опубликованы данные исследования локальных факторов, влияющих на здоровье. В его рамках был проведен почтовый опрос населения в возрасте 15-70 лет примерно в каждом третьем самоуправлении Эстонии. Всего на вопросник ответили 4239 чел. (из 10 тыс. чел.). Исследование показало, что 17,8% эстонцев и 28,8% неэстонцев указали на значительные ограничения ежедневной активности из-за болезни или проблем со здоровьем в последние 6 мес. При этом вовсе не имели таких ограничений 42,2% эстонцев и только 25,2% представителей меньшинств.¹⁹

Согласно этому же исследованию среди неэстонцев несколько больше, чем среди эстонцев тех, кто не употреблял алкоголь последние 30 дн. (29,4 и 25,4%). При этом среди мужчин-эстонцев 49,6% потребляли алкоголь хотя бы раз в неделю, а среди неэстонцев мужского пола – 38,7%. Меньшие различия в этническом разрезе наблюдаются среди мужчин, которые употребляют сравнительно много алкоголя. По этим же данным половина эстонцев (35% мужчин и 65% женщин) не курит, тогда как у неэстонцев соответствующие показатели ниже, особенно у женщин. Доля тех, кто курит ежедневно, однако, отличается незначительно; в обеих группах таких примерно четверть. Имеющиеся различия относятся на счет женщин: среди эстонок ежедневно курят 17%, среди неэстонок – 22%.²⁰

Социолог Т. Райтвийр смогла изучить этнический аспект различий причин смерти на основе официальных данных за 2006 год. По ее расчетам эстонцы были чрезмерно представлены среди тех, кто умер от болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований. Тем не менее, травмы и отравления как причина смерти были заметно более характерны для меньшинств, в том числе случайные отравления (вкл. алкоголем) и убийства. Кроме того, неэстонцы были чрезмерно представлены среди тех, кто умер от инфекционных и паразитарных заболеваний, в том числе от туберкулеза и ВИЧ (но не от вирусного гепатита). Некоторые заболевания, связанные с употреблением алкоголя, были также более характерны для меньшинств (но их общее число было небольшим). Эстонцев было заметно больше среди тех, кто умер от болезней нервной системы и органов чувств.²¹

По мнению Райтвийр, для меньшинств более характерны причины смерти, связанные с трудностями адаптации (фактор миграции), большая склонность к вредному для здоровья поведению (алкоголь, наркотики), жизнь или работа в условиях загрязнения, большие сложности

¹⁷ Источник - Департамент статистики.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Результаты данного исследования доступны в общественной Базе данных статистики здоровья и исследований о здоровье, Институт развития здоровья, на www.tai.ee.

²⁰ Там же.

²¹ Raitviir, T. Rahvuste Tallinn. Statistilis-sotsioloogiline ülevaade (Многонациональный Таллин. Статистико-социологический обзор), Tallinn, 2009, с. 207-209.

социального характера и на рабочем месте, неуважение к жизни окружающих.²² Некоторые из этих предположений не подтверждаются приведенными выше данными (напр., в отношении потребления алкоголя), но очевидно, что худшие социальные условия являются важным фактором, влияющим на возможности охраны здоровья неэстонцев.

Проблема употребления наркотиков. ВИЧ/СПИД. Проведенное в 2011 г. исследование среди родившихся в 1995 году учеников затронуло 135 общеобразовательных школ. Согласно его результатам хотя бы раз в жизни употребляли наркотические вещества 43% парней и 34% девушек из русских школ и 34% парней и 26% девушек из эстонских школ. Однако эстонские подростки явно больше употребляют алкоголь: за предшествующий опросу год более трех раз в состоянии опьянения были 13% парней и девушек из эстонских школ и только 8% из русских.²³

По данным регистра причин смертей, в 1999-2012 годах от передозировки скончалось 1118 чел. Только в 2012 году от отравления наркотиками (прежде всего, передозировка синтетических наркотиков) умерло 170 чел., 72% которых были русскими; большинство жертв были в возрасте 25-34, проживали либо в столичном Харьковском уезде (59%), либо в Ида-Вирумаа (30%).²⁴ Согласно сведениям, приведенным в национальной программе по предотвращению ВИЧ/СПИД на 2002-2006 годы (2002),²⁵ 98% людей, принимающих наркотики внутривенно, были русскоязычными.

В Эстонии продолжается эпидемия ВИЧ. Общее количество зарегистрированных случаев к концу 2013 года составило 8702. По оценкам 2012 года общее число заболевших жителей было до 11 тыс. чел. Темпы роста заболевания в последние годы снижаются, хотя и остаются лидирующими в Евросоюзе. В 2012 году в Эстонии было зарегистрировано 23,5 новых случаев на 100 тыс. населения. Средним показателем в Евросоюзе и Европейской экономической зоне было 5,8 случаев на 100 тыс. чел.²⁶ В базе данных инфекционных заболеваний данные о ВИЧ-позитивных случаях собираются с 1 октября 2009 года. В период до 21 апреля 2014 года туда были внесены данные на 929 чел. и 768 (83%) из них были русскими; почти половина всех случаев приходилась на города Таллин и Нарва (уезд Ида-Вирумаа).²⁷

Таким образом, в настоящее время не наблюдается значительных различий между эстонцами и неэстонцами в том, что касается доступности системы здравоохранения. Для неэстонцев характерно несколько худшее, по сравнению с эстонцами, состояние здоровья. Часть проблем неэстонцев, видимо, можно объяснить их более сложным социально-экономическим положением. Тем не менее, некоторые установки меньшинств в отношении собственного здоровья могут служить образцом для подражания для представителей большинства: можно выделить более высокую долю неэстонцев, по сравнению с эстонцами, которые вовсе не употребляют алкоголь (особенно среди молодежи).

В условиях минималистского подхода государства к системе социального обеспечения, имеющие меньшие доходы неэстонцы чаще сталкиваются с риском оказаться бездомными, стать жертвами торговли людьми, наркоманами или заключенными тюрем, что нередко связано с серьезными (или даже фатальными) рисками для здоровья (например,

²² Ibid, с. 212-213.

²³ Kobin, M., Vorobjov, S., Abel-Ollo, K., Vals, K. (ред.) Uimastite tarvitamine koolinoorte seas: 15-16-aastaste õpilaste legaalse ja illegaalse narkootikumide kasutamise Eestis, Uuringu raport (Употребление наркотических средств среди молодежи: употребление учениками 15-16 лет легальных и нелегальных наркотиков в Эстонии, Отчет исследования), Tallinn: TLÜ RASI, TAI, 2012, С. 31.

²⁴ 2013 National Report (2012 data) to the EMCDDA by the REITOX National Drug Information Centre – Estonia. New Developments, Trends and In-depth Information on Selected Issues. Tallinn: REITOX, 2013, p. 44-45.

²⁵ Официальная публикация: Riikliku tervishoiuprogrammi «HIV/AIDSi ennetamise riiklik programm aastateks 2002-2006» kinnitamine, Riigi Teataja Lisa 2002, № 13, art. 173.

²⁶ HIV nakkuse ja kaasivate infektsioonide epidemioloogiline olukord Eestis, 1988-2013 (Эпидемиологическая ситуация в Эстонии в связи с заболеванием ВИЧ и сопутствующими инфекциями в 1988-2013 годах). Tervise Arengu Instituut ja Terviseamet, [2014], С. 1, 3.

²⁷ Письмо Института развития здоровья от 22 апреля 2014 года. В архиве автора.

ВИЧ/СПИД). Тем не менее размер этих маргинализованных групп населения сравнительно невелик.

Относительно новой проблемой в Эстонии можно считать появление языкового барьера в сфере здравоохранения. По историческим причинам, уровень владения медперсоналом русским языком пока остается на высоком уровне, а случаи умышленного отказа от русского языка медработниками отмечаются редко. Однако общая тенденция такова, что вопрос

об использовании языков меньшинств, особенно русского языка, может остро встать в системе здравоохранения в ближайшие годы, что потребует от властей активных действий с учетом демографических особенностей Эстонии.

Полещук В.В.

Анализ социально-политических процессов в Крыму¹

Социально-политические процессы в Крыму за последние полтора года следует рассматривать в контексте обострения украинского кризиса, внутрикрымских политических и этноконфессиональных отношений и конечно, в условиях воссоединения Крыма с Россией и вхождения в российское политическое, социально-экономическое и правовое пространство.

В условиях обострения украинского кризиса в 2014 г. социально-политические процессы в Крыму приобрели принципиально новый вектор развития. Эти процессы имеют особое преломление в связи с наличием в крымском сообществе внутреннего этноконфликтного потенциала, связанного с сосуществованием и взаимодействием трех доминирующих этнических групп – русских, украинцев и крымских татар. Согласно российской переписи 2014 года, в Крымском федеральном округе (включая город Севастополь) проживает 1млн 492 тысячи русских, 344 тысячи украинцев, 232 тысячи крымских татар. Эти данные заметно отличаются от предыдущей переписи 2001 года, в сторону увеличения доли русских, а также снижения доли украинцев и крымских татар в общем массиве населения Крыма.

Для более полного понимания произошедших в том году политических процессов следует учитывать, что до 1954 г. Крымский полуостров входил в состав Российской Федерации, а затем был передан Украине как новая административная единица (процесс передачи не затронул г. Севастополь, который напрямую подчинялся Москве и оставался вплоть до развала СССР городом союзного подчинения наряду с Москвой и Ленинградом (Санкт-Петербургом). В рамках единого государства этот акт не имел существенных политических последствий, но с рас-

падом СССР ситуация стала парадоксальной – все этнические группы Крыма оказались на положении национальных меньшинств. Кроме того, русское население Крыма неоднократно демонстрировало свое отношение к акту передачи Крыма Украине как к нелегитимному политическому событию.

Так как каждая из доминирующих этнических групп имеет свою версию коллективной памяти и исторической правды, нередко конфликты, имеющие в качестве основных экономические и политические причины, в прошлом приводили к периодическим обострениям межэтнической напряженности. Наиболее острые противостояния были связаны с проблемой гражданства у крымских татар, которая была решена к концу 1990-х годов, а также с борьбой за доступ к земельным ресурсам, преимущественно на прибрежных территориях. Не столь острой в данный момент, но важной с точки зрения ее последствий, можно считать проблему, связанную с наличием в Крыму сторонников радикальных исламских течений, в частности, таких как «Братья мусульмане», «Хизб ут тахрир», салафиты (ваххабиты).

Доктрина и режим власти. Точкой отсчета, или катализатором рассматриваемых процессов в политической сфере можно считать столкновения, произошедшие 26 февраля 2014 г. в г. Симферополе, когда меджлисом крымско-татарского народа был организован пятитысячный митинг возле здания Верховного Совета Крыма с целью недопущения возвращения в действие конституции 1992 года, которую планировал утвердить своим решением Крымский Парламент. Аналогичное по численности количество сторонников «Русского Единства» собрал в это же время, на этой же площади один из лидеров русского движения Крыма Сергей Аксенов. Особенность этого митинга заключалась в отсутствии сотрудников подразделения «Беркут», которые обычно разделяли протестующих. Но в результате событий, связанных с Евромайданом в Киеве, спецподразделение «Беркут» было

¹ Исследование и публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов» (рук. В.Ю. Зорин).

расформировано. Следует отметить, что в преддверие митинга 26 февраля в Симферополе, на три дня раньше, 23 февраля 2014 г., в городе Севастополе состоялся трехтысячный митинг, на котором народным мэром города Севастополя был избран известный севастопольский предприниматель Алексей Чалый. Митинг в Севастополе прошел мирно, хотя приступить к выполнению своих обязанностей А.Чалый смог лишь после настойчивой поддержки местного населения, которое потребовало от действующей власти города Севастополя поддержать волеизъявление жителей города. В Симферополе такого единодушия не наблюдалось, на митинге произошли столкновения протестующих, в результате погибло 2 человека, и дальнейшее развитие ситуации могло привести к размораживанию этнического конфликта в Крыму и непредсказуемым последствиям для всего региона.

После митинга 26 февраля политическую ответственность взял на себя Президиум Верховного Совета Крыма во главе с Владимиром Константиновым. Президиум обратился к крымчанам и руководству Украины с рядом заявлений. 27 февраля крымский парламент своим решением отправил в отставку с поста Председателя крымского правительства Анатолия Могилева и его команду, и одновременно назначил на эту должность депутата Верховного Совета АРК, лидера партии «Русское Единство» Сергея Аксенова. На внеочередной сессии 11 марта 2014 года депутаты Верховного Совета Крыма и Севастопольского городского совета приняли Декларацию о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя.

Дальнейшие события, связанные с быстрой мобилизацией местного населения и созданием Крымской самообороны, позволили обеспечить проведение 16 марта 2014 года референдума, который продемонстрировал невиданную ранее для Крыма явку избирателей (83,1%). Для сравнения можно привести данные о явке на последние парламентские выборы, которые состоялись 28 октября 2012 года, когда явка избирателей в Крыму оказалась рекордно низкой, составив 49,46%.

Рассматривая воссоединение Крыма с Россией как акт восстановления истори-

ческой справедливости, большая часть населения Крыма высказалась за вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации (96,7% от числа принявших участие в референдуме). В этой связи можно провести параллель с первым общекрымским референдумом, который состоялся 20 января 1991 года. Неслучайно голосование на общекрымском референдуме 20 января 1991 года и на всекрымском референдуме 16 марта 2014 года дало практически равнозначные результаты – 93 и 97 процентов «за» соответственно. В референдуме 1991 года крымчанам предлагалось ответить на вопрос: «Вы за воссоздание Крымской АССР как субъекта Союза и участника Союзного договора?». Несмотря на волеизъявление жителей Крыма, имевшее место еще до распада СССР, результаты референдума 1991 года не были публично озвучены и реализованы.

Государственно-административный статус. Практически сразу после референдума 2014 г. Верховный Совет Автономной Республики Крым был преобразован в Государственный Совет, после чего решением Государственного Совета Автономная Республика Крым была преобразована в Республику Крым как независимое государственное образование, в соответствии с Постановлением Госсовета от 17 марта 2014 года №1745-6/14 «О независимости Крыма». Эти решения стали впоследствии правовым основанием для перехода Республики Крым в состав Российской Федерации.

18 марта 2014 года, на основании результатов референдума, проведенного в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, в Кремле был подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации двух новых федеративных субъектов. Договор был закреплен Федеральным конституционным законом Российской Федерации 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», одобренным Государственной Думой 20 марта и Советом Федерации –

21 марта, подписанным Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 21 марта 2014 года. 11 апреля 2014 года Республика Крым обрела собственную Конституцию и стала 84-м субъектом Российской Федерации.

18 марта 2014 года Крым вошел в состав РФ в качестве государства, а уже 21 марта 2014 года появилось решение Президиума Государственного Совета РК об образовании Конституционной комиссии РК по подготовке проекта Конституции Республики Крым. 11 апреля 2014 года была принята Конституция Республики Крым, согласно которой республика является субъектом Российской Федерации. Принятие новой конституции внесло свою лепту в конституционную историю Крыма, которая начинается с Конституции Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в ее довоенном варианте, в соответствии с которой республика впервые обрела статус автономии. После Великой Отечественной войны автономия была ликвидирована, и Крым стал обычной областью в составе РСФСР, а в 1954 году его передали в состав Украины.

6 мая 1992 года была принята первая Конституция в новейшей истории Крыма. В соответствии с этим документом республика обладала верховным правом в отношении природных богатств, материальных, культурных, духовных ценностей, осуществляла на своей территории все полномочия, за исключением тех, которые добровольно делегировала Украине. По сути, это была первая Конституция независимого государства. Вместе с ней был принят закон о разграничении полномочий между органами власти Крыма и органами власти Украины. В 1994 году состоялись президентские выборы, на которых победил Юрий Мешков — первый и последний президент Крыма.

Уже в марте 1995 года Верховная Рада Украины из-за возникших правовых коллизий отменила Конституцию Республики Крым и институт президентства. В 1998 году была принята новая Конституция Крыма, которую часто называют «Конституцией компромиссов» или «Конституцией Грача», поскольку Леонид Грач на тот момент был председателем крымского парламента и вел переговоры с украинскими политиками о создании главно-

го закона республики. Эта Конституция существенно ограничивала самостоятельность Крыма, а окончательно права автономии были выхолощены после принятия поправки народного депутата Украины Ивана Зайца, который предложил считать нормы украинского законодательства первостепенными при возникновении правовых коллизий. Примечательно, что даже название высшей награды автономии было изменено: вместо «Почетного гражданина АРК» появился титул «Почетного крымчанина», кроме того, крымский парламент был лишен права законодательной инициативы. Таким образом, конституция Крыма 1998 года стала результатом политических компромиссов между Киевом и Симферополем, но именно в этом документе предусматривалась возможность проведения местного референдума, в результате которого и произошло воссоединение Крыма с Россией весной 2014 г.

Конституция 2014 года отличается от предыдущих конституций тем, что этот документ дает республике полномочия, которых не было ни в одной из ранее принятых Конституций Крыма. Крымский парламент вернул себе право законодательной инициативы и принятия собственных законов. Кроме того, любая проблема, которая возникает в республике, если она относится к ведению Крыма, может быть урегулирована в регионе.

Конституцией Республики Крым на законодательном уровне закреплён статус русского, украинского и крымскотатарского языков в качестве государственных. Данная конституционная норма о равенстве использования государственных языков в Республике была введена в действие для снижения межэтнической напряженности, накопленной в местном сообществе.

После воссоединения Крыма с Россией Законодательный орган Крыма - Верховный совет - был переименован в Государственный совет, Севастопольский городской совет - в Законодательное собрание. Кроме того, был утверждён новый состав кабинета министров республики во главе с Сергеем Аксеновым, а в октябре 2014 г. Аксенов был избран главой региона сроком на пять лет. В мае 2014 года Госсовет Крыма принял решение о созда-

нии второй должности заместителя председателя, на которую был назначен представитель межджлиса крымско-татарского народа Ремзи Ильясов, который до февраля 2013 года возглавлял постоянную комиссию по межнациональным отношениям и депортированным гражданам. В октябре 2013 г. Ильясов участвовал в выборах на пост председателя межджлиса, проиграв Рефату Чубарову с разницей 12 голосов при 240 голосовавших. Комментируя это назначение, Владимир Константинов подчеркнул необходимость совместной оперативной работы над решением «совместных с крымскотатарским народом проблем»².

Выборы и смена власти. 14 сентября 2014 г. в Крыму и г. Севастополе состоялись первые выборы депутатов парламентов. В выборах приняли участие более половины крымских избирателей. Депутаты избирались по смешанной системе сроком на пять лет. В Крыму и Севастополе были зарегистрированы региональные отделения российских партий, в том числе «Единой России», ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России». В выборах участвовали как кандидаты от партий, так и независимые кандидаты. В результате выборов в Госсовет Крыма вошли 70 депутатов от партии «Единая Россия», 5 - от ЛДПР. В Законодательном собрании Севастополя 22 мандата получили представители «Единой России», 2 - ЛДПР. Председателем Госсовета Крыма был избран Владимир Константинов, а спикером Законодательного собрания Севастополя стал Алексей Чалый.

Осенью 2014 года на должность губернатора Севастополя был избран вице-адмирал в отставке Сергей Меняйло, возглавлявший до этого госпредприятие «Крымские морские порты». С марта 2014 года в Крыму начался процесс образования территориальных структур российской федеральных органов исполнительной власти. Были образованы региональное министерство внутренних дел с территориальными подразделениями, управление МВД по Севастополю и его районные структуры, а также симферопольский линейный отдел МВД России на транспорте, подчиненный непосредственно

федеральному министерству. Главное управление МЧС по республике и управление МЧС по Севастополю были включены в единую систему МЧС РФ. Также были образованы территориальные органы Минюста, миграционной службы, службы по контролю за оборотом наркотиков, службы исполнения наказаний, Росграницы и службы госстатистики. Была создана Крымская таможня, которая включает восемь таможенных постов. На полуострове также работают управления казначейства и Пенсионного фонда РФ.

Проблема гражданства. Интеграция Республики Крым в политическое и правовое пространство России выявила ряд проблем, связанных с переходом на стандарты действующего российского законодательства. Для решения этих проблем Госсоветом Республики Крым был принят ряд законов и специальных постановлений, позволяющих обеспечить правовое регулирование возникших нестандартных ситуаций в правовой сфере. Особый ряд проблем был связан с получением крымчанами российского гражданства. В течение девяти месяцев была произведена выдача паспортов гражданина Российской Федерации. Гражданами России стали 1 миллион 56 тысяч крымчан, в том числе подавляющее число крымских татар. По данным УФМС, лишь около 3,5 тысяч жителей Крыма разных национальностей пожелали сохранить за собой украинское гражданство. Такое быстрое оформление паспортов стало беспрецедентной акцией в истории российской государственности (по оценкам начальника Управления Федеральной миграционной службы по Республике Крым Петра Яроша, в обычном режиме процесс занял бы порядка 5-7 лет).

Деятельность общественно-политических организаций. С вхождением Крыма в состав Российской Федерации перед всеми субъектами деятельности в Республике Крым возникла задача реформирования, перехода на российские стандарты и официальной регистрации в соответствии с законодательством России. В этот процесс включились органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации, предпринимательство (как юридические, так и

² <http://www.rbc.ru>

физические лица), а также институты гражданского общества – партийные, общественные, религиозные, национально-культурные и иные некоммерческие структуры, средства массовой информации. Первыми некоммерческими организациями, созданными в Крымском федеральном округе, стали региональные отделения Общероссийского движения «Народный фронт «За Россию» в Республике Крым и Севастополе. По данным Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым, на конец 2014 года в Республике Крым в соответствии с российским законодательством было зарегистрировано свыше 300 общественных организаций, 30 благотворительных фондов, 15 политических партий и 39 культурно-национальных автономий. Примечательно, что в числе национально-культурных автономий и обществ некоторые этнические группы зарегистрировали по две организации, в частности азербайджанцы, белорусы, болгары, греки, евреи и немцы. Также зарегистрирована одна русская община (под руководством Сергея Цекова) и Общественная организация «Республиканская организация «Скифо-Аланская».

В общем массиве общественных организаций Крыма следует отметить появление нового общероссийского общественного движения крымских татар - Межрегионального движения крымско-татарского народа «Къырым», которое было зарегистрировано в соответствии с российским законодательством и может рассматриваться как альтернатива меджлису. Возглавил движение Ремзи Ильясов, который имеет большой опыт работы в органах государственной власти. Предполагается, что первый съезд движения состоится в июне 2015 года. Главными программными целями движения являются содействие решению проблем крымских татар, связанных с интеграцией в российское политическое, экономическое и культурное пространство.

Процедуры регистрации продолжились в начале 2015 года, и по состоянию на 10 февраля количество некоммерческих организаций составило 482. Политическое пространство Республики Крым на эту дату представлено 21 региональным отделением политических партий.

Характеризуя текущее состояние крымского общества, следует упомянуть о том, что во всех органах государственной исполнительной власти Республики Крым были сформированы Общественные советы. Тем не менее, остается открытым вопрос о результативности деятельности подобных советов, которые имеют долгую историю, но в Крыму до сего времени мало были ощутимы их результаты. Особенностью 2014 года можно считать появление Общественной палаты Республики Крым, которая осуществляет свою деятельность на основании Закона «Об Общественной палате Республики Крым», принятого 30 апреля 2014 г. Приоритетные направления деятельности Общественной палаты Республики Крым определены ее основными функциями, целями и задачами. Среди ключевых – обеспечение взаимодействия граждан, общественных и иных некоммерческих организаций с органами власти; формирование общественного мнения и доведение его до сведения органов власти.

Средства массовой информации.

По данным Роскомнадзора, в Республике Крым на конец 2014 г. зарегистрировались 117 средств массовой информации, еще 39 – подали соответствующие документы. К февралю 2015 года количество зарегистрированных СМИ (печатные, телевизионные СМИ и радио) составило 167, из них 107 – крымские, остальные – филиалы федеральных средств массовой информации. Прошли перерегистрацию около половины печатных изданий крымских муниципалитетов. Для сравнения можно указать, что по данным украинского реестра, в Крыму было зарегистрировано около 3 тысяч СМИ, однако реально функционировавших из них оказалось лишь около трехсот. Таким образом, перерегистрацию прошли почти половина реально функционирующих средств массовой информации Крыма.

Реакция крымских татар на воссоединение Крыма с Россией. Следует отметить, что Всекрымский референдум 16 марта и его последствия в сфере межнациональных отношений отчасти разделили крымских татар. В их среде обострился конфликт, связанный с конкуренцией политических идей внутри этого этнического сообщества. Проблема заключа-

ется в том, что национальные идеи крымских татар и претворяющие их в жизнь элитные группы не являются однородными по своей сути. На протяжении последних лет ключевое значение имела идеологическая и политическая линия, связанная с меджлисом крымскотатарского народа, который долгие годы возглавлял М. Джемилев, передавший свои полномочия Рефату Чубарову.

С другой стороны, в предыдущие годы постепенно оформлялась оппозиционная меджлису сила, которую представляли, с одной стороны, сторонники НДКТ (Национальное движение крымских татар), создавшие альтернативную меджлису организацию «Милли Фирка», а также ряд общественных организаций, среди наиболее активных из них можно назвать организацию «Себат», а также часть крымских татар, имевших опыт конструктивного сотрудничества с органами государственной власти и занимавших в разные годы крупные посты в крымском Парламенте и правительстве. Последние в июне 2014 г. создали новую общественную организацию «Къырым Бирлиги» (Единство Крыма)³.

Отношения «центр-регион». Решающую роль в формировании лояльности крымскотатарского населения по отношению к будущему развитию Крыма в составе Российской Федерации играет позиция Президента РФ В.Путина и Российского правительства, которые продемонстрировали готовность взять на себя решение ключевых экономических и социальных проблем крымских татар. В частности, 21 апреля 2014 года, Президент Российской Федерации подписал Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Особое значение данного указа заключается в том, что в нем фактически впервые на уровне высшей государственной власти осуществлено признание незаконности факта депортации из Крыма представителей 5 народов. Не менее важным является также и то, что указ нацеливает на необходимость восстановления исторической справедливости, устранения

последствий незаконной депортации и допущенных нарушений прав, в том числе, имущественных и культурных.

Оценивая стратегическое значение данного указа, следует указать на его роль в деполитизации этнического фактора в Крыму, что может служить основой для благополучного и устойчивого с экономической и политической точки зрения развития региона. При этом решающую роль будет играть эффективность и результативность государственной национальной политики в Крыму.

В 2014 г. органы государственной власти в Республике Крым, а также органы власти федерального уровня осуществляли национальную политику в регионе в соответствии с действующим законодательством, а также с учетом региональных особенностей. Особое внимание было уделено завершению строительства многочисленных объектов жизнеобеспечения крымских татар, проживающих в местах их компактного проживания. Ожидается, что на эти цели в ближайшие 5 лет из федерального бюджета будет направлено около 10 миллиардов рублей (в 2014 г. в рамках Федеральной целевой программы по Крыму на 2015-2020 гг. на решение проблем депортированных освоено более 300 млн. руб., а в 2015г. планируется выделить 1 млрд. 117 млн. рублей).

Социально-экономическая сфера.

Для обеспечения процесса интеграции Крыма в социально-экономическое пространство России на федеральном уровне было создано Министерство по делам развития Крыма. 11 августа 2014 года Правительство Российской Федерации утвердило Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» (Постановление №790) общим объемом финансирования 681,2 млрд. рублей. Из них из федерального бюджета выделяются 658,1 млрд.руб., средства внебюджетных источников составляют 23,1 млрд. рублей. Цели Программы – интегрирование экономики Крымского федерального округа в экономическое пространство России, обеспечение транспортной доступности, снятие инфраструктурных ограничений в целях устойчивого экономического развития.

---

³<http://kr-eho.info/index.php>

Главные задачи реализации Федеральной программы: устранение ограничения транспортной и инженерной инфраструктур, повышение качества энергоснабжения региона, развитие социальной сферы, обеспечение межнационального согласия.

Важным событием 2014 года можно считать установление особого правового режима и свободной экономической зоны на территории Крыма. Согласно положениям Федерального закона от 29.11.2014 № 377-ФЗ, с 1 января 2015 года на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя функционирует свободная экономическая зона, которая создана сроком на 25 лет с возможностью продления и предполагает особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, включая льготное налогообложение и применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Федеральный закон направлен на обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона посредством привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы.

Проблемы в финансовой и банковской сфере. После подписания федерального закона о принятии Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации возник ряд проблем в финансовой сфере. Денежной единицей на полуострове стал рубль. Изначально власти полуострова постановили, что гривну будут обменивать по фиксированному курсу 3,8 руб. С мая 2014 года курс гривны стал рыночным. С июня хождение гривны было прекращено, а обменять украинскую валюту на рубли стало возможным только в отделениях банков. На момент воссоединения Крыма с Россией в хранилищах Национального банка на территории полуострова находилось 3,7 млрд гривен. В январе 2015 года глава Крыма Сергей Аксенов сообщил, что эти деньги возвращены украинской стороне⁴.

До марта 2014 г. в Крыму работало более 180 украинских бан-

ков. Крупнейшим был Приватбанк, также работали отделения дочерних российских учреждений: Сбербанка, ВТБ-банка, Альфа-банка и др. После воссоединения Крыма с Россией и до начала 2015 года для финансовых организаций продолжали действовать лицензии, выданные Украиной. Все обязательства украинских банков перед вкладчиками были сохранены. Также вклады крымчан и севастопольцев подпали под гарантии Агентства по страхованию вкладов РФ. Организации, которые хотели продолжить работу на полуострове, должны были получить российскую регистрацию. Практически сразу после воссоединения Крыма с Россией работу с физическими лицами прекратил Приватбанк. А в мае 2014 года Нацбанк Украины запретил украинским банкам вести деятельность в Крыму. Лицензии Банка России получили только два украинских кредитных учреждения - Севастопольский морской банк и Черноморский банк развития и реконструкции. Обязательства остальных банков, а также их отделения были переуступлены этим банкам, а также российским организациям, в том числе акционерному банку «Россия» и Российскому национальному коммерческому банку. По данным на начало февраля 2015 года, на территории Крыма действуют 26 банков с 516 подразделениями. Из-за санкций США в Крыму возникли проблемы с процессингом банковских карт Visa и MasterCard. Чтобы обеспечить бесперебойное проведение платежей клиентов, банки республики начали выпуск карты российской платежной системы ПРО100.

Транспортная система. Одной из наиболее ощутимых проблем для Крыма в 2014 году стала транспортная связь с материком. Ранее все автомобильные и железные дороги пролегли через Украину. В конце 2014 г. Киев в одностороннем режиме прекратил наземное сообщение с полуостровом, и основным транспортным коридором стала паромная переправа через Керченский пролив. Так как переправа не рассчитана на большие транспортные потоки, в течение курортного сезона в 2014 году возникали существенные проблемы, связанные с долгим ожиданием парома на Керченской переправе для личного и грузового автомобильного

---

⁴ <http://tass.ru/crimea/theme/authority>

транспорта. В качестве решения данной проблемы планируется возвести совмещенный автомобильно-железнодорожный мост через Керченский пролив, однако существует ряд проблем, связанных с подвижностью грунта, обусловленного сейсмичностью дна Черного моря. Тем не менее, подготовка к проектированию и строительству была начата уже в 2014 году. Ожидается, что мост будет сдан в конце июня 2019 года. Кроме этого, в 2015 году планируется приступить к строительству новой автотрассы «Таврида» из Керчи в Симферополь и Севастополь. Кроме этого, для решения транспортной проблемы осуществляется реконструкция пассажирского аэропорта в Симферополе. В 2014 г. Авиазел обслуживал более 50 рейсов 14 авиакомпаний.

Промышленность и сельское хозяйство. В марте 2014 года Верховный совет Крыма постановил национализировать все принадлежавшие Украине предприятия на территории полуострова. Под контроль республиканских властей перешли нефте- и газодобывающие компании, в том числе «Укртрансгаз», «Черноморнефтегаз», Феодосийская нефтебаза, а также порты, телекоммуникационные компании («Крымтелеком»). В феврале 2015 года было национализировано имущество компании «Укртелеком», принадлежавшей Ринату Ахметову. При этом многие крупные предприятия сохранили старых собственников, например «Крымский ТИТАН» (владелец - Дмитрий Фирташ). Судостроительные предприятия полуострова были включены в систему гособоронзаказа, обсуждается программа по модернизации крымских верфей.

Сельское хозяйство - одна из основных отраслей экономики Крыма, которая составляет около 35% валового регионального продукта. 2014 год был достаточно засушливым, кроме того, критической проблемой для сельскохозяйственного производства на орошаемых землях явилось перекрытие Украиной Северо-Крымского канала. По этой причине фактически в Крыму прекратилось производство риса, однако урожай зерновых был собран с лучшими результатами, чем в предыдущие годы. Также увеличилось поголовье скота и птицы, производство мяса и молока сократилось на несколько

процентов, а производство яиц выросло более чем на 8%. В Черноморском и Белогорском районах Крыма было заложено более 300 га молодых садов.

Туризм, как особая проблема Крыма. Особо важную роль в экономике Крыма играет туризм. В 2014 г. Крым посетило на треть меньше туристов, чем годом ранее, при этом число россиян в общем туристическом потоке на полуостров выросло на 67%. Снижение общего туристического потока произошло за счет уменьшения доли туристов из Украины и зарубежных стран. Наряду с этим, Крым стал одним из самых популярных направлений у россиян по количеству проданных авиабилетов. В основном отдыхающие посещали Ялту, Алушту и Евпаторию.

В 2014 году в Крыму действовало 825 санаториев, профилакториев и гостиниц. Ожидается, что на Крымском полуострове будут созданы 11 туристско-рекреационных кластеров, шесть из них - в Крыму (в том числе в Евпатории и в районе Чокракского озера), пять - в Севастополе.

Энергоресурсы и водные ресурсы. До воссоединения Крыма с Россией Крым и Севастополь на 75-90% зависели от поставок электроэнергии с Украины. В 2014 году начались перебои с подачей электроэнергии: с июня 2014 года электричество в Крым по рыночной стоимости поставляла компания «Укринтерэнерго». Ситуация с веерными отключениями обострилась в конце 2014 года. Проблема была решена в декабре, когда вступил в силу годовой контракт о поставке энергии в Крым, подписанный «Интер РАО» и «Укринтерэнерго»: в качестве компенсации Россия согласилась поставлять электроэнергию и уголь на Украину. Кроме этого, в 2014 году на полуострове было установлено 13 мобильных тепловых электростанций, началось проектирование двух новых мощных электростанций. В соответствии с федеральной целевой программой «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» в энергокомплексе Крыма предполагается устранить сетевые ограничения, создать собственную генерацию и обеспечить надежное и бесперебойное электроснабжение. В инженерном комплексе планирует-

ся профинансировать мероприятия по обеспечению водоснабжения, водоотведения, берегоукрепления.

В 2014 г. возникла критическая ситуация с водоснабжением восточного Крыма, где практически нет ни поверхностных, ни подземных вод. Для водообеспечения восточных районов Крыма был сооружен водоотвод из Нижнегорского водохранилища протяженностью 200 км. В итоге вода из Нижнегорска стала поступать в Северо-крымский канал, а далее – по существующему водоотводу в восточную часть Крыма.

Также следует отметить, что в Крыму наблюдался рост уровня загрязнения поверхностных и подземных вод, что влияет на ухудшение качества питьевой воды. Практически во всех населенных пунктах существуют проблемы с отведением и очисткой сточных вод: канализационные сооружения и сети долго не ремонтировались, системы морально и технически устарели и не справляются с очисткой стоков. Около половины очистных сооружений сбрасывают сточные воды в природные водоемы.

Состояние социальной защищенности. Развитие социальной сферы сосредоточено на реализации мероприятий по строительству и реконструкции объектов здравоохранения. До 2014 года на территории полуострова функционировало 175 объектов здравоохранения (больниц, поликлиник и др.). Начиная с весны 2014 года в Крыму и Севастополе действовали программы модернизации здравоохранения, которые нацелены на проведение капитального ремонта в 18 медучреждениях. Крым и Севастополь вошли в систему ОМС. На модернизацию здравоохранения в Крыму в 2014 году было выделено около 2 млрд руб.

На начало 2014 г. в Крыму проживало около 700 тыс. пенсионеров, которые получают пенсии, пересчитанные в соответствии с российским законодательством. Крым и Севастополь вошли во все российские программы, включающие обеспечение жильем ветеранов Великой Отечественной войны, и программы в сфере ЖКХ. Право на материнский капитал имеют более 100 тыс. семей полуострова.

В течение 2015 г. Крым переходит на российский формат управления многоквартирными домами и адаптации местного законодательства к российским нормам. В 2014 году полуостров получил 1,1 млрд руб. на тепло- и водоснабжение жилых домов; на строительные работы было потрачено 3,2 млрд руб.; на переселение крымчан из аварийного жилья выделено около 950 млн руб.

Школьное образование. В мае 2014 г. в Крыму началась реформа системы образования. С сентября республика перешла на российские стандарты образования. Перед этим все учителя региона прошли переподготовку, а в школы Крыма поступили российские учебники. В 2014 году для крымских выпускников были выделены дополнительные бюджетные места в российских вузах, абитуриенты из Крыма проходили вне конкурса.

Единый государственный экзамен не является в Крыму обязательным для поступления в вузы, однако желание попробовать свои силы и сдать его изъявили полторы тысячи одиннадцатиклассников. Для них, по информации министра образования, науки и молодежи Натальи Гончаровой, были организованы пять пунктов сдачи ЕГЭ: три — в Симферополе, по одному — в Евпатории и Ялте. При осуществлении контроля за деятельностью данных пунктов была обнаружена неожиданная тенденция: министерство выявило на территории Крыма около 200 «ЕГЭ-туристов» из других регионов Российской Федерации — учащихся выпускных классов и окончивших школу в предыдущие годы, кто прибыл в Крым после 1 марта 2014 г. Есть среди них те, кто приехал вместе с родителями жить, учиться и работать, но основное количество рассчитывает на упрощенную процедуру сдачи экзамена. По информации министерства образования, науки и молодежи, такие абитуриенты будут определены в единые пункты сдачи ЕГЭ, где будет онлайн-наблюдение напрямую из Рособнадзора Российской Федерации⁵.

⁵ <http://crimiz.ru/index.php/2011-03-13-11-39-21/18543-2015-04-16-09-59-58>

В системе высшего образования наиболее важные события связаны с объединением нескольких высших учебных заведений, в результате которого были созданы Севастопольский государственный университет и Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского. Наиболее сложно развивалась ситуация в Крымском медицинском институте, сотрудники которого выражали коллективное недовольство включением медицинского вуза в Крымский федеральный университет.

Правоохранительные органы и борьба с преступностью. До воссоединения Крыма с Россией охраной общественного порядка и борьбой с преступностью на полуострове занималось главное управление МВД Украины в Автономной Республике Крым. В марте 2014 года на полуострове были созданы российские органы правопорядка - министерство внутренних дел Республики Крым и управление МВД РФ по Севастополю. Они вошли в структуру МВД России. В соответствии с российским законодательством, из состава МВД Крыма были выведены подразделения миграционной службы и службы исполнения наказаний. На данный момент и в Крыму, и в Севастополе подразделения МВД укомплектованы полностью. В состав крымского ведомства также вошел региональный батальон отряда милиции особого назначения «Беркут», ранее относящийся к структуре МВД Украины. В мае 2014 года на пост прокурора Республики Крым была назначена Наталья Поклонская. Прокурором Севастополя стал Игорь Шевченко. Согласно данным правоохранительных органов, в 2014 году уровень преступности в Крымском федеральном округе упал почти на 44% по сравнению с 2013 годом.

Религиозная ситуация. На начало 2014 года на территории АР Крым действовали 2 083 религиозные организации, из которых 1 409 имели статус юридического лица и 674 пользовались правом религиозной деятельности без государственной регистрации. В городе Севастополь было зарегистрировано 137 религиозных организации. После присоединения Крыма к России религиозные общины получили возможность перерегистрироваться в соответствии с российским законода-

тельством. Тем не менее, некоторые религиозные общины и лидеры прекратили свою работу на полуострове. В частности, 16 марта 2014 года Крым покинул греко-католический священник Николай Квич, который был задержан представителями правоохранительных органов и обвинен в экстремизме. На протяжении марта 2014 года наблюдался выезд из Крыма священников Украинской греко-католической церкви, а также Римско-Католической Церкви и Украинской православной церкви Киевского патриархата. В частности, римо-католический приход в Симферополе покинул его настоятель о. Петр Росохацкий, гражданин Польши, работавший в Крыму на протяжении последних 5 лет.

Формально прекратила свое существование в Крыму религиозная организация «Хизб ут-тахрир», запрещенная Российским законодательством. Однако нельзя утверждать, что влияние этой организации на крымских мусульман прекратилось, особенно в сельской местности и молодежной среде.

Выводы. Главное содержание наблюдавшихся в Крыму в 2014 году социально-политических процессов связано с фактом воссоединения Крыма с Россией и интеграцией местного сообщества в российское политическое, правовое и экономическое пространство.

Несмотря на то, что большинство жителей Крыма и города Севастополя поддерживали российский вектор развития Крыма и выразили свою поддержку этому решению на референдуме 16 марта 2014 года, в местном сообществе наблюдались конфликтные ситуации, связанные с наличием противоположных мнений относительно будущего вектора развития Крыма.

В среде крымских татар произошло разделение на сторонников и противников воссоединения Крыма с Россией, в результате чего конфликтное пространство в сфере межэтнических отношений в Крыму получило новые импульсы для своего углубления. Наряду с этим, следует учитывать то, что крымские татары за годы репатриации уже получили доступ к ключевым ресурсам полуострова, включая самый ценный ресурс – землю на Южном и Юго-Восточном берегу Крыма. Кроме того, реальный социальный и эко-

номический статус крымских татар в действительности выше, чем официально декларирующийся. Проблемы в сфере образования и культуры крымских татар в основном решаются, а их актуализация носит, скорее, манипулятивный характер. В этих условиях открытое и длительное противостояние с политическим курсом, который поддерживает большинство населения полуострова, означает для многих представителей среднего класса и крымско-татарской элиты прямой экономический и политический ущерб, которого они будут пытаться избежать.

В случае заметного улучшения экономической и социальной ситуации в Крыму политический контекст внутреннего противостояния в среде крымских татар отойдет на второй план, а роль межджлиса будет постепенно снижаться, при условии, что альтернативные межджлису политические силы будут консолидированы и приобретут авторитет у большинства крымских татар.

Наряду с этим не следует исключать возможности эскалации этнического конфликта в Крыму в результате внешнего воздействия с использованием исламского фактора при задействовании международных сетевых структур, которые уже имеют своих представителей на полуострове.

Это подтверждается тем фактом, что в течение последних лет в Крыму наблюдалась активизация нетрадиционных исламских течений, таких как ваххабизм, «Братья-мусульмане», а также партия «Хизб ут-тахрир», которая после вхождения Крыма в состав РФ оказалась вне правового поля в связи с вступлением в силу российского законодательства, запрещающего функционирование этой религиозной партии на территории страны. Однако, несмотря на это, данное религиозное течение не утратило влияния на своих сторонников (преимущественно в сельском и молодежном сегменте).

Определенные риски в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений могут быть связаны с распространением идей исламского государства в среде крымских мусульман, а также с наличием в местном сообществе людей с опытом боевых действий в Сирии.

*Сенюшкина Т.А.
доктор политических наук, профессор кафедры
политических наук и международных отношений
Крымского федерального университета
им. В.И.Вернадского*

О деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым

Смирнов Заур Русланович – Председатель Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым

Статья по докладу на научно-методическом семинаре «Система этномониторинга и перспективы реализации государственной национальной политики в России» Сети этнологического мониторинга (Ялта, Республика Крым, 27 марта 2015 г.)

Тема межнациональных отношений, их бесконфликтного развития на сегодняшний день имеет особую актуальность для Республики Крым, как и для России в целом. Мы знаем на исторических примерах, что судьба многих государств решалась на том этапе, когда народы, проживающие в этом государстве, не находили между собой общего языка. Сегодня самый горь-

кий пример – это пример Украины, когда происходит процесс исчезновения государства на фоне братоубийственной войны, навязанной по заказу зарубежных «благожелателей» стран Запада. Наши оппоненты делают особый упор именно на дестабилизации сложившихся и установившихся отношений в Крыму, на разжигание межнациональной розни, провоциро-

вание конфликтов и информационной войны. Потому не случайно президентом нашей страны Владимиром Владимировичем Путиным сегодня особое внимание уделяется развитию и сохранению в России межнационального согласия.

Прошло более года после событий «Крымской весны». Совсем недавно мы всей республикой праздновали годовщину Референдума о статусе Крыма¹, результат которого был очевиден для крымчан – ведь Крым в культурном и языковом отношении всегда ощущал себя частью Великой России, а сам референдум был частью юридической формальности, которая поставила в этом многострадальном вопросе точку. Перед референдумом Правительство Крыма делало акцент на том, что все мероприятия, связанные с референдумом, будут возможны только в случае сохранения межнационального мира и согласия в Крыму. Та немалая доля ответственности, которая была возложена на нас, когда были откровенные попытки извне использовать «национальную карту» Крыма, не давала нам права на ошибку. Подготовка и проведение референдума, как и последующие многочисленные мероприятия в Крыму, прошли благополучно. Крым показал миру пример гражданского единства и межнационального согласия – это и есть залог его успеха, как и успеха всей Российской Федерации.

Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым существует с 1990-х гг., ранее он назывался Рескомнац - Республиканский комитет по делам национальностей. Это ведомство всегда являлось объектом спекуляций и критики. Было и немало конструктивных общественных дискуссий, поскольку всё, что происходило в Крыму с точки зрения развития и сохранения межнациональных отношений – происходило, прежде всего, благодаря воле крымчан.

Крымские татары, наряду с другими народами, депортированными из Крыма в сталинский период, а затем вернувшиеся

на полуостров, все 23 года после исчезновения СССР и получения Украиной государственной самостоятельности просили правительство этой страны принять хотя бы один закон о реабилитации, не говоря уже о возможности принятия президентского указа. Но, к сожалению, мольбы к властям Украины не были услышаны. Только теперь, когда Крым сменил государственную юрисдикцию, Украина, вдруг «одумавшись», начала проявлять «теплые чувства к горячо любимому крымскотатарскому народу». Ранее задача руководства Украины заключалась в том, чтобы держать «на цепи» вечно «недовольный и злой народ», который тем самым ставился в противовес славянскому населению Крыма. Украина, в лице ее властей, фактически ничего не делала для этого народа, потому что было удобно культивировать «народную злость». А если возникали неугодные киевским властям проявления эмоций, то таковые эмоции мгновенно пресекались. В период правления украинского президента В. Ющенко, несмотря на его «дружелюбное отношение» к крымским татарам, никаких конкретных мер не предпринималось, хотя на словах крымскотатарскому народу были обещаны «золотые горы», мир и стабильность. Мир поддерживали сами крымские татары и население Крыма, но не центральные власти Украины.

Когда после перехода Крыма в состав России, 21 апреля 2014 г. российским президентом В.В. Путиным был подписан Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»², мы все назвали этот указ историческим, так как понимали, что тысячи людей, к сожалению, не дожили до этого события и остались в местах депортации, а если и приезжали на Родину – были никому не нужны. Некоторые так и ушли из этого мира с клеймом предателя, и это навсегда останется нашей историей, болью нашего народа... Однако ныне за-

---

¹ Референдум о статусе Крыма 16 марта 2014 г. на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя. В АРК, при явке 83,1%, за присоединение Крыма к Российской Федерации проголосовало 96,8%, в г. Севастополе, при явке 89,5% за присоединение к России проголосовало 95,6%.

---

² Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. N 268 "О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития".

вершилась трагедия целого поколения наших соотечественников.

Сегодня уже новое поколение крымских татар, немцев, греков, армян, болгар живет у себя на Родине – в Крыму. Мы получили возможность реабилитировать своих родных хотя бы посмертно, вернуть честные имена наших предков. Когда сегодня оппозиционные силы пытаются нивелировать значение реабилитационного Указа Президента России, то делают это лишь с одной целью – скрыть собственную прежнюю бездеятельность, цинизм и безразличие к народам, буквально выживавшим в Крыму в те послесоветские годы, когда полуостров был в составе Украины.

За эти два прошедшие десятилетия также и языковая проблема в Крыму была предметом острых спекуляций и информационной войны. Проблему языков муссировали во время выборных компаний, ее использовали как инструмент в борьбе за власть. И только в 2014 г., уже в составе Российской Федерации, принята Конституция Республики Крым, в которой три языка – русский, крымскотатарский и украинский – обрели статус государственных.

Одним из самых острых вопросов в многонациональном Крыму является вопрос о религии. До референдума о статусе Крыма полуостров фактически находился на грани религиозного взрыва, когда сторонники партии «Хизб ут-Тахрир» позволяли себе проводить в Крыму на центральных площадях митинги, собрания, акции. К счастью, большинство людей не понимали, в чем они действительно принимали участие. После референдума организаторы течений, запрещенных в Российской Федерации, спешно покинули Крым, так как им грозила уголовная ответственность. В конфессиональном вопросе мы нашли поддержку в России – наше желание работать на консолидацию общества и межконфессиональное согласие было поддержано. Мы приняли решение, что муфтият в Крыму должен быть один, а именно Духовное управление мусульман Крыма, а не как было раньше – конкурирующие структуры и течения. Я с гордостью могу сказать, что за максимально короткий срок в этом вопросе ситуация нормализовалась, и мы привели

ее в цивилизованное русло, конечно же не без конструктивной позиции в этом вопросе самого муфтия, не без поддержки Администрации Президента РФ. Мусульмане Крыма смогли на собственном опыте убедиться в толерантном отношении государства к религии, когда в 2014 г. 150 паломников были отправлены в Саудовскую Аравию для совершения хаджа по льготным ценам. В 2015 г. выделено 300 квот для крымских паломников – это, безусловно, исторически важное событие, которое является фактом международного признания мусульман российского Крыма.

Созидательная политика не может не отражаться на отношении людей к власти, тем более, когда мы говорим об отношении крымских татар, которые чуть ли не на «генетическом» уровне привыкли ей не доверять. На сегодняшний день, впервые за 23 года стена отчуждения, возведенная между крымскотатарским народом и властью, наконец-то падает. Крымские татары – на 99,9 процентов граждане Российской Федерации, они в большинстве желали получить российское гражданство; они раньше, чем представители других национальностей в Крыму, получили российские паспорта. К тому же двадцать тысяч граждан из числа репрессированных обратились с заявлениями в соответствующие государственные органы для получения справок о реабилитации согласно Указу Президента РФ. Это и есть ответ тем скептикам, которые глут о нежелании крымских татар быть с Россией и якобы их массовом выезде за пределы Крыма. Так называемым правозащитникам, сидящим в Киеве, западные фонды оплачивают поездки в Брюссель, в Вену и другие города Европы для того чтобы ложь о бегстве крымских татар с полуострова транслировалась на Западе. Но для крымчан эта ложь очевидна.

Отдельной важнейшей темой является восстановление исторической памяти о Великой Отечественной войне. Эта память находилась под ударами и всячески извращалась Украиной за последние два десятилетия. Сегодня, в рамках мероприятий празднования 70-летия Великой Победы, я хочу подчеркнуть значение того же комплекса мер о реабилитации репрессированных и депортированных из Крыма народов. Предпринятый комплекс

реабилитационных мер уже оказал влияние на жизнь крымских татар. Высочайшей оценки заслуживает Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2014 г. о присвоении звания Героя России советской разведчице Алим Абдинановой, уроженки Крыма, крымской татарки. Именно благодаря этому Указу, сегодня практически во всех школах, вузах, где учатся крымскотатарские дети и дети других национальностей, проводятся открытые уроки, тематические мероприятия памяти Великой Отечественной войны. Подобные мероприятия были просто невымыслимы во времена киевской власти в Крыму. Сегодня открыто рассматривается роль в той войне крымскотатарского народа. Раньше подобное было запретом, и поэтому у людей вырабатывался комплекс «ущербного человека крымскотатарской национальности». Безусловно, все действия, предпринятые президентом Путиным в крымскотатарском вопросе, дают право целому народу впервые за свою историю строить конструктивный диалог с властью.

В текущем году на обустройство мест компактного проживания репрессированных народов из федерального бюджета было использовано 333 млн руб., причем эта цифра не за полный год, и она в семь раз превышает объемы финансирования, которые были при Украине за последние семь лет! Согласно Федеральной целевой программе, до 2020 г. на эти цели планируется выделить более 10 млрд руб. Эта цифра вообще не подлежит комментарию, она заоблачно превышает то финансирование, которое затрачивалось за последние два десятилетия на обустройство реабилитированных народов и гармонизацию межнациональных отношений в Крыму.

Не могу не затронуть тему российской государственной переписи населения в октябре 2014 года в Крымском Федеральном округе. Вопреки всем скептическим

прогнозам, крымские татары активно приняли в ней участие. Данный факт подтвердили и независимые исследования, проведенные после переписи Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. После получения результатов этой переписи мы будем опираться на ее данные при планировании работы и, естественно, при реализации стратегии государственной национальной политики в Крыму.

Сегодня Республике Крым, как и России в целом, брошен вызов – это колоссальное давление извне, политические и экономические санкции, стремление изолировать полуостров, информационная война. Однако, главным является то, что мы, Крымчане – едины. События Крымской весны сплотили нас, несмотря на различия в национальности, религии и культуре, показали, что у нас больше общего, чем различий. Эти события изменили однополярный мир и навязанную идеологию – жесткую политику подавления любой самоидентификации и самоопределения. Сегодня российский Крым посещают зарубежные делегации, иностранные журналисты и видят реальные плоды нашего самоопределения – гражданский мир без внутренней конфронтации и твердую уверенность в своем будущем всех без исключения этнических сообществ.

Со своей стороны мы делаем все, чтобы положение дел в Республике Крым было объективно освещено в мировых СМИ, чтобы снять навязанную информационную блокаду и показать всему миру, что на референдуме 16 марта 2014 года крымчане сделали свой осознанный выбор. Мы, многонациональный народ Крыма, вернулись домой, в Россию!

*Смирнов З.Р.
Республика Крым*

О деятельности отдела по делам национальностей, связям с общественными и религиозными объединениями Департамента внутренней политики Правительства Севастополя

Рябых Владимир Николаевич – начальник отдела по делам национальностей и религиям Департамента внутренней политики Правительства Севастополя, кандидат психологических наук
Статья по докладу на научно-методическом семинаре «Система этномониторинга и перспективы реализации государственной национальной политики в России» Сети этнологического мониторинга (Ялта, Республика Крым, 27 марта 2015 г.)

Решение задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 119 декабря 2012 года №1666 в городе федерального значения Севастополь имеет приоритетное значение в работе отдела по делам национальностей и религий Департамента внутренней политики Правительства Севастополя. Для этого используются и подходы, предусмотренные новыми для Севастополя государственными регламентирующими документами, и наработки, эффективность которых проверена временем. Надо понимать, что Севастополь и прежде никогда не ожидал «у моря погоды» и, исходя из опыта самоуправления, удавалось заблаговременно отслеживать «откуда дует ветер» в сфере международных отношений и принимать соответствующие шаги для предотвращения «бури». Готов Севастополь и к современным вызовам. Жители военно-морского города – люди в массе с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации, любящие город и чтящие исторические традиции – всегда отличалось высоким уровнем сплоченности и бдительности. Эта особенность легко объяснима, ведь значительную часть севастопольцев составляют офицеры вооруженных сил и Черноморского флота СССР, члены их семей, их потомки. Сегодня в условиях роста внешних угроз фактор самодисциплины населения не только сохранен, но его действие даже усилилось. Из общего количество военных объектов Крыма подавляющая часть сосредоточена именно в районе Севастополя. Большой удельный вес лиц высокой квалификации, чья профессиональная деятельность востребована государством, связан с размещением в городе важнейших рыболовных

предприятий, таких как «Атлантика», «Юг-рыбхолодфлот» и соответствующие предприятия береговой инфраструктуры. Здесь же – высокотехнологичные предприятия судоремонта и судостроения, оборонные предприятия и НИИ. В Севастополе высока доля научных кадров благодаря Морскому гидрофизическому институту, Институту биологии южных морей, двум высшим военно-морским училищам, Севастопольскому университету. Севастополь еще и курсантский и студенческий город.

Уже с начала 1990-х гг., после распада СССР, при чередовании экономических и политических кризисов на постсоветском пространстве, Севастополь, с его военными гарнизонами, военнотехническими специалистами, как территория сосредоточения современных вооружений и совместного базирования военно-морского флота двух государств, был вынужден искать твердую почву для общественной стабильности и недопущения конфликтов на какой бы то ни было почве, в том числе в сфере межэтнических отношений. Уже в пером послесоветском десятилетии были апробированы непривычные для того времени подходы по достижению и сохранению международной и межконфессиональной стабильности, а в практике реального управления разработаны методы выхода из конфликтов. Тогда же впервые были применены приемы медиаторной политики и заблаговременного урегулирования.

Многое было сделано по части созидательного управления. В Севастополе еще в 1993 г. в противовес политике украинизации удалось сформировать национально-культурные общества – в начале таких обществ было 12, затем 18, сейчас – 33. Опыт институционального этнокультурного развития охватывает уже бо-

лее чем два десятилетия. При этом следует отметить, что развитие национально-культурных обществ ориентировалось не только на поддержку малых культур и языков, но и на поддержку и развитие общепринятого русского языка и культуры. Русский язык был и остается основной нормой общения как в бытовой, так и во всех культурных сферах Севастополя.

Национально-культурные общества, в составе которых были армянское, болгарское, немецкое, два греческих (греки понтийские и греки Эллады), два крымскотатарских самостоятельно объединились в 1993 г. в Ассоциацию национально-культурных обществ Севастополя – АНККОС. Эта структура все 23 года по сути проводила политику единства культур на основе принципа «Севастополь – наш общий дом».

АНКОС послужила крепким фундаментом и стабилизирующим фактором при подготовке и проведении референдума в марте 2014 г. в Севастополе. Сегодня эта общественная структура преобразована в Государственное казенное предприятие «Севастопольский национально-культурный центр», который продолжает активную деятельность в практически неизменном составе.

В Севастополе действуют следующие конфессии, которые представляют порядка 96% верующего населения города:

- Украинская православная церковь Московского патриархата
- Ислам
- Римско-католическая церковь
- Греко-католики
- Украинская православная церковь Киевского патриархата
- Иудаизм традиционный и направление «Хабад».

В конце 1990-х гг. стала очевидна необходимость создания общественного межконфессионального органа, способного обеспечить диалог или хоть какое-то взаимодействие представителей различных конфессий, поскольку к тому времени активность некоторых групп, равно как и политика Украины в религиозной сфере, подвели ситуацию к опасной черте. Были остры разногласия между представителями Московского Патриархата и отколовшегося Киевского Патриархата, были по-

пытки захвата храмов и силового противостояния. Имела место попытка силовой ликвидации последователями радикального ислама Свято-Успенского мужского монастыря в г. Бахчисарае в 1999 г., происходили и другие инциденты.

В 2001 г. в Севастополе начала действовать общественная структура «Межконфессиональный согласительный центр», который обрел юридический статус в 2006 г. В последствии аналогичная структура «Мир – дар Божий» была образована в Крыму по благословению архиепископа митрополита Лазаря. Сегодня работа этих организаций уже опирается на солидный опыт межконфессионального сотрудничества и медиаторной деятельности.

Стремление работать на упреждение конфликтов и сохранение гражданского спокойствия в городе Севастополе способствовало тому, что за 23 постсоветских года в городе не было зафиксировано ни одного сколько-нибудь значимого случая межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Накопленный опыт в полной мере используется и теперь, когда распоряжением губернатора в Севастополе создан общественный консультативно-совещательный орган «Совет по межнациональным отношениям» и готовится проект общественного Совета по межконфессиональным вопросам.

Учрежден Департамент внутренней политики Правительства Севастополя и при нем отдел по делам национальностей и религиям. Хотя отдел имеет небольшое количество сотрудников (3 человека), он ведет большую работу по формированию и упрочению среди севастопольцев, особенно среди молодого поколения, новых ценностей гражданского единства и свободного этнокультурного развития всех национальных групп населения Севастополя.

В период развития острого политического кризиса на Украине и в период перехода Крыма и Севастополя под юрисдикцию России возникала большая опасность выплеска доселе латентных межэтнических и конфессиональных напряжений. Обострились многие процессы, которые ранее казались незначимыми или попросту замалчивались. Особенно опасными могли стать провокации экстремист-

кой направленности в оппозиционной среде крымских татар – установка на конфронтацию формировалась и поддерживалась властями Украины и раньше, в противовес пророссийским настроениям крымчан и севастопольцев. Готовность к конфронтации формировалась даже тем, что прежние власти Украины декларировали, но фактически мало исполняли обещания по социальной и культурной поддержке крымских татар. С возвращением Крыма и Севастополя России политика в сфере межэтнических и конфессиональных отношений уже выглядит достаточно успешно. Россия не побоялась признать и исправить исторические ошибки бывшего Советского государства, особенно, что касается реабилитации депортированных народов. Такая политика благотворно действует на восприятие людей, снижает риски межгрупповых конфликтов. В новых политических и правовых условиях отдел по делам национальностей и религиям способен действовать вполне эффективно.

Однако новые вызовы порождают новые проблемы, и среди них – проблема беженцев. По данным МВД и ФМС, ежеквартальный приток мигрантов разных категорий составил в 2014 г. порядка 11 тыс. чел. Но это что касается учтенных перемещений, тогда как фактический приток больше, и он особенно возрастал в моменты обострения боевых действий в соседнем Донбассе и Луганске.

Не является проблемой межэтнических отношений присутствие частей вооруженных сил в Крыму и Севастополе, однако в рамках государственной политики межнациональных и религиозных отношений в дальнейшем следует принимать во внимание новую для региона и Севастополя реальность, ведь личный состав частей включает военнослужащих разной этнической и конфессиональной принадлежности.

Особая проблема переходного периода – это решение вопросов разграничения полномочий, ресурсов и финансовых возможностей между двумя новыми субъектами Российской Федерации – Республикой Крым и городом федерального значения Севастополем. Большое значение здесь играет работа по достижению взаимопонимания, в частности, при реа-

лизации федеральных целевых программ, направленных на социальное обустройство депортированных народов и достижение межнационального согласия. Пока что оба субъекта учатся делать совместные шаги и учитывать интересы друг друга.

При планировании мероприятий государственной национальной политики руководство Севастополя учитывает, что город федерального значения представляет собой объект активного международного и внутригосударственного туризма со всеми сопутствующими явлениями и опасностями.

Необходимо учитывать историко-символический фактор Севастополя – колыбели христианской Руси. Этот факт пока недооценен Россией и как ключевой элемент Национальной идеи еще сыграет достойную роль в гражданской консолидации россиян. В Севастополе еще предстоит проделать большую работу по переоценке и осмыслению базовых критериев Российской духовности для информационно-просветительной деятельности в социально-культурной сфере. Вопрос духовности становится одним из центральных для организации социально-культурной деятельности и этики государственного управления. В процессе работы нашего отдела, занимающегося одновременно вопросами межконфессионального и межнационального обустройства Севастополя, такой поход уже показал свою целесообразность и востребованность.

После 2001 г. в связи с массовым возвращением депортированных крымских татар, их количество в Севастополе возросло до 1,8% населения. На 01.01.2014 количество крымских татар ориентировочно составляло 12,5 тыс. чел. (3% населения). Это – самая многочисленная группа представителей депортированных народов в Севастополе, имеющая традиционные прочные этнические связи с Республикой Крым и Украиной.

Для сохранения и развития культур и языков народов Российской Федерации, проживающих в Севастополе, за счет средств регионального бюджета действует, как уже отмечалось выше, «Севастопольский городской национально-культурный центр», являющийся базой для деятельности 33 национально-культурных обществ, а отдельные нацио-

нально-культурные общественные объединения и организации проходят перерегистрацию в соответствии с законодательством Российской Федерации. В Севастополе в отдельных помещениях активно работают армянский, греческий, немецкий национально-культурные центры и Севастопольский благотворительный еврейский центр «Хесед-Шахар».

По желанию родителей в четырех общеобразовательных школах города 190 учащихся факультативно изучают крымскотатарский язык, в одной школе 56 учащихся изучают греческий язык. В институте последипломного образования Севастопольского городского гуманитарного университета работает методист крымскотатарского языка из числа крымских татар.

В воскресных школах, действующих на базе Севастопольского городского национально-культурного центра 23 человека изучают армянский язык, 15 – греческий, 38 – немецкий.

Для поддержки и сохранения культуры крымскотатарского народа при Севастопольском центре культуры и искусства работает отдел крымскотатарской культуры, в селах действуют 6 детских творческих крымскотатарских коллективов за счет средств регионального бюджета. Творческим коллективам «Акъяр» и «Байдар» присвоено звание «образцовый».

Ежегодно отмечаются мусульманские праздники Наврез, Хыдырлез, Ораза-байрам, Курбан-байрам, Дервиза-байрам с приглашением жителей города разных национальностей.

При Государственном унитарном предприятии "Севастопольская телерадиокомпания" действуют национальные редакции, получающие по 30 минут бесплатного радио и телевизионного эфира ежемесячно, это:

- редакция армянского общества - «Армения любовь моя»,
- азербайджанского – «Гобустан»,
- белорусского – «Батькивщина»,
- греческого – «Ясас»,
- еврейского – «Шалом»,
- татарского - «Арзу»,
- татаро-башкирского – «Родной язык».

В средствах массовой информации Севастополя, включая и медиа-ресурсы,

постоянно освещается проведение праздников народов разных национальностей, среди которых День славянской письменности и культуры, крымскотатарский праздник «Дервиза», выставки народно-прикладного искусства севастопольских национально-культурных обществ, проводятся многочисленные выступления национальных творческих коллективов, часто публикуются материалы об истории города Севастополя и роли в ней представителей разных национальностей.

В Севастополе стало хорошей традицией поздравлять жителей разных национальностей и вероисповедания со значимыми датами и событиями, как, например, поздравление мусульманской общины с праздниками Курбан-байрам и Ораза-байрам.

Одновременно с этим ведется разработка перспективных программ и информационных компаний по консолидации Российского общества согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Программы направлены на укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации.

Отделом определены мероприятия ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». С учетом предложений общественности, среди мер, предусматривающих строительство жилья и развитие инженерной инфраструктуры, приоритетом по направлению «Обеспечение межнационального единства» является завершение строительства жилого дома для репрессированных (социальное жилье), который долгое время стоял как заброшенный объект. Так же планируется закладка еще одного дома для этих же целей.

В настоящее время за счет средств регионального бюджета проводятся работы по газификации в селе Штурмовое – как реализация части программы по обустройству сел с высоким процентом представителей репрессированных народов Крыма, вернувшихся на проживание в Крым.

В Федеральную целевую программу по развитию Крыма и Севастополя до 2020 года заложены мероприятия по строительству дорог, газификации сел и

обеспечению водой сельского населения Севастополя.

Уже имеются первые результаты. Представители всех национальностей Севастополя приняли активное участие в прошедшем в сентябре 2014 г. Дне единого голосования, а в октябре того же года – в переписи населения. Так, явка крымских татар на переписные пункты и участие в переписи на дому не вызвала у представителей «Севастопольстата» проблем с недоучетом данной части населения. Заметную помощь в этих процессах оказывает налаженная связь с религиозными организациями города. Представители различных конфессий проводили большую разъяснительную работу по подготовке общественного мнения как перед

днем выборов, так и перед переписью 2014 года.

Слаженная работа подразделений Правительства Севастополя во взаимодействии с территориальными органами и органами местного самоуправления способствует реализации программы по единению народов России и сохранению межнационального и межконфессионального согласия в Севастополе. «Процветание – в единстве» - этот девиз, начертанный на гербе Крыма, вселяет уверенность в том, что трудности переходного периода на пути к такому единству в скором времени будут преодолены.

*Рябых В.Н.
Город федерального значения
Севастополь*

Роль общественных организаций в системе межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму в условиях переходного периода

Одной из ключевых задач функционирования общественных организаций в системе межэтнических и межконфессиональных отношений является снятие межэтнической напряженности и предупреждению конфликтов посредством включения групповых этнических интересов в общественные процессы. В Крыму высокая межэтническая напряженность сознательно формировалась и поддерживалась украинскими властями на протяжении всего постсоветского периода. В настоящее время свое действие оказывают сложные внутренние процессы, связанные с трудностями переходного периода. Под их влиянием произошла актуализация этнического и религиозного факторов, усиление их воздействия на общественное сознание. Это, в свою очередь, может привести к появлению и усилению интолерантных настроений, к обострению напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях, создающих риск конфликтов на этнической и религиозной почве и тем самым несущих угрозу политической стабильности на полуострове.

По данным Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым, на конец 2014 г. в Республике Крым в соответствии с российским законодательством зарегистрировано свыше 300 общественных организаций, 30 благотворительных фондов и 15 политических партий. Процедуры регистрации активно продолжились и по состоянию на 10 февраля 2015 года количество некоммерческих организаций составило 482. Политическое пространство Республики Крым на эту дату представлено 21 региональным отделением политических партий.

Первыми некоммерческими организациями, созданными в Крымском федеральном округе и Севастополе, стали региональные отделения Общероссийского движения «Народный фронт «За Россию» в Республике Крым и Севастополе.

Особое внимание необходимо уделить созданию Общественной палаты Республики Крым, которая осуществляет свою деятельность на основании Закона «Об Общественной палате Республики Крым», принятого в новом субъекте Рос-

сийской Федерации первым (№ 1-ЗРК от 30.04.2014, подписан и. о. Главы Республики 15.05.2014).

Приоритетные направления деятельности Общественной палаты Республики Крым определены основными ее функциями, целями и задачами. Среди ключевых – обеспечение взаимодействия граждан, общественных и иных некоммерческих организаций с органами власти; формирование общественного мнения и доведения его до сведения органов власти; обеспечение участия представителей общества в решении актуальных вопросов развития региона; развитие институтов гражданского общества; содействие органам государственной власти при выработке и реализации региональной политики по ряду вопросов.

Основным приоритетом в деятельности Общественной палаты Республики Крым на данном этапе является содействие органам государственной власти, некоммерческим организациям и структурам бизнеса в скорейшей адаптации всех сфер жизнедеятельности Крыма к российскому законодательству и формированию российской идентичности у крымчан.

В августе 2014 г. члены Палаты приняли участие в организации и проведении круглого стола на тему: «Вопросы перерегистрации общественных организаций в соответствии с законодательством Российской Федерации. Проблемы, возникающие у налогоплательщиков при применении норм Налогового кодекса РФ», с участием Управления федеральной налоговой службы России и ГУ Министерства юстиции по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю, Генбанка России, общественных объединений Республики Крым.

Общественной палатой Крыма совместно с Общественной палатой Российской Федерации был организован и проведен 25 декабря 2014 года в Симферополе семинар-тренинг на тему «Работа общественных организаций Крыма в законодательном поле Российской Федерации». Цель мероприятия – помочь общественным деятелям в решении проблем, возникших в связи с интеграцией некоммерческих организаций Крыма в правовое поле РФ, в частности, по вопросам внедрения нового документооборота, прове-

дения более тщательной финансовой отчетности. Для этого планируется создание специальной рабочей группы, которая займется разработкой дорожной карты по переходу крымских некоммерческих организаций /НКО/ в правовое поле РФ. В нее войдут члены ОП, представители Минюста РФ, члены профильного комитета Госдумы, профильные НКО и независимые эксперты¹.

Вопросы межнационального и межконфессионального согласия стали отдельной темой на встрече членов Совета Общественной палаты Республики Крым с членами Общественной палаты Российской Федерации А. Кргановым и Г. Федоровым, в ходе которой участники заседания договорились о дальнейшем сотрудничестве, необходимом для реализации совместных проектов по развитию гражданского общества в Крыму. Начало совместной работы Крымской Палаты и Палаты России в 2015 г. было положено именно в плоскости гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений – 4-5 февраля на площадках Общественной палаты Республики Крым состоялась целая серия совместных заседаний ОП РК и профильной комиссии ОП РФ с участием экспертов Москвы, Крыма, Татарстана, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра и Краснодарского края².

Роль общественных национально-культурных объединений как института гражданского общества, прежде всего, определяется необходимостью решения национально-культурных проблем этнических общностей. Продуктивность объединений определяется, прежде всего, тем, насколько они могут выразить интересы той или иной этнической группы, донести их до сведения органов государственной власти и правоохранительных структур и т. д. По состоянию на первое февраля 2015 г. в Крыму зарегистрированы 39 культурно-национальных автономий. Среди общественных организаций Крыма

¹ Общественная палата разработает дорожную карту по интеграции крымских НКО (<http://www.c-inform.info/news/id/20420>).

² Доклад Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2014 году» (http://www.opcrimea.ru/assets/files/EjegodniyDocladOPRK_2015.pdf).

оформили наибольшее количество национально культурных автономий немецкие общины. По данным Федеральной налоговой службы, немцы зарегистрировали 12 организаций. Всего на территории полуострова насчитывается 52 общины. Также перешли на российские нормы законодательства шесть армянских и столько же болгарских организаций, по пять греческих и молдавских, четыре еврейские, три караимские, три французские.

Крымские татары пока зарегистрировали две культурные автономии в Ялте и Симферополе,³ но в ряде районов Крыма не зарегистрировано ни одной подобной общественной организации – это районы Джанкойский, Раздольненский, Черноморский, Первомайский, Советский, Ленинский и Красноперекопский.

Относительно разнообразия религиозных конфессий в Крыму, необходимо отметить, что на начало 2014 г. в Крыму со статусом юридического лица действовало 1409 религиозных организаций. Еще около 674 религиозных общин, в основном крымскотатарских, действовали без регистрации. За последние 25 лет число религиозных общин в Крыму увеличилось с 47 до 2083.

На полуострове существуют общины 52-х конфессий, 67% организаций принадлежат к православию и исламу (505 и 410 соответственно). Более 20% от общего количества организаций – протестантские (представлено на полуострове 16-ю течениями), приходы Римско-католической (13), Украинской грекокатолической (9), а также украинской автокефальной православной церковью (10). Из 44 зарегистрированных общин Украинской православной церкви Киевского патриархата реально действующими являются 15. Кроме того, в Крыму существуют украинская, немецкая, караимские и иудейские общины. Есть на полуострове и представители свидетелей Иеговы, мормонов и даже «Общества сознания Кришны»⁴.

---

³ Национально-культурные автономии в Крыму (http://mirnoe.com/respublika_krym/novosti_kryma/2134-nacionalno-kulturnye-avtonomii-v-krymu.html).

⁴ Количество религиозных организаций в Крыму выросло в 44 раза (<http://krymedia.ru/religions/3370135-kolychestvo>

Одной из существенных проблем в условиях переходного периода является получение статуса юридического лица религиозными объединениями. Крайний срок перерегистрации сначала был установлен до 31 декабря 2014 г., после чего Госдума РФ поспешно приняла закон о продлении этого срока до 1 марта 2015 г. Однако получить статус юридического лица на основании законодательства России религиозные организации Крыма смогут вплоть до конца 2015 года. До предыдущего крайнего срока по законам России смогли перерегистрироваться только 2 религиозных объединения и 12 религиозных общин Крыма. Еще около 150 заявлений религиозных общин находились на рассмотрении местных властей Крыма.

Решению проблем в области межрелигиозных отношений, возникших в ходе интеграции жителей Крыма в правовое, социальное и культурное пространство России, было посвящено расширенное заседание комиссии Общественной палаты Российской Федерации с участием представителей Общественной палаты Республики Крым, Межрелигиозного совета России и Межконфессионального Совета Крыма «Мир – дар Божий». Данное мероприятие продемонстрировало единство лидеров религиозных организаций в необходимости обеспечения фундаментальных прав граждан на свободу совести и вероисповедания, а также на сохранение и развитие исторически сформировавшихся религиозных традиций народов России. Так, заместитель муфтия Духовного управления мусульман Крыма А. Баиров подтвердил, что разобщить народы, проживающие на полуострове, и радикализировать мусульман Крыма не удалось, несмотря на то, что за последние два года на полуострове подожгли четыре мечети. «Мы провели работу среди мусульман и объяснили, что это провокация чистой воды», - подчеркнул А. Баиров. Он отметил, что духовное управление мусульман Крыма перенимает российский опыт борьбы с радикальными религиозными течениями. «В России есть регионы, где сложилась схожая ситуация, и методы решения вопросов проработаны

---

relyhyoznykh-orhanyzatsyi-v-krymu-vyroslo-v-44-raza).

десятилетиями, - сказал он. – В Украине многие небезопасные, по мнению муфтията, секты могли официально регистрироваться и распространять свои учения. В России же они запрещены законодательством. У многих сегодняшних сект, которые есть в Крыму, просто нет права на существование».

Секретарь Симферопольской и Крымской епархий, протоиерей А. Якущечкин отметил, что религиозная политика государства осуществляется в национальных интересах РФ ради блага ее граждан и общества и с целью противодействия угрозам национальной безопасности страны⁵.

В рамках переходного периода в Крыму необходимо уделить также особое внимание поиску механизмов включения молодежи в процесс реконструкции и укрепления согласия в обществе. В этой связи стоит отметить проведение Всекрымского форума молодежи «Единство — Бирлик — Єдність», который собрал более 500 человек из разных регионов полуострова. Среди участников — представители различных организаций, в том числе — «Молодой Гвардии Единой России», Молодежной ассамблеи народов Крыма, «Комитета крымскотатарской молодежи», «Опоры России», «Кардашлык», «Инкишаф». По итогам форума была создана всекрымская ассоциация молодежных организаций «Единство — Бирлик — Єдність», которая объединит представителей различных этнических групп. Она будет стимулировать участие молодежных групп в политической жизни, оказывать помощь различным организациям и объединениям, а также привлекать молодежь к решению проблем полуострова⁶.

Большую роль в самоорганизации крымских татар на принципах гражданского общества и в целях решения проблем их обустройства после возвращения на свою историческую родину призваны сыграть общественные организации и движения. В этом плане заслуживает внимания

инициатива заместителя председателя Государственного Совета Республики Крым Ремзи Ильясова по созданию общероссийского общественного движения крымских татар «Крым», главными программными целями которого является содействие решению проблем крымских татар, связанных с интеграцией в российское государственное пространство. А также общественное движение крымских татар «Къырым бирлиги» (Сейтумер Ниметуллаев и Азиз Абдуллаев), программными целями которого являются осуществление общественного контроля за ходом реализации программ социально-экономического развития районов, городов и Республики Крым в целом, включая вопросы обустройства мест компактного проживания ранее депортированных народов, возрождения и развития крымскотатарского языка, культуры и традиций, сохранения исторического и духовного наследия народа; организация в соответствии с требованиями действующего законодательства эффективной работы с обращениями граждан - представителей крымскотатарского народа по защите их прав, свобод и законных интересов, осуществление общественной, юридической и правовой поддержки в вопросах социальной защиты, обеспечения жизнедеятельности и гуманитарного развития на территории Республики Крым и др.

Между тем эксперты сходятся во мнении, что новые общественные организации являются детищами прежней системы «курултай-меджлис» на базе «новых» организаций, но с той же претензией на высшее этническое представительство, что и уходящий в небытие курултай-меджлис Джемилева-Чубарова. Факт присутствия в составе руководства и членов движения «Крым» членов меджлиса и делегатов курултая лишний раз доказывает неоднородность общественно-политических настроений в крымскотатарской среде, что вполне характерно для нынешнего этапа интеграции Крыма в российское пространство.

Между тем, репутация у организаций, которые заявляют о притеснении крымско-татарского народа, действительно, сомнительная. Так, по данным сайта news.allcrimea.net, с призывом «не допустить уничтожения» крымских татар к Ге-

⁵ Для развития межконфессионального диалога в Крыму (<http://www.opcrimea.ru/novosti/dlyarazvitiya-mezhkonfessionalnogo-dialoga-v-krymu.html>).

⁶ В Крыму создали ассоциацию молодежных организаций (<http://krymedia.ru/society/3371603-v-krymu-sozdaly-assotsyatsiyi-molodezhnykh-orhanyatsiyi>).

неральному секретарю ООН Пан Ги Муну обратилась официально незарегистрированная и насчитывающая всего лишь несколько десятков сторонников общественная организация под названием «Комитет по защите прав крымско-татарского народа». В резолюции, принятой на конференции, отмечается, что призыв крымскотатарской молодежи в вооруженные силы РФ, «является угрозой исчезновения крымскотатарского народа, караимов и крымчаков». «Инициировать создание Комитета матерей по защите молодежи призывного возраста коренных народов Крыма: крымских татар, караимов и крымчаков, находящихся в стадии исчезновения, от службы в вооруженных силах РФ», - говорится в резолюции. Решено также начать петиционную кампанию в ЕС и другие международные организации с целью приостановления призыва представителей коренных народов Крыма в ряды ВС России.

Таким образом, анализируя текущую ситуацию в Крыму в условиях переходного периода динамику межнациональных и межконфессиональных отношений, а также потенциальные угрозы внутривнутриполитической и социальной стабильности в регионе, необходимо отметить, что приоритетными направлениями деятельности общественных и религиозных организаций являются:

- разработка программ и проектов в области поликультурного образования, которые должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях между этническими группами с целью формирования межэтнического и межконфессионального доверия;

- поиск общественными организациями новых форм работы для привлечения молодежи и воспитания молодежи в духе российского патриотизма, включая комплексное исследование проблем молодежи (безработица, наркомания и алкоголизм, вовлечение в экстремистскую деятельность, распространение радикалистских учений), определение механизмов включения молодежи в процесс реконструкции и укрепления согласия в обществе;

- повышение роли национально-культурных объединений и национально-культурных автономий в межнациональном взаимодействии в профилактике ксенофобии и укреплении гражданского мира в Крыму.

*Гроссфельд Е.В.
к.полит.н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

Крымскотатарская тема и манипулирование общественным мнением

На протяжении нахождения Крыма в составе постсоветской Украины Автономная Республика Крым (АРК) относилась к регионам с высоким потенциалом межнационального конфликта, фактическими причинами которого являлись политика Киева и незаконной этнической организации «меджлис», спекулирующих на теме «дискриминации крымских татар».

Суть спекуляций меджлиса сводилась к утверждениям о безземельности, безработице и прочих «лишениях» в среде крымских татар. В первые послесоветские годы трудности действительно имели место, но в следующем десятилетии по-

добные обвинения уже не соответствовали реальности, хотя и стали «типичными» для восприятия мировым сообществом, на чем и настаивали лидеры меджлиса.

В общественном мнении были сформированы устойчивые мифы о целой серии нарушения прав собственности на землю, на участие в государственных делах, на труд и достаточный жизненный уровень, на свободу вероисповедания, на образование. Меджлис тщательно культивировал мифы об ущемлении прав крымских татар как для «внутреннего» (внутри Крыма) пользования, так и в расчете на международную аудиторию.

Мифы о безземельности. Попытка избавиться от мифа о дискриминации крымских татар в земельном вопросе была предпринята в 2006 г. Советом Министров автономии, при котором действовала специальная земельная комиссия. В рамках работы этой комиссии были собраны количественные данные по всем административно-территориальным единицам АРК о выделении земли под жилищную застройку крымским татарам и остальным крымчанам.

Расчеты на основании этих данных, свидетельствовали о том, что средняя обеспеченность земельными участками крымско-татарских семей составляла 113,9%, причем данный показатель превышал 100% в большинстве административно-территориальных единиц автономии, а в Алуште достигал даже 203,8%.

По данным той же земельной комиссии при Совмине АРК, аналогичный показатель землеобеспеченности для остальных крымчан составлял 48,1%, при этом на территории большинства горсоветов он не достигал даже 30%.

Таблица 1. Средняя землеобеспеченность семей репатриантов и крымчан (по данным отчета ПРИК ООН «Земельные отношения в Крыму»)

	участков, ед. на 1 семью	площадь, га на 1 семью
ранее депортированные и их потомки	2,16	2,75
остальное население	1,20	1,98
в среднем по Крыму	1,28	2,05

Свидетельства того, что безземельность крымских татар являлась мифом, использующимся в целях политического шантажа, получили не только члены земельной комиссии Совмина, но и эксперты одной из функционировавшей в АРК структур ООН – Программы развития и интеграции Крыма. В 2006 г. ПРИК ООН в рамках проекта «Мониторинг человеческой безопасности» (Human Security Monitoring) подготовила отчет о «Земельных отношениях в Крыму», в котором приводились следующие цифры: «На одну семью из числа ранее депортированных в среднем приходится 2,16 участка земли средней площадью 2,75 га, а из числа недепортированных – 1,2 участка/1,98 га».

Таким образом, эксперты международной организации зафиксировали, что средняя землеобеспеченность семей репатриантов вдвое превысила аналогичные показатели в сравнении с остальными крымчанами и превысила среднекрымские показатели.¹

Здесь можно было бы привести аргумент, что семьи крымских татар по составу больше, чем у других жителей Крыма. Но в указанном отчете есть и подушные показатели: «На одного взрослого человека (в возрасте старше 18 лет) из числа депортированных приходится 0,69 участка общей площадью 0,88 га, а из числа не депортированных — 0,47 участка общей площадью 0,78 га». То есть, средняя землеобеспеченность на душу населения среди крымских татар также превышала аналогичные показатели в сравнении с остальным населением Крыма.

Таблица 2. Средняя землеобеспеченность репатриантов и крымчан в возрасте старше 18 лет (тот же источник)

	участков, ед. на чел.	площадь, га на чел.
ранее депортированные и их потомки	0,69	0,88
остальное население	0,47	0,78
в среднем по Крыму	0,50	0,79

Но несмотря на неоспоримые доказательства отсутствия проблемы дискриминации в земельном вопросе, меджлис продолжал не только тиражировать миф о безземельности. В том же 2006 г. последовала серия новых земельных самозахватов (самовольного занятия земельных участков) в Симферополе и Симферопольском районе. Эти захваты «решали» проблему землеобеспеченности уже не самих репатриантов (выселенных в 1944 г. и их детей), а их потомков.

Следует отметить, что самозахваты использовались в качестве не только политических, но и земельных спекуляций. «Спекулятивная категория РДЛ (ранее

¹ Земельные отношения в Крыму (октябрь 2006 г.) отчет Программы интеграции и развития Крыма ПРООН (http://www.undp.crimea.ua/img/content/file/Land_RU.pdf).

депортированных граждан) упоминается в отчете консультанта ООН Велько Микелича «Вопросы земельной собственности в Крыму»². В подготовленном им документе говорится, что на Южном берегу Крыма (ЮБК) «6768 изолированных участка были заселены крымскими татарами, насчитывающими 15144 человек. Если говорить о семье как о единице, то 3066 семей получили 6768 земельных участков под индивидуальное строительство, то есть два земельных надела на каждую семью. Вот почему на одной трети наделов (2608) никогда не начиналось строительство ввиду текущих рыночных цен на этой территории: эти земельные наделы держат, пока не наступит нужный момент перепродать их». В этом же отчете Велько Микелич пишет: «Подсчитано, что спекулятивная категория РДЛ, возможно, составляет большинство из 12000 РДЛ, которые обратились за выделением земельных наделов на Южном берегу Крыма».

В 2011 г. свидетельством тому, что разговоры о безземельности репатриантов сильно преувеличены, стали результаты независимого опроса населения. Украинский центр экономических и политических исследований им. Александра Разумкова и его социологическая служба провели 21 февраля – 14 марта 2011 г. в Автономной Республике Крым и в Севастополе опрос 2020 респондентов в возрасте старше 18 лет. Результаты обнародованы в том же году в Киеве на круглом столе «Крым: безопасность и развитие»³. Миф о безземельности развенчали сами респонденты из числа крымских татар. На вопрос: «Имеете ли вы в частной собственности земельный участок» – отрицательно ответили 55,2% украинцев, 51,2%

русских, но лишь 21,7% татар. Согласно данным этого опроса, землеобеспеченность крымских татар была в 2,5 раза выше, чем у местных украинцев, и в 2,4 раза выше, чем у местных русских.

Результаты этого опроса доказывали и несостоятельность утверждений меджлиса об ущемлении прав крымских татар при распаивании сельскохозяйственной земли. Данные исследования свидетельствовали о том, что участки сельскохозяйственного назначения в частной собственности имеют 16,8% крымских татар, 4,5% русских и 7,2% украинцев.

Необоснованность мифа о безземельности подтверждали и данные Республиканского комитета АРК по земельным ресурсам, согласно которым в 2013 г. уровень землеобеспеченности крымских татар и остальных крымчан по сравнению с 2006 г. увеличился. При этом средняя обеспеченность земельными участками крымскотатарских семей в 2013 г. составляла 133%, а на территории Ялтинского горсовета даже 311%.

Таким образом, данные статистики и социологических исследований свидетельствовали не только об отсутствии ущемления права собственности на землю для крымских татар, но и фиксировали факты позитивной дискриминации в отношении большинства крымчан в связи с исполнением ежегодных Программ обустройства депортированных граждан.

Право на участие в государственных делах. Одним из самых тиражируемых мифов являлись заявления меджлиса о дискриминации крымских татар в праве на участие в государственных делах, в связи с чем лидеры этой незаконной этнической организации выдвигали требования пропорционального представительства для крымских татар в органах исполнительной власти и местного самоуправления. При этом руководство меджлиса, постоянно апеллировавшее к международным организациям, замалчивало, что подобные требования противоречили как внутреннему законодательству, так и международным актам в данной области, которые закрепляют права граждан на участие в государственных делах через соблюдение международных норм для каждого гражданина иметь возможность

² Микелич В. Вопросы земельной собственности в Крыму: анализ и предложения для возможного корректирования (http://www.old.rada.crimea.ua/sovnet/analit/1/1_200703_06_me_ru.doc).

³ Якість життя жителів Криму та перспективи її покращання в контексті реалізації Стратегії економічного та соціального розвитку АР Крим на 2011–2020 рр.: інформаційно-аналітичні матеріали до фахової дискусії на тему «Крим: безпека і розвиток», 6 квітня 2011 р. (http://www.uceps.org/upload/Prz_Krym_2011_Yakymenko.pdf).

без необоснованных ограничений и дискриминации:

1) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей;

2) голосовать и быть избранным на периодических выборах, проводимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;

3) допускаться на общих условиях равенства к государственной службе.

Также следует отметить, что в Рекомендациях по эффективному участию национальных меньшинств в избирательном процессе, разработанных в 2001 г. экспертами Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ⁴ на базе «Лундских рекомендаций по эффективному участию национальных меньшинств в общественно-политической жизни», высказывается негативное мнение в отношении национального квотирования в выборных органах власти. Основным возражением против резервирования мест для нацменьшинств является аргумент, что такие квоты, во-первых, приводят к разделению кандидатов по этническому признаку, а во-вторых, что более важно, способствуют «дальнейшей дифференциации и дискриминации в обществе».

Результаты выборов в органы местной власти АРК свидетельствовали об отсутствии дискриминации крымских татар в избирательном процессе. Так, на выборах местных советов в 2006 г. при доле крымских татар в этнической структуре населения, составлявшей 12,2%, их удельный вес в органах местной власти достигал 13,6%, а в 2012 г. увеличился до 16,0%. При этом удельный вес крымских татар в городских советах составил 8,5%; в поселковых советах – 10,8%; в сельских – 16,9%; а в районных – 26,5%, что подтверждало отсутствие какой-либо дискриминации крымских татар в реализации прав на участие в государственных делах.

⁴ Рекомендации Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ по эффективному участию национальных меньшинств в избирательном процессе (<http://www.osce.org/ru/odihr/elections/17569?download=true>).

Право на труд и достаточный жизненный уровень. Результаты различных социологических исследований доказывали необоснованность утверждений меджлиса о том, что уровень жизни среди крымских татар ниже, а безработицы выше, чем у представителей других этнических групп в Крыму.

Данные упомянутого выше опроса Центра Разумкова⁵ показали, что среди крымских татар меньше бедных и больше богатых, чем среди местных украинцев и русских. Если среди респондентов из числа русских и украинцев в 2011 г., оценивая свой уровень жизни, категорию ответа «еле сводят концы с концами» выбрали соответственно 20,5% и 23,0%, то среди крымских татар — 17,4%. В то же время ответили, что «могут себе позволить купить практически все, что хотят» 3,3% татар и только 0,2% украинцев и 0,3% русских крымчан.

Результаты данного исследования показали также преувеличение проблемы безработицы у крымских татар, которая, по собственной оценке, волновала меньшее число татар (31,0%), чем украинцев (48,2%) и русских (46,0%). При этом среди татар Крыма удельный вес не работающих был вдвое больше, чем среди украинцев и русских (10,9%, 5,3% и 5,5% соответственно), но здесь следует отметить, что когорты не работающих в трех основных этнических группах Крыма складываются не только из собственно безработных, но и тех, кто занимается домашним хозяйством и не ищет работу. В первой категории удельный вес безработных крымских татар, русских и украинцев практически одинаковы: соответственно 7,6%, 7,4% и 8,2%. Во второй группе среди крымских татар удельный вес не работающих действительно вдвое выше, но данная категория респондентов относится к тем, кто не просто не имеет, но и не ищет работу (домохозяева), следовательно, по версии Международной организации труда, такие граждане не относятся к категории безработных. Согласно определению МОТ, человек в возрасте 10–72 лет признается безработным, если на критическую неделю обследования он

⁵ http://www.uceps.org/upload/Prz_Krym_2011_Yakymenko.pdf

одновременно не имел работы, искал работу и был готов приступить к работе.

Еще одним доказательством отсутствия проблемы безработицы для крымских татар служат статистические данные. Так, например, в центрах занятости в 2013 г. на учете стояли всего 3009 крымских татар, т.е. 2% трудоспособного населения этой группы населения.

Таблица 3. Наличие собственности у представителей отдельных этнических групп Крыма (по данным ПРИК ООН, 2009 г.), в% по каждой группе

	украинцы	русские	крымские татары
холодильник	96	97	98
стиральная машина	30	30	42
цветной телевизор	95	96	97
компьютер	10	11	14
стационарный телефон	34	32	26
мобильный телефон	71	70	85
спутниковая тарелка	18	19	25
мотоцикл, мопед	12	12	11
легковой автомобиль	22	15	41

Подтверждением достаточно высокого уровня благосостояния среди репатриантов служит и «критерий собственности». Так, по данным исследования, проведенного ПРИК ПРООН⁶, в 2009 г. во всех 14-ти сельских районах АРК легковой автомобиль, как показатель определенного достатка, в личной собственности имели 41% крымскотатарских домохозяйств и только 15% русских и 22% украинских домохозяйств. Также, по данным этого исследования, доля тех, кто имел в домохозяйстве компьютер, стиральную автоматическую машинку (автомат), мобильный телефон и спутниковую тарелку была выше у респондентов из числа крымских татар, чем у русских и украинцев. Удельный вес наличия остальных бытовых предметов из списка «критерия собственности» (холодильника, цветного телевизора и пр.) был практически одинаков во

всех домохозяйствах: крымских татар, русских и украинцев.

Эти данные социологических исследований опровергали постоянные заявления меджлиса о том, что крымские татары, по сравнению с другими крымчанами, менее материально обеспечены и хуже трудоустроены.

Свобода вероисповедания. Статистика, иллюстрировавшая конфессиональную ситуацию в АРК, опровергала заявления руководства меджлиса о дискриминации мусульман в сфере вероисповедания и свидетельствовала об отсутствии дискриминации в отношении представителей этой религии по сравнению с исповедующими православие.

По данным социологических исследований, 75% русских и украинцев, проживающих в Крыму, относили себя к верующим православным, в среде крымских татар к числу верующих мусульман относили себя 96% респондентов⁷.

Исходя из результатов социологических опросов и сведений по этнической структуре населения АРК (основанных на данных Всеукраинской переписи населения 2001 г.⁸), средний показатель прихожан на одну православную общину в АРК составлял 2130 чел., а средняя численность верующих мусульман на одну религиозную общину – 617 чел.

При этом наблюдалась диспропорция как в уровне обеспеченности представителей разных конфессий культовыми зданиями, так и в динамике роста культовых сооружений. Так, например, на 2013 г. степень обеспеченности православных верующих культовыми зданиями для отправления своих обрядов составляла 3 здания на 10 тыс. прихожан, а аналогичный показатель для мусульман – 13 зданий на 10 тыс. верующих. Количество культовых зданий, приспособленных для отправления обрядов православных верующих за период с 2000 г. по 2012 г. уве-

⁷ Громадська думка про релігію і церкву в Україні (Соціологічне дослідження Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона, 2004. – №3, сс. 30-40.

⁸ Этническая история Крыма в таблицах, картах, схемах и диаграммах по данным переписей населения / Информ.-исслед. центр «Интеграция и развитие». Крым. этнограф. музей; Авт.-сост. А.С. Петроградская; Под. ред. Ю.Н. Лаптева; Ред. Г.Н. Гржибовская. – Симферополь: АнтикВА, 2007.

⁶ Отчет ПРИК ПРООН «Уровень жизни в 14 районах Автономной Республики Крым», 2009 (http://www.undp.crimea.ua/img/content/file/living_standards_districts.pdf)

личилось на 63%, а для мусульманских организаций – на 122%.

Таблица 4. Количество культовых зданий в Крыму

	2000 г.	2005	2010	2012 г.
православные организации	208	272	321	338
мусульманские организации	146	237	316	324

Средний показатель обеспеченности религиозных организаций культовыми сооружениями в Крыму составлял около 60%. При этом уровень обеспеченности культовыми сооружениями мусульманских организаций превышал средний показатель по Крыму и составлял 80,6%, а аналогичный показатель для православных организаций не достигал среднего значения – 56,4%.

Акты вандализма являлись общей проблемой для Крыма, но фиксировались на православных кладбищах гораздо чаще, о чем свидетельствовала милицмейская статистика. За период с 2000 г. по 2012 г. подразделениями Главного управления МВД Украины в АРК было возбуждено 1904 уголовных дела по ст. 267 Уголовного кодекса Украины (надругательство над могилой), в частности: по фактам надругательства над христианскими могилами – 1857 уголовных дел, по фактам надругательства над мусульманскими могилами – 47 уголовных дел, или соответственно 97,5% и 2,5% из общего числа возбужденных по этой статье дел.

Цифры милицмейских отчетов свидетельствовали о «диспропорции» не только в количестве варварских преступлений, но и в их раскрываемости. Например, по данным милиции, из общего числа пре-

Таблица 5. Зафиксированные акты вандализма на кладбищах в 2000-2012 гг. в Крыму (по данным ГУ МВД Украины в АРК)

годы	на мусульманских кладбищах		на христианских кладбищах	
	за год (ед.)	доля от общего количества,%	за год (ед.)	доля от общего количества,%
2000	5	2,2	219	97,8
2001	7	4,5	149	95,5
2002	1	3,3	29	96,7
2003	3	7,7	36	92,3
2004	0	0,0	191	100,0
2005	3	3,0	97	97,0
2006	3	4,7	61	95,3
2007	10	4,3	223	95,7
2008	6	2,5	232	97,5
2009	2	1,6	121	98,4
2010	1	0,8	119	99,2
2011	4	2,5	153	97,5
2012	2	0,9	227	99,1
Всего	47	2,5	1857	97,5

На международных форумах, лидер меджлиса (1991-2013 гг.) М. Джемилев постоянно поднимал тему вандализма на мусульманских кладбищах. В своем докладе в Европарламенте он заявил о «многочисленных преступлениях, совершаемых на территории Крыма против крымских татар», среди которых обозначил осквернение мусульманских кладбищ⁹.

⁹ Проблемы и перспективы стабильности в Крыму : [доклад М. Джемилева в Европарламенте 17 марта] //Авдет, 2010. – 22 марта.

ступлений на мусульманских кладбищах, совершенных в 2006–2008 гг., не раскрытым осталось только одно, в то время как на остальных кладбищах не были раскрыты 45 фактов вандализма¹⁰, что также

¹⁰ Швец А.Б. Динамика территориальной локализации социокультурных противоречий в современном Крыму / А.Б. Швец, А.Н. Яковлев //Проблемы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму / [под ред. д.и.н. А. И. Айбабина]. — Симферополь, 2009, сс. 67–78.

опровергало утверждения М. Джемилаева, озвученные в Европарламенте, где он заявил, что «многочисленные преступления, совершаемые на территории Крыма против крымских татар, в том числе акты вандализма, осквернения кладбищ, как правило, остаются нераскрытыми и безнаказанными».

Право на образование. Не соответствовали действительности тиражировавшиеся в СМИ и международных организациях заявления лидеров межджлиса о дискриминации крымских татар в области образования, где в реальности наблюдалось ущемление прав русскоязычных крымчан.

По данным Всеукраинской переписи 2001 г., в Автономной Республике Крым русский язык считали родным 77% населения, крымско-татарский – 11,4%, украинский – 10,1%.

Язык обучения детей, в соответствии с национальным законодательством и международными стандартами, выбирали родители. В 2012 г. из общего числа учащихся общеобразовательных учебных заведений среднее образование на украинском языке получали 7,5% школьников, на русском языке – 89,4%, на крымско-татарском – 3,1%.

При этом средняя наполняемость классов с русским языком обучения составляла 20,3 чел., с украинским языком обучения – 14,9 чел., с крымско-татарским – 14,1 чел.

Сравнительный анализ количества школ с разными языками обучения в АРК свидетельствовал о росте числа общеобразовательных учебных заведений (ОУЗ) с крымско-татарским и украинским языками обучения и уменьшении числа школ с русским языком обучения. Первая школа с крымско-татарским языком обучения стала функционировать в АРК в 1993 г., с украинским языком – в 1997 г. За этот период к 2013 г. количество школ с крымско-татарским языком обучения увеличилось с 1 до 15, а с украинским – с 1 до 7, а число школ с русским языком обучения уменьшилось в 1,6 раз – с 519 до 333.

Право получения среднего образования на родных языках реализовывалось в АРК в рамках функционирования не только моноязычных школ, но также в ОУЗ с двумя или тремя языками обучения, в

которых действовали классы с украинским, русским и крымско-татарским языками обучения.

Классы с крымско-татарским и украинским языками обучения были организованы в АРК уже в 1992 году. За период с 1992 г. по 2012 г. количество классов с крымско-татарским языком обучения увеличилось с 17 до 383, или в 22,5 раз, с украинским языком обучения – с 6 до 862, или в 143,7 раз.

В отличие от положительной динамики классов с крымско-татарским и украинским языками обучения, изменение числа классов с русским языком обучения характеризовалось отрицательной динамикой. С 1992 г. по 2012 г. количество классов с русским языком обучения уменьшилось с 12140 до 7597, или в 1,6 раз.

Продолжение политики виктимизации и манипулирования. Статистические данные и результаты социологических исследований свидетельствовали об отсутствии каких-либо оснований для заявлений межджлиса о наличии в Крыму дискриминации по отношению к крымским татарам, но политика этой незаконной организации направлена на культивирование виктимного поведения в среде крымских татар и манипулирование общественным мнением.

Этот политический вектор не изменился и после воссоединения Крыма с Россией. Экс-председатель межджлиса М. Джемилаев продолжает распространять на разных международных площадках информацию о дискриминации крымских татар, изменились только отдельные задачи подобного «информирования». Финансирование межджлиса со стороны международных организаций, как основная цель, осталась неизменной, а шантаж власти для достижения социально-экономических и политических дивидендов сменился выполнением задачи Вашингтона, который в стратегию своей политики включил позицию «защитника прав» крымскотатарского населения, предполагающую поощрение среди татар антироссийских настроений, финансирование различных национальных, религиозных, правозащитных и прочих НПО, создание и поддержку антироссийских, в том числе и антикрымских медиа-проектов, содержание которых базируется

на виртуозной манипуляции национальными чувствами крымских татар, направленной на создание образа агрессивной России¹¹. В решении такой задачи меджлису помогают антироссийски настроенные представители крымскотатарской диаспоры за пределами Крыма, киевские политики и международные правозащитники, специализирующиеся на «защите прав» только в случаях, выгодных для Запада и США.

Тактика меджлиса в манипулировании общественным мнением не изменилась. В ней по-прежнему используется сочетание громких обвинений, основанных как на исключительно эмоциональных и немотивированных оценках («преследование и запугивание крымских татар»¹², «принуждение к новой депортации»¹³, «репрессии»¹⁴ и т.п.), так и на единичных фактах, которые либо подаются в искаженной интерпретации, либо как «массовое» явление.

В качестве примера первому и второму можно привести комментарии к прекращению вещания крымскотатарского телеканала АТР и заявления о «массовых исчезновениях крымских татар».

Проблема с крымско-татарским телеканалом АТР, не получившим лицензию на вещание, широко освещалась в СМИ. Руководство телеканала тиражировало сведения о подаче пяти заявлений и получении четырех отказов (на самом деле возврат документов без рассмотрения, но с обоснованиями).

В средствах массовой информации учредители АТР распространяли эмоциональные заявления без предоставления документов, которые свидетельствуют о подаче трех заявлений и трех ответах

Роскомнадзора. При этом в первом ответе Роскомнадзор указал на несоответствие требованиям оформления копий документов, во втором – на уплату госпошлины по неверным реквизитам; в третьем случае АТР предоставил неверные сведения об учредителях.

Эти факты позволили главе Республики Крым Сергею Аксенову заявить о том, что телеканал АТР прекратил вещание по вине руководства медиахолдинга¹⁵. «Частная структура, прикрываясь интересами народа, использует свое монопольное положение для политических манипуляций. Цель подобных действий понятна: создать у международной общественности впечатление, что власть якобы лишает крымско-татарский народ доступа к информации на родном языке и преследует инакомыслящих», – заявил Аксенов.

По его мнению, для этого руководство холдинга АТР сорвало процесс лицензирования, что привело к прекращению вещания. С. Аксенов назвал данный факт «элементом информационной войны против Крыма и России».

В информационной войне против Крыма и России лидеры меджлиса используют любые поводы. Так, например, они периодически делают заявления о «похищениях» крымских татар. Выступая осенью 2014 г. в ПАСЕ, М. Джемилев утверждал, что в Крыму бесследно исчезают крымские татары, и «местная власть никакими сведениями об этих людях не располагает».¹⁶

Как и в случаях с преднамеренной гиперболизацией фактов вандализма отдельными прецедентам, связанным с исчезновением людей, меджлисом придается массовый характер и исключительно этническая направленность, что в очередной раз опровергает статистика.

Согласно официальным данным МВД по Республике Крым, полученным уполномоченным по правам человека в РК

¹¹ Как США и Украина используют крымско-татарскую тему для давления на Москву (http://rusvesna.su/editorial_column/1428318708)

¹² Могерини: нарушения прав крымских татар продолжают (<http://ru.krymr.com/content/article/26880265.html>)

¹³ Крым за год превратился в полуостров страха – омбудсман (<http://www.unian.net/politics/1056056-kryim-za-god-prevratilysya-v-poluostrov-straha-ombudsman.html>)

¹⁴ Джемилев объяснил причину репрессий в Крыму: Россия не нашла там «Кадырова» (<http://apostrophe.com.ua/news/politics/2015-03-20/djemilev-obyasnil-prichinu-repressiy-v-kryimu-rossiya-ne-nashla-tam-kadyirova/18713>).

¹⁵ Заявление Сергея Аксенова о необходимости создания Общественной крымско-татарской телерадиокомпании (<http://rk.gov.ru/rus/index.html/news/299209.htm>)

¹⁶ В Крыму бесследно исчезают татары, народу грозит геноцид — Джемилев (<http://racurs.ua/news/36025-v-krymu-bessledno-ischezaut-tatary-narodu-grozit-genocid-djemilev>)

Людмилой Лубиной, в 2014 г. было подано 1839 заявлений и сообщений о фактах безвестного исчезновения граждан, из которых в 10-дневный срок установлено местонахождение 1330 лиц, т.е. 72,3%. Из общего числа зарегистрированных заявлений 93 касались исчезновения лиц крымскотатарской национальности, что составляет 5,1%. Из них не установлено местонахождение 7 человек, а установлено, соответственно, 86 лиц, т.е. 92,5%.

По состоянию на начало 2015 г. не установлена судьба 333 человек, среди которых доля русских составляет 76,6%, украинцев – 12,6%, крымских татар – 6,9%.

Изменения в наборе информационных поводов для манипулирования общественным мнением не привело к трансформации тактики меджлиса, лидеры которого по-прежнему спекулируют на вымышленном ущемлении прав крымских татар, но используют трибуны различных международных организаций не в одиночку, а с привлечением украинской власти – в полном соответствии с антироссийской политикой официального Киева.

Киселева Н.В.

к. полит. наук, доцент Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, член Общественной палаты Республики Крым

Антикрымская деятельность организации «курултай-меджлис» в условиях переходного периода

Организация «курултай-меджлис» создана в 1991 г. С момента образования она отказывалась регистрироваться как национальная община, национально-культурная автономия или политическая партия, претендуя на статус представительного органа всех крымских татар, считая себя прототипом государственной структуры.

В течение более двух десятилетий эта организация настаивает на правосубъектности на всей территории Крыма от лица крымскотатарского народа и создании в Крыму этнонационального государства. Уже в первых документах «курултая-меджлиса», в частности, в «Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа», принятого 2-м Курултаем 28 июня 1991 года, сказано: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымско-татарский народ, используя все средства, предусмотрен-

ные международным правом». Все последующие годы и до сегодняшнего дня в других документах «курултая-меджлиса» и выступлениях его лидеров и активистов эта позиция жестко отстаивается.

В условиях независимой Украины «курултай-меджлис» не был признан как легитимная организация. И лишь после Крымского референдума о переходе в состав России, Верховная Рада признала меджлис исполнительным органом крымско-татарского народа. Деятельность этой организации в течение десятилетий являлась причиной этнополитического конфликта в Крыму.

Анализ хронологии событий в политической жизни Республики Крым в 2014 г. и в первом квартале 2015 г. в контексте деятельности организации «курултай-меджлис» (факты см. далее) показывает, что активность данной нелегитимной структуры остается наиболее серьезным вызовом для спокойных межэтнических и религиозных отношений в Крыму.

В своих заявлениях и действиях эта организация категорически не признает вхождение Крыма в состав Российской Федерации, называя вхождение актом аннексии, характеризует идущий в Крым процесс государственного строительства как незаконный. В этом она полностью

солидаризируется с США и другими странами НАТО, а также властями Украины.

Во всех своих документах эта организация подчеркивает, что крымские татары являются «коренным народом», который имеет право на политическое самоопределение на своей исторической родине – в Крыму, и создание здесь национальной республики, входящей в состав Украины. Все остальное население они считают «пришельцами» и «оккупантами», мнение которых «не может учитываться в вопросах самоопределения».

Эта организация категорически не признает проведенный в Крыму референдум о вхождении в состав Российской Федерации, выборы в Государственный совет Республики Крым и местные органы власти, Конституцию РК и все другие законы и иные нормативно-правовые акты РФ и РК.

Во всех своих документах и обращениях, апеллирующих к международному сообществу, эта организация характеризует действующую в Крыму власть как оккупационный и репрессивный режим. Категорически выступает против размещения вооруженных сил РФ на территории Крыма. Она призывает международное сообщество обеспечить в Крыму постоянное присутствие своих наблюдателей, «следящих за соблюдением прав коренного народа».

Эта организация выступает против направления своих функционеров и других крымских татар в органы «оккупационной власти» и требует немедленного исключения «коллораборационистов» из состава меджлиса.

Эта организация выступает против любых контактов и получения помощи из мусульманских регионов России, считая их руководство «марионетками, подвластными Кремлю».

Эта организация ведет активную работу по формированию общественного мнения в пользу курултая-меджлиса. Организация регулярно, на протяжении 2014 г. организовывала провокационные действия, направленные на дестабилизацию обстановки в Крыму и провоцирование межэтнического конфликта – прорыв границы, перекрытие дорог, проведение несанкционированных митингов, вывешивание украинской символики и непризнание

российской, неповиновение правоохранителям.

Эта организация регулярно обвиняет руководство России в системной дискриминации татар по расовому, этническому и религиозному признакам, заявляя, что существуют «массовые угрозы жизни и безопасности крымских татар».

Эта организация поддерживает и активно участвует в создании на Украине государственных структур, задачей которых является возвращение Крыма в состав Украины. Кроме того, инициирует создание вооруженных добровольческих формирований по этническому признаку (из татар) и призывает татарскую молодежь отказываться служить в российской армии, бежать на Украину и вступать в эти подразделения. Сотрудничает с наиболее одиозными, русофобски настроенными украинскими политиками.

Вместе с тем, организация «курултай-меджлис» и ее лидеры сегодня являются единственной силой, способной в какой-то степени дестабилизировать ситуацию в Крыму. Ее целью остается создание в Крыму татарского государства, признание крымских татар коренным народом, а «курултай-меджлиса» – национальным органом власти. Ни на какие компромиссы по этому вопросу она идти не намерена. Все остальные политические партии и общественные движения (как формальные, так и неформальные) не ставят своей целью вернуть Крым в состав Украины, изменить политическое руководство Крыма и противостоять центральной власти в Москве.

Следует учитывать, что в течение двух с половиной десятилетий украинские власти всячески поддерживали эту организацию, незаконным путем вводили ее в правовое поле Украины, потворствовали самозахватам земли в Крыму, нападениям на правоохранителей и на административные здания в Крыму, освобождали ее боевиков от уголовной ответственности. Совместно с руководителями меджлиса они участвовали в коррупционных схемах разворовывания бюджетных средств, выделенных на обустройство крымскотатарского населения.

Хронологическая последовательность событий в острый переходный период была следующей

26 февраля 2014 г. активисты меджлиса и его боевики по заданию из Киева пытались организовать погром Верховного Совета АРК, требовали отставки парламента и сорвали проведение внеочередной сессии, подчеркивая тем самым свою лояльность незаконной киевской власти.

6 марта в заявлении меджлиса общекрымский референдум 16 марта 2014 года был признан юридически ничтожным. Охарактеризован как преднамеренная провокация, направленная на попрание прав коренного крымскотатарского народа, у которого за пределами Крыма нет иной исторической родины или этнически тождественного государственного образования. Меджлис призвал всех жителей автономии к бойкоту референдума.

11 марта 2014 руководство Республики Крым приняло постановление «О гарантиях восстановления прав крымскотатарского народа и его интеграции в крымское сообщество». То есть можно констатировать, что меджлисовцам был предоставлен практически максимально возможный объем преференций. Эта инициатива была полностью проигнорирована меджлисом. Руководство меджлиса подчеркнуло, что решение этих вопросов возможно только в составе Украины и призвало татар бойкотировать референдум.

20 марта Верховной Радой Украины было принято заявление о гарантиях прав крымско-татарскому народу в составе Украины. Этим документом давалось поручение Кабмину Украины срочно представить проекты законов и нормативно-правовых актов, определяющих и закрепляющих статус крымских татар как коренного народа Украины.

29 марта в Бахчисарае на внеочередной сессии курултая было принято постановление «О реализации крымскотатарским народом права на самоопределение на своей исторической территории – в Крыму». Этим вновь подтверждалось стремление к созданию в Крыму национальной автономии.

31 марта М. Джемилев выступил на слушаниях при Совете безопасности ООН. Заявление носило агрессивный антироссийский характер, содержало ряд

откровенных фальсификаций и призывало к прямому вмешательству в конфликт.

В начале апреля меджлису было предложено направить своих представителей в законодательные и исполнительные органы власти. Кроме того, противникам меджлиса также были предложены места в госструктурах. Предложения были приняты с условием, что назначенные лица приостановят свою деятельность в составе меджлиса и будут координировать свою работу с руководством организации.

11 апреля Государственный совет Республики Крым принял новую Конституцию. За день до этого (10 апреля 2014 года) на расширенном заседании меджлиса глава организации Рефат Чубаров заявил: «проект Конституции Республики Крым является неприемлемым для крымских татар, так как в нем нет ни одной нормы, которая бы гарантировала сохранение и развитие крымскотатарского народа как коренного народа Крыма». Непосредственно в день сессии крымского парламента меджлис распространил заявление, в котором заявил о неприемлемости для Республики Крым проекта Конституции, где отсутствуют нормы, гарантирующие эффективное участие крымских татар в общественно-политической жизни республики и игнорированы положения Декларации Организации Объединенных Народов о правах коренных народов. Он призвал депутатов отложить ее принятие. Уже после принятия конституции М. Джемилев заявил, что «для нас неприемлема никакая конституция, где говорится, что Крым является составной частью России» и «если убрать такой пункт, то дальше можно разговаривать».

19 апреля Джемилев приехал в Крым, несмотря на то, что был объявлен здесь персоной нон-грата. Джемилев проехал в Симферополь и Бахчисарай, приказал вывесить украинские флаги на зданиях меджлиса, критиковал своих сторонников за нерешительность и 22.04.2014 покинул Крым. Он рассчитывал, что попытка не пустить его в Крым вызовет негативный резонанс в международных СМИ и еще больше обострит ситуацию вокруг Крыма. На выезде из Крыма ему официально был вручен «Акт уведомления о не разреше-

нии въезда в Российскую Федерацию» сроком на 5 лет.

21 апреля года президент РФ подписал указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Данный указ вызвал критику со стороны руководства меджлиса. М. Джемилев заявил: «В реабилитации со стороны России мы как-то и не нуждаемся. Россия сама должна реабилитироваться перед нами за то совершенное преступление в 1944 году».

Середина апреля – поездка «министра иностранных дел меджлиса» (руководителя управления внешних связей меджлиса) Али Хамзина в Германию. Командировка А.Хамзина была примечательна, прежде всего, его встречей с Кристофом Ирангом – помощником канцлера Германии по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. Он передал советнику текст постановления курултая «О реализации крымскотатарским народом права на самоопределение на своей исторической территории – в Крыму». Передача документа сопровождалась обращением к международному сообществу обеспечить безопасность татар Крыма, посодействовав в восстановлении национально-территориальной автономии.

С 25 по 28 апреля состоялся визит в Республику Татарстан руководителей меджлиса (зампредседателя Наримана Джелыла и главы управления внешних связей меджлиса Али Хамзина), а также креатур меджлиса в правительстве Крыма (вице-преьера Крыма Ленура Ислямова и председателя Рескомнаца Заура Смирнова). Реакция Джемилева: он отмежевался от пропутинского, по его мнению, руководства Татарстана, заявив, что «мы не отождествляем руководство Татарстана и татарский народ». «Руководители Татарстана ведут себя как слуги Кремля, если они себя не будут так вести, то они не будут у власти», – заявил М. Джемилев. Тем самым он подчеркнул, что не видит в президенте Татарстана Р. Минниханове достойного партнера для решения политических вопросов и вновь подтвердил свою антироссийскую позицию. Таким образом, он обесценил прошедший визит

и возлагаемые на него надежды по установлению взаимопонимания.

3 мая М. Джемилев прибыл на автомобиле на границу между Украиной и Крымом. Прибывшие встречать лидера меджлиса около 2 тыс. его сторонников с криками «Мустафа, Мустафа» прорвали оцепление правоохранителей и перешли на территорию Херсонской области, демонстрируя этим непризнание государственной границы.

16 мая – визит делегации татар, сформированной крымскими властями, на встречу с президентом России. В состав делегации вошли и представители меджлиса.

Визит вызвал резкую критику меджлиса. В частности, было принято обращение Ревизионной комиссии курултая к меджлису от 3 июня 2014 г., в котором было предложено распустить Сакский региональный меджлис, руководитель которого ездил на встречу и был поддержан региональным меджлисом. Члены ревкомиссии призвали созвать курултай и исключить из его состава подписавшихся под заявлением делегатов из Сакского района. Кроме того, ревкомиссия рекомендовала меджлису отозвать всех своих представителей из крымских органов власти. Таким образом, была предпринята попытка подавить любое сопротивление внутри меджлиса политики, проводимой Джемилевым-Чубаровым, которые стоят на позициях непримиримой критики российского статуса Крыма.

18 мая прошли траурные мероприятия, посвященные 70-летию сталинской депортации крымских татар. Митинг прошел в поселке компактного проживания татар Ак-Мечеть на окраине Симферополя, где собралось более 5 тыс. митингующих. Основу митингующих составляли сторонники Мустафы Джемилева и Рефата Чубарова, которые активно демонстрировали поддержку своим лидерам. Итогом мероприятия стало принятие резолюции, в которой подчеркивалось неотъемлемое право крымскотатарского народа на самоопределение на своей исторической территории – в Крыму, путем придания Республике Крым статуса национально-территориальной автономии. А в качестве первоочередных мер по восстановлению

прав крымскотатарского народа выдвигались следующие требования:

- восстановления исторических названий, подвергшихся изменению вследствие депортации крымскотатарского народа;

- принятия законов, гарантирующих эффективное представительство крымских татар, избираемых самими крымскими татарами, в органах законодательной и исполнительной власти Республики Крым;

- признания общенационального съезда крымскотатарского народа – Курултая крымскотатарского народа и формируемых им органов национального самоуправления – Меджлиса крымскотатарского народа, региональных и местных меджлисов, представительными органами коренного народа Крыма;

- немедленного прекращения дискриминации и репрессий по отношению к крымским татарам по политическим, национальным и религиозным мотивам.

Как следует из текста резолюции в «курултае-меджлисе» не отказались от требований признания татар коренным народом – субъектом государственности в Крыму и создания здесь национального татарского государства с политическими привилегиями для татар.

9 июня в СМИ было опубликовано совместное заявление промеджлисовских общественных организаций крымскотатарской диаспоры в Турции. В нем сказано, что «Крым нужно очистить от российских оккупационных сил, восстановить исторические права крымско-татарского народа на своей Родине и сохранить территориальную целостность Украины». «Крымские татары, как коренной народ Крыма, и как исторические хозяева своей Родины, никоим образом не признают оккупацию Крыма и его аннексию Россией», – подчеркивается в заявлении.

12 июня состоялось заседание меджлиса на котором было принято решение «О предстоящих выборах депутатов Госсовета и представительных органов муниципальных образований в Республике Крым». В этом заявлении законы «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» и «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике

Крым» оцениваются как «демонстрация вызова и свидетельство игнорирования неотъемлемого права крымскотатарского народа на самоопределение на своей исторической территории, гарантированного в основополагающих международных документах и актах».

17 июня председатель Днепропетровской облгосадминистрации Игорь Коломойский и лидер меджлиса М. Джемилев подписали «Меморандум о сотрудничестве между Днепропетровской областью и крымскотатарским народом». Церемония прошла в присутствии руководителя представительства Верховного комиссара по делам беженцев ООН в Украине, Молдове и Белорусе Олдриха Андрисека. Особым пунктом в меморандуме является заявление о поддержке крымскотатарского народа, как коренного народа Крымского полуострова в борьбе за возвращение АР Крым в состав суверенного и независимого украинского государства.

17 июня на заседании ревизионной комиссии курултая было рассмотрено решение обращение меджлиса обратиться с призывом ко всем крымчанам, независимо от национальности, не участвовать в выборах депутатов Госсовета РК и местных советов. Члены комиссии единогласно решили, что упомянутое решение меджлиса имеет законную силу и ревизии не подлежит.

4-5 июля в городе Геническе Херсонской области Украины прошло выездное заседание меджлиса. На заседании был сделан ряд заявлений, суть которых заключалась в подчеркивании тезиса о том, что татары продолжают считать Крым незаконно оккупированной частью Украины. Что только татары как коренной народ имеют право на самоопределение в Крыму. Более того, М. Джемилев заявил, что в решениях последнего курултая была допущена ошибка, поскольку там не было указано, что татары требуют самоопределения именно в рамках украинского государства. «Надо было указать, как и в прошлые годы, как мы и заявляли изначально, что мы добиваемся восстановления своей национально-территориальной автономии в составе именно украинского государства», – подчеркнул М. Джемилев. Также было решено «защищать права

соотечественников в условиях оккупации», привлекая к этой работе международные правозащитные структуры. Помимо этого Джемилев заявил, что позицию о вхождении во власть представителей меджлиса следует считать ошибочной.

20 августа пресс-служба президента Украины Петра Порошенко сообщила, что указом главы государства народный депутат М.Джемилев назначен уполномоченным президента Украины по делам крымско-татарского народа. Информация о данном назначении свидетельствует о том, что руководство Украины создает новую структуру, целью которой является обострение крымской проблемы, привлечение к ней постоянного внимания на государственном уровне. Этим фактом оно подчеркивает, что Крым остается неотъемлемой частью Украины.

8 сентября М. Джемилев заявил, что участие крымских татар в выборах – это «путь коллаборационизма». «Мне очень жаль, что нашлось какое-то количество людей, которое пошло по этому пути, Бог им судья. Не знаю, как они будут смотреть потом в лицо друг другу... Я думаю, что все-таки основная часть нашего народа будет руководствоваться решением меджлиса крымскотатарского народа, – отметил он. «Те, которые имеют перспективы во власти, говорят, что это в интересах народа... Никто сейчас не скажет: «Я – проститутка, я продался, я хочу себе теплое место, поэтому я туда иду». Все будут прикрываться народом», – подчеркнул М.Джемилев.

22-23 сентября 2014 года в Нью-Йорке прошел международный конгресс коренных народов в формате пленарного заседания Генеральной ассамблеи ООН. В своем выступлении на этом мероприятии Рефат Чубаров заявил: «Крымские татары – коренной народ полуострова, выступив открыто против оккупации Крыма, оказались теперь наиболее уязвимой группой. Де-факто крымские власти развернули системную дискриминацию в отношении крымских татар по расовому, этническому и религиозному признакам. Репрессии приобретают угрожающий для жизни и безопасности крымских татар масштабы и характер». По его словам, крымские власти также поставили своей целью уничтожить национальные институ-

ты крымскотатарского народа – курултай и меджлис, осуществляющие свою деятельность в полном соответствии с принципами декларации ООН о правах коренных народов. Он также заявил, что крымские татары поддерживают предложения о создании специального органа ООН с мандатом на содействие, защиту и правом отчетности за деятельностью государств в осуществлении ими прав коренных народов.

1 октября на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы М. Джемилев заявил, что считает высокой вероятность вторжения регулярной российской армии с территории Крыма на материковую Украину уже в ближайшее время. «Существует угроза, что с началом военных действий в первую очередь начнут уничтожать пятую колонну в самом Крыму, то есть крымских татар, которые не признают российский режим.

6 ноября Уполномоченный президента Украины по делам крымскотатарского народа М. Джемилев заявил, что власти Крыма, объявив призыв в российскую армию и распространяя повестки среди крымскотатарской молодежи, намерены вывезти крымских татар за пределы полуострова. «Поскольку они понимают, что крымские татары не будут служить российской армии, то они рассчитывают, что они сами оставят Крым. А поскольку ребята не хотели бы оставлять в заложниках свои семьи, то будут выезжать целые семьи. То есть эти меры направлены на то, чтобы крымские татары оставляли, это в определенной степени добровольная депортация крымскотатарского народа», – считает М.Джемилев. Кроме того, он сообщил, что есть идея создания специального батальона, который состоял бы из крымских татар. «Обсуждается такое мнение, чтобы тех, кто уехал из Крыма, сконцентрировать в Херсонской области. Там же организовать свое военное подразделение, которое могло бы защищать регион. Они должны были защищать от возможных провокаций со стороны оккупированного Крыма. Впрочем, решение по поводу этого военного подразделения еще не приняли», – отмечает М.Джемилев.

23 ноября в связи с отмечаемым международным сообществом 10 декабря Днем прав человека, М. Джемилев высту-

пил с обращением к мировому сообществу. В нем он обвинил Россию в совершении в Крыму преступлений против человечности, похищениях и убийствах людей, массовых незаконных обысках, арестах, судебных преследованиях по национальному и политическому признакам. Он подчеркнул, что в отношении коренного народа оккупационными властями развернуто тотальное наступление с целью его физического вытеснения за пределы своей родины. Он потребовал придать меджлису, «высшему представительному органу крымскотатарского народа» – статус субъекта международных переговоров по вопросам Крыма.

10 декабря в обращении в связи с нарушением прав человека и крымскотатарского народа в Крыму констатируется, что Крым оккупирован Россией. В условиях оккупации со стороны официальных органов власти Крыма, правоохранительных органов, органов местного самоуправления существует предвзятое отношение к отдельным крымскотатарским общественным и религиозным объединениям, СМИ, предпринимателям, меджлису крымскотатарского народа. Оно выражается в судебных преследованиях, прямом или косвенном запрете на реализацию ответственности за это несут правительственные и официальные органы власти Российской Федерации.

30 января 2015 г. в заявлении меджлиса «Нет политическим преследованиям и репрессиям в Крыму» утверждается, что здесь вновь набирают силы репрессии и преследования крымских татар. В нем подчеркивается, что факты произвола крымских властей имеют избирательный и исключительно политический характер. Новый виток репрессий против меджлиса и активистов крымскотатарского национального движения имеет целью подавление их воли к сопротивлению.

28 марта 2015 г. в заявлении меджлиса «Об угрозе запрета независимых крымскотатарских СМИ в Крыму» власти Крыма обвиняются в дискриминационных действиях, ведущих к прекращению деятельности независимых крымскотатарских СМИ. Подчеркивается, что коренные народы имеют право создавать свои СМИ на своих языках, получать доступ ко всем видам средств массовой информации, не

принадлежащим коренным народам без какой-либо дискриминации. Меджлис рассматривает отказ в перерегистрации независимых крымскотатарских СМИ как нарушение законных прав и интересов крымскотатарского народа.

* * *

Организация «курултай-меджлис» не является официально действующей структурой. Она присутствовала в политическом пространстве Украины фактически как политическая партия или общественное движение, одновременно претендующая на статус национального парламента со своим исполнительным органом, но это не было признано украинским законодательством вплоть до момента перехода Крыма в состав России.

Ныне руководство меджлиса не отказалось от жесткой линии противопоставления своей структуры новой крымской власти, пресекая какие-либо попытки отдельных меджлисовцев выстроить с крымской властью конструктивные отношения. Остроту поощряет и властвующая элита на Украине, и западные кураторы меджлиса, которые «компенсируют» усилия меджлисовцев их инкорпорированием в высшие органы госуправления Украины. Ввиду слабости внутримеджлисовской оппозиции, все предпринимаемые крымским и российским руководством попытки налаживания контактов не достигли своих целей.

Меджлис и его руководство в принципе не собирались сотрудничать с российскими властями, но продолжают активную деструктивную деятельность. Поэтому оптимальным является последовательное вытеснение этой организации из российского политического пространства. В новой правовой ситуации ее функционирование необходимо запретить, а ее членам – предложить зарегистрироваться в соответствии с российским законодательством политическую партию, общественное движение или национально-культурное общество. Нельзя принимать решения, направленные на закрепление меджлиса как влиятельного института регионального, общегосударственного и тем более международного масштаба. Не следует также идти на поводу у провокационных требований меджлиса и отдельных экспертов признать крымскотатарский

народ коренным – это не соответствует нормам законодательства Российской Федерации, а усиление дебатов на эту тему только приведет к обострению ситуации в Крыму. Необходимо приложить усилия для формирования из молодежной среды новой татарской политической элиты, способной заменить проукраински и проамерикански настроенную элиту и со-

зидательно заниматься насущными проблемами Крыма и крымских татар.

Харабуга В.В.,
к.ист.наук, доцент кафедры культурологии,
философии, социально-гуманитарных наук
Медицинской академии
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского, Республика Крым

Этнокультурные ориентиры и политические установки в Российском Крыму

С формально-статистической точки зрения, в Крыму существует три наиболее многочисленные этнические группы – русские, украинцы и крымские татары. Истоки подобной этнической дифференциации следует видеть в демографических моделях СССР 1920-30-х гг., когда проводились кампании украинизации на Украине и татаризации в Крыму. С учетом того, что в Крыму политика украинизации более открыто и системно реализовывалась в 1991-2013 гг. (нахождение полуострова в составе независимого украинского государства, возникшего вследствие распада СССР), существенных различий между этническими русскими и местными украинцами практически нет. Скорее, наоборот, в бытовой культуре, менталитете, мировоззренческих ориентациях, языке восприятия и общения, духовной культуре, конфессиональной принадлежности русские и украинцы в Крыму являются единым сообществом. По этой причине, правильнее будет видеть в Крыму две основные этнокультурные (а не этнические) группы – русскую (русскокультурную) и крымско-татарскую.

В пользу объединения в одну этнокультурную группу русских и украинцев в Крыму говорят не только факты, полученные благодаря использованию метода наблюдения, фиксирующие общую для них этносоциальную платформу, в т.ч. легкость перехода из одной субэтнической позиции в другую, но и данные переписи крымского населения осенью 2014 г. О данных переписи поговорим позже, а сейчас стоит привести вполне реальный пример этнического транзита из русского

в украинца и обратно. – В конце 30-х годов прошлого столетия, известный борец Иван Поддубный, поддавшись влиянию кампании по украинизации поменял свою этническую принадлежность, объявив себя украинцем. Однако, к концу жизни, он вновь осознал себя русским казаком. Этот пример показателен для многих крымчан, которые во время украинской переписи 2001 г. обозначали себя украинцами по причине политической целесообразности и благодаря «украинским оттенкам» в своих фамилиях.

Результаты переписи 2014 г. в Крыму показали, что около 80% украинцев родным языком назвали русский. Это является весомым свидетельством их русскокультурной самоидентификации. Но, еще большим свидетельством этнокультурной общности русских и украинцев в Крыму является отсутствие желания родителей обучать своих детей в украинских классах общеобразовательных учреждений. В этом же разряде следует рассматривать отсутствие выбора украинского языка для сдачи единого экзамена в школе даже в условиях прошлого украинского статуса Крыма. Также мониторинг и социологические опросы показывают, что на бытовом уровне украинский официальный язык, созданный в конце позапрошлого столетия и утвержденный во времена Советского Союза, фактически не используется. Украинцы в Крыму говорят либо на русском языке, либо на малороссийском наречии русского языка. Процент людей, использующих в быту официальный украинский язык, к тому же латинизированный и американизированный за последние

четверть века, до осени 2014 г. исчислялся в Крыму тысячными долями процента за счет инкорпорированных сюда в годы украинской независимости так называемых свидомых (сознательных) украинцев – главным образом приезжих с Западной Украины. Практически все они, после воссоединения Крыма с Россией уехали на Украину.

Если говорить об этническом выборе по переписи 2014 г., в сравнении с переписями 2001 г. (украинской) и 1989 г. (советской), то мы можем зафиксировать, что по российской переписи процент украинцев резко сократился. Если переписи 1989 и 2001 гг. показали приблизительно одинаковые проценты украинцев в Крыму – 25,75% и 24,01%, соответственно, – то в 2014 г. процент украинцев в Крымском федеральном округе уменьшился до 15,1. По переписи 1989 г. русских в Крыму было 67,05%, в 2001 г. – 60,4%. А в 2014 г. процент русских поднялся до 65,31. При этом процентное соотношение крымских татар по украинской переписи 2001 г. в сравнении с советской 1989 г. значительно изменилось в сторону увеличения по причине переселенческой политики в 90-е годы XX века – с 1,58% (1989 г.) до 10,22% (2001 г.). В количественном выражении русские в 2001 г. по отношению к 1989 г. потеряли чуть более 179 тыс., а украинцы всего 49 тыс. Такие же показатели в соотношении 2014 г. и 2001 г. дают уменьшение украинцев на 232 тыс. и увеличение русских почти на 42 тыс.

Имеющиеся пропорции показывают, что перепись 2001 г. зафиксировала «перетекание» русских в украинцев, а перепись 2014 г. обратный процесс – «перетекание» украинцев в русских. Потому что объяснить резкое падение процента русских в 2001 г. по сравнению с 1989 г. и практически сохранение процента украинцев в этих показателях увеличением численности крымских татар и изменением, таким образом, пропорций населения невозможно, именно по причине отмеченных несоответствий уровня падения численности между русскими и украинцами. Равно как и сравнительный анализ результатов переписи 2014 г. с 2001 г. в еще большей степени демонстрирует такое крымское явление этнического «транзита» русских и украинцев, уже без какого-либо

влияния демографического фактора крымских татар.

Переписи населения в отношении самоидентификации русских и украинцев показывают, что многие из них определяют свою этничность по стране проживания – если на Украине, то украинцы, если в Российской Федерации, то русские; в зависимости от политической конъюнктуры – совершают этнический «транзит» в расчете на социальные дивиденды; ориентируясь на господствующие моральные стандарты в обществе – обретение этнического статуса по соображениям конформизма. Отмечаемая мобильность этнических «перемещений» русский-украинец показывает, что между этими субэтническими позициями в Крыму не существует принципиальных этнокультурных различий, и они располагаются на одном культурном основании, которую мы обозначаем как русскую / русскокультурную группу или сообщество Крыма. Этнокультурная общность русских и украинцев в Крыму объясняется и тем, что Крым в меньшей степени был затронут процессом искусственного образования украинской нации как «нерусской». Этот процесс начался в конце XIX века в Галиции, подконтрольной Австро-Венгерской Империи, и реализуемый в СССР, где украинство по инициативе В. Ленина получило возможность огосударствления в виде Украинской Советской Социалистической Республики.

Что касается политической установки, то здесь общность русских и украинцев в едином культурном пространстве Крыма проявляется еще более наглядно. Достаточно сослаться на результаты крымского референдума 16 марта 2014 г., подтвердившего всеобщее желание воссоединения с Российской Федерацией. Сейчас, спустя более года с этого знаменательного события для Крыма и всей России, практически все ведущие мировые исследовательские центры признают достоверность крымского референдума.

В соответствии с результатами референдума в Крыму в марте 2014 г. в нем приняли участие: в Автономной республике Крым – 83,1%, в Севастополе – 89,5% избирателей.

Сравнительный анализ процедур голосования в современных зарубежных

общества показывает, что средняя степень «абсентеизма» (неучастия) составляет 10-15 процентов. Собственно говоря, это те лица, обладающие избирательным правом, которые в силу своей субъективно-психологической мотивации отказываются принимать участие в голосовании. Таким образом, в Севастополе процент абсентеистов полностью соответствует сложившейся мировой практике. В АРК он несколько выше за счет того, что в преддверии крымского референдума активную агитацию против волеизъявления крымчан проводили члены нелегальной крымско-татарской организации «курултай-меджлис» и телеканала АТР, позиционирующего себя как «первый крымско-татарский телеканал». Однако, эти усилия не привели к массовому игнорированию крымскими татарами референдума в Крыму – количество абсентеистов из их числа вряд ли превысило 20%. И это с учетом, так называемых, традиционных абсентеистов, вне зависимости от этнической принадлежности.

Возвращаясь к характеристике русскокультурного сообщества Крыма, состоящего из этнических украинцев и русских, мы можем отметить, что в нем была продемонстрирована общая политическая установка и на участие в референдуме, и в выборе воссоединения с Российской Федерацией, за что проголосовала в Автономной республике Крым 96,77%, а в Севастополе 95,6% голосовавших избирателей. На весну 2015 г. именно пророссийская позиция русского (русско-украинского) этнокультурного сообщества является доминирующей в системе политических установок крымчан. Все другие политические установки – партийные, отношение к органам власти, оценки экономической и культурной политики – выступают как вторичные.

Вторая по численности этнокультурная группа в Крыму – крымские татары. Хотя в процентном отношении крымские татары уступают русскокультурному сообществу Крыма – 12,14%, тем не менее по целому ряду признаков эта группа одна из наиболее активных и заметных в Крыму. Крымские татары позиционируют себя в качестве сугубо крымского «этноса» и претендуют на особый статус в Крыму как коренной народ. На основе этого строится

высокая социально-политическая активность крымских татар. Крымскотатарское сообщество, начиная с конца 1880-х гг. находится под пристальным вниманием различных западных, главным образом – из США, учреждений, служб, организаций и фондов, которые стремятся в своих политических и геополитических интересах использовать активность крымских татар.

Доминирующим вектором в этнокультурных ориентирах крымских татар является акцентирование собственной уникальности как народа, особость его среди тюрков и среди всех татар, отличие, прежде всего, от волжских (казанских) татар. В пользу таковой особости приводят аргументы «этнографического» и «антропологического» характера. Известно, что в состав крымских татар входят три подгруппы – южнобережцы (*ялыбойлу*), горцы (*таты*, *татлы*) и степняки (*ногаи*). Ялыбойлу традиционно проживали на Южном берегу Крыма. Именно этнографическое разнообразие создает, с точки зрения сторонников уникальности крымскотатарского народа особую этнокультурную среду. Вследствие такого подхода возникает, возможно, как побочный эффект, состояние если не самосегрегации, то этнокультурной «сепаративности» части крымских татар. Сепаративный вектор этнокультурной ориентации крымских татар усиленно внедрялся в этом сообществе некоторыми его лидерами и активистами всю последнюю четверть века, чему способствовали и ряд псевдонаучных исследований. Следствием стало и то, что крымские татары «перестали» связывать свою историю с Золотой Ордой, государствами Чингизидов и Чингисханом. В различных крымскотатарских этнических изданиях, в публицистических работах, политических заявлениях обозначалась ориентация на культурное наследие древних тавров, скифов, готов...

Во многом такая трактовка «этногенеза» стала доминирующей в крымскотатарской среде по причине стремления добиться этнической государственности или как минимум автономии в Крыму. Эта политическая цель обосновывалась искомым статусом коренного народа. Правда, зачастую сторонники крымскотатарской этнической автономии в Крыму (м.б. за исключением Севастополя) обращались в

поисках обоснования своих намерений к периоду существования Крымской АССР 1921-1944 гг. в составе СССР. Иногда подобные ссылки можно встретить и у борников образования крымскотатарского этнического государства на территории Крымского полуострова и юга Херсонской области, в частности у представителей т.н. «меджлиса крымскотатарского народа». Однако, такие притязания имеют не больше оснований, нежели попытки определить связь современного крымскотатарского сообщества с древними таврами. И дело тут не в названии автономной Советской Социалистической Республики – Крымская, которое не несло в себе этнического смысла и имело сугубо территориальную привязку. Тем не менее, представления об уникальности крымскотатарского народа и отличие его от других татар являются наиболее распространенными в современном крымскотатарском сообществе.

Другим вектором этнокультурной ориентации является интеграционный и связан он с самооценками и самоидентификацией крымских татар как части целостного татарского «этноса». В этом случае степень поддержки данного вектора среди крымских татар определить можно на основе этнической самоидентификации при переписи населения. В 2001 г. во время Всеукраинской переписи в Крыму было зафиксировано 13062 чел., которые определили свой этнический статус как «татары». Это составило 5,25% от общего количества крымских татар и татар в Крыму, хотя количество волжских татар в Крыму весьма незначительно, а сибирских и астраханских нет вовсе. В 2014 г. уже в результате переписи населения в российском Крыму татарами себя идентифицировали 44996 человек, что составило 16,22% среди всех татар в Крыму, т.е. включая крымских.

Количество «татар» в 2001 г. невозможно объяснить массовой миграцией в Крым поволжских или астраханских татар. Органы статистики в 1990-е гг. ничего подобного не фиксировали. Также не было массовой миграции волжских татар с материковой России или других регионов в период с 2001 по 2014 г. Единственное, что мы можем предположить с достаточной степенью вероятности – это то, что

сами крымские татары все больше осознают себя частью татар вообще. Этим можно объяснить рост численности татар в Крыму среди крымских татар более чем в три раза за 13 лет. Такой метод анализа, учитывающий при определении общей численности крымских татар в Крыму и тех, кто идентифицирует себя как татары, вполне обоснован и его правомерность объясняется как динамикой роста общей численности татар в Крыму (крымских татар и татар) – с 258 893 в 2001 г. до 277 336 в 2014 г., так и «снижением» численности просто крымских татар – с 245 291 в 2001 г. до 232 340 в 2014 г. С учетом того, что естественной демографической убыли крымскотатарского населения за этот период не зафиксировано органами статистики Крыма (скорее наоборот, был демографический рост), учитывая, что и массовой миграции из Крыма также не наблюдалось, объяснить полученные в переписях цифры можно только «корректировкой» этнической принадлежности со стороны самих крымских татар.

Интеграционный вектор ориентации крымских татар стимулирован и воссоединением Крыма с Российской Федерацией. Осознавая себя частью большой страны, крымские татары стремятся интегрироваться и идентифицировать себя с родственным большим этнокультурным сообществом.

Прочие ориентации крымских татар слабо проявляют себя в нынешней ситуации. Мы их обозначаем как моделируемые, потому что турецкий вектор моделируется исходя из определенных исторических аналогий, когда Крымское ханство с некоторыми автономными правами входило в состав Османской Порты, а южное побережье и район Керчи были под юрисдикцией Порты в статусе вилайета. Однако, все этносоциологические исследования фиксирует чрезвычайно низкий уровень влияния турецкого вектора на этнокультурное пространство крымских татар, а различные социологические опросы, при разнообразных методиках операционализации понятий, выстраивании переменных и использования индикаторов, демонстрируют приверженность крымских татар турецкому вектору в своей этнокультурной ориентации в границах статистической погрешности. Причем,

усилия этому вектору не придают ни крымскотатарская диаспора в Турции (представителей которых именуют крымскими турками, а не татарами), ни в целом турецкое общество и государство, которые за последние двадцать пять лет «блуждания» крымских татар в государственном устройстве Украины никак не «воспользовались» создавшейся ситуацией.

И, наконец, четвертый вектор этнокультурной ориентации крымских татар является не просто искусственно образованным, но и чрезвычайно политизированным. Он представлен некоторыми политическими проектами, направленными на включение крымских татар в этнокультурную среду украинства. С учетом того, что само этнокультурное пространство украинства является искусственным образованием, поддерживаемым лишь политическими институтами и, прежде всего, государством (Австро-Венгерской Империей, СССР и независимой Украиной) и в силу этого неустойчивым и аморфным в социокультурном измерении, то практически невозможно представить как бы украинский вектор этнокультурной ориентации крымских татар смог бы воплотиться в социальной реальности. Единственными персонализированными его носителями за время, когда Крым находился в составе Украины, были некоторые деятели «меджлиса» и активисты этнических крымскотатарских организаций, существовавших на гранты из США и Евросоюза. Вся их украинская «векторность» выражалась лишь в умении изъясняться на украинском языке.

Лва последних «вектора» в ориентации крымских татар являются в большей мере условными, равно как и условными, в нынешней ситуации, становятся любые связанные с ними политические установки. Примечательно, что ни одна из инициатив изгнанных из Крыма вождей «курултая-меджлиса» М. Джемилева и Р. Чубарова не нашла сколько-либо очевидной поддержки среди крымских татар. Им не удалось сформировать подразделение из числа крымских татар для участия в карательной экспедиции украинских войск на Донбассе в 2014 г. Вначале такое подразделение было задекларировано как крымскотатарский батальон, затем, к мо-

менту его «выхода на публику», оно стало просто «сотней» и, в конце концов, к началу 2015 г. вовсе пропало из поля зрения, так и не продемонстрировав в своем составе крымских татар.

В плане политических установок для сепаративного и в этом смысле изоляционистского вектора характерной является выжидательная позиция. Она стала очевидной уже в июне 2014 г. Однако, постепенно к началу 2015 г. все более преобладающими в крымскотатарской среде стали, если не пророссийские, то уж точно не антироссийские установки. По некоторым наблюдениям и опросам, среди крымских татар около половины позитивно оценивают исторический факт воссоединения Крыма с Россией, остальные занимают выжидательную позицию. Скорее всего на такие изменения в политических установках крымских татар повлияло впечатление от сильного российского государства, показавшего, что оно способно решать острые социальные проблемы и отвечать на самые крайние вызовы современности. Для крымских татар исключительно важно принятие закона «О реабилитации репрессированных народов Крыма», подписанного Президентом России 21 апреля 2014 г.

На крымских татар оказала влияние развернувшаяся на Украине политическая и социально-экономическая катастрофа, а затем и начатые там военные действия украинских властей против Донецкой и Луганской народных республик. Крымские татары имеют возможность оценить «по достоинству» степень украинского кризиса – у некоторых есть родственники и друзья, проживающие в Херсонской области. Люди могут оценить последствия кризиса и на своем личном опыте торговой-посреднической деятельности по доставке сельхозпродукции с Украины в Крым. Что касается влияния на умы со стороны «меджлиса», то теперь, когда он лишился своих возможностей широко действовать в Крыму, его поддержка крымскими татарами практически нивелирована.

Интеграционный вектор этнокультурной ориентации крымских татар выстраивает политические установки, которые носят в равной степени как пророссийский, так и протатарстаский характер. В последнем случае имеется в виду ориен-

тация на Республику Татарстан в составе Российской Федерации. В этой ориентации и, соответственно, политической установке акцент делается на то, что крымские татары могут найти покровительство у руководства Татарстана и стать полноценной частью многомиллионного татарского народа, одного из крупнейших по численности в Российской Федерации.

Анализируя этнокультурную ориентацию крымских татар, следует сказать и о некоторых тенденциях, пока слабо обозначенных, субкультурного позиционирования, связанного с крымскотатарскими группами – ялыбойлинской, татлинской и ногайской. Есть и четвертая группа крымских татар – *чингене* (крымскотатарские цыгане), но она слабо позиционирована в крымскотатарском сообществе, а ее представители, в отличие от ялыбойлу или татлов (татов) стремятся идентифицировать себя с крымскотатарским народом в целом. Основные этнокультурные импульсы в данном измерении исходят от ялыбойлинцев и татлинцев. Этому есть, прежде всего, культурологические объяснения – и та и другая группы претендуют на статус «этнообразующего» стержня крымских татар. Старый и по сути дела первый крымскотатарский литературный язык был создан Исмаилом Гаспринским на основе ялыбойлинского наречия тюркского языка. А ныне действующий

литературный язык крымских татар создавался в 1920-е гг. на основе татлинского наречия. В некоторой степени такое смещение акцентов привело к тому, что наследие Гаспринского оказывается не в достаточной степени востребованным в современном крымскотатарском сообществе. И если в советские годы это можно объяснить предубеждениями в отношении И. Гаспринского со стороны политической власти, то после исчезновения СССР такие объяснения не были оправданы.

Можно предположить, что при достижении социального комфорта, появятся возможности и для развития этнокультурной идентичности ялыбойлу, татлов и ногаев. Критерием такого этнокультурного развития может стать ощущение представителями этих групп защищенности в рамках общего российского социума. Реализация таких тенденций, направленных на создание условий для развития самобытных культур, безусловно, будет способствовать еще более широкому утверждению пророссийских и российских политических установок.

Филатов А.С.

к. филос. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Первые итоги переписи населения в Крымском федеральном округе¹

В октябре 2014 г. в Республике Крым и г. Севастополе проведена первая российская перепись населения. Оппоненты заверяли, что подготовленная в слишком короткие сроки, эта перепись не сможет дать сколько-нибудь значимых результатов. Скажем несколько слов в защиту этой переписи.

Перепись в Крымском федеральном округе действительно уникальна, но лишь для недавней отечественной истории. Вспомним местные и городские переписи второй половины XIX и начала XX веков – их в России было множество. В одной только Москве с 1871 по 1912 гг. проведено четыре переписи, в Санкт-Петербурге – девять. Современная Крымская перепись как бы вновь открывает забытую страницу и, кто знает, возможно, закладывает новую традицию российской статистики.

Крымскую перепись действительно было бы сложно подготовить за столь короткий срок (фактически, за несколько

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов».

месяцев), если бы до этого не было многолетней, притом мощной подготовки другой переписи – Всероссийской переписи населения 2010 года. Именно ее методологией и технологией воспользовалась Крымская перепись. Обычно для проведения переписи вначале проводят пробную перепись – это нужно для обкатки инструментария, такова мировая практика. Но в случае с Крымской переписью получилось еще лучше – для нее применялся инструментарий, который до этого прошел проверку на настоящей переписи, да еще в масштабе такой огромной страны как Россия. Определенные новации в Крымской переписи, конечно, были нужны, но они не имели принципиального характера, не требовали больших организационных усилий и материальных ресурсов, и, что особенно важно, не отнимали большого количества времени на подготовку.

Здесь мы кратко перечислим, что требовалось для Крымской переписи дополнительно, дабы более точно учесть национальный состав населения. Для этого следовало сделать две принципиальные вещи – проверить и дополнить перечни возможных ответов населения о национальной принадлежности и о языках, и составить список отдельных национальностей для разработки таблиц по социально-демографическим параметрам населения. В первом случае потребовались минимальные дополнения, поскольку перечень 2010 года возможных ответов населения о национальной принадлежности уже был большим – он содержал 1750 вариантов, в котором уже значились и крымские татары (включая различные самоназвания), и караимы, и крымчаки, и армяне (включая и название «крымские армяне»), и другие характерные для Крыма названия национальностей. Все они были в списке 2010 года потому, что в других регионах России такие названия национальностей тоже есть. Кроме того, учитывая специфику Крыма, были добавлены возможные варианты таких самоназваний:

- помимо ответов «русские», добавлено «русские крымчане»

- помимо ответов «караимы» добавлены «крымские караимы» и «крымкараимы»

- помимо «крымчаки», добавлены «крымчах», «крымчахлар», «еврей-крымчаки», «еудилер»

- помимо «греки», добавлено «крымские греки»

- помимо «турки», добавлено «крымские турки».

Кроме того, учтена особая для Крыма ситуация, при которой часть населения, называя себя «татарами», указывает, что имеет родной крымскотатарский язык – такие ответы отнесены к общему наименованию «крымские татары».

Проведенная перепись в Крыму показала, что подготовленный перечень является исчерпывающим. Единственное дополнение, которое необходимо было бы сделать – это внести в перечень, помимо ответа «цыгане», также и «крымские ромалы», и это, безусловно, необходимо учесть при проведении микропереписи 2015 года.

Что же касается списка отдельных национальностей для разработки таблиц о социально-демографических параметрах населения, то составить таковой не представляло большого труда, ведь наиболее крупные по численности национальности в Крыму хорошо известны. Институтом этнологии и антропологии РАН по запросу Росстата был подготовлен список из 17 наименований. После проведения Крымской переписи и подведения ее итогов выяснилось, что предварительный список был составлен верно – на него приходится 99% ответов населения, но из этого списка Росстат исключил казаков, поскольку, как выяснилось, их совокупная численность в Крыму (всего 158 чел.) слишком мала для расклада по возрастным группам и прочим социальным параметрам.

Сколько же национальностей насчитала в Крыму новая перепись? По оценке ИЭА РАН, в Крыму 175 национальных наименований, которые в совокупности формируют устойчивую картину населения Крыма. В ее составе есть весьма редкие самоназвания, например, нигерийцы (147 чел.), дагестанцы (65 чел.), камерунцы (51 чел.) – всего таких наименований более 40. Но большинство населения при переписи отнесло себя только к 29 наименованиям. Причем самых крупных всего четыре – русские, украинцы, крым-

ские татары и татары – вместе они составляют 96,2% населения Крыма.

Русские в Крыму – это самая большая часть населения – 67,9% (Республика Крым 65,2%, Севастополь 81,1%). Ученая при переписи численность русских составила в Крыму 1,49 млн. чел., в том числе по Республике Крым 1,19 млн чел. и г. Севастополю 303,1 тыс. чел. Но это не конечные цифры, поскольку при переписи у 87,2 тыс. лиц национальная принадлежность по тем или иным причинам не была указана в переписном листе. Значит, соответствующая доля русских среди них, очевидно, такая же, как и среди переписанных с указанием национальной принадлежности, и составляет 59,2 тыс. чел. Следовательно общая численность русских в Крыму достигает 1,55 млн. чел.

Учитывая процессы демографического старения и процессы депопуляции, охватившие многие регионы бывшего Советского Союза, в т.ч. и Крым, следовало ожидать уменьшения численности населения Крыма, в т.ч. и русских. Действительно, население в Крыму за 25 лет после переписи 1989 г. сократилось на 6%, а численность русских сократилась на 5-8% (в 1989 г. в Крыму было 1,63 млн русских). В 2001 г. в Крыму была Всеукраинская перепись, согласно которой, численность всего населения полуострова сократилась к тому периоду лишь на 1,2%, тогда как численность русских снизилась на 11%, численность украинцев снизилась на 8%. Такие различия связаны не только с естественно-демографическими процессами и миграцией, но и со сменой этнической идентичности, а также и с двойной идентичностью, ведь в Крыму большое количество русско-украинских семей. По этой причине в условиях государства Украины *переписная* численность русских в Крыму снижалась быстрее, а *переписная* численность украинцев снижалась медленнее за счет «перехода» идентичности от русских к украинцам, хотя с сугубо демографической точки зрения картина должна была быть обратная, ведь для украинской части населения в Крыму характерны наибольшие признаки демографического старения. В нынешней Крымской переписи, после перехода Крыма в состав России, теперь уже проявился «переход» идентичности от части украинцев – к рус-

ским. По этой причине численность русских в Крыму на фоне переписи 2001 г. даже незначительно возросла, хотя по сравнению с советским периодом сокращение оказалось все равно существенным.

Так или иначе, но по всем трем названным переписям, русские численно преобладают во городах и сельских районах Крыма. Новейшая перепись показала, что, помимо г. Севастополя, численность русских особенно велика в гг. Симферополе 240,2 тыс., Керчи 124,6 тыс., Ялте 89,9 тыс., Евпатории 85 тыс., Феодосии 77,5 тыс., а также в районах Симферопольском 84,1 тыс., Бахчисарайском 50,9 тыс., Красногвардейском 44,3 тыс.

Вторая по численности группа в Крыму украинцы – 344,5 тыс. чел., это 15,7% населения. В том числе на территории Республики Крым украинцев 291,6 тыс. (16% населения), в г. Севастополе 52,9 тыс. (14,2% жителей). При корректировке численности за счет лиц, национальная принадлежность которых по тем или иным причинам не была указана в переписном листе, совокупная численность украинцев в Крыму составляет еще большую величину – 358,2 тыс. чел. Общая численность украинцев за постсоветский период сократилась, прежде всего, из-за процессов демографического старения. Однако, как уже сказано, естественно-демографическая убыль отчасти компенсировалась на прежних этапах за счет «перехода» идентичности и за счет двойной идентичности. В нынешней Крымской переписи такой компенсации уже не было.

Помимо г. Севастополя, украинцы многочисленны в гг. Симферополь 43,5 тыс., Ялта 23,4 тыс., Евпатория 17,1 тыс., Керчь 12,1 тыс., Феодосия 11,9 тыс., а также в районах Симферопольском 22,5 тыс., Сакском 16,2 тыс., Джанкойском 15,9 тыс., Красногвардейском 15,5 тыс., Бахчисарайском 11,6 тыс. Наибольшую долю населения украинцы составляют в районах Красноперекопском (32,5%) и Раздольненском (30,2%), гг. Красноперекопске (30,5%) и Армянске (29,5%), а также в районах Первомайском, Джанкойском, Сакском (более 20%).

Третья по численности группа в Крымском федеральном округе – крымские татары. Очень важно сказать о про-

блемах подсчета численности крымских татар. Дело в том, что в последней советской переписи 1989 г. татары в Крыму еще фактически не были учтены, поскольку на тот момент их репатриация только началась. До недавних пор единственными за весь послесоветский период официальными сведениями о крымских татарах были итоги Всеукраинской переписи населения 2001 года, согласно которым, в Крыму проживало 245,3 тыс. крымских татар. Правда, методика учета в той украинской переписи имела специфику, поскольку к «крымским» отнесли всех «татар», кто был родом из Узбекистана (т.е. из мест крымскотатарской ссылки). Помимо крымских татар, на полуострове украинская перепись насчитала 13,6 тыс. «просто» татар. Что же касается новейшей Крымской переписи 2014 г., то в качестве «крымских татар» подсчитывались только те, кто назвал себя таковыми, плюс, как уже сказано, к крымским отнесены татары, которые во время переписи указали своим родным языком крымскотатарский язык (последних оказалось лишь 1,5 тыс. чел.). Таким образом, в 2014 г. была получена цифра 232,3 тыс. чел., что меньше, чем по данным украинской переписи, но это, так сказать, «переписная численность» или численность респондентов, указавших в самоидентификации приставку «крымский». В реальности же численность крымских татар не уменьшилась, а возросла (об этом см. подробнее в данном издании статью «Учет этнических групп в Крыму и преодоление синдрома «коренных и некоренных»»).

Доля крымских татар среди населения различается по городской и сельской местности, и это вполне ожидаемо, ведь две трети репатриантов, переезжая в Крым, обосновывались именно в сельской местности. Перепись показала, что сегодня в городах Крыма крымские татары и татары составляют 6,1% населения, а в сельской местности – 21,3%. Наибольшее количество крымских татар и татар зафиксировано переписью в Симферопольском районе 37,9 тыс. и г. Симферополе 33 тыс., а также в районах Бахчисарайском 25 тыс., Белогорском 20,4 тыс., Красногвардейском 17,8 тыс., Джанкойском 17,7 тыс., Кировском 16,7 тыс., Сакском 16,5 тыс., Ленинском 10,3 тыс. Наи-

большую долю населения крымские татары и татары составляют в районах Белогорском (34,4%), Кировском (33,2%), Советском (28,6%), Бахчисарайском (27,7%), Джанкойском (26,1%), Симферопольском (25,3%), а также в г. Судак (24,7%). В районах Первомайский, Сакский, Красноперекоский, Красногвардейский, Нижнегорский они составляют (более 20% от указавших национальную принадлежность). В г. Симферополе крымские татары и татары составляют 9,9% населения, в г. Севастополе – 1,5%.

На остальные группы в Крыму приходится только 3,8% населения. Из них наиболее заметны группы с численностью более 10 тыс. чел. – белорусы и армяне. Численность белорусов составляет 21,7 тыс. чел. (1% населения полуострова), численность армян 11 тыс. чел. (0,5 % населения).

В Крыму есть также очень небольшие группы, среди них – караимы и крымчаки. Численность караимов 535 чел., большинство проживает в гг. Симферополе 194 чел., Евпатории 135 чел., Феодосии 58 чел., а также в Бахчисарайском районе, г. Севастополе, Симферопольском районе, г. Ялте. Крымчаки – всего лишь 228 чел., проживают в г. Симферополь 104 чел., г. Севастополе и подчиненных населенных пунктах 51 чел., менее 50 чел. в гг. Керчь и Феодосия, Симферопольском районе, отдельные семьи проживают в др. районах и населенных пунктах.

Таким образом, большое этническое разнообразие сочетается в Крыму с тремя крупными этническими группами, из которых две самые крупные – русские и украинцы – в значительной степени смешаны.

Этническое многообразие крымчан в сильной степени объединено общностью языка. Это также показывает перепись. Из общего количества учтенного населения при переписи дали ответ о владении русским языком 2,26 млн. чел. или 98,9%. Из них в переписном листе указали, что владеют русским языком 97,4%, причем в городской местности показатель несколько ниже (96,7%), а в сельской местности выше (98,4%).

Среди украинцев и крымских татар знание русского языка почти не отличается от знания русских – удельный вес украинцев,

владеющих русским языком, составляет 99,5%, среди крымских татар – 98,5%, причем нет значимых различий в уровне владения русским языком по городской и сельской местности.

Максимальные стопроцентные показатели владения русским языком характерны в Крыму для местных эстонцев, удмуртов, осетин, крымчаков, а также близки к стопроцентным показатели у большинства других групп Крыма, в т.ч. корейцев, поляков, болгар, греков, евреев, грузин, немцев, караимов, армян. Проживающие в Крыму турки, арабы указали владение русским языком на уровне 95%.

О культурном единстве крымчан свидетельствуют данные переписи о родных языках. При переписи населения 2,22 млн. чел. (97,1% жителей) указали свой родной язык. При этом украинский язык в качестве родного языка указали 72,3 тыс. чел.,² в основном это украинцы. Однако среди всех украинцев Крыма украинский язык считают родным 20,3%. Кроме того, считают родным украинский язык 10% местных поляков и 0,13% русских.

Крымскотатарский язык считают родным 172,3 тыс. чел.,³ в основном это крымские татары, а также небольшое количество азербайджанцев. Среди крымских татар родным языком назвали крымскотатарский 74%. Такой же показатель характерен для 33,4 тыс. татар с родным татарским языком – 74,5%. Кроме этого 47,2 тыс. крымских татар, т.е. больше чем татар, указали в переписи в качестве родного татарский язык. Объясняется это тем, что крымские татары нередко называют крымскотатарский язык татарским. Поэтому уместно представить сводный показатель для крымскотатарского и татарского языков. Эти языки в качестве родных назвали 252 тыс. крымских татар и татар, или 91% их совокупной численности.

Среди других языков, названных населением родными, цыганский язык указали 66% цыган, армянский язык указали 53% армян, болгарский язык – 18 % болгар, греческий язык – 15% греков, немец-

кий язык – 6% немцев, караимский язык – 6% караимов, крымчакский язык – 3% крымчаков.

Что же касается большинства населения Крыма, то вне зависимости от национальной принадлежности многие назвали своим родным языком русский язык – 1,84 млн. чел. или 84,1%⁴. Русский язык в Крыму назвали своим родным языком 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 97,7% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, 73% молдаван. Среди армян русский язык родным назвали 47%, среди азербайджанцев 37%, цыган 32%, среди крымских татар и татар 8,7%.

Сегодня успешность демократического развития государств и регионов принято оценивать не только по экономическим параметрам, но и через призму политики культурного многообразия и гражданского единства. Такая оценка применима и к ситуации в современном Крыму, где многокультурность сочетается с гражданским единством. На полуострове, при его этнической пестроте, абсолютное большинство населения разделяет одни и те же гражданские чувства – это отражено общекрымским референдумом 2014 года о государственном статусе Крыма, где закреплено в новой Конституции Республики Крым, в которой сказано о многонациональном народе Крыма, о трех государственных языках, их равноправии и о свободе национально-культурного развития.

Однако единство крымчан – не только гражданское, но и культурное. В Крыму нет замкнутых и изолированных групп, буквально все культуры и языки тесно взаимосвязаны и переплетены в семьях, в быту, на уровне повседневного общения. Мозаика этнического многообразия Крыма составляет неразрывную ткань культурно-единства крымчан – это со всей очевидностью подтвердила новейшая перепись населения.

*Зорин В.Ю., Степанов В.В.
ИЗА РАН*

² Без учета украинского языка у лиц, не указавших национальную принадлежность.

³ Без учета крымскотатарского языка у лиц, не указавших национальную принадлежность.

⁴ От численности лиц, указавших свою национальную принадлежность

Национальная политика в Крыму: крымскотатарский дискурс¹

Крым многоэтничный регион, но более 90% населения полуострова составляют только три группы – русские, украинцы и крымские татары. Отношения, складывающиеся между представителями этих национальностей, оказывают влияние на этнополитическую ситуацию на полуострове в целом. После перехода Крыма в состав России одной из самых важных задач для российских властей стало обеспечение межэтнического мира в этом регионе. Существенными факторами угрозы обострения межэтнической напряженности в Крыму являлись, нерешенные в период нахождения Крыма в составе Украины, проблемы крымских татар, такие как оформление в собственность земельных участков, реабилитация депортированных, статус крымскотатарского языка, обустройство мест компактного проживания репатриантов, их социальное обеспечение. Эти вопросы требовали безотлагательного решения властей. В данной статье предпринята попытка осветить основные векторы российской национальной политики в Крыму по отношению к крымскотатарскому народу.

Согласно 10 статьи Конституции Республики Крым: «Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки»². Впервые за современную историю крымскотатарскому языку был придан статус государственного на территории республики. Это положение имеет принципиально важное значение потому как определяет основы функционирования языков на Крымском полуострове. Гарантии использования родного языка подтверждаются в 19 статье Конституции Республики: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»³.

В нормативно-правовых актах республики, регулирующих языковую сферу, положения конституции нашли свое применение. В законе «Об образовании в Республике Крым». В статье 11 п.1 сказано: «В государственных образовательных организациях Республики Крым и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Крым, образовательная деятельность осуществляется на государственном языке Российской Федерации»⁴. Т.е. основное обучение на территории республики Крым должно проходить на русском, но в законе также прописано право жителей республики обучаться на украинском и крымскотатарском языках. Статья 11. п.2: «Граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Крым, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымскотатарском, а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования. Преподавание и изучение родного языка в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами»⁵. В законе определяется механизм выбора языка обучения (статья 11, п.6): «Язык (языки), на котором (ых) ведутся обучение и воспитание в образовательной организации, определяется (определяются) локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Крым с учетом языковых потребностей

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-37-14017 «Разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России» (рук. М.Ю. Мартынова).

² Конституция Республики Крым. Принята 11 апреля 2014 г.

³ Там же.

⁴ Закон Республики Крым от 6 июня 2015 № 131-ЗРК/2015 «Об образовании Республики Крым»

⁵ Там же.

в общении, воспитании, обучении и творчестве народов Крыма»⁶.

В письме Министерства образования, науки и образования Республики Крым к руководителям городских и районных органов управления образованием отметило, что «для малокомплектных образовательных организаций и образовательных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах и реализующих основные общеобразовательные программы, нормативные затраты на оказание государственных и муниципальных услуг в сфере образования должны предусматривать в том числе затраты на осуществление образовательной деятельности, не зависящие от количества учащихся (ч. 4 ст. 99 федерального закона от 29.12.2012г. № 273-ФЗ)»⁷.

«По правилам, действующим в Украине, для открытия национальных классов в городских школах требовалось не менее восьми заявлений, в сельских – не менее пяти. Сейчас же даже если есть два-три заявления от родителей, администрация школы обязана изыскать возможности для открытия классов с крымскотатарским языком образования»⁸.

В разъяснительном письме министерства также указывается, что «результаты выбора [языка – автор.] должны быть зафиксированы заявлениями родителей для обучения своего ребенка. Работники органов управления образованием, образовательных учреждений не имеют права при общении с родителями влиять на выбор языка образования под любыми предлогами (удобство для школы, класса; отсутствие возможностей обеспечить их выбор; отсутствие подготовленных учителей и т.п.)»⁹.

⁶ Там же.

⁷ Письмо Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым руководителям городских, районных органов управления образованием от 25.06.2014 № 01-14/382 «О выборе языка образования».

⁸ Глава управления образования Меджлиса крымскотатарского народа Эмине Авамилева (<http://avdet.org/node/9940>).

⁹ Письмо Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым руководителям городских, районных органов управления образованием от 25.06.2014 № 01-14/382 «О выборе языка образования».

«По желанию родителей, на основе их заявлений, будут формироваться классы с украинским и крымскотатарским языками обучения. Но это только с 1 до 9 класса включительно. 10-11 классы, так называемая старшая школа, язык обучения - только русский. Но надо понимать, что язык обучения и изучения языков - это разные вещи. Мы предоставляем сегодня возможность абсолютно каждой образовательной организации формировать свои учебные планы так, чтобы учитывать пожелания родителей и детей изучать украинский или крымскотатарский язык. Сегодня это самостоятельная функция образовательных учреждений»¹⁰.

Крымские татары, наряду с другими народами, депортированными из Крыма в сталинский период, а затем вернувшиеся на полуостров, все 23 года после распада СССР и получения Украиной государственной самостоятельности ждали от украинского правительства реабилитации депортированных, но этого так и не случилось. Только в 2014 г., когда Крым перешел в состав России, Украина, поспешно приняла закон о восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку¹¹. В России же закон «О реабилитации жертв политических репрессий»¹² действовал с 1991 года.

Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Да, был период, когда к крымским татарам, так же как и к некоторым другим народам СССР, была проявлена жестокая несправедливость... Крымские татары вернулись на свою землю. Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические, законодательные решения, которые завершат процесс реабилитации крымскотатарского народа, решения, которые восстановят их права, доброе имя в полном объеме. Это их общий дом, их малая родина, и будет правильно, если в Крыму будет три равноправных государственных

¹⁰ http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/06/140615_ru_s_crimea_language_int

¹¹ <http://www.unian.net/politics/908890-rada-prinyalazakon-o-vosstanovlenii-prav-lits-deportirovannyih-pornatsionalnomu-priznaku.html>

¹² Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года №1761-1 "О реабилитации жертв политических репрессий".

языка: русский, украинский и крымскотатарский»¹³

Для реализации этого закона «О реабилитации жертв политических репрессий» на территории республики Президент России 21 апреля 2014 г. подписал указа «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», который обязал федеральные и республиканские органы власти: «а) совместно с органами государственной власти Республики Крым и г. Севастополя: принять комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам; определить особенности применения Федерального закона от 20 июня 2006 г. № 93-ФЗ "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества" на территориях Республики Крым и г. Севастополя в переходный период с учетом необходимости обеспечения защиты прав и законных интересов армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского, немецкого и иных народов; б) при разработке федеральной целевой программы социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года предусмотреть меры, направленные на национально-культурное и духовное возрождение армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, а также на социальное обустройство территорий указанных субъектов Российской Федерации, определив источники финансирования программы; в) содействовать созданию и развитию национально-культурных автономий, иных общественных объединений и организаций армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов,

получению гражданами Российской Федерации, проживающими на территориях Республики Крым и г. Севастополя, основного общего образования на языках указанных народов, развитию традиционных промыслов и форм хозяйствования, а также решению других вопросов социально-экономического развития армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов; г) оказывать содействие органам государственной власти Республики Крым и г. Севастополя в проведении мероприятий, приуроченных к 70-летию депортации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов.

Во исполнение Указа Президента была создана Комиссия Республики Крым по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, главной целью которой является осуществление контроля за реализацией на территории Республики Крым Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" и других нормативных правовых актов в сфере восстановления прав реабилитированных.

«Воспоминания о депортации еще очень свежи в каждой семье. Большая часть крымских татар восприняла указ о реабилитации позитивно. Особенно пожилое поколение, у которого до сих пор чувствуется боль в сердце. Многие приняли это так: «теперь клеймо предателей снято». Этот указ является политическим шагом, который продемонстрировал некую лояльность. С точки зрения государства — красивый ход, но мы теперь ждем какой-то практической реализации: компенсации, прибавки к пенсии и так далее»¹⁴

Для «обеспечения правовой защиты социально-экономических и этнокультурных прав репрессированных народов, проживающих в Республике Крым, реализации комплекса мер по обустройству мест их компактного проживания репрессированных народов Республики Крым, решению их социально-экономических и культурных и образовательных проблем;

¹³ Послание Президента Федеральному собранию 4 декабря 2014 года (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>).

¹⁴ Лиля Буджурова, телеведущая, заместитель директора по информационной политике крымскотатарского телеканала АТР (<http://www.kommersant.ru/projects/crimeantatars#chapter2>).

организация приема, обустройства и социально-культурной адаптации представителей репрессированных народов, возвращающихся в Республику Крым»¹⁵ был создан Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым.

В течение 2014 г. более двадцати тысяч граждан из числа репрессированных обратились с заявлениями в соответствующие государственные органы для получения справок о реабилитации согласно Указу Президента РФ¹⁶.

Республиканскими властями Крыма были разработаны меры социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым¹⁷, в том числе жертв политических репрессий пенсионного возраста, признанные пострадавшими в соответствии с Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 "О реабилитации жертв политических репрессий". По этому закону пострадавшим от политических репрессий пенсионерам полагается: ежемесячные доплаты к пенсии (500 руб.); компенсация половины стоимости коммунальных услуг; оплата в размере 50 процентов от оплаты занимаемой общей площади жилых помещений; льготный проезд в общественном транспорте городского и пригородного сообщения.

На протяжении двадцатилетия после распада СССР одним из самых острых вопросов для крымских татар была легализация земельных участков, которые некоторые занимали самовольно после

возвращения на Родину. Самовольный захват участков, которые находились в государственной и муниципальной собственности, осуществлялся главным образом в период возвращения крымских татар на Крымский полуостров. Процесс оформления в собственность земельных участков с жилыми строениями во времена нахождения Крыма в составе Украины не имел массовый характер из-за дороговизны и огромного количества бюрократических трудностей. Чтобы решить проблему оформления земельных участков республиканские власти Крыма приняли закон¹⁸, который предоставляет право жителям Крыма, подвергшихся депортации и признанные реабилитированными, бесплатно получить в собственность земельный участок с расположенными на них постройками, возведенными до 18 марта 2014 года при наличии определенных условий: «Земельный участок находится в государственной или муниципальной собственности и не предоставлен иным лицам; на земельном участке имеется объект капитального строительства, возведенный гражданином до вступления в силу настоящего Закона; имеется заключение органа местного самоуправления о том, что такой объект капитального строительства может быть признан жилым домом без дополнительного строительства; объект капитального строительства учтен исполнительными органами государственной власти Республики Крым до вступления в силу настоящего Закона; на данном земельном участке в соответствии с градостроительной документацией допускается возведение жилого дома».

По федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»¹⁹ выделяется более 700 млрд. руб. инвестиций в экономику Крыма, в том числе на инфраструктурные проекты по водоснабжению, электрофикации, газифи-

---

¹⁵ Постановление Совета министров Республики Крым от 27 июня 2014 г. № 159 "Положение о Государственном комитете по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым".

¹⁶ Выступление Председателя Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым Смирнова Заура Руслановича на XX Ежегодном семинаре Сети этнологического мониторинга раннего предупреждения конфликтов и Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в г. Ялта, 27 марта 2015 г.

¹⁷ Закон Республики Крым от 23 декабря 2014 г. №251 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым».

---

¹⁸ Закон Республики Крым от 24 декабря 2014 года. «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений»

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. №790 "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г."

кации, дорожное строительство. Решение этих проблем наиболее актуально для крымскотатарских поселков, где до сих пор зачастую нет ни газа, ни воды, ни телефонной связи, а некоторых поселках часто случаются и перебои подачи электричества. За 20 лет крымские татары были вынуждены сами решать свои житейские проблемы, например, асфальтированные дороги в крымскотатарских поселках редкость, чаще они вымощены щебнем, который жители этих поселков зачастую вскладчину покупали. Наряду с инфраструктурными вложениями федеральная целевая программа предполагает внушительное финансирование (более 10 млрд руб.) на «меры, направленные на национально-культурное и духовное возрождение армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов, а также на социальное обустройство территорий Республики Крым и г. Севастополя»²⁰.

«В текущем году на обустройство мест компактного проживания репрессированных народов из федерального бюджета было использовано 333 млн руб., причем эта цифра не за полный год, и она в семь раз превышает объемы финансирования, которые были при Украине за последние семь лет! Согласно Федеральной целевой программе, до 2020 г. на эти цели планируется выделить более 10 млрд руб. Эта цифра вообще не подлежит комментариям, она заоблачно превышает то финансирование, которое затрачивалось за последние два десятилетия на обустройство реабилитированных народов и гармонизацию межнациональных отношений в Крыму».²¹

Важным компонентом государственной национальной политики в Крыму является поддержка национальных средств массовой информации. В соответствии с Указом Главы Республики Крым принято решение о создании общественной крымско-татарской телерадиокомпании²². Серьезное внимание республиканскими властями уделяется оказанию содействия в создании и деятельности национально-

культурных автономий и иных общественных объединений и организаций народов Крыма. Государственным комитетом по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым с целью оказания содействия созданию и развитию национально-культурных автономий, иных общественных объединений и организаций проведены ряд совещаний с представителями национально-культурных обществ Республики Крым, на которых были разъяснены положения федеральных законов Российской Федерации «О национально-культурной автономии» «Об общественных объединениях» и др.²³

При финансовой поддержке республиканских и федеральных властей в сентябре 2014 года мусульмане Крыма совершили паломничество в Мекку 150 мусульман, постоянно проживающих в Крыму²⁴.

В соответствии с Указами Главы Республики Крым в 2014 году главные праздники для мусульман Ораза байрам и Къурбан байрам были объявлены нерабочими праздничными днями в Республике Крым²⁵. Помимо этого власти Крыма уделяют особое внимание организации мероприятий, посвященных памятным датам народов Крыма, в том числе крымских татар, включая: национальный праздник "Хыдырлез" (1 декада мая); день памяти жертв депортации из Крыма (18 мая); национальный праздник "Дервиза" (21 сентября)²⁶.

В Республике Крым получили статус государственных сразу три языка – русский, украинский и крымскотатарский. Депортированные в сталинский период среди крымских татар, проживающих в Крыму, наконец-то дождались реабилитации, которая дает право реабилитированным

²³ <http://gkmmn.rk.gov.ru/rus/reports>

²⁴ Там же

²⁵ Указа Главы Республики Крым от 24 июля 2014 года № 162-У "О нерабочем праздничном дне"

²⁶ Распоряжение Совета Министров Республики Крым от 23 марта 2015 года № -227-р "Об утверждении плана мероприятий по реализации в Республике Крым комплекса мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам, на 2015-2016 годы".

²⁰ Там же.

²¹ Выступление Председателя ...

²² Указ Главы Республики Крым от 22 апреля 2015 г. №114 –У "Об общественной крымско-татарской телерадиокомпании"

на разного рода льготы (прибавка к пенсии, компенсация коммунальных платежей), а также бесплатно получить в собственность земельный участок с расположенными на них постройками. Выделены внушительные средства на решение инфраструктурных проблем (водоснабжение, электрификация, газификация, дороги) мест компактного проживания крымскотатарского населения. Важное значение также имеют законодательно прописанные меры республиканских властей в сфере поддержки культуры крымских татар и национальных СМИ.

Таким образом, за неполные два года после референдума 16 марта 2014 г. республиканские власти Крыма при под-

держке федерального центра создали новую нормативно-правовую базу, ориентированную на решение насущных проблем крымскотатарского населения в Крыму. Эти проблемы не смогли или не пожелали решать власти Украины на протяжении двух десятилетий. Теперь успех российской национальной политики в Крыму во многом зависит от оперативного претворения в жизнь принятых и законодательно оформленных решений.

*Старченко Р.А.
ИЭА РАН*

Греки в Крыму: проблемы культурного и социального развития¹

Полиэтничность населения Крыма, поддержание его культурного многообразия, консолидация местных сообществ – один из важнейших приоритетов социальной политики России в Крыму. Ее вектор задан Указом № 268 «О реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», подписанным 21 апреля 2014 г., спустя месяц после воссоединения Крыма с Россией. В Указе перечислены пять народов. При этом, когда говорят о региональной специфике национальной политики, как правило, вспоминают о наиболее многочисленных этнических группах в Крыму: русских, украинцах и крымских татарах. Вместе с тем, напомним, на территории КФО переписью населения 2014 г. выявлено 175 наименований национальной принадлежности, из которых 29 наименований указали 99% постоянных жителей Крыма².

Данное исследование посвящено крымским грекам, которые в наши дни по численности даже не входят в первую десятку народов Крыма. Вместе с тем, с исторической точки зрения греки – это исконное население Крыма. Их малочисленность на полуострове связана с многими перипетиями последних столетий и радикальными изменениями этнического состава местных жителей. В настоящее время наиболее компактно греки проживают в гг. Симферополь, Ялта, Керчь, а также в районах: Симферопольском (селах Пионерское, Доброе, Заречное, Лозовое) и Белогорском (пгт. Зуя и село Чернополье). По предварительным итогам переписи населения 2014 г., в Крыму зафиксировано 2877 греков, что составляет 0,13% от всего населения полуострова. Отмечу, лишь 15% греков указали в качестве родного греческий язык, тогда как 83% считают родным русский язык.

Правда, по данным члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от исполнительной власти Республики Крым Ольги Ковитиди, греческая община полуострова Крым более представительна и насчитывает око-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-37-14017 «Разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России» (рук. М.Ю. Мартынова).

² Материалы заседания круглого стола, посвященного предварительным итогам Переписи населения в Крымском федеральном округе по национальному

составу, родному языку и гражданству // Перепись населения в Крымском федеральном округе (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html).

ло 7000 человек. Точность этих показателей относительно, но они имеют под собой некоторые основания. В качестве примера сохранения и возрождения греческой идентичности через поколения сошлюсь на слова активного сподвижника греческой культуры в Крыму И.К. Зековой, председателя греческого общества с. Чернополье (ранее Карачоль). На вопрос, есть ли правило в Карачоли жениться или выходить замуж за греков, она ответила: «Село наше очень греческое. Я замужем за наполовину греком, свекровь – украинка. Дети мои на украинках женились, но внуки называют себя греками. Еще до войны украинские парни женились на наших девушках и оставались здесь. Потому что им нравился наш уклад жизни».³

В мае 2014 г. региональная национально-культурная автономия греков Крыма "Таврида" инициировала сбор данных о греках Крыма и их перепись. Как сказано в объявлении, размещенном на сайте организации, это делается «для возможности развития греческой культуры на полуострове, сплочения нации и помощи в решении актуальных вопросов»⁴. Для создания базы данных по грекам, проживающим в Крыму, было предложено заполнять анкету в электронном виде и прислать ее по адресу tavrida_crimea@mail.ru. На каждую семью заполняется отдельная анкета с указанием ф.и.о., места жительства, профессии и места работы, контактного телефона. Если у грека/гречанки супруга/супруг другой национальности, было предложено вносить и их данные в анкету переписи. Также собирается информация о семьях, высланных из Крыма в 1940-е годы. «Таврида» призывает греков вместе возродить сильную греческую диаспору, которая начала свое существование на территории Крыма еще в VI в. до н.э.

Самоорганизация и институциональное развитие. Несмотря на свою относительную малочисленность, в наши дни крымские греки все активнее заявляют о себе. После перехода Крыма под юрисдикцию России здесь создана новая гре-

ческая общественная организация. Это связано не столько с изменением политической ситуации, сколько с тем, что еще раньше в местной греческой общине возник конфликт личного характера. При этом, если крымские татары не все однозначно положительно отреагировали на Указ № 268, то греки Крыма одними из первых откликнулись на него со знаком плюс и создали свою национально-культурную автономию в Крыму. Еще 12 марта 2014 г греки Крыма собрались для обсуждения сложившейся ситуации на полуострове, ими рассматривались пути развития греческого движения в случае вхождения полуострова в состав РФ. Было принято решение об организации нового общественного объединения греков, проживающих в Крыму.

25 марта 2014 (в день национального праздника Греции, что символично) Иван Шонус был назначен председателем новой Региональной Общественной организации Национально-культурной автономии греков Крыма «Таврида». В мае 2014 г. Национально Культурная Автономия греков Крыма была принята в состав ФНКА Греков России. Создана и Молодежная организация Национально-культурной Автономии Греков РК "Таврида", собрания которой проходят еженедельно. Председатель – Дмитрий Баланов. Среди наиболее активных местных организаций - созданный в с. Чернополье культурно-этнографический центр «Карачоль», который возрождает и популяризирует культуру греков-фракиотов.

В составе государственной телерадиокомпания «Крым» действуют греческие радио- и телередакции, передачи которых в еженедельном формате рассказывают обо всех главных событиях в греческой общине. Телепрограмма, ориентированная на греков Крыма, называется «Эльпида» («Ελπίδα») (ведущая Мария Лазариди). Радио вещает на греческом языке – 5 минут на FM и два раза по 20 минут на проводной радио станции.

До 1 апреля 2015 года средства массовой информации Крыма должны были пройти регистрацию в соответствии с российским законодательством, до этого они могли распространяться, в том числе, осуществлять телерадиовещание, на основании свидетельств о регистрации СМИ

³ Беседовала В. Воробьева. Почему греки опаздывают с удовольствием // Крымская газета, 31.05.13 (<http://gazeta.crimea.ua/articles/pochemy-greki-opazdivaut-s-ydovostviem-6279>).

⁴ <http://tavrida-krim.pf/?p=657#more-657>

и лицензий на теле- и радиовещание, выданных ранее государственными органами Украины. По данным на 2 апреля 232 средства массовой информации, среди которых и важные для греков, прошли регистрацию в соответствии с российскими нормами. Власти Крыма планируют создание крупного медиацентра. В эту структуру войдут не только крымскотатарские СМИ, но и газеты греческой, армянской, болгарской диаспоры Крыма, финансирование которых также будет производиться из бюджета республики. (С 1997 г. греками Крыма издавалась ежемесячная «Греческая газета»).

С властями республики обсуждаются детали создания в Крыму греческого национального поселения⁵. О реальности этого проекта говорит тот факт, что средства для обустройства греческого квартала в Феодосии уже предусмотрены в Федеральной целевой программе развития Крыма до 2020 года. Страница общественной организации "Таврида" социальной сети "ВКонтакте" сообщает, что Греческий квартал в Феодосии может разместиться на Челноковском массиве.

Одним из способов напомнить о греческом присутствии в Крыму может послужить, в частности, тот факт, что Гостевой дом «Uskut», который находится в с. Приветное близ г. Алушта предлагает особые цены и гостеприимство потомственным крымчанам-грекам. О том, что греческая община Крыма имеет тенденцию к увеличению, свидетельствует, например, тот факт, что по имеющимся данным, в 2014 г. около 3500 мариупольских греков уже переехали в Крым. Еще часть мариупольской греческой общины тоже хотела бы вернуться на полуостров. Греческая община Мариуполя "Греки Приазовья" обратилась с письмом, в котором говорится, что порядка 150 тыс. греков желает переселиться в Крым.

Среди самых главных задач, которые в оперативном режиме необходимо решить, новосозданное греческое объединение в Крыму «Таврида» выделяет программы «минимум» и «максимум». Программа «минимум», по мнению ее лидера Ивана Шонуса, – собрать, консо-

лидировать всех греков. Знать абсолютно всех «по головам». Посмотреть, как и куда движется, выработать первоочередные задачи и планы. Он считает, что греки за 23 года в независимой Украине стали разрозненными. Они живут по всем районам Крыма. Делают свои дела на местах, но консолидации, единого организма не чувствуется, его нет. Есть сегодня воля все поменять к лучшему – стать одной большой, дружной и сплоченной греческой семьей. Что для этого сегодня сделано и делается? Регистрация, согласно российскому законодательству Крымской Национально-Культурной Автономии греков. Наши цели и задачи ясны – они описаны в Уставе. История, культура, Греческое образование. Наши традиции и обычаи. Мы должны все помнить, ничего не предать забвению. Не растерять ничего по пути. ...Одной из целей нашего нового греческого Объединения – это проведение переписи греческого населения Крыма. ... Программа «максимум» – создать полноценные греческие общины, культурные центры.

Между тем, территория Крыма уже две с половиной тысячи лет имеет отношение к греческой культуре. «Они здесь появились гораздо раньше нас с Вами», – как сказал Владимир Путин на встрече с лидерами крымских татар 16 мая 2014 г. Вслед за Президентом РФ министр культуры В.Р. Мединский выразил недоумение, а почему в Крыму только три официальных языка? Крымские греки оживились: «Он имел ввиду греческий язык!»

Греков, живущих в России, Украине, Закавказье чаще всего называют *пантийскими* греками. Термин используют, как правило, для дифференциации их от греков Греции. Однако, этноним не совсем точен. Греки Крыма – диаспора, которая формировалась в разные периоды истории и при разных обстоятельствах из различных групп греков, имеющих языковые и культурные отличия. К самой ранней группе относятся *античные* греки, их эпоха длилась с VI в. до н.э. до III в. н.э. Вторая группа – это средневековые крымские греки (III-XVIII вв.), потомков которых сейчас называют *мариупольскими греками*. Их сменили греки "русского периода" истории Крыма, жившие в конце XVIII-XX вв. Греки этого времени – греки *балак-*

⁵ См., например, Российская газета, 17.02.2015. <http://www.rg.ru/2015/02/17/reg-kfo/greky-anons.html>

лавские, архипелажские, фракиоты, понтийцы. Четвертой группой принято считать складывающуюся в наши дни современную греческую общину. Это деление достаточно условно, так как между этими группами наблюдалась преемственность культуры.

По языковой принадлежности греки изучаемого региона делятся на две подгруппы: эллинофоны и тюркофоны. Такое разделение восходит к XV в. — временам Османской империи. В селах Крыма, расположенных рядом с большими городами, греки говорили на языке крымских татар, тогда как те, кто жил в отдаленных поселениях, общались на эллинских наречиях, близких к греческому языку. Тюркский (крымскотатарский) язык постепенно вытеснял греческий язык. Даже православные службы, проповеди и молитвы стали вестись и читаться на крымскотатарском языке. Священники стали учить детей писать греческими буквами по-татарски — такие документы хранятся сейчас в архивах. До сих пор в некоторых селениях ЮБК татары соблюдают христианские обычаи и имеют греческие фамилии (Кафадар, Барба и др.) с прибавкой — *оглу* (сын). Крымскотатарский язык живет в местах переселения средневековых греков из Крыма — в селах Северного Приазовья: на нём поют песни и пишут стихи, здесь танцуют татарские танцы. Сами греки называют этот язык урумский "грекотатарский". Часть приазовских греков имеет тюркские фамилии.

В 1778–1779 гг. по распоряжению императрицы Екатерины II произошел исход греческого населения Крыма (18395 чел.) из более 80-ти населенных пунктов в Азовскую губернию, где ими был основан г. Мариуполь и 20 сел в округе. По дороге из Донецка или Мариуполя в сторону Мелитополя до сих пор множество чисто крымских названий населённых пунктов — Старый Крым, Ялта, Ласпи, Мангуш, Карань... В документах того времени сообщается, что 18395 греков, 12598 армян, валахов и грузин покинули Крым. Отсюда название *мариупольские* греки.

Несколькими годами раньше по итогам русско-турецкой войны 1768-1774 г. после заключения Кучук-Кайнарджийского мира, Россия приобрела в Крыму первые земли: крепости Керчь и Еникале (осталь-

ной Крым был присоединён к России на 9 лет позже - в 1783 году). И основу этнической общности современных греков Крыма составил Греческий батальон, принимавший участие в Крымской войне на стороне России, а затем оставленный для охраны крымского побережья от Севастополя до Феодосии. Эти греки были поселены в Балаклаве и близлежащих деревнях и вошли в этнографическую историю Крыма как "*балаклавские* греки", или "арнауты" (их неправильно иногда называют албанцами). Это было военное поселение греков, которые несли пограничную службу на Черноморском флоте, а в свободное от службы время занимались сельским хозяйством, торговлей и рыболовством. После упразднения батальона в 1859 г. они стали их главными занятиями.

В к. XVIII-начале XIX греческое население полуострова росло за счет части греков, возвратившихся из Приазовья, а также переселенцев с территории Турции: из Малой Азии, Понта, Фракии, островов Архипелага. Миграция *понтийских* греков с территории Турции в этот период шла в двух направлениях: в Крым и на территорию современных Грузии и Армении. В конце XX века часть греков с территории Кавказа переселилась в Крым. Основным занятием сельских жителей было земледелие, садоводство, виноградарство и табаководство. У греков, ранее живших в Закавказье, было в большей мере развито животноводство, чем земледелие. (19 мая в день памяти геноцида греков Понта в Османской империи).

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Таврической губернии проживало 18048 греков, что составляло 3,13% населения⁶. К 1918 году по оценочным расчетам в Крыму насчитывалось чуть менее 22000 греков (2,9% населения). Многие из них не имели российского подданства. Когда новая, советская, власть предложила им выехать на свою родину, некоторые иностранно подданные греки покинули

⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т.Т.1-50. С.-Петербург: 1903-1905 Доступно: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420

Крым, но не все. В 1926 г., по итогам первой Всесоюзной переписи населения, 2,27% населения полуострова (включая Севастополь) составляли греки, их численность в тот период - 16 036 чел⁷. Жили греки во всех городах (преимущественно в Ялте, Севастополе, Керчи, Старом Крыму, Симферополе), а также в 398 селах и деревнях. Сельские жители составляли около половины всего греческого населения Крыма. Жили они компактно или малыми группами. По всему Крыму тогда были созданы сельсоветы по этническому (национальному) признаку. В 1930 г. на полуострове было 8 греческих сельсоветов, в т.ч. пять, в которых делопроизводство велось на греческом языке. Распространялись выходившие в Мариуполе газеты на греческом языке: "Комунистис" и "Коллективистис", журналы "Пионерос" и "Махитис". В 1925-1926 учебном году в Крыму насчитывалось 25 греческих школ I ступени с 56 учителями и 1500 учащимися. В городах и селах Крыма открывались греческие клубы, избы-читальни, "красные уголки". Греки до середины 30-х годов имели возможность изучения греческого языка, читали газеты и журналы на родном языке. К концу 1930-х годов национальная политика СССР круто меняется. Школы национальных меньшинств, в том числе и греческие, закрываются. Уничтожаются многие церкви, в т.ч. и в Крыму⁸. По данным переписи 1939 г. на Крымском полуострове проживали 20 652 грека (1,83% населения)⁹.

Преодоление последствий депортации. Злободневна до сих пор тема последствий депортации. В июле 2014 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в связи с проблемой реабилитации народов Крыма, Президент России Владимир Путин не исключил расширения программы по реабилитации репрессированных народов, проживавших

до начала Великой Отечественной войны в Крыму. Он подчеркнул, что речь идет не только о политической, моральной и нравственной, но и социально-экономической реабилитации. Тогда в ходе заседания президент Федеральной национально-культурной автономии греков России Иван Саввиди заметил, что греки, проживающие на юго-востоке Украины, также хотели бы присоединиться к программе о реабилитации и воспользоваться возможностью переселения обратно в Крым. И. Саввиди напомнил, что в свое время состоялось переселение греков из Крыма на юго-восток Украины. "Мы считаем, что это было актом спасения греков. И сегодня очень много греков хотели бы воспользоваться указом о реабилитации репрессированных греков, и по отдельной госпрограмме, может быть, вернуться назад в Крым", – сказал он. Президент России пообещал, что все вопросы обязательно будут рассматриваться, однако обратил внимание, что существуют бюджетные ограничения. "У нас есть только один вопрос, связанный с возвращением – это объемы финансирования, ограниченные бюджетные возможности", – сказал Путин.

С января 2015 г. в Крыму началась выдача свидетельств о праве на получение льгот жертвам политических репрессий. Так, лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, получат социальную поддержку согласно закону «О реабилитации жертв политических репрессий» и закону «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым». Репатрианты будут получать ежемесячную денежную компенсацию в размере 500 рублей, 50-процентную компенсацию расходов при оплате за жилплощадь, коммунальные услуги, а также закупку твердого топлива. Также жертвам политических репрессий будет предоставлено преимущественное право на вступление в садоводческие товарищества и жилищно-строительные кооперативы, первоочередную установку квартирного телефона. Кроме того, они будут иметь право на льготный проезд всеми видами городского и пригородного транспорта.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР (включая Севастополь)

⁸ См. подробнее: Кесмеджи П.А. Греки Крыма. - Симферополь: Издательский Дом "АМЕНА", 1996

⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Крымская АССР Доступно:

http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=6
8

В Крыму действует Ассоциация репрессированных народов. Она объединяет армян, болгар, греков, немцев. Председатель - Вагаршак Мелконян.

Не возможно стереть из памяти, что 27 июня 1944 г., подобно крымским татарам, болгарам и армянам, была осуществлена депортация 15 040 советско-подданных греков, которых направили в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области РСФСР, а также в Гурьевскую область Казахской ССР. Часть их и кроме того 3531 живших в Крыму подданных Греции, в вину которым вменялось то, что они имели на руках просроченные паспорта, были поселены в Ферганской области Узбекистана, все в сельской местности. Многие крымские татары, армяне, болгары и греки оставались на фронтах до самого конца войны. Однако если после демобилизации они возвращались к своим семьям, их тут же причисляли к спецпереселенцам. Так сталинский режим разбросал греков из Крыма в разные уголки СССР: в Узбекистан, Казахстан, Зауралье, Сибирь. Однако, жизнь продолжалась. В ссылке родилось несколько поколений крымских греков. Некоторые из них за эти годы приняли советское гражданство.

Лишь спустя 10 лет (27 марта 1956 г. Указом Президиума ВС СССР) с депортированных греков были сняты ограничения в правовом положении (они больше не должны были ежемесячно отмечаться в спецкомендатурах). Но им было запрещено возвращаться на родину и требовать возврата конфискованного имущества. Поэтому многие селились на подступах к полуострову, в том числе в Херсонской области Украины. Немногие оставшиеся в Крыму греки (45 чел. в Старокрымском районе, 79 - в Белогорском и др.) старались не афишировать своей национальности и не говорить на греческом языке. Постепенно в Крым стали прибывать греки-переселенцы из Одесской и Донецкой областей, а также из Южной России и Закавказья (особенно из Грузии).

Одна частная история. Ирина Константиновна Зекова, председатель греческого общества с. Чернополье (ранее Карачоль) рассказывает: Наша община насчитывает немного, человек двести. Греки

начали возвращаться в Чернополье в конце 1960-х годов. Я сама вернулась только в 1970 году. Люди приезжали, видели свои дома, целые, но там уже жили другие. Нас ведь выселили в августе 1944 года, практически без вещей, все оставили, коров, барашек. Вывезли в летней одежде. Мне тогда два года было, нас у мамы пять детей, привезли на станцию Нижнегорская, тогда Сейтлер, и отправили в Пермскую область.

Тамошних настроили, что греки - изменники, продали Крым. Нас только раскулаченные, которых раньше туда выслали, сразу приняли, они-то все понимали... Через пять лет разрешили посылки, нам прислали из Крыма ящик: яблоки, помидоры, перец. Барак на 50 человек, зима. Мы открыли этот ящик, стояли и плакали. Перец жарили и давали детям по кусочку с ноготок, чтоб хоть вкус знали. Вернулись мы в 70-е, дом нам никто не вернул, от колхоза дали 15 соток, мы построили новый¹⁰.

В 1970-х гг., несмотря на административные запреты, из ссылки смогли вернуться более 200 семей, которые осели в своих бывших селах по Ялтинской трассе, в Чернополье, Зуе, Белогорске, Старом Крыму, Симферополе. Массовое возвращение греков в Крым началось в дни горбачевской перестройки. По данным 1979 г. греков в Крыму насчитывалось 1897 человек, а десятилетие спустя в 1989 г. уже 2684. Однако, говорить по-гречески в Крыму по-прежнему было не принято. На 1994 г., по данным ЦСУ Крыма здесь зарегистрировано около 4000 греков.

С началом "оттепели" многие греки из мест ссылки из Урала и Узбекистана стали эмигрировать в Грецию. Кто-то еще живет в тех краях. Но и жизнь греков на Крымском полуострове оживилась. Возвратившимся на свою малую родину в Крым, грекам предоставлялась земля для обустройства. Тогда, в начале 1990-х годов, были созданы греческие поселки «Акрополис», «Понтос» и другие. У Ивана Шонуса, лидера греков-крымчан, например, дом в поселке «Акрополис» на

¹⁰ Беседовала Валентина Воробьева. Почему греки опаздывают с удовольствием // Крымская газета. 31.05.13. <http://gazeta.crimea.ua/articles/pochemy-greki-opazdivaut-s-ydovolstviem-6279>

улице Македонского (не в честь Александра Македонского, а в память легендарного командира партизанского отряда Михаила Македонского)...

Начиная с "перестроечной оттепели" в Крыму стали создаваться греческие национально-культурные общества, а при них кружки новогреческого языка. Развитие общественно-политических процессов в к. 1980-х – начале 1990-х гг. привело к тому, что наряду с другими национально-культурными обществами в Крыму сформировались общества греческой культуры. В январе 1990 г. было образовано Крымское отделение Общества советских греков, которое возглавил дядя нынешнего руководителя греков – крымчан Харлампий Иванович Шонус.

Впоследствии в Украине была зарегистрирована Федерация греков Крыма, руководил которой Сумулиди Николай Георгиевич. Эта Федерация координировала региональные организации в Симферополе, Евпатории, Керчи, Феодосии, Ялте, Бахчисарайском, Белогорском, Кировском, Ленинском, Нижнегорском, Симферопольском районах. В их составе было зарегистрировано около 1860 членов. Всего же по переписи населения Украины 2001 г. в Крыму, включая Севастополь, насчитывалось 3036 жителей греческой национальности, хотя сама греческая община заявляет о четырех тысячах.

В ноябре 1991 г. Симферопольский университет совместно с греческой общиной выступил инициатором проведения конференции по проблемам преподавания греческого языка в СССР. По ее итогам была основана кафедра греческой филологии СГУ (позднее ТНУ им. В.И. Вернадского, ныне Крымский федеральный университет). В середине 1990-х гг. новогреческий язык факультативно начали преподавать и в общеобразовательных школах. В начале 2000 годов в Крыму его изучали более 600 детей. Регулярно стала проводиться Всекрымская олимпиада по новогреческому языку, истории и культуре греков. Севастопольское культурно-просветительское общество "Херсонес" совместно с ТЦЭ "Эльпида" тоже регулярно проводят летний образовательный

проект "Звездочки Херсонеса" для детей - маленьких эллинов и филэллинов¹¹.

Культура как основа идентичности.

После вхождения Крыма в состав России значительное внимание уделяется изучению родного языка и поддержанию традиционной культуры. Правительству РФ совместно с властями Крыма и Севастополя президентом РФ Владимиром Путиным было поручено содействовать получению гражданами РФ, проживающими в Севастополе и в Крыму, основного общего образования на языках ранее репрессированных народов. В настоящее время в местах компактного проживания греков греческий язык включен в учебный план школьных программ. Есть возможность его учить для школьников гг. Белогорск, Керчь, Симферополь, Старый Крым, Феодосия, Ялта, пос. Кореиз, с. Чернополье Белогорского района, с. Луговое Ленинского р-на. В Симферопольской городской детской библиотеке открыт отдел греческой литературы, в Крымском этнографическом музее оформлена греческая экспозиция. При Региональной Национально-культурной Автономии греков РК «Таврида» открываются группы по изучению греческого языка и греческих танцев для разных возрастных групп. В апреле 2014 г. в Крыму была проведена 17-ая олимпиада школьников по новогреческому языку, истории и культуре греков Греции и диаспоры.

Греческая диаспора Крыма отмечает многие праздники, в т.ч. греческие национальные: День освобождения Греции от Османского ига – 25 марта и антивоенный праздник «Охи» 28 октября. После вхождения Крыма в РФ отмечаются общероссийские праздники (День защитника Отечества и др.).

Есть и местные праздники. Чаще всего они связаны с историческими датами. В сентябре 2014 г. состоялась Международная научно-практическая конференция "Греки и оборона Севастополя 1854-1855 гг" На 24-25 мая 2015 г. в селе Чернопо-

¹¹ Материалы взяты из путеводителя к выставке "Греки Крыма в XVIII-начале XXI вв.", Симферополь, 2004.

лье Белогорского р-на запланированы юбилейные мероприятия, посвященные 185-летию со дня исхода местных греков с исторической родины. (Турецкоподданные греки, выходцы из Восточной Фракии, приплыли в Крымскую Феодосию 10 апреля 1830 г. и затем расселились в села Нейман, Сентосан, Аппаг и Тууш, Карачоль). Как греческий национальный праздник в селе Чернополье 3 июня 2013 года отмечался 100-летний юбилей церкви Святых Равноапостольных царей Константина и Елены. Престольный праздник был организован Крымской греческой организацией им. Георгия Победоносца при поддержке консульства Греции и местной администрации. В связи с 70-летием печальной даты – депортации из Крыма в июне 1944 г., греки с. Чернополье (ранее Карачоль) возвели и освятили в своем селе Мемориальный памятник в память о тех, кто был депортирован по национальному принципу и так и не смог вернуться на Родину, оставшись в чужой земле навечно. В Крымском этнографическом музее развернулась выставка иконописца Надежды Макриды, приуроченная к 70-летию депортации греков. В поселке Старобешеве прошел фестиваль греческой культуры «Мега Йорты», приуроченный к 235-летию начала переселения греков из Крыма в Приазовье, 90-летию Старобешевского района.

В сентябре 2014 г. состоялся 12 Ежегодный Фестиваль Греческой культуры в г. Евпатория. 6-7 сентября прошел Молодежный форум Ассоциации Греческих Общественных Объединений России в Республике Крым, участниками которого были представители с разных регионов России. В декабре 2014 года в Симферополе состоялся фестиваль культур народов Крыма «Global Village». Это общественно-молодежный проект, организованный молодежной общественной организацией AIESEC, проходящий в рамках представления культуры национальностей Крыма. Целью мероприятия стало знакомство людей с особенностями культур и традиций, развитие взаимопонимания и толерантности к людям разных национальностей Крыма. РНКАГРК «Таврида» организовала концерт, посвященный дням греческой культуры. Широкой публике были представлены греческие танцы,

песни и кухня. Прозвучали греческие песни в исполнении Ксении Чакаловой и Алины Василиади, хореографический ансамбль «Артемис» выступил с понтийским танцем кочари, а также были продегустированы греческие блюда: мусакас и меломакарона и, конечно же, греческие маслины.

В Крыму регулярно проводятся фестивали и праздники греческой культуры с участием художественных коллективов, которые созданы при греческих культурных организациях. Среди них – детские хореографические ансамбли в Симферополе, Керчи, Ялте, Белогорске, с. Чернополье Белогорского р-на, вокально-инструментальные ансамбли «Орфей» (г. Старый Крым) и «Прометей» (пгт. Зуя), женский греческий фольклорный ансамбль «Карачоль» в с. Чернополье, хоровые фольклорные коллективы в Феодосии и с. Луговое Ленинского р-на. В 2014 г. отмечалось 15-летие существования вокального коллектива в г. Керчи «Мосаико», победителя международных конкурсов.

Активная работа по сохранению греческой культуры проводится в с. Чернополье (ранее Карачоль) в Белогорском р-не Крыма, которое до ВОВ было греческим. Греки после депортации стали возвращаться сюда в 60-е годы прошлого века. На данный момент в Чернополье 30 греческих домов, где проживает более 200 греков. Здесь при поддержке программы ТАСИС создано греческое общество - Культурно - этнографический центр "Карачоль", которое возглавляет, как уже было сказано выше, Зеква Ирина Константиновна. Общество имеет свой сайт в интернете, который содержит обширную информацию о истории и культуре греков Крыма¹². С 1996 г. дети в местной школе изучают греческий язык. Тогда же создан фольклорный ансамбль «Карачоль». В селе восстановлена греческая церковь 1913 г. постройки, во имя Св. Константина и Елены, и Святой источник – Святая криничка – им. Св. Константина. В 2004 г. усилиями греческой общины здесь создан этнографический дом-музей, в котором собираются предметы, связанные с историей греков в Крыму. Как говорят в Чер-

---

¹² <http://greece-chernopole.com/>

нополье, за их «законсервированными» песнями приезжают этнографы из самой Греции.

Крым как место встречи народов, религий и культур. Российскими политологами последнее время подмечается, что российско-греческие отношения находятся в стадии подъема. Новый этап диалога между двумя государствами начался после победы на внеочередных парламентских выборах Коалиции радикальных левых сил (СИРИЗА) и визита в Москву премьер-министра Греции, лидера СИРИЗА, Алексиса Ципраса. При этом довольно распространено видение Крыма в качестве приоритетной площадки российско-греческого межгосударственного сотрудничества.

О том, что контакты Греции и Крыма укрепляются, свидетельствует, в частности, тот факт, что в Феодосии 25 февраля 2015 г. состоялось подписание меморандума о дружбе и сотрудничестве между муниципалитетами Феодосии и греческого Аспропиргоса. Население местности Аспропиргоса, расположенной в 15 км от центра Афин, более 40 тыс. человек, из них 20 тыс. составляют выходцы с территории бывшего Советского Союза. Большинство разговаривает на русском языке. Русская культура занимает значительное место в жизни Аспропиргоса, местное телевидение транслирует фильмы на русском языке, в школах для желающих проходят занятия на русском языке¹³.

Греки Крыма, в апреле 2015 г. обратились к руководству Греции с просьбой о предоставлении им национальных виз Греции для посещения этой страны в условиях ограничения выдачи шенгенских виз для крымчан.

Вместе с тем, местные греки сожалеют, что Греция мало на них обращает внимания и не помогает им (прежде всего, в культурном плане). По мнению Ивана Шонуса, из Греции должна была бы идти более глобальная помощь. Он думает, что 200-тысячная репатриация греков была совершенно неоправданна. 80% из репатриантов необходимо было «завернуть», переселить на побережье Понта Эвксин-

ского (Черного моря) и все это стоило бы Греции на несколько порядков дешевле. Не было, увы, такой программы. Программы, посвященной греческой диаспоре бывшего Советского Союза. Очень много деклараций о намерениях, бесконечных помпезных делегаций, а надо было, засучив рукава, нам вместе заниматься реальным делом. ...Я не говорю о чемадах денег. Привезите нам в Крым выставки, греческие театры, творческие коллективы, недели греческого кино, научно-практические круглые столы, конференции. Откройте Греческий культурный центр. Чтобы крымчане видели: «Греция здесь у нас!».

В свете возрождения Крыма был актуализирована тема возвращения Крыму исторического названия *Таврида*. С этим предложением выступил член Совета Федерации РФ от Крыма Сергей Цекков. «Я не думаю, что мы вообще уйдем от слова *Крым*. Я не исключаю, что может быть Крым-Таврида, Таврида-Крым», - сказал парламентарий. Отметим, что первым такую идею высказал депутат Госдумы России от ЛДПР Владимир Жириновский. «Таврида - греческое название. И Севастополь, Феодосия, Керчь, Евпатория - это все греческое. Крым - чисто крымско-татарское название. Первозданное все должно быть», - заявил ранее депутат. Название Таврида известно как минимум с 16 века. Изначально Таврикой (землей тавров) древние греки называли южный берег Крыма, а в период раннего Средневековья (примерно до 15 века) это название использовалось для всего полуострова¹⁴.

Название «Таврида» широко используется, в т.ч. и в коммерческих целях. Это становится своеобразным брендом Крыма. Летом 2015 г. во второй раз в Крыму будет проходить Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида». В августе 2014 г. в нем приняли участие более 1,7 тыс. молодых людей. В Симферополе есть Центральный музей Тавриды. Недалеко от Севастополя в поселке Угловое открыт отель «Ателика Таврида», а в Феодосии гостевой дом «Благословенная Таврида». Имя «Таврида» носят президент-отель в Ялте, госте-

¹³ Феодосия и греческий Акрополис подписали меморандум // Новый Крым 21.02.2015. <http://www.newc.info/news/3261/>

¹⁴ См., напр., Общая газета. 21 января 2015 г.

вой дом в Песчаном, пансионат в Алуште, детский санаторий в Евпатории. В том же ряду Севастопольская компания Таврида Электрик.

В заключение, оптимистично отмечу, что когда председателя греческого общества села Чернополье И.К. Зекову спросили, не обидно ли ей, что сегодня в Крыму греков так мало, а старинные, досоветские названия населенным пунктам если и возвращают, то татарские, а не греческие? Она ответила: «Ничего же не изменилось от того, что была Карачоль, а стало Чернополье! Пусть все будет как есть. Мы не националисты, мы всех любим и

уважаем». Размышляя об отношениях греков с татарами, И.К. Зекова, говорит: «До депортации Карачоль была только греческой деревней, а сейчас каждый четвертый – татарин. Через дорогу от меня две татарские семьи живут, я на Пасху с утра кладу на тарелку куличики, яйца и отношу их деткам, угощаю. А на их праздник их дети приносят мне сладости: “Бабушка Ира, возьмите!” Нет у нас вражды!»

Мартынова М.Ю.
ИЭА РАН

Учет этнических групп в Крыму и преодоление синдрома «коренных и некоренных»¹

Численность крымских татар в Крымском Федеральном округе подсчитана российской переписью 2014 года. Учтено 232,3 тыс. человек, т.е. меньше на 13 тысяч, если сравнивать с предыдущим переписным учетом. В своем докладе Росстат так и написал². Однако нужно постараться дать объяснение, что же кроется за полученными цифрами.

По данным единственной украинской переписи 2001 года, в Крыму проживало 245,3 тыс. крымских татар. Таким образом, по формальным критериям, получается, что численность крымских татар стала «меньше», и это дало повод для антироссийских спекуляций, которые и последовали («крымские татары бегут с полуострова», «крымские татары уклонились от переписи», «не хотят сотрудничать с властями»).

В действительности же ситуация

следующая. Российская перепись 2014 года насчитала в Крыму 45 тыс. «просто» татар, без уточнения, крымские они или не крымские – это соответствует конституционной норме, из которой исходит перепись, когда подсчитываются прямые ответы населения. Численность «просто» татар в украинской переписи была небольшой – 13,6 тыс. чел. Получается, что их численность к моменту вхождения Крыма в состав России выросла в три с лишним раза. Но за время между двумя переписями – украинской и российской – не было массового притока на полуостров каких-либо татар, кроме крымских. За счет естественного прироста численность никакой группы населения не могла вырасти в разы. На самом деле большинство тех, кто в переписи заявил о себе «татары», являются крымскими татарами. В период украинской переписи само название «крымские татары» был сильно политизировано, нагружено политическими экономическими ожиданиями, многие подчеркивали в своей идентификации «крымский», надеясь на социальные льготы, помощь международных организаций и прочее. По прошествии значительного времени острота, связанная с идентичностью, равно как и социальные ожидания снизились, крымские татары стали гораздо больше ощущать себя частью населения полуострова, возникло множество

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов».

² Доклад Росстата «Об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения, с. 19.
(http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html).

межличностных, семейных, профессиональных связей, широко распространилось бытовое название – «татары», и многие крымские татары в повседневной жизни именуют себя именно так. Поэтому очевидно, что часть крымских татар, в силу указанных и иных причин, назвалась в новейшей российской переписи 2014 года «татарами».

В новой Крымской переписи в три раза (!) возросла переписная численность «просто» татар, составив 45 тыс. чел. Повторим: новая перепись отразила снижение политической остроты термина «крымские татары» и зафиксировала тот факт, что в быту часть крымских татар именует себя «татары». По статистическим данным это хорошо видно на примере сельских жителей, где также «появились» многочисленные некрымские татары, хотя в деревнях каких-то иных татар, кроме крымских, очень мало. Так, по данным новой переписи 2014 г., в селе Андрусово, что под Симферополем, обосновавшиеся после репатриации крымские татары составляют меньшую часть жителей, а большая часть – это «просто» татары. Хотя известно, что в этом селе проживают именно крымские татары. В другом большом селе Строгоновка по статистике на более чем 1,5 тыс. крымских татар пришлось аж 400 «просто» татар, хотя известно, что в этом селе после репатриации обосновались именно крымские татары. Аналогичная картина в селе Чистенькое, и т.д. Следовательно, для понимания реальной картины, необходимо подсчитывать не только отдельную, но и совокупную численность крымских татар и татар.

Проблема смешанного учета «крымских татар» и «татар» имела и раньше. Численность иных, не крымских татар, например, татар казанских, астраханских, сибирских, в Крыму всегда была незначительной, на уровне нескольких тысяч человек, но советские переписи фиксировали на полуострове их несколько большее количество по уже указанной причине, а также и потому, что в советские времена люди пытались скрыть свою принадлежность именно к «крымским» татарам. По последней советской переписи 1989 г. «просто» татары насчитывали в Крыму явно завышенное количество – 10,8 тыс.

чел.

Для сегодняшней ситуации в Крыму проблему смешанного учета численности крымских татар следует решить как безусловное признание того факта, что часть татар на полуострове, причем их большая часть, являются именно крымскими татарами. Совокупная численность крымских татар и татар в Крыму составляет 277,3 тыс. чел., и эта цифра гораздо ближе к реальной оценке численности крымских татар.

Кроме того, у 85 тыс. жителей Крыма, принявших участие в переписи, вообще не была учтена национальность – по правилам переписи, если человека на момент переписи нет дома, учитывают его пол и возраст, а национальность не фиксируют. Из таких неучтенных как минимум 10% – крымские татары.

Совокупная численность крымских татар и татар на полуострове составила 277,3 тыс. чел., а это 12,6% населения Крыма (если подсчитать совокупную долю по украинской переписи, то видно, что этот показатель в 2011 г. был меньше – 10,8%). Если к тому же произвести корректировку численности за счет лиц, национальная принадлежность которых по тем или иным причинам не была указана в переписном листе, то совокупная численность крымских татар и татар в сегодняшнем Крыму достигнет 288,3 тыс. чел. Эти результаты показывают, что современная численность крымских татар в Крыму не только не сократилась, но, наоборот – заметно выросла.

Вопросы признания коренных национальностей. В 2015 г. в адрес Института этнологии и антропологии РАН из Федерального агентства по делам национальностей поступил запрос, дать оценку проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»». В законопроекте указывалось, а в сопроводительной записке к законопроекту подчеркивалось, что, исходя из уникальности этнического состава населения Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым может быть наделен особыми полномочиями – самостоятельно и по своим критериям устанавливать перечень коренных малочисленных

народов, с последующим включением их в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В своем ответе ИЭА РАН высказался против законопроекта и против наделения каких-либо групп населения в современном Крыму статусом «коренных», как опасный прецедент для межнациональных отношений. Еще в 2014 г. ИЭА РАН уже заявлял о своей позиции в ответ на аналогичный запрос Министерства регионального развития Российской Федерации.

Как и другие субъекты Российской Федерации, Крым обладает своеобразием этнического состава населения. Но это своеобразие не требует эксклюзивного правового регулирования. Вместе с тем, в Республике Крым, и в целом в Крымском федеральном округе, сложилась резко отличная от других российских регионов общественно-политическая обстановка, которая вызвана переменой государственной юрисдикции и многочисленными последствиями в международной политической и экономической сферах. Поэтому, если применительно к условиям Республики Крым вносить изменения федерального регулирования прав коренных малочисленных народов, то основанием этому могла бы служить именно особая общественно-политическая ситуация. Однако и в этом случае вряд ли необходимо предоставлять Госсовету РК эксклюзивные полномочия определять (как сказано в проекте закона) количественные и иные особенности коренных малочисленных народов – тем самым были бы сведены на нет действующие федеральные нормы. К числу особых полномочий для Крыма могло бы быть отнесена лишь возможность самостоятельно формировать перечень коренных малочисленных народов, но – при соблюдении общих для всех регионов России норм федерального законодательства.

В 2014 г. общественными организациями караимов (прежде всего, обществниками г. Москвы) ставился вопрос о наделении статусом «коренного малочисленного народа» караимов и крымчаков. Логика рассуждений была такая: поскольку Крым теперь в составе России и поскольку полуостров является исторической колыбелью двух упомянутых наро-

дов, значит и все караимы России, где бы они ни проживали, должны быть наделены соответствующим статусом «коренных».

Согласно современным научным подходам, караимы и крымчаки действительно представляют собой крайне малочисленные этнокультурные общности с выраженными чертами группового самосознания, которые формировались и проживали в течение длительного исторического периода в пределах Крымского полуострова, а затем расселились далеко за его пределами. В период фашистской оккупации Крыма крымчаки подверглись массовому истреблению в 1941-1942 гг. (11 декабря является официальным Днем памяти крымчаков и евреев Крыма — жертв нацизма). Караимы массово погибли от рук фашистов за пределами Крыма.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и тот факт, что уже более ста лет караимы и крымчаки проживают в Крыму в основном в городской местности, а на протяжении XX века они в основном были жителями крупных крымских городов. После исчезновения СССР значительная часть караимов и крымчаков уехала на постоянное жительство в Израиль. Не только по причине их крайней малочисленности, но и в результате городского образа жизни, в современном Крыму нет поселений или кварталов, в которых караимы и крымчаки преобладают по численности жителей, нет и традиционных мест и ареалов расселения (хотя в историческом прошлом такие места имелись). Современная численность караимов в Крыму составляет по данным российской переписи 2014 года, 535 чел. и крымчаков – 228 чел. Отдельными семьями караимы и крымчаки проживают в городах Симферополь, Евпатория, Севастополь, Бахчисарай, Феодосия, Керчь, Белогорск и др. В России за пределами Крыма караимы насчитывают 205 чел., крымчаки 90 чел., из них многие проживают в Москве и некоторое количество в Санкт-Петербурге и Краснодарском крае (г. Новороссийск).

Важно учесть и то, что законодательство Российской Федерации гарантирует особые права коренным малочисленным народам именно в сфере традиционных видов хозяйственной деятельности и при-

родопользования. Для современных караимов и крымчаков, проживающих в Крыму, не характерны особые виды хозяйственной деятельности. Вместе с тем, сохраняются и развиваются традиционные виды искусства и промыслы, включая приготовление блюд национальной кухни, отмечаются некоторые праздники, действуют национально-культурные и культурно-просветительские общества, развивается музейное и библиотечное дело, сохраняются культурно-исторические памятники, имеются (нерегулярные) периодические издания в основном на русском языке. Не развиваются и почти не функционируют в Крыму караимский и крымчакские языки, с трудом поддерживаются религиозные традиции.

По признакам малочисленности и уникальности культуры, по истории происхождения крымчаки и караимы безусловно являются малочисленными и коренными в Крыму и заслуживают особого внимания и поддержки со стороны государства. Каким образом может осуществляться эта поддержка? Прежде всего, через госпрограммы этнокультурного и социально-культурного развития. Однако в текущей общественно-политической ситуации открытым является вопрос о целесообразности статуса коренных малочисленных народов, как и придание такого статуса любым другим группам населения в Крыму. Еще в 2005 г. лидер крымчакской общины журналист и писатель М. Агатов (Пурим) высказывался против разделения жителей полуострова на коренных и некоренных в статье с характерным названием «Крымчакам не нужен статус коренного народа»³.

Специфика ситуации в Крыму заключается в том, что потенциально претендовать на статус коренного малочисленного населения могут не только караимы и крымчаки, но также крымские армяне и греки, чьи предки составляли древнее христианское население полуострова. Также на такой статус вправе претендовать проживающие на полуострове евреи, немцы, цыгане.

Особую проблему составляет мнение крымскотатарского населения, числен-

ность которого намного превышает обозначенный в российском законодательстве критерий отнесения к коренным малочисленным народам. Не только лидеры, но значительная доля населения крымских татар на протяжении более чем двадцати лет (с момента начала массовой репатриации на Крымский полуостров в конце 1980-х гг.) настаивала на государственном признании их особого статуса коренного народа, однако власти УССР, а затем и самостоятельной Украины эти требования не удовлетворяли.

В сегодняшних непростых общественно-политических и социальных условиях Крыма общественным мнением не будет принят во внимание тот факт, что в законодательстве Российской Федерации статус коренного народа не предусмотрен для больших групп населения (свыше 50 тыс. чел.). Поэтому в случае наделения статусом коренного малочисленного народа только караимов и крымчаков следует ожидать острой реакции со стороны крымских татар, причем не только от лидеров, не поддерживающих, но и поддерживающих переход Крыма под юрисдикцию России. Вновь, как в первой половине 1990-х гг., в среде крымских татар начнется муссирование темы «воссоздания национальной государственности», и на полуострове обострятся межнациональные отношения. По сравнению с позапрошлым десятилетием, текущая ситуация в Крыму осложняется большей вовлеченностью в межэтнические отношения религиозного (исламского) фактора.

Следует также учитывать, что в период крымского референдума за независимость и перехода Крыма под юрисдикцию России весной 2014 года на полуострове произошло исторически беспрецедентное усиление самосознания крымского русского населения – самосознания «мы – коренные крымчане», «мы русские крымчане». С исторической точки зрения, об устойчивом русском населении в Крыму можно говорить применительно к 200-летнему периоду, т.е. действительно многие поколения русских вполне обоснованно могут называть себя коренными на полуострове. Факт наделения статусом «коренного народа» выборочных групп населения может быть воспринят многими жителями Крыма как дискриминация в

---

³ Агатов М. Крымчакам не нужен статус коренного народа // Крымское время, № 88, 10.08.2005.

свой адрес.

Принимая во внимание сложности переходного периода в Крыму в связи со сменой государственной юрисдикции, учитывая, что идет гражданская война на Украине и осложнена международная обстановка, которые продуцируют значительное идеологическое давление на население Крыма (через зарубежные СМИ и интернет), само обсуждение в Крыму темы «коренного народа» и, тем более, учреждение соответствующего статуса «коренного народа» только для некоторых групп населения может вызвать ухудше-

ние общественно-политической обстановки и обострить межэтнические отношения. Очевидно, что в текущих условиях для достижения устойчивой стабильности в Крыму необходимо предпринимать шаги по гражданскому объединению населения, а с обсуждением темы «коренных и некоренных» – источником гражданского разобщения – торопиться не следует.

*Зорин В.Ю., Степанов В.В.,
Тишков В.А.*

Языковые и этнополитические ориентации крымчан в 2013 и 2014 годы¹

Данная статья посвящена этносоциальным особенностям языковых и этнополитических ориентаций трех основных по численности групп в Крыму - русских, украинцев и крымских татар. Ситуация оценивается на момент переломных лет, накануне, в момент и непосредственно после вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

На постсоветском пространстве до референдума 16 марта 2014 г. Крым был одним из крупнейших регионов вне России, в котором русские в этническом составе населения являлись большинством. По данным переписи населения 2014 г. на Крымском полуострове проживают представители 175 национальностей. Более 95% населения Крыма (включая г. Севастополь) составляют три группы – русские (67,9%), украинцы (15,7%), крымские татары и татары (12,6%). Численное преобладание русского населения во многом определяло картину демографических и этносоциальных процессов и, не в последнюю очередь, языковую ситуацию на Крымском полуострове. Языковое поведение и языковые ориентации проявляют себя значимыми индикаторами этниче-

ской, региональной и гражданской идентичности, способствуя в немалой мере сохранению или размыванию этнической самобытности и вместе с тем определяя градус межэтнических отношений.

Этносоциологические опросы Института этнологии и антропологии РАН 2013 и 2014 гг.², посвященные изучению языковых компетенций и региональной идентичности населения Крыма, были проведены в г. Симферополе и его пригородах. Выборка исследования сформирована по квотному принципу на основе, за неимением на тот период более свежих первоисточников, Всеукраинской переписи населения 2001 года. При составлении выборки учтено распределение населения административного центра полуострова по национальной принадлежности, полу и возрасту. В связи с тем, что по представлениям на момент опроса доля крымских татар в Симферополе составляла лишь 7%, была сформирована дополнительная квота, позволившая довести число респондентов крымскотатарской национальности до приемлемого для корректного анализа уровня. Общий объем выборочной совокупности опроса в мае 2013 г. составил 547 человек, а в мае-июне 2014 года – 681 человек.

¹ Статья публикуется при поддержке проекта РГНФ «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов» №15-31-10178.

² Инструментарий и выборка исследования – Старченко Р.А., Степанов В.В., ИЭА РАН, Москва.

После распада СССР на Украине начала реализовываться государственная языковая политика, направленная на расширение функциональной роли украинского языка главным образом за счет русского. В Крыму, где русский доминирует в быту и в общественной жизни, существовало неприятие тех политических сил Украины, которые поддерживают восстановление украиноязычной среды, за счет сужения сферы функционирования русского языка. Проблема статуса русского языка на протяжении более чем двадцатилетней истории независимой Украины становилась инструментом в политической борьбе. Политики, которые были ориентированы на электорат Юго-Востока Украины (в том числе Крыма), в ходе избирательных кампаний обещали в случае победы придать русскому языку статус государственного³. Когда же эти политические силы пришли к власти («Партия Регионов»), свое предвыборное обещание так и не исполнили, ограничившись принятием закона «Об основах государственной языковой политики» гарантирующего использование «региональных языков»⁴, т.е. языков, которые, согласно данным переписи населения, считают родными более 10% населения соответствующего региона Украины. Этот закон давал право использовать региональный язык в законодательно установленных сферах наравне с государственным украинским языком. На следующий день после смены власти на Украине (21-22 февраля 2014 г.) на повестку дня заседания Верховной Рады был внесен законопроект № 1190 «О признании утратившим силу Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» и в этот же день без обсуждения законопроект был принят в парламенте⁵. 28 февраля 2014 г. после многочисленной критики и нарастания протестных настроений в Крыму и Юго-

Востоке Украины А. Турчинов, назначенный Верховной Радой исполняющим обязанности президента, обещал наложить вето на закон об отмене закона «О государственной языковой политике», который ранее сам же и подписал в статусе спикера Верховной Рады Украины⁶. Средства массовой информации широко распространили эту новость, но на самом деле оказалось, что законопроект об отмене закона о языках по прошествии полтора лет (по состоянию на август 2015 г.) не ветирован президентом и его текущий статус — «готовится на подпись»⁷, а с официального сайта Верховной Рады Украины текст законопроекта был удален. Попытка отмены закона была негативно расценена крымчанами и стала дополнительным поводом для организации антиправительственных выступлений.

Русский язык доминирует в быту и общественной жизни Крыма, является языком повседневного общения для большинства населения. По данным этносоциологического опроса 2013 г. русским языком владеют все опрошенные, украинским же 87,3% украинцев, 64,4% русских и 37,9% крымских татар. Наименее распространенным из трех исследуемых языков в качестве инационального оказался крымскотатарский. Оказалось, что им владеют лишь 0,9% русского и 2,5% украинского населения и все опрошенные крымские татары. Более 99,3% ответили, что общаются с друзьями и знакомыми в основном по-русски; 98,5% пользуются русским языком в общественных местах, а 93% работающих пользуются им на работе. По данным опроса 87,7% русских, 77,7% крымско-татарских респондентов обучались только на русском языке в школе. Для 34,5% украинских респондентов языками обучения был русский и украинский, а для 34,5% только русский. Более половины украинцев обучалось на языке своей национальности (63,8%),

³ <http://vibori.in.ua/kandidaty/predvibornie-programy/427-p>

⁴ Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» от 10 августа 2012 г. (с внесенными поправками от 6 ноября 2012 г.)

⁵ Законопроект Верховной Рады Украины № 1190 «О признании утратившим силу Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» (http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radan_gs09/ns_golos?g_id=3895).

⁶ Турчинов ветоє рішення ВР про скасування закону про мови //Українська правда (<http://www.pravda.com.ua/news/2014/02/28/7016703/?attempt=1>).

⁷ Проект Закону про визнання таким, що втратив чинність, Закону України "Про засади державної мовної політики" //Верховна Рада України (http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45291).

крымские же татары, основная часть которых в период депортации не имела таковой возможности, проходили обучение только на русском – 77,7%.

На Крымском полуострове русский язык считают родным абсолютное большинство населения – более 80%, при том, что русские в этническом составе составляют 65% населения. По данным нашего исследования русский язык считают родным практически все опрошенные русские респонденты, три четверти украинцев и 14% крымских татар. Так, например, доля украинцев, указавших родным русский язык, превысила долю украинцев считающих родным язык своей национальностью. Иная ситуация среди крымских татар – абсолютное большинство указали родным языком крымскотатарский, при том, что русский язык большинство крымских татар знает лучше. При этом важно отметить, что уровень владения русским языком и оценка его как родного для нерусского населения Крыма не влияет на смену этнической идентичности. Но, вместе с тем, прослеживается прямая корреляция между определением второй этнической идентичностью и родным языком. Так, например, в украинском этническом сообществе указали родным языком русский большинство населения и одновременно с этим четверть указали вторую русскую этническую идентичность. Тогда как среди крымских татар русский родным считают лишь 13,6%, а русскую этническую идентичность имеет лишь каждый двадцатый крымскотатарский респондент. Определение русского языка как родного для крымчан служит одной из причин обретения второй русской этнической идентичности. Оценка русского языка как родного для украинского и крымскотатарского населения Крыма имеет прямую зависимость от уровня владения им. Чем выше доля использующих в повседневной жизни русский язык, тем больше процент указавших русский родным.

В опросном листе переписи 2014 г. в Крыму предлагалась отметить только один родной язык, но как показала практика проведения опросов в 2013-2014 гг., значительная часть крымских респондентов указывали сразу несколько родных языков. Принято считать, что важным признаком национальной принадлежности

является определение человеком своего родного языка. Но пример Крыма как раз показывает, что в современных условиях такая связь не очевидна. По данным опроса 2013 г. только для 60,2% опрошенных украинцев именно украинский язык является, по их определению, родным, тем временем как русский указали родным 76,3% украинских респондентов. Но абсолютное большинство крымских татар определили родным языком крымскотатарский. Тем не менее, 13,6% опрошенных наряду с крымскотатарским указали родным языком русский. Такое отношение к русскому языку, как к родному, во многом объясняется тем, что все представители русской, украинской, крымскотатарской национальности им владеют.

В ходе проведения опроса 2013 года респондентам было предложено оценить утверждение «Украинский язык должен быть единственным государственным языком на Украине», 87% русских ответило «не согласен», украинцев – 62%, крымских татар – 62%. По этому вопросу анкеты представители разных этнических общностей Крыма проявили небывалое единодушие в отличие от многих других важных социально-политических и культурных вопросов.

Характерна позиция крымчан по поводу статуса русского языка в стране. Им было предложено ответить на вопрос, должен ли русский язык быть вторым государственным на всей территории Украины, более 75% опрошенных высказались за такой статус, причем среди респондентов-украинцев за статус русского языку – 61,9%, среди русских – 91,4%, среди крымских татар – 44,7%. Напомним, у крымскотатарских респондентов, по данным нашего опроса, в 92,1% случаев русский является языком повседневного общения и 13,6% считают его родным. Против второго государственного языка высказались 13,7% респондентов – 28% среди украинцев, 4,6% русских, 20% крымских татар, затруднилось с ответом 10% украинских, 4% русских и 35% крымскотатарских респондентов.

У крымских респондентов сильны связи с Россией. На вопрос, роднит ли их что-то с русскими, живущими в России, 60,4% опрошенных ответили утвердительно. Наибольшая доля ответивших

утвердительно среди крымчан-русских – 77,5%. Среди местных украинцев она тоже велика – 51,7%, и только лишь 23,2% крымских татар испытывают чувства близости. Респондентам было предложено уточнить, что именно их роднит, и более 33 % русских и 29% украинцев указали на родственные связи. Также, в порядке убывания частоты ответов, указывали на родство по языку, культуре, традиций, исторической судьбы, манере поведения. Высокий уровень культурной близости русских и украинцев к России можно объяснить доминированием русской культуры на полуострове, которая была востребована и поддерживалась внутри полуострова, а также подпитывалась через интенсивные контакты с Россией, в том числе посредством вещания российских средств массовой информации. До перехода Крыма в состав России на полуострове было широко распространено вещание российских телеканалов наряду с украинскими. Важно отметить и то обстоятельство, что значительная часть украинцев имеет вторую русскую этническую идентичность, что, наряду с языком и культурой, также их сближает с Россией.

Весьма различное отношение у крымчан по поводу будущего Украины. В 2013 г. более половины русских респондентов видели Украину, входящей в таможенный союз с Россией, 22,2 % - входящей в Европейский Союз, 13,9% затруднилось ответить и лишь 10,8 % желает видеть украинское государство свободным от объединений. Интересна позиция молодого русского поколения, так 44,4 % опрошенных за то, чтобы Украина стала членом ЕС, тогда как за это лишь 15,3 % представителей среднего и 15,4% старшего поколения. Налицо изменение политических и социально-экономических ориентаций у русского населения Крыма. Среди украинцев более четверти желают видеть Украину свободной от объединений, 20,3% в Европейском Союзе, 19,5% в Таможенном и 28,8% затруднилось ответить. Больше трети опрошенных крымских татар затруднилось ответить на этот вопрос, 28,6 % - желают видеть Украину в составе ЕС, 21,4 % - независимым государством, свободным от объединений. Лишь 7,1% опрошенных высказались за Таможенный Союз, а 6,4% крымкочетатар-

ских респондентов считает, что Крым должен быть независим, быть суверенным государством.

По итогам опроса 2014 г. в Симферополе немалая часть респондентов не смогли четко определить свою этническую принадлежность. Особенно это касалось украинцев. После включения Крыма в состав России у значительной части украинского населения Крыма возникла проблема выбора идентичности. Отвечая на вопрос анкеты про национальность, украинские респонденты зачастую затруднялись ответить и задавали встречные вопросы: «Вы сами-то как думаете? Кто мы сейчас? Уже русские? Или еще украинцы?». Многие из опрошенных считали себя представителями не одной, а нескольких этнических групп и в этом отношении выделялись украинцы, среди которых четверть отнесли себя как к украинцам, так и русским. Среди русских респондентов с двойной этнической идентичностью оказалось меньше. Среди крымских татар лишь каждый десятый респондент назвал вторую национальность, примерно в равных долях русскую и украинскую.

В 2013 г. представители из этнически смешанных семей (русско-украинских) выбирали скорее украинскую, нежели русскую этническую идентичность, и это развеивает миф об «опасном влиянии» русского языка на самосознание украинского общества. Такой выбор национальной идентичности крымчан от смешанных русско-украинских браков мог быть обусловлен переносом своих представлений о своей гражданской идентичности в область этнического самоопределения. Чаще всего при принятии решения люди основывались на своих представлениях о той или иной национальности, ассоциируя себя с государством, в котором постоянно проживают. Люди из этнически смешанных семей выбирали этническую идентичность, которая была у большинства населения страны, тем более, что быть представителем титульного населения было более престижным, комфортным и перспективным. В связи с переходом Крыма в состав России, идет обратный процесс – крымчане украинцы чаще выбирают русскую этническую идентичность, чем украинскую, что отчасти подтверждают пред-

варительные итоги переписи населения в Крыму 2014 г.

Важнейшей причиной формирования массовых стремлений к независимости стало ощущение угрозы безопасности в связи с событиями на Майдане. Более половины опрошенных русских и почти половина украинцев и крымских татар ее почувствовали. Подобные опасения вы-

сового опроса 2014 года четверть опрошенных русских респондентов, около трети украинцев и более половины крымскотатарских указали, что их беспокоит проблема межнациональных отношений в Крыму. При этом наиболее обеспокоено проблемами межнациональных отношений крымскотатарское население. Среди русских и украинцев распространено не-

Таблица 1. Самооценка населения своего материального положения, май 2014 г., в %

	русские		украинцы		крымские татары	
	«сейчас»	«будет через год»	«сейчас»	«будет через год»	«сейчас»	«будет через год»
положение хорошее	13	48	18	20	13	13
в целом нормальное	60	39	61	43	62	40
затруднительное	20	4	17	23	23	27
тяжелое	5	1	4	3	1	10
затрудняюсь ответить	2	8	-	11	1	9

нуждали крымчан искать поддержки за пределами Украины, прежде всего в России, к которой многие из них испытывали чувства близости и общности. Наиболее интенсивные связи с Россией имели представители русской национальности. Важно, что такой же ответ был получен от более чем половины украинцев и почти четверти крымских татар.

В мае 2014 года, т.е. всего менее чем через два месяца после проведения референдума почти 90% представителей русского населения стали считать себя гражданами России. Но, вместе с тем, подобное единодушие оказалось свойственно не всем представителям других этнических групп Крыма. Например, лишь каждый десятый украинец считал себя гражданином России, в то время как почти 80 % украинцев продолжили считать себя гражданами Украины. Результаты опроса крымских татар указывают на то, что в отличие от украинцев их позиция неоднозначна. Ответы «гражданин России» и «гражданин Украины» получили примерно равные доли, с небольшим преобладанием первого варианта, тогда как затруднились или вовсе отказались отвечать каждый пятый крымскотатарский респондент.

Всекрымский референдум 16 марта 2014 г., кровопролитная война на Юго-Востоке Украины внесли раскол в украинское общество, вызвали рост ксенофобских настроений в Крыму. По итогам мас-

гативное отношение к крымским татарам. Одновременно с этим существует неприятие русских крымскими татарами. В 2013 г. проблем между русскими и украинцами почти не наблюдалось, а в мае-июне 2014 г. появились признаки напряженности.

В мае 2014 г. русское население Симферополя в целом было оптимистично настроено в своих ожиданиях по улучшению материального положения. Если только десятая часть русских респондентов оценила свое материальное положение за 2013 – начало 2014 гг. как «хорошее», то также ответило на вопрос «каким будет ваше материальное положение через год?» почти половина. Украинские и крымскотатарские респонденты оказались пессимистичнее настроены. Если лишь каждый двадцатый опрошенный русский считал, что через год материальное положение будет «затруднительным» и «тяжелым», то также ответило почти четверть украинцев и более трети крымских татар.

Во время проведения опроса жители г. Симферополя были обеспокоены ситуацией, сложившейся из-за угрозы отключения полуострова от материкового водоснабжения властями Украины. Большинство опрошенных с пониманием отнеслись к повышению цен на продукты питания и разного рода услуги, полагая, что «это временные трудности и лучше жить мирно в русском Крыму, чем на Украине,

которая находится на военном положении». После референдума 16 марта 2014 года все украинские банки свернули свою деятельность на полуострове, в связи с этим население полуострова было лишено возможности снять свои денежные средства со своих счетов, поэтому в ходе проведения опроса крымчане негативно

который, как уже отмечалось, считают родным 30% граждан Украины и большинство населения Крыма. Стремление значительной части населения Украины защитить в качестве родного язык своей национальности сталкивалось с противодействием властей. Политика украинизации не соответствовала языковым инте-

Таблица 2. «В какой степени Вы доверяете российским средствам массовой информации?», в % (май 2014 г.)

	русские	украинцы	крымские татары
доверяю	47	21	19
чаще доверяю	33	15	21
чаще не доверяю	11	31	20
не доверяю	6	26	29
не ответили	3	7	11

Таблица 3. «В какой степени Вы доверяете украинским средствам массовой информации?», в % (май 2014 г.)

	русские	украинцы	крымские татары
доверяю	2	29	10
чаще доверяю	11	27	32
чаще не доверяю	39	23	40
не доверяю	40	15	18
не ответили	8	6	-

оценивали деятельность банков.

В анкете 2014 года респондентам было предложено ответить на вопрос о доверии украинским и российским средствам массовой информации. Почти 80% русских респондентов доверяет российским СМИ, в то время как среди украинцев и крымских татар разделяет это чувство лишь чуть более трети опрошенных. Противоположная ситуация у русских с доверием к украинским средствам массовой информации, только десятая часть опрошенных выразили им доверие, тогда как более половины участвовавших в опросе украинцев дали подобный ответ. Крымские татары примерно в равной степени доверяют и не доверяют СМИ как России, так и Украины. Это обстоятельство можно объяснить наличием своих, национальных средств массовой информации в Крыму.

В постсоветский период власти Украины проводили планомерную политику расширения функционального употребления украинского языка за счет русского,

ресам и потребностям жителей Крыма и была обречена на провал. По данным опроса 2013 г. три четверти крымчан выступали против украинского языка как единственного государственного и за придание русскому языку статуса второго государственного на всей территории Украины. Крымчане не имели особой мотивации знать украинский язык и принимать его единственным государственным, но это никоим образом не означало неприязни к нему. Такое отношение вытекало из характера языковой ситуации, при которой не было серьезной необходимости в его употреблении. Придание русскому языку статуса второго государственного языка и решение проблемы децентрализации власти на Украине оказало бы позитивное влияние на этнополитическую ситуацию в стране и означало бы шаг страны к общегражданскому примирению. Но на какие-либо уступки сторонники политики украинизации и построения украинской нации не пошли.

Решение жителей Крыма о независимости и присоединении к России не сформировалось в одночасье, оно вызревало постепенно под воздействием многих причин. Это и культурная, экономическая, географическая близость Крыма к России, это общий для большинства жителей русский язык, общая история и ценности. Эти факторы за время после распада СССР ослабевали лишь отчасти. Внешние факторы в большей степени способствовали формированию у крымчан позиции о статусе полуострова. События на майдане, резкий всплеск националистических настроений, попытка отменить закон о региональных языках, разгон неугодных политических партий - все это послужило катализатором проведения крымского референдума. Крымчане голосовали за обеспечение собственной безопасности в условиях, когда Украину раздирали внутренние противоречия, за возможность жить в стране, в которой язык своей национальности имеет статус государственного, за близкую этническую общность, за одни исторические ценности и культуру, за повышение уровня жизни.

Языковая ситуация в Крыму и на Украине стала одним из важных факторов, который поспособствовал формированию

настроений крымчан по отделению полуострова от Украины. Но все же решающую роль в проведении референдума сыграло ощущение угрозы своей безопасности населением полуострова в связи с государственным переворотом на Украине и желанием Киева силовым образом подавлять несогласных с курсом и политикой украинских властей. Тем не менее, нельзя отрицать важность языкового фактора на полуострове. Именно русскоязычие и русскокультурные объединяли на протяжении многих десятилетий народы Крыма и России. Несмотря на активное внедрение политики украинизации во всех регионах Украины, именно в Крыму эта политика провалилась. Государственный язык Украины так и не смог заменить русский язык на полуострове. Вероятно, если бы Киев проводил более гибкую языковую и региональную политику, следуя путем федерализации и предоставления уместных полномочий регионам, потрясений 2014 года на Украине и ее фактического распада можно было бы избежать.

*Старченко Р.А.
ИЭА РАН*

Муниципальная власть и предупреждение этнических конфликтов – опыт Самарской области

Конфликтные события в с. Студенцы Самарской области почти не освещались в информационном пространстве и широко не обсуждались даже в самом регионе. На наш взгляд, это позволило не только избежать мифологизации и распространения алармистских настроений, но и конструктивно разрешить конфликтную ситуацию. По прошествии времени можно уверенно сказать, что перед нами позитивный опыт разрешения межгруппового этнически стигматизированного конфликта.

В рамках проекта «Адаптационно-интеграционные стратегии (им)мигрантов: «кластеры» в региональном социуме (на примере Самарской области)»¹ в феврале 2015 г. была организована поездка в Хворостянский район Самарской области, в районный центр и село Студенцы Хворостянского района. Проведена серия глубоких интервью, в том числе с главой муниципального сельского района В.А. Маховым, заместителем по социальным вопросам Н.В. Новиковой, представителями поселковой администрации, школы, дома культуры, руководителями национально-культурных организаций. Село Студенцы включено в исследовательское поле неслучайно: летом 2012 г. имевшая здесь место межгрупповая напряженность могла перерасти в конфликт. Стороны конфликта – казахская община и езидская община.

Хворостянский район и село Студенцы расположено на границе с Пугачевским районом Саратовской области, в 135 км на юго-запад от Самары. В селе проживает около 750 человек, из них порядка 270 – курды - езиды². Первые четыре се-

мьи езидов приехали в село Студенцы в 1992 г., перебравшись сюда из Армении. Сейчас в селе езидами организовано 21 фермерское и 30 личных подсобных хозяйств. Основное занятие – мясное животноводство. Общее поголовье скота от 6,5 до 7 тысяч. В области действует целевая программа по развитию животноводства, участие в которой носит грантовый характер. Имея такое крупное совокупное стадо, езиды получают от государства довольно ощутимую поддержку. В отсутствие в Хворостянском и близлежащих районах скотобойни, продукция отправляется живым весом на рынки Самары, Сызрани. По словам руководителя района В.А. Махова, «они в день...отправляют 8 крупных голов скота в рестораны».

В селе проживают несколько семей казахов, которые также разводят крупный рогатый скот и занимаются поставками мяса в Самару и Сызрань, другие региональные рынки. Очевидна конкуренция, хотя рынок очень емкий. Имея более крупное поголовье, соответственно, более существенные субсидии от государства, хворостянские езиды оказались в более выигрышной позиции. В Студенцах идет активное строительство коттеджей, часть уже построена. По свидетельству главы поселения, большинство новых домов принадлежит езидским семьям, но есть такие коттеджи и у казахских, и у русских семей. К тому же успешные сельчане участвуют в благоустройстве Студенцов, помогают школе, дому культуры.

Открытая фаза конфликта. 30 июня 2012 г. на сельской площади собрались порядка 300 жителей, позднее это событие назвали «сельским сходом». Поводом послужила драка между молодыми представителями казахской и езидской общин, спровоцированная накануне одной из сторон. Накопившееся раздражение против более успешных конкурентов стало при-

при общении с ними и в данной статье мы употребляем термин «езиды».

¹ Российский гуманитарный научный фонд, грант №14 -13 -63003. Исполнители: Н.С. Мухаметшина (рук.), С.П. Кандауров, К.В. Урюпин, Н.В. Явкин.

² Перепись населения 2010 г. зафиксировала на территории Самарской области 849 курдов-езидов. Представители этой этнической группы категорически против отнесения их к «курдам», в этой связи

чиной массовых действий. Миссию переговоров с собравшимися сельчанами взял на себя глава района, которому накануне сообщили о «стягивании сил» и подготовке к «сходу». В целях предотвращения насильственных действий по просьбе главы района прибыл ОМОН. Вмешательства ОМОНа не потребовалось, ситуация разрешилась мирно, после переговоров люди разошлись по домам.

Подобные ситуации возникают в различных регионах Российской Федерации и сценарии порой не находят столь мирного разрешения. Правомерен вопрос, что способствовало конструктивному разрешению конфликтной ситуации в нашем примере?

Основа межгрупповых конфликтов³ – социально-экономические условия местных жителей. Депрессивное состояние экономики, низкий уровень доходов, безработица, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, проблемы с организацией досуга, прежде всего, молодежи. Хворостянский район не входит в зону риска: все перечисленные индикаторы здесь имеют положительную динамику.

Не менее существенным конфликтогенным фактором является наличие конкурирующих групп и их лидеров, а также т.н. институализация конкуренции в сфере бизнеса, власти, обладания ресурсами. В данном случае очевидна межгрупповая конкуренция в сфере бизнеса. Дополнительную напряженность создает консолидация конкурирующих сторон на этнической основе. Использовались ресурсы национально-культурных организаций (казахской региональной НКА, езидской региональной НКА).

Важным стимулом конфликта являются просчеты управленческого характера вообще и, в частности, в ходе развития конфликта. В данном случае активная позиция главы Хворостянского района, взявшего на себя ответственность за

прямые переговоры, оценивается как позитивная технология управления конфликтом. Активная, можно сказать уверенная позиция главы района – это результат накопленного годами социального капитала. В.А. Махов пользуется заслуженным авторитетом в районе (и области).

Причинами межгрупповых конфликтов нередко являются проблемы взаимодействия. В этнически стигматизированных конфликтах и ситуациях напряженности этот блок причин приобретает повышенную конфликтность. В сложносоставных сообществах проблемы взаимодействия требуют дополнительного внимания. В этом плане в районе, хотя и с некоторым опозданием, но были приняты предупредительные меры. Незадолго до конфликтной ситуации, 4 июня 2012 г. в Хворостянке был образован общественный совет по межнациональным отношениям (председатель – В.А. Махов). После событий в Студенцах такие общественные советы созданы в каждом сельском поселении района. В августе 2013 г. в районе создана межведомственная рабочая группа по занятости и миграционной политике, а на 2014 – 2015 гг. был разработан и широко анонсирован районный комплексный план мероприятий по гармонизации межнациональных отношений. Одно из активно реализуемых направлений - проведение праздников национальной культуры. Праздники проводились в селах с компактным проживанием представителей русской, украинской, немецкой, казахской, езидской культуры. Уже в июне июня 2015 г. в районном центре состоится гала-концерт.

Таким образом, конструктивное управление конфликтом возможно, даже при так называемых объективных и субъективных поводах для разногласий. А основа предупреждения - своевременная профилактика и должное внимание к проблеме муниципальных властей.

Мухаметшина Н.С.

---

³ См. подробнее: Степанов В.В. О необходимых мерах совершенствования работы органов государственной власти Российской Федерации по предупреждению конфликтов //Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов /Ответ. ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. - М.: ИЭА РАН, 2013, сс. 5 – 11.

Местное самоуправление в Ингушетии¹

Ингушетия провела реформу местного самоуправления когда в большинстве регионов России эта реформа была уже завершена. Политическим импульсом к реформе стало послание президента РФ Федеральному Собранию (ноябрь 2008 г.), в котором акцентировалась необходимость ввести местное самоуправление в Чечне и Ингушетии и принятый вслед за этим Государственной Думой закон «О мерах по организации местного самоуправления в Республике Ингушетия и Чеченской Республике», который устанавливал процедуру и сроки введения в действие в двух республиках базового 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Реформа должна была пройти в короткие сроки: к марту 2009 г/ власти Ингушетии должны были установить границы и статус муниципалитетов, установить численность муниципальных депутатов первого созыва, правовое положение глав муниципалитетов на первый срок их полномочий. С мая по октябрь 2009 года должны были пройти выборы муниципальных органов власти, а с 1 января 2010 года местное самоуправление должно было приступить к работе.²

До этого момента местного самоуправления в Ингушетии не существовало: органы власти на местах входили в региональную систему государственных органов исполнительной власти и были подчинены президенту и правительству республики. Нормы конституции Ингушетии, принятой в 1994 г., предусматривали,

что президент республики «назначает и освобождает от должности руководителей органов исполнительной власти Республики Ингушетия, глав администраций районов и населенных пунктов». Принятый в 1999 году закон о системе государственных органов исполнительной власти³ предполагал, что администрации районов и городов республиканского значения входят в структуру органов государственной власти. Положения о районных, городских и сельских администрациях утверждались правительством Ингушетии. В полномочия этих администраций входили разработка, утверждение по согласованию с республиканским Минфином и исполнение бюджета; «участие в управлении объектами государственной собственности» на их территории, организация деятельности учреждений здравоохранения, образования, соцзащиты, занятости, культуры, спорта; организация и содержание тепло-, водо-, электроснабжения; дорожное строительство и содержание дорог и прочее. Главы сельских администраций также назначались и освобождались от должности президентом Ингушетии. Нормы о местном самоуправлении в законодательстве Ингушетии носили декларативный характер. Попытки добиться введения действенного местного самоуправления предпринимались. В 1999 г. Муса Зурабов, известный в Ингушетии общественный деятель, через суд потребовал назначить выборы органов МСУ. Хотя его поддержала республиканская прокуратура и Верховный Суд РФ,⁴ и республиканский суд в итоге назначил дату выборов, но по обращениям республиканских властей эта дата несколько раз переносилась вплоть до того момента, когда в Ингушетии началась муниципальная реформа.

Традиционным доводом властной элиты Ингушетии против введения местного самоуправления была неопределенность ее границ, прежде всего, с Север-

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Местное самоуправление на Северном Кавказе: структуры власти и механизмы распределения ресурсов», осуществленного некоммерческим партнерством «Кавказское сотрудничество». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 03 мая 2012 года № 216-рп «Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

² Федеральный закон от 24 ноября 2008 г. N 207-ФЗ «О мерах по организации местного самоуправления в Республике Ингушетия и Чеченской Республике».

³ Закон Республики Ингушетия от 29 ноября 1999 г. №26-РЗ «О системе органов государственной власти Республики Ингушетия».

⁴ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 августа 2001 г. №26-ВПП01-16

ной Осетией.⁵ В общественном мнении вопрос о муниципальной реформе, точнее, о юридическом определении границ муниципалитетов, был встроен в контекст территориального спора с Северной Осетией. По распространенному в республике мнению, определение границ муниципалитетов без Пригородного района было бы тождественно отказу от претензий на эту территорию.⁶ Несмотря на эти возражения, президент Ингушетии Юнус-Бек Евкуров в январе 2009 г. созвал Съезд народа Ингушетии, поддержавший введение местного самоуправления. Других вопросов на съезде не выносилось.⁷

Формирование муниципальной власти. В ходе муниципальной реформы в Ингушетии все четыре города республики – Магас, Назрань, Карабулак, Малгобек – получили статус городских округов.⁸ С формальной точки зрения это признак автономии городов (в других республиках есть случаи, когда старые города со сложившимся и сильным муниципальным сообществом оставались городскими поселениями в составе районов). Однако такая структура местного самоуправления в Ингушетии, вероятно, объяснялась не стремлением обеспечить самостоятельность городов (тем более в них не было сложившихся муниципальных сообществ, добивавшихся самостоятельности), а административными и финансовыми соображениями. Во-первых, в предшествовавшие реформе полтора-два десятка лет города управлялись непосредственно с республиканского уровня и в этом смысле

были неподконтрольны государственным администрациям районов. Во-вторых, благодаря выделению городских округов создавалась более дробная структура местного самоуправления, что делало ее более прозрачной для республиканских властей. «Погружение» городов в районы сделало бы сами районы более крупными, а значит, менее управляемыми. В-третьих, для высокодотационной Ингушетии не имело практического значения, попадут ли в районный бюджет налоги, которые могут быть собраны в городе, поскольку это не могло принципиально сказаться на положении района. (Против предоставления городу статуса городского округа может использоваться тот аргумент, что утратив долю в налогах, которые собираются в городском поселении, район потеряет и ресурсы для развития).

Разграничение муниципалитетов в Ингушетии целом прошло без конфликтов, хотя проявления недовольства были. Так, в марте 2009 г. в селе Альтиево прошел сход жителей, который выступил против включения села в состав городского округа Назрань и попросил президента Ингушетии Ю.-Б. Евкурова о встрече с представителями села.

«Не согласовывая с населением, органами власти в Магасе принимается решение, какой муниципалитет включить в состав города, а какой отдельно. И, не спрашивая разрешения, чтобы соединить село Плиево с Назрановским районом. Отделяют полосу от Назрани и этой полосой соединяют с Назрановским районом, то есть по закону они должны быть территориально соединены. Но они при этом не спрашивают село Альтиево, которое сегодня является, не сельским поселением, а административным округом города Назрань. И тем более Назрань не спрашивают. Там было противостояние нескольких сел, которые хотели остаться отдельными сельскими поселениями. Это Альтиево, Гамурзиево и Насыр Корт. Вот их в качестве административных округов включили в город Назрань. Вернее, они

⁵ Именно этот довод привел Верховный суд Ингушетии против иска М. Зурабова по местному самоуправлению. Впрочем, ВС РФ с этим аргументом не согласился. Он посчитал, что это справедливо лишь в отношении спорной территории, но не всей республики.

⁶ Статья 11 конституции Ингушетии гласит: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия - важнейшая задача государства».

⁷ Постановление Съезда народа Ингушетии от 31 января 2009 г. №2 «Об организации местного самоуправления в Республике Ингушетия».

⁸ Закон Республики Ингушетия от 23 февраля 2009 г. №5-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований Республики Ингушетия и наделении их статусом сельского поселения, муниципального района и городского округа».

⁹ Обращение жителей села Альтиево к Президенту Республики Ингушетия Евкурову Ю.-Б.Б. Правозащитный центр «Мемориал». 4 апреля 2009 г. (<http://www.memo.ru/d/4015.html>).

были до формирования местного включены в качестве муниципальных округов в город Назрань, вот так же их оставили. Просто переименовали их в административные округа. Не дали им возможность в соответствии с законом выйти, и там были протестные движения». (Здесь и далее курсивом выделены цитаты из интервью, собранных автором в Ингушетии в сентябре 2013 г.)

Поскольку до введения 131-ФЗ в Ингушетии местного самоуправления не было, региональные власти могли республиканским законом установить порядок организации власти во всех муниципалитетах из первый срок из полномочий. Теоретически муниципалитеты позже могли пересмотреть этот порядок решением своих представительных органов, через изменение уставов. Но на практике существовала высокая вероятность, что раз установленный порядок будет сохранен. У муниципальных советов практически не было времени на разработку уставов сельских поселений, городов и районов.

Ингушетия избрала такой порядок формирования органов местного самоуправления, который предполагает минимальное политическое участие граждан. Прямые выборы глав муниципалитетов не предусмотрены ни на одном из уровней местного самоуправления. Главы избираются из состава сельских, районных и городских советов. В сельских поселениях совмещаются должности главы муниципалитета, главы администрации поселения и председателя сельского совета. В городских округах (городских поселениях в Ингушетии нет) и районах главы муниципальных администраций нанимаются по контракту.¹⁰

Первоначальная версия закона о формировании органов местного самоуправления предусматривала выборы депутатов муниципальных советов по мажоритарной системе. Однако эта норма вскоре после принятия закона была изменена, и муниципальные выборы были пе-

реведены на пропорциональную систему.¹¹

Пропорциональная система на выборах органов местного самоуправления позволяет республиканским властям контролировать персональный состав муниципальных советов и, соответственно, назначения в муниципальных администрациях. Списки кандидатов выдвигаются партиями, а региональные отделения партий в той или иной мере находятся под опекой республиканских властей. Политическая жизнь в небольшой по численности, высокодотационной республике со слабой экономикой в большой степени моноцентрична.

«Вот, «Правое дело» мы здесь создавали. Создали. Подошли выборы, главе партии сказали – или с работы уходишь, или из партии уходишь, с руководства отделению партии. Власть сказала. Мы его пожалели – ладно, тебе же семью кормить, оставайся на работе. Отдали им отделение партии».

Выборы в муниципальные органы власти не отличались высокой конкуренцией. В некоторых случаях в них были вовлечены общественные активисты, представители весьма развитого в Ингушетии «третьего сектора». Например, в Карабулаке в выборах 2009 г. участвовали активисты, близкие к правозащитной организации «Машр», которую возглавляет Магомед Муцольгов. Были организованы собрания избирателей, на которых выдвигались кандидаты, некоторые участники этого сообщества прошли в муниципальный совет по списку «Единой России», хотя первоначально подготовленный в городе список кандидатов прошел «фильтр» партийного и республиканского руководства.¹²

«Я до выборов знал, что я буду депутатом. Было распределено, какие партии получают возможность пройти, какие не получают. Естественно, документально я это вам подтвердить не

¹⁰ Закон Республики Ингушетия от 27 февраля 2009 г. №6-РЗ «О формировании органов местного самоуправления во вновь образованных муниципальных образованиях в Республике Ингушетия».

¹¹ Закон Республики Ингушетия от 6 мая 2009 г. №19-РЗ «О внесении изменения в статью 4 Закона Республики Ингушетия "О формировании органов местного самоуправления во вновь образованных муниципальных образованиях в Республике Ингушетия».

¹² Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

могу, увы. Только то, что на своей шкуре испытал, то, что мне говорили товарищи. Я знал, что я буду в тех 70%, которые достанутся «Единой России». Я в «Единую Россию» не вступал, но меня предложил туда один общественник. У него брат работал заммэра, а друг, который тоже шел депутатом, был мэром Карабулака».

Респонденты отмечают, что муниципальные выборы не пользуются большим интересом жителей республики.

Голосовали люди очень мало. В основном, это были бюджетники, либо наши родственники, естественно, за своих шли голосовать. А так не интересно никому. Я, например, кроме этих выборов, за всю историю существования республики Ингушетия, я один [раз] ходил [на выборы]. Два раза я голосовал за 20 лет существования республики. Хотя вообще я здесь живу 18 лет».

Низкий уровень политического участия объясняется еще и тем, что в Ингушетии сравнительно близка республиканская власть, и именно она, а не муниципалитеты, воспринимается как центр принятия решений. Республика невелика по размерам и по численности населения, муниципалитеты финансово несамостоятельны, глава республики плотно контролирует их деятельность. Жители Ингушетии предпочитают адресовать свои обращения главе республики, резонно рассуждая, что именно там сосредоточены и ресурсы и полномочия, и глава муниципалитета едва ли будет игнорировать распоряжения Магаса.

Низкий уровень участия жителей в делах местного самоуправления во многом объясняет и то, что для Ингушетии нехарактерны конфликты вокруг муниципальных должностей. Известны два случая, когда муниципальные советы вступали в конфликт с республиканскими властями по поводу кандидатур глав муниципальных администраций.

Один из таких конфликтов произошел в городском округе Карабулак, где городское собрание большинством в два голоса (из 25-ти) отказалось назначать на должность главы администрации кандидата, неформально поддержанного главой республики. Депутаты выдвинули своих кандидатов. Собрание пригласил на консуль-

тации глава республики Юнус-Бек Евкуров, и прямо в его администрации один из предложенных кандидатов был утвержден в должности голосованием членов муниципального собрания. Это решение позже было оформлено протоколом заседания муниципального собрания.¹³ Правда, назначенный таким образом глава администрации Карабулака проработал лишь около года. Потом глава республики потребовал от него написать заявление об увольнении по собственному желанию.

В Плиево в июле 2011 г. прошли выборы главы администрации сельского поселения, и победу на них одержал Абу-Султан Плиев. Десять из двенадцати депутатов сельского собрания проголосовали за его кандидатуру (в Ингушетии главы администрации сельских поселений избираются сельскими собраниями из числа депутатов). При этом Плиев прошел в состав совета сельского поселения по списку кандидатов «Справедливой России». Его оппонент, прежний глава администрации Амирхан Торшхоев, представлял «Единую Россию». Как депутаты собрания заявили прессе, на следующий день после выборов республиканские чиновники потребовали от них отменить результаты выборов и провести их заново, избрав главой сельской администрации другого человека. Правоохранители физически не пустили избранного главу администрации на работу. Представители республиканских властей ссылались на мнение главы Ингушетии.¹⁴ В поддержку Абу-Султана Плиева собрался сход села. Глава ингушского регионального отделения «Единой России» заявил, что депутаты от партии в сельском собрании не проконсультировались с партией по кандидатуре главы села.¹⁵ Депутаты обратились к

¹³ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

¹⁴ Варки Т. «В Ингушетии местные депутаты отстаивают результаты муниципальных выборов главы села Плиево». «Кавказский узел», 31 июля 2011 г. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190028>).

¹⁵ Белхароев В., Варки Т. «Жители села Плиева в Ингушетии на сходе потребовали допустить к работе избранного главу села». «Кавказский узел», 4 августа 2011 г. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190248>).

президенту Д. Медведеву.¹⁶ Обращение не получило практических результатов. Глава Назрановского района Багаутдин Муцольгов заявил «Кавказскому узлу»: «Я ездил накануне в село, общался со старейшинами, представителями всех тейпов. Они согласились, что пока администрацией будет руководить заместитель бывшего главы Плиева»; было проведено новое собрание сельского совета, в котором приняли участие четверо депутатов, и тремя голосами они избрали на должность главы администрации села представителя «Единой России».¹⁷

В той модели формирования муниципальной власти в районах и в городских округах, которую избрала Ингушетия, основные властные рычаги на местном уровне сосредотачиваются у главы администрации муниципалитета. Глава муниципалитета, избранный советом и занимающий пост председателя этого совета, фигура политически слабая, хотя именно он подписывает контракт с наемным главой администрации. Со своей стороны республиканская власть дала понять, что, с одной стороны, ее голос при подборе глав администраций районов и городских округов будет решающим, а с другой – что именно главы администраций, безотносительно формальной субординации, будут ее партнером в муниципальных делах.

«Такая штука получилось, Евкуров взял и спросил, перед тем, как в 2009 году избрать [органы власти муниципалитетов]: - У кого печать? - У главы администрации. - Деньги у кого? - У главы администрации. - Ты [глава администрации] главнее».

В Ингушетии сильна традиция вертикальной соподчиненности районных и городских властей республиканским, а сельских – районным. В то же время не успело сложиться то, что можно было называть муниципальным сообществом, то есть слабый слой муниципальных служащих,

местных активистов, предпринимателей, которые могли бы составить социальную и политическую базу местного самоуправления. 131-й закон для большей части республики остается законом «на вырост», в немалой степени его требования осуществляются формально, а на местах не хватает кадров, способных поддерживать зачастую попросту работоспособное местное самоуправление.

Интересно, что порядок избрания глав сельских администраций сельскими советами, взятый на вооружение вкпе с пропорциональной системой выборов муниципальных депутатов для того, чтобы сделать более эффективным контроль республиканских и районных властей над формированием власти на уровне сел, может обернуться труднопреодолимыми кадровыми проблемами. Как можно увидеть на примере села Плиево, этот порядок не дает гарантий от нежелательных для республиканских властей неожиданностей при выборах глав сельских администраций. Но есть у него и другая сторона.

«Если мы главу администрации населенного пункта убираем, там резерв стоит. Он [новый кандидат на должность главы сельской администрации] обязательно должен быть депутатом. Хорошо, если там депутат один инвалид, второй инвалид, третий инвалид, четвертая женщина – она вообще некомпетентна, без образования. А мне [главе администрации района] ставится с такой вопрос – должен быть только из числа депутатов. Мне что делать?»

Несамостоятельность сельских муниципалитетов, слабый кадровый состав сельских администраций и советов и их низкая ответственность создают своего рода замкнутый круг. У главы администрации района практически не остается рычагов воздействия на сельские администрации, включая сюда, например, широко распространенные в России, хотя и противоречащие букве и духу 131-ФЗ, манипуляции с финансированием. У сельских администраций, которые ни за что не отвечают, в сущности, нечего и забрать.

«То, что ему положено, он [глава сельской администрации] и так [получит], тут с деньгами не густо. Зарплату... Дальше что получает населенный пункт

¹⁶ Хрусталева Е. «Депутаты Плиево пожаловались на Евкурова президенту РФ». «Кавказский узел», 1 августа 2011 г. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190089>).

¹⁷ Белхароев В., Варки Т. «Жители села Плиево в Ингушетии на сходе потребовали допустить к работе избранного главу села». «Кавказский узел», 4 августа 2011 г. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190248>).

– больше ничего. Дороги он сам не строит, Автодор у нас. Энергетику сам не строит».

В этих условиях разумная стратегия главы районной администрации нередко может сводиться к тому, чтобы расценивать главу администрации села как своего «комиссара», чья эффективность оценивается по его способности поддерживать и осуществлять курс районного руководства.

*«Если скажут мне сделать, я это сделаю. Я правильный парень. Мне направляет поручение глава района, я выполняю».*¹⁸

Муниципалитеты и земельный вопрос. Согласно пункту 10 статьи 3 закона о введении в действие Земельного кодекса, «распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления муниципальных районов, городских округов».¹⁹ Это означает, что если сельское или городское поселение не имеют кадастровых планов и правоустанавливающих документов на земельные участки, находящиеся на их территории, земель распоряжаются районные власти. Подготовка документации на земельные участки обходится дорого, и сельские поселения, как правило, не имеют для этого ресурсов. Таким образом, право распоряжаться землей находится у районных властей. Это один из важных факторов влиятельности районного звена муниципальной власти, его ключевой роли в структурах МСУ.

Республиканские власти (как в Ингушетии, так и в других регионах) традиционно оказывают сравнительно большое неформальное влияние на районное звено местного самоуправления – за счет сравнительно большей дотационности районных бюджетов по сравнению с бюджетами городских округов и поселений, за счет института сити-менеджеров и выборов муниципальных депутатов по пропорциональной системе. Соответственно,

сильно и влияние республиканских властей в вопросах распоряжения землей.

Непосредственный механизм контроля районных властей над землей – соглашения между сельскими поселениями и районами о передаче соответствующих полномочий на районный уровень. Такие соглашения широко распространены. Универсальный аргумент в пользу такого распределения полномочий – отсутствие на уровне сельских поселений необходимых специалистов и бюджета для оплаты их труда.

В то же время в Ингушетии существуют механизмы, способствующие формализации влияния республиканских властей на решение земельных вопросов. С 2006 г. в республике действует правительственная комиссия по земельным вопросам.²⁰ Комиссия рассматривает вопросы отвода земель под строительство, предоставление земли в аренду и в собственность, перевод земель из одной категории в другую, прекращение прав собственности на земельный участок.²¹ Ее решения согласовываются с главой республики, они носят рекомендательный характер,²² но благодаря участию в работе комиссии представителей местных властей, непосредственно распоряжающихся землей, эта рекомендательность во многом оказывается условной. Однако публичный и формализованный характер рекомендаций республиканских властей по земельному вопросу, по крайней мере, в теории позволяет сократить теневое лоббирование со стороны тех или иных групп интересов.

В малоземельной и густонаселенной Ингушетии земельный вопрос стоит очень остро даже по меркам Северного Кавказа. Дефицит земли усугубляется тем, что власти не располагают полной и досто-

¹⁸ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

¹⁹ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации».

²⁰ Указ Президента Республики Ингушетия от 7 апреля 2006 г. №85 «О комиссии Правительства Республики Ингушетия по земельным вопросам».

²¹ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 22 января 2009 г. №15 «Об утверждении Положения о комиссии Правительства Республики Ингушетия по земельным вопросам».

²² Указ Президента Республики Ингушетия от 5 января 2009 г. №1 «Вопросы комиссии Правительства Республики Ингушетия по земельным вопросам».

верной информацией о землевладении и землепользовании в республике.²³

В первые годы после создания республики немалые объемы земли были выделены под частную застройку. Теперь эти территории уже застроены, по оценкам респондентов, на 70 – 80%. Тем временем подросло новое поколение сельских жителей, которые также претендуют на выделение земли под строительство частных домов. Трудность заключается в том, что при высоких темпах роста населения Ингушетии свободные земли под застройку близки к исчерпанию. К тому же частная застройка в прошлом активно велась на землях сельхозназначения, и ее расширение подрывает этот экономический ресурс в некоторых селах. Осенью 2013 г. в Ингушетии принята программа по систематизации землеустройства, земельного кадастра и мониторинга земель, рассчитанная на 2014 – 2016 гг.

*«Так называемые фермеры, которые лет пять - десять назад получили под КФХ, крестьянско-фермерское хозяйство, земли. Земля в аренде, на 49 лет. Они их переводят в другую категорию и продают под застройку, и люди покупают. Потом собственность оформляют не землю, а на дом. Если они ее арендовали, допустим, в свое время и до сих пор копейки платят в местный бюджет, а продают за сотни раз дороже. Вот в пределах Назрани шесть соток земли стоит в зависимости от расположения от 300 тысяч до миллиона рублей».*²⁴

Политика по возвращению республике и муниципалитетам земли, самозахваченной, предоставленной в прошлом с нарушениями или не используемой целевым образом, координируется на уровне главы Ингушетии. Насколько можно судить, задача упорядочения земельных отношений и в целом отношений в сфере недвижимости рассматривается руководством Ингушетии как одна из приоритет-

ных, и в этом же качестве ставится перед муниципальными администрациями. Способность ориентироваться в земельных спорах и проводить в них политику республиканского руководства – один из критериев поддержки региональными и районными властями кандидатур на должности глав сельских поселений. Нетрудно догадаться, что эта политика не пользуется большой популярностью. Упорядочение земельных отношений и предотвращение самозахватов в принципе в интересах всех, разумеется, при условии, что оно не становится прелюдией к новому перераспределению ценного ресурса в частных интересах. Но в каждом конкретном случае такая политика задает влиятельные местные группы.

Представители муниципальных властей отдают себе отчет в том, что жесткий политический курс по упорядочиванию землевладения и землепользования предполагает фактическое ограничение самостоятельности местного самоуправления и снижение уровня участия в нем граждан.

«Когда прямые выборы, ну, народ может избрать, а когда тебя назначают – как назначили, так и выкинут. Так лучше. Не надо у народа спрашивать».

Предпринимавшиеся в прошлом, еще до введения 131-ФЗ, попытки сельских сообществ распределить землю самостоятельно с юридической опорой на решения назначенных глав сельских администраций расцениваются действующими муниципальными властями как «разбазаривание земли». Сами такие попытки были единичными. Ингушетия пережила быстрый рост населения, нынешняя сеть сел на равнине сформировалась сравнительно поздно, причем уже со второй половины XIX в. землевладение в равнинных селах базировалось не на обычном, а на государственном праве. Поэтому распределение бывшей колхозной земли в соответствии с обычным правом на большей части республики невозможно. Хотя в горном Джейрахском районе, насколько можно судить, сохранили фактическое действие исторические права тех или иных семей на землю.

«У нас ни одного незаконного строительства, фундамента, даже ограды. У нас такого не может быть в

²³ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 14 октября 2013 г. №213 «О государственной программе Республики Ингушетия “Систематизация землеустройства, земельного кадастра и мониторинга земель Республики Ингушетия на 2014 – 2016 годы”».

²⁴ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

*районе. У нас все друг с другом связаны. Родственники. И все, кто живет, они коренные жители. У коренных жителей у каждого есть с семи, десяти поколений свои участки, свои земли. Туда другой не полезет».*²⁵

За последнюю четверть века Ингушетия, особенно ее восточная часть, пережила массовый отток русского населения на фоне столь же массового притока переселенцев из Чечни, в меньшей мере из Северной Осетии и Грузии. Показательно, что именно в Сунженском районе Ингушетии, то есть в восточной ее части, наиболее острой оказывается и проблема самозахватов и неурегулированных прав на землю.

Политика возвращения земли под контроль республики и муниципалитета сталкивается с противодействием со стороны фактических владельцев. В некоторых случаях эти владельцы достаточно влиятельны или компетентны для того, чтобы опереться на административную поддержку и (или) отстаивать свои права в прокуратуре и в судах. Однако не во всех случаях речь может идти о крупной по меркам Ингушетии земельной собственности. Приведем два примера конфликтов из-за земли, принявших публичную форму.

В Экажево в начале 2013 г. сносились фундаменты домов, построенных жителями села на землях, ранее выделенных им по индивидуальную застройку. В интернет-блогах обсуждалась информация, что фундаменты сносили в темное время суток, под охраной вооруженных людей без опознавательных знаков, вызванная к месту происшествия милиция не вмешивалась, районные власти ссылались на распоряжение главы республики Юнус-Бека Евкурова. За год до этого, как следует из сканов судебных решений, приводимых одним из блогеров, администрация Назрановского района отменила выданные ею разрешения на строительство. Суд принял сторону владельцев участков и отказал районной администрации в иске о сносе фундаментов как незаконных построек. Суд при этом указывал, что земля была выделена в соответствии

с законом, права собственности на участки зарегистрированы.²⁶ Этот пример показывает, что кампания по борьбе с самозахватами земли и незаконными постройками может затронуть и владельцев участков, чьи права собственности на землю законно зарегистрированы. В земельной политике республиканских властей могут смешиваться две проблемы: последствия нерационального землепользования в предшествующие годы, в частности, щедрого распределения участков под индивидуальное жилищное строительство, и собственно нарушения земельного законодательства. Республиканские чиновники и не скрывают, что в некоторых случаях изымаются земли ИЖС, которые ранее были незаконно, по их мнению, переведены из земель сельскохозяйственного назначения.

Земельная политика не может избежать элемента «ручного управления». Фактически функции по оценке целевого использования земли, целесообразности и законности выделения участков и даже оценки эффективности инвестиционных проектов сосредотачиваются в республиканской земельной комиссии и в руках главы республики. Ручное управление в земельной политике имеет два важных следствия. Во-первых, он способствует снижению самостоятельности муниципалитетов. Во-вторых, он критически зависит от качества решений, принимаемых на республиканском уровне. В то же время сомнительно, что обширная программа по упорядочению земельных отношений в республике может быть осуществлена без твердой политической воли. Сторонники и критики действующего главы республики соглашаются в том, что инвентаризация земельных прав необходима; критики только требуют большей прозрачности этой политики и привлечения к ней представителей общественности. В любом

²⁵ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

²⁶ Дзагиев М. «С[ельское] п[оселение] Экажево как зона правового беспредела. Видео, фото и документы». Блог Мустафы Дзагиева. 25 января 2013 г. (<http://mustafa-dzagiev.livejournal.com/28469.html>). Скан решения Назрановского районного суда Республики Ингушетия от 10 мая 2012 г. по иску администрации Назрановского муниципального района к Газдиеву Мусе Бекмурзиевичу о признании объекта недвижимости самовольной постройкой и его сносе (<http://ru.scribd.com/doc/122104918>).

случае без инвентаризации земельных участков и прав собственности на них местное самоуправление не сможет работать сколько-нибудь эффективно, притом, что сами муниципалитеты не имеют ни политических, ни административных, ни финансовых ресурсов для проведения этой работы; она может быть сделана только с республиканского уровня. Возможно, по мере упорядочения землевладения и землепользования, уточнения прав собственности, устранения самозахватов, налаживания муниципальной статистики элементы ручного управления будут сокращаться.

Муниципалитеты и налоги. По всей России большинство муниципалитетов обладает весьма скудной доходной базой. Тем более это свойственно дотационной Ингушетии, устойчиво входящей в число регионов-лидеров по доле средств, ежегодно перечисляемых в ее бюджет из федерального. Это положение вещей справедливо объясняют слабостью экономики республики. Однако есть и другая сторона дела: Ингушетия вплоть до последнего времени не могла собрать даже те налоги, которые должны были заплатить многие экономические агенты, действующие на ее территории. Ни у самой республики, ни у глав районных, городских и сельских администраций, назначаемых ее президентом, не было стимулов собирать налоги, поскольку финансирование из Москвы (или, соответственно, из Магаса) им было гарантировано в любом случае. В то же время настойчивость в выявлении источников и в сборе налогов грозила конфликтами с теми, кто укрывает свои доходы от налогообложения. Кроме того, однажды собранный налог надо было собирать и дальше, расходуя на это ресурсы.

Сейчас такие стимулы возникли. С одной стороны, Ингушетия получает солидное финансирование на развитие социальной инфраструктуры – школ, детских садов и проч. Это делает более актуальным для федеральных властей вопрос о качестве финансового управления в самой республике. С другой – создание местного самоуправления делает более явной саму проблему крайне низкой налоговой дисциплины.

По данным представителей республиканских властей, Ингушетия сейчас

входит в десятку регионов-лидеров по темпам роста собственных доходов. Этот рост составляет по 15 – 20 процентов в год. Пока это не решает проблему дотационности, тем более, что и перечисления из федерального бюджета в последние годы существенно выросли. Однако на уровне муниципалитетов политика роста собираемости налогов влечет масштабные социально-политические сдвиги.

Отметим, что подчас муниципальные служащие, прежде всего, из местных представительных органов, не всегда ясно проводят различия между собственно налогами и иными обязательными платежами, прежде всего, жилищно-коммунальными.

*«Налоги конечно собираем. Очень активно работают поставщики энерго-ресурсов. По сбору налогов. У них есть свои компетентные люди, которые занимаются этим. И у нас тоже в администрациях сельских поселений».*²⁷

Распространенное нарушение, которое описывают как представители региональных властей, так и главы муниципальных администраций – найм на работу без официального оформления и, соответственно, уклонение от уплаты страховых взносов и НДФЛ.

«Вот у меня справка лежит на столе. Пример приведу сейчас, по этому поводу. Вот они [авто]заправки. Численность человек на заправке, численность сотрудников, физических лиц. Один, один, один – на [каждой] заправке. Три человека. Два человека. Вот только одна заправка, которая, я думаю, что правду дала: одиннадцать человек [на ней работает]. А это и есть безработица. Если брать в среднем по 10 человек на заправке, вот смотрите, где-то 180 человек [заняты] они скрыли. А это видят налоговики. Не обращают на это внимание. Это видят главы муниципальных образований. А та же картина в торговых точках. Работает десять человек, зафиксирован один».

В последние годы повышение собираемости налогов стала одним из приоритетов властей Ингушетии. Основным инструментом этой политики становятся

²⁷ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

муниципалитеты. С формальной точки зрения у них нет полномочий ни по учету налогоплательщиков, ни по повышению налоговой дисциплины. В то же время иных инструментов у республиканских властей нет. Они лишь в минимальной степени могут влиять на территориальные подразделения налоговой службы. У самих налоговиков, вероятно, не хватает мотивации для активной работы по повышению сбора налогов. Нельзя также исключить, что не хватает им и информации об экономической активности на территории. Налоговики явно не готовы проводить кампании по регистрации недвижимого имущества, облагаемого налогом. Таким образом, муниципалитеты оказываются ключевым звеном курса властей республики по повышению сбора налогов. С одной стороны, это влечет за собой очевидное ограничение самостоятельности местного самоуправления. С другой – трудно себе представить, что они станут самостоятельными в долгосрочном плане, если положение с уплатой налогов будет оставаться без изменений.

У муниципальных властей есть несколько способов добиваться повышения собираемости налогов. Наиболее простой и доступный – организация сходов, на которых представители местных властей убеждают жителей регистрировать имеющееся у них недвижимое имущество. В некоторых муниципалитетах местные власти выдают жителям справки (о составе семьи и др.) только после того, как те предоставят квитанции об уплате налогов.

«Из налоговой передали мне списки, кто в долгах, налоги должны. Вот этим я ставлю «птички», не выдавать ничего, пока не принесут. Вот с таких методов я начал. Иначе я не смогу. Запретить им – справка нужна, бумага нужна. Но если ты не выдашь, ему остается один вариант – сдать, квитанцию принести. Такими методами».

Муниципальные администрации также устраивают проверки магазинов и иных предприятий на своей территории, выясняя, платят ли те налоги, и в каком объеме. У местного самоуправления нет полномочий для таких проверок, однако эта практика дает свои результаты.

«Я создал комиссию по всем магазинам. 95 % магазины – без налоговых по-

*ступлений работали. Просто так. Земли, которые лежат земли, не платят налог. Тоже я отрегулировал потихоньку. И пошли деньги. Мы собрали 27 миллионов в этом году».*²⁸

Городские округа, как центры экономической активности ощутили удар по их бюджетам, нанесенный резким повышением страховых взносов для индивидуальных предпринимателей. В Назрани и Малгобеке представители муниципальных властей признавались, что предприниматели массово отказываются от регистрации.

Результаты политики повышения собираемости налогов в разрезе муниципалитетов значительны. Так, в 2013 году Сунженский район выполнил план по сбору налогов на 151%, Малгобекский – на 114 (данные статистики муниципалитетов). Вероятно, по мере того, как недвижимая собственность будет зарегистрирована, а торговые и иные предприятия – принуждены к уплате налогов, темпы этого роста сократятся. Отметим, что несмотря на успехи кампании по повышению собираемости налогов, ни один из муниципалитетов в Ингушетии по ее итогам не оказался бездотационным. Исключением может быть Магас, но лишь потому что при минимальной численности населения (около 3 тыс. чел.) он концентрирует у себя поступления НДФЛ сотрудников республиканских органов власти и территориальных управлений федеральных ведомств.

Вообще зависимость муниципальных бюджетов в Ингушетии от налога на доходы физических лиц, уплачиваемого бюджетниками, госслужащими, полицейскими и военными, предсказуемо велика. Смена места регистрации госструктур как налогоплательщиков имеет катастрофические последствия для муниципального бюджета.

«До меня был городской бюджет 1 миллиард 200 миллионов. У меня – 411 миллионов. Все большие налогоплательщики города, переехали в Магас. Вот, если я бы хотя бы достал миллиард рублей, я сразу же сделал бы линию

²⁸ Полевые материалы автора. Ингушетия, сентябрь 2013 г.

канализации и сразу написал в отставку. Все!»

Неизбежность «вертикали». В советскую эпоху Ингушетия была сельскохозяйственной периферией Чечено-Ингушской АССР, и это до сих пор накладывает на нее отпечаток. Хотя на ее территории существовали промышленные очаги (например, Малгобек с его высокотехнологичной нефтедобывающей промышленностью). Однако в основном функции городских центров с их ресурсами образования и культуры для Ингушетии играли Владикавказ и Грозный. Эти два города исторически были колыбелью ингушской интеллигенции, где она, с одной стороны, приобретала свой интеллектуальный капитал, а с другой – не могла рассчитывать на такие карьерные перспективы, которые были у ее осетинских, чеченских или русских коллег. Наследие аграрной периферии несет в себе два важных следствия для развития местного самоуправления в Ингушетии. Первое и наиболее заметное: неразвитость инфраструктуры, начиная с энергетики и водоснабжения и заканчивая школами, больницами, детскими садами.

Высокая рождаемость в Ингушетии влечет за собой столь же высокую потребность в школах и детских садах. Респонденты приводят данные, что в школах Ингушетии занятия могут идти в три смены, причем численность классов достигает 37 учеников. Велик и дефицит мест в детских садах, где численность групп может достигать 40 детей. В республике очень активно строятся школы и детские сады. Такое строительство, как и обновление инфраструктуры, требует масштабных бюджетных вложений. Муниципалитеты с их слабой доходной базой, не в состоянии мобилизовать такие средства, и это делает необходимой и неизбежной их очень тесную связь с республиканскими властями. В свою очередь и республиканские власти не столько ожидают от муниципальных разделенной политической ответственности, сколько рассматривают их в качестве исполнителей принимаемых в Магасе решений.

Высокая плотность населения, очень низкая даже по меркам Северного Кавказа обеспеченность землями сельхозназначения (на одного сельского жителя прихо-

дится 0,5 – 0,6 га таких земель), создает жесткие условия для экономического развития Ингушетии. В республике есть муниципалитеты, которые теоретически могут быть самодостаточными. Если не считать Магаса, который при маленькой численности населения получает НДФЛ сотрудииков большинства действующих в Ингушетии государственных структур, среди таких муниципалитетов можно назвать Малгобек (при условии, что здесь будет развиваться нефтедобыча, а налоговое законодательство будет скорректировано таким образом, чтобы большая доля налогов оставалась на территории, где ведут свою деятельность дочерние предприятия крупных холдингов), а также Джейрахский район, где при небольшой численности населения имеется довольно эффективное сельское хозяйство (оно развивается благодаря близости такого рынка сбыта как Владикавказ, а также благодаря рекреации, создающей сезонный спрос) – при условии, что успешные бизнесы будут платить налоги. Однако в целом республика может добиться экономической состоятельности только при условии индустриализации.

Насколько можно судить, в Ингушетии идет энергичное строительство промышленных предприятий. Начиная от крупных, таких как мукомольный комбинат в Карабулаке (пущен в апреле 2013 г.), или стекольный завод в Сагопши и заканчивая мелкими – как надомное швейное производство в Кантышево. Хотя все эти инвестпроекты предполагают вовлечение муниципальных властей (землеотвод и проч.), они координируются республиканскими властями. В некоторых случаях слишком плотная опека со стороны Магаса даже вызывает недовольство со стороны муниципалитетов.

«Если бы была бы самостоятельность, я бы знал за что отвечаю. Но я бы знал, что если я нарушу – мне и отвечать. А когда сверху с республики нам указывают : вот нужно построить то или иное, есть где, мы недовольны, но есть команда – надо исполнять. Видимо они хотят здесь на равнине объекты строить, а не в горах. А у меня противоположное. Я думаю, надо осваивать горные районные участки. На равнину любой придет. Надо осваивать горы».

У индустриализации, как она проходит в Ингушетии, есть свои критики, указывающие на непроработанность некоторых проектов. Достоверная оценка их качества требует особого исследования, которое не входит в задачи этой работы. В контексте местного самоуправления важно, что эта политика, как и масштабное инфраструктурное строительство, предполагает фактическую подчиненность муниципалитетов республиканским властям. В этом смысле местное самоуправление в Ингушетии обречено быть фактической частью государственной вертикали – по крайней мере, до тех пор, пока республика не станет более состоятельной в экономическом плане, а у муниципальных властей не будет собственных, прежде всего, финансовых основ самостоятельности.

В Ингушетии все еще критически мал слой людей, которые могли бы составить

– назовем это так – муниципальный политический класс. Материалы интервью указывают, что круг людей, заинтересованных в развитии местного самоуправления, численно невелик и политически не слишком влиятелен. С одной стороны, это следствие общей слабости «городского духа», городского социального капитала и городского образа жизни. С другой, это проявление слабости и неустойчивости локальных групп интересов. Похоже, что в большинстве случаев местная политика как представление интересов в борьбе за власть и ресурсы уходит из области местного самоуправления в другие сферы, например, бюрократическую борьбу внутри государственного аппарата.

Силаев Н.Ю.

Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО

Местное управление в государствах Центральной Азии

Территория государств современной Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) к началу XX века входила в состав Российской империи, носила название Туркестанский край, где действовала система военно-народного управления. Сущность этой системы один из представителей царской администрации на Кавказе охарактеризовал следующим образом: «1) туземное население управляется не по законам империи, а по "народным обычаям и особым постановлениям"; 2) суд над туземцами принадлежит местным "народным судам" и отправляется под надзором местной военной власти не по законам империи, "а по адату, в некоторых случаях – по шариату и по особым постановлениям"; 3) каждый административный начальник является в то же время и начальником всех войск, расположенных в его округе, отделе или области, и имеет право "высылать вредных жителей в... распоряжение начальника области и употреб-

лять против жителей оружие в случаях, не терпящих отлагательств»¹.

Эти же принципы были свойственны и управлению Туркестаном, что объясняет отсутствие традиций самоуправления на уровнях выше сельских поселений. В Словаре Брокгауза и Ефрона отмечается, что «все гражданское управление, губернское и уездное, сосредоточено в руках военных чинов; сельское туземное население заведется волостными управителями и аульными старшинами, которые назначаются из влиятельных туземцев; некоторые низшие должности уездного управления также замещаются иногда туземцами»².

В советский период неоднократные административно-территориальные реформы, производимые Союзным Центром (создание и упразднение республик, округов, областей, переподчинение районов и

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII / Под ред. генерал-майора В.А. Потто. – Тифлис, 1901. С. 437

² Военно-народное управление // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1890—1907. – Т. VIa – С. 851

изменение административных границ) не позволяли сформироваться сколь бы то ни было устойчивой системе местной власти. «Все советские республики имели единую систему управления на местах: вышестоящие Советы управляли нижестоящими, местные же Советы существовали в жесткой зависимости от партийных органов³.

В результате распада Советского Союза создалась ситуация, при которой все новые независимые государства встали перед необходимостью формирования системы местной власти. В Конституциях этих государств устанавливается наличие уровня местного управления, соответствующие разделы конституций называются: в Казахстане – «Местное государственное управление и самоуправление», в Киргизской Республике – «Местное самоуправление»; в Таджикистане – «Местная власть»; в Туркменистане – «Местные органы власти»; в Узбекистане – «Основы государственной власти на местах». В соответствующих законах определяется структура, порядок и принципы формирования местной власти (назначаемость или выборность, объем полномочий и источники финансовых ресурсов).

В Казахстане местное государственное управление определено как деятельность, осуществляемая местными представительными и исполнительными органами в целях проведения государственной политики на соответствующей территории, а также являющимися ответственными за состояние дел на соответствующей территории. Местное государственное управление осуществляется местными представительными и исполнительными органами⁴.

Местные представительные органы - маслихаты выражают волю населения соответствующих административно-территориальных единиц и с учетом общегосударственных интересов определя-

ют меры, необходимые для ее реализации, контролируют их осуществление. Маслихаты избираются населением на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. К ведению маслихатов относится: утверждение планов, экономических и социальных программ развития территории, местного бюджета и отчетов об их исполнении; решение отнесенных к их ведению вопросов местного административно-территориального устройства; рассмотрение отчетов руководителей местных исполнительных органов по вопросам, отнесенным законом к компетенции маслихата; образование постоянных комиссий и иных рабочих органов маслихата, заслушивание отчетов об их деятельности, решение иных вопросов, связанных с организацией работы маслихата; осуществление в соответствии с законодательством Республики иных полномочий по обеспечению прав и законных интересов граждан. Полномочия маслихата прекращаются досрочно Президентом Республики, а также в случае принятия маслихатом решения о самороспуске. Компетенция маслихатов, порядок их организации и деятельности, правовое положение их депутатов устанавливаются законом «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан»⁵.

Местные исполнительные органы входят в единую систему исполнительных органов Республики Казахстан, обеспечивают проведение общегосударственной политики исполнительной власти в сочетании с интересами и потребностями развития соответствующей территории. К ведению местных исполнительных органов относится: разработка планов, экономических и социальных программ развития территории, местного бюджета и обеспечение их исполнения; управление коммунальной собственностью; назначение на должность и освобождение от должности руководителей местных исполнительных органов, решение иных вопросов, связанных с организацией ра-

---

³ Балыхин А.Г. Основные подходы к реализации местной власти в странах СНГ с позиций эффективной деятельности // Проблемы современной экономики, N 1 (37), 2011 (<http://www.m-ecopomy.ru/art.php?nArtId=3548>).

⁴ Конституция Республики Казахстан. Принята на референдуме 30 августа 1995 года (в ред. 2 февраля 2011 года).

---

⁵ О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148-ІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.11.2014 г.).

боты местных исполнительных органов; осуществление в интересах местного государственного управления иных полномочий, возлагаемых на местные исполнительные органы законодательством Республики.

Местный исполнительный орган возглавляет аким соответствующей административно-территориальной единицы, являющийся представителем Президента и Правительства Республики. Акимы областей, городов республиканского значения и столицы назначаются на должность Президентом Республики с согласия маслихатов соответственно областей, городов республиканского значения и столицы. Акимы иных административно-территориальных единиц назначаются или избираются на должность в порядке, определяемом Президентом Республики Казахстан. Президент Республики вправе по своему усмотрению освобождать акимов от должностей.

По инициативе не менее одной пятой от общего числа депутатов маслихата может быть поставлен вопрос о выражении вотума недоверия акиму. В этом случае маслихат большинством голосов от общего числа его депутатов вправе выразить недоверие акиму и поставить вопрос о его освобождении от должности соответственно перед Президентом Республики либо вышестоящим акимом. Полномочия акимов областей, городов республиканского значения и столицы прекращаются при вступлении в должность вновь избранного Президента Республики.

Маслихаты принимают по вопросам своей компетенции решения, а акимы – решения и распоряжения, обязательные для исполнения на территории соответствующей административно-территориальной единицы. Маслихаты и акиматы в своей деятельности обязаны: не допускать принятия решений, не соответствующих основным направлениям внутренней и внешней политики; соблюдать интересы Республики Казахстан в обеспечении национальной безопасности; придерживаться общегосударственных стандартов, устанавливаемых в общественно значимых сферах деятельности; обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан.

Маслихатам и акиматам запрещается принимать решения, препятствующие формированию единого рынка труда, капитала, финансов, свободному обмену товарами и услугами в пределах Республики Казахстан. Планы развития территорий, принимаемые маслихатами и акиматами, должны соответствовать стратегическим планам развития Республики Казахстан.

Решения маслихатов, не соответствующие Конституции и законодательству Республики Казахстан, могут быть отменены в судебном порядке. Решения и распоряжения акимов могут быть отменены, соответственно, Президентом, Правительством Республики Казахстан либо вышестоящим акимом, а также в судебном порядке.

В Республике Казахстан признается местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения под свою ответственность. Основанием для признания гражданина Республики Казахстан членом местного сообщества является факт его регистрации по месту жительства на территории административно-территориальной единицы, в границах которой осуществляется местное самоуправление. Иностранцы и лица без гражданства, имеющие постоянное место жительства на территории местного сообщества, имеют право на участие в осуществлении местного самоуправления в пределах, установленных Законом или международным договором.

Местное самоуправление осуществляется отдельно в пределах области, района, города, района в городе, сельского округа, поселка и села, не входящего в состав сельского округа. Местное самоуправление осуществляется населением непосредственно, а также через маслихаты и другие органы самоуправления в местных сообществах, охватывающих территории, на которых компактно проживают группы населения. Аким области, района, города, района в городе, сельского округа, поселка и села, не входящего в состав сельского округа, наряду с функциями государственного управления осуществляет функции органов местного самоуправления. Формой деятельности местного сообщества являются сход

местного сообщества и собрание местного сообщества.

Органы местного самоуправления – это органы, на которые возложены функции по решению вопросов местного значения, т.е. вопросов деятельности области, района, города, района в городе, сельского округа, поселка и села, не входящего в состав сельского округа, регулирование которых связано с обеспечением прав и законных интересов большинства жителей соответствующей административно-территориальной единицы. Органам местного самоуправления в соответствии с законом гарантируется самостоятельность в пределах их полномочий, также им может делегироваться осуществление государственных функций. Органы местного самоуправления при осуществлении своей деятельности обязаны: 1) соблюдать Конституцию и законодательство Республики Казахстан; 2) не допускать принятия решений, не соответствующих общегосударственной внутренней и внешней политике, в том числе финансовой и инвестиционной; 3) не допускать принятия решений, препятствующих формированию единого рынка труда, капитала, свободному обмену товарами и услугами, формированию и развитию единого культурного и информационного пространства Республики Казахстан; 4) соблюдать интересы Республики Казахстан в обеспечении национальной безопасности Республики Казахстан; 5) соблюдать общегосударственные стандарты, устанавливаемые в общественно значимых сферах деятельности; 6) обеспечивать соблюдение прав и законных интересов членов местного сообщества; 7) придерживаться принципов гласности и открытости, учета общественного мнения при осуществлении своей деятельности, обеспечивать возможность свободного доступа членов местного сообщества на заседания органов местного самоуправления; 8) обеспечивать участие членов местного сообщества в решении вопросов местного значения.

В Конституции Кыргызской Республики признается принцип разграничения функций и полномочий государственных органов и органов местного самоуправления. Граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления

как непосредственно, так и через своих представителей независимо от пола, расы, этнической принадлежности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Граждане имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, обращаться в органы местного самоуправления и к их должностным лицам, а также получать информацию о деятельности органов местного самоуправления в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. Иностранцы граждане и лица без гражданства обладают такими же правами и обязанностями, что и граждане Кыргызской Республики, за исключением права избирать и быть избранными в органы местного самоуправления.

О значимости местного самоуправления свидетельствует тот факт, что ему посвящена статья 2 Конституции КР, где сказано: «Выборы депутатов представительных органов местного самоуправления проводятся на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Государство создает условия для представительства различных социальных групп, определенных законом, в государственных органах и органах местного самоуправления, в том числе на уровне принятия решений»⁶.

Кыргызстан является также единственным из центральноазиатских государств, использующих понятие «муниципальная служба», определяемое как деятельность граждан в представительных и исполнительных органах местного самоуправления, осуществляемая на профессиональной и оплачиваемой основе, и понятие «муниципальная собственность», т.е. собственность местных сообществ, находящаяся во владении, пользовании, распоряжении органов местного самоуправления, служащая источником получения доходов местного самоуправления и необходимая для осуществления функций местного самоуправления.

В Кыргызстане запрещается слияние государственных, муниципальных и партийных институтов, образование и дея-

⁶ Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом 27 июня 2010 г.

тельность партийных организаций в государственных и муниципальных учреждениях и организациях; осуществление государственными и муниципальными служащими партийной работы, за исключением случаев, когда такая работа осуществляется вне служебной деятельности.

Местное самоуправление определяется как гарантированное Конституцией право и реальная возможность местных сообществ самостоятельно в своих интересах и под свою ответственность решать вопросы местного значения. Оно осуществляется местными сообществами на территории соответствующих административно-территориальных единиц непосредственно либо через органы местного самоуправления.

Финансирование местного самоуправления обеспечивается из соответствующего местного, а также республиканского бюджета. Формирование и исполнение местного бюджета осуществляются с соблюдением принципов прозрачности, участия общественности, подотчетности органов местного самоуправления перед местным сообществом.

Систему органов местного самоуправления образуют представительные органы местного самоуправления (местные кенешы) и исполнительные органы местного самоуправления – айыл окмоту и мэрии городов. Исполнительные органы местного самоуправления и их должностные лица в своей деятельности подотчетны местным кенешам.

Депутаты местных кенешей и главы исполнительных органов местного самоуправления избираются гражданами, проживающими на территории соответствующей административно-территориальной единицы с соблюдением равных возможностей в порядке, установленном законом.

Местные кенешы имеют следующие полномочия: утверждают местные бюджеты, контролируют их исполнение; утверждают программы социально-экономического развития местного сообщества и социальной защиты населения; вводят местные налоги и сборы, а также устанавливают льготы по ним; решают иные вопросы местного значения.

На территории административно-территориальной единицы действует и

местная государственная администрация - государственный орган исполнительной власти, главой которого является аким района. Органы государственной власти осуществляют контроль над законностью в деятельности органов местного самоуправления.

Органы местного самоуправления функционируют в тесном взаимодействии с органами государственной власти по созданию условий для реализации конституционных прав граждан Киргизской Республики на участие в решении вопросов государственного и местного значения. При подготовке и принятии решений по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы местных сообществ, органы государственной власти проводят консультации и обсуждение с органами местного самоуправления и их ассоциациями и союзами местных сообществ.

Взаимоотношения местных кенешей с местной государственной администрацией строятся на основе принципа разграничения функций. Государственные органы не вправе вмешиваться в предусмотренные законом полномочия местного самоуправления, а местные кенешы не вправе вмешиваться в решение вопросов, входящих в компетенцию местных государственных администраций. В то же время органам местного самоуправления могут быть делегированы государственные полномочия с передачей материальных, финансовых и иных средств, необходимых для их осуществления. Государственные полномочия могут быть переданы органам местного самоуправления на основании закона или договора. По делегированным полномочиям органы местного самоуправления подотчетны государственным органам.

Органы местного самоуправления не вправе издавать акты, не соответствующие Конституции, законам и другим нормативным правовым актам Киргизской Республики, совершать действия, создающие прямую угрозу конституционному строю и национальной безопасности, а также действия, направленные на нарушение территориальной целостности государства, пропаганду и разжигание межнациональной и религиозной розни. В случае совершения этих нарушений Президент и Правительство КР вправе при-

нять меры, в том числе приостановить деятельность органов местного самоуправления, виновных в этом, и ввести на данной территории прямое государственное управление до вынесения судебного решения. Местный кенеш также может быть распущен Президентом.

Таким образом, органы местного самоуправления несут ответственность перед государством и его органами за исполнение законов, перед местным сообществом – за результаты своей деятельности. Органы местного самоуправления вправе обращаться за судебной защитой в связи с нарушением их прав.

В соответствии с Конституцией Таджикистана⁷ местная власть состоит из представительных и исполнительных органов, которые действуют в пределах своих полномочий. Они обеспечивают исполнение Конституции, законов, актов Маджлиси Оли (Парламента) и Президента. Органом самоуправления в поселке и селе является джамоат.

Органом местной представительной власти в областях, городах и районах является Маджлис народных депутатов, которым руководит Председатель. Депутаты местного Маджлиса избираются сроком на 5 лет. Маджлис народных депутатов утверждает местный бюджет и отчет по его исполнению, определяет пути социально-экономического развития местности, местные налоги и платежи в соответствии с законом, определяет способы управления и владения коммунальной собственностью. Местные представительные органы государственной власти состоят из Маджлиса народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района.

Исполнительную власть на местах осуществляет представитель Президента – Председатель области, города и района. Местные исполнительные органы государственной власти состоят из председателей Горно-Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района, структур местных исполнительных органов государственной власти, подчиненных председателю Горно-

Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района, а также местных структур центральных органов исполнительной власти.

Представительную и исполнительную власть соответствующих административно-территориальных единиц возглавляет Председатель, которого назначает на должность и освобождает от должности Президент Республики Таджикистан и представляет свое решение на утверждение соответствующего Маджлиса народных депутатов.

Председатель ответственен перед вышестоящим исполнительным органом и соответствующим Маджлисом народных депутатов. Представительные органы и Председатель в пределах своих полномочий принимают правовые акты, обязательные для исполнения на соответствующих территориях. В случае несоответствия Конституции и законам актов представительных органов и Председателя они отменяются вышестоящими органами и судом.

Деятельность местных органов государственной власти регулируется конституционным Законом Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти», а деятельность органов самоуправления, поселков и джамоатов - Законом Республики Таджикистан «Об органах самоуправления поселка». Местные органы государственной власти содействуют органам самоуправления поселка и села в выполнении своих функций и в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Таджикистан оказывают им финансовую и экономическую помощь. Местные органы государственной власти могут возложить некоторые свои полномочия на органы самоуправления поселка и села. В случае систематического невыполнения Маджлисом народных депутатов административно-территориальной единицы Конституции и законов РТ Парламент республики вправе распустить его.

Источники экономической деятельности местных органов государственной власти составляют земля, полезные ископаемые, вода, лес, флора и фауна и другие природные богатства, которые находятся в пределах соответствующей административно-территориальной единицы,

---

⁷ Конституция Республики Таджикистан. Принята Всенародным референдумом 6 ноября 1994 г.

также как и коммунальная собственность и другие формы собственности, являющиеся источником получения доходов местной власти и которые удовлетворяют социальные и экономические нужды населения соответствующей административно – территориальной единицы.

Местные органы государственной власти имеют право осуществления внешнеэкономической деятельности. Так же они осуществляют на местах государственную политику в сфере образования, разрабатывают и внедряют региональные программы развития в сфере образования с учетом национальных, социальных, культурных, демографических и других особенностей.

Маджлисы народных депутатов и председатели административно-территориальных единиц осуществляют контроль за целесообразным размещением объектов, эффективным использованием природных и трудовых ресурсов, охраной окружающей среды и другими сферами, являющимися республиканской собственностью. Они же управляют объектами коммунальной собственности административно-территориальных единиц. Доходная часть бюджета формируется за счет источников и выделения средств, налоговых и неналоговых доходов, а также поступления средств за счет регулируемых налогов и сборов.

Поскольку в состав Таджикистана входит Горно-Бадахшанская автономная область, отдельная глава Конституции РТ посвящена ей. В частности, запрещается изменять границы территории Горно-Бадахшанской автономной области без согласия Маджлиса народных депутатов области. Этот же орган обладает правом законодательной инициативы. Полномочия Горно-Бадахшанской автономной области в социальной, экономической, культурной сферах жизни и другие полномочия области определяются конституционным законом⁸. Закон предусматривает представительство Горно-Бадахшанской автономной области в государственных структурах Республики Таджикистан, в частности, - в парламенте Республики

Таджикистан, независимо от численности населения, Горно-Бадахшанская автономная область имеет равное с областями, городом Душанбе, городами и районами республиканского подчинения количество представителей; - одним из заместителей Председателя парламента и одним из судей Конституционного суда Республики Таджикистан являются представители Горно-Бадахшанской автономной области.

По Конституции Туркменистана местная власть состоит из представительных и исполнительных органов, которые действуют в пределах их компетенции⁹. В велятах (областях), городах с правами велятов, этрапах (районах) и городах с правами этрапа образуются представительные органы – халк маслахаты, которые в пределах своих полномочий, установленных Законом Туркменистана «О представительных органах местной власти»¹⁰ участвуют в решении вопросов экономического, социального и культурного развития территорий. Деятельность халк маслахаты осуществляется в форме заседаний. На заседание халк маслахаты могут быть приглашены в установленном им порядке представители государственных органов и органов местного самоуправления, политических партий, общественных объединений, средств массовой информации, а также граждане.

К компетенции халк маслахаты относятся: обеспечение выполнения Конституции и законов Туркменистана, актов Президента Туркменистана, Меджлиса Туркменистана, Кабинета Министров Туркменистана, велятского и соответствующего халк маслахаты; обеспечение выполнения программ экономического, социального и культурного развития на соответствующей территории; утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении; заслушивание ежегодной информации хякима о деятельности, осуществляемой в области экономического, социального и культурного развития территории; обеспечение соблюдения общественного порядка, защиты прав граждан,

---

⁸ О Горно-Бадахшанской автономной области. Конституционный Закон Республики Таджикистан от 30 июля 2007 года №303.

⁹ Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 года №691-ХІІ (по состоянию на 26 сентября 2008 года).

¹⁰ О представительных органах местной власти. Закон Туркменистана от 1 октября 2011 года №231-IV (http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=47201).

улучшения социального положения населения на соответствующей территории, изучение предложений граждан и представление их в соответствующие органы; признание полномочий членов халк маслахаты, а в случаях, предусмотренных настоящим Законом, - лишение их полномочий; внесение хякиму предложений о названиях и переименовании кварталов, проспектов, улиц, площадей, парков и других составных частей городов с правами велаятов или этрапов; содействие деятельности исполнительных органов местной власти и органов местного самоуправления на своей территории; решение других вопросов, отнесенных к компетенции халк маслахаты законодательными актами Туркменистана. Не допускается вмешательство халк маслахаты в деятельность исполнительных органов местной власти и органов местного самоуправления.

Исполнительную власть на местах осуществляют: в велаятах - хякимы велаятов, в городах - хякимы городов, в этрапах - хякимы этрапов. Хякимы являются представителями Президента Туркменистана на местах, которые назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом республики и подотчетны ему. Хякимы осуществляют руководство деятельностью органов управления на местах, обеспечивают исполнение Конституции, законов Туркменистана, актов Президента Туркменистана, Кабинета Министров Туркменистана, постановлений Меджлиса Туркменистана. Хякимы в пределах их компетенции принимают постановления, обязательные для исполнения на подведомственной территории.

В соответствии с Законом Туркменистана «О местной исполнительной власти»¹¹ хяким велаята, этрапа, города: 1) обеспечивает реализацию задач, вытекающих из национальных программ социально-экономического и культурного развития, на соответствующей территории; 2) осуществляет координацию деятельности хозяйствующих субъектов, независимо от форм собственности и отраслевой при-

надлежности, по вопросам, связанным с удовлетворением потребностей населения в товарах и услугах, комплексным экономическим и социальным развитием подведомственной территории, рациональным использованием местных трудовых ресурсов и обеспечением занятости населения и охраной труда; 3) содействует заключению хозяйственных договоров между предприятиями и другими хозяйствующими субъектами всех форм собственности для привлечения их товаров (продукции) и услуг (работ) на местный рынок, осуществляет контроль за качеством производимых на соответствующей территории товаров и оказываемых услуг (работ); 4) совместно с министерствами, другими центральными органами государственного управления принимает участие в рассмотрении вопросов, связанных с размещением, строительством, реконструкцией и специализацией промышленных, сельскохозяйственных и иных объектов производственной и социальной инфраструктуры на соответствующей территории; 5) принимает меры по рациональному использованию, охране земель, недр, вод, лесов, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, других природных ресурсов на соответствующей территории и осуществляет контроль в данной сфере в порядке, установленном законодательством Туркменистана; 6) управляет объектами, расположенными на подведомственной территории, находящимися в ведении соответственно велаята, этрапа, города; 7) организует в пределах своей компетенции выполнение программ приватизации объектов государственной собственности, реорганизации сельскохозяйственных предприятий, оказывает содействие развитию среднего и малого предпринимательства; 8) осуществляет преобразование и отчуждение объектов государственной собственности на территории велаята, этрапа, города; 9) обеспечивает реализацию мер по социальной защите населения на соответствующей территории; 10) совместно с министерствами и другими центральными органами государственного управления осуществляет управление учреждениями образования, здравоохранения, культуры и спорта, социального обеспечения и принимает меры по улучшению их матери-

---

¹¹ О местной исполнительной власти. Закон Туркменистана от 10 мая 2010 года №109-IV (В редакции Законов Туркменистана от 10.01.2012 г., 03.05.2014 г.).

ально-технической базы; обеспечивает охрану и рациональное использование памятников истории, культуры и природы; 11) в случаях стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий и аварий принимает необходимые меры по ликвидации их последствий и обеспечению безопасности населения; приостанавливает деятельность предприятий, учреждений, организаций, представляющую угрозу для окружающей среды и приводящую к нарушению законодательства Туркменистана о природопользовании; 12) обеспечивает соблюдение установленного законодательством Туркменистана порядка эксплуатации жилищного фонда, устойчивое функционирование объектов коммунального и дорожного хозяйства, предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания, электрических, газовых, водных и других сетей и сооружений, средств связи и транспорта, принимает меры по обеспечению населения природным газом, водой и электроэнергией; 13) организует и контролирует в пределах своей компетенции исполнение законодательства в военной сфере, руководит гражданской обороной на соответствующей территории; 14) принимает меры по обеспечению взаимодействия и согласованной работы государственных органов, предприятий, учреждений, организаций всех форм собственности в деле охраны прав и законных интересов граждан, укрепления общественного порядка и законности на соответствующей территории. Если соответствующий хаким не исполняет надлежащим образом свои обязанности, халк маслахаты имеет право внести предложение в вышестоящий орган об освобождении его от должности.

Систему местного самоуправления образуют генгешы и органы территориального общественного самоуправления. Генгешы являются представительными органами народной власти на территории города районного подчинения, поселка, генгешлика. Члены генгеша избираются гражданами непосредственно сроком на три года. Генгешы в своей деятельности самостоятельны и принимают решения, обязательные для исполнения на подведомственной территории. Генгеш избирает из своего состава арчина, который руководит работой генгеша и подотчетен

ему. Арчины обеспечивают выполнение решений генгешей, актов органов государственной власти и управления, а также решают иные вопросы местного значения.

В функции генгешей входят: определение основных направлений экономического, социального и культурного развития своих территорий; формирование и утверждение бюджета, а также составление отчета о его исполнении; установление местных сборов и порядка их взимания; определение мер по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды.

Конституция Республики Узбекистан устанавливает, что «граждане Республики Узбекистан имеют право участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей. Такое участие осуществляется посредством самоуправления, проведения референдумов и демократического формирования государственных органов, а также развития и совершенствования общественного контроля над деятельностью государственных органов».

Республика Узбекистан состоит из областей, районов, городов, поселков, кишлаков, аулов, а также Республики Каракалпакстан, на территории которых осуществляется представительная и исполнительная власть государственная власть на местах. Представительными органами власти в областях, районах и городах (кроме городов районного подчинения, а также районов, входящих в состав города) являются Кенгаши народных депутатов, возглавляемые хокимами, которые, исходя из интересов государства и граждан, решают вопросы, отнесенные к их компетенции.

Хоким области, района, города является высшим должностным лицом области, района, города и одновременно возглавляет представительную и исполнительную власть на соответствующей территории. Хоким области, г. Ташкента подотчетен Президенту Республики Узбекистан и соответствующему Кенгашу народ-

¹² Конституция Республики Узбекистан. Принята Верховным Советом Республики Узбекистан 8 декабря 1992 г. (в ред. 16 апреля 2014 г.).

ных депутатов. Хоким района, города подотчетен вышестоящему хокиму и соответствующему Кенгашу народных депутатов. Кенгаш народных депутатов и хоким обеспечивают осуществление общих для области, района и города задач социально-экономического развития, исполнение на местах законов, решений палат Олий Мажлиса, актов, принятых Президентом и Кабинетом Министров, решений вышестоящих Кенгашей народных депутатов и хокимов, связь между органами государственной власти и управления Республики Узбекистан и органами самоуправления граждан, привлечение населения к управлению областью, районом, городом.

В Законе Республики Узбекистан «О государственной власти на местах» определено, что Хоким области и города Ташкента назначается и освобождается от должности Президентом Республики Узбекистан. Хоким района, города назначается и освобождается от должности хокимом области и утверждается соответствующим Кенгашем народных депутатов. Хоким области, района, города назначается и утверждается из числа депутатов соответствующего Кенгаша народных депутатов. Хоким района в городе, города районного подчинения назначается и освобождается от должности соответственно хокимом города, района и утверждается городским, районным Кенгашем народных депутатов.

Хоким области по согласованию с Кабинетом Министров Республики Узбекистан правомочен подчинить хокима города хокиму района (за исключением районов, входящих в состав города) и образовать единые органы управления с последующим утверждением принятого решения областным Кенгашем народных депутатов.

Срок полномочий Кенгаша народных депутатов и хокимов — пять лет.

Экономическую основу деятельности областного, районного, городского Кенгаша народных депутатов и хокима составляет государственная собственность административно-территориальных образо-

ваний (коммунальная собственность) и иная собственность, имеющаяся в области, районе, городе и служащая экономическому и социальному развитию. По отношению к объектам государственной собственности, находящейся в исключительной собственности Республики Узбекистан, областной, районный, городской Кенгаш народных депутатов и хоким осуществляют контроль в части эффективного размещения производственных и социальных объектов, рационального использования природных и трудовых ресурсов, охраны окружающей среды, социальной защиты населения.

Кенгаш народных депутатов и хоким области, района, города содействуют развитию самоуправления на соответствующей территории, направляют деятельность органов самоуправления.

В Законе Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» говорится, что: «Самоуправление граждан — гарантируемая Конституцией и законами Республики Узбекистан самостоятельная деятельность граждан по решению вопросов местного значения исходя из своих интересов, исторических особенностей развития, а также национальных и духовных ценностей, местных обычаев и традиций»¹⁴.

Граждане реализуют свое конституционное право на самоуправление в поселках, кишлаках, аулах и махаллях в соответствии с гарантиями избирательных прав граждан через сходы (собрания представителей) граждан.

Граждане независимо от пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения имеют равные права на осуществление самоуправления как непосредственно, так и через своих выборных представителей. Ограничение прав граждан на самоуправление запрещается.

Органами самоуправления граждан являются сходы граждан поселков, кишлаков и аулов, а также махаллей городов, поселков, кишлаков и аулов. Органы са-

¹³ О государственной власти на местах. Закон Республики Узбекистан от 2.09.93 года (в ред. 2014 г.) (http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=112168).

¹⁴ Об органах самоуправления граждан (новая редакция). Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-350 от 22 апреля 2013 г. (http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=2156897).

моуправления граждан не входят в систему органов государственной власти и осуществляют предоставленные им законом полномочия на соответствующей территории. Органы самоуправления граждан пользуются правами юридического лица, имеют печать установленного образца и подлежат учету в органах государственной власти на местах.

В сходе граждан участвуют лица, достигшие совершеннолетия и постоянно проживающие на территории поселка, кишлака и аула, а также махалли города, поселка, кишлака и аула. Сход граждан обладает правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на соответствующей территории. Решения органов самоуправления граждан и их должностных лиц, принятые в пределах их полномочий, обязательны для исполнения гражданами, проживающими на соответствующей территории, а также юридическими лицами (их должностными лицами), расположенными на территории поселка, кишлака, аула и махалли. Неисполнение или ненадлежащее исполнение решений органов самоуправления граждан и их должностных лиц влечет ответственность в соответствии с законом.

Для выполнения решений схода граждан и осуществления текущей деятельности органов самоуправления граждан в период между сходами граждан образуется кенгаш схода граждан в составе председателя (аксакала) схода граждан, его советников, председателей комиссий по основным направлениям деятельности схода граждан и ответственного секретаря.

Кенгаш схода граждан: содействует органам государственной власти на местах в проведении массово-политических, духовно-просветительских, культурных, спортивных и других мероприятий; принимает меры, направленные на защиту интересов женщин, повышение их роли в общественной жизни, формировании духовно-нравственной атмосферы в семье, воспитании молодого поколения; принимает меры по пресечению деятельности незарегистрированных религиозных организаций, обеспечению соблюдения права граждан на свободу вероисповедания, недопущению принудительного насажде-

ния религиозных взглядов, рассматривает иные вопросы, связанные с соблюдением законодательства о свободе совести и религиозных организациях; взаимодействует с образовательными учреждениями по вопросам воспитания; содействует занятости граждан, проживающих на данной территории, включая организацию надомного труда; оказывает содействие развитию дехканских и фермерских хозяйств; осуществляет общественный контроль за использованием и охраной земель на соответствующей территории; назначает консультанта схода граждан по вопросам религиозного просвещения и духовно-нравственного воспитания.

Проведенный анализ правовой базы местного управления в государствах Центральной Азии – Казахстане, Киргизстане, Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане – показывает, что в настоящее время вопросы местного значения решает местная государственная администрация, органы государственной власти на местах, а местное самоуправление, за исключением Киргизии, существует на низшем уровне, в малых населенных пунктах. Исследователь из Таджикистана Б. Раззоков объясняет это традиционными патерналистскими тенденциями¹⁵, свойственными восточным цивилизациям, что, дескать и обуславливают определенную жесткость государственного управления.

*Хопёрская Л.Л.,
д.полит.н., профессор,
Институт философии, политологии и
права АН РТ,
г. Душанбе, Таджикистан*

¹⁵ «Это выступает залогом спокойствия и созидания в обществе, стабильного развития страны, обеспечения прав человека и справедливости» (Раззоков Б.Х. Проблемы теории и практики организации исполнительной власти Республики Таджикистан. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014., сс.14-15).

НКО в практике интеграции разнородных сообществ и предупреждения конфликтов

В данной статье мы хотим ознакомить читателей с опытом, полученным НКО «Международное ненасилие»¹ в ходе реализации проекта «Разработка моделей снижения конфликтности и содействие взаимной интеграции представителей разных культур в рамках повседневного взаимодействия», осуществленного на средства федерального гранта. Как представляется, этот опыт может быть интересен не только исследователям и активистам НКО, но всем тем, кому, независимо от сферы деятельности, приходится выстраивать диалог с представителями этнокультурных сообществ, заниматься в своей повседневной практике вопросами, связанными с проблематикой межнациональных отношений. Это представители государственной власти и органов местного самоуправления, сотрудники правоохранительных структур, работники сферы ЖКХ, учителя, люди, работающие в сфере культуры и многие другие.

Наша цель – на основании накопленного опыта дать некоторые практические рекомендации в организации мероприятий по содействию интеграции разнородных сообществ и профилактике конфликтов, выработанных нами в условиях Московского мегаполиса. Эти мероприятия затрагивали, в основном, вопросы взаимоотношений между местным населением и трудовыми мигрантами – весьма актуальную проблему в сегодняшней Москве. К сожалению, столица не раз за последние годы становилась «горячим» регионом с точки зрения межэтнических взаимоотношений, достаточно вспомнить коллизии в Бирюлево осенью 2013 г. и более ранние события.²

¹ Региональная общественная организация содействия укреплению мира «Международное ненасилие» (Москва)

² Романов М.В., Степанов В.В. Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде. По следам событий на Манежной. - М.: Общественная палата РФ, 2011, сс. 1 – 75; Романов М.В., Степанов В.В. Беспорядки на Манежной площади в восприятии молодежи // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического монито-

Мы строили свою работу по следующим направлениям: проведение работы по изучению наиболее распространенных ситуаций взаимодействия разных этнокультурных сообществ (что важно для определения возможных вариантов действий, направленных на улучшение отношений между ними); организация диалогов / дискуссий между представителями различных этнокультурных сообществ таким образом, чтобы они сочетали как инклюзивность (включение представителей групп с разными, порой – противоположными взглядами), так и конструктивность обсуждения; обучение людей, сталкивающихся в своей повседневной деятельности с вопросами межобщинных взаимоотношений; осуществление практических интеграционных мероприятий в реальных современных условиях повседневного взаимодействия разнородных сообществ.

Отдельно нужно объяснить особую роль НКО в осуществлении подобных мероприятий. Эта роль объясняется несколькими обстоятельствами: НКО не уполномочены «говорить» от имени государства или раз и навсегда определенной группы и могут включать в концепцию своей стратегии представления и видения ситуации, исходящие от самых разных сообществ вне ограничивающих инструкций; НКО может пробовать несколько моделей, на ходу перестраивать стратегии и получать гибкий график, не тратя время на согласование всех изменений со многими инстанциями.

В исследовательской работе важна готовность услышать самые разнообразные точки зрения, даже совершенно противоположные. При этом нужно быть готовым, что те, кто бывает против интеграции на словах, реально проявляют активность в повседневном общении и взаимодействии с «другими» сообществами (пусть нередко и конфликтным). И наоборот, те, кто любит говорить о своем миролюбии, далеко не всегда готовы к реаль-

ринга и раннего предупреждения конфликтов /Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2011, сс. 22-30.

ному взаимодействию. Наш опыт показывает, что далеко не всегда люди готовы реалистично смотреть на взаимодействие разных сообществ с практической точки зрения, предпочитая произносить общие слова о межнациональном согласии, интернационализме и т.д. В этом случае важно помочь им осознать как проблемы, так и возможные преимущества от такого практического подхода, показывая, например, риски от отсутствия интеграции, если выгоды от нее им не очевидны.

В 2013-2014 гг. сотрудники НКО «Международное ненасилие» провели 16 экспертных интервью и 6 фокус групп, охвативших различные категории населения: представителей местных жителей – как обычных граждан, так и активистов общественных организаций, депутатов муниципальных собраний, активистов органов местного самоуправления; представителей трудовых мигрантов из стран Средней Азии - коллективы мигрантов, активистов соответствующих этнокультурных и правозащитных организаций; представителей новых жителей Москвы – выходцев из кавказского региона - группы студентов – уроженцев Северного Кавказа, представителей соответствующих этнокультурных организаций, активистов интеграционных инициатив.

Эта, достаточно ограниченная и по масштабу и по задачам исследовательская деятельность, тем не менее, позволила выявить несколько проблемных ситуаций, а также определить для них потенциальных действующих субъектов в том числе: проблему противостояния жильцов группы домов и мигрантов, которых управляющие компании ЖКХ нелегально и без ведома самих жильцов селят в подвалах и чердаках домов, а также в выселенных домах, становящихся, по сути, нелегальными общежитиями. В подобных общежитиях жители видели угрозу в связи с антисанитарией, а в самих мигрантах - носителей антисанитарии и угрозу своему образу жизни и социальным нормам; проблему тревожности местных жителей по поводу того, что работы по уборке территории дворов проводят различные группы незнакомых им людей, которые не вступают в разговоры с жильцами, видимо в силу незнания русского языка из-за чего у жителей возникает

ощущение, что в их собственном дворе их окружают «чужие».

В ходе исследований нередко выясняется, что обычные социальные явления воспринимаются в массовом сознании через призму «этнокультурных» стереотипов. Это, в свою очередь, позволяет определить направления работы по восстановлению взаимопонимания и доверия, преодолению тех заблуждений, которые осложняют взаимодействие различных групп. Так, в одном случае группа местных жителей высказалась во время фокус-группы, что расположенное неподалеку кафе, где раньше было принято проводить неформальный досуг, после того, как оно стало «таджикским», перестало быть общедоступным. Естественно, никакого формального запрета нет, но местным людям «неуютно», так как теперь там собирается группа земляков хозяев кафе, звучит другая музыка, повысились цены. Дальнейшее исследование показало, что доступность кафе изменилась, в основном, в связи с тем, что оно было преобразовано в современный ресторан достаточно приличного уровня, что и сказалось на ценовой политике.

Исследовательская деятельность способна помочь в определении стратегии дальнейшей работы по преодолению противоречий между различными группами населения тем, что она позволяет выявлять скрытые аспекты взаимодействия, определять лидеров сообщества, через которых возможно на него воздействовать, диагностировать интересы и потребности различных групп.

Разумеется, количество проблемных ситуаций, выявленных в ходе исследований, может быть значительным, но, скорее всего, они будут выстроены вокруг немногочисленных «линий разделения», например, наличие взаимных предубеждений, отсутствие информации о причинах нахождения в городе мигрантов, об их вкладе в развитие города, присутствие в прессе материалов и публичных высказываний, эксплуатирующих взаимные фобии и стереотипы. Также свою роль играет отсутствие четких и отлаженных механизмов организации иностранной рабочей силы, площадок для позитивного и целенаправленного взаимодействия разных категорий жителей Москвы.

Для того чтобы определить направления действий по преодолению существующих проблем, в ходе исследования важно выяснить возможные интересы и выгоды каждого сообщества от взаимодействия. Интеграция должна осознаваться нужной не по абстрактным, а по совершенно конкретным мотивам (например: установление более доброжелательной атмосферы взаимодействия среди жителей и работников ЖКХ, продавцов и строителей во дворе, улице, спортзале, аудитории). Возможно, также использовать к взаимной выгоде ресурсы каждого из сообществ, например свободное время и опыт пенсионеров - старожилов, которое может быть посвящено повседневному просвещению «новожителей» правилам жизни в «нашем» дворе - в обмен на энергию и молодость «новожителей» или мигрантов, которые могли бы помогать пенсионерам. Исследовательская работа, даже самая элементарная, важна тем, что она позволяет «нащупать путь» к преодолению имеющихся противоречий и непонимания, выявить потенциальные точки взаимодействия и сотрудничества.

В ходе многих интервью среди жителей ряда домов в г. Москве было замечено, что зачастую, для пожилых местных жителей, мигранты и «новые» москвичи являются нежелательными не как носители конкретных неудобств или нежелательных последствий своего присутствия, а как символы нежелательных изменений. Они видятся как символы окончания «нашего» мира с понятными нам правилами, ценностями и нормами и наступления нового времени, которое часто совпало с окончанием активного возраста для нынешних пенсионеров 70-75 лет и их ухода на обочину «большой жизни». Поэтому, во всех новых явлениях (новые лица, новые традиции, новые голоса и языки на улицах Москвы) они склонны видеть признаки не только «инога», но и враждебного. Да и мигранты, живущие в съемных квартирах, говорили, что чаще всего слышат неодобрительные высказывания в свой адрес именно от «бабушек».

Чтобы преодолеть эти тенденции, решено было провести специальную встречу в кафе «Микс-Макс» не только для Совета ветеранов Войковского района, располагающегося в этом же доме,

но и для пенсионеров, переехавших в Москву в разные годы из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Встретившись в спокойной обстановке, ровесники смогли обсудить свои впечатления жизни «раньше» и «теперь» и убедиться, что в их восприятии мира больше сходного, чем отличного друг от друга. Это чувствовалось по их выступлениям и подтверждалось тем, что некоторые участники продолжили общение уже вне наших встреч. Вряд ли мы изменили что-то в самоощущении пенсионеров в целом, но мы помогли им осознать, что культурная «инаковость», отнюдь не означает социальной чуждости. Это поможет видеть им в лицах встреченных «новомосквичей» просто людей, ищущих в Москве решения своих проблем, а не носителей какой-то враждебной воли.

Организация диалога. Само по себе изучение проблемы является лишь предварительным шагом в направлении ее решения. А первые реальные действия предполагают организацию диалога «сторон». От того, как подготовлен подобный диалог, насколько он обеспечен организационно, а также от наличия у тех, кто его проводит, опыта в сфере *медиации* (одна из технологий разрешения споров с участием нейтрального посредника – медиатора) и *фасилитации* (процесс оказания помощи группе в выполнении задачи, решении проблемы) зависит эффективность предпринимаемых усилий.

В рамках работы НКО «Международное ненасилие» отработывалось три варианта по выстраиванию диалога и взаимодействия представителей разнокультурных сообществ. В первом случае взаимодействие развивалось на основе территориального фактора – между жителями определенного квартала и работающими там же трудовыми мигрантами. Во втором случае, людей объединял тематический фактор (посещение спортивного клуба).

Предметом обсуждения на дискуссиях должны быть не образы или особенности «других» сообществ, а список проблем или коллизий, проистекающих от отсутствия взаимодействия сообществ. Так же важно, чтобы дискутирующие, представляя свой взгляд на проблему, показывали, как эта проблема ощущается

своим сообществом, проводили очевидные параллели между ощущаемым «своим» сообществом неудобством и присутствием или деятельностью «других» сообществ. Обычно это сделать довольно трудно и эмоциональный пафос обличения "их вообще" снижается. Точно также, важно просить аргументировать свою позицию сторонников «дружбы народов». Будет лучше, если положительные стороны взаимодействия тоже будут рассмотрены не абстрактно, а через призму конкретных преимуществ в отдельных ситуациях.

В идеале – желательно, чтобы к концу дискуссий у каждого участника формировался бы план собственных действий по укреплению интеграции, если об этом заявляется в выступлении.

Например: в ходе дискуссий во дворе дома, некоторые пенсионеры возмущались громкостью и частотой разговоров на "нерусском" языке, которые ведут «новомосквичи», живущие или работающие по соседству. Им было предложено оценить эти разговоры с точки зрения шумового воздействия: являются ли они источником неблагоприятных изменений здоровья. Выяснилось, что нет. Раздражает их громкость и непонятность. Действительно, в крупных городах принято снижать громкость речи при разговоре по телефону, да и говорят друг с другом москвичи заметно меньше, чем недавно приехавшие, для которых общение с многочисленными родственниками и знакомыми зачастую единственный доступный вид досуга. После объяснения всех этих условий и знакомства с некоторыми из "раздражителей", их разговоры более не казались вызывающими. Да и сами мигранты признавались, что видя недоуменные лица окружающих во время их разговоров, начинают привыкать снижать громкость.

Другой случай, некоторые работники "этнического кафе" жаловались на предвзятое к ним отношение со стороны некоторых жильцов, как правило, преклонного возраста. По их словам жильцы выказывали недовольство самим фактом присутствия "чужаков" на московской земле. После беседы с этими жильцами и приглашения их на мероприятия, выяснилось, что они возмущались конкретными негативными ситуациями: дополнительный

мусор и шум во время массовых мероприятий, неприятный запах в периоды неисправности воздушно очистительной системы. Работники кафе домыслили это в удобных для себя понятиях, как этническую неприязнь. Позже, когда владелец все выяснил и устранил недостатки - нарекания прекратились.

Наш опыт показал, что ситуации, где одной из сторон взаимодействия является территориальное сообщество местных жителей, лучше обсуждать в рамках трехстороннего формата с участием, с одной стороны, представителей организаций мигрантов, этнокультурных объединений и представителей управляющих компаний; с другой стороны - Советов собственников, инициативных групп жильцов; с третьей стороны - представителей местной власти, а также руководителей мест публичного общения (кафе, зоны отдыха, спортивные учреждения) и общественных объединений общегражданского характера (журналисты, эксперты, художники, социальные работники), также заинтересованных в реализации подобных проектов, исходя из миссии собственной организации.

В ходе ряда дискуссий, проведенных в разном формате (групповые встречи, фокус-группы, общение через социальные сети) постепенно выясняются отдельные аспекты взаимодействия различных сторон. В частности «антимигрантски» настроенные общественные организации могут не видеть для себя смысла участия в интеграционных мероприятиях, но при этом не отказываться от участия в дискуссиях и от получения информации о планируемых инициативах и мероприятиях. Такой вариант оставляет надежду на то, что в ходе обмена мнениями разных сторон и получения ими новой информации, их позиции будут постепенно меняться.

В реализации социально-значимого проекта так и произошло - активные противники привлечения мигрантов, выступающие за замену их местным населением, не изменили принципиальной позиции, но их аргументы изменились. Они стали больше говорить о совершенствовании процедур привлечения мигрантов, трудностях замещения их жителями из других регионов России. Однако в ходе дискуссий выяснялось, что они против

именно среднеазиатских мигрантов и не возражают на тех же условиях от привлечения жителей Белоруссии или Украины. Таким образом, стало очевидно, что важным мотивом для них были именно ксенофобские опасения присутствия культурно «иных» в городе, хотя сами они их таковыми не осознавали, говоря, что «вот если бы мигранты привлекались только на время и на четких условиях», тогда они не были бы против.

Важным результатом диалогов и дискуссий является то, что в их ходе выявляется недостаток достоверной информации о мигрантах «в нашем дворе». Этот аспект проблемы нередко выявляется еще на этапе исследования, но именно диалоги и дискуссии позволяют его в полной мере осознать участникам, помогает частично его преодолеть и определить пути для его нивелирования. Поэтому крайне важно, чтобы диалоги и дискуссии по проблемам интеграции происходили непосредственно «на местах», с вовлечением, как местного населения, так и мигрантов. Сегодня у представителей этнокультурных организаций, как правило, есть опыт проведения мероприятий для местного населения, связанных с просвещением жителей об особенностях культуры разных народов. Сам по себе этот опыт полезен, но его эффективность часто ограничена тем, что такие мероприятия проводятся в специальных местах: библиотеках, школах, ВУЗах, то есть там, где редко бывают рядовые жители обычных московских дворов, которым не нравятся мигранты.

А на рядовом, повседневном уровне местных жителей обычно беспокоит не специфика культуры мигрантов, а их слабая включенность в жизнь местного социума. Жители не знают, в большинстве своем, что это за люди, зачем они здесь и в каких условиях они живут. Попытки узнать об этом часто натываются на нежелание их работодателей содействовать таким контактам. В то же время, у жителей возникают периодические, но бессистемные контакты с мигрантами по поводу помощи в тяжелых работах.

Понятно, что на такой базе регулярного взаимного узнавания не построить. Именно поэтому в ходе диалогов и дискуссий важно искать пути модификации

опыта этнокультурных объединений и возможностей для привнесения интеграционных мероприятий прямо туда, где живут люди: во дворы.

В ходе работы НКО «Международное ненасилие» было решено опробовать модель по трансформации конфликтной ситуации вокруг «этнического кафе» для превращения его в «интеграционный центр» для местного сообщества. Это тоже оказалось нелегко, так как кафе, рестораны – коммерческие организации ориентированы, прежде всего, на прибыль, и всеми другими задачами, социальной направленности, они готовы заниматься только во вторую очередь. Поэтому поиски кафе, администрация которого была бы заинтересована в осуществлении интеграционных мероприятий в своем помещении и предоставляла бы для этого свои ресурсы, продолжались три месяца.

В результате, после долгих поисков, было решено опробовать территориальный аспект интеграционных мероприятий на площадке в районе метро Войковская. В этом районе находилось кафе «Микс-Макс», принадлежащее выходцу из г. Ош (Киргизия), этническому узбеку, который был не против представить свои возможности для интеграционных инициатив. Партнером в данной работе со стороны соответствующих этнокультурных объединений выступили МОО «Узбекская НКА» г. Москвы и РОО «Нур», представляющая интересы таджикстанцев – памирцев. Местных жителей представляли Совет собственников одного из домов и группа активистов из другого дома, расположенного по соседству. На протяжении месяца шли дискуссии на базе кафе с участием также Школы русского языка, расположенной неподалеку, Совета Ветеранов Войковского района Москвы и группы школьников близлежащих школ, проживавших в непосредственной близости от кафе.

Жители соседних домов по-разному отнеслись к идее таких мероприятий, но постепенно некоторые из них стали постоянными участниками таких встреч, образовав актив, который был назван «Советом по интеграции».

Что касается местной власти, она не проявляла большой заинтересованности, но и не препятствовала нашим встречам,

будучи осведомленной о том, что они происходят. Представители управляющей компании, также возглавляемой мигрантом, проявляли весьма прохладное отношение к проводимым инициативам: руководители структур ЖКХ сначала уклонялись от встреч, потом соглашались хотя бы не препятствовать проведению мероприятий.

В ходе диалогов были определены и обсуждались конкретные интересы сторон. Совет собственников жителей домов был заинтересован в создании благоприятной атмосферы во дворе (куда выходит и кафе «Микс-Макс»), так как население двора многонационально и иногда на стенах дома появляются националистические надписи. Жители также были озабочены проблемой досуга детей и рассматривали мероприятия проекта как условия для организации их досуга. Кроме того, у жителей, к сожалению, были утеряны традиции совместного проведения любых мероприятий, кроме сходов по решению проблем в сфере ЖКХ. Поэтому интеграционные мероприятия во дворе могут стать стимулом для объединения жильцов – решая вопросы интеграции мигрантов, они также позволяют сплотить и представителей местного сообщества. Администрация кафе была заинтересована в повышении «лояльности» жителей окружающих домов к своей продукции, к доброму отношению со стороны жильцов. Эти мероприятия повысят узнаваемость кафе, помогут преодолеть отрицательное к нему отношение той части жителей, чьи квартиры расположены прямо над кафе (они жаловались на шум по вечерам, выхлоп горячего воздуха из кафе). Этнокультурные организации были заинтересованы в расширении площадок, где мигранты и «новожители» из числа их сообществ имели бы возможность на регулярной основе взаимодействовать со «старожилами» и вливаться в их социум. Таким образом, позволяя определить конкретные интересы, подобные диалоги делают акцент на мероприятиях повседневного характера, которые бы отвечали ежедневным запросам сторон, как участникам единого территориального сообщества, а не только были ориентированы на взаимодействие групп граждан.

В то же время, важно отметить, что в ходе дискуссий могут выявиться и многочисленные факторы, препятствующие дальнейшему развитию возможностей для развития практической деятельности по взаимодействию различных групп на уровне конкретных территориальных сообществ: дворов, общежитий и т.д. Они могут включать в себя, например, отсутствие веры среди общественных организаций и местного самоуправления в сотрудничество со стороны управляющих компаний, а также и стремление самих управляющих компаний уйти от конкретных обсуждений. А без них, без тех, кто привлекает и организует деятельность и проживание мигрантов в жилых массивах, интеграционные мероприятия теряют свой важнейший компонент – те мигрантские сообщества, которые находятся в повседневном взаимодействии с местными старожилами оказываются слабо или вообще не вовлеченными в интеграционные мероприятия. Конечно, даже при отсутствии взаимодействия с управляющими компаниями, мигранты могут быть субъектами интеграционной деятельности во вне рабочее время в индивидуальном порядке: они могут быть участниками или зрителями культурных мероприятий, различных видов активности этнокультурных организаций. Но в этом случае теряется ключевое свойство территориальной интеграции: повседневность, рутинность, регулярность взаимодействия одних и тех же людей в рамках одного и того же территориального контекста. Только в этом случае люди постепенно привыкают считать друг друга членами одного территориального сообщества, невзирая на этнические различия.

В ходе работы на площадке вокруг кафе «Микс-Макс» самими участниками дискуссий были предложены различные мероприятия, включающие в себя: организацию кулинарных фестивалей силами жителей дома и сотрудников кафе; проведение своеобразных «вечеров знакомств», где мигранты, работающие во дворе, и жители дома обменивались бы своими жизненными историями и лучше понимали бы друг друга; проведение детских конкурсов; мастер-классов по кулинарии разных народов; совместная уборка территории двора и так далее. Предпола-

галось, что в каждом случае, сами жители и активисты этнокультурных объединений должны были сами определять конкретный формат мероприятия.

Тем не менее, стало очевидно, что «с ходу» начать реализацию всех намеченных действий нереально. Слишком сильна психологическая дистанция между группами, как велик и разрыв между готовностью внести предложение в приятной дискуссионной обстановке и способностью реально работать над его осуществлением. Поэтому, первые мероприятия решено было провести на базе традиционных праздников, с использованием культурных компонентов. В конце марта, азиатские народы празднуют Новруз, а в конце апреля православные москвичи празднуют Пасху. Решено было 22 апреля, после Пасхи провести праздничное мероприятие во дворе большого дома, где находится кафе.

Помимо работы на уровне конкретного территориального сообщества, рассматривался и аспект, связанный с вопросами взаимодействия разных групп молодежи, которые живут в разных районах, но встречаются в ходе совместной учебы, досуга, спортивных тренировок.

Дискуссии с соответствующими группами позволили предложить достаточно неожиданную модель работы по данному направлению – было решено сделать акцент на работе с молодежью, посещающую тренировки в клубах боевых искусств. Там тренируются люди, которые имеют навыки силового решения конфликтов, однако важно, чтобы они при этом были готовы к восприятию специальных навыков и знаний по несиловым методам разрешения сложных бытовых ситуаций. К тому же учитывалось, что к занятиям в таких клубах люди приходят из желания сбрасывать агрессивную энергию именно в спортивном зале и не нести ее «на улицы».

Сегодня в Москве существуют сотни таких клубов, причем часто большинство из спортсменов в конкретном клубе состоит из людей одной национальности. Поэтому было решено обсудить возможность включения элементов занятий по прикладному миротворчеству в практику тренировок, с участниками одно из таких

клубов, где занимаются представители в основном киргизской молодежи.

Такие занятия позволили бы продемонстрировать навыки ухода от конфликта, показать, как можно оценивать и прогнозировать уличные конфликтные ситуации, познакомить с опытом разрешения конфликтов у разных народов.

Взаимодействие и интеграция. Успешное преодоление напряженности и содействие интеграции разно-культурных сообществ, как правило, требует не только эффективной исследовательской деятельности и организации диалога различных сторон, но и проведения практических мероприятий, в ходе которых представители различных сообществ объединяют свои усилия. Важно, чтобы такая практическая деятельность отвечала двум основным условиям: она должна вести к изменению ситуации, которая на уровне дискуссий описывалась как проблемная и неблагоприятная; в ней должны реализовываться повседневные интересы или пожелания всех участников ситуации.

Например, если речь идет о ситуации внутри двора или группы домов, то субъектами обсуждений и деятельности должны быть как мигранты или «новомосквичи» вместе с организациями, представляющими их интересы и привлекающие их для работы в Москве, так и органы самоуправления или инициативные группы жильцов, отражающие интересы «старомосквичей». Кроме того, важно привлекать органы местного самоуправления, общественные организации общегородского характера, журналистов, культурно-досуговые и другие учреждения, располагающие помещениями.

Добиться этого не так просто, как кажется. Если у нас есть люди или сообщества, уже настроенные на интеграцию или готовые к ней, то тогда в чем будут изменения? Если же в мероприятиях не будут реализовываться интересы участников, то сами мероприятия ничего не дадут, даже в случае их успешного проведения.

Например, если, как в нашем случае, у части жителей дома было недоверие к мигрантам, то даже если бы они с удовольствием отведали бы плова и насладились бы узбекскими танцами, то их недоверие бы вряд ли сразу сильно уменьшилось. Ведь они опасались не узбекской

культуры, а конкретного поведения непохожих на них людей, которые находятся рядом с ними и живут, исходя из правил и норм, неизвестных жителям. Поэтому, они видят в мигрантах во дворах – «чужих». Не всегда враждебных «чужих», но, как минимум, не «наших».

Для того, чтобы это недоверие уменьшилось, нужно, чтобы эти «другие», вместе с «нами», решали бы общие с «нами» задачи, сохраняя при этом свое культурное своеобразие, но становясь членами «нашего» условного дворового социума.

Это значит, что важно, чтобы в мероприятиях участвовали не представители или носители узбекской, киргизской, таджикской культуры «вообще», а конкретно те люди, которые уже живут или работают рядом с нами.

Поэтому важно заручиться поддержкой местной власти и тех организаций, которые нанимают или организуют труд мигрантов. Пока они относятся к подобным инициативам НКО весьма сдержанно, а иногда – холодно, зачастую не возражая прямо, но уходя от сотрудничества, ссылаясь на занятость. Нередко сами представители этих кампаний ссылаются на негостеприимность москвичей и на отсутствие с ними взаимопонимания по поводу оценки работы ЖКХ, но на приглашения вступить в непосредственный контакт с жителями в ходе мероприятий часто не отвечают. В связи с этим представляется рациональным сделать частью критериев оценки эффективности работы этих компаний - работу по интеграции мигрантов, живущих или работающих в непосредственной близости с местными жителями. В конечном счете, это позволит упростить им контакт с самими жителями, что будет полезно им в работе. И, безусловно, это полностью соответствует приоритетам концепции национальной политики Российской Федерации.

В ходе работы на площадке вокруг кафе «Микс-Макс» было организовано несколько практических мероприятий. Так, как уже упоминалось, 22 апреля 2014 г., во дворе дома по адресу Ленинградское шоссе 8/2, был организован дворовый праздник, в организации которого участвовали администрация кафе «Микс-Макс», МОО «Узбекская НКА» г. Москвы,

Совет Собственников дома н. 8/2 по Ленинградскому шоссе и, расположенного в этом же доме. Активны были также Совет ветеранов Войковского района, РОО «Нур», Школа русского языка при школе рабочей молодежи № 90. В этот раз к мероприятию присоединились представители РОО «Трудовые мигранты из Кыргызстана» и молодежной организации кыргызских студентов в Москве. Участники были рады приветствовать режиссера Дмитрия Лисовского, известного своими постановками с участием трудовых мигрантов из Таджикистана, журналистов интернет издания «TheVillage», городского дома молодежного творчества, социальных работников района, активистов общественной организации по работе с людьми с ограниченными возможностями физического развития, которые пришли с детьми.

Проведению мероприятия предшествовали несколько дискуссий в помещении кафе при вовлечении в обсуждение интернет аудитории через группу в ФБ «Диалоги об интеграции». В подготовке и проведении мероприятия принимали участие рабочие, ремонтирующие ограду двора, а вот работники ЖКХ, работающие в этом дворе, оказались именно в этот день переброшенными на другой участок и смогли присоединиться лишь под конец праздника. Трудно сказать, было ли это случайным совпадением, или выражало реальное отношение к интеграционным инициативам со стороны соответствующей управляющей компании. Все участники мероприятия сначала помогали в расчистке площадки для того, чтобы можно было поставить столы. Буквально в день проведения было получено согласие от местной управы, но ее представитель так и не появился, а участковый сотрудник полиции следил за порядком издалека.

Из общего количества участников (около 50 человек), примерно треть составляли местные жители, которые были заранее приглашены или подходили и присоединялись по ходу, треть – представители НКА разных сообществ, и треть - представители разных общественных организаций.

В программе были информационные выступления по поводу празднования Пасхи и обрядов, с ней связанных (на столе были пасхальные куличи и краше-

ные яйца), рассказ о празднике Новруз и угощение традиционным среднеазиатским блюдом «Сумальяк», которое было заблаговременно приготовлено МОО «Узбекская НКА» г. Москвы и доставлено на дворовой праздник в специальных удобных упаковках. Так же были узбекские народные танцы, в исполнении танцевальной группы МОО «Узбекская НКА» г. Москвы, звучали стихи М. Цветаевой и А. Ахматовой, исполнялись русские романсы и народные песни силами учителей и учеников Школы русского языка.

В целом, все прошло по намеченному плану, все остались довольны. Правда, от ряда местных жителей, не участвовавших в мероприятии, прозвучала определенная критика, но скорее не обескураживающая, а стимулирующая. Дело в том, что небольшая группа (5 человек) жителей двора была возмущена тем, что ее заранее не поставили в известность о мероприятии и выражала свое возмущение с использованием ксенофобских высказываний «почему у Вас за праздничным столом только иноверцы», «почему у Вас есть танцы узбекских красавиц, но нет русских» и т.д. Но позже, стало чувствовать, что в основе такой реакции – обида, что «со мной не посоветовались, я бы лучше предложила» и т.п. Решено было непременно использовать в следующий раз творческий потенциал всего двора. Как сказал один из руководителей МОО «Узбекская НКА» Москвы – «раз кидают палки в деревья, значит, там есть плоды». То есть мы, пробудили у жителей желание реализовываться в подобных инициативах. И хотя упреки, что «заранее не предупредили» - отчасти справедливы, проблема с информированием жителей была определена отсутствием согласования на уровне управы до самого последнего момента. Плюс же в данной ситуации можно назвать появления у участников мероприятия опыта диалога и отстаивания своей позиции перед лицом неблагоприятно настроенной аудитории.

По итогам мероприятия возникло несколько инициатив, связанных с использованием технологий театра, молодежных конкурсов (удалось выявить благоприятное отношение «дворовой молодежи»), заручиться обещанием участия дворовых мигрантов.

Если последовательно расширять практику интеграционных мероприятий, то они постепенно выходят за рамки «демонстрационно-культурного» формата. Постепенно, через них и местные жители и мигранты начинают обращаться друг к другу уже вне собственно контекста самих мероприятий (в рамках проекта они назывались «Советами по интеграции»). И задачей организаторов / фасилитаторов становится поддержка, по мере сил, их собственных начинаний. Это – ключевой момент в развитии интеграционной работы: то что «они» (мигранты, с одной стороны и «местные», с другой), начинают видеть друг в друге «нас»: соседей, прежде всего. Поначалу это касается довольно узких сфер деятельности. Но это только в начале.

Летом во дворе около кафе стали делать капитальный ремонт территории. Была приглашена бригада строителей из Таджикистана и Армении. Их работа оплачивалась из отдельного бюджета. Но часть местных жителей, то и дело просила их сделать, то одну, то другую мелочь удобную около «своего» подъезда, не предусмотренную планом работ. В ответ жители часто угощали строителей, разнообразя их скудный обед, то фруктами с дачи, то пирогами и бутербродами собственного изготовления. За два месяца ремонта и строители и жители и дворники, которые также участвовали в работах, сдружились. Жители захотели на прощание угостить строителей. Строители, узнав об этом, также решили внести свой вклад в это угощение, сказав, что традиция совместной трапезы после совместной работы называется асар. К этому подключилось кафе «Микс-Макс» и получился «Обед благодарности», во время которого жители и строители угощали и благодарили друг друга за понимание и сотрудничество.

Теперь дворники этого двора (тоже из Таджикистана) стали более активно общаться с местными жителями. Раньше они вежливо здоровались и старались «уйти в тень». Теперь они готовы обсуждать «с местными» самые разные темы. Ведь теперь у них с жителями есть собственная, пока не большая, но общая история сотрудничества за рамками должно-

стных обязанностей. Их «общая повседневность» расширилась.

Расширились и сферы взаимодействия. Одна из участниц проекта, педагог на пенсии, организовала курсы по русскому и английскому языку для 5 человек из числа детей мигрантов у себя дома. У другой активистки один из дворников попросил книги по истории России, и с этого началась содействие данного педагога по подготовке к будущему экзамену для трудовых мигрантов. Также, обсуждается идея совместных экскурсий-прогулок местных жителей и мигрантов по району проживания и по Москве в целом.

Важным практическим выводом из приведенного выше примера является необходимость такого выстраивания практических мероприятий, чтобы не возникало ситуаций, когда часть жителей думает, что за них «кто-то и что-то решает». Также, в ходе осуществления подобной работы нужно быть готовым к проявлению мультипликативного эффекта, когда одно успешно осуществленное мероприятие порождает вслед за собой целый ряд новых и весьма интересных инициатив. С одной стороны – это важный критерий успеха проводимой работы, с другой стороны – дополнительный вызов, так как зачастую организаторы не в состоянии должным образом поддержать все замечательные идеи и предложения, рождающиеся в ходе взаимодействия.

Опыт работы с местными сообществами, связанными не территориально, а «тематически», например, в формате участников спортивного клуба, показывает, что практически в любую такую площадку можно внедрять подходы и мероприятия, направленные на содействие интеграционным процессам. Необходимо однако учитывать специфику деятельности подобных клубов, которая проявляется в двух обстоятельствах: во-первых, туда ходят люди, которые в большинстве своем работают целый день и потом едут в клуб на тренировку, после чего им еще нужно ехать домой. Это накладывает свои ограничения на время проведения специальных мероприятий и на арсенал применяемых средств. Если туда ходят мигранты, которые живут вдали от дома, то они используют клуб не только для повышения спортивного мастерства, но и для

коммуникации «со своими». Это, с одной стороны, облегчает их пребывание в чужом городе, с другой – уменьшает их потребность в общении с «не своими».

Учитывая эти обстоятельства, можно рекомендовать для работы в таких клубах в рамках общей задачи на развитие интеграционных навыков подходы, несколько различающиеся в зависимости от характера данных учреждений. В тех клубах, где тренируются спортсмены из разных этнических групп (разных национальностей), разумно сосредоточиться на расширении опыта прикладного миротворчества с использованием навыков, наработанных в разных сообществах для выхода из конфликтных ситуаций.

В рамках проекта серия занятий прошла в спортивном клубе «Универсал», где среди спортсменов доминировали киргизы, но примерно 15% составляли русские из близлежащих кварталов. С помощью координатора проекта по межобщинному взаимодействию, который имел опыт подобных занятий среди «кавказских» спортсменов, нам не трудно было организовать дискуссии и моделирование ситуаций, в которых участники могли как использовать личный опыт, так и расширить его за счет того, что они видели, как их соседи по тренировкам по-другому представляют то, чего и как нужно «добиваться» в конфликтных ситуациях. Взаимообогащению помогает и то, что тренировки в клубе проходят на разных языках.

Работа в клубах, где состав спортсменов моноэтнический, связана с тем, что их участникам бывает вполне комфортно жить и работать, и тренироваться «среди своих», и они не ощущают социальной изолированности. Работая с ними, нужно сосредоточиться на актуализации «потребности в интеграции». Как выяснилось в ходе общения со спортсменами, они с трудом вступают во взаимодействия с «другими» людьми, хотя, естественно, не могут совсем исключить такого общения. Это приводит к трудностям, они нередко чувствуют себя на обочине социальной жизни. Занятия помогают им понять, в каких ситуациях им было бы лучше, если бы они легче общались с «местными». Это метод актуализации потребности в интеграции «от противного»: не говорить об интеграции, а вовлекать в упражнения,

где они понимают минусы своей ситуации, из-за того, что они не свои «здесь». Соответственно, чтобы изменить минус на плюс, пробуждается интерес к тому, чтобы быть более интегрированным.

В клубе «Айколь-Манас» занимаются только киргизы, выходцы из южных областей, которые в Москве, как правило, не более года. Во время первой встречи большая часть из них сообщила, что они долго в Москве не пробудут, буквально через несколько месяцев уедут домой. Никаких особых проблем у «местными» у них нет, так как они стараются не общаться с ними. Во время разговора присутствовали несколько ребят постарше и тренер, которые тоже уверяли, что, в недалёком будущем, уедут домой, но при этом находятся в Москве уже по 10-13 лет. Видно было, что более молодые спортсмены с сомнением относятся к их словам.

На протяжении нескольких недель с ребятами проводились занятия, в ходе которых они могли убедиться, что в их отношении к миру доминирует установка на соперничество, что необходимо в спортивных силовых единоборствах, но не всегда ведет к успеху в жизни. Вот тут и выяснилось, что навыки сотрудничества, да еще и не со «своими», которых большинство вокруг, у них развиты слабо. Во время следующей беседы, на тему перспектив своей дальнейшей жизни, большинство уже написало, что проведут в Москве несколько лет и подчеркивали важность общения с окружающими.

Понятно, что спортивные клубы – лишь одна из множества площадок, объединяющих людей по тематическому принципу. На данном примере мы хотим продемонстрировать, что возможности для успешных «интеграционных» мероприятий существуют практически на любой подобной площадке. Активный и творческий поиск возможностей для проведения подобной работы – вот что требуется тем, кто заинтересован в развитии взаимопонимания, предотвращении напряженности и конфликтов между представителями многочисленных национальностей и культур, проживающих в городах России.

Упражнения по актуализации потребности в интеграции представляют собой не лекции, на которых спортсменов убеж-

дают быть «более интегрированным», а игровые мини-тренинги, в ходе которых разыгрываются и анализируются различные стратегии взаимодействия в конфликте (избегание, компромисс, доминирование, сотрудничество) и участники через собственный опыт убеждаются, что те группы, которые использовали стратегию «сотрудничества» быстрее выполняли поставленные задачи.

Кроме того, с помощью психолога спортсмены разбирали качества, которые помогли бы им быстрее добиться поставленной цели, пусть даже совсем «не интеграционной», например - поскорее заработать побольше денег (на постройку дома, создание семьи, покупку автомобиля, открытия собственного бизнеса и т.д.) и уехать домой. Выяснилось, что быстрее достигает этой цели тот, кто больше интегрирован в местный социум. Ему комфортнее жить с соседями и со всеми незнакомыми вокруг, он раньше достигает доверия руководства, получает доступ к высокооплачиваемой работе и больше зарабатывает и т.д. Тот, кто старается быть только среди «своих» - у того меньше шансов на успех. Такие упражнения соответствуют психологическим установкам спортсменов – побеждать, и в этом случае интеграционные навыки (например, заговорить при необходимости с незнакомым человеком на улице, позвать на помощь) воспринимаются в качестве таких же умений, которые нужно и можно тренировать, как например техника тех или иных бросков. И те и другие помогают «победить».

В то же время, в ходе занятий, спортсмены убеждались, что умение противостоять хорошо только на ринге. В обычной жизни гораздо важнее, найти понимание, желание помочь и сотрудничать. Ребятам были предложены упражнения, по развитию умения улыбнуться незнакомому человеку, найти нужные слова в простом разговоре. Спортсменам было предложено тренировать свои навыки в реальных условиях: на улице, в магазине. Первоначально они смущались и протестовали, но уже через месяц рассказывали, как проще и легче им стало общаться. Наряду с занятиями по психологии общения и успешного взаимодействия им предоставлялись занятия по юридическим навыкам урегу-

лирования сложных ситуаций в с получением документов, взаимоотношениям с властью и т.д. Наконец, у них был шанс попробовать свои интеграционные навыки на деле. Они участвовали в двух совместных мероприятиях с участниками проекта на площадке Кафе «Микс-Макс». В одном случае ребята из клуба провели презентацию «Кыргызстанцы в Москве» для аудитории фонда «Время добра», которую составляют дети с особенностями развития. И те и другие в реальной жизни довольно замкнуты и трудно общаются с окружающими. Но в ситуации взаимодействия – они раскрылись и интенсивно общались несмотря на то, что и те и другие не привыкли говорить и не слишком хорошо владеют языком. Самое главное – они увидели друг в друге людей, которым они интересны. В другом случае – ребята из клуба приняли участие в праздновании Международного дня мира, где активно показали себя в рамках интерактивного представления театра синхронной импровизации. В ходе представления один участник рассказывает свою историю, а другие, не зная ее контекста, инсценируют ее, видя другими глазами. Не просто встать и рассказать свою историю перед большой аудиторией, но некоторые спортсмены из клуба решились на это. Нужно было видеть, как они были горды, что перешли барьер «недостаточного знания русского языка» и как были удивлены, что их собственная история может оказаться интересной многим людям. После этого они пришли на итоговую встречу в кафе и уже говорили не только о том, как скучают по дому, но и том, как получить новые знания и навыки, полезные для жизни в большом городе: овладеть русским и английским языком, информационными технологиями, побывать в музеях и театре, а не проводить выходные только со знакомыми или в торговых центрах, как раньше.

В начале статьи отмечалась значимость определенного «исследовательского компонента» при работе в области снижения конфликтности и содействия взаимной интеграции представителей разных культур. Важно отметить, что помимо того, что такая работа помогает точнее определить проблему и найти адекватные подходы к ее преодолению, она также предоставляет материалы, которые

позволяют оценить результативность прилагаемых усилий.

Так, проведение фокус-групп до осуществления комплекса мероприятий помогает не только лучше понимать психологический контекст ответов опрашиваемых на поставленные вопросы, но и понять их потенциал и степень готовности участвовать в проекте. Фокус группа после окончания проекта позволяет оценить не только их выраженную в ответах позицию или мнение, но и наблюдать степень удовлетворения от обсуждения этих тем, или наоборот, нежелание или неготовность обсуждать некоторые темы.

Проведение опросов (анкетирование) связано с получением информации по целому ряду показателей, которые позволяют оценить эффективность проводимой работы.

Анализ материалов фокус-групп, интервьюирование и включенное наблюдение за взаимодействием различных групп вовлеченных в деятельность на площадках проекта в Москве позволяет сделать следующие выводы:

- Мигранты из Таджикистана, работающие во дворах, прилегающих к кафе «Микс-Макс» к завершающему этапу работы проекта продемонстрировали изменение стратегий поведения по отношению к жителям двора. Если раньше они только лишь вежливо здоровались и выполняли просьбы жильцов по перенесению тяжестей, но не больше - то есть, не выходили за рамки определенных «функций» (грузчики, уборщики), то теперь они стали более активны и инициативны, а также в большей степени воспринимают себя как полноправных членов дворового социума. Только за август - сентябрь они участвовали в организации «благодарственного обеда» жителей для временно привлеченных рабочих, в нескольких дискуссиях с различными жителями двора на темы, далекие от дворовых территорий (будущее России, ситуация с Украиной и т.д.). Они также проявили инициативу по изучению литературы по истории России, предоставляемую жителями, которая нужна им для подготовки к сдаче экзаменов для получения официальных разрешений документов, нужных для продолжения работы в России.

- Жители двора стали активно общаться со «своими» мигрантами, и не только дворниками, и уже возникла не одна ситуация, когда жители добровольно привозили и раздавали дворникам и рабочим часть дачного урожая фруктов. В ходе фокус-групп отмечалось, что жители теперь чувствуют себя более спокойно в своем дворе, поскольку там нет теперь людей, которых бы они не знали. Повысилось потребление среднеазиатской выпечки от кафе «Микс-Такс» - так информация о вкусной и относительно недорогой продукции распространилась среди жителей окрестных дворов.

- Спортсмены клуба «Айаколь-Манас» также изменили отношение к своей модели взаимодействия с местным населением в Москве. Уменьшилось количество ответов в анкете, где говорится о том, что отвечающий мечтает как можно скорее уехать домой и не видит особого смысла в специальных усилиях по интеграции. Спортсмены заговорили о необходимости посещения дополнительных курсов по русскому языку, и не только. Некоторые из них уже получили консультации о том, где заниматься. Наконец, в ходе совместных занятий с участниками площадки «Кафе Микс-Макс», спортсмены показали готовность к взаимодействию с ранее незнакомыми людьми на русском языке, на котором ранее стеснялись говорить.

Подытоживая опыт проектной деятельности на двух площадках в Москве можно отметить, что важным результатом стали как многочисленные модели интеграционной деятельности, которые были опробованы или обсуждены участниками проекта, так и изменения в отношении к интеграционным процессам и своему месту в них. Об этом говорили как высказывания, так и действия участников проекта за последний период. Для мигрантов главным итогом стали вера в себя как в активного участника своей собственной «миграционной истории» и как в человека, жизнь которого заслуживает интереса и внимания со стороны окружающих. Для старожилов Москвы очень важна возникающая у них способность, а может быть и потребность, увидеть в новых людях новые грани «нас», «нашего» общества. И эта потребность вытекает не из абстракт-

ного гуманизма, а из понимания того, что, чем лучше мы будем знать людей окружающих нас, тем уютней и комфортней будет наша собственная жизнь.

Тем не менее, нужно отметить обстоятельства, которые могут сделать подобные проекты еще более успешными. При проведении мероприятий, направленных на содействие интеграции, очень значительна роль организаторов из числа сообществ местных жителей. Если мигранты вынужденно объединяются в формальные или неформальные сообщества, то местные жители зачастую с трудом обретают способность к осуществлению совместных действий. Это повышает роль местных активистов или лидеров местного самоуправления: собственников жилья, жилищных кооперативов, старших по подъездам. На них должно быть обращено внимание местных органов власти, которые будут осуществлять интеграционные мероприятия на локальном уровне. Важно включать во все миграционные мероприятия непосредственных нанимателей иностранных трудовых мигрантов, поскольку они влияют на характер работы и свободного времени мигрантов. Это организации ЖКХ, строительства, торговли. Без их искреннего желания невозможно объяснить местным жителям вклад и роль мигрантов в социальном развитии Москвы в целом, и отдельного двора в частности. И без них же невозможно активно привлекать мигрантов в интеграционное взаимодействие. Учитывая, что, по разным причинам, наниматели не всегда настроены содействовать успешной интеграции своих подчиненных, представляется разумным, чтобы городские власти стимулировали их на подобную деятельность.

Очень важно органам власти дополнять традиционные для этой сферы мероприятия праздничного и фольклорного характера другими видами активности, вовлекающими в совместную, взаимовыгодную деятельность на регулярной основе мигрантов и местных жителей. Так же важно, чтобы эти мероприятия происходили в зоне шаговой доступности и отражали бы локальные запросы людей: чтобы они были обращены не к носителям разных культур вообще, а к конкретным людям, живущим по соседству и составляющим социальный контекст каждого

двора. Это, в свою очередь, повышает значимость прикладных локально фокусированных исследований, которые должны помогать в планировании различных практических начинаний. Речь не идет о массовых социологических опросах. Важно проводить небольшие сфокусированные опросы, фокус-группы, интервью, использовать методы наблюдения за различными сообществами, анализировать пространственное распределение социальных ресурсов в каждом микро-регионе, изучать рутинную практику общественных и государственных институтов.

Успех профилактики конфликтов и интеграционной работы зависит от со-

трудничества с различными общественными организациями – Советами ветеранов, «диаспорные» группы, просветительские и миротворческие гражданские объединения. Здесь не должно быть приоритетов тем, кто является «национальной» организацией. Все гражданские структуры могут вносить посильный вклад в миротворчество, реагировать на любые изменения ситуации и местные вызовы, приводя их на уровень общественного консенсуса, согласования интересов и взаимной заинтересованности.

Каменщиков А.А., Савин И.С.

Молодежная политика как средство профилактики конфликтов на Северном Кавказе

Молодежь, с одной стороны, выступает как двигатель социальных преобразований, а с другой, представляет собой группу риска в контексте вовлечения в асоциальные акции и движения. Радикализм суждений молодежи, ее нетерпимость, стремление к решительным действиям, повышенная эмоциональность способствуют ее вовлечению в любое социальное движение, которое предлагает «быстрые» способы изменения ситуации. Поэтому важна регулярная оценка социального самочувствия и настроений молодежи, особенно на Северном Кавказе – в регионе с разнообразным культурным и конфессиональным населением и «молодёжным лицом». Доля молодёжи в составе населения Северо-Кавказского федерального округа составляет 25-28%.

Президент России В.В. Путин считает необходимым развивать общероссийский патриотизм, чтобы решить межнациональные проблемы. «Мы все родом из Советского Союза. Но в Советском Союзе не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира. Не было проблем, где бы мы ни жили». «Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями, но носила

идеологический характер. Даже придумали общность людей - советский народ, - напомнил Путин. - Мы говорим про российский народ, но это пока не то». «Мы не смогли найти эквивалента того, что было в Советском Союзе изобретено. Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это общероссийский патриотизм. Просто мы не используем его, не развиваем эту мысль, а подчас стесняемся»¹.

Эта проблема возникла в связи с тем, что в постсоветский период крах официальной идеологии неизбежно вел к пересмотру привычной оценки исторических событий, вызывая кризис исторической памяти. Вследствие чего оказалась под вопросом оценка того единственного разделенного прошлого, без которого повисала в пустоте и коллективная и семейная история, и часть собственной жизни всех тех, кто родился и вырос при советской власти. Вместе с разрушением сложившейся за годы советской власти официальной версии советской истории – важнейшего орудия легитимизации советского режима – исчезла ментальная рамка, которая упорядочивала историческую память, придавая смысл судьбам людей, укрепляя внутрисемейные связи.

---

¹ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=417067>

Одновременно со снижением эффективности воспитательной деятельности семьи, государства, образования, заметно повышается влияние средств массовой информации. Они выступают самым действенным средством в пропаганде модели-образца, наличие которой является необходимым условием воспитания молодежи. Сегодня особенно значимым компонентом коммуникации выступает Интернет. Интернет-сообщества и социальные сети существенным образом влияют на формирование личностных качеств, образа мыслей и характер социально-политической активности молодежи, а недавние оппозиционные митинги показали, что они становятся и эффективным способом политической мобилизации молодежи. Важным инструментом формирования социальных, а в переходных ситуациях, и политических ориентаций являются неформальные объединения молодежи разного уровня. В многонациональной среде такие объединения зачастую возникают на «земляческой» основе и становятся фактором этнической розни. Заметную активность проявляют религиозные организации (в первую очередь исламского толка). Это зачастую способствует политизации этничности и конфессиональной принадлежности.

В настоящее время социальное самочувствие региональной молодежи в социокультурной сфере характеризуется наличием рисков конфликтной (гражданская, этническая и конфессиональная) идентичности, потенциальным снижением сферы социальных взаимодействий за счет отсутствия условий для формирования навыков межкультурного общения.²

Показателем социального самочувствия являются миграционные установки молодых людей. По результатам опроса, миграционные установки выше всего у респондентов Ставропольского края, что можно рассматривать как проявление тенденции дерусификации региона, о которой в последнее время говорят многие эксперты СКФО.

² Тишков В.А., Степанов В.В., Бараш Р.Э. Штрихи к портрету российского студенчества. Общие наблюдения и рекомендации // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014, сс. 314-321.

Меньше всего миграционные установки распространены среди опрошенных в Чеченской Республике, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Дагестан, что, на наш взгляд является показателем архаизации отношений в этих республиках, сложности адаптации молодых людей из этих республик в поликультурное пространство других субъектов. Вообще следует отметить низкий уровень горизонтальной мобильности респондентов. В среднем каждый четвертый посетил соседние регионы и Москву. Лидером по посещаемости зарубежных стран является Турция (ее посетили 17,2% участников опроса). Большая часть молодых людей вообще ни разу не выезжали за рамки своего региона, что не способствует формированию навыков межкультурного общения.

Именно с республикой у большинства участников опроса ассоциируется понятие «Родина». Ассоциация Родины с Россией является приоритетной среди респондентов Ставропольского края и Республики Ингушетия. Вариант ответа «Родина для меня, это конкретное место, дом проживания или рождения» характерен для каждого десятого участника опроса. Для абсолютного большинства (94,2%) респондентов символом, образом Родины являются «государственные символы».

Интерес представляет иерархия социокультурных идентичностей в регионе. Причем гражданская, конфессиональная и этническая идентичность находятся на одном уровне, что содержит в себе риски конфликтной самоидентификации молодых людей СКФО, а также радикализации их социальных позиций. Что касается приоритета конфессиональной и этнической идентичности в Чеченской Республике, то это свидетельствует о сохранении социокультурных вызовов в этой республике.

Понимание этнической идентичности иллюстрируют ответы респондентов на вопрос о русских. Относительное большинство опрошенных (30,1%) считают, что русским является только русский по происхождению, для 19,8% русским можно назвать того, кто «вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры», 14,0% респондентов согласны с

тем, что русским можно назвать того, кто «русский язык является родным».

Мнение о том, что представители отдельных национальностей или этнических групп более склонны к совершению преступлений, поддерживает каждый десятый (10,8%) опрошенный. Среди респондентов Ставропольского края согласны с данным мнением каждый третий участник опроса (35,1%), что можно считать показателем роста ксенофобных настроений среди русского населения региона. Большинство участников опроса (55,4%) считают, что такую точку зрения «распространяют те, кто хочет спровоцировать межнациональные конфликты в России», 14,2% респондентов считают эту точку зрения выдумками СМИ, «которые гонятся за громкими сенсациями».

Интерес представляют ответы на вопрос об «идеальном» периоде развития России:

– большинство участников опроса (43,9%) не назвали «идеальный» период в развитии России (22% – затруднились назвать такой период, 21,9% – считают, что такого периода в истории России не было);

– для участников опроса более привлекательными являются периоды стабильности в истории российского общества;

– периоды кардинальных преобразований привлекательны для крайне небольшого количества респондентов, что является показателем «усталости» от постоянного реформирования российского общества в течение последних 10 лет, неудовлетворенности результатами этих реформ, страха перед дальнейшими непредсказуемыми изменениями. Сложное социально-экономическое положение, в котором оказалась большая часть молодежи, низкий уровень ее материального благосостояния способствуют формированию у молодых людей стремления к авторитарной власти, к «сильной руке». Среди части молодежи уже сложились радикальные представления о политической власти, призванной, по ее мнению, любыми, в том числе крайними, жесткими мерами утвердить «порядок», «дисциплину труда», «справедливость», «спокойствие», «организованность» и другие ценно-

сти, являющиеся условиями нормальной жизни любого общества.

Данные этого исследования позволяют утверждать, что основным институтом социализации молодежи СКФО является семья, а основными агентами, соответственно, ближайшие родственники. Второй по значимости для региональной молодежи институт социализации – религия. Это объясняется процессами архаизации и этноконфессионального возрождения. Конфессиональная самоидентификация респондентов полностью соотносится с особенностями этноконфессиональной специфики субъектов СКФО. В число приоритетных ценностей входят ценности религии и церкви; однако, вследствие отсутствия у многих молодых людей глубоких духовно-нравственных основ, их внутренний мир стал более иррациональным, что нашло проявление в предрасположенности к мистике, магии, колдовству и т.п. «Качественно» религиозность молодых людей существенно отличается от религиозности предшествующих поколений.

В современной сложной социально-политической ситуации общество формирует новый социальный заказ образованию – не просто приобретение специальности, но воспроизводство личности, наделенной гражданскими и патриотическими чувствами. Исторический идеал отечественного патриотического воспитания свидетельствует, что его целью было и есть обретение человеком опыта служения Отечеству.

Большое значение приобретает и формирование правовой культуры северокавказской молодежи. Задача воспитания заключается в пропаганде международных и государственных норм права человека и народов, формировании у человека уважения к правовым нормам. Важно научить молодежь пользоваться правами и свободами и защищать их. Воспитание правовой культуры осуществляется в процессе:

- сообщения учащимся круга знаний в области норм и принципов права человека и народов;
- превращения этих знаний в личностные убеждения и формирования уважительного отношения к законам (убеж-

дение в необходимости соблюдения норм права);

- вовлечения личности в активную деятельность по соблюдению государственных и международных норм права и формирования позитивного опыта.

Воспитание людей разных национальностей в духе взаимного уважения и дружбы определяющее значение имеет международное право – система правового регулирования взаимоотношения государств, наций и народов, рас и религиозных конфессий, различных международных и региональных организаций и союзов.

В числе нормативных систем регулирующих поведение людей на Северном Кавказе (в том числе и отношения представителей разных этносов), наиболее важное место занимают морально этические нормы.

Из всех проблем, вставших перед народами современной России, межэтнические и межконфессиональные представляются самыми острыми и деликатными: они затрагивают наиболее чувствительные струны человеческой души.

В этой ситуации межконфессиональный диалог является важным фактором общественно-политической стабильности в регионе, и религия играет роль стабилизирующего фактора общественной системы. Для выполнения такой миссии религиозные организации располагают многовековым опытом, огромным идейным багажом, соответствующими кадрами и навыками, которые могут быть и уже практически направлены на духовное оздоровление общества. Религиозные организации и верующие могут способствовать переориентации общества и личности в плане перестановки приоритетов с материальных потребностей на духовные, стимулировать стремление людей к духовному росту. В этом состоит главное предназначение религии.

Во всех религиях мира можно найти общие морально этические принципы: «не убий», «не лги», «не кради». Поскольку религии говорят от имени очень многих людей и выдержали испытание временем, можно говорить о существовании общечеловеческих идеалов. Так, «Золотым правилом» нравственности во всех культурах и религиях считают постулат «по-

ступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали в отношении тебя». Эти принципы пронизывают все культуры и религии, определяя истинный смысл человеческого бытия и его нравственные идеалы. Религия вплетена тончайшими нитями в канву каждой этнической культуры. И поэтому важно, чтобы молодежь получала знания в области своей этнической культуры, и через нее приобщалась и испытывала уважение к культурам других народов.

При разработке и реализации молодежной политики в СКФО необходимы следующие меры и направления деятельности: усиление роли молодежи в таких политических процессах, как укрепление единства многонационального народа РФ; разоблачение идей национально-религиозного экстремизма, радикальных этнополитических проектов, профилактика национализма и ксенофобии. Вовлечению молодых граждан в политический процесс может способствовать создание прочных партнёрских связей органов власти, местных отделений политических партий, общественных организаций с молодёжными НПО, образование при администрациях местного самоуправления молодёжных парламентов, молодёжных общественных палат, включение молодежи из разных этнических групп в экспертно-консультативные советы; организация молодёжных акций против проявлений национализма, ксенофобии. Важно использовать современные социальные технологии влияния на общественное сознание, в первую очередь - конструирование героических мифов на уровне массовой культуры, применение комплексных PR-мер для формирования известности конкретных героев. Современная молодая Россия не знает своих героев.

В плане реализации молодежной политики в регионе многое уже делается. Например, при Народном Собрании РД работает молодёжный парламент, созданы и активно работают волонтерские организации. Самым важным направлением молодежной политики в Дагестане является патриотическое воспитание детей и молодежи. В целях совершенствования системы патриотического воспитания в республике реализуется целевая программа «Патриотическое воспита-

ние граждан в Республике Дагестан на 2011-2015 годы». В патриотическом воспитании учитывается фактор многонационального состава населения республики и связанное с ним многообразие национально-этнических культур. В материалах республиканских газет, в том числе на национальных языках, в теле- и радиопередачах систематически размещаются материалы патриотической направленности. Большую работу по патриотическому воспитанию проводят советы старейшин и ветеранские организации. Совместно с Военным комиссариатом Республики Дагестан ими ведется активная работа с допризывной молодежью и призывниками.

В Республике Ингушетия государственная молодежная политика представлена системой государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодого поколения. Республиканские власти осознают, что только последовательная программа действий в данном направлении послужит важнейшим фактором успешного развития региона. Основным проектом, принятым в рамках молодежной политики является республиканская целевая программа «Молодежь Ингушетии», рассчитанная на 2012-2016 годы и разработанная Комитетом по делам молодежи РИ.

Существуют подобные программы и молодежные организации и в других

субъектах, входящих в состав СКФО. Однако, в целом политическая активность молодежи невысока. Преобладает пассивное или ангажированное политическое участие. Потенциальная активность молодежи проявляется только в определенных условиях – при наличии лидера или идеи, которые стимулируют к активной деятельности. Доминировавшие ранее политические ценности находятся теперь на периферии ценностного мира молодежи. При этом они отличаются неопределенностью, неустойчивостью, изменяясь по принципу движения маятника: распадаются под влиянием одних событий и быстро формируются вновь под воздействием других. Представляется, что в данных условиях формирование российской идентичности и патриотизма молодежи – условие стабильности, устойчивого развития и безопасности региона.

События 2014-2015 гг. вызвали в российском обществе духовный подъем и патриотический порыв – это победная Олимпиада в Сочи, Крымская весна и 70-летие Великой Победы. Важно в воспитательном воздействии на молодежь использовать и сохранить этот потенциал духовного подъема, который является хорошей основой межнационального мира на Северном Кавказе и России в целом.

Иванова С.Ю.

О деятельности властей по снижению межэтнической напряженности в Ставропольском крае

Напряженность в межнациональных отношениях стала одним из главных вызовов для властей Ставрополья в период губернаторства В. Зеренкова¹. Причиной его отставки пресса называла резкий рост числа межнациональных конфликтов в крае и общие протестные настроения

среди населения². Губернатору пришлось лично реагировать на волнения в Невинномысске, последовавшие за убийством жителя Кочубеевского района уроженцем Чечни. Резонансные инциденты в крае обсуждались губернатором публично, в

¹ Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014, 274 с.

² Прогнозируемая отставка губернатора, сдача оружия за деньги и законность справок «стобалльникам» / Информационное агентство «ФедералПресс» (http://fedpress.ru/news/specproject/week_itogi/1374498381-prognoziruemaya-otstavka-gubernatora-sdachatoruzhiya-za-dengi-i-zakonnost-spravok-stoball).

своих выступлениях В. Зеренков фактически признавал конфликтогенный характер миграции из северокавказских республик.

Результативность усилий краевых властей в период руководства В. Зеренкова по снижению межэтнической напряженности в целом оказалась невелика. Весьма непросто складывались и межконфессиональные отношения в крае. Поводом для публичных скандалов стала борьба по поводу возведения мечетей в г. Пятигорске и г. Кисловодске. Строительство мечетей вызывает беспокойство у русского населения, которое склонно воспринимать данный факт в качестве политической экспансии северокавказских этносов и ислама и потенциальную угрозу своим интересам. Оппозиционные политики, в том числе представители националистических организаций, пытаются играть на этих страхах, указывают на опасность дерусификации края. В свою очередь позиция властей в этом вопросе оказалась непоследовательной. Неоднократно принимались судебные решения об опечатавании и сносе уже возведенных исламских культовых сооружений, что выступало фактором дестабилизации обстановки.

С проблемами в межнациональной и межконфессиональной сфере на Ставрополье тесно связан вопрос о положении дел в казачьем обществе. Казачество в крае является активным общественно-политическим «субъектом», поэтому кризис в управлении казачьими организациями может неблагоприятно отражаться на уровне социальной, межэтнической, межконфессиональной напряженности. Уже летом 2013 г. ситуация характеризовалась проявлением целого ряда негативных тенденций. Деятельность атамана Терского казачьего войска на Ставрополье С. Клименко подвергалась резкой критике со стороны большинства казаков, Правительства Ставропольского края и митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла и после череды скандалов в октябре 2013 г. он подал в отставку. Через некоторое время атаманом в апреле 2014 г. - был избран В. Пилипенко, с которым в казачьем сообществе, а также в органах власти связывались надежды на стабилизацию ситуации. Он - полковник ГРУ - являлся помощником полномочного

представителя Президента РФ в СКФО А. Хлопонина и активно транслировал требования казачества, в частности, на выездном заседании Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации РФ в Ессентуках. Однако В. Пилипенко не сумел решить главных содержательных и организационных задач Терского казачьего войска и вскоре также подал в отставку в связи с плохим состоянием здоровья. В общественном мнении его уход связывается, во-первых со сменой полпреда Президента РФ в СКФО, а, во-вторых, с массовой дракой в Минеральных Водах в сентябре, в которой был замешан местный атаман Е. Смирнов.

В целом на протяжении 2014 г. сохраняли свою актуальность те же конфликтогенные факторы, которые действовали в 2013 г. Тем не менее, обстановка в Ставропольском крае в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений на протяжении всего предвыборного периода оставалась достаточно спокойной без выраженной динамики. Новое руководство края – команда избранного 14 сентября 2014 г. губернатора В. Владимиров - показало способность эффективно «гасить» наиболее острые проявления межэтнических и межконфессиональных противоречий и не допускать публичного ажиотажа на эту тему.

Во время избирательной кампании в своих публичных выступлениях и статьях, опубликованных в местной прессе, В. Владимиров проблем межэтнических и межконфессиональных отношений напрямую не касался. Командой исполняющего обязанности губернатора была принята тактика избегания этой опасной и непредсказуемой темы. В целом политика краевых властей свидетельствовала о желании максимально избежать в предвыборный период любых поводов к нагнетанию межэтнической напряженности. Данная тактика в совокупности с мероприятиями, направленными на усиление патриотического чувства у населения края, оказалась достаточно эффективной в плане поддержания межнационального согласия в регионе.

За предвыборный период в крае не случилось конфликтов в сфере межнациональных отношений, которые имели бы общественный резонанс в масштабе

России. Однако уровень межнациональной напряженности был не ниже, чем в 2013 г., и конфликты на межнациональной почве или с этническим компонентом происходили каждый месяц. Эскалации удавалось избегать благодаря действиям властей, которые достаточно оперативно реагировали на назревающие всплески недовольства или насилия и успевали предпринимать меры по недопущению разрастания конфронтации. В частности, не получил широкого резонанса даже на краевом уровне конфликт между русскими и цыганами в селе Птичье Изобильненского района, где в ночь с 1 на 2 января 2014 г. в драке, завязавшейся на почве личных неприязненных отношений, получил ножевое ранение и скончался от потери крови местный житель. Несмотря на попытки активистов националистических организаций привлечь внимание общественности к массовой драке, произошедшей в ночь с 9 на 10 апреля 2014 г. в с. Степное между местными жителями и уроженцами Республики Дагестан, интереса у СМИ и жителей края и этот конфликт не вызвал и к обострению обстановки не привел. Влияние националистов на политические процессы в 2014 г. существенно снизилось, их акции пресекались властями без значительных эксцессов.

Однако для края данный тренд не оказался длительным. Поскольку причины межэтнической напряженности в регионе не были устранены, проблемы, вызываемые ее ростом, так или иначе должны были проявить себя, что и случилось уже непосредственно после выборов. Обнажились проблемы, динамикой которых удавалось управлять, проявили себя конфликты, эскалацию которых до сих пор удавалось сдерживать. По сравнению с предвыборным периодом край вступил в полосу «этнополитической» нестабильности. Ситуация контролируется властями, но дальнейшее развитие событий не всегда поддается прогнозированию.

Симптомом кризисного состояния ситуации стало дерзкое преступление, произошедшее в ночь с 20 на 21 сентября в г. Минеральные Воды. Находившийся в приемном покое городской больницы мужчина, сопровождавший своего друга, ранее пострадавшего в драке в кафе, был жестоко избит толпой агрессивных мо-

лодчиков. Через несколько дней потерпевший скончался от полученных травм³. Происшествие имело общественные последствия. Поскольку погибший мужчина был русским, а главный подозреваемый и некоторые другие подозреваемые в преступлении – по национальности армяне, обострилась ситуация в межнациональных отношениях. В частности, ксенофобские призывы зазвучали на собрании 28 сентября возле здания городского УВД и здания казачества несанкционированном митинге горожан по поводу избиения в больнице⁴.

Трагический инцидент в Минеральных Водах оказался связан с положением дел в краевом казачестве. По версии следствия, в предшествующем налету на больницу конфликте в кафе принимал участие атаман Минераловодского отдела терского казачьего войска Е. Смирнов, который был задержан сотрудниками правоохранительных органов⁵. Совет атаманов Терского войска выступил с резким заявлением, в котором охарактеризовал ситуацию с задержанием Е. Смирнова и ажиотаж по этому поводу в СМИ и интернете как попытку «втоптать в грязь славное имя казаков». Совет атаманов Терского войска обратился с просьбой к правоохранительным органам изменить атаману меру пресечения на не связанную с содержанием под стражей. По мнению атамана Ставропольского окружного казачьего общества А. Фалько, Е. Смирнов в драке не участвовал, а, напротив, пытался разнять драчунов⁶.

В 2014 г. жизнь Терского казачьего войска продолжала оставаться беспокойной. В частности, шла шумная борьба вокруг должности войскового атамана. За год сменилось три атамана. Теперь к этим

³ Избитый в больнице Минеральных вод мужчина скончался / ООО «ИД Свободная пресса» (<http://svpressa.ru/accidents/news/99507>).

⁴ Климов В., Гущина Т., Шарова А. Массовый митинг в Минводах: люди требуют расследовать убийство в городской больнице / Комсомольская правда (<http://stav.kp.ru/daily/26288.5/3165886>).

⁵ Климов В., Гущина Т. Почему забурили Минводы / Комсомольская правда (<http://stav.kp.ru/daily/26288/3166782>).

⁶ Минераловодские казаки-разбойники / Кавполит (http://kavpolit.com/articles/mineralovodskie_kazaki_razbojniki-9943).

скандалам добавились и толки в СМИ и интернете о криминализованности терского казачества. Беспорядок в управлении казачьим обществом, могут обострить политическую конкуренцию в крае и повысить уровень социальной напряженности.

Активно тиражировались слухи о вовлеченности в конфликт в Минеральных Водах представителей местного чиновничества и правоохранительных органов. На митингах возмущенных горожан в криминальной и межнациональной напряженности в Минеральных Водах обвинялись власти и правоохранительные органы. Бурление страстей на улицах и в СМИ потребовало личного вмешательства в ситуацию губернатора В. Владимиров. В г. Минеральные Воды глава края провел встречу с общественностью, на которой заверил собравшихся, что дело находится на его личном контроле, и что лица как непосредственно виновные в преступлении, так и содействовавшие ему своим бездействием, понесут ответственность. Открытый и принципиальный разговор произвел на участников мероприятия, среди которых были и оппозиционные общественные деятели, благоприятное впечатление. Свою позицию по данному делу губернатор также изложил в интервью российскому федеральному телеканалу «Россия 24». По мнению В. Владимиров, в массовой драке в больнице не следует искать межнациональный подтекст, и в целом в крае нет почвы для межнациональной розни. Конфликты проистекают из экономических проблем и противоречий в сфере бизнеса и предпринимательства, а также из недостаточного высокого уровня бытовой культуры отдельных граждан⁷.

Также большое значение для деэскалации конфликта имел тот факт, что практически все участники нападения на больницу были установлены и задержаны. Кроме того, события в Минеральных Водах повлекли ряд кадровых перестановок. Заявил о сложении полномочий по собственному желанию глава города Минеральные Воды и Минераловодского района К. Гамаюнов. Были отстранены от

занимаемых должностей заместитель главы г. Железноводска Н. Бондаренко, начальник и заместитель ОМВД России по Минераловодскому району, подал в отставку минераловодский межрайонный прокурор. Эти увольнения произвели позитивный эффект в плане нейтрализации общественного возмущения.

Значительная напряженность отмечалась в отношениях между краевыми властями и мусульманской общиной Ставрополья. На повестке дня в 2014 г. стоял острый вопрос о строительстве соборной мечети. Муфтием Ставропольского края М.-Х. Рахимовым, краевыми и окружными властями была проделана большая работа по разрешению данного конфликта. Согласительная комиссия выделила новое место для строительства мечети на территории села Винсады, находящегося неподалеку от Пятигорска. Конфликт, однако, не был исчерпан, поскольку против строительства мечети выступили жители Винсадов. Их беспокоило, что строительство мечети приведет к нарушению привычного уклада жизни и изменению культурного облика территории проживания, поскольку в настоящее время среди сельчан мусульман практически нет. Аналогичный конфликт развивался в Кисловодске. Городские власти постановили снести недостроенные мечети в поселках Белореченский и Индустрия под Кисловодском. Конфликту сопутствовало много факторов, усиливающих его остроту. Например, тот факт, что имам Кисловодска К.-А. Байчоров арестован и находится под следствием – ему предъявлено обвинение в незаконном хранении наркотических средств. В окружении священнослужителя обвинение называли провокацией и связывают его с непримиримой позицией имама по поводу мечетей в Кисловодске. В декабре 2014 г. дело было передано в суд, однако судебные заседания неоднократно откладывались по разным причинам, а защита обвиняемого стремилась вернуть дело в формат следственных действий.

Свое отношение к проблеме выразили и представители части казачества. В октябре 2014 г. в окрестностях села Сенгилеевское прошел народный сход, на который собралось около 200 реестровых и нереестровых казаков из Ставрополья и

---

⁷ Губернатор Ставропольского края Владимир Владимиров дал интервью «России 24» (<http://www.youtube.com/watch?v=XN6Yhr9XJtE>).

других республик. По итогам схода казаками было направлено обращение полномочному представителю Президента РФ в СКФО С. Меликову, в котором о «незаконном возведении мечетей» в Ставропольском крае говорилось в одном контексте с тревогами относительно дерусификации края и «криминальной экспансии со стороны соседних республик». По мнению лиц, подписавших обращение, «любое строительство новых мечетей в других населенных пунктах Ставрополя должно начинаться только после процедуры местного референдума»⁸.

Еще одна болевая точка на карте межконфессиональных отношений в крае – восточные районы. Здесь за последний год были убиты несколько мусульманских активистов. В СМИ и интернете тиражируется мнение некоторых местных жителей о том, что эти убийства – звенья одной цепи.

К крупным политическим событиям в жизни края также следует отнести назначение нового полномочного представителя Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе С. Меликова, который был назначен на эту должность Указом Президента РФ 12 мая текущего года, а также образование Министерства РФ по делам Северного Кавказа, которое возглавил Л. Кузнецов. Представляя С. Меликова главам субъектов РФ Северо-Кавказского федерального округа, руководитель администрации Президента РФ С. Иванов специально остановился на проблеме межнациональных отношений, назвав одной из важнейших задач полпреда «взаимодействие с диаспорами», а в случае конфликтных ситуаций – задачу «нормализовывать каким-то образом обстановку»⁹.

Однако остается не вполне ясным, каково видение новым полпредом сферы межнациональных и межконфессиональных отношений. Выступая на III Ставропольском форуме Всемирного русского народного собора, С. Меликов заявил, что

на Северном Кавказе нет межнациональных и межконфессиональных конфликтов, а есть лишь «определенные вопросы, которые возникли в результате неправильно принятых решений определенными коррумпированными структурами или какими-то недобросовестными чиновниками»¹⁰. Эту же точку зрения он подтвердил на пленарном заседании II форума СМИ Северного Кавказа, прошедшем в Пятигорске¹¹.

Тенденции в этнополитической и религиозной сфере за 2014 г. Ситуация оставалась стабильно напряженной с некоторой тенденцией к ухудшению к концу года. Весь период, начиная с назначения исполняющим обязанности губернатора 27 сентября 2013 г. и вплоть до выборов 14 сентября 2014 г., В. Владимирову и его команде удавалось предотвращать публичный ажиотаж вокруг конфликтов с этническим или религиозным компонентом. Однако острота национального вопроса и религиозных противоречий оставались высокими, их корни не были удалены, и по этой причине любой инцидент мог взорвать обстановку. В конечном итоге подобное произошло в конце сентября 2014 г. после массовой драки в больнице Минеральных Вод, которая привела к смерти человека. Грамотными действиями В. Владимирову удалось предотвратить перерастание бытового инцидента в массовый межэтнический конфликт, однако ситуацию нельзя считать исчерпанной. Жители Минеральных Вод и оппозиционные общественные деятели следили за расследованием уголовного дела и какие-либо ошибки в его ходе могли быть использованы для критики властей и организации новых акций протеста. Сохраняющаяся ситуация отчуждения между русскими и кавказцами, русскими и северокавказцами, мусульманами и немусульманами служит условием для того,

⁸ Сход жителей Ставропольского Края в с. Сенгилеевское /Вольное Казачье Движение (<http://prisud.com>).

⁹ Северокавказским лидерам представили «человека в погонах». Сергей Меликов и Лев Кузнецов приступили к работе / «Коммерсантъ. Издательский дом» (<http://www.kommersant.ru/doc/2475688>).

¹⁰ Меликов: Северный Кавказ решил межконфессиональные проблемы / Сетевое издание «РИА Новости» (http://ria.ru/religion_news/20141127/1035372661.htm).

¹¹ Меликов опровергает существование межнациональных проблем на Кавказе (<http://www.vestikavkaza.ru/news/Melikov-oprovergaet-sushchestvovanie-mezhnatsionalnykh-problem-na-Kavkaze.html>).

чтобы любые противоречия приобретали взрывоопасный характер.

Открытая и острая критика в адрес властей практически при любом резонансном конфликте или преступлении с этническим и религиозным компонентом стала особенностью политического процесса в Ставропольском крае. По всей видимости, у населения накопилось требующее разрядки раздражение относительно постоянного присутствия проблем подобного рода в повседневной жизни. Гражданам в основной массе неясны источники этих проблем, а также незаметны усилия властей по их смягчению.

Особенностью политических процессов в Ставропольском крае в 2014 г. стало усиление напряженности в конфессиональной сфере, а именно в государственно-конфессиональных отношениях. Если в течение всего постсоветского периода главной линией раскола была этничность, в то время как религиозный фактор находился на глубокой периферии этих процессов, то в настоящее время он превращается в равноценный политизированной этничности фактор нестабильности. Нарастает угроза радикализации исламского духовенства, относящегося к «традиционному», или «умеренному» исламу, которое всегда рассматривалось властями различного уровня как важный ресурс поддержания стабильности.

Еще одна особенность 2014 г. – дальнейшее оформление казачества как самостоятельного политического субъекта, претендующего на ресурсы и имущество, что создает благоприятную среду для политических конфликтов с криминальным оттенком. Особенно остро в Ставропольском крае протекают земельные споры, в которые, зачастую, втянуты представители казачества. Казачьему войску земельные участки необходимы для выполнения своих функций. Представители казачества неоднократно направляли обращения к руководителям разного уровня на эту тему. Так, по результатам схода в городе Лермонтов в 2013 г. было принято известное обращение к Президенту России, в котором излагалась просьба о выделении казакам 100 тысяч гектаров сельскохозяйственной земли. Использование земель сельскохозяйственного назначения является важным источником дохода и неуди-

вительно, что этот ресурс привлекает стремящийся проникнуть в казачье общество криминал, провоцирует на создание незаконных схем эксплуатации земли. От нового руководства края в ближайшее время потребуются принципиальные, и в то же время продуманные и корректные шаги по нормализации общественно-политической жизни Терского казачьего войска. Из благоприятных тенденций последнего года можно выделить смягчение противоречий между реестровым и не-реестровым казачеством.

В 2014 г. в сфере межэтнических отношений и религиозной ситуации наблюдались следующие непосредственные и опосредованные тенденции и сюжеты:

Усиление региональной государственной власти и формирование системы контроля над органами местного самоуправления (изменение порядка выборов глав муниципальных образований) при невысоком уровне доверия населения, как к региональной государственной власти, так и к муниципальной. Отказ от прямых выборов глав муниципальных образований свидетельствует о правовом, политическом и организационном доминировании органов власти над МСУ, что при ухудшающейся социально-экономической обстановке может снизить демократические начала развития северокавказского сообщества, затруднить дальнейшее структурирование гражданского общества.

Формирование новой проблемной группы населения – «украинских беженцев», чей возможный негативный потенциал усилен возможностью наличия провокаторов, террористов, посланных Украиной для дестабилизации ситуации в южных регионах России, часть из которых украинское руководство и общество считают «исконно украинскими территориями».

Сохранение межэтнических противоречий и конфликтов в восточных районах Ставрополья в контексте конкуренции в сфере земельной собственности, «экспансии земли» выходцами из соседних республик РФ СКФО при осуществлении криминальных «разборок» и убийств, в том числе, заметных лиц ногайского сообщества.

Сохранение и возможное расширение миграции в Ставропольский край в

условиях финансового кризиса и ухудшения экономического положения населения СКФО, прежде всего, жителей соседних республик, а также граждан стран Южного Кавказа, приводящее к увеличению в этногеографическом портрете края доли северокавказских и южнокавказских этносов.

Обострение отношений между ДУМ Ставропольского края и органами власти и МСУ, а также обострение отношений между исламским и православным сообществами в связи с проблемой строительства мечетей и задержанием исламских религиозных деятелей правоохранительными органами.

Массовые драки, в которых враждующие группы формируются по этническому признаку. В 2014 г. в крае произошло несколько крупных драк, которые, были восприняты как межэтнические. При этом «разборки» происходили как между представителями кавказских этносов (например, между чеченцами и армянами), так и между русскими и нерусскими (например, русскими и армянами, русскими и грузинами). Наиболее громким стал инцидент, произошедший в конце сентября в городской больнице г. Минеральные Воды. Несмотря на очевидный криминально-бытовой характер конфликта, губернатору и Правительству Ставропольского края, представителям духовенства и этническим диаспорам пришлось приложить много усилий, чтобы снять возникшее в обществе напряжение и не допустить назревавших массовых беспорядков и этнических погромов, призывы к которым распространялись в интернете, в социальных сетях.

Все важные тенденции менее значительные события в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений находятся на контроле в аппарате полномочного представителя Президента РФ в СКФО С. Меликова, в Правительстве Ставропольского края, в органах МСУ. В течение года аппаратом полномочного представителя Президента РФ в СКФО и администрацией Ставропольского края проведен комплекс мер, направленных на стабилизацию общественно-политической обстановки в регионе.

В 2014 г. зависимость стабильности общественно-политических отношений в

Ставропольском крае от этнополитических и религиозно-политических факторов сохранялась. В условиях возможной эскалации неблагоприятных внешнеполитических и внутриэкономических процессов можно прогнозировать усиление конкуренции этнических сообществ в экономической, социальной и политической сферах с проявлением конфликтогенного потенциала межэтнических и этноконфессиональных отношений.

Сущностного изменения содержания межэтнических отношений и религиозной ситуации за 2014 г. не произошло, указанные тенденции полностью соответствуют ее константным характеристикам, которые уже на протяжении длительного времени остаются неизменными. В то же время налицо изменение, прямо не связанное с межэтническими отношениями и религиозной ситуацией - формальное усиление государственной власти в Ставропольском крае в связи, во-первых, с назначением нового полномочного представителя Президента РФ в СКФО С. Меликова, от которого население СК ждет решительных и жестких мер по стабилизации ситуации; во-вторых, избрание В. Владимировой на пост губернатора СК, направление которого в край федеральным центром во многом связывается с неэффективностью прежнего руководства именно в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Соответственно, и от него население СК ожидает решительных действий в рассматриваемой сфере.

В целом, межэтнические отношения и религиозная ситуация в Ставропольском крае остается достаточно сложной, хотя общественно-политический контекст в начале и середине 2014 г. был благоприятным. В конце года общественно-политический контекст приобрел негативный характер, связанный с ухудшением социально-экономической ситуации и обвальным падением рубля, негативным влиянием внешних политических сил, оживлением радикальных группировок, осуществляющих свои действия на базе национально-религиозного экстремизма.

*Авксентьев В.А., Васильченко В.А.,
Иванова С.Ю*

Альтернативная история на службе ксенофобской пропаганды: приемы и цели¹

Приход демократии в Россию и практически одновременное вступление в постиндустриальную эпоху вызвали к жизни новые взаимоотношения между наукой и обществом, что стало для ученых неожиданностью. Молчаливая масса, которая ранее лишь внимала голосу профессионалов, внезапно заговорила, и оказалось, что она имеет свои суждения по тем проблемам, которые специалисты ранее считали своей безусловной вотчиной. Всеобщая грамотность, открывшая людям доступ к научным текстам, создает иллюзии, что чтение равнозначно пониманию. Сегодня люди, далекие от науки, свободно находят научные публикации и даже тексты летописей в Интернете, отбирают оттуда нужную им информацию, по своему ее интерпретируют и смело вступают в споры с учеными, нередко обвиняя их в «манипуляциях» или «сокрытии истины». Так создаются целые фолианты, формирующие корпус «альтернативной науки», конкурирующей со специалистами за внимание читателей. Это явление не обошло и археологию. До России докатилась волна «народной» или «культурной археологии», давно уже известной на Западе².

В советское время популярным было принято со ссылкой на В. Г. Белинского утверждать, что история позволяет понять настоящее и заглянуть в будущее. Но в ходе моих собственных исследований я пришел к прямо противоположному выводу о том, что особенности образа истории нередко диктуются отношением автора к переживаемой в данный момент исторической ситуации, собственным историческим опытом, а также желательным про-

ектом будущего³. Далеко не каждый готов откровенно обсуждать свое отношение к современным процессам, особенно если они видятся негативными и вызывают раздражение. В этом случае на помощь и приходит образ истории, где такие люди ищут понятные им аналогии, либо, что встречается в альтернативной истории много чаще, используют свои собственные наблюдения за окружающей действительностью для того, чтобы опрокинуть их в далекое прошлое, обнаружить там якобы аналогичные явления и представить их таким образом, чтобы направить протестные настроения или возмущение наших современников в нужное русло. Целью альтернативной истории является не установление «исторической истины», а трансляция своего собственного (нередко априорного) видения современности и хода исторического процесса на широкую общественность. Иными словами, историческая конструкция становится неким эзоповым языком и помогает путем обращения к древности обсуждать наши современные проблемы. В этом смысле специалисты и говорят сегодня об инструментальном использовании образов прошлого.

Все это отчетливо видно на примере использования арийского мифа. Вызвал неожиданный интерес в постсоветском мире, «арийская идентичность», нашедшая применение в самых разных этнополитических контекстах, наполняется разными смыслами и оказывается многоликой⁴. Одной из многочисленных функций арийского мифа является поиск врага, с

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03090), Институт этнологии и антропологии РАН, рук. акад. В.А. Тишков.

² Cole J. R. *Cult archaeology and unscientific method and theory* // Schiffer M. (ed.). *Advances in archaeological method and theory*. New York: Academic Press, 1980. Vol. 3. Pp. 1-33.

³ К сходному выводу пришел и В. Б. Яшин, но он формулирует это несколько иначе: неоязычество «оперирует архаическим наследием как инструментом решения актуальных проблем современности». См.: Яшин В.Б. Русское неоязычество в контексте проблемы религиозно-политического экстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России, 2014, № 1 (52). С. 37-40.

⁴ Шнирельман В. А. Арийская идея и политика идентичности в эпоху постмодерна // Вестник РГНФ. 2011. Вып. 3. С. 28-39.

которым якобы суждено вечно сражаться «арийцам». Важность образа врага объясняется тем, что он с легкостью объясняет причины неудач и несчастий «арийцев», позволяя снять вину за это с них самих и перенести ее во вне. Объективной основой этому служит отсутствие реальной демократии, что заставляет людей чувствовать свою отчужденность от политического процесса и видеть себя лишь пешками, которыми управляет невидимая рука⁵. Стоит ли удивляться тому, что такое состояние общества способствует расцвету конспирологии, к которой активно прибегают те, кто стремится перенаправить внимание общественности с реальных проблем в мир безудержных фантазий, где господствуют тайные враги, плетущие бесконечные интриги и организуемые зловещие заговоры?

В контексте арийского мифа главным врагом традиционно оказываются «семи-ты», образ которых вот уже около 150 лет не дает покоя «доблестным арийцам»⁶. Именно этот образ привлекает создателей ксенофобских версий альтернативной истории, пытающихся всеми силами обнаружить «семитский след» в любых исторических коллизиях для установления источника «всемирного зла», о котором беспрестанно говорит арийский миф. Однако, так как откровенная антисемитская пропаганда грозит привлечением к уголовной ответственности, ее любителям приходится прибегать к метафорическому языку, позволяющему передать свои сокровенные мысли, не подвергаясь угрозе судебного преследования. Именно об

этом языке, который вырабатывался еще в советские годы⁷, и пойдет здесь речь.

При подготовке судебных дел по обвинению в антисемитской пропаганде перед экспертами обычно ставят вопросы о том, содержатся ли в рассматриваемых материалах высказывания, которые именуется антисемитскими. Между тем, постановка вопроса в такой форме должна быть признана некорректной, так как современный антисемитизм охватывает гораздо более широкий круг приемов и не сводится к одним лишь прямым «высказываниям». Как известно специалистам, те, кто разжигают национальную рознь, стремятся воздействовать, прежде всего, на эмоции публики и прибегают для этого к весьма широкому арсеналу средств. Кроме того, по указанным выше причинам многие современные антисемиты стараются соблюдать осторожность. Они пытаются избегать откровенных антисемитских высказываний и заменяют их средствами наглядной агитации (схемами, карикатурами), а также эвфемизмами, метафорами, отсылками к известным мифам, которые они сами и сочиняют, упоминанием ключевых терминов, связанных с этими мифами, перечислением еврейских имен и фамилий в достаточном сомнительных контекстах и т.д. Все это должно воздействовать на воображение читателя и возбудить у него, по меньшей мере, неприязненные чувства по отношению к евреям (либо к представителям иных рас или чужакам вообще). Мало того, «высказывания» могут по-разному интерпретироваться, и если одни видят в них одно, то другие – совсем другое. Поэтому сам по себе анализ текста иной раз мало о чем говорит⁸.

Русские радикалы научились использовать эзопов язык еще в советское время, в чем сегодня откровенно признается известный борец с «масонами» О. Плато-

---

⁵ Goodrick-Clarke N. *Black Sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity*. New York: New York University Press, 2002. P. 289; Hari J. Diana, *Osama and the rise of conspiracy theories. A huge number of genuine conspiracies have been exposed over the past 30 years* // *The Independent*, 11 September 2006.

⁶ Поляков Л. *Арийский миф. Исследование истоков расизма*. СПб.: Евразия, 1996; Olender M. *The language of Paradise: race, religion, and philology in the nineteenth century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; Figueira D. M. *Aryans, Jews, Brahmins: theorizing authority through myths of identity*. Albany: State University of New York Press, 2002; Шнирельман В. А. *Арийский миф в современном мире*. М.: НЛЮ, 2015. Т. 1-2.

---

⁷ Volovici L. *Antisemitism in Post-Communist Eastern Europe: a marginal or central issue?* Jerusalem: The Hebrew Univ. of Jerusalem, 1994 (ACTA, no. 5). P. 9.

⁸ Klug B. *Is Europe a lost cause? The European debate on antisemitism and the Middle East conflict* // *Patterns of prejudice*, 2005, vol. 39, no. 1. P. 46-59; Beller S. *The Zion's hall of mirrors: a comment on Neuer Antisemitismus* // *Patterns of prejudice*, 2007, vol. 41, no. 2. P. 215-238.

нов⁹. Так, по его словам, на вечере в честь Куликовской битвы «все понимали, что, говоря о событиях 600-летней давности, докладчики подразумевали и современное положение русского народа»¹⁰.

Такие приемы свойственны некоторым материалам СМИ, в том числе радикальным веб-сайтам, а также публицистическим выступлениям и, в особенности, художественной литературе. Содержащиеся в них фантазии иной раз выглядят для неподготовленного читателя привлекательными, и он готов подхватывать их, не осознавая, что становится разносчиком ксенофобской пропаганды.

Между тем, указанные приемы вовсе не учитываются «психолингвистической экспертизой», так как остаются неизвестными соответствующим экспертам. Поэтому для проведения этих сложных экспертиз сегодня недостаточно быть профессиональным психологом или филологом, а необходимо хорошо знать суть антисемитских мифов и тех приемов, которые используют их создатели и распространители.

Попробуем обсудить все это на примере арийского мифа, основанного на манихейской картине мира, где Добру («арийцам») приходится вечно сражаться со Злом («семитами»), что якобы должно закончиться вселенской катастрофой. Ксенофобский арийский миф получил законченное выражение в книге Х. Чемберлена «Основания девятнадцатого века»¹¹, ставшей учебником для последующих поколений расистов и нацистов¹². Четверть века назад этот миф был подхвачен русскими радикалами и с тех пор тиражируется множеством эпигонов, ведущих борьбу за внимание читающей публики.

В предельно краткой форме суть мифа заключается в том, что в глубочайшей древности на Земле возникла первая цивилизация, которую многие самодельные авторы помещают в Арктике. Якобы

именно там были созданы непревзойденные технические и культурные шедевры, и там появилась первая настоящая («ведическая») религия. Со временем носители этой цивилизации, «арийцы», расселились едва ли не по всему Земному шару, создав мировую империю и познакомив всех других обитателей планеты со своими великими достижениями. Однако затем откуда-то появились враги, «семиты», которые правдами и неправдами начали теснить «арийцев» обратно на север, присваивая себе их бесценное наследие. Якобы этот процесс продолжается до сих пор, создавая реальную угрозу для выживания «белой расы».

Если Чемберлен без тени сомнения отождествлял «арийцев» с германцами, то его русские последователи убеждены в том, что «арийцы» являлись славянами или даже русскими, что прародина «арийцев» располагалась в России и что все ее беды объясняются «натиском семитов». Поэтому в русифицированной форме арийский миф включает следующие постулаты и аргументы: 1) истинными арийцами являются славяне, 2) прародина арийцев лежала на территории России, откуда они и расселялись по всему миру, 3) так как арийцы представляются «высшей расой», то, следовательно, именно предки славян еще в древности одарили мир всеми великими достижениями, начиная от цивилизации и письменности и кончая религией, 4) для доказательства этого ведется присвоение чужой истории и чужих достижений – поэтому предки славян отождествляются с этрусками, филистимлянами, финикийцами, индо-ариями и многими другими древними народами, 5) в этом контексте хананеи (те же семиты), заселявшие Палестину до прихода древних израильтян, выдаются за ближайших родственников славян, 6) предки евреев рисуются варварами, лишенными творческого начала, которые нахлынули из Аравийской пустыни и узурпировали «арийское» культурное наследие, 7) нашествие израильтян и их неизменные победы над «славянами-арийцами» объясняются коварством египетских жрецов, которые якобы боялись «народа рос» и для борьбы с ним искусственно вывели неких «биороботов», давших начало евреям.

⁹ Платонов О. А. Война с внутренним врагом. М.: Алгоритм, 2012. С. 259, 325.

¹⁰ Он же. Русское сопротивление. Т. 1. Война с антихристом. М.: Столица-принт, 2010. С. 205, 235.

¹¹ Чемберлен Х. Основания девятнадцатого столетия. В 2-х тт. М.: Русский мир, 2012.

¹² Шнирельман В. А. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). 2-е изд. М.: Academia, 2010. С. 63-104.

Так евреи становятся носителями Мирового Зла, якобы специально «созданными» египетскими жрецами для выполнения некой глобальной миссии. Якобы поэтому мир и оказался обреченным на вечную борьбу двух едва ли не космических сил - патриотов-националистов и «талмудических сионистов». При этом вся история России или ее последние столетия представляются не иначе как «иудейским игом»¹³. Из этого делается вывод о необходимости сбросить это «иго» и установить истинно «русскую власть», которая только и позволит России достичь благоденствия. В противном случае не только Россию, но и весь мир, ожидает неизбежный крах. Иными словами, русифицированный арийский миф делает русских «мессианским народом», призванным спасти человечество от неминуемой гибели.

Примечательно, что арийский миф не признает никакой индивидуальной подвижнической деятельности (если не считать отдельных богов-героев, вымышленных некоторыми самодеятельными авторами). Его единственным положительным героем является народ – будь то «славяно-арии» или «русский народ». Он представлен неким целостным «социальным телом», успешно продвигающимся по волнам истории. При этом во многих версиях альтернативной истории ему практически ничего не приходится для этого делать, ибо реальную борьбу ведут «враги», тогда как он фактически уподобляется спящему на печи Илье Муромцу.

В современной русской массовой литературе этот миф присутствует в огромном числе разнообразных версий. Причем его интерпретаторы озабочены тем, как сделать свои идеи понятными массовому читателю и в то же время избежать обвинений в антисемитизме. Рассмотрим, как каким приемам они для этого прибегают.

Эвфемизмы. Авторы альтернативной истории соревнуются в том, как искуснее назвать главного «врага». Петербургский неоязычник В. Н. Безверхий, не смущаясь, награждал его оскорбительным

для российских евреев прозвищем «жиды», но еще больше ему нравился термин «ублюдки»¹⁴. Не мудрствуя лукаво, писатель Ю. В. Сергеев использовал термин «зиады», в котором нетрудно угадать то же самое прозвище¹⁵. Не отставал от него и изобретатель «ВсеЯСветной грамоты» А. Ф. Шубин-Абрамов, вводящий придуманный им самим термин «сиды» (как замену «жидам»), где латинская буква «s» связывается с «пожиранием» и «паразитизмом», т. е. с абсолютным злом. Не довольствуясь этим, он использовал также термин «ивриты» (угадывается его источник – язык иврит)¹⁶. Эзотерик и гипнотизер В. М. Кандыба изобрел неологизм «русалимы» (здесь источником служит Иерусалим), но иногда в том же значении у него выступали «римские идеологи»¹⁷.

Ф. Н. Разоренов, одно время под именем Ладомир возглавлявший Московский ведический центр «Коловрат», называл зловредную силу «беструром», который в разные эпохи выступал якобы под разными личинами - Сатаны, Люцефера, дьявола и т. д.¹⁸ Можно предполагать, что в основу здесь были положены термины «бастард» (тот же «ублюдок», по Безверхову) и «бес» (т. е. чёрт), призванные при скрещении создать отталкивающее впечатление.

Особую популярность в этой среде получил эвфемизм «хазары», к которому часто прибегают самые разные авторы ксенофобских сочинений¹⁹. В частности, его использовал бывший комсомольский работник и сотрудник КГБ, а затем видный деятель думской фракции КПРФ и заместитель председателя Исполкома Народно-патриотического союза России А. Т. Уваров. Именно «хазарам» он приписывал

¹³ Об «иудейско-масонском иге» члены историко-патриотического объединения «Память» рассуждали еще в начале 1980-х гг. См.: Платонов О. А. Война с внутренним врагом. М.: Алгоритм, 2012. С. 161.

¹⁴ Безверхий В. Н. Философия истории // Волхв, 1993, № 1 (7). С. 3-102.

¹⁵ Сергеев Ю. В. Княжий остров. Русский роман М.: Б. и., 1995.

¹⁶ Шубин-Абрамов А. Ф. Буковникъ ВсеЯСветной Грамоты. М.: б. и., 1996.

¹⁷ Кандыба В. М. История русской империи. СПб.: Эфко, 1997.

¹⁸ Ладомир. Арийская традиция // Наследие предков, 1995, № 1. С. 5-10.

¹⁹ Детально об этом см.: Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры, 2012.

вал «гибельное иудейское влияние» на «русов-ариев»²⁰.

В том же направлении движется и мысль национал-радикала А. А. Широпаева, который отождествил СССР с «Новой Хазарией», недвусмысленно давая понять, кто тогда занимал доминирующие позиции в обществе. Он называл евреев «суперевразийцами», и в его изображении целью «евразийского проекта» было установление их власти над миром и, прежде всего, «арийским миром»²¹. Представляя СССР «Новой Хазарией», или «Советской Иудеей», он в красках расписывал «азиатский террор», который якобы обрушили на «белых людей» «инородцы».

Омский неоязычник А. Хиневич объявляет носителем «темных сил» некую изобретенную им «серую расу». «Своих» он наделял «белой кожей» или «кожей цвета пламени Священного Огня», а «чужих» -- «серой», или «кожей цвета Мрака». Кроме того, разделению на «своих» и «чужих» в его концепции служат целые терминологические ряды: для «своих» применяются такие понятия, как «Великая Раса», «силы Света», «белые люди», «Святая Земля», «Род Небесный», а для «чужаков» -- «язычники», «чужеземные вороги», «Иномирье», «слуги Тьмы», «Пекло», «царство Тьмы»²².

Термин «серая раса», или просто «серые», полюбился последователям Хиневича, и они широко используют его для обозначения «недругов»²³. Это, например, обнаруживается в рассуждениях почетного строителя Байконура С. А. Алексеенко о том, что якобы «сегодня бывшие пигмеи серой расы претендуют на владение земным шаром» и стремятся полностью унич-

тожить культуру славян²⁴. Еще дальше шел радикал П. М. Хомяков, который не только предсказывал приближение мировой катастрофы, но фактически открыто призывал «белых» физически уничтожить «серых» и «черных», где под «серыми» понимались «мусульмане» и «иудеи». Это он называл исполнением Божественного замысла²⁵.

Гораздо больше изобретательности проявляет писатель-фантаст В. В. Головачев, заимствующий из детских игр слова-перевертыши. В итоге в одном из его романов жрец Тивел оказывается Левитом (так звались первосвященники древних иудеев), а властитель мира Арот неразрывно связывается с Торой. Полное имя Тивела звучит как «Икус Тупак Тедуб Месв Хампасту Иезад Нечел Тивел». Его истинные намерения раскрывает чтение первых пяти слов справа налево: «пастухам всем будет капут суки»²⁶. Действительно, как еще могли читать свои письма «враги человечества»?

Н. Н. Вашкевич и В. М. Кандыба изображают древних евреев «младшими братьями» русских. Выстаивая никогда не существовавшую допотопную империю, Вашкевич отождествляет евреев с некой «жреческой кастой русского воинства», чьим изначальным языком был русский. В свою очередь Кандыба представляет евреев «ветвью южных ругов», снижая накал русско-еврейского конфликта до уровня семейной ссоры. Он даже сочувствует древним израильтянам, «нашим младшим братьям», потерявшим свою государственность и попавшим в вавилонский плен. Однако это – не просто «младшие братья», а «младшие братья», отбившиеся от рук. В доказательство этого Вашкевич воспроизводит стереотип еврея как якобы вечного корыстолюбивого торговца и общает читателю о том, что Ветхий Завет насыщен призывами к убийству²⁷. А в книгах Кандыбы евреи оказываются «волж-

²⁰ Уваров А. Т. Русское национальное самосознание // Патриот, 1998, № 23. С. 8-9.

²¹ Широпаев А. А. Тюрма народа: русский взгляд на Россию. М.: ФЭРИ-В, 2001. С. 64-65.

²² Хиневич А. Славяно-Арийские Веды. Саньтин Веды Перуна. Книга мудрости Перуна. Круг первый. Сага об инглингах. Омск: Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Изд-во Аркор, 1999.

²³ Демин В. М. От ариев к русичам: концептуальный очерк языческой истории до Рюрика, которая у нас никогда не преподавалась. Омск: Б. и., 1998; Левашов Н. В. Россия в кривых зеркалах. Т. 1. От ругов звездных до оскверненных русских. СПб.: Митраков, 2010.

²⁴ Алексеенко С. А. По следу ариев-славян // Свет. Природа и человек, 1996, № 2, С. 22.

²⁵ Хомяков П. М. Технотронная Авеста. Сакральная космогония белого человека. М., 2008 (<http://nordrus.org/norna/detail.php?ID=2181>)

²⁶ Головачев В. В. Не русские идут, или носители смерти. М.: ЭКСМО, 2009.

²⁷ Вашкевич Н. Н. Утраченная мудрость или что в имени твоём. М.: Б. и., 1996. С. 308-309.

скими русами» (иными словами, теми же «хазарами»), попытавшимися установить свое финансовое, культурное и административное господство в «Русской империи» в эпоху раннего средневековья. Мало того, с помощью эвфемизмов «иностранцы», «купцы» он с легкостью переводит их в разряд «чужаков», представителей «непонятного торгово-финансового спрута»²⁸. При этом он всеми силами пытается скрыть, что «наши младшие братья» и «иностранцы» являются, по сути дела, одними и теми же лицами. Он доходит до того, что утверждает, будто такого народа как евреи вообще никогда не существовало, а были «араратские русы», расселившиеся на землях «палестинских русов» и забывшие о своем родстве²⁹.

Чтобы простодушный читатель смог разгадать все эти головоломки, сочинители прибегают к подсказкам. Сергеев пояснял, что «зиады» погубили Иисуса Христа и, पुще того, расхищали и использовали в своих зловещих целях древнеславянские языческие идеи и достижения. Шубин-Абрамов раскрывал страшную тайну – оказывается, «ивриты» подрывали основы выдуманной им самим «ВсеЯСветной грамоты», а в последнее время вовсе замыслили ее погубить. А Кандыба прямо объяснял, что христианскими священниками всегда служили в основном «лица еврейской (русалимской) национальности».

Забываясь о том, чтобы его неудобоваримый термин «беструр» не остался непонятым простым читателям, Разоренов перечислял его «поступки» - занятие посреднической деятельностью между регионами, развитие международного обмена и торговли, установление власти денег, создание Великого Шелкового пути (здесь читатель должен был вспомнить о «хазарах»), введение иудаизма, христианства и ислама и распространение их по всему миру, и наконец, внедрение «малого народа» с его чуждой идеологией в толщу основного коренного народа с тем, чтобы причинить вред ему и его культуре.

Еще проще поступал В. А. Истархов. Чтобы избежать обвинения в антисеми-

тизме, он прибегал к следующему трюку -- он обвинял иудаизм в истреблении подлинных древних евреев и в создании вместо них «новых евреев в виде биороботов»³⁰. Он одобрял антисемитизм как «естественную защитную реакцию других народов от еврейского шовинизма» и призывал привлекать борцов с антисемитизмом к уголовной ответственности³¹.

Аллегии и демонизация врага. Некоторым авторам даже такое замысловатое описание узнаваемого «врага» кажется чересчур рискованным, и они прибегают к фольклорным образам или историческим параллелям, позволяющим нарисовать образ врага с помощью достаточно прозрачных намеков. Непревзойденным мастером здесь выступает журналист и писатель А. Асов. Он придает злым силам облик трехглавого дракона Зохака, сына царя «праарабов-семитов» (по-русски Ящер)³². Образ этого чудовища и его удивительной связи с семитами нуждается в комментариях. Дело в том, что в зороастрийском трактате «Денкарт» (IX -- начало X в.) фигурирует трехглавый дракон Ажи-Дахак (Заххак), правивший в Иране после первого царя Иимы. В «Шахнаме» он принял образ жестокого сына арабского царя, требовавшего человеческих жертв для того, чтобы кормить двух змей, растущих из его плеч. Якобы он убил Ииму (Джамшида) и установил царство зла³³. Иными словами, Асов в скрытой форме, но, тем не менее, достаточно недвусмысленно дает понять, кто именно с давних пор портил и разрушал построенное предками. И

³⁰ Истархов В. А. Удар русских богов. М.: Институт экономики и связи с общественностью, 2000. С. 7. Сегодня к похожему аргументу прибегает заведующего кафедрой в престижном МГИМО экономист В. Ю. Катасонов, доказывающий, что исконные евреи давно исчезли, а их место заняли «потомки хазар», представляющие собой «химеру», «очень вредную с политической и духовной точек зрения». См.: Катасонов В. Ю. Мировая кабала: ограбление по... М.: Алгоритм, 2013. С. 5-6.

³¹ Истархов В. А. Удар русских богов. С. 72-73.

³² Асов А. И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998.

³³ Ленорман Ф. Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. 2. Вып. 2. Мидяне и персы. Киев: Университетская типография, 1878. С. 148; Брагинский И. С. Заххак // Токарев С. А. (ред.) Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 462-463.

²⁸ Кандыба Д. В. Русский гипноз. М.: КСП, 1995.

²⁹ Кандыба В. М. История русской империи. СПб.: Эфко, 1997. С. 259.

перед читателем возникает призрак «арийско-семитской конфронтации».

О том, что для национал-патриотов в этом послании не было ничего загадочного, говорят рассуждения А. Иванова (Скуратова), который объяснял, что именно Ажи-Дахак (Заххак) создал Тору и построил Иерусалим и именно от него Авраам и остальные евреи получили свое религиозное учение³⁴.

Для Асова это – не случайность. Хотя он всячески скрывает свои антисемитские чувства, они все же иной раз прорываются наружу. Опираясь на антисемитский стереотип, он заявляет, что в древности «иудеи не воевали, они, как всегда, побеждали в мирное время (через торговлю, ростовщичество, жреческую деятельность и т. п.)». По его словам, ни Давид, ни Соломон не были иудеями, и он делает все возможное, чтобы наделить их «арийской кровью». Следовательно, рассуждает Асов, Иисуса Христа можно назвать «потомком Ария и Дажьбога». Тем самым, тот оказывается в родстве со славянами³⁵.

В свою очередь философ В. Н. Демин представлял вполне невинную русскую сказку о Курочке Рябе воспоминанием о тех допотопных временах, когда индоевропейцы будто бы не на жизнь, а на смерть бились с семитами. Он переносил поле битвы на далекий Север, где якобы и располагалась прародина человечества. По его словам, миграция индоевропейцев на юг была следствием их военных неудач. Иными словами, «натиск семитов» был отнесен им в эпоху палеолита³⁶.

Создатель «Древнерусской Инглистической Церкви» А. Хиневич рисует образ врага более обобщенно. В несчастьях, свалившихся на голову предков, он винит происки соседних иностранных государств. Якобы те вначале разжигали вражду между русскими князьями, сочетая это с вооруженными набегами, а затем навязали «славянам и ариям» чуждые

религии -- иудаизм, христианство, зороастризм, ислам и буддизм. Среди таких врагов обнаруживаются и христианские миссионеры, заменившие «родную веру» чуждой религией, а также намеренно искажившие древнюю азбуку, изъяв из нее «лишние буквы» (здесь чувствуется влияние идей Шубина-Абрамова). При этом он отождествляет иудаизм с христианством и доказывает, что обе эти религии неприемлемы для славян и что введение христианства привело не только к отказу от веры предков, но и к искажению истории³⁷. Кроме того, в его системе «свои» противопоставляются «чужим» как «дети Человеческие» неким существам, отнесение которых к категории людей оказывается сомнительным. Ведь им приписываются качества, неуместные у «настоящих людей», -- «звериная нагота» и «двуполость». Такие «чужеземные вороги» приходили из «мира Тьмы», поклонялись «Золотому Туру» и устраивали кровавые жертвоприношения. Они устремлялись на «Святую Землю» для «захвата», «сворачивания», «нарушения гармонии», а своей конечной целью ставили гибель «Великой Расы». Иными словами, Хиневич широко оперирует эвфемизмами и иносказаниями, однако как контекст повествования, так и комментарии к нему не оставляют никакого сомнения в том, что под «чуждыми силами» имеются в виду иудаизм и христианство, а также их священнослужители и последователи.

Всем указанным авторам кажется очевидным, что «враги» (т. е. семиты) никогда не отличались творческой активностью, но зато приносили вред окружающим народам и заимствовали у них их высокую культуру.

Теория циклизма и «исторические параллели». Рассматриваемых авторов заботит вовсе не далекое прошлое, а наше настоящее. Поэтому апелляции к отдаленному прошлому используются ими инструментально, чтобы показать неприемлемость настоящего с его устрашающими, по их мнению, тенденциями. В этом отношении показательны взгляды Вашке-

³⁴ Иванов (Скуратов) А. М. Рассветы и сумерки арийских богов: расовое религиоведение. М.: Белые альфы, 2007. С. 279.

³⁵ Асов А. И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998. С. 247-266; он же. Боги славян и рождение Руси. М.: Вече, 2008. С. 355.

³⁶ Демин В. Н. Тайны русского народа. М.: Вече, 1997. С. 363-365; он же. Загадки Русского Севера. М.: Вече, 1999. С. 108, 169, 296-298.

³⁷ Хиневич А. Славяно-Арийские Веды. Книга Третья. Инглизм. Слово мудрости волхва Велимудра. Часть 2. Омск: Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Изд-во Аркор, 2000.

вич, озабоченного проблемой падения некой мировой «Перводержавы», существовавшей, по его словам, в глубочайшей древности. Ее распад он связывал с нараставшей специализацией регионов и развитием «национальной идеи», требовавшей большей самостоятельности вплоть до политической автономии. Именно в этот момент, как он утверждал, власть в империи захватила армия, представленная русскими. Причем она захватила ее не для спасения империи, а для того, чтобы придать ее распаду цивилизованный характер и спасти отделяющиеся народы от деградации, наделив их необходимыми знаниями и, прежде всего, письменностью. Впрочем, сетовал автор, никто не оценил благородства русских, и во вновь образовавшихся государствах ни о какой автономии для меньшинств речи уже не было³⁸. Иными словами, фантастические рассуждения о Перводержавии и ее распаде, якобы произошедшем 7500 лет назад, фактически моделировали недавнее прошлое -- распад СССР; и автор это прекрасно сознавал, говоря о том, что история повторится³⁹.

Построения Вашкевича служат ярчайшей иллюстрацией того, как современный человек конструирует древнюю историю, исходя из окружающей его реальности, а затем опирается на эту искусственную конструкцию для предсказания будущего. При этом становится понятным смысл теории циклизма -- ведь, если история совершается циклами и без конца повторяется, то имеются все основания мечтать о грядущем восстановлении Русской Империи! Мало того, если первоначальное человечество было однородным и не делилось на отдельные этносы, то можно рассчитывать на исчезновение этносов в будущем⁴⁰.

Имея в виду ту же самую проблему распада империи, Безверхий прямо называл тех, кто, по его мнению, был тому виной: «Потомки хазарских жидов -- жидашкинази -- в 1991 году, заключив Беловежское соглашение, разрушили империю славян, создававшуюся более 1000

лет»⁴¹. Вот та ниточка, которая прочно соединяет в глазах русских радикалов хазарский эпизод с современностью. Безверховому был нужен внешний враг, его патриотические чувства не могли смириться с тем, что что-то неладно внутри самого российского общества, и он находил самое легкое решение, подхватывая давнюю традицию антисемитизма.

Беспокоит радикалов и проблема массовой миграции. Так, описывая в своем романе жизнь «древних арийцев», неоязычник А. К. Белов нагружает их теми проблемами, которые заставляют его сегодня тревожиться за судьбу русского народа. Речь идет о падении рождаемости и о приходе новых «неарийских кланов», вытесняющих «арийцев» с насиженных мест и объявляющих самих себя «арийцами». При этом пришельцы якобы пользуются всеми достижениями «арийцев», ибо это проще, чем производить самим⁴².

В другой более поздней книге Белов пишет об этом еще откровеннее. Там он представляет современные массовые миграции сознательно организованной «этнической экспансией», ставящей своей целью «создание многочисленных влиятельных диаспор». По его словам, за последнее десятилетие мигранты «осуществили тотальное демографическое переустройство российских регионов», что якобы является частью «исламской революции». Иными словами, мигрантов он приравнивает к чеченским боевикам и видит в них боевые порядки «бойцов ислама», замышляющих сделать из России новый «Халифат»⁴³. За всем этим прочитывается современная мигрантофобская риторика, квалифицирующаяся сегодня как «культурный расизм».

Петербургского неоязычника, журналиста О. М. Гусева тоже тревожат неблагоприятная демографическая ситуация в России и странах Запада, последствия массовых миграций и быстрый рост мусульманского населения. Он также не может смириться с распадом СССР и образованием новых независимых государств. На это он отвечает выстраиванием гран-

³⁸ Вашкевич Н. Н. Утраченная мудрость или что в имени твоём. С. 186-205.

³⁹ Там же. С. 205, 225.

⁴⁰ Вашкевич Н. Н. За семью печатями. М.: Дека, 1994. С. 181.

⁴¹ Безверхий В. Н. Философия истории. С. 47.

⁴² Белов А. К. Великий поход: арийская мифология. М.: Современный писатель, 2000.

⁴³ Белов А. К. Искусство партизанской войны. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 35-46.

диозного мифа, отводящего русскому народу выдающуюся роль в мировой истории, наделяющего его огромными заслугами перед человечеством и одаривающего его колоссальными территориями. А потерю им былого могущества Гусев объясняет натиском чуждых рас и, в частности, происками масонов, евреев, христианских миссионеров и западных спецслужб. В этих условиях все надежды на выход из драматической ситуации возлагаются на «русских волхвов»⁴⁴.

Писатель Ю. Д. Петухов также конструировал далекое прошлое, перенося туда современную ситуацию. Ему было важно доказать, что предки славян еще в глубочайшей древности освоили огромную евразийскую территорию и заложили основы человеческой цивилизации. Поэтому он утверждал, что у протославян не было своих земель и якобы поэтому их молодежь отличалась большой подвижностью и свободно расселялась едва ли не по всему Старому Свету⁴⁵. И догадливый читатель должен был понять, что широкое расселение русских по территории вначале Российской империи, а затем и СССР было следствием не целенаправленной политики властей, а выражением якобы вечного свободолюбивого духа русских, побуждавшего их к путешествиям.

Происходящее в современной России Петухов воспринимал в трагических тонах как расчленение и разграбление великой страны, которой грозили утрата независимости, вырождение и гибель. Это и заставляло его писать «подлинную историю», призванную стать предостережением для современников. При этом он фактически опрокидывал в прошлое современную ситуацию, причем осознанную с ксенофобских позиций. Так, его тоже мучила загадка крушения империи, и он объяснял это медленной инфильтрацией «периферийных групп», внедрявшихся в «цивилизованное общество», навязывавших ему свою систему ценностей и, тем самым, подрывавших его. Такие группы, к

которым Петухов относил, прежде всего, кочевников, якобы ничего не создавали, а лишь безжалостно разбазаривали и разрушали созданное другими. Соответственно, разные этносы и оценивались им по-разному -- одни творили и создавали, другие -- только разрушали, а потому, развивал он расистскую идею, «утверждать, что все этносы равны, что все они несут в себе равносозидающие и равноразрушающие начала, было бы антинаучно, лженаучно и просто ложно»⁴⁶.

Для доказательства этого он проводил сомнительные параллели между обществами Древнего мира и современной Россией. Так, гибель Шумера давала ему повод рассуждать о том, что может ожидать Россию в ближайшем будущем. И в том, и в другом случае причину упадка он усматривал в приходе «чужаков-горцев» и «варваров-кочевников», постепенно вытеснивших исконное население и овладевших его достижениями⁴⁷. Теми же причинами он объяснял и упадок «ассирио-авилонской империи», находя ей прямую аналогию в СССР с его «интернациональной властью»⁴⁸. Народное восстание в Лагаше эпохи Саргона Аккадского напоминало ему о восстании 1113 г. в Киеве: оба эти случая давали ему повод еще раз указать на опасность, грозящую со стороны «чужаков» -- торговцев и ростовщиков, от которых обществу был якобы один лишь вред⁴⁹.

Едва ли не ключевым для Петухова был термин «чужаки». Он писал о медленной инфильтрации чужаков в виде слуг, рабов, наемников, рабочих, торговцев и, что показательно для такого дискурса, «криминальных элементов». Со временем росла их численность, и они включались в общество, принося свои «вредные обычаи» (кумовство, взяточничество, клановость), что вело к распространению «чуждых норм морали». Затем они захватывали власть и заставляли местных чиновников, жрецов и интеллектуалов работать на себя, в частности, переписывать историю и мифологию⁵⁰.

⁴⁴ Гусев О. М. Белый конь Апокалипсиса. СПб.: ЛИО Редактор, 2000.

⁴⁵ Петухов Ю. Д. Дорогами богов. Этногенез и мифогенезис индоевропейцев. Решение основной проблемы индоевропеистики. М.: Метагалактика, 1998. С. 48.

⁴⁶ Петухов Ю. Д. История древних русов. М.: Вече, 2009. С. 275.

⁴⁷ Там же. С. 258-260.

⁴⁸ Там же. С. 277-278.

⁴⁹ Там же. С. 267.

⁵⁰ Там же. С. 258-259, 271, 305, 313.

Показательно, что для пришлых торговцев и ростовщиков, заботившихся лишь о своем благополучии и не считавшихся с интересами коренных жителей, Петухов использовал термин «интернационал»⁵¹. Именно так этот термин использовался в начале XX в. австрийской ариософией и германской национал-патриотической беллетристкой, где он неизменно связывался со злыми «космополитическими» силами, стремящимися разрушить местное общество.

В книгах Петухова звучал и типичный для современного расизма тезис о «критическом пороге» миграции⁵², превышение которого якобы неизбежно ведет цивилизацию к гибели⁵³. При этом он не упускал случая отметить, что такие процессы происходят и в современной России⁵⁴. Он воспроизводил типичную для эзотерики схему культурного регресса, или «вырождения», причем регресс этот выражался у него в постоянном уходе «русов» с принадлежавших им ранее территорий. В эпоху распада СССР эта идея хорошо усваивалась читающей публикой.

Идею циклического развития рассматриваемые писатели черпают из эзотерики, которая не ограничивается констатацией упадка и разложения; она дает и надежду, предсказывая приход «новой расовой эпохи» и рождение «нового человека». Соответственно, и Петухов пытался рисовать радужную картину будущего. Он предрекал скорую гибель Запада и Востока. И лишь Россия как «генератор цивилизационно-пассионарных волн» должна была сохраниться, ибо на основе «стволового суперэтнуса» «русов» неизбежно должен возникнуть новый «суперэтнос». Он положит начало «новому человечеству» (т. е. «шестой расе», по Е. П. Блаватской), которое будет много совершеннее нынешнего и начнет заново осваивать планету, а со временем достигнет уровня «богочеловека», что якобы изначально

заложено в некоей «программе Сверхэволюции», выработанной «Высшим Разумом». При этом якобы именно русским предначертана миссия вывести человечество на «уровень богов». Впрочем, поправлял себя Петухов, речь идет лишь о «русском человечестве»; всех других он представлял «обезьяноподобными людьми» и предрекал им возвращение в животный мир⁵⁵.

Белову мессианская идея кажется недостаточной. Он задумывается и об идеальном политическом устройстве в государстве будущего. Ему претит идея социального равенства, якобы подброшенная людям демоном. Для него идеи равенства и братства, смирения и покаяния являются «гнилой моралью». Зато его идеалом служит кастовое общество, где касты отличаются профессиями, поведением и мировоззрением. Главной кастой ему видятся «воины» («кшатрии»), под которыми в сегодняшнем мире понимаются все силовые структуры, и он требует уважительного отношения к ним как к особо важному классу (в этом нельзя не заметить влияния фашистского философа Юлиуса Эволя). Их-то он и представляет «национальной элитой», которой должно служить государство. По сути, он не прочь ввести военную диктатуру, ибо порядок ценится им выше свободы и демократии. Одновременно он воспекает войну, якобы идущую во благо обществу.

Иными словами, Белов стоит за иерархическое, корпоративное и милитаризованное общество, которое когда-то пытались строить итальянские фашисты под началом Муссолини. Кроме того, чтобы побудить людей к активности, он доказывает, что демон живет только их равнодушием, нерешительностью и глупостью. В его романе политические идеи явно превалируют над описанием обрядов и культуры. Очевидно, этим и определяется та «русская ариософия», которую он мечтает создать.

Свастика. Одно нарратива указанным авторам мало. Они нуждаются в зримом узнаваемом символе, способном возродить в памяти суть рассматриваемого здесь мифа. Надо ли удивляться тому,

⁵¹ Петухов Ю. Д. Первоистоки ругов. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2009, сс. 236-237, 431.

⁵² Об этом см.: Шнирельман В. А. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии, 2008, № 2, сс. 125-150.

⁵³ Петухов Ю. Д. История древних ругов, с. 269, 271, 306.

⁵⁴ Там же, с. 273.

⁵⁵ Петухов Ю. Д. Первоистоки ругов, сс. 420, 439-450.

что в качестве такого символа они используют пресловутую свастику? В выступлениях против свастики некоторые авторы вслед за бывшим лидером неонацистской организации «Русское национальное единство» А. П. Баркашовым⁵⁶ усматривают зловерное посягательство на «веру и народную культуру» и упорно не хотят учитывать борьбу с реально существующим неонацизмом⁵⁷. Поэтому представляется уместным рассмотреть значение свастики для национал-патриотов.

Первым из национал-патриотов, кто попытался реабилитировать свастику, был В. К. Демин, редактор монархической газеты «Земщина». Начав свою статью гимном Кресту как важнейшему христианскому символу, далее Демин объяснил, что под Крестом имеется в виду свастика, которая якобы почиталась христианами с древности. Тогда этот символ называли «гаммированным крестом», и он якобы символизировал Христа распятого или Христа победителя. Якобы символ свастики был изначально связан с «белой расой» и до сих пор у нее сохранился, хотя и распространился далеко за ее пределы. Показывая, что значение символа в истории менялось, Демин доказывал, что потомки Авраама отказались от веры в Творца, и шестилучевая звезда превратилась у них в «печать антихриста», в символ борьбы Сатаны против Бога. Якобы в этом и состоял смысл Второй мировой войны, которая якобы велась «евреями и демократами» против свастики⁵⁸. И хотя Демин протестовал против германской монополии на свастику и щедро одаривал «все арийские народы» правом на ее использование вместе с приданием ей сво-

ей смысловой нагрузки, в своей ненависти к «иудеям» и «масонам» он демонстрировал типично нацистское понимание значения свастики. И действительно, вскоре он откровенно выразил свои симпатии Гитлеру и всему нацистскому движению, одобряя их деятельность и приписав проведение геноцида «мировому кагалу». Теперь он уже прославлял «Крест», т. е. свастику, как «символ защиты христианства и белых народов»⁵⁹.

Устами автора газеты «Националист» (органа «Национально-республиканской партии России») современные радикалы окончательно раскрывают значение этого символа, заявляя, что арийская свастика направлена, прежде всего, против звезды Давида⁶⁰. А радикал Широпаев, мечтающий о «расовой революции», в полном соответствии с нацистской доктриной считает ее символом свастики⁶¹.

Таким образом, реабилитация свастики является по сути дела сознательным стремлением пересмотреть ее чудовищную роль в истории XX в. как символа борьбы за расовую чистоту со всеми ее трагическими последствиями⁶²; так она и воспринимается современными расистами⁶³.

Наконец, особым приемом оказывается обращение к теории циклизма, позволяющей верить в то, что мифический Золотой век «Первоимперии», или «Русской империи», вернется. Речь идет о неких допотопных временах, когда империя блистала «этнической чистотой» и была свободной от «инородцев» и «чужеземных влияний», что якобы и позволяло ей достичь в своем развитии небывалых высот. Проблемы же начались с появлением

⁵⁶ Баркашов А. П. Страсти вокруг свастики. Что за ними // Русский порядок, 1997, № 4.

⁵⁷ См., напр., Хиневич А. Славяно-Арийские Веды. Книга Вторая. Книга Света. Харатьи Света: Харатьи 1-4. Омск: Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Изд-во Аркор, 1999. С. 83-84; Багдасаров Р. В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М.: Белые альвы, 2001, сс. 18-21; Кутенков П. И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 18-22; Тарунин А. В. Сакральный символ. История свастики. М.: Белые альвы, 2009, сс. 227, 327, 447-448, 451-452.

⁵⁸ Демин В. К. Сим победидай // Земщина, 1993, № 94.

⁵⁹ Демин В. К. Сим победиши // Земщина, 1994, № 98.

⁶⁰ Болотов С. С. Против свастики - против культуры // Националист, 1993, № 4. С. 5. Ср.: Мочалова И. В. Ведические знания на перекрестках геополитики. Основы антимаериальной методологии (Возвращение Крышени). М.: Воля России, 1996. С. 110; Кандыба В. М. История русской империи. СПб.: Эфко, 1997, с. 90-91.

⁶¹ Широпаев А. А. Тюрьма народа: русский взгляд на Россию. М.: ФЭРИ-В, 2001. С. 85, 115.

⁶² Wistrich R. S. Antisemitism. The longest hatred. London: Themes Methuen, 1991. P. 75.

⁶³ Об этом см.: Quinn M. The swastika. Constructing the symbol. London and New York: Routledge, 1994. P. 2, 7-9, 138-139.

«чужаков», кем бы они ни были, – иноземными захватчиками, купцами и ростовщиками, или несчастными мигрантами, пришедшими в поисках убежища. Все это описывается термином «интернационал», который в данном контексте нагружается исключительно негативным содержанием.

В довершение всего миф мобилизует визуальные образы, главным из которых является свастика как неувядающий символ арийства. Обнаруживая свастику в глубокой древности, мифотворцы стремятся очистить ее от шлейфа нацистских ассоциаций, превращая в древний «славяно-арийский» символ добра. Мало того, они нередко модифицируют свастику, непревзойденным мастером чего является упоминавшийся выше А. Хиневич, придумавший 76 ее вариантов⁶⁴. Наибольшую популярность у неоязычников получила восьмилучевая свастика («коловорот»), введенная волхвом Доброславом (А. Добровольским). Между тем, отмыть свастику от нацистского наследия не удается, и это обнаруживается как в контексте ее использования, так и в даваемых ей объяснениях, которые можно найти в ультрарадикальной литературе.

Сегодня арийский миф приобрел необычайную популярность на постсоветском пространстве. И, хотя в разных социально-политических контекстах он интерпретируется и используется по-разному, в России он верой и правдой служит, пусть и маргинальному, но достаточно заметному движению радикалов. Они активно делятся своими соображениями в Интернете, где одному только обсуждению происхождения, внешнего вида и достоинств «арийцев» посвящено несколько сотен тысяч веб-сайтов, причем около их четверти – проблеме «славяно-арийцев». У этого движения имеются идеологи, часть из которых принадлежат к некоторым религиозным движениям (неоязыческим и эзотерическим), часть – к политическим радикалам, часть – к самодеятельным историкам. Именно в этой среде и создается рассмотренная здесь ксенофобская альтернативная история

(разумеется, далеко не вся альтернативная история связана с ксенофобией).

В этом контексте арийский миф является продуктом травматического сознания и призван преодолеть травму, нанесенную распадом Советского Союза и резким изменением образа жизни, к которому далеко не все оказались готовы. Миф и призван залечить эту травму. Для этого он опирается на следующие постулаты: 1) величие предков, которые рисуются высшими существами, создававшими чудеса культуры и техники, заложившие основу современной цивилизации; 2) высокая духовность предков, принесших в мир первую и истинную религию («ведизм»); 3) моральное превосходство предков, якобы отличавшихся безмерной добротой, отзывчивостью, человеколюбием, доброжелательностью, что якобы и позволяло им делиться своими достижениями со всем остальным населением мира; 4) в некоторых вариантах мифа предки выглядят также и перволюдьми, что наделяет «славяно-арийцев» статусом «старшего брата» по отношению ко всем иным народам. Якобы все эти качества передаются потомкам, что призвано излечить комплекс неполноценности, в частности, снять с них вину за преследующие их неудачи и несчастья. Тем самым, вина переносится вовне, что давно известно психологом как механизм «переноса фрустрации» или «экстернализации вины».

Но каким образом враги могли одерживать верх над могущественными предками с их высочайшей цивилизацией? Эта несообразность ставит вопрос о безмерном коварстве и изворотливости внешнего врага, который был способен побеждать, хотя и могучих, но простодушных предков не иначе, как в облике Сатаны. Разве иначе он смог бы с ними справиться? Отсюда дегуманизация и демонизация врага, характерная для арийского мифа.

Вместе с тем, современные мифотворцы всячески стремятся избежать обвинений в ксенофобии и возбуждении национальной розни. Для этого-то они и награждают «врага» необычными названиями, демонстрируя всю свою неистощимую фантазию. Среди таких названий можно выделить следующие: 1) образованные по созвучию («зиады»), 2) производные от значимых культурных атрибутов («иври-

⁶⁴ Хиневич А. Славяно-Арийские Веды. Книга Вторая. Книга Света, сс. 155-184; он же. Славяно-Арийские Веды. Книга Третья. Инглизм, с. 128-141.

ты», «русалимы»), 3) неологизмы («бес-трур»), 4) плоды нового мифотворчества («хазары», «Новая Хазария»), 5) новообразованные расовые термины («серая раса»), 6) слова-перевертыши («Арот», «Тивел»). Кроме того, логика мифа требует введения иерархии народов, где «русы» оказываются «первонародом», а евреи – их «младшими братьями». Это дает право, во-первых, журить, а то и наказывать евреев за «проступки», а во-вторых, свободно использовать их культурное наследие как свое собственное. О ксенофобском арийском мифе говорят и используемые рассмотренными авторами славянизированные термины («Опаленый Стан» для Палестины, «Руса Салем» и «Русская оселя» для Иерусалима, «Сиян-гора» для горы Сион, «Явь» для бога Ях-

ве), якобы подтверждающие территориальные и культурные права русских на земли и наследие древней Палестины. Демонизации «врага» служат и образы древней мифологии (дракон Заххак) или изощренные интерпретации русских народных сказок (Курочка Ряба), призванные, кроме всего прочего, доказать едва ли не извечный характер происков «врага» и его неустанные посягательства на «Святую Русь». Этот эффект усиливается расовой идеей, наделяющей «врага» якобы неизменной биологической сущностью, которая с железной последовательностью и толкает его к исключительно «вредоносному поведению».

Шнирельман В.А.

Этнополитическая повестка дня в современной российской прессе¹

В статье рассмотрены основные информационные направления, акцентированные республиканскими газетами Бурятии, Карелии, Татарстана, Тувы и Удмуртии в марте 2014 г. - месяц тревоги и радости для россиян, когда в результате трагических событий на Украине была создана Независимая Республика Крым, когда парламент этой республики обратился к России с просьбой о принятии ее в состав России. И самое главное - когда в результате всенародного референдума в Крыму эта независимая республика вошла в состав нынешней Российской Федерации. Это событие огромной важности неоднозначно было воспринято не только в мире, но и частью россиян, что, естественно, отразилось и в средствах массовой информации. Как показывает анализ республиканских газет, пресса в разных уголках России довольно активно следила за этими событиями и почти ежедневно рассказывала о реакции на них россиян.

Отметим, что каждый субъект федерации жил в эти дни и своей жизнью. Как обычно, люди работали, учились, отдыхали, слушали и смотрели новости, читали о них в газетах. Какие же наиболее значимые события, явления и сюжеты показались республиканским коммуникаторам наиболее важными для информирования своих медийных аудиторий в это простое время? Сравнительный анализ материалов республиканских газет позволил увидеть не только пропагандистские акценты в общественно-политической тематике, но и то, на что в эти дни направлялось общественное внимание жителей разных республик - на межэтническое и межконфессиональное единство жителей республик, на единение и сплочение народов России, на их взаимодействие или - на их отдельность и разделение. Кроме того, интересным представляется и изучение нынешней роли современной республиканской прессы в общественно-политических процессах в стране, рассмотрение и анализ ее этнополитического контента. На сегодняшний период – это заметный исследовательский вакуум и в обществоведении, и в журналистике, и в политологии. И для оптимизации этнопо-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации: разработка теории и междисциплинарного подхода», № 14-18-03-090.

литических процессов в стране его необходимо восполнить.

Одним из направлений данного исследования было выявление того, как в период возвращения Крыма, в дни всеобщей тревоги и радости пресса разных республик представляла для своей аудитории образ России и россиян? Анализ пяти республиканских изданий за месяц (контент-анализ 51 номера, около 2000 публикаций) показал, что презентация образа страны в современных республиканских газетах проходит практически незаметно. Довольно редко в газетных текстах этого уровня можно обнаружить даже простые упоминания о России как о стране. Само слово «Россия» лишь изредка проскальзывает в политической или исторической тематике, которая также довольно редко появляется на страницах этих изданий. Причем, в большинстве случаев это относится скорее не столько к России, сколько к ее органам власти - республиканской и федеральной. Конечно, разные региональные издания затрагивают эту тематику по-своему. И поводы для обращения к этим сюжетам неодинаковы.

Например, в информации о событиях в Крыму упоминания о России звучали радостно и даже подробно (как, например, в тувинской прессе), или несколько сдержанно (как в удмуртской), или почти незаметно в этот период (в Бурятии). Можно четко фиксировать, что в исследованных республиканских газетах образ России как единой страны с ее многочисленными субъектами, одним из которых является данная республика, просматривается очень слабо. Даже в дни «общей радости», какой она казалась идеологам федерального центра и многим россиянам, идеи единства и целостности страны, идеи ее настоящего и будущего, ценности и символы общей большой России упоминаются здесь (в отличие от центральных изданий) крайне редко. Понятие «родина» по отношению к стране также практически республиканской прессой не вспоминается.

Объединяющие россиян идеи и даже лексика встречается в обычных публикациях республиканских газет также редко. В то же время, в дни возвращения Крыма в этих изданиях все-таки публикуются краткие упоминания о России. Возьмем

для примера издание «Тувинская правда». В ней можно увидеть, например, небольшое сообщение о подготовке празднования «100-летия единения Тувы и России» (ТП, 1 марта) или о том, что у «России и Украины общие исторические корни» (ТП, 1 и 13 марта), общие культурные ценности, «многовековая дружба между народами России и Украины» (ТП, 4 и 13 марта). Тувинская газета сообщает и о том, что, в Туве, как и в разных регионах России, на благотворительный счет поступают средства от членов правительства республики для поддержки населения Украины (6 марта). На фотографиях митинга солидарности с жителями Украины, помещенных в газете, можно видеть лозунги: «Россия – единая наша держава», «Россия своих не бросает!», «Мы говорим - «да» твердой решимости Президента России В.В.Путина защитить русскоязычное население Украины!» (15 марта), «Победа Крыма – победа России!» (20 марта). Во время праздничного митинга-концерта в честь присоединения Крыма на фотографиях, помещенных в газете, были видны и другие лозунги: «Вместе навсегда!», «Горжусь своей страной!», «Путин прав!», «Одна страна – один народ!» (20 марта). А 13 марта газета публикует сообщение о том, что «Россия поддержит крестьян Тувы». И хотя здесь речь шла о субсидиях на развитие растениеводства в республике, хотелось бы отметить небольшой нюанс – случайное или неслучайное текстовое, стилистическое разделение Тувы и России.

Практически все республиканские газеты перепечатывают в эти дни выдержки из выступления президента В.В. Путина перед депутатами Госдумы, членами Совета Федерации, руководителями регионов РФ. Речь президента напоминает аудитории, что «Россия – это самостоятельный, активный участник международной жизни, у нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать» (20 марта). В тувинской газете кратко описывается «значение Крыма для России», вспоминается «сопротивление русских князей набегам крымского ханства, азовские походы Петра 1, Крымская война, русско-турецкие войны 18-19 вв, Великая отечественная война...».

Пресса республик также сообщала в эти дни о добровольном сборе средств в помощь крымчанам, о митингах в поддержку народа Украины, в поддержку Крыма (ИУР, 6,13,20 марта). Идеи о том, что Россия поддерживает Крым, что Крым вернулся в состав России, присутствуют в разных формах во всех газетах этого времени. И не только публикуются выдержки из выступлений В.В.Путина, В других перепечатках из центральной прессы рассказывается об истории Крыма, о его значении для России (ИУР,20). Федеральные авторы подчеркивают важнейшее стратегическое значение Крымского полуострова, обеспечивающего доступ России к южным морям (ИУР, 20 марта), заверяют, что «радикалам не удастся разрушить многовековое братство, историческое, духовное и культурное единство наших народов» (К, 13 марта). На фоне эмоциональных выступлений названных изданий несколько выделяется отсутствием комментариев «Правда Бурятии», занятая в этот период своими внутриреспубликанскими политическими разногласиями (см. об этом ниже).

Интересным для исследования стало выявление в газетных текстах образа и идеи «Мы – россияне». Каждый из этих элементов информации направлен на формирование общероссийской идентичности и по-своему способствует объединению населения страны в единое гражданское сообщество. Идея «мы – россияне» могла бы стать в деятельности СМИ в этот период особенно актуальной. Так и происходило во многих общедо- федеральных изданиях, особенно поддерживаемых государственным или региональным бюджетом. Но в республиканских газетах идея «мы - россияне» звучала довольно слабо и робко. И это также можно с сожалением зафиксировать. Идея единства россиян разных национальностей в обычных публикациях лишь слегка просматривается сквозь краткие сообщения о политических событиях и изредка - в исторических сюжетах. Но объединяющие лозунги в сообщениях о митингах, возможно, несколько компенсируют этот очевидный на сегодняшний день информационный промах.

Федеральная российская власть – это, как известно, также одно из олицетворений современной федерации, довольно

важный штрих (особенно на взгляд субъектов) к ее образу. В нынешних непростых условиях тема центральной власти становится крайне актуальной, что отчасти и отражается в публикациях газет. Однако и она не становится для изданий «топовой». Республиканским газетам необходим существенный повод для упоминания о центральной власти, для привлечения к ней особого внимания своих земляков. А события на Украине и возвращение Крыма в Россию – разве это не заметный повод для упоминания о позитивной деятельности лидеров страны и всей центральной власти? Но анализ материалов прессы показал, что из федеральных лидеров в республиканских газетах в этот период упоминается лишь президент В.В. Путин. В Татарстане упоминается также и Д.А. Медведев. Таким образом, важность и актуальность деятельности федеральных властей и их миссий через этот источник информации до республиканской общест- венности практически не доносится. Но возникает непростой вопрос: а в том ли состоит задача республиканских изданий?

Очевидно поэтому и тема взаимоотношений республик с федеральным центром освещается в современной республиканской прессе также незаметно. В Карелии, Удмуртии и Татарстане - позитивно. А в Бурятии и Туве, судя по высказываниям некоторых групп жителей, – с элементами некоторого недовольства. Поводом, например, в Бурятии, стали косвенные замечания жителей о границах республики (см. об этом ниже). А в тувинской газете появилось лишь краткое сообщение о том, что банк России выпустил монеты, посвященные «100-летию единения России и Тувы и основания Кызыла» (6 марта). Можно предположить, что в отношениях субъектов РФ и федерального центра в настоящее время нет особых проблем, и что эти отношения регламентированы законодательством и строятся в зафиксированных правовых рамках. И это так. Но некоторые проблемы и здесь все же существуют, хотя они, возможно, не так актуальны и остры, поэтому обсуждать их публично в прессе не стоит, как это делалось в 90-х годах (Подробнее см.: В.К.Малькова. Республиканская пресса России: новая этнонациональная идеология. Исследования по прикладной и неот-

ложной этнологии, ИЭА РАН, 1997, №103).

Газеты, выбранные нами для анализа, это, как правило, общественно-политические издания, органы (и инструменты управления) республиканских властей. Поэтому важной задачей для них должно быть формирование у читателей позитивных представлений о своей республике, о своем крае и его народе. Эту задачу газеты осуществляют также довольно фрагментарно, но все же лучше, чем прочие. Образ своей республики практически во всех изданиях складывается из небольших сообщений об ее экономике, политике, культуре, реже - истории. Так, тувинская газета в этом месяце напоминает своим читателям о том, что столица Тувы находится в центре Азии, что и подтверждается одноименным обелиском (ТП, 13 марта). Читатели также узнают, что республика готовится отметить два знаменательных события в своей жизни – 100-летие единения с Россией и 70-летие добровольного вхождения Тувинской народной республики в состав России (ТП, 20 марта). Посетивший Туву после длительного перерыва экс-премьер РФ Н.Рыжков заметил, что «Тува - это - уникальная республика... Но, - добавил он, - республика до сих пор живет в условиях территориальной оторванности и замкнутости... Не надо обижаться, но власти региона не смогут самостоятельно поднять Туву. Если не будет участия федерального центра, то эти проблемы будут подниматься еще 35 лет» (27 марта). Таким в этом месяце был представлен жителям Тувы их регион.

Об особенностях своей республики пишет и татарстанская газета (РТ): «Татарстан сегодня – один из крупнейших, промышленно развитых регионов России. У нас есть различные производства. Татарстан будет надежным партнером», - отмечал его глава Р.Минниханов на переговорах в Крыму (РТ, 6 марта). О работе своего республиканского Госсовета рассказывает удмуртская газета (ИУР, 4 марта). А.Соловьев (и.о. главы Удмуртии), анализируя ситуацию в республике, отметил, что «...У нас хорошее стратегическое положение на стыке Европы и Азии, развитая промышленность и культура производства. Но мы катастрофически проиг-

рываем по устройству городов, качеству дорог... По привлекательности жизни республика проигрывает соседним регионам, из Удмуртии продолжает уезжать молодежь...». Тем не менее, в перспективе, по словам главы республики, здесь будет ускорено создание автомобильного кластера и кластера стрелкового оружия на базе концерна «Калашников» (ИУР, 27 марта).

Карельская газета, представляя читателям образ своей республики, неоднократно в этот период обращает внимание на прекрасную природу Карелии, на повышенную привлекательность ее для гостей. Газета также рассказывает и о подготовке празднования 100-летия образования республики, о визите сюда рабочей группы Совета безопасности РФ, направленной для оценки ситуации в республике и для выяснения возможности оказания ей помощи в получении федерального финансирования (К, 4 марта). Однако в целом достижения и проблемы в экономике и в культурной жизни этих республик показываются их прессой очень фрагментарно и лаконично. В отличие от многих центральных изданий, здесь чувствуется заметная осторожность, робость или нежелание (неумение) местных журналистов касаться действительно важных для республик общественно-политических тем.

Тем не менее, образ республиканской власти присутствует во всех изданиях довольно стабильно. Приоритет - первым лицам республик. Карельская газета, например, в этот период упоминает в основном только главу республики, который «лидирует в «медиарейтинге» губернаторов» (К, 18 марта). В тувинской, удмуртской и татарстанской газетах, кроме первого лица, называют еще и руководителей 2-го и 3-го уровней. В Бурятии, кроме первого лица, также изредка упоминаются чиновники и второго ранга. Все издания отзываются о своей республиканской власти позитивно и корректно. Элементы некоторой критики можно увидеть иногда только в адрес самых «местечковых», в основном сельских руководителей. И это можно считать почти правилом для современной региональной печати.

Идея «мы – граждане, народ республики», направленная на консолидацию своего населения, присутствует в этих изда-

ниях очень нечетко. В лучшем случае в газетах звучит: *население, земляки или жители нашей республики*. В период митингов на плакатах можно увидеть объединяющее людей слово «мы». Но ведь оно может быть отнесено лишь к группе людей, написавших плакат, и далеко не всегда может быть ассоциировано со всем населением республики или страны. Поэтому жители республик нередко предстают на страницах этих изданий обычным населением, а не республиканским сообществом и согражданством.

А вот идея «мы – представители титульного народа» довольно четко присутствует в республиканских изданиях. Ее можно встретить в кратких и редких упоминаниях об историческом прошлом своего края, в также довольно редких в этот период сообщениях о материальной культуре и чаще – о национальном языке... Все эти элементы – яркие признаки этнической жизни народа, и они в той или иной степени присутствуют во всех республиканских газетах. Идея – «мы отдельный народ» довольно прозрачно связывается в прессе в первую очередь с языком. Во всех газетах (кроме карельской) в этот период представлены отклики проходящих в республике общественных дискуссий на эту тему. Так, в информационном пространстве Тувы обсуждаются проблемы недостаточного знания и владения населением и даже чиновниками титульного языка. Затрагивается и проблема социального неравенства русского и титульного языка (ТП, 1 марта). Часть этих вопросов в это же время актуализируется и в Бурятии (ПБ, 6 марта). Бурятская газета рассказывает о неудавшихся попытках ввести в школы обязательное изучение бурятского языка («Мы буряты помогли себе потерять свой язык». ПБ, 6 марта). Газета сообщила о решении Народного Хурала обязательно изучать национальный язык в школах республики. Однако, по словам самого же издания, это решение «в жесткой форме» было оспорено прокуратурой и государственно-правовым комитетом. В результате бурятский язык решено изучать («пришлось изучение делать») в русскоязычных школах на добровольной основе (ПБ, 6 марта). В Удмуртии в эти дни также появляется статья «Депутаты заговорят по-удмуртски». В ней га-

зета сообщает, что депутаты и сотрудники аппарата Госсовета УР принялись за изучение удмуртского языка. Это дело добровольное, «но народным избранникам будет полезно знать язык для того, чтобы общаться с жителями сел, основная масса которых говорит именно на удмуртском языке» (ИУР, 6 марта).

Упоминается в прессе и о связи родного языка с этническим самосознанием, сохраняющим этнос (РТ, 1 марта). Таким образом, можно констатировать, что в начале марта 2014 года сразу несколько республиканских газет одновременно привлекли внимание своей общественности к сложностям языковой ситуации в республиках.

Этническое самосознание, как один из важнейших факторов сохранения народа-этноса тоже остается в эти дни в центре внимания газет. Так, в прессе Татарстана ярко присутствует и акцентируется идея национального самосознания и родства, идея братства казанских и крымских татар. Именно их татарстанские лидеры (и народ) включились в крымские события и помогли разъяснить, смягчить и устранить «противоречия» в среде крымских татар. И в тувинской газете, обратившейся к проблеме местной идентичности, утверждается, что «Бывших тувинцев не бывает» (ТП, 13 марта). В этой связи интересен и факт акцентации в тувинской газете истории ВОВ. В эти дни газета напоминает читателям и всем жителям тувинской столицы об украинском городе Ровно – побратиме Кызыла, о том, что «многие жители Тувы хранят память об отцах и дедах, сложивших свои головы в боях за освобождение Украины» (ТП, 4 марта). Глава республики Шолбан-Кара-оол, выступая на митинге, отметил, что «столица Тувы на протяжении десятилетий поддерживает побратимские связи с украинским городом Ровно, в музеях которого хранятся ценные свидетельства подвигов тувинских фронтовиков... Мы обеспокоены общей ситуацией в Украине и сохранностью бесценных для Тувы реликвий», – заявил он (ТП, 6 марта). И в следующем номере газеты этот исторический сюжет упомянут уже более подробно: «Земля украинская полита кровью солдат из Тувы, освобождавших ее от гитлеровцев... За город-побратим Ровно насмерть бился

эскадрон тувинских кавалеристов- добровольцев». Отметим, что это – один из редких примеров, показывающий попытку газеты использовать исторические факты для формирования современного этнического и гражданского самосознания тувинцев. В данной ситуации он делает более зримой идею солидарности россиянтувинцев с украинским народом.

Вопрос о диаспорах и земляках, расселяющихся по стране или миру, довольно важный для современных центральных СМИ. Но в данных изданиях в этот период он не является актуальным. Тема русского населения в республике, в отличие от времен укрепления республиканского суверенитета в начале 90-х годов, в данный период в газетах также практически не затрагивается, за исключением языковых проблем и некоторых элементов культуры. Возможно, этот вопрос теперь здесь не так уж и актуален.

Зато на одно из заметных мест в газетах выплывает тема конкуренции или сравнения «нас» с другими республиками и регионами страны. Эта тема присутствует во всех изданиях (кроме Бурятии). Сравнение идет по политической, экономической, культурной сфере. Немало кратких упоминаний о разнообразных рейтингах политиков или самих субъектов федерации, о конкурсах в сфере культуры, быта, об отзывах третьих лиц. Эти небольшие сообщения могут быть условно названы «наши маленькие радости», поскольку краткие упоминания о них почти всегда в газетах позитивны. Основная информация сводится к восклицаниям и утверждениям о том, что «мы гордимся!», что «у нас не хуже, чем у других» или «у нас тоже все неплохо». Это, например, сообщения о том, что «у нас» повышается рождаемость» (в Бурятии), что «наше законодательство улучшается», а «наша девушка стала мисс Финно-Угрии», или о том, что «мы входим в десятку регионов России по темпам ввода детсадов» (в Удмуртии).

Карелия гордится своими природными условиями, лучшими для зимнего отдыха, гордится своей литературой, тем, что ее жители поддерживают народ Крыма и, конечно тем, что глава Карелии лидирует в медиарейтинге... А глава Тувы, как свидетельствует ее республиканская газета,

вошел в число высокоэффективных губернаторов (ТП, 6 марта). Это же издание с гордостью сообщает читателям, что Тува названа высокоустойчивым регионом (ТП, 13 марта). И, наконец, радостное сообщение газеты о том, что «Крым вошел в Россию!» (ТП, 27 марта). И это тоже радостное известие для жителей республики. А для Татарстана предметом гордости в это время стало то, что он является одним из привлекательных регионов России для инвестиций (РТ, 4 марта), что он также является третьей столицей России (РТ, 4 марта), что республика понравилась банкиру из Катара (РТ, 7 марта). Гордятся жители республики и тем, что «мы богаты, хотя и расточительны» (РТ, 20 марта). Но, кроме того, татарстанцы гордятся своим ансамблем песни и танца республики (РТ, 1 марта) и тем, что Крым возвратился домой (РТ, 14 марта). Но не всегда сравнения с другими регионами и субъектами бывают оптимистичны. И.о. главы Удмуртии в своем выступлении перед республиканским Госсоветом с горечью заметил, что «по величине средней зарплаты Удмуртия занимает лишь 55 место среди регионов России» (ИУР, 27 марта). Все эти сообщения действительно радуют (а порой и огорчают) жителей республик, помогают формировать у них позитивные представления о самой республике, о ее даже небольших достижениях и победах.

Отметим, что в 2014-м году упоминания о социальной активности населения и о конфликтных ситуациях в республиках стали в отдельных газетах довольно заметной темой. И если в изданиях Карелии, Удмуртии и Татарстана такие сюжеты в это время практически отсутствуют, то в Бурятии и Туве они есть и обсуждаются в печати публично. Например, и в той, и в другой республике пресса пишет о возникших у них сложностях в современной языковой ситуации (об этом было сказано выше), о некоторых «перекосах» в использовании титульного и русского языка в образовании и в целом – в общественной жизни. Еще один узел конфликтности в этих республиках, по информации газет, связан с Интернет-сайтами для молодежи, где обсуждаются не только языковые вопросы, но и муссируются национал-радикальные идеи и лозунги.

Бурятская газета, кроме этого, немалое внимание уделяет и противостоянию местных политических группировок, их лидеров, подчеркивает опасность этих процессов для целостности своей республики. В газете появляется довольно эмоциональная публикация о неких силах в республике, «готовых сменить в ней власть по украинскому сценарию». Публикация под названием «Бурятия в ожидании Майдана?» (ПБ, 20 марта) рассказывает о проведенной дискуссии (на круглом столе), посвященной попыткам дестабилизации в республике общественно-политической ситуации. Авторы публикации пишут о «пятой колонне» в республике, которая может стать наиболее вероятным регионом для дестабилизации ситуации в стране... По словам газеты, оппозиционеры призывали восстановить Бурятию в границах 1937 года, использовали при этом лозунги: «Бурятия – превыше всего!», «Думать по-бурятски!» и другие (ПБ, 20 марта). Опасными узлами и здесь является ситуация с бурятским языком, которым далеко не все жители республики владеют хорошо, а также проблема равног представительства разных групп населения на высших должностях. «... Уже год, как началась беспрецедентная атака в СМИ на власть Бурятии, цель которой – смещение главы республики Вячеслава Ноговицына. За всем за этим проглядываются узкокорыстные интересы группировки политиков–реваншистов во главе с Айдаевым, Матхановым и Мархаевым.... Чем грозит республике захват власти со стороны этой группировки? В этом случае раскол бурятского народа по родо-племенному признаку не будет преодолен. Вновь политическая и экономическая элита народа будет представлена только западно-бурятской частью бурятского народа», - пишет газета (ПБ, 20 марта).

В этой большой публикации авторы выделяют «руку Америки», о которой можно судить, в частности, по деятельности в Интернете. «Картина удручающая. На сегодня в его просторах функционируют десятки пропагандистских сайтов, названия которых говорят сами за себя: «Свободу Северной Монголии (Бурятии)!\», «Американская ассоциация бурят-монголов», «Все монголы!»... В своих постах участники провозглашают, что Буря-

тия – это не Россия, что буряты - не отдельный народ, а часть монголов, что бурятский язык - это лишь диалект монгольского... В общем, - пишут авторы, - на глазах у всего мира идет борьба за умы и души бурятской молодежи. Очевидно, что заказчиком дестабилизации в Бурятии выступает Госдеп США, финансирующий эти пан-монгольские сайты. В соседней Монголии американцы ведут усиленную вербовку группы блогеров из среды монгольских бурят и молодых монгольских политиков, налаживают связи в Бурятии для идеологической дестабилизации региона...». В этом же номере газеты была опубликована резолюция Круглого стола, на котором бурно обсуждались все острые вопросы. Смысл ее примерно тот же, но акцентируются аналогии с украинским «майданом», где «к власти добрались экстремисты-бандеровцы». В Резолюции звучит призыв: «Сограждане, земляки! Проявим гражданскую смелость, не поддадимся на провокации вороватых реваншистов, поддерживаемых заокеанской кликой!» (ПБ, 20 марта).

Вслед за этими эмоциональными словами газета публикует сообщение о создании в республике общественных советов в исполнительных органах власти, при всех министерствах, службах, агентствах республики. И в следующем номере, вышедшем через неделю, как бы продолжая тему, газета сообщает, что чиновникам Бурятии не надо бояться сокращений. И, кроме того, упоминает, что в Улан-Удэ создаются спецотряды «альтернативной молодежи», которые будут следить за общественным порядком. А несколько ранее, 13 марта, газета сообщает о том, что президент В.В.Путин отправил в отставку министра МВД Бурятии.

Немаловажный интерес в этой связи представляют и публикации в тувинской газете, которая обращалась в этот период к двум проблемным сюжетам. Один из них также как и в Бурятии, касается использования тувинского языка в общественном пространстве республики. Тувинскую интеллигенцию тревожит факт сокращения его употребления (ТП, 1 марта). Энтузиасты национального языка и национальностей этикета создают свои этнические Интернет-сайты (например, «Тыванет»), призывают соотечественников учиться

говорить и писать на правильном тувинском языке, не употреблять одновременно тувинские и русские слова, не употреблять русских окончаний в тувинской лексике. Но, пользуясь тувинскоязычными сайтами, участники понимают и сами отмечают, что руководители этих сайтов и групп – не местные тувинцы, а люди, находящиеся за рубежом, «где-то в теплых странах». (ТП, 1 марта). Газета сообщает, что в республике проходит месячник с участием представителей правоохранительных органов и надзорных структур, направленный на предупреждение и профилактику негативных явлений в интернете (ТП, 1 марта).

В татарстанской газете в этот период также поднимался языковой вопрос. Здесь рассматривалось состояние русского языка и русской культуры в полиэтничном пространстве. Не заостряя проблему, русские авторы в русскоязычной газете сообщили о научной конференции на эту тему, проходившей в эти дни в Казани. Участники ее пришли к выводу, что проблемы с изучением русского языка характерны для всей страны, в том числе и для Татарстана. И решать их надо за круглым столом. При этом, замечают авторы сообщения, - важно помогать сохранению языков и национального самосознания, а не бороться с ними (РТ, 1 марта).

Но особенностью татарстанской прессы в этот период стало довольно подробное освещение событий в Крыму. Причем, газета неоднократно подчеркивала идею родства татар с крымско-татарской общиной, заявляя при этом, что «приверженность крымских татар к националистам сильно преувеличена» (РТ, 4 марта). Газета подробно перечисляла проблемы, которые считаются у крымских татар нере-

шенными, рассказывала об истории партнерства и дружбы казанских и крымских татар, о поездках и переговорах делегаций Татарстана и его главы в Симферополь для переговоров и о беспокойстве татарстанцев за судьбу «братьев» (РТ, 6 марта).

Обобщая приведенные выше краткие материалы, можно сказать, что республиканские газеты, выполняющие и в наше бурное время определенную общественно-информационную миссию, остаются для многих жителей в регионах связующим звеном, площадкой, где дозированно обсуждаются местные проблемы, о которых им может быть известно. С помощью этих изданий внимание общества сосредоточивается в обычное время в основном на малозначимых, мелких местных проблемах. Однако, оставаясь в основном зависимыми от местных властей и спонсоров, малотиражными и осторожными (в силу объективных и субъективных причин), эти издания все же способны играть определенную информационно-коммуникативную, а порой – и мобилизующую роль для жителей своих территорий.

Если рассматривать общественно-политическую насыщенность этих изданий, то в «газетном» образе России найдется мало от представлений о единой стране, а в «печатном» образе россиян мало штрихов единого многонационального народа. Общественные эмоции и единение граждан было отмечено в региональной прессе лишь в дни возвращения Крыма в Россию.

Малькова В.К.

Образ врага в «русском сознании»

Противопоставление *мы-они*, заложенное в природу феномена самосознания, предполагает не только различение, выделение *Другого*, но и возможность последующего конфликта и противоборства. Не случайно, многие проблемы внешней и внутренней жизни российского общества

(в том числе и в сфере миграционного регулирования) связаны с теми или иными стереотипами, представлениями о «*других*».

Вряд ли будет ошибкой утверждение, что большинство людей живут в плену устойчивого мифа: от своих зла не бывает, зло только от чужих. Возможно, осно-

вой этого мифа служит «инстинктивная» жажда иметь друзей. И ксенофобия является «инстинктивной» боязнью «чужого».

Дореволюционная отечественная история, насыщенная войнами и этноконтактами, породила множество репрезентаций *Другого*, в т.ч. и образа *врага*. Десятилетия железного занавеса при советской власти, когда советским людям постоянно внушали, что страна находится в плотном кольце врагов, также способствовала выработке чувства противостояния и постоянного воспроизведения этого образа.

Обернемся к векам истории. Со времен ордынского нашествия, а затем и борьбы с различными ханствами в крестьянском фольклоре широко бытовал этноним *татары*. Постепенно он стал в русском эпосе обозначением внешних врагов, заменив более ранние наименования степных кочевников. В XIX столетии этот термин употреблялся расширительно и служил недифференцированным обозначением многих восточных народов. В некоторых старинных песнях *татары* — это не племенное происхождение, но религиозная принадлежность — мусульмане. В южнорусском фольклоре татарами называли не только ногайцев и карачаевцев, но и кавказских горцев.

Конечно, восприятие этнонима *татары* менялось и имело локальную специфику, зависело от межэтнических отношений в том или ином регионе. Воспоминания о набегам татар сохранялись преимущественно в южнорусских областях. Даже в наши дни в Рязанской области память о противостоянии ордынскому завоеванию работает на поднятие значимости региона в русской истории. Руководство области, журналисты, краеведы напоминают жителям о том, что Рязань приняла на себя главный удар татар, что Старая Рязань — единая братская могила. Битва за Старую Рязань, как и вся борьба с ордынцами на территории края, раздвинула рамки местной рязанской истории до масштабов общерусских.

В Сибири, напротив, в результате многолетнего мирного соседства русских и татар слово *татарин* постепенно перестало ассоциироваться с понятием *враг*. Подобная трансформация этнических представлений повлекла за собой изменение исторической картины присоеди-

нения Сибири в сознании местных жителей: русским Сибири казалась «смешной ... сама мысль о том, что их легендарный Ермак "завоевывал" татар»¹. В народном сознании утвердилось представление о мирном характере присоединения Сибири.

Вполне напоминает сибирскую и ситуацию в Касимовском районе Рязанской области, который в течение многих веков был контактной зоной русского населения и татар. Опять же специфика истории региона привела к трансформации традиционного стереотипа, явилась стабилизирующим фактором воздействия на межэтнические отношения.

Довольно условным был и этноним *литва*. В преданиях он не имел под собой четкой этнической основы и служил общим наименованием всех пришельцев с Запада. Еще большей неопределенностью характеризовался термин *паны*. Память о «панах» сохранилась еще и потому, что она наслепилась на предания о *чуди*, слилась с ними. Паны и *чудь* в некоторых местах стали взаимозаменяемыми этнонимами, и о панах кое-где принялись рассказывать как о первоначальниках края. Лишь в преданиях Севера паны — чаще всего шведские и польские воины, реально побывавшие там в начале XVII в.

В самой крупной из войн России XVIII столетия — Северной — противниками русских были шведы. В исторических воспоминаниях крестьян названия *швед*, *шведская сила* использовались исключительно по отношению к событиям Северной войны (в отличие от более широкого употребления этнонимов *татары*, *литва*, термина *паны*).

Созданный в фольклоре о 1812 г. эпический образ врага — будь то Наполеон или *француз*, *французик* — был связан в народном представлении с эпитетом *вор* (как и *татары* в песнях о взятии Казани).

Разорена путь-дорожка от Можая до Москвы,

Разорил-те путь-дорожку неприятель вор-французик...

¹ См.: Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986, сс. 29–30.

В 1812 г. крестьяне готовились защищать Отечество от нахлынувших врагов — *басурман*, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли. Это и не удивительно, поскольку с древности враги Русского государства воспринимались в народе как *нехристи*, *басурмане*, даже если принадлежали (как в данном случае французы) к христианскому миру. Басурманином был тот, кто шел войной на православную Россию.

В русском мировоззрении вплоть до начала XX в. на первом плане стояло не национальное, а религиозное сродство. Не этническая самоидентификация, но принадлежность к православному миру давала народу твердое ощущение общности исторической судьбы. На протяжении всей отечественной истории термин *русский* традиционно имел характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова *православный*. Четкое осознание причастности к православной вере проявлялось и в мирное время (общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было *православные*), и — особенно — во время войн и вооруженных конфликтов. Соответственно и в восприятии образа *Другого*, а тем более *Врага* определяющую роль играл конфессиональный фактор.

Наиболее наглядно это проявилось по отношению к туркам, с которыми русские не раз воевали. Считали, что турки — это неверный народ, которые сначала отняли у греков Царь-город, а потом покорили и наших братьев-славян. В последней русско-турецкой войне 1877-1878 гг. главная причина войны виделась в защите христиан от мусульманского ига.

Две мировые войны XX столетия привели к тому, что немцы — *германцы*, затем *фашисты* — стали основными врагами для поколений русских и советских людей. Для большинства населения, тем более, наиболее ярким проявлением фашизма считается Германия, когда у власти были национал-социалисты. Для массового сознания несущественно: что фашизм не немецкое, а итальянское изобретение, и было оно введено в употребление идеологом итальянского фашизма Габриэлем Д' Аннунцио и Бенито Муссолини.

Отечественная история (а скорее всего, логика развития империи) порой распоряжалась так, что бывшие союзники, народы из дружественного мира, становились врагами. Общеизвестно, что начиная с XI в., а возможно и ранее, отправным пунктом развития русской духовности была идея общеславянского единства. И все же, несмотря на освобождение болгар и сербов в 1877-1878 гг., непреодолимый барьером на пути реализации славянофильской идеи стала враждебность по отношению к Польше, основывавшаяся на воспоминаниях о польском вторжении во время Смуты, о мученичестве Ивана Сусянина. Ведь получалось так, что самый крупный и значительный из соседних славянских народов имел вековой «имидж» чуть ли не главного врага, интервента, представителя «окаянного католицизма» (католицизм в народе не признавался христианством). Польша и в дореволюционное, и в советское время была самым неуправляемым сателлитом, самой непокорной провинцией Российской империи. Со времени ее раздела в 1795 г. не было ни одного русского императора, а после большевистской революции ни одного советского вождя, которому не пришлось бы столкнуться с польским вопросом во всей его остроте. Для поляков же неприязнь к русским (советским) долгое время служила, можно сказать, главным стимулом общественно-политического развития. Не удивительно, что панславизм в конечном итоге оказался нежизнеспособной концепцией. Сейчас, вследствие полного изменения геополитической ситуации, враждебные чувства к Польше угасли, равно как и особая теплота по отношению к балканским славянам². Хотя, на мой взгляд, в отношении сербов и черногорцев это верно все-таки применительно к определенной интеллигентной прослойке; в основной массе, в случае актуализации этностереотипов, приоритеты останутся прежними.

Репрезентация врага происходит не только при внешних контактах, но и во внутренней жизни той или иной общности.

² См. : Мирский Г.И. Постсоветское общество и внешний мир: наследие прошлого //Новый исторический вестник. Избранное 2000-2004. М., 2004, с. 222.

В дореволюционной России, так уж повелось, в народе считали, что евреи распяли Христа, который был любимым героем верующих русских и даже, по убеждению многих простолюдинов, сам был, несомненно, русским. Шинкарство, ростовщичество, распространенные среди евреев, также не способствовали симпатиям к ним. В советское время немалую роль сыграла официальная пропаганда.

Ныне из общественной жизни наконец-то уходит всем надоевший антисемитизм, а вакантное место *врага* заняли не только лица «кавказской национальности», но и «хохлы». Из истории известны взаимные обвинения в хитрости и коварстве русских и украинцев: «На жида есть грек, на грека – армянин, а всех хитрей полтавский дворянин». Анекдоты про украинцев, где вышучивается их неперемная любовь к салу и чрезмерная бережливость (естественно, что и украинцы в долгу не оставались). В связи с присоединением Крыма, военным конфликтом на юго-востоке Украины, возросшей миграцией, унижительным прохождением таможни, традиционно существовавшие некоторые взаимные обвинения между русскими и украинцами несомненно актуализировались. Стали более популярными анекдоты друг о друге, чего раньше в таком количестве не было. В подобных анекдотах несомненно слышится смех агрессивного национального превосходства.

Если репрезентация «внешнего врага» понятна русским людям, то им, как правило, трудно представить, что внутренний оккупант – например, обычный взяточник-гаишник, или прокурор, получающий свою «долю» от пойманного бандита, или собирающий мзду с бизнеса госчиновник – может быть «не хуже» любого чужеземного захватчика-басурманина. Русские-россияне в массе своей предпочитают не замечать, что для страны и нации эти внутренние захватчики такие же враги, как и враги внешние. Русский человек может до бесконечности терпеть издевательства «своей» власти, но не потерпит власти чужой...

Длительное бытование в народном сознании образа врага породила и определенную «национальную» особенность. Мы любим выдумывать себе врагов. По-

рой это переходит в агрессивные и малопродуктивные поиски. Важно понимать, что агрессивный национализм происходит прежде всего от чувства собственной неполноценности. От агрессивного отношения к «чужим» может спасти лишь чувство собственного национального достоинства³. Люди, обладающие этим чувством, к другим народам относятся с уважением, и в этом случае постоянное воспроизводство образа врага теряет свою актуальность.

Образ *врага* в XX столетии постоянно продуцируется в Большом спорте. Особенно в связи с очевидной политизацией спорта и превращением его в крупнейший феномен современности и, возможно, в самую массовую из массовых практик. В период противостояния капиталистической и социалистической систем, особенно во время «холодной войны», роль спорта возросла, определяющая для национальной идентичности антиномия *мы - они* стала проступать наиболее отчетливо. Спорт был той легальной формой войны, в которой уместно было употреблять агрессивно-наступательную лексику. Ныне вновь обозначились признаки международного похолодания, и антиномия – возвращается?

Спортивный национализм, как и любой другой, имеет и культивирует традиционных врагов, старые обиды и унижения, которые надо компенсировать, пусть даже символически. По накалу и символической значимости противостояния спортивные битвы (военная терминология вполне закономерна), особенно решающие футбольные и хоккейные матчи, часто сравнивают с войной. Именно так – «футбол – это война» - высказался покойный Ринус Михелс, также известный как «генерал», тренер голландской команды, которая проиграла Германии финальную встречу мирового чемпионата в 1974 году. Когда голландцы взяли реванш в 1988 году и победили Германию, на улицах Голландии танцевало не меньше людей, чем в день, когда закончилась настоящая война в мае 1945 года.

³ См. об этом исследование Сети этномониторинга: Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014.

Репрезентация врага часто происходит и на внутренней спортивной арене разных стран. Особенности этнической ситуации в Испании остро проявляются в футбольных противостояниях кастильского королевского «Реала», каталонской «Барселоны» и баскского «Атлетика». В футбольном чемпионате России специфика (меж)национальных противоречий

порой проступает в столкновениях русских и кавказских болельщиков. А в последнее время, с развитием «спортивного» туризма, наши болельщики выходят, что называется, и на международную арену.

Буганов А.В.
ИЗА РАН, Москва

Немцы в России – русские в Германии

Данная статья представляет точку зрения доктора исторических наук, исполнительного директора Гёттингенского исследовательского центра (Германия), председателя Научной комиссии по изучению немцев России и СНГ. Статья подготовлена автором на основе одноименного доклада, прочитанного на XIX Ежегодном семинаре Семи этнологического мониторинга, проходившем в Гёттингенском университете (Германия) 2–4 апреля 2014 г. Автор относит себя к числу западноевропейских коллег, не принявших факта волеизъявления населения о судьбе своей территории на референдуме в Крыму в марте 2014 г. (примеч. ред.).

Об истории немцев в России особенно в последние два десятилетия опубликовано множество исследований, так что можно ограничиться кратким упоминанием некоторых фактов. Известно, что со времен Екатерины II подавляющее большинство проживавших на российской территории немцев были российскими подданными. Известно также, что в последней трети 19 в. в юго-западных губерниях и среди славянофилов в столицах росли антинемецкие настроения, достигшие своего апогея в годы Первой мировой войны, когда на основании т. н. "ликвидационных законов" землевладение и землепользование российских подданных германского, австрийского и венгерского происхождения в прифронтной полосе было секвестровано, а они сами депортированы в центральные и сибирские губернии. Причиной тому было подозрение в возможном шпионаже.

После установления советской власти в России немцы уже в 1922 г. были обвинены в том, что у них преобладают антисоветские настроения,¹ а 9 июля 1924 г. Г. Ягода в циркулярном письме ОГПУ "По Германской разведке и борьбе с ней"

предписал органам ОГПУ устроить слежку практически за всем немецким населением.² Основной причиной было то, что немецкое население, несмотря на гонения новой власти, придерживалось частной собственности на землю и средства производства, а также традиционных форм повседневной жизни и обучения детей, т.е. было настроено антисоветски.

Во время массовых арестов населения 1937-39 гг. немцев обвиняли в антисоветской деятельности, шпионаже и подготовке диверсий с целью оказания помощи Германии во время предстоящей войны. Об этом свидетельствуют протоколы допросов. Немцы в СССР о вероятности войны ничего не знали. Это НКВД инкриминировало им шпионскую и диверсионную деятельность. Вещественных доказательств подготовки диверсий или организации вооруженных групп найдено не было.

Логическим продолжением, с точки зрения советского руководства, была де-

¹ Eisfeld, A.: Sowjetische Nationalitätenpolitik und die Deutschen in der Sowjetunion in den 1920er Jahren // Deutsche in Rußland und in der Sowjetunion 1914 - 1941. Hrsg.: A. Eisfeld, V. Herdt, B. Meissner. Berlin 2007, S. 192.

² Циркулярное письмо Объединенного Государственного Политического Управления № 7/37 (По Контр-Разведывательному Отделу). Москва 1924 года [По Германской разведке и борьбе с ней (По материалам КРО ОГПУ) от 9 июля 1924 г.] // РГАСПИ Ф. 76, оп. 3. д. 317, л. 42-44 об.; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920 - 1930-е годы: эмиграция и репрессии. Материалы и документы. / Сост. и научн. ред. А. И. Савин. Новосибирск, 2009, сс. 123-128.

портация в 1941 г. всего немецкого населения, проживавшего в Европейской части СССР, по обвинению в якобы массовой готовности поддержать войска гитлеровской Германии.³

Отождествление российского немца с образом врага не преодолено в России до сих пор. Иначе, зачем бы телеканалу "Культура" было делать 23 марта 2014 г. специальную передачу об истории российских немцев с приглашением некоторых представителей российских немцев, бывшего министра по делам национальностей В. Михайлова и депутата Государственной Думы РФ Т. Плетневой-Штрак?

Уместно напомнить, что общественные организации российских немцев на протяжении более двух десятилетий безуспешно добиваются полной реабилитации народа, ссылаясь на закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. "О реабилитации репрессированных народов".

Основную проблему в отношении СССР, а затем Российской Федерации, со своим немецким населением я вижу в том, что государство и общество не воспринимают немецкое население как коренной народ, как народ, имеющий равные с другими народами России права на родину, родной язык, национальную самобытность. Закон о национально-культурной автономии, на основании которого создана Национально-культурная автономия российских немцев, предоставляет национальным меньшинствам возможность создания всевозможных заведений науки, образования и культуры, но не дает главного – бюджетного финансирования этой работы. Понятно, что ни школы, ни вузы, ни театры, музеи, издательства или архивы без бесперебойного и последовательного финансирования существовать не могут.

Мне могут возразить, что исторической родиной немцев является Германия. Да, это так. Но предки немецких граждан современной России, по большей части, состояли в российском подданстве с 1764-1767 гг. или еще значительно раньше.

³ Указ Президиум а Верховного Совета СССР № 2160 "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" от 28 августа 1941 г. // Сталинские депортации 1928-1953. Документы. Сост., Н.Л. Поголь, П.М. Полян. – Москва, 2005, с. 299.

Через сколько же веков иммигрировавшее население может считаться коренным?

Для сравнения взглянем на события в Крыму. Исторической родиной его русского населения являются центральные области Европейской части РФ. Но мы с вами стали свидетелями того, как Россия объявила захваченный ею в результате войн с Османской империей Крымский полуостров, коренным населением которого являются крымские татары, исконно русской территорией. Крымское ханство было аннексировано Россией в 1783 г. Предки поволжских, московских и санкт-петербургских немцев к этому времени уже давно были российскими подданными, но за ними права на свою "малую Родину" до сих пор не признают.

Крымские татары, хоть и являются коренным народом Крыма, до сих пор не имели возможности реализовать свое право на самоопределение. Нынешнее крымское руководство и Российская Федерация называют самоопределением присоединение Крыма к России в марте 2014 года. По данным ФСБ России, на которые ссылается Мустафа Джемилев, в референдуме за присоединение Крыма к РФ приняли участие лишь 32,4% жителей Крыма. Крымские татары этот референдум бойкотировали и будут добиваться права на самоопределение.⁴

Как видно, несмотря на подписание Россией Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств (1 февраля 1995 г.) и Декларации ООН о правах коренных народов (13 сентября 2007 г.), мировому сообществу и нам с вами еще предстоит внимательнее подойти к изучению понимания Россией статуса и прав коренных народов и применению правовых норм, призванных обеспечить их гражданские и политические права.

Восприятие «русских» в Германии.
В 20 веке русские воспринимались обще-

⁴ Джемилев на заседании СБ ООН назвал референдум в Крыму «циничным» и «абсурдным» // корреспондент.net, 01.04.14. По информации, размещенной на короткое время на сайте Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, в голосовании приняло участие 30-50% жителей Крыма. Из них за присоединение Крыма к России проголосовало 50.60%. см.: iz.com.ua/.../40397-v-rossii-nazvali-nastoyaschie-re...

ственным мнением в Германии совершенно по-разному. Это зависело, прежде всего, от того, кто были эти русские, когда и как они попали в Германию. Следует сразу оговориться: если речь шла о русских, то имелись в виду подданные Российской империи, а затем граждане СССР.

В первом случае категория "русские" могла ситуативно распасться на этнические группы. Например, из общей массы пленённых российских солдат и офицеров по соглашению с руководством Австро-Венгрии выделялись этнические российские немцы и украинцы. Немцев вербовали в германскую армию, предлагая за это таким солдатам и членам их семей предоставление германского гражданства.

В австрийских лагерях из числа российских пленных изымали украинцев, родом из российских губерний, вели среди них пропаганду с конечной целью использовать их сначала для дестабилизации положения на российской территории, а в 1918 г. для поддержки Украинской Директории гетмана Скоропадского.⁵

Известно, что в результате гражданской войны тысячи участников Белого движения оказались за пределами Советской России, в т.ч. и в Германии. В 1922-1923 гг. количество русских эмигрантов в Германии достигало 600 тыс. человек, из них только в Берлине 360 тыс. Вскоре появилось выражение "Русский Берлин". По данным немецкой статистики, в Германии в эти годы издавалось больше книг на русском языке, чем на немецком. Подавляющее большинство этих людей не имели гражданства. У них были так называемые "нансеновские паспорта" Лиги наций.

В ходе Второй мировой войны в Германии оказалось несколько миллионов советских граждан. Это были военнопленные, "остарбайтеры", коллаборанты различной национальности, гражданские

беженцы и этнические немцы, переселенные на территорию Германии на основании советско-германских договоров, а также около 350 тыс. этнических немцев, переселённых германскими оккупационными властями в административном порядке на контролируемую Германией территорию. Бесспорно, что подавляющее большинство военнопленных и остарбайтеров после их освобождения желали вернуться на родину. Постановление СНК СССР № 30-12с от 6 января 1945 г. "Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан" предписывало, однако, обязательное возвращение всех лиц, имевших когда-либо советское гражданство или состоявших в подданстве Российской империи, независимо от того, когда и как они оказались за рубежом. На насильственной «репатриации» власовцев, казаков и других категорий людей останавливаться не буду.⁶ Скажу лишь, что к "русским", которым удалось так или иначе избежать этой насильственной репатриации, в ФРГ относились доброжелательно.

В период "холодной войны" восприятие "русского" общественностью Германии было, мягко говоря, дистанцированным. Подавление народных восстаний в Берлине в 1953 г., в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. ("Пражская весна"), а затем военная интервенция в Афганистане (1979) и, наконец, установление ракет с ядерной боеголовкой типа СС-20 на территории ГДР, не располагали к дружественным отношениям.

Не складывались они, по известным причинам, и с немногочисленными делегациями спортсменов и функционеров. Лишь у малого количества прокоммунистически настроенных членов Общества германо-советской дружбы преклонение перед всем советским было нормой.

"Русские" в Германии в постсоветский период. Политика гласности и перестройки Горбачева за короткое время изменила восприятие "русского" германской общественностью. Воссоединение Германии, вывод Группы войск, подписание До-

⁵ Dornik, W.: "Die deutschen Kolonien [...] bringen mit großer Bereitwilligkeit Vorräte und beschenken die Truppen reichlich.", in: Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa. Hrsg.: A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen 2013, S. 113-119; Golczewski, F.: Deutsche und Ukrainer 1914-1939. Paderborn 2010, S. 136-145.

⁶ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – Москва, 1996; Куницький М. Примусова репатріація радянських громадян до СРСР після Другої світової війни (український вектор). – Луцьк, 2007.

говора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве 9 ноября 1990 г. и Совместное заявление Президента Российской Федерации и Федерального канцлера ФРГ 21 ноября 1991 г. изменили отношения между нашими странами настолько, что речь шла о стратегическом партнерстве. Была достигнута в т. ч. и договоренность о том, что Германское правительство имело право некоторой опеки немцев, проживавших в России, а Российское правительство соответственно выходцев из СССР, желающих сохранить русский язык и связь с русской культурой.

Сотрудничество между Германией и Россией развивалось последовательно, несмотря на смену руководителей обеих стран. В 2001 г. В. Путин произнёс речь в германском бундестаге на немецком языке,⁷ в которой изложил своё видение сотрудничества между Россией и Европой в будущем. Европа находилась в романтической фазе своего развития, во время которой мечта об "общем европейском доме" могла перерасти в реальность.

Между тем федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" в редакции от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ⁸ статьями 1 и 2 определил круг лиц, которые в соответствии с этим законом считаются соотечественниками. К ним относятся: "выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства".

В ст. 5 этого закона читаем: "Государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников основывается на принципах партнерства и сотрудничества, а также на признании:

<...> необходимости обеспечения гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и иных прав и свобод соотечественников, а также их законных интересов в государствах про-

живания в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;

взаимодействия государств в области обеспечения прав и свобод соотечественников.

3. Цели государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников заключаются в оказании государственной поддержки соотечественникам, в том числе в обеспечении правовой защиты их интересов, а также условий, при которых они могли бы в качестве равноправных граждан жить в иностранных государствах или вернуться в Российскую Федерацию."

На первый взгляд – вполне приемлемое видение форм оказания поддержки соотечественникам за рубежом, если не обращать внимание на то, что имеются в виду не российские граждане, а граждане иностранного государства и лица без гражданства.

Реализация этих форм оказания поддержки с 2007 г., однако, вызывала вопросы. Особенно когда чиновники подведомственного МИДа России Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству развили бурную деятельность по созданию различного рода обществ и объединений. В июне 2007 г. был проведен конгресс соотечественников в Кельне, в июле – в Нюрнберге, на которых количество соотечественников исчисляли более чем в 3,5 млн. человек. В ноябре 2012 г. в Дюссельдорфе была проведена 1-я Общегерманская молодежная конференция организаций российских соотечественников «Молодые соотечественники – лидеры современной Европы». Одна из групп на этой конференции работала по направлению: «Участие русскоязычной молодежи в политической жизни / институтах политической власти Германии. Политическое образование / участие русскоязычной молодежи в процессах развития гражданского общества». А и.о. руководителя представительства Россотрудничества в Германии С.И. Жиганов особо отметил

⁷ Выступление В. В. Путина в Бундестаге ФРГ Берлин, 25 сентября 2001 г. // "Дипломатический вестник"

(www.mid.ru/.../9695e666d8d897fcc3256b09003a2).

⁸ rs.gov.ru/node/658

роль русскоязычных соотечественников в формировании имиджа России в мире.⁹

Основной причиной расширения функций агентства Россотрудничество, как заявил Жиганов, «является усиление деятельности государства по формированию имиджа России, продвижению интересов страны в культурно-гуманитарной сфере».¹⁰

Позвольте напомнить, что Государственная Дума 13 июля 2012 г., т.е. за полгода до этого, приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях», по которым в России началось выявление «иностранных агентов». Асимметричность политики России на своей территории и территории других стран в этом вопросе очевидна. Еще очевидней эта асимметричность стала в отношениях с Украиной с начала 2014 года.

С учетом инструментализации «защиты соотечественников» в событиях в Крыму и при дестабилизации положения в восточных и юго-восточных областях Украины, возросшей напряженности в прибалтийских странах и Казахстане, а также весьма однозначных высказываний российских чиновников, политиков и дипломатов в отношении Германии, с моей точки зрения требуют осмысления следующие вопросы:

- статус коренных народов и реализация их прав;
- право коренных народов на самоопределение и принцип суверенитета государств;
- применение норм международного права и инструменты реагирования в случае их нарушения;
- роль ООН, ОБСЕ, Совета Европы в урегулировании спорных и конфликтных ситуаций, могущих возникнуть как следствие реализации права на самоопределение коренных народов и изменения государственных границ.

*д-р. Альфред Айсфельд,
Гёттинген, Германия*

---

⁹ <http://www.russkoepole.de/index.php?view=article&catid=100:20>

¹⁰ Выступление С.И. Жиганова на I Общегерманской Молодежной конференции (Дюссельдорф, 23-25 января) (<http://www.russkoepole.de/index.php?view=article&catid=109:20>).

Башкортостан: новые страсти вокруг учебника истории

В последние годы в России и ее регионах, особенно в республиках, остро встал вопрос о подготовке новых учебников истории. Оно и понятно, поскольку исторические наука и образование, в отличие от многих других гуманитарных отраслей знания, часто выходят за собственные границы. Ведь «в отличие от математиков история не принадлежит только самим историкам, ибо ей интересуются и ее порою хорошо знают самые простые люди, а кроме этого представления о прошлом формируют национальное самосознание, образы своего народа и своей страны, а также других стран и народов. Поэтому история всегда пронизана политикой, особенно на уровне толкования, а иногда и на уровне очевидных фактов и событий»¹.

На местном уровне проблема подготовки новых учебников оказалась тесно связана с необходимостью пересмотра многих подходов к историческому прошлому регионов. Если за последние годы исторические исследования, ведущиеся в центральных научных учреждениях страны, позволили существенно продвинуться к созданию новых концептуальных подходов, то в ряде республик продолжают отчасти сохраняться прежние советские схемы, «модернизированные» в угоду возвеличивания титульных этнических групп.

На сегодняшний день у историков накопилось много вопросов к учебной литературе, ведь многочисленные учебники по отечественной истории и истории отдельных регионов изобилуют противоречивой информацией и нетолерантные суждения по отношению к отдельным народам и культурам².

В Башкортостане основной объем школьных учебников по региональной истории занимают тексты, посвященные противостоянию народов Южного Урала

России в XVII – начале XX в.: башкирские восстания, колониальная политика русского правительства, борьба за создание собственной государственности в годы гражданской войны. Об истории народов, составляющих демографическое большинство, их вкладе в экономику и культуру края практически не упоминается, а страницы таких спорных пестрят малообоснованными спорными концепциями, нередко имеющими оттенки национальной исключительности.

Однозначно «тюркскими» (башкирскими) объявляются общности, этническая и языковая принадлежность которых иная или, по крайней мере, дискуссионная; раннесредневековый Южный Урал представлен подобно Киевской Руси «страной городов», башкирские правители того времени в противоречии с особенностями кочевой политической культуры Евразии названы «ханами»; утверждается о договорном характере вхождения региона в состав России, а однородная социальная структура традиционного башкирского общества описывается в духе сталинской историографии как «классово развитое». Средневековый Башкортостан интерпретируется в этих пособиях как супергосударство, он «представлял собой обширный край, куда входили полностью современные территории Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей, частично Пермской, Курганской, Свердловской, Самарской и Саратовской областей и Татарстана»³.

Читая эти учебники, возникает представление о том, что башкирскую историографию обошли стороной не только все современные новации и «революции», произошедшие в исторической науке за последние десятилетия, но она вообще не ощутила на себе даже тех сдвигов, которые наметились в позднесоветской научной мысли. В наши дни очень трудно, имея неплохие образцы федеральных учебников, сводить всю историю края к налогам и платежам, насильствен-

¹ Можно ли остановить передел прошлого в угоду политике? Интервью Валерия Тишкова (<http://www.regnum.ru/news/polit/1887922.html>).

² Эксперты из Башкирии: Региональные пособия не должны страдать однобокостью (<http://www.regnum.ru/news/polit/1861566.html#ixzz3SelU7wgG>).

³ История Башкортостана: с древнейших времен до конца XIX в. Учебник для 8 кл. / отв. ред. И.Г. Акманов. – Уфа: Китап, 2005, с. 65.

ной христианизации населения и перманентной классовой борьбе, иногда разбавляя все это претензиями на прямую причастность региона к мейстриму мирового исторического процесса. В учебнике истории Башкортостана для 8-го класса, повествующем о прошлом региона от каменного века до конца XIX столетия, из тринадцати глав две посвящены археологии, почти три – трактуемой в советском духе классовой борьбе, четыре – социально-экономической ситуации (естественно без малейшего намека на использование современных методов ее анализа), а культуре, как в классических советских пособиях, уделено несколько параграфов, которые повествуют в основном о традициях башкирского общества⁴. Историческая наука в Башкирии имеет иные разработки, в частности, многочисленные исследования о вкладе местных русских, татар и других народов в экономику и культуру края. Но авторы школьных учебников эти разработки упорно игнорируются. Во многом эти отрицательные моменты связаны с тем, что учебники пишут люди достаточно преклонного возраста (75 лет и старше), которые как ученые сформировались в 60–70-е годы прошлого века на концепциях, истоками уходящих в еще более раннее время. Недавно это публично признал один неназванный депутат республиканского парламента.⁵

Как отмечает академик РАН В.А. Тишков, «нельзя драмы и трагедии прошлого превращать в источник вражды между современниками. Особенно если речь идет об общем прошлом, об общих победах и поражениях и об общей ответственности за свершенное... Но здесь есть одна важная вещь: нельзя создавать версию прошлого одного народа за счет создания образа врага из соседних или дальних народов и нельзя отрицать факт общей истории, если таковая была и была довольно длинной»⁶.

Поэтому знакомство с оценками тех или иных событий, даваемыми на страницах региональных пособий по истории Башкортостана, позволяет увидеть в них и

отголоски трактовок, характерных для «школы М.Н. Покровского» ее негативными оценками русского народа, и ультраавтохтонистские построения времен Н.Я. Марра. Давным-давно отвергнутые в центре, отголоски этих теоретических конструкций с определенными вариациями и без ссылок на своих прародителей мирно дожили в национальных историографиях до наших дней, подводя оправдательную теоретическую базу под сепаратистские настроения части региональной интеллектуальной и политической элиты. С другой стороны, узкая специализация и отсутствие широкого кругозора у авторов учебников, их смутные представления об информационных ресурсах Всемирной Сети, доступных сегодня практически любому ребенку, превращает эти работы в архаичный и плохо адаптированный для школьников пересказ защищенных давным-давно их кандидатских и докторских диссертаций. Учитывая, что в составе авторов этих зачастую косноязычных пособий отсутствуют учителя и методисты, то картина становится еще более удручающей.

Более того, как выяснилось, большинство региональных учебников не проходят никакой экспертизы, что противоречит существующему законодательству. Так, 27 января 2015 г., депутаты башкирского парламента признали «подлежащим удовлетворению в целом» протест прокурора Республики Башкортостан на отдельные положения республиканского закона от 10 июня 1996 года № 34-з «О республиканском комплексе учебников для образовательных учреждений». «Федеральный закон предусматривает, что для того, чтобы учебники использовались в школе, они должны пройти соответствующую экспертизу и должны быть включены в федеральный перечень», – пояснила старший помощник Прокурора РБ Гузель Масагутова. Эти положения закона об образовании вступили в силу в 2013 году, они касаются в том числе и учебников на родных языках. А республиканский законодатель этого не учел⁷.

---

⁴ Там же.

⁵ Истомина С. Учебники вне обсуждения // Аргументы и факты–Башкортостан. 2015. № 6, с. 9.

⁶ Можно ли остановить передел прошлого в угоду политике? Интервью Валерия Тишкова.

---

⁷ В Башкирии депутаты признали протест прокурора по учебникам (<http://proufu.ru/obcestvo/item/46445-v-bashkirii-deputaty-priznali-protest-prokurora-po-uchebnikam.html>).

Трактовка в некоторых школьных учебниках отдельных сюжетов исторического прошлого вызывает протесты у родителей учеников и озабоченность у многих представителей профессионального цеха историков. В феврале 2013 г. на заседании совета при президенте Российской Федерации по международным отношениям Владимир Путин поручил Министерству образования и науки совместно с РАН и при участии Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества внести предложения по подготовке единого учебника по истории страны для средней школы. В ответ на поручение Министерством образования и науки РФ была разработана программа мероприятий по созданию единого учебника истории. Одним из важнейших аспектов в создании такого учебника стал и региональный компонент, или региональная история, которая должна быть синхронизирована с общей историей, а также правдиво и достоверно излагать факты прошлого и настоящего. В июне 2013 года в Министерстве образования России на заседании рабочей группы по разработке концепции единого учебника были утверждены пять пилотных регионов: Башкортостан, Белгород, Новосибирск, Тверь, Калининград, где наработан большой опыт преподавания истории региона.

Коллектив ученых Башгоспедуниверситета разработал свою концепцию модели учебного пособия «Россия–Башкортостан: общность исторических судеб», которая заняла первое место во Всероссийском конкурсе и легла в основу модели проекта преподавания региональной истории для территорий страны⁸. Новый региональный учебник взялись написать уфимские историки Г.Т. Обыденнова, В.А. Иванов, Б.А. Азнабаев и Р.Н. Рахимов, а методическую работу над его структурой и текстом должен провести известный в республике специалист в этой области В.М. Антонов.

Однако одного только желания написать новый учебник мало. Контроль над

историческим прошлым, который до недавнего времени осуществлялся авторитарным режимом президента М.Г. Рахимова, по-прежнему остается в руках региональной научной гуманитарной элиты, все еще контролирующей республиканские министерства образования и культуры. Твердо убежденные, что «каждый народ свою историю должен написать сам»⁹, они ревностно относятся к любым попыткам создать отличающийся от кажущегося им канонического нарратив. В период нахождения у власти Рахимова местная гуманитарная элита не допускала не только самой возможности представить учащейся публике альтернативные варианты прошлого, но и всякого обсуждения иных подходов к истории региона. Сегодня, утратив административные рычаги, позволявшие длительное время довольно успешно бороться со всеми проявлениями инакомыслия, она продолжает отстаивать свои догмы.

Вышеназванные будущие авторы нового учебника «Россия–Башкортостан: общность исторических судеб» недавно были вынуждены обратиться с письмом к президенту республики Р.З. Хамитову по поводу сложившегося в местной исторической науке монополизма догматиков, в результате чего двоим из этих «диссидентов» в итоге пришлось сменить место работы¹⁰. «В исторической науке в республике, – отмечалось в письме, – за последние двадцать лет сформировались семейно-родственные кланы «ученых», узурпировавшие право заниматься теми или иными историческими проблемами, сложилась система защиты диссертаций только «своих аспирантов», господствует

⁸ Обыденнова Г.Т. Новая концепция истории нашей малой Родины. Откуда есть пошла башкирская земля [Интервью подготовил Сергей Шушпанов] // Вечерняя Уфа. 2014. 10 окт.

⁹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана: древность, средневековье. Уфа: Китап, 2009. С. 5 (данная фраза помещена в книге в качестве эпиграфа. Если верить авторам – ссылки на источник они не дают – эти слова принадлежат религиозному и научному деятелю конца XIX–начала XX в. Ризе Фахретдинову).

¹⁰ Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. О едином учебнике истории России – взгляд из Уфы и Казани // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2014; Они же. О едином учебнике истории России: взгляд из Казани и Уфы // Вестник российской нации. 2014. № 4(36).

огольная критика «инакомыслящих», опирающаяся на сомнительный тезис о том, «что историю башкир должны изучать только башкиры»¹¹.

Едва публично объявив о своих планах представить новый вариант учебника¹², Г.Т. Обыденнова и В.А. Иванов вновь подверглись обструкции со стороны своих оппонентов, собравших «круглый стол» для идеологической проработки, а точнее дискредитации в глазах башкирского населения своих оппонентов. Участниками этого мероприятия стали доктора исторических наук Н.А. Мажитов и М.М. Кульшарипов, а также доктор филологических наук Г.С. Кунафин и общественный деятель А. Арсланов. Все они в течение последних двух-трех десятилетий активно участвовали в общественно-политической жизни республики, являясь своего рода идеологами башкирского национального движения. Основные претензии, высказанные в адрес В.А. Иванова и Г.Т. Обыденновой на «круглом столе», были опубликованы на страницах республиканской газеты «Башкортостан» – главного печатного периодического издания, выходящего на башкирском языке¹³. Вышеперечисленные ученые обвинили авторов нового учебника истории Башкирии в стремлении очернить историю башкир, в игнорировании существования раннесредневекового города *Башкорт* (так некоторые ученые в республике называют археологический памятник Уфа-II, расположенный на территории столицы Башкортостана) и его места в мировой истории. Более того, заявили Н.А. Мажитов и его соратники, В.А. Иванов и Г.Т. Обыденнова пошли еще дальше, разработав для школьников учебное пособие «Уфаведение». Но кому нужна такая лживая история, - вопрошают представители башкирской интеллигенции. Собравшиеся на «круглом столе»

также обвинили авторов будущего учебника в попытке монополизировать издание пособий по истории Башкортостана.

Через некоторое время газета «Башкортостан» была вынуждена опубликовать ответ критикуемых историков, возможность чего в бытность президентом республики М.Г. Рахимова исключалась¹⁴. Профессоры В.А. Иванов и Г.Т. Обыденнова, отвергая обвинения в свой адрес, замечают, что «круглый стол» на самом деле оказался «полукруглым», т.к. в нем участвовала только одна сторона дискуссии, а другая сторона была лишена возможности высказаться. Они опровергли заявление Н.А. Мажитова, что будто бы их научные и учебные пособия способствуют противопоставлению башкир другим народам республики и нагнетанию межнациональной вражды.

Что касается собственно региональной истории и интерпретации отдельных ее периодов, фактов и личностей, то она, как и в прежние годы, остается предметом острых дискуссий. Так, по-прежнему крайне спорной в Башкортостане является личность А. Валиди (1890–1970) – основателя Башкирской автономии, видного востоковеда. Если прежде полемика велась вокруг его роли в башкирском национальном движении в период революции и гражданской войны, то в 70-летие победы над нацизмом актуализировались дискуссии о деятельности этого исторического персонажа в годы второй мировой войны. Факт проживания и преподавательской работы А. Валиди в гитлеровской Германии, глухие намеки в его «Воспоминаниях» о поездках в лагеря советских военнопленных, отрывочные свидетельства о коллаборационизме бывшего «башкирского вождя» являются источником острых перепалок не столько среди профессиональных историков, сколько между политически ангажированными общественными активистами. В этом плане особую энергию проявляет Башкирское отделение КПРФ, которое в своих электронных и печатных изданиях часто публикует мате-

¹¹ Подробнее см.: Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. Новая волна дебатов по региональной истории в Башкирии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 253–256.

¹² Обыденнова Г.Т. Указ. соч.

¹³ История Башкортостана: истина и вымысел (на баш. языке) // <http://bashgazet.ru/obshestvo/15875-bashortostan-tarihy-ysynbarly-m-uyyrmalar.html>

¹⁴ Полуправда «полукруглого стола» (на баш. языке) // <http://bashgazet.ru/obshestvo/16615-yarym-trk-tlde-yarym-hite.html>

риалы о тесном сотрудничестве А. Валиди с нацистами¹⁵.

Если коммунисты при этом не акцентируют внимание на национальной принадлежности А. Валиди (кстати, тоже являющейся предметом дискуссий), то «титально» ориентированные ученые в Башкортостане трактуют его башкирскую этничность совершенно однозначно, используя это в противоборстве с «татарским гегемонизмом». Особую активность в этом плане проявляет в интернетных социальных сетях и на местных научных мероприятиях сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Башкортостан (ИГИ АН РБ) А.Т. Бердин, который буквально во всех негодных ему публикациях по этой теме старается выявить «татаристский» след. По его мнению, «обидно национально озабоченным сознавать, что основы татарской национальной историографии закладывал башкир и ярый враг татаризма». В писаниях Бердина достается и русским: «Антивалидиана, как и многие виртуальные «выступления русской общественности» объединены послушным следованием всем штампам пантатаристской идеологии»¹⁶.

Борьба сотрудников упомянутого Института гуманитарных исследований с «татаризмом» не ограничивается только защитой жизни и деятельности А. Валиди от «искажений» и «клеветы». В 2014 г. ИГИ АН РБ опубликовал многотомный сборник документов по истории башкирских родов, занимавших территорию современного северо-западного Башкортостана, а также прилегающих территорий Татарстана, Удмуртии и Пермского края¹⁷.

¹⁵ См.: Кто он – Заки Валиди? Сборник статей против героизации приспешника нацизма. Уфа, 2012. Отзывы пользователей Всемирной сети к концу 2014 г. на это издание см.:

<http://kprf102.ru/index.php/fotogalereya/292-%D0%B4-%D1%83-%D1%8D-%D0%BB-%D1%8C.html>.

¹⁶ Бердин А. Страсти по Валидову. // <http://www.rb21vek.com/ideologyandpolitics/834-strasti-po-validovu.html> (статья опубликована на сайте 16.12.2014)

¹⁷ Вопросы этнической идентичности башкир рода Гирей (презентация очередного тома серии «История башкирских родов») // <http://rb21vek.com/cli0/815-voprosy-etnicheskoy-identichnosti-bashkir-roda-girey-prezentaciya->

Издание этих увесистых фолиантов¹⁸ в дорогостоящем полиграфическом исполнении стало возможным благодаря финансовой поддержке со стороны Благотворительного фонда «Урал», главой которого является бывший президент республики М.Г. Рахимов¹⁹. Эта публикация продолжает давнее стремление местных ученых «документально доказать» этническую принадлежность населения указанных территорий к одним только башкирам.

Борьба с «татарской гегемонией» ведется не только на страницах научных изданий, но и в средствах массовой информации. Наглядным примером этого является передача «Историческая среда» на Башкирском спутниковом телевидении – главном государственном телеканале республики. Ее ведущий, сотрудник ИГИ АН РБ С. Хамидуллин, сопровождает исторические сюжеты своими комментариями, которые граничат с разжиганием межнациональной розни²⁰.

Ответной реакцией татарской общественности на эти тенденциозные выступления стало проведение в апреле 2014 г. в Уфе краеведческой конференции «Сохраняя память народа», в которой приняли участие как профессиональные историки, так и любители истории из преимущественно западных и северо-западных районов Башкортостана. Эта конференция подвела итоги продолжавшегося в течение нескольких месяцев конкурса краеведческих работ по истории семей и населенных пунктов. В рамках конферен-

ocherednogo-toma-serii-istoriya-bashkirskih-rodov.html (статья опубликована на сайте 12.09.2014)

¹⁸ Всего было издано шесть томов. См., например: История башкирских родов. Еней. Том 1. / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. П. Асылгузин, Р. Р. Шайхеев, Р. М. Рыскулов, А. Я. Гумерова. Уфа, 2014. 432 с.: илл.

¹⁹ Этот фонд был образован в 2009 г. в результате аккумуляции денежных средств, вырученных от продажи АФК «Система» предприятий башкирского ТЭК («Башнефть»). В 2014 г. правоохранительные органы возбудили уголовное дело в отношении участников этой сделки, признав ее незаконной. В результате судебных решений «Башнефть» вернулась в собственность государства, а счета фонда «Урал» были арестованы.

²⁰ Видеозаписи выпусков «Исторической среды» см.: <http://tv-rb.ru/teleproekty/poznavatelno-razvlekatelnye/istoricheskaya-sreda/>

ции было презентовано более 100 книг, выпущенных краеведами-любителями из этих районов²¹.

Несмотря на то, что в исторической науке Башкортостана до сих пор не изжиты тенденциозные и односторонние оценки прошлого, появились положительные примеры объективных толкований. Более или менее взвешенный и сбалансированный подход к истории и культуре этнических групп, составляющих многонациональное население края, представлен в вышедшей в 2014 г. однотомной энциклопедии «Народы Башкортостана» – результате большой работы, проделанной этнографами и историками республики. В книге приведены сведения об этногенезе, этнической истории, территориальном расселении народов края, их численности, языке, традиционной духовной и материальной культуре, социальном устройстве, современном состоянии и развитии народов на территории республики. В энциклопедию также вошли статьи об этнологических понятиях, научных и культурных учреждениях, выдающихся ученых-этнографов, краеведах, внесших вклад в изучение народов Башкортостана. Энциклопедия содержит богатый иллюстрированный материал, в частности, в ней представлены фотографии, карты, таблицы²².

В связи с этим полагаем уместным высказать некоторые рекомендации. Прежде всего, следует проводить выездные заседания Отделения историко-филологических наук РАН в регионах с целью обмена опытом, проведения лекций и семинаров для региональных историков с участием ведущих ученых страны. В целях укрепления научных связей историков центральных научных учреждений и исследователей в регионах необходимо восстановить существовавшую в середине прошлого века практику кураторства специалистов центральных научных уч-

реждений РАН. Важно было бы внедрить практику подготовки коллективных трудов по истории регионов, опыту нахождения этих территорий в составе России, реализация которых будет осуществляться совместно учеными центральных и региональных научных учреждений и вузов. Отделению историко-филологических наук РАН, другим заинтересованным центральным федеральным учреждениям и ведомствам следует разработать и начать реализацию плана по изданию совместно со специалистами из регионов сборников документов по региональной истории.

Уместно возобновить практику целевой подготовки специалистов-историков для регионов в ведущих научных учреждениях и вузах страны. В связи с тем, что сейчас Российской академии наук приданы экспертные функции, ученым из центра и регионов следует проводить на базе учреждений РАН совместную экспертизу региональных учебников, а в регионах было бы правильным шагом, если будут созданы экспертные советы из академических историков для проведения экспертиз телевизионных передач и выпускаемых за счет региональных бюджетов научно-популярных изданий по истории.

Габдрафиков И.М., Кучумов И.В.

---

²¹ Краеведы Чекмагушевского района стали победителями республиканского конкурса «Сохраняя память народа» (http://www.bashinform.ru/news/621903/?sphrase_id=398610).

²² В Уфе издана энциклопедия «Народы Башкортостана» (http://www.bashinform.ru/news/648699/?sphrase_id=398610).

Китайские арендаторы и Россия¹

Аренда сельскохозяйственных земель – явление исторически постоянное для России. Аренда практиковалась в разные эпохи, в разных культурных средах и всевозможных вариантах административного управления. Она нередко сопровождалась тяжбами и общественными конфликтами. Современные примеры с судебными разбирательствами и рукоприкладством можно обнаружить повсеместно – в одном только Подмосковье их изрядное количество. Арендные конфликты происходят (и происходили в историческом прошлом) как межличностные и межгрупповые. Массовые земельные конфликты продолжительностью в десятки лет сопровождали миграцию горцев на арендуемые равнинные земли в Дагестане, Кабардино-Балкарии, на Ставрополье и в др. регионах.

Земельная сельскохозяйственная аренда – совсем не то, что аренда офиса или автомобиля. Пашня, сенокос, пастбище и тому подобное, хотя и возобновляемый ресурс, но их нельзя "починить" или "возместить", если разрушены или утрачены. По особому, как хозяев, воспринимают и людей, обрабатывающих и использующих обширные пространства, даже если они – арендаторы.

В 1970-80-е гг. в СССР активными мигрантами-арендаторами были советские корейцы, которым власти в конце концов разрешили свободно перемещаться по стране. Но на протяжении постсоветских десятилетий их затмили граждане Китая (международная миграция). Китайцы стали наиболее частыми арендаторами сельских земель во многих государствах бывшего СССР. Приезд китайцев в Россию стартовал еще в советские 1980-е годы. С 2000-х гг. их активность в России то возрастала, то снижалась, а за последнее время она получила второе дыхание, ощутив встречную поддержку со стороны

региональных властей. Предприимчивые китайцы добрались даже до густонаселенных сельских регионов. Их можно найти в Краснодарском крае, в Волгоградской области, где сельское хозяйство развито на высоком уровне. Их можно найти даже в Дагестане. Последний пример особенно интересен как модель «аргументации за и против» сельскохозяйственного бизнеса, основанного на использовании труда мигрантов. Он наглядно показывает, что кабинетные схемы «эффективного инвестирования» в сельскую отрасль могут разлететься в пух и прах, если в них нет чего-то большего, чем только выкладки «экономической целесообразности». В таких случаях ошибки управления в экономике идут рука об руку с ошибками в социальной политике, и их приходится исправлять... бравым сотрудникам силовых ведомств.

Аварское село Сивух в Хасавюртовском районе Дагестана насчитывает 3,5 тыс. жителей.² Окружающее население – аварцы, чеченцы, кумыки, лезгины. Концентрация людей на территории очень плотная. Демографическая структура села типично «дагестанская», много детей и подростков, молодежь составляет более трети сельчан. По сообщению местного учителя географии,³ жители, чьи предки из горного селения каратинцев в течение поколений не единожды переселялись, попали на равнину после выезда из Чечни, куда были без их согласия водворены вместо депортированных чеченцев, но после репатриации чеченцев в 1957 г. – вернулись в Дагестан, где были принудительно направлены властями на новое место для «освоения равнинной зоны Прикаспийской низменности». Из-за мы-

¹ Исследование по проекту РФФИ «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», № 14-06-00117.

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность жителей села Сивух (в переписи числится под таким названием) 3313 чел., по национальному самоопределению – в основном аварцы (База данных ВПН2010 ИЭА РАН).

³ Магомедов У. Географическая характеристика села Сивух (<http://www.odnoselchane.ru/?sect=1221>).

тарств люди испытали немало лишений, у них были хозяйственные потери, погибло много скота. К жизни на равнине пришлось приспособляться, вложить труд в освоение новых сельскохозяйственных культур. Основанное ими в советское время крупное и успешное коллективное хозяйство "Заветы Ильича" (пшеница, кукуруза, ячмень, коровы, овцы, садоводство, виноградарство, собственный консервный завод) после исчезновения советского государства преобразовано в 1992 г. в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Сивух». В 1990-е гг. экономические показатели у кооператива снижались, а ныне хозяйство переживает упадок и острую нехватку капложений. Самому «новому» комбайну в хозяйстве 26 лет, т.е. приобретен в советское время.⁴ Однако некоторые личные хозяйства местных жителей оказались относительно успешными, им удалось даже увеличить поголовье скота. Тем не менее в селе недостает рабочих мест и заработков, многие ищут другие приложения труда, занимаются торговлей, уезжают за пределы Дагестана. В сложившихся непростых условиях поиска источников финансирования и новых способов заработать привели руководство дагестанской агрофирмы к идее укрепить ее китайскими технологиями и... китайскими трудовыми ресурсами. Что из этого вышло – рассказано в сюжете на республиканском телевидении⁵:

«Диктор: В начале марта [2014 г.] жители села Сивух подожгли китайские теплицы и бараки. Добраться до самих китайцев сивухцам не удалось – помешали сотрудники ОМОНа. Основная причина, по мнению организаторов поджога, использование китайцами химикатов и, конечно же, земля, на которой, по мнению местных жителей не должны работать гастарбайтеры. Так в чем же виноваты гости из Поднебесной и виноваты ли вообще?.. Вместо рассады томатов разбросанные стопки пластмассовых стаканчиков, на пепелище мусор и остатки целлофана – вот и все, что осталось после на-

падения местных жителей на китайцев. Эта парниковая война в селе Сивух началась внезапно – 7 марта толпа молодых людей 17-18 лет направилась к теплицам.

А. Сагидмагомедов, зам. председателя СПК «Сивух»: после пятничного намаза я ехал домой, увидел толпу по центральной улице идет. Малолетки. Поднял там глава администрации [всех], мы все вместе сюда приехали...

Диктор: А разбираться по закону, виноваты ли китайцы в использовании химикатов или нет, не захотел никто. Гораздо легче было напугать, разрушить и сжечь.

Сагидмагомедов: Когда я уже подъезжал, здесь их бараки уже горели, уже из окон, уже крыша вся горела. Мы туда подъехали, вот эта площадка полностью была у них еще, материал для других теплиц.

Диктор: Китайских рабочих от гнева разъяренной толпы вовремя успели спасти прибывшие на место сотрудники ОМОНа.

Сагидмагомедов: мы их [китайцев] искали, и ночью искали, они боялись даже вернуться сюда, вон там в канавах, где-то там спрятались. Они уже боялись сюда идти.

Диктор: Еще один аргумент поджигателей – гастарбайтерам отдали лучшую в Сивухе землю. Только... полтора года назад здесь росли камыши, землю не обрабатывали пятнадцать лет, - признается руководитель СПК Ш. Газиев. Мы привели ее в порядок, решили найти инвесторов. Уговорить китайцев работать в Дагестане стоило немалых усилий. В середине зимы все-таки пришли к общему решению: иностранцы арендуют 20 гектаров для выращивания томатов.

Газиев: Как можно самым легким способом выращивать тепличные овощи? Вот самое главное. Для меня это была главная задача – чтобы наши люди переняли опыт [к слову, в бывшем колхозе овощи растили весьма успешно, включая помидоры, огурцы, баклажаны, часть продавали в специализированном магазине в Махачкале, часть перерабатывали на собственном консервном заводе, причем загрузка была полной, работали

⁴ Выезд в СПК "Агрофирма Сивух". Телеканал «Айташ Хасавюртовский район», 16.09.2015 г.

⁵ <http://rgvktv.ru> Телеканал «Республиканская государственная вещательная компания "Дагестан"», автор Патимат Бурзиева, 02.04.2014.

в две смены⁶ – С.В.]. Во-вторых, по моим расчетам где-то выходило за тридцать миллионов, деньги оседали [бы] в селе – за работу, за бизнес. Они [китайцы] бесплатно обещали дорогу где-то четыре километра до этого поля гравировать – это тыща машин, это перевести на деньги, где-то два с половиной миллиона рублей.

Диктор: Почва на пробу, в желтых пакетах – вещественное доказательство, были ли на самом деле использованы недопустимые химикаты. Специально для этого приехали сотрудники Россельхознадзора. <...>

Сагидмагомедов: Они [китайцы] сами даже согласились заплатить агрономам, опытным агрономам из села двоих, чтобы здесь проверять, что они [китайцы] используют, чего, как, землю – всё проверять. По десять тысяч рублей в месяц. Это для сельчан хорошая зарплата.

Диктор: Поджог теплицы не принес никому пользы. СПК «Сивух» потерял доходы, возможность избавиться от долгов и трудоустроить своих же сельчан. Ну а те, кто совершил поджог – еще и «прославились» на всю страну. Вполне реально, что к «славе» еще добавится и тюремный срок. Помимо этого поджигателям придется возмещать все убытки, нанесенные китайцам. Примерная сумма ущерба – более четырех миллионов рублей».

По счастью, ущерб от этого конфликта измеряется только в рублях, а не человеческим здоровьем. Пресечение стычек силовым путем возымело действие. Но отношение местных жителей принудительными мерами изменить трудно. В этом дагестанском селе общественная жизнь протекает весьма активно – крепка мусульманская община, действует женская организация; проводятся совместные праздники, коллективные выезды в горы и к местам бывшего родового поселения; важные вопросы решаются сообща (кстати на сходе обсуждали и китайское присутствие). Так что «подростковый» погром вряд ли был «стихийным» и неожиданным. Один из источников рассказывает,⁷

что сельчане посчитали себя обманутыми, когда для работы в теплицы были привезены не специалисты, а женщины-китайки, не имевшие должной квалификации и пытавшиеся ради личного заработка оттеснить местных жителей от совместного труда.

Как бы в оправдание газета «Дагестанская правда» написала: большая часть хороших сельских земель находится в пользовании разгромленной агрофирмы, и эта агрофирма не давала землю в аренду сельчанам под предлогом освоения сначала более непригодных участков. «А китайцы стали осваивать хорошие земли и просили еще до 200 гектаров». «Позже выяснилось, что никакого инвестпроекта нет, землю арендовало физическое лицо, оно и привело китайских рабочих. Кто именно – выяснить не удалось». И еще: «Погромы и выдвливание китайских инвесторов в последний год наблюдаются не только на Кавказе, но и в Ставрополье, и на Кубани. Местные жители организуют антикитайские сходки, а власти направляют к инвесторам десятки проверок».⁸

После погрома китайцев в с. Сивух послышались недружественные голоса, мол, и сами погромщики – люди пришлые, мол, аварцы обосновались на землях кумыков. Комментаторы (сайт kumuk.info) написали: «Напомним, что село Сивух было «основано» незаконными переселенцами из Гумбетовского района на Кумыкской равнине в 1958 году». Так что общественный конфликт по «земельным» поводам опасен и тем, что способен обраться новыми проблемами и расширяться.

В иных российских регионах реакция на пришлых аграриев проявляется, может быть, не столь остро, но предпосылки напряженности (захиревшие хозяйства, скрытая и явная сельская безработица, невнимание властей к проблемам отрасли и сельской инфраструктуре) – явление в России повсеместное.

Предостаточно и китайских граждан, которые согласны рискнуть и желают развернуть на российских просторах собственный агробизнес. Но сколько таких?

⁶ Эти сведения взяты из телепередачи об истории с. Сивух 1990 г. Архив местного канала «ТВ Сивух».

⁷ Кутузова Н. В дагестанском селе Сивух подожгли теплицы китайских инвесторов // Великая Эпоха (The Epoch Times), 13.03.2014 (<http://www.epochtimes.ru/content/view/85042/3>).

⁸ Магомедов Ш. А мы все ждем инвестора... // Дагестанская правда, № 77, 19.03.2014.

Общедоступных статистических сведений о китайской сельскохозяйственной миграции в Россию нет, как нет и точных сведений об общей численности граждан КНР на территории нашей страны. После того, как в 2008 г. начала работать единая система электронного учета Федеральной миграционной службы, ситуация как бы стала проясняться. Проблема, однако, в том, что количество пересечений государственной границы, которые фиксируются этой системой, отражает баланс прибывших и выбывших и выявляет, кто из прибывших нарушил срок пребывания в стране. Дополнительно эта электронная система учитывает количество лиц, имеющих право на постоянное проживание (вид на жительство), а также и тех, кто по какой-либо причине не был ранее учтен, но выявлен в ходе проверки миграционными, пограничными и иными службами. Однако прочие нелегалы остаются системе не видны, и один из источников нелегального труда в России – приезд туристов без визы.

Еще в 2000 г. соглашение о безвизовых поездках граждан России и Китая было подписано правительствами двух стран. Народ поехал – и стало ясно, что контроль границы ослабел. Поэтому в 2006 г. были введены некоторые ограничения, но до настоящего времени граждане Китая приезжают в Россию в качестве туристов по так называемым безвизовым спискам⁹. С 2011 г. количество таких пересечений границы резко возросло: было 115-130 тыс. прибытий, а стало 234 тыс. С этого времени темп туристической активности усиливался, достигнув в 2014 г. исторического максимума 410 тыс. Некоторые эксперты объясняют китайский туристический бум в Россию подешевевшим рублем. Но это не единственная причина. Если обратить внимание на количество вернувшихся в Китай, то легко заметить, что все больше китайских туристов выезжает из нашей страны с опозданием. До 2009 г. «запоздавших» было мало, 1,5 – 2

⁹ Длительность туристической поездки по безвизовому обмену не должна превышать 15 календарных дней ("Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках" (заключено в г. Москве 29.02.2000).

тыс. чел., зато в 2011 г. – почти 7 тыс., а далее вообще удивительная картина: 2012 г. – 22,7 тыс., 2013 г. – 51,7 тыс. и лишь в 2014 г. наблюдался «спад» до 14,4 тыс. Примечательно, что до начала туристского бума из Китая, в миграционном потоке из этой страны преобладали лица, как значится в их документах, приезжающие в Россию с «частными намерениями». А как только туристский поток стал расти, количество «частников» уменьшилось, но совокупное количество приезжающих оставалось на одном уровне¹⁰. В прежние годы, до туристического бума, использовалась другая уловка – десятки тысяч китайцев приезжали в Россию в качестве студентов (ныне, когда власти постарались навести порядок со «студентами», их численность сократилась до 15 тыс. чел.). Очевидно, что все это – отражение нелегальной миграции, цель которой не совпадает ни с туризмом, ни с учебой.

Не вносят ясности о численности граждан Китая в России обе постсоветские переписи, хотя этот государственный источник призван корректировать сведения о численности населения, получаемые в межпереписные годы из материалов текущего статистического учета. Всероссийская перепись 2010 г. дала цифру численности граждан Китая в России 67,3 тыс. чел, а перепись 2002 г. – 56,3 тыс.¹¹ Обе цифры никак не соответствовали мнению большинства специалистов, полагающих, что в эти годы в России находились сотни тысяч граждан КНР.

¹⁰ В 2007 – 2012 гг. общая численность граждан КНР с частными визитами и в качестве туристов в среднем за год составляла прибывших 467 тыс. чел. и выбывших 462 тыс. чел.

¹¹ При Всероссийской переписи 2010 г. в составе постоянного населения РФ учтены 28382 чел. граждан КНР и в составе временно находящихся на территории РФ с любыми целями, включая транзитный проезд – 38897 чел. (Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник, т. 11. – М.: Росстат, 2013, сс. 556, 557). При переписи 2002 г. – соответственно 30598 чел. и 25709 чел. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник, т. 4. – М.: Росстат, 2004, с. 1890; т. 14 – Сводный том. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года», с. 464).

Недавно официально обнародована совсем другая цифра. Считается, что, если в 1990-е и 2000-е гг. на территории РФ имелось какое-то значительное количество неучтенных граждан Китая, то в текущем десятилетии таковых становилось все меньше, и вот Федеральной миграционной службе удалось выявить учетную величину порядка 270 тыс. чел.¹² Это в несколько раз больше переписной численности, но все же далеко не все китайцы – вспомним хотя бы тысячи «туристов» из КНР, которые не торопятся вернуться из своего российского турне. По данным самой миграционной службы, доля обнаруженных в 2015 г. нелегальных мигрантов, просрочивших выезд, из общего количества в России иностранцев (не только из Китая), прибывших для трудовой деятельности, составляет 61,2%. Ес-

грантов¹³, и нелегалы среди них встречаются в два раза реже (что маловероятно), тогда общая численность граждан Китая в России все равно превышает официальную, составляя порядка 387 тыс.

Представителям ФМС, конечно, хочется верить, что ситуация у них под контролем, и что китайцы законопослушны. Но тогда о чем же свидетельствуют цифры въезда-выезда? Рассмотрим эти цифры, допустив маловероятную ситуацию, что, например, в 2007 г. ни одного (!) нелегального гражданина КНР в России не было. По итогам указанного года статистика показала, что из России выехало на 0,9 тыс. граждан КНР больше, нежели приехало. Такое возможно, ведь иностранные граждане, согласно их визе (или туристическим обязательствам) вправе покинуть Россию каждый в свой срок, и

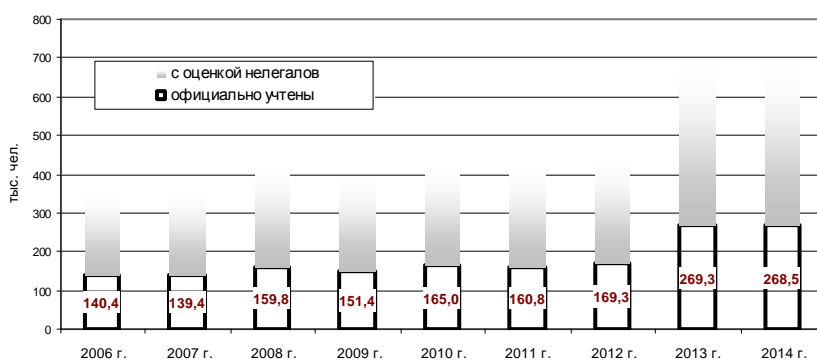

Рис. 1. Динамика численности граждан КНР в России

ли этот показатель применить для граждан КНР, получится, что их численность в России в три раза больше официально выявленной и составляет порядка 692 тыс. чел. Возьмем также умеренный сценарий. Если предположить, что китайцы законопослушнее прочих трудовых ми-

этот срок не обязательно совпадает с финалом календарного года. Но по итогам следующего 2008 г., из России НЕ выехало более 20,4 тыс. граждан КНР. Если из этих не выехавших вычесть «избыточно» выехавших годом ранее, то все равно накопленный за два года итог будет немалым – численность граждан Китая, оставшихся в России должна была возрасти на 19,5 тыс. персон (в данном случае речь не

¹² Федеральная миграционная служба на своем интернет-сайте представила таблицу по состоянию на май 2015 г., в которой численность граждан КНР, находящихся в РФ, равняется 268,5 тыс. См. табл. «Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 11 мая 2015 г.)» (<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data>).

¹³ О том, что большинство граждан Китая находятся в РФ «законно», сообщал депутатам Госдумы РФ руководитель Федеральной миграционной службы К. Ромодановский. Но об этом он говорил в 2012 г., до начала туристского «бума» из Китая (Шкель Т. Арифметика миграции //Российская газета - Федеральный выпуск №5735/62, март 2012).

о тех, кто получил гражданство или вид на жительство). Далее, в 2009 г. часть из них покинула Россию, и получилось, что выехало по итогам года больше, чем приехало – минус 8,4 тыс. Но все равно уехали не все, кто должен был сделать это годом ранее, и поэтому по итогам теперь уже трех лет накопленное количество оставшихся в России китайских мигрантов все равно превысило количество выехавших, составив 11 тыс. чел. Затем в 2010 г. вновь повторилась ситуация, когда часть приехавших, не возвратилась в Китай, и четырехлетнее накопление составило уже 25 тыс. чел. Затем эта сумма несколько сократилась в 2011 г., когда миграционный баланс опять был отрицательным, но все равно итоговое количество оставшихся в России составило 20,4 тыс. В 2012 г. накопленный эффект возрос до 29 тыс. чел., а в 2013 г. он скакнул сразу до 129 тыс. В 2014 г. после очередного колебания миграционного баланса вниз общий накопленный прирост граждан Китая в России за последние 6 лет оказался большим, он составил +128 тыс. человек. Эта численная прибавка отражает процесс только за последние годы, без учета того, сколько было граждан КНР в России до этого. Так что вряд ли можно согласиться с мнением работников ФМС о том, что выдаваемая менее чем на один год виза обеспечивает «постоянную» численность и нулевой прирост в России граждан из этой страны.

Имея на начало 2015 г. официальную и оценочную (вместе с нелегалами) численность граждан КНР в РФ, и зная из ежегодной статистической отчетности о количестве прибывающих и выбывающих, можно произвести обратный расчет совокупного количества для предыдущих лет. Этот ретроспективный пересчет показывает, что в начале 2000-х гг. граждан Китая, по всей видимости, можно было насчитать в России 130-230 тыс. чел., и, следовательно, перепись того времени учла, в лучшем случае, половину из них.

Но сколько в России граждан Китая является фактическими трудовыми мигрантами? Точных цифр опять-таки нет. Если думать, что официальная цифра (названа выше) вмещает всю численность граждан Китая в России, то даже в сравнении с ней удивительно мало китайцев

приезжает в Россию на заработки – 70-90 тыс.¹⁴ Нет официальных сведений и о том, сколько из них занято в сельском хозяйстве. Известно, однако, что в целом по России среди всех иностранных граждан сельским и лесным хозяйством занимается всего-то 70 тыс. чел.,¹⁵ а поскольку это не только граждане Китая, то очевидно, что официальная отчетность отражает нереально низкую занятость мигрантов в целом и китайцев, в частности.

В 2014 г. в Приморском крае по отчетности насчитывалось 11,6 тыс. граждан Китая, а сколько из них заняты сельским хозяйством, сведений нет. Также известно, что в Приморье приезжает в несколько раз больше узбеков, чем китайцев. Правдива ли эта картина? Существуют, конечно, квоты, ограничивающие приезд для устройства на работу граждан этой страны, но сложно поверить, что за тысячи километров из Узбекистана в Приморье приезжает гораздо больше людей, чем из соседнего Китая. Однако такова официальная статистика.

По оценкам специалистов, китайцы, работающие в сфере сельского хозяйства, нередко готовы оставаться жить в России¹⁶. Вид на жительство граждане Китая чаще всего получают в Амурской области, а гражданство РФ – в Приморском крае. В этом же регионе больше, чем где-либо, заключается китайско-российских браков.¹⁷

Хотя объемы трудовой миграции из Китая, ориентированной на аграрный труд в России, остаются неизвестными, но очевидно, что речь идет как минимум о десятках тысяч. И нужно учитывать, что

¹⁴ В 2014 г. граждане КНР оформили 88,9 тыс. разрешений на работу. Это можно подсчитать по материалам: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2014 год и плановый период 2015 - 2017 годов. – М., 2015 (рукопись).

¹⁵ Мы приводим данные по доступной сводке Федеральной миграционной службы на 2010 и 2011 гг. (табл. «I-Р Д»).

¹⁶ Ермак Г.Г., Изотов Д.А. и др. Эксперты о китайской миграции в России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014, с. 259.

¹⁷ Там же, с. 261.

трудящиеся китайцы легко перетекают из одного вида занятости в другой (вчера занимались дорожными работами, а сегодня копают грядки).

Для оценки возможных социальных последствий иностранной сельскохозяйственной миграции, важно понять, насколько велика в России сельскохозяйственная потребность в иностранных рабочих руках. Региональные управления сельского хозяйства (региональные министерства и др.) часто выступают инициаторами использования сторонней рабочей силы, в т.ч. и при установлении конкретных квот на привлечение граждан Китая, заявляя, что рабочих рук хронически не хватает. Однако независимая оценка выявляет иную картину. По отчетности самих сельскохозяйственных организаций, в 2014 г. в октябре¹⁸ по всей России требовалось 13,5 тыс. работников,¹⁹ но никак не десятки и, тем более, не сотни тысяч. Причем нужны в первую очередь специалисты. А неквалифицированные рабочие составляют только четверть потребности. Между тем, большинство трудоустраивающихся в сельском хозяйстве России граждан Китая относится именно к категории неквалифицированных работников. В прежние годы ситуация была аналогичной: в 2008 г. общероссийская потребность была 17,8 тыс. сельхозработников (из них неквалифицированных 22%), в 2010 г. – 10,4 тыс. (неквалифицированных 21%), в 2012 г. – 14,7 тыс. (неквалифицированных 31%). Таким образом, средняя многолетняя потребность в сельскохозяйственной рабочей силе в России равняет-

ся 14 тыс. чел. без учета дополнительного сезонного труда, причем от этой численности потребность в малоквалифицированных рабочих составляет лишь четверть.²⁰ Из этого очевидно, что количество иностранных мигрантов, ориентирующихся на сельский труд, многократно превышает имеющуюся потребность. Конечно, в весенний и осенний периоды необходимость в сезонном труде возрастает, особенно, при сборе урожая, но сезонный труд продолжается лишь несколько месяцев в году (да и то с перерывом), и потому он не является привлекательным для иностранных трудовых мигрантов.

Теперь посмотрим, какова потребность в сельских специальностях по отдельным регионам. Сельхозорганизации Дальнего Востока в 2008 – 2014 гг. хотели бы получить отнюдь не десятки тысяч, а в расчете на каждый год всего лишь 1300 рабочих без учета сезонников, причем более половины из них требовались в Приморском крае. А вот в Хабаровском крае, где производящих сельских организаций больше всего, потребность составила лишь 176 чел. В Амурской области потребность вообще очень низкая – 86 чел., это даже ниже, чем на Чукотке. Крайне низка потребность в сельских рабочих в Сахалинской и Еврейской автономных областях. Что касается Сибири, то там среднегодовая потребность в сельских рабочих 1700 чел., и треть потребности приходится на Новосибирскую область. А, например, в Забайкальском крае средняя многолетняя потребность очень низкая – всего лишь 75 чел. Так значит, разговоры о катастрофической нехватке рабочих рук в сельском хозяйстве не очень-то соответствует реальной картине.

Названные цифры показывают, что в отечественном сельском хозяйстве, включая восточные регионы, нет «огромного дефицита» рабочих рук. Наоборот, при определенной ситуации может возникать их переизбыток, сопровождаемый различными формами безработицы, в т.ч. скрытой. Поэтому, если не создавать в России

¹⁸ Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2014 г. (статистический бюллетень). – М.: Росстат, 2015, таблицы 1, 33 (данные от индивидуальных предпринимателей здесь не учитываются).

¹⁹ По методике Росстата, учитывались вакантные рабочие места, освободившиеся в случае увольнения сотрудников, ухода в отпуск по беременности и родам или в отпуск по уходу за ребенком, а также вновь созданные рабочие места, на которые планировалось принять работников в течение 30 дней после отчетного периода. Совокупно учтена потребность не только сельскохозяйственных работников, но и также лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства и рыболовства. Соответственно потребность в сельхозработниках меньше указанных значений.

²⁰ Расчеты по статистическим бюллетеням Росстата «Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября» за 2008 – 2014 гг.

(и на Дальнем Востоке) новые сельскохозяйственные предприятия, причем в большом количестве (а это нецелесообразно), то следует признать, что привлечение в эту отрасль массы иностранных работников неизбежно связано с вытеснением из нее работников отечественных.

Есть еще один вариант сельскохозяйственной занятости – это наемный труд у фермеров и граждан, имеющих личные подсобные хозяйства. Потребности этой категории хозяев оценить сложно, поскольку не существует статистики о фактическом количестве у них иностранных наемных рабочих.²¹ Однако нужно учитывать, что, если, например, иностранным мигрантам из Средней Азии «нравится» индивидуальный труд на приусадебных участках граждан, то китайским рабочим такой труд, как правило, не подходит. В силу различных условий и языковых ограничений китайцы работают именно бригадами, с относительно крупными объемами работ и обрабатываемых земельных площадей, поэтому им выгоднее заниматься субарендой или прямой арендой (не обязательно оформленной документально). Численность фермерских хозяйств и подсобных усадебных хозяйств в России очень велика, но далеко не все, а скорее меньшинство готовы сдавать, к тому же нелегально, свою землю в аренду иностранцам.

Существует миф о заброшенных пашнях, которые некому обрабатывать и потому, дескать, требуются сторонние рабочие руки. Хотя эта тема не является предметом данной статьи, необходимо коротко сказать, что проблема «заброшенности» прежде всего связана с отсутствием материально-технических вложений в отрасль, что и приводит к оттоку рабочих рук (и населения вообще). В отечественном сельском хозяйстве нужны инвестиции – прежде всего, отечественные, но также и зарубежные. Однако не

очень-то нужны сторонние рабочие руки. По крайней мере, потребность в них отнюдь не повсеместная и не массовая. И поэтому китайская стратегия тотальной аренды вряд ли является подходящим средством развития российского сельского хозяйства, и уж точно не добавляет социального оптимизма местному населению.

Сегодня, когда во внешней политике России резко меняются приоритеты из-за давления Запада и его санкций, Китай, очевидно, постарается существенно расширить свое экономическое присутствие на Дальнем Востоке и в Сибири, включая и демографическое присутствие. Предложение использовать Дальний Восток для сельского хозяйства уже прозвучало от китайских чиновников самого высокого ранга. В 2014 г. на XVIII Петербургском международном экономическом форуме заместитель председателя КНР Ли Юаньчао заявил, что Россия обладает гигантскими земельными ресурсами, но для освоения ей не хватает людей, в то время как в Китае есть много рабочих²². В том же году Северная Корея подтвердила, что также хотела бы арендовать сельскохозяйственные земли в Амурской области (причем это было не первое обращение с 2011 г.).

Совпадение или нет, но через несколько месяцев с инициативой раздачи «бесплатного гектара» (1 га на персону 18 лет и старше) на Дальнем Востоке выступил полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнев.²³ Заглавная цель – вернуть россиян в этот регион. С 2016 г. в тестовом режиме на уровне отдельных муниципалитетов в каждом дальневосточном регионе предусмотрена выдача в безвозмездное пользование земли на пять лет, но не в близлежащей к городам местности, и, если

²¹ В обязательных отчетных формах, представляемых индивидуальными предпринимателями в органы статистики нет сведений о наличии иностранных граждан, занятых наемным трудом. См. формы федерального статистического наблюдения «№1-предприниматель» и «№МП-сп (сведения об основных показателях деятельности малого предприятия)», утвержденные приказом Росстата №263 от 09.06.2015.

²² Китай поднимет Дальний Восток //Газета.Ru, 24.05.2014 (<http://www.gazeta.ru/business/2014/05/24/6046385.shtml>).

²³ Президент России Владимир Путин провел рабочую встречу с вице-премьером - полпредом главы государства в ДФО Юрием Трутневым, 19.01.2015 /Официальный сайт Минвостокразвития России (http://minvostokrazvitiya.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2878&spphrase_id=30805).

будет освоена (для самых разных нужд), то переходит в собственность, а если – нет, то изымается. Далее предполагается разрешить эту практику для всех муниципалитетов Дальнего Востока и наделять землей местных жителей, а затем и остальных россиян, которые захотят переехать на Дальний Восток. При этом перепродажа земли, особенно иностранцам, должна быть ограничена.

Но китайская аренда земель уже привычна местным властям. Она давно практикуется регионами, и не только на Дальнем Востоке. Поэтому не удивительно, что в условиях кризиса и Западных санкций некоторые чиновники постарались найти «нетривиальные» способы изыскания инвестиций. В Забайкалье наделал много шума проект беспрецедентно большого договора об аренде сельскохозяйственных земель для Китая. Общий подход к делу изложен в региональном концептуальном документе – послании губернатора Забайкальского края К.К. Ильковского²⁴: «Мы должны четко понимать – возможностей у федерального центра по поддержке регионов становится меньше <...> В новых условиях наши отношения не могут складываться по-старому, а, значит, нам необходимо их выстраивать с учетом складывающихся обстоятельств». «Даю поручение <...> включить Забайкальский край в состав Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая». «В 2015 году Российским фондом прямых инвестиций и Правительством провинции Хэйлунцзян создан специализированный инвестиционный фонд для вложений в проекты в области сельского хозяйства в России и Китае. Его объем составляет 10 млрд. долларов. Поручаю Министерству сельского хозяйства совместно с Министерством экономического развития подготовить инвестиционный меморандум по перспективным проектам агропромышленного комплекса Забайкальского края».

---

²⁴ Ежегодное послание Губернатора Забайкальского края Константина Ильковского депутатам регионального Законодательного Собрания 28 декабря 2015 года (http://губернатор.зabayкальскийкрай.рф/teksty_oficialnyh_vystupleniy/poslanie_2015.html).

Летом 2015 г. правительство Забайкальского края и Чжэцзянская инвестиционная компания «Хуаэ Синбан» (КНР) подписали «протокол о намерениях» (т.е. без юридических последствий) об аренде неиспользуемых пахотных земель и пастбищ площадью ... 115 тысяч га. Эти земли рассредоточены чуть ли не по всему Забайкалью, включая и Агинский Бурятский округ (где лучшие черноземные почвы), а именно – по 10 тыс. га под зерно и корма, а также для разведения свиней и сельхозпереработки в районах Нерчинско-Заводском, Улётовском, Шилкинском; по 35 и 50 тысяч га пастбищ в Сретенском и Могойтуйском районах, и еще арендуется Могойтуйская промзона. Планировались договоры на 5-7 лет. А далее предполагалось передать еще более 200 тысяч га на срок 49 лет.

До этого работавшие в регионе иностранные и совместные агрофирмы (всего три), занимали совокупно только 7 тыс. га. Кроме того, китайцы трудились в местных хозяйствах.

Заинтересованные информационные агентства из соседних регионов не удержались от комментариев, заметив, что передаваемые на первом этапе земли по своим размерам сопоставимы с площадью некоторых государств. Но, с другой стороны, дескать, в сопоставлении с территорией собственно Забайкальского края, в аренду передается малая доля – лишь 0,25% всей площади²⁵.

Однако вести подсчеты нужно, конечно, не так, ведь территория Забайкалья не вся пригодна для сельхозработ. Там, к примеру, более полусотни высоких горных хребтов. А вот если сопоставить с землями сельхозназначения, тогда на первом этапе китайцам предложено не четверть, а полтора процента. А после второго этапа совокупная китайская аренда составит более 4% всех сельских земель этого российского региона. В том числе пахотные земли составят более 5%. Из этих земель часть находится в приграничной зоне, еще часть – это лучшие черноземы. Ну а если сравнивать с посевными пло-

---

²⁵ Китайцы арендовали в Забайкалье участок земли размером с Гонконг. – ИА «Приморье24», 16.06.2015 (<http://primorye24.ru/news/atrnews/54612-kitaycy-arendovali-v-zabaykale-uchastok-zemli-razmerom-s-gonkong.html>).

щадями зерновых,²⁶ то китайцам только на первом этапе отдается 30% (или более, если речь не только о залежных площадях), а по итогам второго этапа, т.е. с 2018 г., на полувековую аренду – 54% (или более) всех посевных земель.

Кстати, тема т.н. залежных земель тоже интересная. Эти «залежные» земли в Забайкалье в послесоветский период постоянно увеличивались, вначале составляя 1%, затем больше, и в итоге они заняли половину (!) всех пахотнопригодных территорий этого субъекта Российской Федерации.

На риторический вопрос, каковы шансы у местных сельхозпроизводителей выжить в конкурентной борьбе с китайскими арендаторами, даже если последние не будут использовать хищнические приемы землепользования, ответа не требуется. Очевидно, что российские аграрии из этого бизнеса будут вытеснены за короткий срок. Вот пример соседней Иркутской области – там в 30-километровой зоне вокруг Иркутска китайцы имели свыше тысячи теплиц, которые, по оценке регионального управления Россельхознадзора, приносили им за сезон 2 млрд руб. (2012 г.), и отечественные производители оказались на грани разорения.²⁷

И еще: не стоит оболящаться посулами рабочих мест для местных жителей. Вряд ли бурное развитие китайского агропрома в том же Забайкалье решит проблему занятости населения – китайцы привыкли полагаться на руки своих рабочих (даже и в том случае, если по российским законам китайским зерноводам и свинопасам придется выучить русский язык, точнее – получить соответствующий сертификат).

Сам губернатор Забайкалья объяснил «проект века» с арендой так: «суть соглашения, которое было подписано, в следующем: стороны обменялись взаимовы-

годными обещаниями. Мы показали свою заинтересованность в реализации этого проекта — вовлечении невостребованных земель в оборот, они показали свою заинтересованность. Мы озвучили условия. Блокирующий пакет за нами. Все это озвучили, теперь идет работа. Дальше мы будем говорить о том, какое соотношение работающих. Мы предложили, а они согласились, что количество китайских сотрудников составит минимум 25%, максимум — 49%, то есть наша доля — не менее 51% работающих. <...> Мы понимая всю ответственность, понимая проблематику, учитывая в том числе ту дискуссию, которая возникла, мы не спешим, очень ответственно к этому подходим. Вообще китайская угроза и китайская экспансия несколько преувеличены».²⁸

Но общественное мнение вряд ли согласится с этими доводами. Из Госдумы РФ (от ЛДПР) зазвучало требование «проанализировать геополитические риски». В г. Чите протест выразили депутаты Законодательного собрания Забайкальского края.²⁹ Там их поддержал (немноголюдный) митинг против китайской аренды³⁰ под лозунгами «Наша земля, наша страна», «Это Русская земля, спросите мнение народа!», «Ни пяди земли иностранцам!»³¹.

Общественная дискуссия развернулась по всем фронтам, т.е. буквально – в Общероссийском народном фронте (ОНФ). И конечно в интернете. Инициативными гражданами была написана петиция губернатору Забайкальского края, в которой, в частности, говорилось: «В Забайкальском крае губернатор <...> намеревается отдать в аренду на 49 лет пустующие земли. Раньше большая часть этих земель либо использовалась как пахотные, либо для сенокосения. По условиям аренды на нашу территорию предла-

²⁶ Посевными площади под зерновыми и зернобобовыми культурами составляют в Забайкальском крае порядка 70 тыс. га (Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014, с. 526).

²⁷ Липчинская О. Какими помидорами иркутян потчуют овощные бароны из Китая // Комсомольская правда, 16.02.2014 (<http://www.kp.ru/daily/26195.7/3082473>).

²⁸ РИА Новости, 21.09.2015 (<http://ria.ru/interview/20150921/1269232302.html>); повтор на официальном сайте Губернатора Забайкальского края (http://губернатор.зabayкальскийкрай.рф/pryamaya_rsch/Interviy_ria_novosti.html).

²⁹ Забайкальские депутаты выступили против передачи Китаю земель в аренду (<http://www.interfax.ru/russia/454853>).

³⁰ <http://www.interfax.ru/russia/455651>

³¹ <https://www.chita.ru/news/75676>.

гается ввоз значительного количества рабочей силы из Китая. Считаем это намерение весьма неблагоприятным в плане развития биологического конфликта между народами России и Китая. <...> Тем не менее, острая необходимость разработки пустующих пахотных земель есть. Что делать? Мы предлагаем повторить действия Сталина, который приглашал на огородные и полевые работы не весь Китай, а только специалистов для непосредственного руководства и организации работ. Мы видим, что в России началось активизация патриотических сил, в том числе среди молодежи, люди охотно едут на вахтовые заработки, и вместо того, чтобы ввозить рабочих из Китая, что уже вызывает глухую неприязнь между властями и народом, можно набрать на выездные работы граждан, не занятых постоянным трудом. Этим мы достигнем улучшения отношений между властями и населением, дополнительно займем жителей нашего и других регионов, которые не имеют работы, сэкономим людей от алкоголизации вследствие безработицы и при этом освоим пустоши».³²

Но были голоса и в защиту проекта: «Надо просто понять, что россияне не готовы и не способны работать как это делают китайцы. Мы ленивы, нетребовательны и избалованы. Сейчас в [Забайкальском] крае нет АПК. Ничтожные площади посевов, незначительные урожаи, технологии времён "развитого социализма". <...> Только китайские предприятия могут создать здесь АПК. Те, кто действительно хочет работать - будут трудиться на китайских фермах. Кто не хочет - извините - они и сейчас "пьют и воруют". Отказ от аренды земель их точно не спасёт».³³ Местная организация некоммерческое партнерство "Союз крестьян Забайкалья" высказала мнение, мол, тысячи гектаров заброшены и «нужен хороший инвестор», и пусть это будут хоть китайцы, хоть монголы, хоть европейцы. «Сельским хозяйством надо заниматься хотя бы потому, что раньше бараны поедали траву, а сейчас она высыхает и горит синим пламенем». Мнение регионального министра экономического развития: ныне под посе-

вами в Забайкалье чуть более 10% площадей от советского уровня, поэтому нужны финансовые вливания, а «желающих среди российских инвесторов нет».³⁴

В дебатах, поднятых забайкальским штабом ОНФ, выяснилось³⁵, что большая часть земель в Забайкалье вообще не введена в сельхозоборот, следовательно прав на нее нет ни у местных жителей, ни у местных администраций. Выяснилось также, что далеко не всегда речь идет о сдаче в аренду бросовых и никому не нужных земель. Так, хозяйство Нерчинского района (где собираются выдать аренду китайцам), заявило, что тоже не прочь увеличить свои угодья на 10 тысяч га. Еще выяснилась такая картина: общественные организации региона фактически не у дел, они «не участвуют в обсуждении вопросов улучшения инвестиционного климата», нет и общественных советов по развитию сельских территорий.

Тогда же в июне 2015 г. на федеральном уровне было заявлено, что какие-либо соглашения с китайскими партнерами по аренде сельскохозяйственных земель не подписывались. Однако министр по делам Дальнего Востока согласился с идеей, что земля может быть предоставлена в аренду «под серьезный инвестиционный проект» и с созданием рабочих мест для россиян.³⁶

Идея новой не была. В дальневосточных регионах арендуемые китайцами земли обрабатываются уже давно. Китайцы работают на земле и в других бывших советских республиках, например, в Таджикистане. Известно, что китайские инвесторы пытались получить доступ к черноземам Украины.³⁷ В России до начала и середины 2000-х гг. регионы выживали кто как мог, и были запущены самые разные механизмы экономической трансграничной кооперации, а по сути интеграции. Уровень «интеграции» - региональный,

³⁴ Там же.

³⁵ Захаров Е. Окружённые фронтом китайские арендаторы, 15.07.2015 (<https://www.chita.ru/articles/75713>).

³⁶ Министр по делам Дальнего Востока опроверг договоренность с Китаем по аренде земель, 26.06.2015 (<http://www.interfax.ru/russia/450035>).

³⁷ Дульман П. Пекин ступил на чернозем //Российская Газета, 25.09.2013, №6190 (214).

³² <https://www.chita.ru/articles/75713>

³³ Там же.

местный, местечковый; форма – легальная, полуполюгальная и всякая иная.

Особенно заметной китайская сельскохозяйственная активность стала в 2010-е гг. По сведениям заместителя полпреда президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (А. Левинталь, 2012 г.), на Дальнем Востоке во избежание «дефицита рабочих рук» стали в два раза чаще, чем за несколько лет до этого, привлекать граждан Китая.³⁸ Но ясной картины миграционной политики в этом вопросе нет. На уровне региональных миграционных и иных служб «правила игры» часто менялись. Например, сокращали квоты на привлечение китайских граждан для работы в теплицах, но увеличивали квоту для работ с овощами в открытом грунте, и т.д. Все это создавало и создает непрозрачную ситуацию.

Солидные смешанные китайско-русские агрохозяйства встречаются в российских регионах не так уж часто. Зато мелких форм сельхоздеятельности – множество. Встречаются такие схемы: «укорененный» китаец, проработавший в России много лет, даже получивший российское гражданство, сам подбирает себе рабочий контингент из деревень в Китае, выплачивает им ежемесячную плату, а те отправляют часть заработка родственникам. Например, работая в тепличных хозяйствах в 2012-2013 гг. на Урале, китайские сельхозработники получали порядка 20 тыс. руб. в месяц и проживали во временках по месту работы. Другой вариант: китаец-предприниматель, который до приезда в Россию вообще не был знаком с сельским хозяйством, начинает заниматься именно этим бизнесом, оценив, что это принесет быструю и значительную прибыль. В «инвестируемом» им хозяйстве, формально российском, например, со звучным названием «Экология», трудятся, как правило, привезенные китайцы. Размеры используемых земель, если нет должного контроля, могут произвольно меняться арендаторами в сторону увеличения. Бывает, что земельные участки вообще занимают самовольно.

Китайцы необязательно сами арендуют участки, они также работают как наемные рабочие у россиян. Например, в Приморье китайские овощеводы работают у местных фермеров. К 2010 г. китайцы, занятые в сельском хозяйстве, были наиболее многочисленны в Приморском и Хабаровском краях, а также в Амурской области и в Еврейской автономной области. На протяжении последних десяти лет китайцы в качестве сельхозработников трудились полуполюгально и нелегально в Хакасии, Туве, Республике Алтай, краях Алтайском, Забайкальском и Красноярском, областях Тюменской, Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской, а также на Урале и Поволжье, например, в областях Челябинской, в Удмуртии, а также – на Юге России и Северном Кавказе, например, Волгоградской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

При этом управление Россельхознадзора постоянно выявляло и выявляет порчу арендаторами из Китая пахотных и иных сельских земель. В Приморье особенно частые нарушения фиксировались в Хорольском и Ханкайском районах, где с рисовых чеков китайские рабочие сбрасывали воду в озеро Ханка вместе с плодородной частью почвы. От этого вода сильно загрязняется, а почва не восстанавливается. При такой технологии с каждого гектара вымываются тонны плодородного слоя, и полное уничтожение пашни происходит за несколько лет. В Челябинской области проверяющие органы выявляли факты, когда почвенный плодородный слой китайские рабочие вообще снимали и перемещали в другое место. По официальным данным, китайские сельхозпроизводители практикуют «ведение экстенсивной хозяйственной деятельности с чрезмерным использованием ускорителей роста растений, удобрений и ядохимикатов, в том числе запрещенных на территории России, применение генетически модифицированного семенного фонда»³⁹. Проверяющие органы указывают, что очень трудно выявить, какие удобрения используются, к тому же за последние годы контроль за использованием минеральных удобрений и ядохимикатов

---

³⁸ Число китайцев в сельском хозяйстве Дальнего Востока за шесть лет выросло более чем вдвое /Интерфакс, 19.06.2012 (<http://www.interfax-russia.ru/FarEast/main.asp?id=322178>).

---

³⁹ Число китайцев в сельском хозяйстве Дальнего Востока...

передан из федерального центра регионам.

Казалось бы, проблема защиты от экологического ущерба и хищнического отношения к земле может быть запросто решена, если будет должный контроль. Навредил – плати, отвечай по закону (суду), получай расторжение контракта сельхоз аренды. Однако российские фермеры и иные работодатели нередко скрывают своих работников. Китайцы у них живут зачастую в плохих условиях, нарушают технологию, зато получается низкая себестоимость продукции. Торговая выгода тоже имеется и немалая. Например, в ранние весенние месяцы перекупщики продают произведенные по сомнительным китайским технологиям овощи под видом привезенных из Узбекистана. А что касается контролирующих органов (Россельхознадзор и Роспотребнадзор), то они вправе осуществлять проверку по плану раз в три года, либо провести внеплановую проверку, если есть требование прокуратуры или жалоба от населения. Но жалоб, как правило, нет, а есть выгода. От плановой проверки сельхозпроизводители могут уходить, перерегистрируя предприятие через три года.⁴⁰

Миграционные службы тоже проводят свои проверки. В 2014 г. в Амурской области территориальным отделом ФМС проведена огромная работа – проверено соблюдение миграционного законодательства в 398 сельхозпредприятиях. Однако в этом регионе действует 752 сельхозпредприятия⁴¹ и, соответственно, проверка затронула лишь половину. А в Хабаровском крае числится еще больше сельхозорганизаций – 1,4 тыс., и непонятно, почему только 33 организации были проверены (2,4%). В Сахалинской области насчитывается 690 предприятий, но проверены 12 штук (2%). В Забайкальском крае из 1 тыс. организаций, занятых сельским хозяйством, проверено только 48 единиц (5%).

Даже, если убрать нормативные ограничения, коррупционную составляющую и халатность, все равно задача контроля

труднореализуема – для этого необходимы... солидные инвестиции.

В тех случаях, когда проверка выполнена, это не означает, что результат достигнут. Арендаторам земель выписывается штраф и требование ликвидировать нарушения, но предписания чаще всего не выполняются.⁴² Представитель Россельхознадзора по Приморскому краю и Сахалинской области (2013 г.): «возбуждаются административные дела, через суд расторгаются договоры аренды на землю, но принципиально ситуация не меняется»⁴³. Представитель минсельхоза Волгоградской области (2013 г.): «Выявить китайцев-нелегалов очень сложно. Они организуют устойчивые группы. Их очень трудно контролировать. И справиться с ними нам сложно. Ведь фермерам проще получить деньги просто так, чем на ту же сумму что-то выращивать. И даже то, что после китайцев земля становится мертвой и на ней ничего не растет, их не смущает»⁴⁴.

В 2011 г., когда в отношении России и в помине не было политических и экономических санкций Запада, в российском правительстве уже зародились планы по развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке силами... Вьетнама, Сингапура, Таиланда и Японии. Газеты тогда написали: «Минэкономразвития предлагает сдавать земли Дальнего Востока в аренду партнерам по АТЭС».⁴⁵ Все это замышлялось ради получения инвестиций «в десятки миллиардов долларов» на том, мол, основании, что сельскохозяйственные земли не считаются стратегическим объектом (как в других государствах) и могут приносить доход, сопоставимый с экспортом углеводородов. Так что пусть, дес-

⁴⁰ Полякова Е. Поднебесный пестицид //НГС.Новости (Новосибирск), 09.07.2013 (<http://news.ngs.ru/more/1251188>).

⁴¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014., с. 402.

⁴² Россельхознадзор проверяет сельхозпредприятия, где трудятся китайцы. Данные территориального управления по Челябинской области, 24.04.2012 (<http://www.fsvps.ru/fsvps/news/ld/33218.html>).

⁴³ Куприянов Т. Китайцы на российской земле //Подробности Читы и Забайкальского края. Городской портал Чита!Ру, 16.09.2013 (<https://www.chita.ru/articles/53902>).

⁴⁴ Малинина Е. На каких помидорных королеях работают в Волгоградской области сотни китайцев-нелегалов, Комсомольская правда, 14.06.2013 (<http://www.kp.ru/daily/26091/2991908>).

⁴⁵ Танас О. Дальний Восток сдается в аренду //Газета.Ru, 26.01.2012 (<http://www.gazeta.ru/business/2012/01/26/3975765.shtml/>)

каль, азиатские партнеры выращивают и перерабатывают сою и рис «для себя». Правда, экономистов заботило отсутствие для масштабных проектов необходимого количества рабочей силы, которую планировалось восполнять «на основе двусторонних договоренностей». В 2014 г. Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка анонсировал стратегию по привлечению стран Азиатско-Тихоокеанского региона к участию в проектах территорий опережающего развития (ТОР) Дальнего Востока, пояснив, что подобные свободные экономические зоны включают в себя особые условия ведения бизнеса, земельные участки от сотен до десятков тысяч гектаров, особый налоговый режим.⁴⁶

Российский торговый и политический разворот на восток ставит дальневосточные и сибирские регионы перед новым вызовом – как противостоять (и противостоять ли) экономическому и демографическому натиску мощных азиатских соседей. Вроде все логично – вместе с соседним Китаем региональным и местным властям легче выстраивать экономику и наполнять бюджет. Но остается открытым вопрос, насколько эта стратегия соответствует общероссийским долговременным целям. Сокращение инвестиций стран Запада вроде бы заставляет обратиться к внутренним ресурсам, ослабить, в частности, сельскохозяйственную и продуктовую внешнюю зависимость. Однако отечественная сельскохозяйственная инициатива на Дальнем Востоке затруднена, и не только потому, что не хватает собственных трудовых ресурсов, но и потому, что лакомые для российского бизнеса места... уже заняты. Фактически, в ряде восточных регионов страны возникли самостийные зоны свободного предпринимательства и прежде всего – для иностранного бизнеса. На дальневосточных рубежах, видимо, как нигде в России, развито иностранное участие в региональной экономике, нередко затмевающее собственные возможности этих территорий, даже ограничивающие

возможности российского бизнеса и привлечение собственных рабочих рук в нужные отрасли.

Для западного бизнеса в России характерна в первую очередь инвестиционная деятельность и лицензирование своих технологий в расчете на использование местных (российских) рабочих рук. А для Китая свойственно экспортирование в Россию всей «технологической цепочки», включая и собственных китайских рабочих. Сегодня на территории России действует три модели межгосударственного партнерства в реальном секторе экономики – западная «инвестиционно-лицензионная» модель с использованием российских кадров, среднеазиатская модель «поставки трудовой силы», китайская модель «инвестиции+лицензии+поставка рабочих рук». У каждой модели есть плюсы и немало минусов, и они оказывают влияние на сферу занятости и общественные настроения в российских регионах. Это важно учитывать с точки зрения предупреждения общественных напряжений.

Наша организация Сеть этномониторинга регулярно представляет экспертные оценки по вопросам китайской трудовой миграции. В Докладе-2013 соответствующий раздел на эту тему привлёк значительное внимание специалистов, связанных с принятием государственных решений.⁴⁷ Интересующимся было бы полезно ознакомиться с исследованиями, опубликованными Сетью этномониторинга в прежних изданиях о китайской миграции в Таджикистане, где также действуют китайские арендаторы сельхоз земель,⁴⁸ китайской миграции в Казахстане,⁴⁹ в Бе-

⁴⁶ Александр Галушка: «Сибирь и Дальний Восток привлекательны для международных инвестиций», 09.07.2014 /Официальный сайт Минвостокразвития России (http://minvostokrazvitiya.ru/press-center/news_minvostok/?element_ID=2062&sphrase_id=30805).

⁴⁷ См. раздел «Эксперты о китайской миграции в России» в: Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014.

⁴⁸ Олимова С., Олимов М. Китайские мигранты в Таджикистане // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В. А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2012.

⁴⁹ Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Казахстане и проблемы ее регулирования // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегод-

Таблица 1. Общественные фобии о занятости и мигрантах, в % к опрошенным респондентам по соответствующему региону (2014 – 2015 г.)

	боятся потерять рабочее место	опасаются конкуренции со стороны мигрантов	отношения с мигрантами напряженные	собираются покинуть свой регион	желают ограничения приезда трудовых мигрантов из Китая
Алтайский край	43	59	22	23	50
Омская обл.	42	48	16	18	59
Приморский край	60	75	33	36	49
Томская обл.	45	55	17	28	55
Тюменская обл.	45	58	27	18	54
Хабаровский край	--	35	15	56	51
в среднем	47	55	22	30	53

лоруссии,⁵⁰ на российском Дальнем Востоке⁵¹. Мнения и обзоры региональных ситуаций представлены в Докладе-2014.⁵²

Укажем на некоторые результаты исследований Сети этномониторинга в регионах, где за последние годы в том или ином варианте фигурируют вопросы ки-

тайского участия в местной экономике и на рынке труда. Эти исследования позволяют дать оценку общественным ожиданиям и настроениям. В 2014 и 2015 г. наши эксперты провели серию региональных опросов населения о ситуации с занятостью и межнациональными отношениями и выяснилось, что почти половина местных жителей опасается потерять работу или постоянный источник заработка, и еще большее количество уверено, что трудовые мигранты «отнимают» рабочие места. В среднем по регионам одна пятая опрошенного взрослого населения полагает, что текущие отношения с мигрантами являются напряженными, столько же и более местных жителей хочет покинуть свой регион⁵³. В среднем не менее половины респондентов хотели бы узаконенных ограничений на приезд трудовых мигрантов из Китая.

Особенно резко выделяются показатели по Приморскому краю (причем исследования проведены в наиболее благополучном месте – г. Владивостоке⁵⁴), где о боязни потерять рабочее место заявили 60% респондентов; о том, что опасаются конкуренции со стороны мигрантов – 75%;

ный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2007 / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова – М.: ИЭА РАН, 2008; см. также: Садовская Е.Ю. Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). – М.: Восточная книга, 2013.

⁵⁰ Шейбак В., Сакума С. Корейские, японские, вьетнамские и китайские мигранты в Белоруссии //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2009.

⁵¹ Мотрич Е.Л. Отношение к мигрантам на Дальнем Востоке //Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В.В., Тишкова В.А.) — М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.

⁵² Кальмина Л.В. Взгляд из Бурятии на проблему китайской сельхоз аренды //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. – М.-Симферополь: «Антиква», 2015; Титова Е.В. Еврейская АО: китайский фактор трудовой занятости //Там же; Винокурова А.В. Китайская аренда земель в Приморье: «за» и «против» //Там же.

⁵³ Отъезд из своего региона респонденты связывают с различными причинами, прежде всего, социальными, а отношения с мигрантами не являются главным мотивом.

⁵⁴ Опрос проведен экспертом Сети этномониторинга Винокуровой А.В. в августе 2015 г. в г. Владивостоке.

о том, что отношения с мигрантами у них напряженные⁵⁵ – 33%; а собираются покинуть регион, либо раздумывают над этим – 36%. Около половины опрошенных полагают, что приезд жителей Китая в их регион на заработки следует ограничить⁵⁶. Эти данные напрямую не связаны с фактом «китайского присутствия» в регионе, однако они дают представление о вероятных общественных реакциях населения при тех или иных управленческих решениях.

То, что половина респондентов настроена против китайского трудового присутствия – является довольно устойчивой социологической величиной. Она представлена и в тех регионах России, где до границ с Китаем весьма далеко. По нашим исследованиям Сети этномониторинга в 2014 г., в центральных регионах страны показатель «против» составил в среднем 58%, в т.ч. в Москве 54%, в областях Московской 46%, Оренбургской 70%, Самарской 68%, Саратовской 62%, Ростовской 50%, в Марий Эл 83%, Чувашии 69%, Удмуртии 60%, Татарстане 55%, Башкирии 42%, Пермском крае 48%, Ставропольском крае 56% и т.д. По данным наших экспертов, в более ранние периоды наблюдалась похожая картина, например, в Саратовской области в 2007 г. 51% опрошенных высказались против приезда туда трудящихся-китайцев⁵⁷. А в 2002 г. опрос, проведенный в пограничных городах Дальнего Востока, показал, что 58% респондентов отрицательно относятся к появлению там трудовых китайцев⁵⁸.

По данным Центра изучения и прогнозирования национальных отношений

ИИАЭ ДВО РАН, в регионах Дальнего Востока китайцы устойчиво занимают первую и вторую позиции в «антирейтинге» отношений местных жителей к представителям различных национальностей. Эксперты нередко сходятся во мнении, что при неумелом управлении процессом китайская миграция в России, прежде всего на Дальнем Востоке, может стать источником общественных конфликтов.⁵⁹

В декабре 2015 г., Всероссийский центр изучения общественного мнения, задал респондентам вопрос: «Как Вы считаете, в связи с «разворотом России на Восток» есть ли вероятность того, что в ближайшие 5-10 лет произойдет массовый наплыв в Россию мигрантов из стран Азии: Китая, Кореи и других», и утвердительный ответ дали 61% опрошенных россиян. А 44% полагают, что жители Дальнего Востока и Сибири будут вытеснены приезжими из азиатских стран.⁶⁰

ВЦИОМ оценивает эти ответы, как составную часть «индекса страхов» россиян. С таким подходом можно не соглашаться, но выявленные общественные настроения игнорировать не стоит.

Хотя российский геополитический компас ныне выбирает маршруты в сторону Востока, намечая новые международные азимуты и магистральные направления, однако на этом пути стране необходимо решить множество сопряженных задач, среди которых важнейшая – демографическое наполнение собственных дальневосточных и сибирских территорий, и не менее важная – сохранение стабильности межнациональных отношений.

Степанов В.В.

⁵⁵ Включая ответы о том, что отношения напряженные и ответы о ситуативной напряженности.

⁵⁶ Эти данные получены экспертом Сети этномониторинга Ермак Г.Г. при опросе жителей г. Владивостока в 2014 г.

⁵⁷ Мокин К. Саратовская область: местное население versus мигранты //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2009., с. 150.

⁵⁸ Мотрич Е. Л. Отношение к мигрантам на Дальнем Востоке //Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В.В., Тишкова В.А.) — М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2009, с. 400.

⁵⁹ Ермак Г.Г., Изотов Д.А. и др. Эксперты о китайской миграции в России..., с. 263.

⁶⁰ «Разворот на Восток: всерьез? и... надолго?!» Пресс-выпуск ВЦИОМ №2999 (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115512>).

Взгляд из Бурятии на проблему китайской сельхоз аренды

В китайской сельскохозяйственной аренде земель принципиально не будет ничего страшного, если очень хорошо юридически проработать договор, чтобы земля "ненароком" не оказалась у иностранцев в собственности. И в случае ее нецелевого использования или причинения вреда экологии немедленно расторгать договор с компенсацией ущерба. Мы все время жалуемся на отсутствие инвесторов. Так вот они, получите! Позицию "собаки на сене" не следует приветствовать. Если не можем обработать землю сами, пусть ее обрабатывают те, кто может.

Аналогичных примеров по Бурятии привести не могу. Разве что одно время активно прорабатывался вариант выделения китайцам земли в городской черте Улан-Удэ под строительство "Чайнатауна". Процесс обсуждения принял вялотекущий характер, а целесообразность проекта лично мне кажется сомнительной. Китайских ресторанов в городе хватает, китайскими «шмотками» завалены все прилавки. Познакомиться с китайской культурой можно и на выезде – в Китае из Бурятии еще не побывал только ленивый. Сельскохозяйственная обработка земли – совсем другое дело. Тем более что овощной рынок у нас преимущественно китайский, а собственная продукция и продукция Средней Азии – сезонная, реализуется очень короткое время.

Если земля не обрабатывалась с советских времен - о чем говорить? Пусть обрабатывают те, кто способен и хочет это делать. В засушливом Забайкалье при почти полном отсутствии осадков 20 лет

без обработки - для земли почти приговор! Процессы эрозии становятся необратимыми, и землю из сельхозоборота придется уже просто изъять. В условиях Бурятии опасности конкуренции не вижу.

Но в других отраслях, например, в заготовке леса – да, такая опасность есть. Также и в добыче нефрита – конкуренция со стороны китайцев безусловно имеется. Но не в местном сельском хозяйстве. Кто мог и хотел, уже давно сельским хозяйством занимается. А если земля бесхозна многие годы, можно сдать ее в аренду. Хотя, надо признать, Китай очень удачно для себя выбрал момент - в условиях европейско-американской "блокады". Но именно в аренду с правом расторжения договора в одностороннем порядке при нарушении любого из его условий.

В иных регионах, с большим привлечением китайской рабочей силы, следует учитывать ситуацию с занятостью. "Китайская модель" с завозом рабочей силы не кажется чем-то диковинным, тем более что Россия и сама ее практикует – имею в виду хотя бы проект рекреационной зоны "Байкальская гавань". При солидных затратах, местных жителей от Байкала "отлучили" - им теперь вообще жить нечем, а эффективность проекта весьма сомнительна, некоторые уже оценивают его как "провальный". Так что в разных регионах нужна разная модель, важно при этом, чтобы не страдало местное население, а лучше – было бы в выигрыше.

Кальмина Л.В.

Еврейская АО: китайский фактор трудовой занятости

В Еврейской автономной области (ЕАО) характерны суждения местных жителей, которые не включены ни в чиновное управление, ни в научную сферу. По их мнению, в ЕАО уже сформировалась «структура», которая способна существовать лишь с опорой на Китай (его прилегающие к России северные территории). На вопрос о перспективах области через

двадцать лет, от местных жителей следует типичный ответ – «Не будет области. Максимум она протянет лет 5-8 и станет какой-нибудь Маньчжурией» (предприниматель, 43 года, образование высшее).¹

¹ Ефимова Е.В. Актуальные проблемы трудовой миграции в Еврейской автономной области // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-

Современная ситуация такова, что социально-экономическое развитие ЕАО ныне невозможно без учета факторов, связанных с влиянием соседних государств, главным образом, их приграничных территорий. Бесспорным лидером среди стран-доноров рабочей силы в ЕАО является Китай: в 1999 г. доля китайских рабочих составила 94,3% от общей численности привлекаемых иностранцев, в 2008 г. – 91,4%, в 2013 г. – 97,2%. (по данным отдела по делам миграции УВД ЕАО). Еще в 2010 г. бывший губернатор области А.А. Винников установил «побратимские отношения» с китайской провинцией Хэйлуцзян (г. Харбин), которая тогда арендовала в ЕАО из 180 тыс. га пахотных земель примерно 14 тыс. га², т.е., порядка 8%.

По словам А.Б. Левинталя, врио губернатора ЕАО (с сентября 2015 - губернатор), контроль земель китайскими предприятиями по состоянию на 2015 г. очень велик: «Где-то есть российские фермеры, но, по моим данным, 80% земли контролируется китайцами: законно, незаконно, разными способами. В результате сельское хозяйство идет в тупик, к катастрофе. 85% земель засаживается соей — культурой, которая убивает землю, если два-три года ее сажать»³.

Южные и восточные районы области, расположенные на Средне-Амурской низменности, исключительно сельскохозяйственные. Как и Амурская область, ЕАО имеет благоприятные условия для выращивания сои, которая составляет основу местного растениеводства – две трети всех посевных площадей в регионе занято под этой культурой. Несмотря на неболь-

шие размеры территории, ЕАО обеспечивает 5-6% валового сбора сои в России.⁴

В ЕАО есть залежные земли, которые требуют дорогостоящей и трудоемкой мелиорации. Но областных средств из бюджета не хватает для полноценной обработки этих земель, и, так или иначе, привлекаются китайские предприятия.

Прибытие китайских рабочих, нередко вытесняющих местных работников, ставит хозяев предприятий в зависимое положение. Причем бытует стереотипное мнение «если сегодня уедут китайцы, то завтра все строительство в области остановится. Заменить их некому». После этого появляются китайские бизнесмены, предлагающие местным партнерам инвестиции и «рационализацию» производства (как правило, в форме переориентации на китайский рынок) и одновременно «дающие понять», что отказ приведет к серьезным проблемам с имеющимся количеством китайских работников. В результате предприятие юридически или фактически становится «совместным». Китайский партнер занимается производством и сбытом, а местный собственник обеспечивает контакты с властями в регионе и легальную форму бизнеса. Такое «совместное» предприятие, фактически, становится китайским, ориентированным на китайский рынок и китайскую рабочую силу.

Численность иностранных граждан, которые официально зарегистрированы по месту пребывания на территории ЕАО, на конец 2014 г. составила 8,8 тыс. чел. Из них большинство составляют граждане Китая – 6,1 тыс. (69%). А вот мигранты из стран бывшего СССР составляют только четверть – 2,2 тыс., в т.ч. по несколько сотен из Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Казахстана. Есть мигранты из Северной Кореи – всего 143 чел., а из Южной Кореи мигрантов и того меньше – 12 чел. Очень мало (десятки) приезжих из Молдавии, Белоруссии, иных стран мира. Примеча-

инновационный центр, 2014, № 3.5 (51) (Социально-гуманитарные науки), сс.1953-1954.

² Ефимова Е.В. Этнокультурные особенности трудовой миграции из Китая в Еврейскую автономную область на рубеже XX-XXI веков //Межэтнические и межкультурные коммуникации в XX – начале XXI вв.: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Биробиджан, 25 марта 2014. / под общ. Ред. П.В. Примака. – Биробиджан: Издательский центр ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013, сс. 57-65

³ <http://eaomedia.ru/news/economics/22.06.2015/445017/kitaytsi-kontroliruyut-80-selhozugodiy-eao-aleksandr-levintal.html>

⁴ Козлов Л.Е. Экономическая модернизация Дальнего Востока в контексте отношений России со странами Северо-Восточной Азии //Политические и экономические процессы на Российском Дальнем Востоке: азиатско-тихоокеанский контекст: Монография /Науч. ред. Л.Н. Гарусова. - Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2012, сс. 35-63.

тельно, что есть мигранты из Израиля (64 чел.).

В условиях ЕАО – аграрной области с крайне узким рынком труда столкновения между «своими» и «пришлыми» кажутся почти неизбежными. В одном Октябрьском районе зарегистрировано 5 организаций, принимающих китайских рабочих. Среди них – ООО «Сэньхэ-Лесопромышленность» (заготовка древесины), ООО «Синда», ООО «Хэмэн-Дальний Восток», ООО «Большая Земля» (выращивание сои) и ООО «Центр-Дружба» (строительство и торговля).⁵

В ЕАО ныне стали проводить рейды по проверке сельхозпредприятий, принадлежащих аграриям из Китая. Среди инспекторов – представители правительства области, прокуратуры и "Россельхознадзора". В ходе одного из рейдов выяснилось, что лишь 6% семян сои, которые сеют китайские земледельцы, являются сортовыми и соответствуют всем стандартам. Предприятие "Урожай" (гендиректор Ян Сяолэй) действует на сельскохозяйственном рынке ЕАО уже четыре года. Основное направление – соя. По декларации общая посевная площадь – 360 гектаров. А проверка показала, что засеивают – более 400 га. Выяснилось также, что декларация качества покрывает лишь на часть продукции.⁶

Так или иначе, в Еврейской автономной области сфера использования китайской рабочей силы, китайского предпринимательского бизнеса, в том числе и аренда китайцами земель постоянно расширяется.

По оценке отечественных исследователей, недостаток местной рабочей силы на Дальнем Востоке обусловлен распадом социальных связей и оттоком населения, и этот недостаток «естественным

путем» заполняется соседним государством. Одновременно среди жителей распространяется мнение о «страшном южном соседе», «захватывающем российский Дальний Восток». На нынешнем этапе Еврейская автономная область все глубже втягивается в социально-экономическое пространство Китая, и важной составляющей этого процесса является китайская трудовая миграция.

Титова Е.В.

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

---

⁵ Ефимова Е.В. Этнокультурные особенности трудовой миграции из Китая в Еврейскую автономную область на рубеже XX-XXI веков // Межэтнические и межкультурные коммуникации в XX – начале XXI вв.: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Биробиджан, 25 марта 2014. / под общ. Ред. П.В. Примака. – Биробиджан: Издательский центр ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013, с. 61.

⁶ <http://eaomedia.ru/news/society/09.06.2015/442742/masshtabnoy-proverke-podverglis-kitayskie-selhozpredpriyatiya-v-eao.html>

Китайская аренда земель в Приморье: «за» и «против»

Приморье относится к категории регионов рискованного земледелия. Эффективность сельского хозяйства в Приморском крае ниже по сравнению с другими сельскохозяйственными регионами России, а трудозатраты на единицу сельхозпродукции – выше. Чтобы получать более высокие урожаи, арендаторы земель сельскохозяйственного назначения, приезжающие из КНР, активно применяют химические и прочие удобрения. Также ими используется создание искусственных микроклиматических условий для произрастающих культур. Весной, завершив посевные работы, китайцы накрывают целые гектары земли полиэтиленовой пленкой. Осенью же, когда урожай собран, ставшую ненужной пленку попросту запахивают в землю. Плодородный слой арендуемых земель истощается в результате интенсивной обработки и под действием высокотоксичных отходов. Затем китайские «фермеры» бросают засоренные пленкой поля, переходя на новые места. Таким образом, в Приморском крае появляются десятки и сотни гектаров земель, на которых после китайских арендаторов обширные участки уже непригодны для сельскохозяйственного использования.

Широко распространенная практика – сдавать в аренду сельхозугодья гражданам КНР – вызывает недоумение у местных аграриев. Приморские фермеры говорят о непреодолимых препятствиях, с которыми они сталкиваются, пытаясь расширить свои пахотные наделы и производство сельхозпродукции. Представители аграрного бизнеса уверяют, что в Приморском крае немало предпринимателей, желающих войти в сельскохозяйственный сектор экономики, расширить уже имеющееся производство. По их мнению, прежде всего, надо поддерживать и создавать благоприятные условия для отечественного сельхозпроизводителя. Как отмечает генеральный директор Приморской овощной опытной станции: «У китайцев, которые трудятся на наших землях, экономика складывается оптимально лишь потому, что работают они в несопоставимых с российским производителем условиях. Аграрии Поднебесной,

пришедшие на нашу территорию, налогов и страховых выплат не осуществляют. А сообщения о том, что они замусорили какой-нибудь крупный участок пахотных земель или допустили деградацию и ухудшение плодородия почв в Приморском крае стали привычными в отчетных данных Россельхознадзора».¹

По сведениям управления по работе с территориями Уссурийского городского округа, в 2014 г. только в данном муниципальном образовании было зарегистрировано 1076 граждан КНР, занятых в сельском хозяйстве. В то же время, за указанный отчетный период в сельских поселениях, относящихся к Уссурийскому городскому округу, официально не трудоустроены 2838 местных жителей, причем половина из них живет за счет личного подсобного хозяйства и могла бы занять рабочие места, на которых трудятся китайцы.

Вместе с тем, мы разделяем мнение представителей приморского академического сообщества о том, что, несмотря на достаточно высокую степень занятости граждан КНР в сельском хозяйстве Приморского края, речь о скрытой демографической и территориальной китайской экспансии не идет. Высший менеджер одной из образовательных университетских китаеведческих структур города Владивостока отмечает, что миграционное давление Северо-Восточного Китая на Дальний Восток России сильно преувеличено. Плотность населения китайских приграничных с Россией территорий за два последних года снижается. Это новейшие демографические процессы, которые никоим образом не работают на преимущества Китая. Поэтому среднесрочная и долгосрочная аренда российских земель – это естественные экономические отношения, в которых, возможно, больше заинтересована российская сторона. Профессор, преподаватель университетского курса «Экономика Китая» говорит о том, что Китай занимается арендой земли не толь-

¹ <http://skatr.ru/idv/ideyu-sdat-v-arendu-inostrantsam-zemli-dalnego-vostoka-ne-podderzhivayut-selyane-primorya>

ко в России. Он делает это и в Африке, и в Латинской Америке. Поэтому то, что происходит – закономерный процесс. Это бизнес с землей, но не политика с территориями.²

Процессы с китайской арендой повторяются и в Приморском крае, но в то же время имеется и своя специфика(?), которая выражается в обостренности экологических последствий китайского фермерства на приморской земле. Проблемы в этой сфере, в первую очередь, связаны с ненадлежащим оформлением и контролем над исполнением договоров земельной аренды. Это вполне решаемые конкретные хозяйственные вопросы аграрного бизнеса.

Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения в Приморье – 1 млн 280 тыс. га, из них в обороте находится всего лишь около 20%. К сожалению, четкой информации о масштабах китайской аренды нет. В основном, указывают на то, что распространена субаренда: российские предприниматели берут сельхозугодья в аренду, а потом сами же сдают китайцам и не осуществляют контроль над тем, как используют землю граждане КНР.

В то же время, например, за 2010 г. выявлено 42 нарушения по захлапыванию пашни полиэтиленовыми пленками, пакетами, ящиками, запрещенными в России пестицидами. Общая выявленная площадь на тот период, загрязненной таким образом земли, составила 145 га. Эта тенденция с тех пор не изменилась, возможно, даже, приобрела массовый характер. В 2012 г. Партизанский районный суд Приморского края удовлетворил иски требования прокурора Партизанского района о взыскании с земледельческого хозяйства ООО «Лунна» свыше 158 млн руб. за ущерб, причиненный почвам как объекту охраны окружающей среды. Проведенные лабораторией Россельхознадзора исследования показали значительные превышения содержания в почвах пестицидов ацетохлора и малатиона в 2,4 и в 1,5 раза соответственно³. Этот ущерб

сельскохозяйственным землям был назван «самым крупным в истории России». По решению суда ущерб выплачивается, но превращенный пестицидами в труху плодородный слой на этих землях не будет восстановлен годами.

Как отмечают представители Управления Россельхознадзора по Приморскому краю, 98% используемых китайцами удобрений попадают на территорию РФ незаконно. Используются пестициды с неизвестными отечественным специалистам названиями, не разрешенные к применению и часто просроченные. В 2013 г. в Приморье изъято несколько десятков тысяч тонн не имеющих госрегистрации, не внесенных в Государственный каталог, неразрешенных к применению в РФ пестицидов и агрохимикатов.⁴

Помимо прочего, земли Приморского края интересны китайцам еще и удобством в выращивании риса. Данное направление сельскохозяйственной деятельности также осуществляется на российской территории с нарушениями. Для того, чтобы вырастить прихотливую культуру, требуется довольно много воды. Не желая платить за воду (чтобы избежать платы по тарифам Приммелиоводхоза), китайцы создают специальные запруды, откуда берут воду для посевов. Таким образом, вода эксплуатируется китайцами бесплатно и в огромных количествах. Эти действия наносят урон видам рыб, занесенным в Красную книгу. Кроме того, краевой бюджет недополучает значительную часть платы за водопользование.

На сегодняшний день наибольшее число нарушений в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения зафиксировано в Октябрьском, Уссурийском, Ханкайском, Хорольском, Черниговском, Михайловском и Спасском районах Приморского края. В 2014 г. Управлением Россельхознадзора по Приморскому краю было выявлено 141 правонарушение, совершенных иностранными гражданами⁵.

В марте 2015 г. на совещании при заместителе главы Уссурийского городского округа, на котором присутствовали начальники отделов по работе с территориями, руководители хозяйств, предста-

² Фокин Н.И. Китай и Россия: проблема земельная или территориальная? (<http://dictionary-economics.ru/news.php?id=118>).

³ <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/6065.html>

⁴ <http://www.rg.ru/2013/06/28/gumus.html>

⁵ <http://primnadzor.ru/stat-analit-materials>

вители Россельхознадзора и других федеральных структур, специалисты пришли к выводу, что отказаться от привлечения на сельские поля рабочих из КНР полностью не удастся, но китайцев следует поставить в очень жесткие рамки – они должны использовать только разрешенные химикаты, минимум три раза за сезон выкашивать кромки полей, поддерживать чистоту и порядок на станах, после себя вывозить весь мусор, разбирать теплицы и т.д. Отслеживать этот процесс должны специальные комиссии, а нарушителям грозит не только административная, но и уголовная ответственность. Однако масштабы контроля должны быть значительными, и трудно рассчитывать на скорый успех.

Сколько бы не обсуждалась проблема китайских фермеров на уровне краевого руководства, их приток вряд ли удастся остановить. Сегодня овощной рынок При-

морья принадлежит именно китайцам, арендующим земли у зарегистрированных российских предприятий. В бизнес-структурах Приморья и у властей распространено мнение, что приезжие из Китая неприхотливы, готовы работать, не покладая рук, а труд их крайне дешев. Весь летний период китайские крестьяне буквально живут в поле, где и находятся их землянки, шалаши, лачуги. При этом большая часть китайцев, работающих на бизнесменов в сфере сельского хозяйства, чаще всего является нелегалами. И, если не брать в расчет сиюминутную выгоду, меры по расширению китайского арендаторства на пользу Приморскому краю не пойдут.

Винокурова А.В.

к.социол.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Общественное мнение об интеграции мигрантов в Костроме¹

В апреле 2015 г. проведен массовый опрос в г. Костроме о проблемах восприятия местными жителями миграции и межкультурной интеграции (первый этап опроса осуществлен в ноябре 2014 г.). Использовался метод интервьюирования респондентов анкетером, допускался опрос и по телефону. В исследовании приняли участие лица, проживающие в г. Костроме не менее одного года, исключительно взрослое население от 18 лет и старше. Объем выборочной совокупности составлял по 200 респондентов в каждом исследовании. В выборке были выдержаны реальные для данного населенного пункта соотношения по полу и по трем укрупненным возрастным группам: 18-29 лет, 30-59 лет, 60 лет и старше. Доля лиц с высшим образованием не превысила допустимую норму и составила всего 24%. Среди молодежи (18-29 лет) удельный вес студентов не превысил более полови-

ны опрошенных. Опрос одного респондента длился 7–15 минут. В анкете вопросы были построены по схеме ответов «да» – «нет». Вместе с тем, если опрашиваемый изъявлял желание дать развернутый ответ или комментарий на тот или иной вопрос, это фиксировалось анкетером в полевом дневнике. В ноябре 2014 года удельный вес мужчин составил 44%, женщин – 56%. В апреле 2015 года удельный вес опрошенных женщин составил – 53,0%, а мужчин – 47%, при этом более половины респондентов имели среднее и среднее специальное образование. Необходимо также отметить, что опрашивались респонденты, не участвовавшие в первом этапе опроса, который проводился в ноябре 2014 года. Таким образом, в ходе исследования было опрошено 400 жителей Костромы, разного уровня образования и возрастов. При организации опроса, наибольшее внимание мы уделяли сопутствующим комментариям лиц 30 лет и старше, имеющих среднее специальное образование. Так называемая «дешевая рабочая сила» в лице иностранных трудовых мигрантов в секторе занятости с этим уровнем образования

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом, грант №14-18-03090. Разработчики методики В.А. Тишков, В.В. Степанов, ИЭА РАН, Сеть этномониторинга.

делает местных жителей соответствующего возраста, образования и квалификации потенциально более уязвимым на региональном рынке труда. Основной массой опрошенных респондентов оказалась социальная группа экономически активного трудоспособного населения – 80%, причем около половины из них, работают в производстве, с применением физического труда разной степени тяжести.

Анализ статистической информации об уровне развития региона, содержащийся в отчетах администрации города и области, а также в статистическом управлении Костромской области показывает, что в ре-

апреле предыдущего, 2014 года. Таким образом общая экономическая ситуация в стране негативно сказалась на рынке занятости в Костромской области и по сравнению с 2014 годом уровень безработицы в регионе существенно увеличился.

Вместе с тем, опрос показал, что в сравнении с 2014 годом увеличилась доля тех респондентов, которые оценивают перспективы заработка, как хорошие. Этот показатель вырос с 4 до 37%, уменьшилась на 6% доля тех, кто считал эти перспективы неопределенными, также снизилось на 18% удельный вес категории респондентов, кто оценивал свои перспективы заработка как плохие. Доля тех ин-

Таблица 1. «Иностранцы трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители?»

	2014 г.	2015 г.
да	42,5	37,0
нет	30,0	24,0
затрудняюсь ответить	27,5	38,9

гионе постепенно наблюдается незначительный экономический рост. Интересным было бы сравнить результаты официальных данных в оценке уровня жизни и мнение о перспективах заработка самими костромичами. В одном из вопросов анкеты, мы старались выяснить уровень жизни респондентов по их оценкам. Результаты опроса несколько удивляют, потому что по официальным данным уровень жизни в Костроме за последние полгода снизился, а прожиточный минимум вырос, при том, что уровень зарплат остался прежним, а ситуация на региональном рынке труда ухудшилась. В январе-феврале 2015 года численность зарегистрированных безработных постепенно увеличивалась, в апреле 2015 года коэффициент напряженности на рынке труда в связи с уменьшением спроса на рабочую силу вырос и составил 0,8 человек на одну вакансию (в 2013 году этот показатель составлял 0,3 чел.). Численность работников, предполагаемых к увольнению, относительно начала года увеличилась в 1,6 раза. На 1 апреля 2015 года количество безработных граждан, состоящих на учете в органах службы занятости области составила 2817 человек, что на 10,7% больше, чем в

формантов, кто затруднился ответить практически не изменилась, причем этот вариант ответа в основном выбирали пенсионеры, т.е. те, кто не работает и не будет работать, что является логичным, т.к. учитывая неопределенность экономического состояния в стране и ажиотаж, подогреваемый в СМИ, заставляет эту социальную группу находится в напряженном состоянии.

Позитивность оценки своих перспектив заработка, в основном связана с личным желанием работать и зарабатывать, также со стабильностью доходов в этот период года. Т.е. если бы мы стали проводить опрос раньше, например в зимние месяцы, результаты были бы иными, потому что большинство респондентов в личных беседах отмечали нестабильность именно в период с декабря по февраль, а к апрелю 2015 года ситуация стабилизировалась. К тому же ожидание весенне-летнего сезона, в период которого традиционно выигрывается множество тендеров в строительстве и других областях промышленности, росту объемов торговли, где и было занято большинство информантов, объясняют во многом причины подобных изменений в настроениях и

оценках перспектив своего дохода. Вместе с тем в сопутствующих комментариях респонденты поясняли, что цены выросли и работать теперь приходится больше, но в целом снижения уровня жизни они на себе не ощутили. «Сейчас еще трудно говорить о том, что мне стало жить тяжелее. Я много работаю, подработки беру и даже копить получается, но вот делать стали действительно больше, а зарплаты остались такими же. Многие увольняются, меня вот в отпуск не отпускают, постоянно на подработку просят выйти, мне, конечно, это только в плюс. Я соглашаюсь, потому что деньги очень нужны» (ж., русская, 1980 г.р.). В связи с этим хотелось бы более подробно остановиться на изучении отношения местного населения к мигрантам.

По официальным данным УФМС по Костромской области, в регионе проживает и трудится 14 993 мигранта, из них зарегистрировано по месту жительства иностранных граждан и лиц без гражданства – 1 034 чел., поставлено на учет по месту пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства – 13 959 чел². По мимо этого на территории Костромской области проживает 1851 вынужденный переселенец, прибывший с Украины, в том числе 461 ребенок, напомним, что еще в 2011 году по официальным данным число мигрантов не превышало 3 тыс. человек³, что подтверждает наш тезис о постоянно растущей миграции и усиливает актуальность нашего исследования. В 2014 году иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Костромской области совершено 97 преступлений, в том числе гражданами государственных участников СНГ – 78, но удельный вес таких преступлений составил всего 1,7%⁴.

² Основные показатели деятельности УФМС по Костромской области. http://www.fms-k.ru/index.php?option=com_xmap&sitemap=1&Itemid=74

³ Белова Н.А. Отношение россиян к трудовым мигрантам из стран СНГ // Вестник Российской нации, 2014. Т. 6. №6, с. 393.

⁴ Отчет Начальника Управления МВД России по Костромской области генерал-майора полиции Степина А.Н. на заседании Костромской областной Думы 19 февраля 2015 года «О деятельности полиции подчиненных органов внутренних дел за 2014 год» (<https://44.mvd.ru>).

Интересным в связи с этим представляется мнение жителей, чаще ли мигранты совершают преступления.

Таким образом, результаты опроса показывают, что доля респондентов согласных с таким утверждением высока, вместе с тем наблюдается положительная динамика в сторону уменьшения ксенофобных настроений и снижения отрицательного восприятия мигрантов как потенциально-опасных субъектов в обществе. Удельный вес людей сомневающихся в данном вопросе достаточно высок, что говорит о настороженном отношении к мигрантам среди костромичей. Вот ряд примеров подтверждающих наш вывод: «В целом я нейтрально отношусь к мигрантам, т.к. меня они лично никак не затрагивают и дискомфорта не причиняют, да и сама я лояльно отношусь к людям других национальностей. Однако, меня все чаще стало настораживать поведение некоторых представителей, которые некультурно и неуважительно могут общаться, устраивать дебоши и разборки. Не нравится то, что они в публичных местах общаются на своем языке, я считаю это неуважением к русской культуре и людям» (ж., гагаузка, 1987 г.р.). «В целом я нейтрально отношусь к мигрантам, но считаю, что в России уже и так достаточно много мигрантов с постоянным правом на жительство, таких необходимо сокращать. В последнее время стало настораживать в поведении наглость и развязность, хотя находятся в чужой стране. В своей бы такого поведения не позволили ни себе, ни тем более другим» (ж., русская, 1992 г.р.).

Около половины опрошенных мужчин дали положительный ответ на поставленный вопрос о преступности среди мигрантов, приведем ряд примеров, поясняющих позицию мужской части костромского общества. «Я отношусь к мигрантам отрицательно, потому что из-за них растет преступность. Часть из них совершенно не умеет себя вести в нашем обществе, не соблюдают законы. Я бы очень не хотел жить с такими людьми в одном городе и тем более пускать их работать в медицинские учреждения, а также школы и детские сады. Настораживает и тот факт, что мигранты думают, что им все позволено, а государство «сидит сложа руки» (м., русский, 1983 г.р.) «Я отношусь к ми-

грантам отрицательно, потому что они верят в свою безнаказанность, наглые. Настораживает то, что они говорят не по-русски, я их не понимаю, может они хотят

удельный вес таких респондентов составляет около 20%, вместе с тем этот показатель отнюдь не стремится к нулю, а указывает на наличие проблемы, к тому же

Таблица 2. Желание участвовать в пикетах и акциях против иностранных трудовых мигрантов

	2014 г.	2015 г.
буду участвовать	17,5	22,0
не буду участвовать	53,0	58,0
другой ответ	7,0	3,0
затрудняюсь ответить	22,5	17,0

меня ограбить и обсуждают план» (м., русский, 1987 г.р.), вместе с тем оба респондента указали, что с мигрантами общаются очень редко и практически не встречают их на улицах города. Из чего можно сделать вывод, что отношение респондентов сформировано под отрицательным влиянием СМИ и сложившегося предубеждения в общественном сознании, а не в результате личного опыта или общения. Как отмечает в одной из своих работ ведущий научный сотрудник ИЭА РАН В.В. Степанов: «Такой показатель среди населения как высокая доля, поддерживающих тезис об «этническом криминале», при отсутствии собственно иноэтнического компонента среди местных жителей – безусловно, признак неостроты межнациональных отношений, а социальных тягот. В средней России, как нигде необходимо борьба с коррупцией, которая собственно и является социальным «топливом» пагубного дискурса. Человеку из глубинки свойственно обостренное чувство справедливости»⁵.

Для более глубокого понимания сущности отношения был задан другой вопрос «Поддержите ли пикеты и акции против иностранных трудовых мигрантов?».

Интересно, что за прошедший период увеличилось количество граждан, согласившихся принять участие в акциях против иностранных трудовых мигрантов,

17% респондентов затруднились ответить на этот вопрос, в виду занятости или отсутствия времени, а также ситуации из-за которой такой пикет будет организован. Например, конфликт в небольшом городе Костромской области – Нерехте в 2012 году чуть не перерос в национальный конфликт, в результате которого один из нерехтчан был убит, еще двое получили ранения⁶. «Стояла реальная опасность националистической вспышки», – так оценил события в Нерехте губернатор Сергей Ситников. По данным СМИ эти события привели к массовому возмущению местного населения и росту националистических настроений, горожане собрались на несанкционированный митинг⁷. Этот случай должен указывать местным властям на тот факт, что уровень ксенофобии в обществе есть и с ним необходимо бороться, поэтому меры нужно принимать как можно раньше, для предотвращения подобных инцидентов. Таким образом, из случая, произошедшего в Нерехте, можно сделать вывод о том, что участие в акциях с националистическим оттенком возможно, даже той доли респондентов, которые дали отрицательный ответ, в случае возникновения криминальных событий между представителями разных национальностей. Однако как показал наш опрос,

⁵ Степанов В.В. Национальность преступника как массовая фобия // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013, с. 101.

⁶ Белова Н.А. Молодёжь русской провинции (на примере г. Нерехта Костромской области). Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва: ИЭА РАН, 2014. Т. 237, с. 38.

⁷ Губернатор об убийстве в Нерехте: национальные диаспоры должны контролировать свою молодежь (<http://k1news.ru/news/politics/gubernator-ob-ubiystve-v-nerekhte-natsionalnye-diaspory-dolzny-kontrolirovat-svoyu-molodezh>).

большинство респондентов все же отказались бы от участия в подобном мероприятии. Этот факт указывает на то, что костромичи пусть с большой долей настоятельности, но все же готовы к положительному восприятию мигрантов, а проведение и организация различных мероприятий по просвещению населения об этнокультурном многообразии страны создают необходимую почву, для снятия межэтнической напряженности.

Другим и не менее важным аспектом, влияющим на уровень межэтнической напряженности в регионе – ситуация на рынке труда. Как показал опрос, большинство респондентов считают, что мигранты составляют серьезную конкуренцию на рынке труда и только четверть информантов не воспринимают их как серьезную угрозу. Вот ряд примеров, отражающих причину «конкурентного» отношения к мигрантам. «Я бы пошла работать уборщицей, т.к. на пенсию не прожить. А куда не позволю, везде требуются люди не пенсионного возраста, а кто пойдет работать уборщицей в молодом возрасте, только мигранты. Понятно, что их возьмут, им и платить меньше надо, но ведь и я не такая старая поработала бы с удовольствием, мне всего-то 55 лет» (ж., русская, 1959 г.р.). «Я хочу работать, пусть на тяжелой работе, но хочу! Я не ощущаю себя старым и немощным, но меня нигде не берут» (м., русский, 1941 г.р.). «У меня сын пьющий, конечно, но работающий! Раньше не увольняли, а теперь взяли на его место мигранта» (м., русский, 1937 г.р.).

Однако, предприниматели Костромы считают, что мигрантов не стоит нанимать на работу, т.к. на местном рынке труда можно легко найти нужного специалиста, а трудоустройство мигрантов вызывает дополнительные затраты, кроме того как сказал один из респондентов «русские ребята работают намного лучше, да и платить мигрантам по закону надо столько же, поэтому выгоды никакой» (м., русский, 1983 г.р.). Но возможно это единичные случаи, а другое мнение нам предстоит выяснить в ходе других опросов, так как в рамках данного исследования мы не задавались целью выяснить миграционные запросы местного бизнеса.

Вместе с тем, были и положительные комментарии по этому поводу, в частности среди женщин среднего и пожилого возраста восприятие мигрантов в основном положительное. «Жалко их, трудятся и днем, и ночью. Мы вот в подъезд наняли уборщицу из Средней Азии, так она просто золотая, все моет, чисто и недорого» (ж., русская, 1957 г.р.). «У нас дворник таджик, очень хороший мужчина, за детьми иногда приглядывает, чтобы со двора не убежали. Я ему очень благодарна» (ж., русская, 1955 г.р.).

Для более подробного анализа о восприятии мигрантов, нами была составлена группа вопросов относительно идеи создания центра, куда мигранты смогут обратиться за помощью разного рода: медицинской, юридической, посещения различных курсов и т.д. Удельный вес респондентов положительно относящихся к идее создания подобных центров составил 74%. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство костромичей понимает, что бесправное положение мигрантов только усугубляет и накаляет межэтническую ситуацию в городе. «Мы сами должны стать добрее и к людям относиться с добротой! Мигранты к нам приезжают не от хорошей жизни, поэтому мы должны им помочь кто, как и чем сможет, а государство должно в свою очередь озаботиться идеей создания подобных центров» (м., русский, 1972 г.р.). Помимо этого большинство информантов отказалось от посещения подобного центра, для решения своих проблем, удельный вес этой категории респондентов составил 47%.

Многие отнеслась к подобной идее нейтрально. Самый большой резонанс вызвал вопрос о детском садике при миграционном центре. Удельный вес респондентов, отрицательно воспринимающих эту идею составил более 30%, что в принципе объясняет напряженная ситуация с детскими учреждениями и трудностями при устройстве детей в них в регионе, на это же указывали и сами информанты. Наиболее позитивно воспринимались идеи по созданию курсов повышения квалификации (43%), ярмарок вакансий (57%), библиотеки (46%), созданию курсов по изучению языков соседних государств (40%) т др. Помимо этого опрос выявил,

что 79% респондентов поддержали идею обучения мигрантов русскому языку. Вместе с тем, мнения опрошенных разделились, т.к. 33,5% – считают, что мигранты сами должны оплачивать подобные курсы, потому как высказывалось мнение, что выделяемые государством денежные средства должны идти на поднятие пенсий и зарплат бюджетникам. 33% – согласились, что мигранты должны иметь такую возможность безвозмездно, 12,5% – высказались за то, чтобы эта услуга должна предоставляться лицам, стремящимся остаться жить в России и только 13% от общего числа опрошенных респондентов не поддержали идею обучения мигрантов. Все это подтверждает наше наблюдение: население в целом доброжелательно к тем мигрантам из стран СНГ, которые стремятся преодолеть языковой барьер и интегрироваться с российским обществом, особенно на это указывает тот факт,

что 48% респондентов высказались за предоставление детям мигрантов бесплатного образования.

Отношение к мигрантам жителей Костромы в основном выявлено как нейтральное, без массовой неприязни и ксенофобии. Вместе с тем, уровень недоверия и настороженности к мигрантам в регионе высок, что указывает на важность и необходимость проведения мероприятий по предупреждению конфликтов не только в регионах массовой миграции, но и в таких регионах, где миграционный приток еще только формируется. Необходимы усилия властей и общественных организаций, направленные в первую очередь на просвещение россиян в области культурных и национальных особенностей бывших соотечественников из стран СНГ.

Белова Н.А.

Миграция в российских регионах: культурный риск или вымысел?¹

В последние годы вопросы адаптации и интеграции мигрантов в российское общество стали одним из ключевых пунктов в национальной и миграционной политике на государственном уровне. Как нам представляется, для выстраивания эффективной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции очень важным является учет культурных рисков, которые может принести с собой массовая миграция. На сегодняшний день, к сожалению, нет комплексных исследований, выявляющих культурные риски, связанные с миграцией. Такие исследования необходимы, а их результаты должны быть заложены в предметную основу миграционной политики государства в области интеграции мигрантов.

Очевидно, что полноценное освоение социокультурной материи невозможно без владения языком, на котором она выстроена. Плохое владение русским язы-

ком либо его незнание очень сильно затрудняют адаптацию, а тем более, интеграцию мигрантов в принимающее сообщество (хотя логично ожидать, что мигранты, настроенные на интеграцию, ставят перед собой цель хорошего владения русским языком). Также если бы мигранты через русский язык смогли донести до местного населения общечеловеческие ценностные компоненты их национальных культур, это снизило бы в ряде случаев кажущиеся культурные противоречия.

Общеобразовательный тест, ставший с этого года обязательным для получения трудовому мигранту разрешения на работу, поможет отчасти решить проблему незнания мигрантами русского языка. Те мигранты, которые не настроены на интеграцию, не видят для себя необходимость осваивать в достаточной степени русский язык, изучать культуру принимающей страны, уже начинают покидать Россию: «Не знаю, как писать буду тест. Я вообще не понимаю, зачем мне это все нужно – Гагарин там со своей ракетой, на которой он летал, Пушкин с его стихами... Нет, ну,

¹ Исследование по проекту РФФИ «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», № 14-06-00117.

правда. Если бы я все это знал, я бы книгу написал в Таджикистане. Я приехал руками работать. Но тут эти экзамены, да еще и зарплата неизвестно, какая будет из-за кризиса. Все мои друзья плюнули на все и обратно уехали» (реакция на тест одного трудового мигранта из Таджикистана на Кубани)².

Одним из наиболее доступных для мигрантов способов погружения в языковую среду является просмотр российских телевизионных каналов. Мигранты, в основном, смотрят информационные программы («Время», «Вести»), такие шоу как «Пусть говорят» и российские сериалы³. В информационных программах российского ТВ не так часто транслируются высокие культурные ценности, либо декларируемое не соответствует действительности. Большинство разного рода шоу и современных российских сериалов, к сожалению, ориентированы на человека, мягко говоря, с не очень высоким культурным уровнем. В них во главу угла ставятся сплетни, конфликты, скандалы, «щекочущие нервы» зрелища (убийства, кровь, насилие) и такие «ценности» как власть, богатство, вседозволенность при достижении личных целей, секс как товар, ложные критерии состоятельности личности, самоирония в отношении собственных слабостей (например, алкоголизма), переводящая эти слабости в статус допущения и т.д.

Стоит ли говорить, что транслируемые российским ТВ образцы низкопробной попкультуры вряд ли способствуют повышению уровня культуры не только мигрантов, но и российских граждан? При этом еще стоит учитывать, что большое количество мигрантов приехали в нашу страну из сельской местности. То есть здесь дополнительно возникает вопрос освоения городской культуры носителями культуры сельской. Как правило, в сельской местности (не только в России, но и во всем мире) низменные инстинкты и проявления бездуховности сдерживаются

и регулируются национальными обычаями и традициями. Инокультурный мигрант с невысоким уровнем образования, попадая в нашу страну и выходя из-под жесткого традиционного контроля своей привычной культурной среды, сталкивается с отторжением со стороны принимающего сообщества. В «культурном» отношении ему доступны только СМИ, включая телевидение. В масс-медиа он встречается с очень нелицеприятным образом себя, что вынуждает его выстраивать жизненное пространство, в том числе в культурном аспекте, только со своими. В то же время, традиционный контроль в новых условиях ослаблен, что делает возможным усвоение новых культурных ценностей. Что он может получить в России на сегодняшний день? Невежественный, малообразованный мигрант в России вызывает раздражение и презрение, а не стремление помочь повысить культурный уровень и интегрировать в свою ценностную среду. Погружение такого мигранта в определенный культурный российский пласт является телевидение. Какого рода «культурные» ценности он усваивает в этом случае, мы уже озвучили, - это массовая псевдокультура потребляющего общества.

Логично ожидать, что требуя от мигрантов соблюдения определенных духовно-ценностных и поведенческих норм, принимающее общество само должно их придерживаться. Однако в нашей стране не все так благополучно в этом отношении. Например, довольно часто россияне вменяют мигрантам, особенно с Кавказа, неуважительное отношение к женщинам и старикам. Однако автор этой статьи в последние годы неоднократно наблюдал, как молодые русские ребята «тыкают» пожилым водителям – мигрантам с Кавказа и Средней Азии, относятся к ним с презрением.

Таким образом, изучение вопроса культурных рисков вследствие миграции в нашей стране высвечивает падение уровня общечеловеческой культуры самих россиян. И мигранты не имеют к этому никакого отношения. Мигранты в данном случае только увеличивают численность людей в нашей стране с низким уровнем культуры. Об этом стоит серьезно задуматься. Падение уровня культуры приво-

² Менькова А. «Зачем мне Пушкин?» О чем говорят мигранты на экзамене (<http://www.kuban.aif.ru/culture/details/1442969>).

³ Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве (<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema04.php>).

дит к падению уровня терпимости в обществе.

Трудовые и материальные условия жизни мигрантов и отчасти отторжение их принимающим сообществом, диктуют мигрантам способы проведения досуга. В первую очередь, это занятие бытовыми, хозяйственными делами дома. По выходным дням – посещение торговых-развлекательных комплексов (где преследуется сразу несколько целей – шопинг, посещение эконом-кафе и общение в этих кафе с друзьями, поскольку приглашать друзей в гости не позволяют стесненные жилищные условия), прогулки по городу (включая осмотр исторических и культурных достопримечательностей), выезд на шашлыки в традиционные для города «зеленые» места отдыха, поход в кино, посещение «своих» этнических кафе, игры в интернете. Гораздо реже – поход в музей. Досуг мигранты проводят со своими родственниками и земляками. Также мигранты любят спортивные виды отдыха. Они с удовольствием играют в футбол, волейбол. Однако общественные спортивные площадки городского уровня бывают для мигрантов недоступны, т.к. местные жители могут не пускать их туда. Мигрантам приходится самим оборудовать для себя площадки или же пользоваться муниципальными⁴.

Как видим, жизнь мигрантов в свободное от работы время никаких рисков для россиян не несет. Наблюдается стремление мигрантов включаться в общегородскую жизнь, однако этому в определенной степени препятствует неприятие их местным сообществом.

Семейные торжества, дни рождения, свадьбы мигранты часто отмечают в этнических кафе, что позволяет им спокойно соблюдать свои традиции, никому «не мешая». По наблюдениям автора этой статьи, побывавшего в нескольких этнических кафе города Москвы, можно отметить некоторое влияние на эти «анклавы этнических культур» негативных глобализационных процессов, а именно исполнение песен на русском языке из репертуара российских поп-исполнителей в угоду богатым русским клиентам (азербайджанское кафе), прокручивание клипов на на-

циональном языке, но опять же в традициях низкопробной попкультуры, транслирующей ценности общества потребления (киргизское кафе).

Помимо наличия негативных факторов, затрудняющих интеграцию мигрантов со стороны принимающего сообщества, существуют определенные культурные риски и со стороны мигрантов.

У детей мигрантов, обучающихся в российских школах, существуют барьеры, мешающие их интеграции в социально-культурную жизнь россиян. Это тяжело дающееся многим освоение русского языка, что усугубляется еще и тем, что в его ближайшем окружении вне стен школы не говорят по-русски (таким образом, школа является для детей основной средой аккультурации). Без хорошего знания языка детям очень трудно, почти невозможно усвоить новые для них ценностные нормы. У российской школы, к сожалению, на сегодняшний день нет достаточных человеческих и методических ресурсов для успешного решения этой проблемы. Также дети мигрантов при поступлении в школу не знают особенностей повседневного быта и норм межличностного общения в нашей стране. Все это влечет за собой трудности в освоении учебного материала и во взаимодействии с другими учениками, а порой и с педагогами. Такая ситуация заставляет детей мигрантов объединяться и контактировать преимущественно друг с другом (в том числе по национальному признаку), что вызывает у «местных» детей реакцию противопоставления и неприятия, что, в свою очередь, еще больше изолирует детей мигрантов, что усугубляет неприятие их со стороны местных и т.д. Получается замкнутый круг, если не сказать, медленно сжимающаяся спираль, накапливающая потенциал напряжения. Более того, такая ситуация отчуждения может подталкивать мигрантов к поддержанию культурных различий в ущерб изучению и принятию культурных норм принимающего сообщества. Это может выражаться и в крайних, агрессивных формах поведения, которые потом закладываются в негативные стереотипы, распространяемые на всех мигрантов. Так, исследование, проведенное в одном из мигрантоемких регионов России – Ханты-Мансийском автономном ок-

---

⁴ Там же.

руге, показало, что среди черт, присущих с точки зрения местных детей детям мигрантов, являются такие раздражающие местные проявления как агрессивность, жестокость, злость, конфликтность, частые перепады настроения, наглость, невоспитанность, уважение только своих традиций, ведение разговоров при других на своем языке, ношение оружия (ножей) и др.⁵

Здесь следует отдельно затронуть тему стереотипов. Не секрет, что в нашей стране в отношении мигрантов вот уже много лет бытуют исключительно негативные стереотипы. Очень большую и печальную роль в их генерации и трансляции играют СМИ. В социальном пространстве нетерпимое отношение к мигрантам начинается с взрослых, затем его «усваивают» дети. Негативные стереотипы в отношении мигрантов переносятся в школу. При этом части российских учителей свойственна мигрантофобия, некоторые из них применяют дискриминирующие практики по отношению к детям мигрантов (например, в случае провинности ребенка мигранта учитель может написать бумагу в ФМС). И получается, что школа, декларирует одни ценности и нормы поведения и социокультурного бытования (включая толерантность, уважение к традициям других культур, межкультурное взаимодействие), а на деле дети мигрантов сталкиваются с обратной ситуацией.

Некоторые СМИ, затрагивая тему обучения детей мигрантов в российских школах, умудряются и в отношении детей сформировать негативный образ, на этот раз как нерадивого, наглого ученика: «14-летний азербайджанец Зафар (имя изменено) перекидывает из руки в руку мобильный. На экране телефона — страница Зафара «Вконтакте», она обильно украшена фотографиями дорогих черных автомобилей, стопок денег и золотых часов; еще там цитаты из сообщества «Типичный азербайджанец» («Лайк, если у тебя тоже одна бровь»), а также выдержки из Корана. Урок обществознания, на котором должны были рассказывать про по-

стиндустриальное общество, подросток предпочел переждать в коридоре своей школы, расположенной в Чертанове (отдаленный район Москвы). Восьмиклассник Зафар не боится испортить отношения с учителями, потому что скоро уедет учиться в Баку». ⁶ Уже в следующем абзаце статьи автор говорит о том, что Зафар в Баку возвращаться не хочет, однако, штрих к портрету ученика-мигранта, которому наплевать на учителей, потому что он здесь не останется, а учиться ему не надо, потому что у него совсем другие жизненные ценности, уже нанесен.

В общественном сознании мигрант с Кавказа или Средней Азии уже давно ассоциируется с диким (почти первобытным), неграмотным человеком, неспособным к человеческому (в нашем понимании) общению и с неразвитой способностью к обучению. Каким образом в таких условиях и при таком к себе отношении возможна культурная адаптация и интеграция людей, которые плюс ко всему на первых порах испытывают определенный культурный шок?

Характер межкультурного взаимодействия во многом определяется установками культурного большинства по отношению к «чужим», инокультурным. От этих установок зависит степень успешной адаптации и интеграции инокультурных мигрантов. Для нашей страны на сегодняшний день характерно неприятие «чужаков». Более того, большинство россиян (на официальном и бытовом уровнях) предполагают однозначный сценарий интеграции мигрантов – безусловное признание и усвоение ими местных ценностных и поведенческих культурных норм. О возможности признания за мигрантами права на сохранение своих базовых социокультурных параметров и этнокультурной самобытности речи не идет. В таких условиях рано или поздно мигранты (особенно дети) могут столкнуться с проблемой однозначной социокультурной идентификации. При этом надо иметь в виду еще следующее: мигранты, например, из Средней Азии могут не чувствовать в принимающем обществе психологической безопасности из-за принадлеж-

⁵ Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации //Социологические исследования, 2013. № 2, сс. 80-91.

⁶ Туровский Д. Мы нелегалы, дети рабочих (<http://lenta.ru/articles/2013/10/28/children>).

ности к своей национальности, свою культуру они могут воспринимать как ущемляющую.

Информирование россиян об особенностях социокультурного бытования мигрантов с Кавказа и стран Средней Азии могло бы снять многие недоразумения при взаимодействии мигрантов и местных, ослабило бы влияние негативных стереотипов. В школах, где учатся дети мигрантов, просто необходимы образовательные программы, как для учителей, так и для местных детей, посвященные особенностям социокультурных норм у народов стран ближнего зарубежья. И тогда, например, учитель не будет расценивать обращение к себе ребенка мигранта «Учитель» как факт неуважения, потому что ребенок, якобы, забыл его имя и отчество. Учитель будет знать, что для восточных культур это, наоборот, признак уважения. В то же время, учитель сможет объяснить такому ребенку, что в России уважительное отношение к взрослым выражается в обращении по имени и отчеству. То есть учитель уже будет знать, каким именно коммуникативным нормам нужно учить ребенка-мигранта. Также детям мигрантов будет сразу разъяснено, что в нашей стране нормой является равноправие девочек и мальчиков, а неуважительное отношение к девочкам осуждается обществом. Потому что для инокультурных детей, в отличие от российских, это не очевидно. В теории (в концепциях, программах) декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов на основе «развития в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирования у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости».⁷ На практике все содействие сводится, как правило, к проведению показательных выступлений – праздников культур (национальные кухня, песни, танцы), которые не могут выполнить возложенные на них функции по содействию, развитию, формированию...

Для разрешения трудностей и проблем в межкультурном взаимодействии необходимо изучать конкретные нормы социокультурного поведения мигрантов и принимающей стороны, разрабатывать методики по преодолению противоречий в поведенческих «нормах», вводить эти методики в общеобразовательный процесс (причем и для учителей, и для учеников).

Один из самых серьезных культурных рисков, связанных с миграцией, лежит в области духовной культуры. В условиях доминирования светской и православной культуры отправление мусульманских обрядов «пришлыми» порой вызывает раздражение у местного населения. В сознании части россиян ислам «несет в себе угрозы», еще свежа память о терактах. Интернет пестрит обвинительными комментариями, приведем умеренные варианты⁸: «То что 80% террористов – мусульмане, я знаю совершенно точно. И то что все войны в современном мире ведут только мусульмане, тоже не подлежит сомнению. И головы людям отрезают в современном мире только мусульмане, и взрывы в школах и автобусах устраивают только мусульмане». «Мусульмане бывают очень хорошими людьми, но вот религия у них.... Вы в курсе, что мусульманин должен в сердце своем всех иноверцев ненавидеть? Что не должен с неверным первым здороваться и не должен уступать дорогу неверному? Что жену и немусульманина правоверному можно обманывать, если этого требуют его интересы?». «Есть проблема, но правительство ее игнорирует, народ (русский православный) живущий на своей (русской православной) земле только чешет языком. Однако ситуация не статичная, мигрантов становится больше. Мигрантов становится больше, преступлений ими совершенных соответственно тоже больше, влияние их культуры и религии так же становится сильнее. При незначительной миграции происходит ассимилирование, но если идет, как сейчас, волна, то возникают общины с сохранением языка, культуры и религии. Вечно так продолжаться не

---

⁷ Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

⁸ Здесь и далее выдержки из комментариев к статье: Нина Астафьева. Нормальный правитель должен договариваться с общинами: где ставить мечеть, чтоб не раздражать население (<http://www.mr7.ru/articles/89056>).

может, а значит в определенный пиковый момент, результатом такой динамики будет и гражданская война и революция в придачу». Остается только догадываться, откуда берутся такие представления. И некоторые из этих представлений через интернет распространяются довольно широко.

Так что властям и обществу следует обратить пристальное внимание на проблему необходимости скорейшего «ликбеза» и широкого просвещения россиян по поводу традиционного для России ислама.

Кульбачевская О.В.

Модель этнокультурной и миграционной политики Саратовской области¹

Проблематичность современного миграционного процесса на границах России в том, что благодаря новым социальным практикам адаптации миграционные сообщества способны превратиться в устойчивую теневою субкультуру. Это особенно важно в условиях этнокультурной мозаичности мигрантских групп в Саратовской области, что логически предполагает формулирование (хотя бы в основных чертах) дифференцированных стратегий социально-политического управления конкретными группами мигрантов (безусловно, в условиях их правового равноправия), в зависимости от следующих факторов, определяющих характер интеграционных процессов: соотношение в миграционном потоке данной этнической группы временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на оседлый образ жизни в Саратовской области; внешние отличия данной группы среди основной массы местных жителей, возникающие в связи с этим стереотипные ассоциации, задающие параметры внешнего давления местной среды (включая действия административных органов) на данную группу; этнокультурные особенности групповой самоорганизации, которые можно использовать как дополнительный ресурс управления; исторически сложившийся групповой опыт выживания

в инокультурной среде, особенно городской (куда стремятся основные массы инокультурных мигрантов); развитость и доступность для мигрантов сети формальных национально-культурных объединений.

При этом следует дифференцировать цели, задачи и инструменты регулирования разных потоков мигрантов, различающихся по этнической принадлежности и этнокультурной дистанции – русских (славян) / представителей этнических миграционных меньшинств; гражданству – российских граждан / иностранных граждан и лиц без гражданства; характеру миграции – переселение / временная трудовая миграция; правовому статусу – легально / незаконно находящихся и (или) работающих в городе.

В наименьшей степени нуждаются в адаптации и/или интеграции «русскоязычные» мигранты, хотя, разумеется, им необходима определенная информационно-правовая поддержка. Однако, учитывая ограниченность ресурсов, имеет смысл концентрировать усилия на более проблемных группах представителей мигрантских этнических меньшинств.

В большинстве случаев мигранты, ориентированные на постоянное или преимущественное проживание в городе, особенно имеющие законные основания для проживания, отдают себе отчет в необходимости если не интеграции, то, по крайней мере, адаптации к местной среде. Эта потребность резко возрастает среди семейных мигрантов, связывающих будущее детей с Саратовской областью.

В то же время для тех из приезжих, кто не имеет российского гражданства (трудовых, временных мигрантов) и законных оснований для проживания в об-

¹ Статья подготовлена на материалах исследований: «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности» РГНФ №12-33-01026-а (рук. д.соц.н. К.С. Мокин); «Социальные факторы этнической нетерпимости» РФФИ №10-06-00537-а (рук. акад. РАН В.А. Тишков); «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: конструирование и трансформация» РГНФ №10-03-00063-а (рук. д.соц.н. К.С. Мокин).

ласти, проблемы интеграции существенно возрастают именно из-за нелегального статуса, ограничивающего их возможности обучения языку, профессионального роста, доступа к культурным и иным традиционным ценностям местной городской/поселенческой среды.

Самого пристального внимания заслуживают те этнические миграционные сообщества (меньшинства), которые не имеют российского гражданства и лишены законных оснований для пребывания и/или трудовой деятельности в Саратовской области. Лишенные доступных для других групп мигрантов каналов адаптации, они обречены на сегрегацию и «добровольную» изоляцию от местной среды. Причем уровень их (само)сегрегации прямо пропорционален социокультурной дистанции между данным меньшинством и местными жителями.

регионе: жители Саратовской области правомерно полагают, что эти мигранты должны уважать нравы и традиции местной среды, уважать их. Эти группы нуждаются в элементарном социальном и культурном ликбезе, а также доступе к медицинскому обслуживанию, обучению детей, правам, гарантированным им действующим законодательством. Равно как в информировании о своих правах, правовой поддержке, информационно-консультативных услугах о рынках труда, жилья.

В то же время, необходимо осознание того, что возможности регулирования миграционных процессов на региональном уровне (региональным правительством) ограничены, с одной стороны, международными обязательствами России, законодательством Российской Федерации (в первую очередь, Конституцией РФ,

Таблица 1. Конфликтогенность и потребность в адаптации / интеграции мигрантских этнических меньшинств

	переселение	трудовая миграция
российские граждане		
легальные	низкая	низкая
нелегальные	низкая	средняя
иностранцы и апатриды		
легальные	низкая	средняя
нелегальные	средняя	высокая

Источник: Адаптационные установки мигрантов и факторы, препятствующие интеграции мигрантов в социальную среду Московского мегаполиса (на примере отдельных наиболее конфликтных этнических групп мигрантов). Аналитический отчет. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Для целей этнополитического управления регионом чрезвычайно важен дифференцированный подход к разным группам мигрантов, к наиболее конфликтным мигрантам, в наибольшей степени нуждающимся в адаптации, на первых порах необходимо обеспечить доступ к информации об их правах, правовых последствиях их положения, возможностях найма, доступа к элементарной медицинской помощи. Необходима также жесткая политика пресечения противоправной деятельности их работодателей.

Иные проблемы возникают с теми представителями мигрантских меньшинств, которые приезжают для осуществления трудовой занятости, но либо имеют российское гражданство, либо имеют законные основания для пребывания в

где миграционная политика является исключительной прерогативой федерального центра) и необходимостью соблюдения прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, мощным ограничителем возможностей регулирования миграционных процессов являются объективные факторы, особенно социально-экономические. В частности, достаточно низкий (по сравнению с центральными регионами России, такими как Москва, Московская область и др.) социально-экономический потенциал Саратовской области, ее приграничное положение предопределяют характер транзитной миграции, при которой основные массы мигрантов следуют в западном направлении, практически не задерживаясь в регионе. Следует согласиться, что «ключи

регулирования миграции... лежат в социально-экономической политике»².

Другим важнейшим направлением миграционной политики и связанной с ней региональной этнополитики становится обеспечение интеграции мигрантов в городах и поселениях региона. Для регионального правительства поддаться существующей в регионе мигрантофобии – значит потерять квалифицированную рабочую силу из стран СНГ, наиболее адаптированную к условиям России, которая составляет основной контингент иммигрантов³. Решающий поворот от конфронтации к сотрудничеству невозможен без конкретных и тщательно взвешенных шагов по адаптации и интеграции мигрантов.

Этот процесс должен базироваться на правовом регулировании миграционных процессов при обеспечении эффективности и должном правоприменении законодательства, регламентирующего права мигрантов и меньшинств⁴. На федеральном уровне необходимо выработать и предложить компоненты формирования российских символов и ценностей, утверждения российского патриотизма и солидарности на основе формул «единства в многообразии» и «нации наций». Академическая наука также должна принимать непосредственное участие в разработке этих сложных и важных проблем.

Нужна и концепция миграционной политики и адаптации мигрантов в Саратовской области, рассматривающей Саратов (как основной транзитный миграционный пункт) и Саратовскую область (в основном как конечный пункт миграционных траекторий) в неразрывной связи. Отсутствие региональной миграционной концепции как рамочного документа, учитывающего эти особенности, серьезно осложняет деятельность местных властей (на уровне районов и поселений). Важна

транспарентность миграционной и этнонациональной политики в Саратовской области. Этот принцип начинает реализовываться в Саратовской области, однако имеются определенные недостатки в транспарентности взаимоотношений органов государственной власти с органами местного самоуправления и национально-культурными организациями. Это особенно ярко проявляется в периоды конфликтного противостояния (Ровное, Ивантеевка, Пугачев).

Важен дифференцированный подход к различным группам мигрантов при реализации миграционной политики и политики их адаптации и интеграции. Следует учитывать разные аккультурационные возможности групп мигрантов, обуславливающих их стратегии поведения.

Важен учет субсидиарной ответственности органов государственной власти, местного самоуправления с одной стороны, и организаций мигрантских групп с другой. На определенных этапах это означает, что «община» этнических мигрантов должна нести в определенном смысле ответственность за своих членов, но должна обладать и определенной автономией в своих действиях, естественно, в рамках действующих правовых норм.

Сегодня действует внешне схожая схема взаимоотношений органов государственной власти, местного самоуправления с организациями мигрантских меньшинств: в проблемных ситуациях власти обращаются к этническим общинам для их разрешения. Однако эти взаимоотношения: а) неформализованы, б) спордичны, в) нелегитимны и г) носят односторонний характер, т. к., чаще всего, иницируются властями.

Необходимо конструктивное сотрудничество с этническими мигрантскими сообществами. В этой связи важнее вопрос о допущении и недопущении образования мест компактного проживания иноэтничных мигрантов, которые, как показывает опыт Западной Европы, становятся своеобразной «социальной взрывчаткой» из-за фактической автономии их существования⁵. В условиях пограничного регио-

² Смидович С.Г. Проблемы миграции и их влияние на вопросы безопасности //Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. М., 2003, с. 13

³ Глебов И.Н. Роль органов государственного управления в регулировании миграционных процессов //Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. М., 2003

⁴ Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2008, с. 270.

⁵ Вестфаль В.Р. Миграция и внутренняя безопасность в концепции Европейского Союза //Миграция

на формирование этнообщин не должно принимать формы компактного проживания представителей этих общин и их сегрегации от основного населения Саратова и Саратовской области.

Необходимо буквально отстранение этнических общин от выполняемых ими сегодня социально-политических функций, которые непрерывно артикулируются органами региональной власти. По сути, необходимо перехватить информационно-консультационные и сервисные функции у этнических общин, развить альтернативную официальную структуру трудовой миграции в виде сервисных институтов, работающих на официальной основе и обеспечивающих легитимность, информированность и безопасность мигрантов. Такие центры могут включать информационно-консультационные службы, услуги по трудоустройству, юридические услуги⁶. В условиях отсутствия инфраструктуры, обеспечивающей легитимность миграции и легализацию статуса мигрантов, последние «вытаскиваются» в теневой сектор, что предопределяет особенности модели поведения мигрантов. Подавляющее большинство иммигрантов для трудоустройства в Саратовской области пользуются помощью соотечественников – 62%⁷; теневая роль этнических общин приобретает «тотальное» значение.

Представляется, что попытки регулирования «латентных» миграционных потоков невозможны в рамках исключительной компетенции органов государственной власти Саратовской области, - здесь необходимо сотрудничество с органами государственной власти Российской Федерации (УФМС, УФСБ, МВД РФ).

Для создания организации эффективного управления процессом приспособления / адаптации мигрантов к социокультурной среде Саратовской области, необходимы следующие меры:

- выделить в отдельный блок, требующий первоочередного внимания, за-

коны и иные нормативные акты, направленные на регулирование именно временной трудовой миграции;

- выделить в структуре миграционной службы Саратовской области (УФМС России по Саратовской области) подразделение, ответственное за создание и ведение отдельной базы данных по временным (трудовым) мигрантам и, по возможности, местного населения, участвующего в их обслуживании. Вести работу по улучшению документирования временных трудовых мигрантов.

- создать структуру, которая должна взять на себя инициативу в обустройстве жизни (и определенного контроля над ней), а также организации инфраструктуры обслуживания временных (трудовых) мигрантов, что обойдется дешевле, нежели решение проблем, порождаемых теневой миграционной субкультурой.

- в рамках организации контролируемой инфраструктуры наиболее эффективными и уместными кажутся различные курсы и тренинги языковой и культурно-поведенческой адаптации мигрантов, а также различные формы юридической и финансово-кредитной поддержки интеграционных ориентаций мигрантов.

- переориентировать национально-культурные объединения Саратовской области с деятельности, преимущественно, представительской (в разного рода общественных Советах и ассоциациях) на работу, связанную с оказанием конкретной помощи мигрантам, на более тесное взаимодействие с саратовской миграционной службой с целью создания общего поля деятельности и зоны общей ответственности областной миграционной службы и саратовских (региональных) национально-культурных объединений.

- организовать центр специальной подготовки и переподготовки по навыкам межкультурного взаимодействия для представителей исполнительной власти, непосредственно контактирующих с теми или иными этническими группами мигрантов. Центр также должен оценивать качество подготовки и должен быть уполномочен предоставлять по результатам тестирования специальный допуск к работе с мигрантами определенной этнической группы.

и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. – М., 2003, с. 20

⁶ Тюрюканова Е.В. Мигранты на неформальном рынке труда // Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. – М., 2003, с. 88

⁷ Мокин К.С. Миграционные процессы в Саратовской области: стратегии адаптации и сегрегации. – Саратов, 2007.

При всей сложности этнополитической ситуации необходимо исходить из того, что гражданское самосознание в России еще находится в стадии становления. Главной проблемой является не этнокультурное многообразие, а социальное расслоение, наличие большого числа людей, живущих за чертой бедности, отсутствие консолидированного среднего класса, большая разница в уровне жизни в разных регионах. Масштабы социального неравенства препятствуют формированию социальной основы для формирования гражданского общества и, соответственно, гражданского сознания.⁸ В то же время для упрочения гражданской солидарности от властей любого уровня требуется системность, последовательность и преемственность действий. Непоследовательные действия местных властей воспринимаются обществом как слабость государства. Соответственно, одним из главных усилий региональных властей должна быть ориентация на то, чтобы «топография» бедности не совпадала с этнической картой. Следует учесть, что этнокультурное своеобразие зачастую проявляется на селе, в малом городе, локальном социуме, и именно эти небольшие территории являются зоной социального неблагополучия. Следовательно, существуют объективные предпосылки для роста этнической напряженности. Необходимо гораздо активнее использовать средства массовой информации для освещения позитивных явлений в жизни национально-культурных автономий и особенно вклада мигрантов в социально-экономическое развитие региона.

Декларируя важность укрепления гражданской нации, государству не следует пренебрегать поддержкой этнически ориентированных традиций и ценностей. Такое участие, чтобы избежать формализма, должно в первую очередь реализовываться на нижних этапах управления (поселенческий уровень). При этом остается безальтернативной роль государства как координатора в соблюдении принципа равенства разных групп на приобщение к

культурным ценностям. Именно государственная власть может гарантировать, что разработка соответствующих региональных и местных программ этнокультурного развития будет ориентироваться на всех жителей конкретного региона или населенного пункта, а не на отдельные «народы» и «этнические группы». Успех политики утверждения российской гражданской идентичности в наибольшей степени зависит от того, насколько Россия сможет преодолеть распространение шовинизма, расизма, ксенофобии и этнонационализма – факторов, разрушающих идею российской нации.

Не менее важной видится целесообразность создания в структуре администраций городов региона подразделений, «занимающихся» этнополитикой. Это необходимо сделать даже в тех местностях, где по формальным статистическим данным проживает однородное в этнокультурном отношении население. В настоящее время обеспечение взаимодействия с органами власти религиозных общественных организаций, национально-культурных центров и общественных организаций входит обычно в основные направления деятельности департаментов культуры, региональных связей, информационной политики и общественных отношений, причем – наряду с другими многочисленными направлениями их деятельности. В современных условиях этого недостаточно. Регионы и города становятся все более полиэтничными, и кроме культурного аспекта, процессы общественного взаимодействия оказываются связанными со многими вопросами социального и даже политического характера. Решением возникающих проблем должны заниматься компетентные сотрудники на муниципальном уровне и в органах местного самоуправления. Модель Саратовской области, в силу ее приграничного положения, выступает как характерный индикатор достижений и просчетов миграционной и этнической политики.

Барышная Н.А.

*д. социол. наук, к. полит. наук,
профессор кафедры государственного
управления и права Балаковского филиала
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

⁸ Степанов В.В. Факторы массовой этнической нетерпимости в предместьях столицы // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В.В., Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 2014, сс. 55-69

Мигранты и «этнопреступность» в общественном сознании жителей Саратова¹

Процессу формирования в общественном мнении современных россиян этнической толерантности препятствует ряд стереотипов и идеологем, возникающих под влиянием многих факторов. Современное российское общество находится под влиянием этнофобий, приводящих к росту социально-политической напряженности и усилению дискриминации мигрантов и национальных меньшинств, которые по этническому, конфессиональному, культурным параметрам существенно отличаются от местного населения.¹ Одной из лексем, прочно вошедших в общественное сознание, является термин «этническая преступность», не существующий в российском законодательстве, однако активно используемый в последнее время как в средствах массовой информации, так и в различных научных трудах, в том числе в диссертациях².

Действительно, в последнее время этнокриминология все чаще выделяется некоторыми российскими авторами как самостоятельное научное направление, в рамках которого разрабатываются такие понятия как криминальная этническая политика, общеуголовная этническая преступность, антикриминогенная стратегия в области межэтнических отношений и др.³ Ряд современных российских научных исследований напрямую связывает преступность и миграцию, отмечая, что миграция наравне с позитивными несет в себе ряд негативных моментов, особую угрозу среди которых имеет широкое рас-

пространение криминала среди иммигрантов⁴. В частности М.Н. Утяцкий указывал, что хотя в России ситуация с преступностью приезжих обстоит значительно лучше (2,7% от общего количества преступлений), чем в большинстве европейских государств (например, в Германии 23,5%), однако в России, темпы прироста преступлений этой категории лиц почти в два раза превышают темпы прироста регистрируемых преступлений по стране в целом⁵.

Наличие определенной взаимосвязи между миграцией и этническим фактором преступности отмечают криминалисты европейских национальных правовых систем⁶. Негативное отношение к мигрантам как «этническим преступникам» свойственно и для профессионального сознания не только России, но и европейских стран. Так, в Германии предложение премьер-министра земли Гессен Роланда Коха ужесточить уголовные наказания для иммигрантов-представителей этнических меньшинств вызвало волну протестов и жаркие дискуссии. Мнение премьер-министра о принудительном выселении мигрантов, совершивших преступления, было отвергнуто ведущими учеными и правозащитниками. «Это предвзято и дискриминационно, – писал журнал Штерн, подвергший критике данное предложение – «...Преступность не имеет религии и национальности, она не является ни турецкой, ни немецкой... Отдельные приговоры для иностранцев несправедливы»⁷.

¹ Степанов В.В. Национальность преступника как общественная фобия // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. - М.: ИЭА РАН, 2013, сс. 100 – 107.

² Чехходзе, Р. Г. Этнические аспекты преступности: Дисс. ... к.ю.н. Омск, 1999; Анжиров И.В. Влияние этнических факторов на рост преступности в Южном и Северо-кавказском федеральных округах: Дисс. ... к.ф.н. Краснодар, 2010 и др.

³ Клейменов, М.П. Понятие и предмет этнокриминологии // Российский криминологический взгляд. 2006. № 1, сс. 83-86.

⁴ Метелев С.Е. Криминальная миграция: Характеристика и предупреждение: Дисс. ... к.ю.н. Омск, 1996; Шкилев А.Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2006 и др.

⁵ Утяцкий М.Н. Миграция иностранных граждан и преступность: криминологический анализ: Дисс. ... к.ю.н. Москва, 2008. С. 4.

⁶ См.: Migration, Kriminalität und Kriminalisierung. Herausforderungen an Soziale Arbeit und Straffälligenhilfe. Kawamura-Reindl, Gabriele (Hrsg.); Keicher, Rolf (Hrsg.); Krell, Wolfgang (Hrsg.) Freiburg, Breisgau: Lambertus-Verl., 2002.

⁷ Kriminalität hat keine ethnische Zugehörigkeit // Stern. 23.01.2010.

В России также не прекращаются дискуссии по проблеме этнических факторов преступности. Уже неоднократно российские правозащитники указывали, что ведомственные фобии, выражающиеся в неприязни к лицам нетитульной нации, совершившим преступление, транслируясь в СМИ, перерастают в обыденные фобии. Несколько раз депутатами Государственной думы РФ предлагались законопроект, запрещающие СМИ при освещении новостей криминального характера указывать национальность преступников. Данная инициатива была поддержана Президентом России⁸. Однако законопроект так и остался на бумаге.

В современной России на бытовом уровне стереотипы об этносах, склонных к преступности, совмещаемые с антимиграционными настроениями, пронизывают общество, становятся повседневной реальностью. Что же думают современные россияне о связи между преступностью, этничностью и миграцией? На протяжении нескольких последних лет автором проводилось несколько социологических опросов по теме межнациональных конфликтов, куда были включены вопросы о взаимосвязи этничности и преступности.

Превалирование негативных этнических стереотипов, основанных на искажениях общественного сознания, мифах и слухах, их распространение в СМИ и в повседневном дискурсе местного населения подтверждают данные опроса, проведенного в Саратове и области в 2014 г. Опрос представлял собой изучение общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе. Выборка репрезентативная по полу, возрасту, образованию. Объем выборочной совокупности составил 200 респондентов. 30% опрошенных согласились с тем, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Не согласились с этим 34%. Показателен и высокий процент затруднившихся с ответом на этот вопрос – 35%. Данные опроса подтверждают, что среди респондентов бытует негативный образ мигранта как потенциального преступни-

ка, а респонденты зачастую руководствуются эмоциями и устоявшимися стереотипами.

Приведем данные исследования 2013 г. Социологический опрос был проведен в г. Саратове среди студентов трех крупнейших вузов города. Всего по программе Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга⁹ было опрошено 300 человек в возрасте от 17 до 29 лет. На наш взгляд, рассмотрение данной проблемы через призму восприятия молодежи представляет бесспорный интерес, так как именно в этом возрастном периоде активно складывается отношение к окружающему миру, происходит формирование обобщенных и устойчивых образов, регулирующих восприятие действительности. В процессе взросления и вхождения во взрослую жизнь, молодые люди выстраивают взаимоотношения с окружающими, в том числе с представителями других народов, культур и религий.

В ходе данного опроса в ответ на вопрос «Существует точка зрения, что представители отдельных национальностей или этнических групп более склонны к совершению преступлений. С чем связано распространение этой точки зрения?» были получены следующие ответы: «представители отдельных национальностей действительно более склонны к совершению преступлений» – 42%; «эту точку зрения распространяют те, кто хочет спровоцировать межнациональные конфликты в России» – 34%; «это выдумки СМИ, которые гонятся за громкими сенсациями» – 9%; затруднились с ответом 10% опрошенных.

Таким образом, большая часть опрошенной молодежи считает, что представители отдельных национальностей действительно более склонны к совершению преступлений. Результаты анализа ответов на данный вопрос свидетельствуют о том, что Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии. Зачастую возрас-

⁸ Путин запретит СМИ называть национальность преступника (<https://magas.su/tera/putin-zapretit-smi-nazyvat-natsionalnost-prestupnika>).

⁹ Тишков В.А., Степанов В.В., Бараш Р.Э. Штрихи к портрету российского студенчества. Общие наблюдения и рекомендации // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014, сс. 314-321.

тная агрессивность, создающая питательную среду для конфликтов в молодежной среде, трансформируется в столкновения на национальной почве, а уровень межконфессиональной толерантности снижается, о чем свидетельствуют и ответы респондентов.

Сравним полученные даты с результатами еще одного опроса по теме межнациональных конфликтов, взаимосвязи этничности и преступности, который был проведен автором в 2012 г. в г. Саратове среди населения в возрасте старше 18 лет. Выборка – репрезентативная по половозрастной структуре взрослого населения. Было опрошено около 100 человек. Данный опрос также подтверждает наличие этноцентричного восприятия взаимоотношений «мигрант – местное население» и страх населения перед мигрантами.

При ответе на вопрос «На Ваш взгляд, существует ли взаимосвязь между национальностью человека и возможностью совершения им преступления?» были получены следующие результаты. Ответ «нет, не существует» выбрали 60% опрошенных, 12% предпочли вариант ответа «да, существует». 27% респондентов затруднились с ответом. Таким образом, в сознании большинства опрошенных не укоренен ошибочный образ о том, что та или иная этническая группа или даже в целом народ – преступен.

Проанализируем далее ответ на вопрос «Правомерен ли, на Ваш взгляд, термин «этническая преступность?». Согласно результатам опроса вариант ответа «Да, такой термин имеет право на существование» выбрали 21% респондентов. 61% опрошенных считает, что такой термин может применяться только по отношению к представителям некоторых национальностей. Всего 5% респондентов выбрали вариант ответа «Нет, такой термин вообще не имеет права на существование», еще 12% затруднились с ответом. Таким образом, большинство респондентов все же считают, что неправомерные действия отдельных лиц некоторых национальностей и преступных группировок, состоящих из лиц одной этнической группы, могут быть охарактеризованы как «этническая преступность».

Следующий вопрос, который был предложен респондентам «На Ваш взгляд, влияет ли увеличение численности мигрантов на рост преступности в Вашем регионе?» был призван установить взаимосвязь в сознании жителей области между ростом числа мигрантов и уровнем преступности. Анализ ответов на данный вопрос подтвердил первоначальную гипотезу исследования о наличии тесных параллелей между этими понятиями в общественном сознании. Вариант ответа «да, между этими явлениями существует прямая взаимосвязь» выбрало наибольшее количество опрошенных – 72%. Лишь 14% посчитали, что эти явления никак не взаимосвязаны, еще 14% затруднились с ответом. Таким образом, данные опроса подтверждают, что среди респондентов бытует негативный образ мигранта как потенциального преступника. Большую роль в создании подобных образов играют СМИ и заявления руководителей силовых структур.

Результаты, полученные нами в ходе социологических опросов последних лет, в целом приводят к выводу о снижении уровня толерантности и возможности обострения этноконфессиональной ситуации. Данные, получаемые иными социологическими службами, также обозначили целый комплекс нерешенных властью и обществом проблем и выявили накопление деструктивного потенциала: от недовольства деятельностью власти до прогноза осложнения межнациональных отношений. Объектом фобий и межгрупповой ненависти со стороны местного населения, как правило, являются выходцы из республик Северного Кавказа.

Данные, полученные в результате проведения опросов последних лет в Саратовской области коррелируют с опросами крупнейших социологических центров. Так, опрос «Об отношении россиян к людям разных национальностей и о межнациональных отношениях», проведенный Фондом общественного мнения в декабре 2014 г., показал, что хотя большая часть россиян уверены: тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы, 58% опрошенных считают, что нужно ограничить въезд представителей некоторых национальностей в тот регион, где они

живут, а 17% признались, что испытывают неприязнь к представителям той или иной национальности¹⁰.

Контент-анализ интернет-сайтов и местных печатных изданий Саратова приводит к выводу, что криминогенность, как источник межнационального конфликта, зачастую усиливается демонстрацией негативного образа мигранта в средствах массовой информации. Вообще тема межэтнических и конфессиональных отношений представляется местной прессой как одна из важнейших. Внимание печатных СМИ и интернет ресурсов к этой проблеме не связывается с определенными информационными поводами, а проявляется постоянно, в течение последних лет. Региональные и муниципальные СМИ используют разные формы и приемы для транслирования в общественное сознание информации о многонациональности населения региона, в том числе создание и распространение преимущественно отрицательных этнических стереотипов.

Необходимо отметить, что заголовки статей в саратовских газетах и интернет-СМИ отнюдь не способствуют формированию толерантности, часто создавая образ преступника-мигранта, представителя нетитульной нации. Так, среди заголовков 2014 г. «Чеченец арестован за стрельбу в Саратове», «Выходцы с Кавказа приехали на встречу со скинхедами», «Митингующие требуют выселить из города чеченцев», «Полиция задержала провокатора на сходе азербайджанцев в Красноармейске», «Представители азербайджанской диаспоры устроили погром», «У кафе на набережной подрались чеченцы и армяне», «ГУ МВД: Избивший саратовских школьниц азербайджанец задержан», «Конфликт кавказцев и полицейских в центре Саратова» и др., однако есть и заголовки, предостерегающие граждан от подобных конфликтов «Саратовца осудили на 2 года за возбуждение ненависти к кавказцам» или «Конфликты с кавказцами

довели саратовца до скамьи подсудимых»¹¹.

В формировании массовых взглядов, воззрений и установок СМИ играют огромную созидательную и разрушительную роль. С помощью информационных технологий в массовом сознании распространяются негативные этнические идеологемы. Этностереотипы становятся заметным явлением и закрепляются посредством масс-медиа на уровне массового сознания. Ксенофобия также проявляется в форме публичных высказываний представителей власти разного уровня, иницирующих или прикрывающих националистические и антимигрантские настроения. На отдельных сайтах в сети Интернет, на страницах газет, ведется жесткая антимигрантская кампания.

Обеспокоенность местных СМИ проблемами межнациональных отношений подтверждается включением 6–10 октября 2014 г. во все местные газеты и интернет-порталы информации на тему: «Саратовская область попала в число регионов с высокой этнической напряженностью», «Эксперты считают межэтническую напряженность в Саратовской области высокой» и др. Многие СМИ согласились с официальной позицией властей: «Негативный межнациональный рейтинг региона назвали «провокационным», Этническая напряженность не пошатнула устойчивость региона» или «Борис Шинчук усомнился в объективности рейтинга межнациональных конфликтов», другие же, наоборот, опубликовали мнения экспертов, подтверждающие повышение уровня этнической напряженности в области¹².

¹¹ В Энгельсе кавказцы напали на водителя эвакуатора (<http://www.temasaratov.ru/news/crime/item/11320>); Кавказцы напали на водителя эвакуатора. Возбуждено дело (<http://www.4vsar.ru/news/41331.html>); Конфликт кавказцев и полицейских в центре Саратова (<http://www.teleobektiv.tv/index.php>); Саратовца осудили на 2 года за возбуждение ненависти к кавказцам (<http://www.4vsar.ru/news/55572.html>); Конфликты с кавказцами довели саратовца до скамьи подсудимых (<http://www.saratovnews.ru/news/2014/12/10>) и др.

¹² Эксперты считают межэтническую напряженность в Саратовской области высокой (<http://www.saratovnews.ru/news/2014/10/06/>); Негативный межнациональный рейтинг региона назвали

¹⁰ Межнациональные отношения: мониторинг (<http://fom.ru/Obraz-zhizni/11876>).

Тревожным симптомом является тот факт, что только в 2014 г. в Саратовской области произошло несколько бытовых конфликтов, получивших в СМИ национальную окраску. Так, первый из них, уже занесенный Московским бюро по правам человека в раздел «Проявления агрессивной ксенофобии в Российской Федерации в мае 2014 г.» произошел 29 мая в поселке Красный Кут Саратовской области¹³. Бытовая ссора, участниками которой стали посетители кафе «Золотой теленок», переросла в массовую драку на окраине города между уроженцами Карачаево-Черкесской Республики и группой отслуживших пограничников. Всего в конфликте приняло участие не менее 30 человек. В тот же день пограничники провели несанкционированный митинг против «засилья карачаевцев» и избивали прохожих с неславянской внешностью. С целью урегулирования ситуации в Красный Кут прибыли вице-губернатор, заместитель председателя областного Правительства, министр Комитета по общественным отношениям и национальной политике, сотрудники Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Саратовской области, в город было введено подразделение ОМОН.

Анализ столичной прессы, проведенный исследователем В.К. Мальковой показал, что в массовое сознание москвичей также массированно внедряется идея о том, что большинство преступлений в Москве совершается иногородними. Малькова приходит к следующему выводу: «Мигранты и криминал – огромная проблема, подробно освещаемая столичной прессой, а, значит, и рекламируемая среди москвичей как очень острая и болезненная, постоянно находится в центре внимания журналистов... С помощью мощного идеологического канала – СМИ растет среди москвичей ксенофобия, враждебность и недоверие по отношению к представителям национальных меньшинств¹⁴». Подобное мнение высказывал

и В.И. Ильин, указывавший, что мигранты и этнические меньшинства, как правило, живут малозаметной для титульных наций жизнью и выходят на полосы газет только в криминальной хронике¹⁵.

В другом случае, СМИ преподнесли как национальный конфликт 12 июня 2014 г. между владельцем кафе «Палуба» в г. Красноармейске и четырьмя местными жителями-азербайджанцами, устроившими погром, после того как хозяин кафе отказался впустить их в помещение, ссылаясь на отсутствие мест. Представители местной азербайджанской общественности утверждали, что поводом для конфликта послужили заявления хозяина кафе о том, что его заведение закрыто для «нерусских». 13 июня в Красноармейске у здания районной администрации в которой проходило совещание представителей муниципалитета, силовых структур и региональных властей, посвященное данной ситуации, состоялся несанкционированный митинг азербайджанцев, выступавших против притеснения национальных меньшинств.

Широкую огласку в СМИ получил и конфликт 24 июня в г. Саратове, на набережной Космонавтов, в караоке-баре «Джельсольмино», между представителями армянской и чеченской общин, переросший в массовую драку с применением травматического оружия.

После ряда публикаций силовые структуры обратились к жителям и средствам массовой информации с просьбой не придавать инциденту «националистический окрас» ещё в одном случае: в июле 2014 г. в районном центре Балтай Саратовской области произошла массовая драка, группы лиц в количестве 6–8 человек напали на двух жителей поселка¹⁶. По словам очевидцев, в ходе драки выкрикивались лозунги националистического характера. Приведённые примеры в очередной раз подтверждают, что особое значение для предотвращения волны дискриминации в отношении этнических

«провокационным» (<http://www.4vsar.ru/news/53524.html>) и др.

¹³ Московское бюро по правам человека (<http://pravvorf.org>).

¹⁴ Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004, с. 128.

¹⁵ Ильин В.И. Социальное конструирование национальных меньшинств // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998, с. 12.

¹⁶ В Балтае после массовой драки силовики попросили жителей не придавать инциденту «националистический окрас» (<http://fnvolga.ru/news/view/id/23605>).

меньшинств и мигрантов должно иметь предупреждение ксенофобских выпадов в СМИ. Журналистам необходимо уделить значительные усилия осуждению проявлений как реальной, так и потенциальной ксенофобии, а не провоцировать конфликты.

Подобные факты фиксируют рост «конфликтного потенциала» в массовом сознании и подтверждают вывод о том, что Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии.

Нагнетание обстановки, разжигание межнациональной, межрелигиозной розни и несоблюдение журналистской этики мо-

жет привести к всплеску этнофобских настроений, дестабилизации обстановки и притеснениям меньшинств. Рассматривая темы ксенофобии как средство привлечения и удержания аудитории и являясь источником деструктивных образов, СМИ порой лишь укрепляют существующие негативные стереотипы, в то время как национальная политика государства должна быть направлена на постепенное исключение этнической дискриминации и ксенофобии из массового сознания, государственной практики и официального дискурса.

Лиценбергер О.А.

Чечня: миграционные тенденции в постконфликтный период

Миграционные процессы являются неотъемлемым свойством общества, способствуют пополнению трудовых ресурсов, росту экономики, обновлению социокультурной среды. Такие процессы предполагают обоснованную государственную миграционную политику регулирования внешней и внутренней миграции на федеральном и региональном уровне.

В российской науке с начала 1990-х гг. активно велись исследования международных, экономических, демографических, социологических и иных аспектов миграции. Экспертами и государственными служащими инициировано принятие ряд законов о регулировании миграции, введены понятия «вынужденный мигрант», «перемещенные лица». Отдельные авторы предлагают выделить как самостоятельную дисциплину «миграциологию». Однако миграционные процессы в пережившем конфликт регионе еще не получили надлежащего освещения в научных публикациях.

Применительно к Чечне за последние 60 лет можно выделить несколько периодов миграционного движения, и в каждый из них наблюдалась «своя» особая миграция.

В советский период конце 1950-х – начале 1960-х гг. образуются «встречные» миграционные потоки этнических групп населения. С одной стороны, происходило возвращение из депортации чеченцев

и ингушей в Чечено-Ингушетию, с другой вынужденно перемещались из сельских районов на прежние места проживания русские, дагестанцы и другие, переселенные органами власти на пустующие территории сельских населенных пунктов республики после 1944 года.

1970-80-е гг. характеризовались тем, что они были относительно благополучными, в межрегиональном и внутрирегиональном пространстве наблюдалась добровольная безвозвратная и маятниковая миграция. В отдельных случаях ей были присущи элементы организации и мобилизации. Это выражалось, например, в призыве молодежи на союзные ударные стройки, в организованном наборе рабочих на рыбные промыслы на Дальнем Востоке, идеологическом и материальном поощрении желающих переселиться в обезлюдившие деревни центральной части России для занятия сельским хозяйством. Миграционное поведение самих жителей зачастую определялось потребностями трудоустройства, учебы и причинами семейно-бытовыми. Этнический аспект миграции в этот период проявлялся в том, что в 70-е годы выезжали из республики на постоянное жительство больше русские из-за наметившегося сокращения объемов добычи нефти. Многих привлекали масштабы развернувшихся работ по развитию нефтегазового комплекса в Сибири. Чеченцам же, напротив, была свойствен-

маятниковая миграция, они вынуждены были в поисках сезонных работ, часто строительных, уезжать на 6-9 месяцев в другие регионы страны.

В 80-е годы согласно официальной статистике значительно возрастает количество переезжающих на постоянное жительство из числа чеченцев по сравнению с другими мигрантами. Во второй половине 80-х годов политический курс на перестройку, развитие кооперации и малого предпринимательства, спад экономики, сопровождается возникновением в некоторых городах и районах очагов социальной напряженности, провоцированием представителями теневой экономики столкновений «новожилов» и «старожилов», стремлением канализировать социальное недовольство в противостояние «своих» и «чужих». В результате складывающейся общей обстановки некоторые осевшие на постоянное жительство за пределами республики чеченцы оказываются вынужденными вернуться, более того, сокращается и количество мигрантов, выезжающих на временные работы. В совокупности эти факторы вместе с другими создают социальную напряженность и способствуют перерастанию ее в региональный социально-политический кризис.

Смена партийно-советской власти и установление нового режима породило миграцию по мотивам политическим и безопасности. В политической миграции участвовали представители всех национальностей, активные фигуры прежней власти. Миграционные настроения русских и других национальностей, обусловленные ощущением надвигающейся угрозы общественной безопасности вскоре трансформируются в поведение массовой миграции.

Итак, на рубеже 1990-х г. этнический момент просматривается в различных стратегиях восприятия складывающейся ситуации, русские и другие «русскоязычные» воспринимали ее на фоне событий в Алма-Ате, Ферганской долине, Сумгаите и в Нагорном Карабахе. Отсюда выдвигание на первый план ценности безопасности, осознание необходимости своевременного ухода от надвигающейся социальной катастрофы. В то же время значительная часть чеченцев не испытывали этой безопасности, а желали социальных

перемен, надеялись на улучшение благополучия, пытались как-то позитивно повлиять на миграционные настроения других через знакомых, сослуживцев, уговорить на соучастие в социальных изменениях.

Между тем миграционные процессы данного периода оказались драматичными, рушащими межпоколенческий уклад, жизненные карьеры, устремления и надежды. С осени 1991 г. по 1993 г. происходит массовый отток русских и других, с середины 1993 г. в этот процесс включаются и чеченцы, кто-то по причине безопасности, но в основном по экономическим мотивам.

В первый войну вынуждены были покинуть Чечню 450 тыс. чел, во вторую – более 400 тыс., на самой территории Чечни постоянно наблюдалось маятниковое перемещение людей из зоны боевых действий в более безопасные районы. С 2003 г. многие из вынужденных мигрантов, в основном чеченцы, стали возвращаться. Лишившиеся жилья размещались во временные пункты проживания. В условиях послевоенного экономического коллапса, в разрушенном Грозном без элементарных коммунальных удобств более 10 лет могли жить только те, кто не имел возможности переехать и «укоренелые» патриоты края.

Демографическим итогом регионального социально-политического кризиса и двух войн (1994-1996, 1999-2002) явилось не только гибель десятков тысяч людей, но и почти полный миграционный исход русских и представителей других национальностей. По итогам всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. этнический состав населения Чечни сильно изменился на почти что моноэтнический.

Интересно обратиться к социологическим показателям, характеризующим миграционные настроения разных этнических групп в период снижения накала вооруженного конфликта и начала миростроительства. В 2003 г. был проведен референдум по принятию новой Конституции РФ, избран Президент ЧР, реализовывалась федеральная программа восстановления социально-коммунальных объектов. Крупные военные действия не происходили, но ситуация в общественном сознании воспринималась как воен-

ная, продолжались «зачистки» и локальные боестолкновения. Такая социальная среда вселяла надежду в одних и сохраняла в других неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне.

В основе таких настроений лежали различные факторы, воспринимаемые по-разному представителями разных этнических групп. Так, респондентам были предложены 15 переменных, отражающих причины миграционной мотивации.

Стимулом миграционных настроений чеченцев являлись военные действия, отсутствие безопасности, отсутствие работы, желание дать детям хорошее образование, неведение в нормализацию обстановки. Русские респонденты отметили отсутствие безопасности, военные действия, желание жить среди своих, неведение в нормализацию обстановки, недоброжелательное отношение населения.

Здесь любопытно, что на третьем месте опрошенных чеченцев отсутствие работы, что контрастирует с существовавшей тогда обстановкой и свидетельствует о десятилетиями не разрешаемой с советских времен проблеме высокой безработицы, вызывающей беспокойство и в полувоенной ситуации. В какой-то степени неожиданным явилось то, что на третьем месте у русских оказалось желание жить среди своих, то есть родных и близких «по крови», культуре. Значимость данного этносоциального свойства индивидов любых этнических общностей, кстати, недостаточно учитывается в социальном управлении, реализации миграционной политики. Выделение опрошенными русскими в числе пяти факторов недоброжелательного отношения местного населения скорее эмоциональное и имеет психологический отпечаток военных последствий. Межэтнические предубеждения в республике, как показывают опросы разных лет, примерно на том же уровне, что и в других регионах. Это подтверждают ответы на другие вопросы, характеризующие межнациональные и социальные отношения. В указанном социологическом опросе межнациональные отношения в ЧР назвали враждебными 3, 3% чеченцев, 2% русских, 8% других национальностей.

Обустройство населенных пунктов, восстановление некоторых промышленных объектов, развитие малого и среднего

предпринимательства, регулярное финансирование бюджетной сферы заметно улучшили благополучие более половины населения. О чем свидетельствуют ключевые экономические показатели, характеризующие уровень жизни. В 2005-2012 гг. внутренний региональный продукт на душу населения возрос почти 3 раза, как и в СКФО и РФ. В 2010-2013гг. среднедушевые денежные доходы населения увеличились с 11982 руб. до 17188 руб., общая жилая площадь на одного жителя - с 12 кв.м. до 18 кв.м. уровень безработицы снизился с 43,3% до 26,9%¹.

Нами были сгруппированы респонденты по признакам оптимизма и пессимизма, что показало, среди оптимистов, не собираются уезжать 81,5%, а пессимистов – 54,8%. Между тем ситуация в ЧР рассматривается как более благоприятная – ее назвали нормальной в 2009 г. чеченцы – 64%, местные русские – 27%, в 2013 г. – соответственно 72% и 80%².

В 2009 и 2013 г. считали ситуацию напряженной чеченцы – 26% и 17%, русские – 61% и 8%. Таким образом, общая обстановка в республике нормализовалась и не представляет угрозу социальной дестабилизации, но многие еще не находят удовлетворения своих социальных и культурных запросов. Так, с 2010 по 2013 г. произошло снижение мигрантов в пределах региона(68,3%-42,2%) и наоборот возросло убытие в другие регионы РФ(30,9%-57,4%), уменьшилось количество переезжающих в зарубежные страны(0,8%-0,4%). Хотя наблюдатели полагают, что выезжающих за пределы РФ гораздо больше, но сведения о них не получают адекватного отражения в официальной статистике, так как некоторые мигранты не снимаются с учета по месту жительства в ЧР. В 2003 г. при наличии возможности желали бы переехать в Европейские страны чеченцы – 22, % русские – 0,8%.

В 2013 г. из числа опрошенных чеченцев хотели бы выехать в Восточные страны – 13,7%, Европейские – 67,6%, а среди русских – никто. Это объясняется,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2014. Стат. сб. / Росстат. – М., 2014.

² Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона» (2009, 2013), выборка 1000 чел. в г. Грозном.

видимо, тем, что представители русской национальности в ЧР в основном пожилого возраста и их близкие проживают в других регионах РФ. Между тем общероссийские социологические опросы показывают, что большинство испытывающих миграционные настроения желали бы также переехать в Европейские страны.

Если использовать явно завышенные данные, сегодня в странах Европы проживают 200-250 тыс. чеченцев, но скорее всего их в Европе около 150 тыс. Там за 15-20 лет выросло новое поколение в иной социокультурной среде, их этнокультурность формируется в семьях, поддерживается и развивается через деятельность общественных организаций и периодически проводимые культурные мероприятия.

Нарастающая положительная динамика ряда социально-экономических показателей способствовала снижению внешней миграционной активности жителей. Социологический опрос 2009 г. показал также изменение иерархии факторов миграционных настроений. Миграционные намерения чеченцев теперь обусловлены в первую очередь отсутствием работы, желанием улучшить материальное положение, дать детям хорошее образование, «военными действиями», отсутствием безопасности. Русские респонденты указали на отсутствие безопасности, плохие жилищные условия и желание жить среди своих, неверие в нормализацию обстановки, отсутствие работы, военные действия. Как видим, опрошенные чеченцы, русские все еще как бы по инерции воспринимают ситуацию в ЧР через призму военных действий и отсутствие безопас-

ности, хотя эти опасения передвинулись с первого и второго места на четвертое и пятое.

Нужно подчеркнуть, что высокие темпы восстановительных работ в 2006-2009гг. породило у жителей ожидание таких же темпов роста рабочих мест. Однако это не произошло, что повлекло вновь увеличение количества желающих переехать, конечно, на трансформацию соответствующих установок в миграционное поведение влияет не только безработица, но и не устраивающая некоторых социальная среда, распространившиеся поборы, взяточничество, бедность не менее трети населения.

Пример Чечни показывает, что в мотивации миграционного поведения во время конфликта превалирует физическая безопасность, а в постконфликтный период – потребности и ценности социально-экономические, правовые, социально-психологические. Миграция / беженство из региона конфликта имеет высокую интенсивность, этот процесс сопряжен с гуманитарными травмами, может приводить к исходу или полной деформации структуры этнических сообществ. Это требует со стороны институтов управления своевременной адекватной реакции, целенаправленной конкретной работы по правовому, административному и экономическому регулированию миграции, прежде всего, в целях восстановления условий нормального социального существования.

Юсупов М.М.

Украинские беженцы в Пермском крае

Украинский кризис отразился не только на межгосударственных отношениях России и Украины, но и коснулся региональные российские сообщества. Одним из явлений, затронувших регионы России в связи с украинскими кризисом, явилась волна беженцев с юго-востока Украины. Пермский край также оказался одной из территорий, принимавших беженцев.

Первые обращения граждан, прибывших с Украины, на получение россий-

ского гражданства стали поступать в УФМС по Пермскому краю еще в мае 2014 г., когда в отделе управления в Орджоникидзевском районе г. Перми впервые были вручены паспорта гражданам Российской Федерации, постоянно зарегистрированным в Республике Крым¹.

¹ В Перми жители Крыма получили российские паспорта УФМС по Пермскому краю (http://www.permmfms.ru/news/show_299).

В 2014 г. краевое правительство подтвердило, что идет подготовка к приему беженцев с Украины. Первая партия в 150 человек, преимущественно женщин и детей, прибыла в Пермь 19 июня², 28 июня прибыла еще одна группа в 97 человек. Прибывших беженцев временно разместили в Пермском кадетском корпусе Приволжского федерального округа имени Героя России Ф. Кузьмина³.

Для размещения беженцев по указанию губернатора Пермского края В.Ф. Басаргина был создан оперативный штаб, в состав которого вошли представители регионального правительства, Управления МЧС по Пермскому краю, УФМС по Пермскому краю и ряда других ведомств. Кроме того, УФМС по Пермскому краю была открыта круглосуточная горячая линия по вопросам оказания помощи гражданам Украины, прибывающим в Пермский край для временного размещения, а Пермским краевым фондом социальной поддержки населения объявлен сбор вещей и денежных средств⁴.

26 июня УФМС по Пермскому краю проведен специальный брифинг по теме «Миграционные процедуры в отношении граждан, прибывающих в Пермский край с территории Украины». На вопросы средств массовой информации ответили начальник отдела по вопросам трудовой миграции, беженцев, переселенцев и работы с соотечественниками УФМС России по Пермскому краю П.А. Ощепков, начальник отдела оформления разрешений на временное проживание, видов на жительство и приглашений УФМС России по Пермскому краю Н.А. Тимофеева, начальник отдела по вопросам гражданства УФМС России по Пермскому краю М.В. Пустэко. Журналисты задавали вопросы о количестве прибывших в Пермский край граждан с территории Украины, их профессиональный состав, социальный ста-

тус; количество обратившихся в УФМС России по Пермскому краю. Обсуждалась процедура упрощенного порядка приобретения гражданства РФ, предоставление временного убежища гражданам Украины, Госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Поднимались вопросы размещения и трудоустройства граждан Украины⁵.

2 июля пермские СМИ растиражировали заявление заместителя председателя правительства Пермского края Н.Г. Кочуровой о том, что после прибытия первых партий беженцев начинается второй этап работы с семьями, в ходе которого планировалось создать индивидуальный маршрут дальнейшего жизнеустройства людей. По сообщениям СМИ: «Заканчивается первый этап – большая работа психологов, медицинских работников, которая заключалась в том, чтобы снять первый стресс, который испытывают люди. Дальше, на основе индивидуальных консультаций, мы фактически должны сделать самое основное. Для того чтобы не навредить, мы должны грамотно, учитывая потребности каждой семьи, продумать дальнейший маршрут их жизнеустройства. И эта работа, которая будет вестись в ближайшие два месяца, началась. Здесь сейчас и психологи, и социальные работники, и профессиональные консультанты – предложения по трудоустройству уже есть»⁶.

Жители Пермского края принимали активное участие в сборе средств для беженцев. Уже к началу июля Пермский краевой фонд социальной поддержки населения вынужден был приостановить сбор одежды для беженцев, поскольку на то время специалистам фонда уже удалось собрать 8 тонн вещей, чего было достаточно, чтоб обеспечить необходи-

---

² Пермский край примет беженцев с юго-востока Украины Администрация города Перми. (<http://www.gorodperm.ru/news/2014/06/19/26022-id>).

³ Пермский край принял группу из 97 беженцев с юго-востока Украины (<http://www.perm.ru/?id=1000064&show=28303>).

⁴ В УФМС по Пермскому краю организован режим «одного окна» для приема граждан, прибывающих из Украины Администрация города Перми (<http://www.gorodperm.ru/news/2014/06/27/26153-id>).

---

⁵ Брифинг на тему «Миграционные процедуры в отношении граждан, прибывающих в Пермский край с территории Украины» УФМС по Пермскому краю (http://www.permufms.ru/news/show_312).

⁶ Цит. по: В Прикамье у каждой семьи беженцев с Украины будет свой план жизнеустройства Информационное агентство (<http://www.regnum.ru/news/1820878.html>).

мыми вещами всех беженцев⁷. А 30 июля 2014 года в популярной социальной сети «ВКонтакте» была открыта страница «Украинские беженцы в Перми», на которой жители размещали предложения о размещении и трудоустройстве беженцев (страница активна и сегодня)⁸.

В течение июля прибывающие беженцы были размещены в специально создаваемых в муниципалитетах Пермского края пунктах временного размещения (ПВР). 7 августа Полномочный представитель президента в Приволжском федеральном округе М.В. Бабич и губернатор Пермского края В.Ф. Басаргин посетили ПВР на территории микрорайона «Крым» в Перми. На момент визита в там размещалось 116 человек⁹. М.В. Бабич и В.Ф. Басаргин осмотрели пункт, пообщались с проживающими семьями, а по итогам провели совещание по теме размещения граждан Украины в Пермском крае. В совещании приняли участие руководители территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти: прокуратуры, МВД, ФСБ, МЧС, ФМС, а также члены регионального правительства. По оценке М.В. Бабича большая часть вопросов приёма, размещения и дальнейшего сопровождения людей на момент визита были решены¹⁰.

Позже 14 и 18 августа 2014 года в Пермский край прибыли еще две группы беженцев из 201 и 290 человек соответственно. Они были размещены в пунктах временного размещения (ПВР) в г. Оханске, Перми, поселках Крым и Теплая Гора¹¹.

Через 2-3 месяца после прибытия беженцы, нашедшие работу и новое жилье, стали покидать пункты временного размещения. В августе 2014 года пермские СМИ уже сообщали о решении вопросов трудоустройства граждан Украины в Пермском крае. Основными работодателями для беженцев стали ООО «Уралкалий», ООО «Лукойл-Пермь», ООО «УралАгро», ООО «Агрофирма «Труд». В этот период пермские СМИ писали о свыше 500 беженцах, нашедших работу на предприятиях Пермского края: 190 человек – постоянную, 311 – временную. Большая часть беженцев была устроена в Перми на ОАО «Пермский моторный завод», ООО «Лукойл-Пермь», ООО «Первый хлеб» и других предприятиях. При этом еще 790 человек были зарегистрированы в качестве ищущих работу. Таким образом, к 01 ноября 2014 года количество беженцев в пунктах временного размещения Пермского края сократилось до 345 человек¹².

К началу учебного 2014/2015 года власти Пермского края решили вопрос об устройстве детей беженцев в образовательные учреждения Пермского края. А 1 сентября 2014 года пермские СМИ сообщили о 2014 детей и подростков из семей беженцев с юго-востока Украины, которые встретили День знаний в Пермском крае. Наибольшее число беженцев, 33 человека, было направлено в СОШ № 37 (м/р «Гайва»). В день знаний 1 сентября данное заведение посетил руководитель администрации губернатора Пермского края А.В. Фролов. Всего из бюджета края для учащихся из семей беженцев было выделено более 200 тыс. рублей из расчета 2366 рублей на человека¹³. Отраслевые журналы сферы образования публиковали личные истории отдельных учащихся и выпускников из семей беженцев¹⁴.

⁷ В Перми приостановили приём одежды для беженцев с Украины Информационное агентство (<http://www.regnum.ru/news/polit/1825983.html>).

⁸ Украинские беженцы в Перми (<https://vk.com/wall-73876697>).

⁹ Предприятия АПК Пермского края предоставляют места трудоустройства гражданам Украины (<http://www.perm.ru/?id=1000064&show=28662>).

¹⁰ Полномочный представитель президента в Приволжском федеральном округе Михаил Бабич и губернатор Пермского края Виктор Басаргин посетили в среду пункт временного размещения беженцев на территории микрорайона Крым в Перми (<http://www.perm.ru/?id=1000064&show=28554>).

¹¹ Пермский край принял ещё одну группу беженцев из Украины // Коммерсантъ – Прикамье, 2014, 18 авг.

¹² Украинские беженцы покидают пункты временного размещения // В курсе. Пермь, 2014, 28 окт.

¹³ 200 тысяч рублей потратят в Прикамье на школьную форму для украинских детей (<http://perm.mk.ru/articles/2014/09/04/200-tysyach-rublej-potratyat-v-prikame-na-shkolnuyu-formu-dlya-ukrainskikh-detey.html>).

¹⁴ См., например: Земля России, земля пермяков // Среднее профессиональное образование. 2015. №3, с. 15; Убежать от войны // Среднее профессиональное образование. 2015. № 3. С. 16; Брошенный дом

Однако, несмотря на усилия по трудоустройству беженцев, пермские СМИ неоднократно сообщали, что трудоустройство остается одной из существенных проблем. Основная причина – отказ от предложений о работе по причине низкой заработной платы, отсутствия нужных специалистов. В Пермском крае требовались врачи, учителя, животноводы, швеи, строители-монтажники, Востребованными на пермском рынке труда оказались медицинские сестры и водители. В то время как среди вынужденных переселенцев было более всего шахтеров, продавцов, электрогазосварщиков, бухгалтеров, поваров, мастеров отделочных работ и т.д.¹⁵.

В сентябре-декабре 2015 года информационная активность органов власти в отношении проблемы беженцев с Украины снизилась. Отдельные СМИ периодически освещали некоторые аспекты обустройства беженцев¹⁶. В частности, внимание СМИ привлекла ситуация с беженцами, размещенными в п. Теплая Гора. В этом поселке к осени 2014 года было размещено более 200 человек. Некоторые из них были недовольны, что попали в данный ПВР. СМИ писали, что беженцы застряли там «без денег, медикаментов и понятного будущего»¹⁷. Однако официальных комментариев по ситуации в п. Теплая Гора не поступало.

В 2014 году беженцев активно вовлекли в реализацию Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. 27 ноября 2014 года УФМС по Пермскому краю выступило с заявлением, что в Пермском крае 1 августа 2014 года 452 участника (940 вместе с членами семей) программы получили свидетельства. В основном это были граждане Украины, получившие временное убежище в Рос-

сии. В целом, по итогам 2014 года на территории Пермского края было создано 8 ПВР (4 в г. Перми, а также в г. Оханск, с. Барда, п. Теплая Гора, Пермском районе), в которых были размещены 1387 граждан Украины. Самостоятельно, не в составе организованных групп, на территорию края по разным оценкам прибыло свыше 11 тысяч граждан Украины (для сравнения в 2010 г. численность зарегистрированных УФМС граждан Украины составила 3439 человек, в 2013 – 3120 человек), 3340 из них получили временное убежище¹⁸.

В 2015 году сообщения о беженцах с Украины касались в основном проблем обустройства уже прибывших вынужденных переселенцев, сообщений о прибытии новых групп беженцев в 2015 году не поступало.

20 февраля 2015 года в Управлении ФМС России по Пермскому краю в торжественной обстановке были вручены свидетельства первым участникам региональной программы «Оказание содействия добровольному переселению в Пермский край соотечественников, проживающих за рубежом, на 2014–2016 годы». Для получения свидетельств были приглашены трое участников программы и члены их семей, которые прибыли в Пермский край с территории Луганской и Донецкой областей Украины, получили временное убежище на территории РФ. Как сообщалось, паспорта получили семьи Стариковых, Погребняков и Сырченко¹⁹.

Последним резонансным событием, связанным с беженцами, стало сообщение о массовом отравлении выходцев с юго-востока Украины, размещенных в ПВР на базе бывшего санатория-профилактория ОАО «ГалоПолимер-Пермь» (г. Пермь). По состоянию 7 июля 2015 г. заболело 12 человек, в том числе 1 подросток. Все заболевшие были незамедлительно госпитализированы в инфекционные стационары с предварительным диагнозом «острый гастроэнтерит» средней степени тяжести. По предварительной версии, массовое инфицирова-

//Среднее профессиональное образование. 2015. №3, с. 18.

¹⁵ Беженцев не устраивают пермские зарплаты (<http://59.ru/text/news/837853.html>).

¹⁶ «Почему вы нас не забрали?» О беженцах с Украины в Пермском крае //Суть времени. 2014. 27 октября.

¹⁷ Беженцы в шоке от Пермского края: Вы нас сюда привезли похоронить? (<http://properm.ru/news/region/87508/#>).

¹⁸ Подведены итоги деятельности УФМС России по Пермскому краю за 2014 год УФМС по Пермскому краю (http://www.permufms.ru/news/show_372).

¹⁹ В Пермском крае продолжается сбор средств для граждан, прибывающих с территории Украины (<http://www.perm.ru/?id=1000064&show=30030>).

ние произошло после употребления пищи, приготовленной на местном пищеблоке. По факту было проведено несколько проверок. Данный инцидент активно освещался в местных и федеральных СМИ.

Также в 2015 г. продолжали свою работу Пермский краевой фонд социальной поддержки населения, круглосуточная «горячая линия» по вопросам оказания помощи гражданам Украины. 2 июля 2015 года проблематика беженцев вновь актуализировалась в связи с гастролями Донецкого государственного академического театра оперы и балета им. А.Б.Соловьяненко. На билеты не было установлено фиксированной цены, каждый зритель платил посильную для него сумму. Собранные от спектакля средства были направлены на восстановление детского сада в Донецке. Благотворительный концерт посетил губернатор Пермского края В.Ф. Басаргин.

В 2015 г. в Перми по инициативе Пермского краевого фонда социальной поддержки населения вновь была прове-

дена благотворительная акция «Помоги собраться в школу», нацеленная на оказание адресной благотворительной поддержки школьникам из семей граждан Украины, временно проживающим на территории Пермского края, и учащимся образовательных учреждений Донецкой и Луганской народных республик. Акция стартовала 1 июля 2015 года. К концу августа организации и жители Прикамья перечислили в фонд 133,4 млн рублей и собрали 70 наборов для школьников. На 1 сентября 2015 г. в дошкольных образовательных учреждениях пермского края находилось 233 ребенка, граждан Украины. В школы края в этом учебном году пошли 475 школьников. На сегодняшний день в Пермском крае по разным оценкам находится до 10 тыс. выходцев с юго-востока Украины. В Пунктах временного размещения оставались только 9 человек.

Черных А.В., Каменских М.С.

Миграции и межнациональные отношения в Хабаровском крае

По прогнозам, восточное направление государственной политики России станет надежным основанием для решения многих региональных и внешнеполитических задач. Богатая ресурсная база восточных территорий России, при их своевременном и эффективном включении в процесс международного взаимовыгодного сотрудничества, определяет роль нашей страны на многие годы вперед. При этом следует иметь в виду, что Китай, Япония, страны АТР являются крупнейшими внешними источниками потенциального роста для Дальнего Востока и всей России и одновременно фактором ее стратегической уязвимости, если Россия на Дальнем Востоке окажется неспособной выработать адекватную стратегию развития и формирования стабильного демографического потенциала.

Целесообразность формирования стабильного населения в регионе продекларирована в программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018

г.», при обсуждении которой в Якутске в начале апреля 2013 г. Председатель правительства Д. Медведев сказал: «Одна из главных целей государственной программы – сделать Дальний Восток местом, где будут нормальные условия для жизни, для того, чтобы было комфортно жить и престижно работать. Задача это не простая, но она абсолютно решаемая»¹.

Между тем сложившаяся демографическая и миграционная ситуация на Дальнем Востоке, в том числе в Хабаровском крае, повышение значимости качественных аспектов условий жизни в ценностной ориентации людей объективно создают и качественно новые, более сложные условия для привлечения населения в регион и его закрепление. В условиях существующих миграционных рисков представляется необходимым постоянно мониторить этнополитическую составляющую динамики населения Дальневосточного федерального округа.

¹ Сайт правительства РФ (<http://правительство.рф/docs/23680>).

Прошлые модели принятия решений уже вряд ли следует использовать. В советский период интенсивное перераспределение населения в восточные районы страны осуществлялось в условиях сравнительно невысокого уровня жизни населения и наличия трудоизбыточных районов. Решающим мотивом переезда для мигранта была необходимость иметь работу и удовлетворить самые насущные материальные потребности. Особенно быстро росло число жителей региона в периоды 1926 – 1939 гг. и 1940 – 1958 гг., что было обусловлено большим объемом привлеченного населения. Между переписями 1926 – 1939 гг. население России увеличилось на 16,9%, а Дальнего Востока – 89,3%, в 1940 – 1958 гг. соответственно на 8,4% и на 62,4%. Среднегодовой прирост населения в 1926 – 1939 гг. был в регионе 7,4% (в России – 1,4%), в 1940 – 1958 гг. – 3,3% (в России – 0,4%). Период 1959 – 1970 гг. был разномасштабным по участию миграции в воспроизводстве населения в дальневосточном регионе. В 1959 – 1960 гг. тыс. чел. миграция способствовала оттоку населения. Это была первая волна спада темпов прироста населения (1,8% составил среднегодовой прирост населения). Но в последующие годы 1961 – 1965 и 1966 – 1970 гг. участие миграции на Дальнем Востоке оставалось положительным, но уже с меньшими долями в приросте населения. В 1961 – 1965 гг. участие миграции в воспроизводстве населения Дальнего Востока и ее удельный вес в динамике населения достиг 30,3%. Среднегодовой прирост населения в регионе составил 2,2%, превысив в два раза аналогичный показатель по России. В период 1966 – 1970 гг., произошла вторая волна спада темпов прироста населения. Среднегодовой прирост при положительном участии миграции составил 1,5%. В 1971 – 1975 гг. население Дальнего Востока увеличилось более высокими темпами, нежели в предыдущий пятилетний период - 9,9% (3,1% по Российской Федерации), в среднем за год, соответственно 1,9% и 0,6%. Такая динамика была обусловлена достаточно высоким уровнем естественного движения населения и участием миграции (38,3% в приросте населения). В 1976 – 1980 гг.) наметилась третья волна спада темпов прироста насе-

ления в регионе – 8,5% (3,5% по России), среднегодовой темп прироста опустился до 1,7%. Тем не менее, доля миграции в приросте населения достигла 37,1%. Намечавшееся снижение темпов прироста населения продолжилось в 1981 – 1985 гг., но оставалось пока мало заметным. Прирост населения составил в этот период 8,0% (в России – 3,5%), в том числе среднегодовой – 1,6% (в России – 0,7%). На миграцию в общем приросте населения пришлось 36,8%².

Но уже в 1986 – 1990 гг. среднегодовые темпы прироста населения на Дальнем Востоке снизились до 1,2% (в России сохранились на уровне 0,7%). Удельный вес миграции в этот период составил всего 17,2%. В последние годы этого периода (1989 – 1990 гг.) миграция «унесла» за пределы Дальнего Востока 11,3 тыс. чел. местного населения³. Но, тем не менее, в 1990 г., пусть незначительные, но были положительными темпы прироста населения (0,6%) и вдвое превышали среднероссийские показатели (0,3%)⁴. В 1991 г. на Дальнем Востоке была зарегистрирована максимальная численность населения – 8056,6 тыс. чел. В этом году величина миграционного оттока населения за пределы региона составила 66,1 тыс. чел., превысив естественный прирост (42,1 тыс. чел.), что явилось началом стабильного процесса уменьшения численности населения в регионе преимущественно за счет миграции.

К началу 2015 г. в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) зарегистрировано 6211,4 тыс. чел. После переписи населения – 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах⁵.

² Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР. М., 1990, сс. С. 9,10

³ Мотрич Е.Л. Социальные проблемы переходного периода // Экономика Дальнего Востока: переходный период (Гл. 7). Под ред. П.А. Минакира и Н.Н. Михеевой. – Хабаровск – Владивосток. «Дальнаука», 1995, сс. 121, 122..

⁴ Рассчитано по сб. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М.: Госкомстат России, 1992, сс. 10,12.

⁵ Население России 2010-2011: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. Ред. А.Г. Вишневский; Нац. Исслед. Ун-т

Доля в населении России с 5,4% в 2002 г. снизилась до 4,2% на 01.01.2015 г. Уменьшение числа жителей в ДФО за 1991-2014 гг. составило 22,9% - 1845,2 тыс. чел., то есть потерян практически более, чем каждый пятый житель.

В сокращении населения Дальнего Востока превалирующую роль сыграл миграционный отток, динамика которого выглядит следующим образом: в 1991 - 1995 г. выбыло за пределы Дальнего Востока 711,3 тыс. чел., 1996 - 2000 гг. - 161,3 тыс. чел., 2001 - 2005 гг. - 447,2 тыс. чел., 2006 - 2010 гг. - 226,2 тыс. чел., 2011 - 2013 гг. - 70,7 тыс. чел. Стоит обратить внимание на тренд миграционных потоков по прибытию и выбытию.

Ныне в миграционном обмене населением с регионами России Дальний Восток остается во все увеличивающемся проигрыше. В 2002 г. выбывших было больше числа прибывших на 56,5%, в 2010 г. - на 89,5%, в 2013 г. в 1,5 раза. Наиболее предпочтительным для выезжающих из ДФО центром притяжения в России является ЦФО, С-ЗФО и ЮФО. В обмене населением в целом с субъектами Российской Федерации результативность миграции для Дальнего Востока довольно низкая: два и более человек выбывает на одного прибывшего. В 2002 г. на 100 человек выбывших прибывало в регион 64 человека, в 2013 г. - 56 человек. а с ЦФО этот показатель составил 43 чел., с С-ЗФО - 36 чел. и ЮФО - 37 чел.

Отток населения сказывается на обеспечении рабочей силой и вызывает необходимость замещения ее привлеченными трудовыми ресурсами. Необходимая рабочая сила направляется сюда из стран СНГ и дальнего зарубежья, где определенную «нишу» занимают граждане Китая.

Самая высокая результативность миграционных связей со странами СНГ у региона с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Соотношение прибывших из них к выбывшим обратном направлении составляет 10:1. Их численность за межпереписной период 2002 - 2010 гг. значительно увеличилась. Таджикив стало

больше в 2,3 раза, узбеков - 3,4 раза, киргизов - в 3,8 раза.

Таким образом, миграция становится все более инокультурной. Той «славянской» миграции, которую имел регион, уже нет и, видимо, не будет (?). Поэтому не случайно у местного населения формируется своеобразное отношение к новым мигрантам другой культуры - это выявил опрос населения в г. Хабаровске, проведенный нами по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга. Приводим здесь краткую сводку результатов.

Среди участвующих в опросе респондентов 61% оказались рожденными в данном регионе. Однако по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. рожденных в Хабаровском крае меньше: среди мужчин в трудоспособном и старше трудоспособного возрастов, проживающих в крае с рождения, 35,5%, женщин этих возрастных групп - 37,4%⁶. Тем не менее, длительность проживания в регионе (Хабаровском крае) у 86,6% включенных в опрос участников, составляет свыше 10 лет, что соответствует отнесению их к числу постоянного населения.

В повседневной жизни (на работе, на учебе и т.д.) подавляющая часть респондентов (77,0%) хотела бы, чтобы их воспринимали не по этнической принадлежности, а как граждан страны, в том числе среди мужчин-респондентов таких оказалось 87,4%, среди женщин - 88,8%. Представляется, что в этом есть определенные предпосылки консолидации гражданской нации, чувства гордости за свою страну. Респондентов которые хотели бы чтобы их воспринимали как представителей этнической группы - только 6%. При этом этническую принадлежность никто из опрошенных «скрывать» не собирается - 93% респондентов указали свою национальность, и только 6% отказались дать ответ. Здесь стоит заметить, что 97,9% всех респондентов указали принадлежность только к одной национальности, а 2% сказали, что имеют отношение к двум национальностям.

«Высшая школа экономики» - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013, с. С. 28

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики - М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. т 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства, сс. 387, 388.

В ответах об использовании языка – практически абсолютное преимущество прослеживается в употреблении русского языка – 93,5% и считают родным языком только русский. Но важно обратить внимание на то, чтобы у части респондента было знание русского языка, а не восприятие его в качестве родного языка. Среди респондентов встречались пользующиеся языком соседнего государства – Китая.

Опрос, призванный выявить ориентацию жителей относительно миграции показал, что можно выделить три группы населения: 1 - стабильную группу, в которую входят довольные условиями труда и жизни в местах современного проживания и ориентированы на жизнь в сегодняшнем месте жительства; во 2-ю группу входят неудовлетворенные конкретными условиями жизни в месте проживания и намеревающихся покинуть его (потенциальные мигранты); 3-ю группу составляют не имеющие четкой ориентации о будущем месте проживания, а потому отвечают либо «нет», либо воздерживаются от ответа на вопросы о желании уехать в другой регион России. Исследование показало, что двое из пяти респондентов (39,5%) хотели бы уехать за пределы Дальневосточного региона и 68,5% из них указали районы предполагаемые вселения. Предпочтительными районами, притягивающими местное население, являются районы Европейской части страны - Центральный (Москва и Московская область), Северо-Западный (Санкт-Петербург) и Южный (в нем Краснодарский край) федеральный округа. Эти высказанные намерения четко коррелируют со статистическими данными тренда миграционных потоков. На названные округа были ориентированы в 2011 г. 44%, в 2013 г. - 47% намеревающихся покинуть Дальний Восток. Приведенные данные свидетельствуют о все нарастающей силе притяжения этих регионов. На примере Хабаровского края можно показать, что в последние три года (2011 – 2013 гг.) произошло заметное увеличение (в 42,5 раза) отрицательного сальдо миграционных связей с Центральным федеральным округом – на 25,3%, Северо-Западным федеральным округом – на 78,5%, Южным федеральным округом

– на 85,6%⁷. Причина этому - утрата сравнительных преимуществ в области доходов, удаленность от центральных районов страны, ухудшение экологической ситуации, то есть с точки зрения реальных условий жизни, субъекты ДФО являются неконкурентноспособными по отношению к западным и южным районам страны. Высказавшие желание покинуть Хабаровский край практически не называли местом предполагаемого вселения субъекты Дальнего Востока.

Из сказанного можно сделать вывод: люди устремляются в те районы, где лучше состояние экономики, есть возможность заработать, существуют перспективы развития, образования для детей (уместно здесь вспомнить слова французских философов, утверждавших: «интересы правят миром»).

Практика показывает, что любые проблемы и их решение корректируются в зависимости от возраста и образования. По наблюдениям анкетеров, желание покинуть свой регион больше просматривается у молодых людей и у лиц, имеющих высшее образование. Допустимо предположить, что в перспективе вполне может оказаться реальным процесс дальнейшего увеличения отрицательного миграционного партнерства с регионами России. Поэтому внешняя миграция (международная) для Хабаровского выступает важным элементом демографического и экономического развития.

В 2013 г. из общего потока международных мигрантов, прибывших в Хабаровский край, удельный вес представителей стран СНГ повысился до 52,7%, выбывших – понизился до 33,5% и при общем отрицательном сальдо международной миграции страны СНГ дали краю миграционный прирост 1040 чел.⁸. Исследование показало, что местное население не так уж часто общается с трудовыми мигрантами. 51,0% респондентов встречается с ними очень редко, 12,5% респондентов утверждают, что они вообще никогда не общаются с ними. С одной стороны

⁷ Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. Трансформация миграционных процессов в Хабаровском крае / Вопросы статистики, 2015, № 1.

⁸ Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. Трансформация миграционных процессов в Хабаровском крае / Вопросы статистики, 2015. № 1.

такие ответы понятны, поскольку трудовые мигранты, как правило, живут в отдельных общежитиях, их утром целенаправленно доставляют на работу, а вечером также специальным транспортом доставляют к месту проживания. Правда, представляется, что среди ответивших «никогда» есть некоторая доля лукавства, просто мы привыкли их видеть в городе, на рынках и даже не задумываемся, что они пришлые. Поэтому более объективные ответы указавших, что они общаются с ними каждую неделю (12,5% ответивших) и каждый месяц (4,0% из числа всех ответивших). Затруднения с ответом по поводу общения с трудовыми мигрантами оказалось у 2,0% респондентов. Это, пожалуй, тот случай, когда просто не задумываемся, что рядом находится человек другой национальности. Поэтому не кажется удивительным, что местному населению не приходится испытывать негативного отношения к себе со стороны мигрантов ни из-за языка, ни из-за национальности, ни религии. Поэтому 72,2% от общего числа респондентов ответили, что у них не было никакого негативного отношения. Следовательно *в крае соблюдается позитивный баланс межнациональных отношений, сущностными чертами которого является мирное сосуществование многих народов как бы в обруче единого региона. Совокупность позитивных ответов можно интерпретировать как высокую степень толерантности.* Правда, среди респондентов, все-таки оказалось по 3,8% тех, кто испытывал к себе негативное отношение из-за языка (7,1% - мужчины и 0,9% - женщины), 5,7% из-за национальности (8,1% - мужчины и 3,6% - женщины) и 1,4% из-за религии (2,0% - мужчины и 0,9% - женщины).

Результаты исследования показали, что определенная часть респондентов (38%) не согласна со сложившимся и распространенным мнением о том, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местное население. Согласных с таким пониманием 31%. У значительной части респондентов (32%) вопрос о повышенной преступности мигрантов вызвал затруднения с ответом. Можно вполне с ними согласиться, поскольку в СМИ такой информации практи-

чески не бывает, а негативных эмоций большинство респондентов не выказывало, если речь заходила о мигрантах. Мнение анкетеров по этим вопросам, сложившееся на базе общения с участниками опроса: национальность не влияет на совершение преступлений. Встречаются плохие люди, склонные к преступлениям везде, а, может быть, есть такие и в нашем регионе, в т.ч. в Хабаровске.

Достаточно высока толерантность населения в регионе, а потому пикеты против иностранных трудовых мигрантов не наблюдались в Хабаровском крае, а если бы такая ситуация и возникла, то практически большинство респондентов - 59%, не имея никакой враждебности к иностранцам, не поддержали бы эти массовые акции. Между тем, часть респондентов (11%), по их заверениям, готова на поддержку пикетов, но при условии, если все происходило бы в рамках закона.

Что касается вопроса об оказании юридической помощи трудовым мигрантам, то 38,5% участвующих в опросе считают, что, если иностранные мигранты нуждаются в юридической помощи, лечении, информации для поиска работы, в повышении профессиональной квалификации, то им нужно оказывать такую поддержку. Так считает 38,5% респондентов. Но при этом 23,5% респондентов считают, что поддержку необходимо оказывать только тем, кто намерен остаться жить в России и при этом и при этом оплачивать за эти услуги мигранты должны платить сами.

Самый актуальный вопрос в миграционных процессах – это требование знания языка, истории и культуры страны приема, что позволит им легче адаптироваться в принимающем сообществе. Так считает 42,0% участников опроса. Но, по мнению респондентов, обучение должно быть платным и платить должны сами мигранты. Этому мнению придерживаются 29,5% респондентов. Некоторые респонденты – 6,0% уверены, что необходимости в обучении мигрантов языку страны приема нет. Похожая закономерность наблюдается в ответах о необходимости обучения детей мигрантов русскому языку. Если же говорить в целом о знании языка, то вполне понятно, что чем выше это знание, тем выше возможности для

интеграции в общество страны проживания. Но, вместе с тем, есть мнение, что язык – не главное в процессе адаптации и интеграции, главное – желание интегрироваться. Преимущественно это относится к сфере культуры и искусства⁹.

По отношению к представителям разных государств экспертное сообщество оказалось разрозненным и единого отношения (понимания) не наблюдается, хотя как уже отмечалось, хабаровчане в целом толерантны. Складывающийся в сознании россиян (в данном случае респондентов, участников опроса) образ отдельных стран достаточно динамичен.

За ограничение приезда в Россию мигрантов из Китая высказалось 50,5% респондентов, 20,0% посчитали, что их приезд не стоит ограничивать, а у 29,5% отреагировавших на этот вопрос, мнение не устоялось, и они затруднились с ответом. Быть может, такое соотношение ответов характерно только дальневосточным регионам, поскольку в сознании населения довлеет понимание демографического дисбаланса между нашими странами и прагматизма китайцев относительно российской территории, в частности, Дальнего Востока. Достаточно сказать: в России плотность населения – всего 8,7 чел. на 1 кв км, что в 6 раз меньше мировой (52 чел на кв км), а в Хабаровском крае – всего 1,7 чел на кв км. В соседних же к Хабаровскому краю провинциях Китая плотность населения приближается к 150 чел. на кв км. Между тем, обеспокоенность россиян в настоящее время – явление переходящее. Опрос фонда «Общественное мнение» показал, что большинство россиян (54,0%) уверены, что усиление Китая не угрожает России и только 23,0% придерживаются противоположного мнения. Более того, 78,0% считают, что Китай – дружественное нам государство.

Высокие показатели по ограничению приезда из бывших среднеазиатских республик и государств Закавказья: относительно Азербайджана - 56% против приезда из этой страны, близки к этим пока-

зателям мнения относительно Киргизии - 55%, Таджикистана - 54%, Грузии - 53%, Узбекистана - 46%. Гостеприимно встретили бы представителей Белоруссии, Украины, Казахстана. К этим странам стабильно позитивное отношение. И все же нужно отметить, что буквально относительно всех стран более пятой части респондентов не высказали определенного мнения и затруднились с ответом, что связано, видимо, с тем, что в массовом сознании практически утрачены надежды на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество.

Возможно, что мнение об ограничении приезда из других государств, связано с представлением о том, что иностранные трудовые мигранты отнимают рабочие места у местного населения. Эту уверенность высказали 34,5% респондентов. Но заметим, что сейчас, к примеру, в г. Хабаровске в банке вакансий «Центра занятости Хабаровска» числится 7996 мест, в том числе по рабочим профессиям - 6103. Таким образом, можно утверждать, что региональный рынок труда нуждается в привлечении рабочей силы из вне, в том числе из-за рубежа.

Показательны ответы респондентов относительно занятости трудовых мигрантов в отдельных отраслях. Преобладающее число ответов с отрицательным отношением к тому, чтобы иностранных трудовых мигрантов активно нанимали для работы младшим медицинским персоналом в поликлиниках и больницах - 56,5%. Более категорично высказались респонденты (66,5% ответивших) относительно занятости трудовых мигрантов в качестве охранников школ, детских садов. Совершенно иной взгляд на занятость иностранных мигрантов в сфере жилищного хозяйства на малоквалифицированных рабочих местах. Спокойно к этому относятся 45,5% участников опроса. Правда, почти четверть респондентов (24%) относятся к этой сфере занятости иностранных трудовых мигрантов отрицательно.

Проведенный анализ формирования демографического потенциала Дальнего Востока за счет миграции позволяет сделать вывод, что на наших российских дальневосточных рубежах довольно напряженная ситуация с формированием

⁹ Гаврилок К., Козиевская Е., Толмая А., Яценко Е. Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза // Политический журнал. № 11 (188) 14 октября 2008 г.

населения. Если тенденции, сложившиеся в миграционных процессах, сохранятся, то в условиях даже складывающегося в последние годы положительного естественного воспроизводства населения, регион все же не сможет восполнить необходимый уровень трудового потенциала и создания здесь более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры. Последствия могут оказаться необратимыми и негативно повлиять на возрождение экономики. Численность населения в ДФО к 2030 г. может составить 5,9 млн. чел., а это уровень 1970 г. Подобная демографическая динамика пагубна не только для Дальнего Востока, но и для России в целом. Несмотря на отмеченную

респондентами в ходе экспертного опроса необходимость ограничения присутствия представителей отдельных государств, в Хабаровском крае, преобладают позитивные оценки межнациональных отношений. Совокупность позитивных ответов можно интерпретировать как высокую степень толерантности местных жителей, и это следует рассматривать как основу социально-экономической политики в регионе.

Мотрич Е.Л.

*докт. экон. наук, гл. научный сотрудник
сектора проблем социального развития
Института экономических исследований
Дальневосточного отделения РАН*

Белорусские СМИ о переселенцах из Средней Азии: отражение опыта социальной адаптации и формирование стереотипов

В последние годы в Республике Беларусь средства массовой информации (СМИ) проявляют устойчивый интерес к проблеме адаптации мигрантов. Среди мигрантов, избравших Беларусь в качестве постоянного места жительства, трудовых и получающих здесь высшее образование (студентов) заметна доля выходцев из среднеазиатского региона, резко контрастирующего с европейским государством по целому ряду параметров – государственное устройство и законы, культурные традиции, этнический и религиозный состав населения, языки, хозяйственно-экономическая деятельность, природно-климатические условия. С учетом того обстоятельства, что часть белорусского общества выражает обеспокоенность по этому поводу, опубликование газетных статей, появление их в интернете, подготовка и выдача в эфир телевизионных репортажей, в которых освещаются примеры адаптации переселенцев из Средней Азии – все это можно рассматривать как вклад СМИ в поддержание социального консенсуса по вопросу привлечения мигрантов в республику, как формирование межкультурного диалога местных жителей и приезжих.

Внимание, уделяемое белорусскими СМИ проживающим в республике каза-

хам, во многом объясняется тем, что Беларусь и Казахстан активно сотрудничают в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве, совместно с Российской Федерацией стремятся расширять и укреплять в первую очередь экономические и военно-политические связи. Наряду с информационными сообщениями о масштабных двусторонних проектах, реализуемых этими государствами, СМИ фиксируют, как живет казахам на белорусской земле. Эта тема поднимается не только в газетных, но и телевизионных репортажах. В частности, несколько сюжетов о переселенцах из Казахстана сняли журналисты национального телеканала «СТВ» («Столичное телевидение»).

Одними из главных героев репортажа (2013 г.) является семья Щелкун, переселившаяся из Казахстана в белорусскую столицу. Интересно, что супружеская пара Щелкун этнически негомогенна: Роза – казашка, а её муж Ромуальд – белорус, который, однако, с детства проживал в Казахстане, куда родители уехали осваивать целинные земли. Очевидно, что в данном случае речь идет не только об иммиграции, но и репатриации. Дети семейной пары белоруса и казашки программу общеобразовательной школы ос-

ваивали уже в Беларуси. Проблем с адаптацией в новой социальной среде, по словам переселенцев, не возникло. Более того, как отметила Роза Щелкун, Беларусь отличается высокими стандартами социального обслуживания населения, в том числе в плане оказания медицинских услуг: «Ни одного дня не была разочарована, что сюда переехала. Мы бесплатно сделали пересадку (имеется в виду операция по пересадке почки, сделанная Ромуальду белорусскими медиками – В.Ш.)... И какое счастье, что муж сейчас обрел нормальное качество жизни»¹.

В этом же репортаже рассказывают о себе временные мигранты – молодые казахи, получающие в Беларуси высшее образование. Так, последние несколько лет на военном факультете Белорусского государственного университета (БГУ) обучаются курсанты из Казахстана. Успешной адаптации казахских курсантов к реалиям проживания в Беларуси способствуют следующие факторы. Во-первых, белорусское образование считается престижным в среднеазиатской республике. Учитывается также, что в БГУ – первом среди университетов в рейтинге белорусских ВУЗов – курсанты имеют возможность получить сразу два образования – военное и гражданское. Тем, кто желает учиться в Беларуси, прежде необходимо сдать экзамены в Казахстане, и конкурс достаточно высокий – 7-8 человек на место. Это говорит о том, что в страну приезжают лучшие представители казахской молодежи, мотивированные на учебу, готовые к преодолению неизбежных при попадании в новую среду трудностей. Во-вторых, казахи никоим образом не изолированы от курсантов-белорусов, общаются, дружат с ними. Проживание в общежитии также способствует установлению контактов, укреплению чувства товарищества. И те, и другие получают представление о двух дружественных государствах, живущих в них народах, их традициях и современной культуре.

---

¹ Казахи в Беларуси: почему едут сюда работать и учиться, считают своей второй родиной и какие блюда предпочитают //СТВ. Столичное телевидение. Архив программы. – 2013 (<http://www.ctv.by/kazahi-v-belarusi-pochemu-edut-syuda-rabotat-i-uchitsya-schitayut-svoey-vtoroy-rodinoy-i-kakie>).

Можно констатировать, что некоторые белорусы благодаря завязавшимся дружеским отношениям с учебными мигрантами смогли открыть для себя Казахстан. Так, по словам курсанта Жаксылыка Бактыгереева, который со своей будущей супругой (россиянкой, поступившей, как и он, в БГУ) познакомился именно в Беларуси, на свадьбу в Казахстан приехали приглашенные гости – белорусские однокурсники².

Качественное образование в Беларуси получают не только будущие офицеры. Приведем прозвучавшее в репортаже канала «СТВ» (2011 г.) высказывание студента БГУ Бахтияра Ибрагимова, приехавшего в Минск из Астаны: «Белорусские программисты славятся во всем мире, и я решил поступить сюда. Люди хорошие, менталитет схож с нашим. Адаптироваться не составило труда»³.

В эфире канала «СТВ» также транслировались телепередачи о проживающих в Беларуси туркменах. К примеру, был подготовлен репортаж (от 27 октября 2013 г.) «Туркмены в Беларуси. Почему называют Синеокою вторым домом и как готовятся ко Дню Независимости». Как и в случае с Казахстаном, выбор темы информационного продукта объясняется и активным развитием двусторонних отношений, сотрудничества восточноевропейской и среднеазиатской республик в сфере экономики, и заинтересованностью Туркменистана в подготовке специалистов на базе белорусских ВУЗов, что привело к включению в студенческое сообщество в Беларусь молодых туркмен. Причем обучение туркменские студенты проходят по самым различным специальностям.

Как показано в репортаже, студенты из Туркменистана живут в том же общежитии, что и белорусы. Межличностные связи выстраиваются не только посредством простого общения, но и благодаря спортивным занятиям. Например, у студентов популярен настольный теннис, и, скажем, в БГУ мини-соревнования по этому виду спорта с участием белорусов и туркмен проводятся постоянно. Серьез-

---

² Там же.

³ Как живут казахи в Беларуси //Информационный портал VPN.BY. – 2011 (<http://news.vpn.by/belarus/social/Kak-zhivut-kazahi-v-Belarusi.html>).

ных проблем с адаптацией в Беларуси, как отмечают студенты-туркмены, у них не возникает. Так, Мурат Аганазаров, магистрант БГУ, родом из Ашхабада, за почти шестилетний период проживания в столице Беларуси вполне здесь освоился: «Сейчас продолжаю учебу в магистратуре на филологическом факультете Белорусского государственного университета. За это время я нашел очень много друзей... Обстановка очень доброжелательная, мы себя чувствуем, как дома»⁴.

Однако, и в условиях проживания в иноэтничной среде туркмены придерживаются норм этикета, сохраняют этнокультурные особенности. О необходимости соблюдать этнические традиции и вне родины указала студентка БГУ Дженнет Ачилова: «У нас в Туркменистане длинные платья в пол считаются национальными. Всегда должны быть плечи прикрыты. Мы и в общежитии ходим в таких платьях. Удобно, практично. Все закрыто, скромно, по-нашему, по-туркменски»⁵. Для туркменских студентов важным является поддержание земляческих связей. Естественно, что те, кто имеет больший опыт проживания в Беларуси, помогают адаптироваться в белорусском обществе новичкам. Но вместе с тем землячество содействует сохранению у временных мигрантов чувства идентичности, чтобы юноши и девушки вдали от дома, родных мест не переставали ощущать себя туркменами. В этом контексте особое значение приобретает практикуемое туркменским студенческим землячеством совместное отмечание праздников, в том числе и государственных. К примеру, обязательно отмечают День Независимости Туркменистана (27 октября).

В рассматриваемой нами передаче показано, что в Беларуси проживают выходцы из Туркмении, имеющие здесь значимый социальный статус, такие как И.В. Вельджанов. В Беларусь он, будучи офицером высокого ранга, прибыл для прохождения дальнейшей службы еще в совет-

ский период. После развала СССР уволился из армии и перешел на дипломатическую работу. Длительное время, с 1994 по 2007 гг. Илья Вельджанов возглавлял посольство Туркменистана в Республике Беларусь. В числе многочисленных наград И.В. Вельджанова (одних орденов свыше десятка) есть и белорусская – орден Дружбы народов, который в 2006 г. ему вручил глава государства А.Г. Лукашенко, отметив заслуги дипломата в установлении и развитии связей между двумя странами. В частности, послом были предприняты энергичные меры по открытию канала поставки в Туркменистан белорусской сельхозтехники. Выйдя в отставку, Илья Вельджанович не перестает быть заметной персоной. И Беларусь, и Туркменистаном востребованы его авторитет, опыт, связи в политических кругах и бизнес-элите. Поэтому неудивительно, что в системе двусторонних отношений белорусского и туркменского государств И.В. Вельджанов продолжил выполнять функцию одного из ключевых посредников. К примеру, благодаря его инициативе в 2011 г. открылся «Туркмено-Белорусский Торговый Дом» с филиалами в Минске и Ашхабаде⁶. К высокому социальному статусу И.В. Вельджанова, помимо прежней его принадлежности к высшему командному составу Вооруженных Сил СССР и дипкорпусу, следует отнести и то, что он является почетным академиком, профессором. Если прибавить к этому, что проводимая в советской армии идеологическая работа способствовала формированию духа интернационализма и нивелированию чувства национального, а также выбор супруги (она по национальности русская) не из туркменских женщин, становится ясным, что адаптироваться И.В. Вельджанову к жизни в Беларуси было несложно.

Выходцам из среднеазиатских республик в последние годы начинают уделять все большее внимание и печатные СМИ Беларуси. Причем это характерно не только крупных, но также и областных и районных газет. Следует учитывать тот факт, что мигранты, наряду со столицей и областными центрами, селятся и в глубинке, где менее широк спектр вариантов

⁴ Туркмены в Беларуси. Почему называют Синею вторую домом и как готовятся ко Дню Независимости // СТВ. Столичное телевидение. Архив программы. – 2013 (<http://www.ctv.by/turkmeny-v-belarusi-pochemu-dlya-nih-nasha-strana-stala-vtorym-domom-i-kak-oni-gotovyatsya-k-dnyu>).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

трудоустройства, но зачастую проще решить жилищный вопрос. Рассмотрим примеры публикаций на эту тему.

В материале «Шелковый путь в Синеокою», опубликованном в столичной газете «Минский курьер» (2013 г.), сообщается, что туркмен Чарыяр Керекулиев, уроженец г. Красноводска (ныне Туркменбаши), приехал в Минск в 1980-м г. Начало его трудового пути здесь связано с работой на заводах: сперва на подшипниковом, а затем на моторном. В выходные дни подрабатывал грузчиком в магазине. С распадом советского государства Ч. Керекулиеву пришлось сменить сферу деятельности, впрочем, как и многим жителям Беларуси. Занялся торговлей, и со временем, приобретая определенный капитал и опыт, стал успешным бизнесменом. В настоящее время он имеет собственное предприятие по производству металлоконструкций. Фактически, мы видим, что переселенец в переломные для страны и белорусского общества годы сумел организовать свое дело и честным трудом обеспечить себе достойный уровень жизни, более высокий в сравнении с бюджетом средней семьи в Беларуси⁷. Однако для Керекулиева достижение материального благосостояния не является единственной целью в жизни. Для него важно быть социально активным, помнить о своих корнях, этнической родине, традициях, в соответствии с которыми его воспитали. По этой причине значительную часть личного времени он отдает общественной деятельности, которая связывает переселенца и с родным Туркменистаном, и с соотечественниками, также проживающими в Беларуси. Несколько лет назад Керекулиев создал и возглавил местный культурно-просветительский фонд «Бахар». Показательно, что его опыт бизнес-управленца позволяет уже как руководителю этнокультурного объединения видеть практическую целесообразность общественной работы, включать в перечень решаемых задач содействие развитию белорусско-туркменских экономических связей. Зачем нужен такой фонд, какую пользу он может принести, сам Керекули-

ев разъясняет в интервью: «В переводе с туркменского «бахар» значит «весна». Фонд объединяет земляков, которые живут в Беларуси, содействует развитию культурных и деловых связей между двумя странами. В наших планах – проведение совместных бизнес-форумов, промышленных выставок, открытие курсов по изучению туркменского языка»⁸. Можно указать, что Ч. Керекулиев пользуется авторитетом и на родине, и в Беларуси. Он является членом созданной главой Туркменистана ассоциации «Туркмены мира», а в Беларуси входит в состав Консультативного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей⁹. Таким образом, очевидно, что переселенец-туркмен за долгие годы проживания в БССР, а затем в Республике Беларусь, не просто адаптировался, но благодаря успехам в трудовой деятельности, активной гражданской позиции приобрел высокий социальный статус.

Примеры успешной адаптации в белорусском обществе выходцев из Таджикистана привел в интервью корреспонденту газеты «Рэспубліка» посол этого среднеазиатского государства в Беларуси Козидавлат Коимдодов. Он рассказал, что таджики гордятся тем, что известная в Беларуси актриса и режиссер Маргарита Касымова (родилась 10 апреля 1938 г. в г. Сталинабаде, как называлась столица Таджикистана Душанбе в 1929-61 гг.) является заслуженным деятелем искусств Таджикской ССР. Долгие годы творческой жизни М.Н. Касымовой связаны с киностудией «Таджикфильм», где она начала работать в далеком уже 1957 г. Маргарита Касымова многое сделала для развития таджикского кинематографа, но в 1993 г. она была вынуждена перебраться из Таджикистана в Беларусь, поскольку на её родине шла гражданская война. На белорусской земле ей, опытному профессионалу, предоставили возможность заниматься любимым делом. На базе киностудии «Беларусьфильм» режиссером М.Н. Касымовой снято около 30 фильмов. Широкою известностью получили такие ее киноработы как «Сын за отца» (совместно с Н.Н. Еременко), «Зорка Венера», «Ма-

⁷ Загорская, А. Шелковый путь в Синеокою //Минский курьер. – 2013. – 12 июля (<http://mk.by/2013/07/12/85714>).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ленький боец» и др. Многие из фильмов Касымовой высоко оценены не только рядовым зрителем, но получили признание, т.е. отмечены наградами и призами, на престижных международных и национальных кинофорумах. Востребованы её опыт и знания и в системе высшего образования. Профессор Касымова в настоящее время занимается преподавательской деятельностью в Белорусском государственном университете культуры и искусств и Белорусской государственной академии искусств¹⁰.

По словам К. Коимдодова, именно в Минске он познакомился еще с одним известным и уважаемым земляком. Мустафо Мухамедович Асимов – доктор физико-математических наук в области лазерной физики и спектроскопии. Считается крупнейшим специалистом по применению лазеров в медицинских целях, руководит исследованиями по биофотонике. Им опубликовано более 200 научных работ. Ему принадлежит авторство нескольких десятков изобретений и патентов. Знают Асимова как исследователя истории науки и изобретательства и в Центральной Азии, и на Ближнем Востоке¹¹.

Вызывает интерес характеристика уровня интегрированности таджикских мигрантов в Беларуси, данная послом. Как отметил К. Коимдодов, «Многие из них (приехавших таджиков – В.Ш.) эмигрировали сюда в 90-е годы прошлого столетия в силу различных бытовых и социально-экономических причин. Основная их часть занимается предпринимательством, работают в сфере торговли, некоторые — в структурах государственной службы... Можно сказать, что таджикская диаспора интегрирована в белорусское общество. Выходцы из нашей республики, являясь гражданами Беларуси, наравне с представителями титульной нации и другими этносами страны наделены всеми фундаментальными правами»¹².

В Беларуси в районных газетах публикуются статьи, в которых положительно характеризуются переселенцы из среднеазиатского региона, акцентируется внима-

ние на таких их качествах как дружелюбие, честность, трудолюбие, верность семейным традициям и др. Так, в периодическом издании «Сцяг перамогі» (2013 г.) вышла статья об узбекской семье Ёкубовых, переехавшей на постоянное место жительства в Беларусь (Лиозненский район Витебской области) из таджикского поселка Куркат в 2002 г. Помимо прочего М.Р. Ёкубова сообщила корреспонденту Т. Игнатенко, как её семье удалось обосноваться в Беларуси: «Начинали обживать здесь с нуля. Поселились сначала в небольшом домике в деревне Луги, завели хозяйство. Затем муж уехал на заработки в Россию. Когда старший сын получил водительские права, поработал автослесарем, стал ездить в Россию вместе с отцом. Благодаря их трудолюбию и старанию смогли построить хороший дом в Лиозно и помочь младшим сыновьям получить высшее образование»¹³. Статьи, посвященные мигрантам из Узбекистана и написанные в доброжелательном тоне, были напечатаны в районных изданиях «Родная ніва»¹⁴ (распространяется на территории Климовичского района Могилевской области), «Асіповіцкі край»¹⁵ (Осиповичского района Могилевской области).

Таким образом, в последние годы печатные и электронные СМИ в Республике Беларусь активно освещают тему социальной адаптации мигрантов (добровольных, вынужденных, временных) из среднеазиатских стран. Часть этих публикаций посвящена мигрантам, кто в Беларуси имеет высокий социальный статус, пользуется авторитетом в принимающем обществе, оказывает содействие в установлении связей между странами, вносит вклад в формирование межкультурного диалога. Освещая примеры успешной

¹⁰ Шиманский, М. Вместе – в новый день...

//Рэспубліка. – 2013. – 16 апреля

(<http://www.respublika.info/5731/contacts/article61303>).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Игнатенко, Т. Для узбекской семьи Ёкубовых Лионенщина стала второй родиной //Сцяг перамогі. – 2013. – 1 февраля

(<http://www.lioznonews.by/society>).

¹⁴ Цыганкова, Г. Из Узбекистана – в Беларусь

//Родная ніва. – 2012. – 4 апреля

(<http://www.rodniya.by/2012/04/iz-uzbekistana-v-belaru>).

¹⁵ Суэта, Е. Осиповичский узбек / Е. Суэта

//Асіповіцкі край. – 2013. – 23 сентября

([http://www.gzt-](http://www.gzt-akray.by/osipovichi/2013/09/osipovichskij-uzbek)

[akray.by/osipovichi/2013/09/osipovichskij-uzbek](http://www.gzt-akray.by/osipovichi/2013/09/osipovichskij-uzbek)).

адаптации мигрантов, описывая их достижения в бизнесе, искусстве, науке, образовании, белорусские СМИ способствуют созданию позитивного образа переселенцев из Средней Азии. Очевидно, с ростом численности мигрантов из среднеазиатских республик в Беларуси и в связи с расширением интеграционных процессов на евразийском пространстве, в чем заинтересовано белорусское государство, возрастет и общественное значение материалов, публикуемых в белорусских

СМИ. Учитывая во многом негативный опыт общественного восприятия мигрантов в государствах Западной Европы, сформированный не без усилий западных масс-медиа, и все более обостряющиеся отношения европейцев с мигрантами, конструктивный подход и очевидная польза белорусских СМИ заслуживает особого внимания.

Шейбак В.В.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Том 1

Издание второе, исправленное и дополненное

ISBN 978-5-4211-0172-7

Подписано к печати 19.12.2016

Формат 76x108 1/16

Усл.печ.л. 36,0 Уч.-изд.л. 41,7

Тираж 500 экз. Заказ N104

УОП ИЭА РАН

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А